

COLLOQUIA RUSSICA

Series I, vol. 7

RUS' AND THE WORLD OF THE NOMADS (THE SECOND HALF OF THE 9TH – 16TH C.)

Publication from the 7th
International Scientific Conference,
Plzeň, 23th–26th November, 2016

Editor
Vitaliy Nagirnyy

Krakow 2017

Editorial board:

Dariusz Dąbrowski (Bydgoszcz), Đura Hardi (Novi Sad),
Aleksy Martyniuk (Minsk), Adam Mesiarkin (Bratislava),
Vitaliy Nagirnyy (Krakow) – editor, Kinga Trzcińska (Krakow)
Pavel Vařeka (Plzeň), Myroslav Voloshchuk (Ivano-Frankivsk),
Barbara Żurek (Krakow) – editorial assistant

Advisers:

Aneta Gołębiowska-Tobiasz (Plzeň)
Borys Cheras (Kyiv)

Revision, translation and stenographic recording:

Magdalena Frączek, Marcin Klemenski, Andrea Königsmarková,
Halina Poslavska, Taťána Součková, Andriy Stasiuk

Desktop publishing:

Barbara Żurek

Cover design:

Barbara Żurek

On cover:

front page:

Miniature of *the Radziwiłł (Königsberg) Chronicle*

last page:

„Military confrontation of Rus’ and the Polovtsian Steppe
(the second half of the 11th – beginning of the 12th century)”, by Stysapan Tsemuschau

Editorial board might not share contributors views and their opinions

are not to be identified with Editorial board's outlook.

Copying and reprinting without written permission
from the Editorial board is forbidden

© Copyright by the Jagiellonian University
Krakow 2017

ISSN 2353–219X

Editorial board:

Zakład Historii Europy Wschodniej
Instytut Historii Uniwersytet Jagielloński
ul. Gołębia 13, p. 303, 31–007 Krakow

COLLOQUIA RUSSICA

Řada I, svazek 7

RUS A SVĚT KOČOVNÍKŮ (DRUHÁ POLOVINA IX. – XVI. ST.)

Materiály ze VII. Mezinárodní
vědecké konference,
Plzeň, 23.–26. listopadu 2016 r.

**Vědecký redaktor
Vitaliy Nagirnyy**

Krakov 2017

COLLOQUIA RUSSICA

Серия I, том 7

РУСЬ И МИР КОЧЕВНИКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА IX – XVI ВВ.)

Материалы VII Международной
научной конференции,
Пльзень, 23–26 ноября 2016 г.

**Научный редактор
Виталий Нагирный**

Краков 2017

Contents

Preface	13
Předmluva	16
Предисловие	19
The list of the participants of the conference	23
The welcoming speech by the Head of the Department of Germanic and Slavic Studies, Mgr. Andrea Königsmarková, PhD. and the Dean of the Faculty of Philosophy and Arts University of West Bohemia, Doc. PhDr. Pavel Vařeka, PhD	27
CHAPTER I: STUDIES	
Алексей Комар, <i>Между Русью и Хазарией: Днепровское Левобережье IX века в свете современной археологии</i>	31
Kathryn A. Haley-Halinski, <i>Paths of Belonging: Nomadic Identity and Ritual Place in the Rus' Funeral of Ibn Fadlan</i>	45
Дарья Глебова, <i>Загадка как нарративный прием в Повести временных лет: хазарская дань и византийский визит княгини Ольги</i>	55
Martin Bürger, <i>K otázce vzniku státu východních Slovanů a Volžských Bulharů</i>	63
Наталья Хамайко, <i>Кочевнические элементы в материальной культуре Руси X века (на примере погребений Шестовицкого могильника)</i>	71
Алевтина Плешивенко, <i>Русь и печенеги в свете археологических памятников Нижнего Поднепровья</i>	87
Алексей Мартынюк, <i>Народ ан-н.бариййа у ал-Идриси: прямое прочтение источника</i>	115
Степан Темушев, <i>География и динамика половецких набегов на Русь (вторая половина XI – начало XIII века)</i>	125

Каролина Гуревич, <i>Половецкие патронимы в древнейших русских летописях: генеалогия половецкого рода, взаимодействующего с Русью, и „долголетие” половецких князей</i>	141
Nataliia Rudyka, <i>Rus' influence on Cumans' jewellery (on example of earrings)</i> .	153
Радослав Ливох, <i>Позднекочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Каталог артефактов (выбор)</i>	163
Анета Голембовская-Тобиаш, <i>Позднекочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Сравнительный анализ</i>	179
Александр Парахин, <i>Русско-половецкие отношения начала XIII века в представлении восточного автора (половцы и русские в рассказе Ибн-ал-Биби)</i>	203
Marek Druga, <i>Kumáni na hraniciach kultúr: k otázke ich postavenia a vnímania počas mongolského vpádu v Uhorsku a na Rusi</i>	211
Моника Каминьская, <i>Массовые захоронения времён монгольского нашествия в Центрально-Восточной Европе</i>	221
Андрей Стасюк, <i>Монгольское нашествие на Русь 1240–1241 гг. и францисканские мученики на страницах Annales Minorum Люка Ваддингса</i> ...	233
Дюра Гарди, <i>Матримониальная политика венгерского короля Бель IV как ответ на монгольскую опасность</i>	239
Pavel Smrž, <i>Mongolové a rusko-livonské obchodní vztahy ve 13. století</i>	249
Роман Хаутала, <i>Русские летописи о религиозной политике хана Узбека (1313–1341) и его отношениях с княжествами Северо-Восточной Руси</i>	259
Sven Jaros, <i>Between the East and West. Crown Ruthenia between the Golden Horde and the rising power of the Polish Kingdom</i>	281
Андрей Федорук, <i>Начало „великой пороховой революции” в землях Руси и Золотой Орды</i>	291
Мария Лавренченко, <i>Побратимство в средневековой Руси: влияние традиций и их восприятие</i>	313
Анатолий Кузь, <i>Русские и татарские рабы в Крыму: из истории генуэзской работорговли XIV–XV веков</i>	325
Оксана Господаренко, <i>Илliche – генуэзский замок в низовьях Днепра: к проблеме итальянско-ордынской торговли в XIV–XV веках</i>	339
Светлана Валиулина, <i>Русские в татарском городе XV века и ноги у его стен: проблема межкультурного взаимодействия по материалам раскопок города Торецкое</i>	351
Владислав Гулевич, <i>Несколько наблюдений относительно проблемы „пожалования” русских земель Казимиру IV в ярлыках крымских ханов Хаджи Гирея 1461 г. и Менгли Гирея 1472 г.</i>	369

Константин Святнюк, <i>Литовско-польские упоминки Крымскому ханству в 1500–1540 гг.: к проблеме изучения механизма выплат</i>	379
Родион Попель, <i>Киевская земля Великого княжества Литовского и татарские ханства: формы взаимодействий от XIV века до второй половины XVI века</i>	385
Борис Черкас, <i>Крымско-османская осада Черкасс в марте 1532 года</i>	397
Lukáš Rybár, <i>Astrachán a jej úloha v rusko-ázijskom obchode do roku 1556</i>	405
Рустам Бегеулов, <i>Северокавказские тюрки во взаимоотношениях с Московским государством в XVI веке</i>	413
Norbert Mika, <i>Tatarská otázka v politických misích císařských kurýrů a posílů k moskevskému dvoru v letech 1587–1589</i>	423
Tatána Součková, <i>Vliv mýtu o tatarském původu na dobový obraz Borise Godunova</i>	439

CHAPTER II: DEBATES

Debata I. <i>Enemy, mercenary, ally?: Rus' and the Polovtsians in the light of the chronicles and archeology</i>	451
Debata II. <i>The image of the Mongols and Tatars in the Rus' chronicles of the 13th–15th centuries</i>	461

CHAPTER III: LITERATURE REVIEW

Jarosław Dudek, <i>Chazarowie. Polityka, kultura religia. VII–XI w.</i> , Warszawa: PWN, 2016, 504 s. – Michał Beczek	473
Aleksander Paroń, <i>Pieczynowie. Koczownicy w krajobrazie politycznym i kulturowym średniowiecznej Europy</i> , Wrocław: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2015, 520 s. [Олександр Паронь, <i>Печеніги. Кочівники на політичному і культурному фоні середньовічної Європи</i> , Вроцлав: Інститут археології і етнології Польської Академії Наук, 2015, 520 с.] – Віталій Нагірний	474
Федор Успенский, Анна Литвина, <i>Русские имена половцев. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики</i> , отв. ред. Ю. В. Каргалицкий, Москва: Полимеда, 2013, 280 с. [Федір Успенський, Анна Літвіна, <i>Руські імена половців. Міждинастичні контакти через призму антропоніміки</i> , відп. ред. Ю. В. Каргицький, Москва: Полеміада, 2013, 280 с.] – Віталій Нагірний	475

Степан Темушев, *Налого и дань в Древней Руси*, Минск: Белорусский государственный университет, 2015, 278 с., [Stiepan Temuszew, *Podatki i dani-na w średniowiecznej Rusi*, Mińsk: Białoruski Państwowy Uniwersytet, 2015, 278 s.] – Arkadiusz Siwko 476

Богдан Томенчук, *Галич і Мала Галицька земля XII–XIII ст.: Історична топографія городищ*, Івано-Франківськ: Симфонія форте, 2016, 596 с. [Bogdan Tomenczuk, *Halicz i Mała ziemia halicka XII–XIII w. Topografia historyczna grodzisk*, Iwano-Frankiwnsk: Symfonia forte, 2016, 596 s.] – Vitaliy Nagirnyy 478

Dariusz Dąbrowski, *Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w.*, Kraków: Avalon, 2016, 412 s. [Даріуш Домбровський, *Король Русі Данило Романович. Про руську князівську родину, суспільство та культуру в XIII ст.*, Краків: Авалон, 2016, 412 с.] – Мирослав Волощук 479

Роман Хаутала, *От „Давида, царя Индий” до „ненавистного плебса Сатаны”*. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах, Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015, 496 с. (Серия: Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage, вып. 2) [Roman Hautala, *Od „Dawida, cesarza Indii” do „nienawisnego plebsu szatana”. Antologia wczesnych łacińskich wiadomości o Tataro-Mongolach*, Kazań: Instytut Historii im. Sz. Mardżani AN RT, 2015, 496 s. (Seria: Jazma Miras. Piśmiennicze dziedzictwo. Textual Heritage, t. 2)] – Norbert Mika 482

Александар Узелац, *Под сенком пса: Татари и јужнословенске земље у другој половини XIII века*, Београд: Утопија, 2015, 324 с. [Aleksandar Uzelac, *W cieniu psa. Tatarzy i ziemie południowosłowiańskie w drugiej połowie XIII wieku*, Belgrad: Utopia, 2015, 324 s.] – Norbert Mika 485

Владимир Рудаков, *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.*, Москва: Квадрига, 2014, 272 с. [Władimir Rudakow, *Mongolo-Tatarzy oczami staroruskich pisarzy połowy XIII–XV wieku*, Moskwa: Kwadryga, 2014, 272 s.] – Marcin Klemenski 490

Борис Черкас, *Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XV ст.)*, Київ: Інститут історії України НАН України, 2014, 386 с. [Борис Черкас, *Западные владения Улуса Джучи: политическая история, территориально-административное устройство, экономика, города (XIII–XV ст.)*, Киев: Інститут історії України НАН України, 2014, 386 с.] – Мирослав Волощук 491

Русь „після Русі”. Між короною і булавою. Українські землі від королівства Русі до війська запорозького, авт. кол. В. М. Горобець, М. М. Волощук, А. Г. Плахонін, Б. В. Черкас, К. Б. Галушко, Харків 2016, 352 с. – Юрій Довган 493

<i>Bitwa pod Orszą</i> , red. M. Nagielski, Warszawa: Neriton, 2016, 242 s. – Kamil Kaczor	495
Анвар Аксанов, <i>Казанское ханство и Московская Русь: межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования</i> , Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016, 288 с. – Рустам Берегулов	496
Юрый Бохан, Сцяпан Цемушаў, <i>Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да канца XV ст.</i> , Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2016, 168 с. [Jurij Bochan, Stiepan Temuszew, <i>Historia Białorusi od czasów najdawniejszych do końca XV w.</i> , Mińsk: Centrum Wydawnicze BPU, 2016, 168 s.] – Arkadiusz Siwko	498
Lukáš Rybár, <i>Širván a jeho postavenie v európskom obchode (16.–17. storočie)</i> , Bratislava: Katedra všeobecných dejín, 2014, 132 s. (Seria: <i>Acta historica Posoniensia</i> , vol. 26) [Лукаш Рибар, <i>Ширван и его статус в европейской торговле (XVI–XVII века)</i> , Братислава: Кафедра всемирной истории, 2014, 132 с. (Серия: <i>Acta historica Posoniensia</i> , т. 26)] – Адам Месяркин	499
<i>Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы</i> , вып. 9, ред. А. В. Мартынюк и Г. Я. Голенченко, Минск: Издательство РИВШ, 2016, 252 с. [<i>Studia Historica Europae Orientalis: Studia nad dziejami Europy Wschodniej</i> , red. A. W. Martyniuk i G. Ja. Golenchenko, Mińsk: Wydawnictwo RIWSH, 2016, 252 s.] – Marcin Klemenski	502
<i>Галич: Збірник наукових праць</i> , вип. 1, ред. М. Волощук, Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2016, 208 с. [<i>Halič: Zborník odborných prác</i> , т. 1, red. M. Vološčuk, Ivano-Frankivsk: Lileya-NV, 2016, 208 s.] – Viktor Adamovič	504
<i>Societas Historicorum</i> , nr 64: <i>Wydanie specjalne Colloquia Russica</i> , Kraków 2015, 46 s.; <i>Societas Historicorum</i> , nr 69: <i>Wydanie specjalne Colloquia Russica</i> , Kraków 2016, 56 s. – Магдалена Фрончек	506
Information about authores	509

Preface

In the present volume, the reader will be able to get acquainted with the materials of the VII International Scientific Conference from the *Colloquia Russica* series titled *Rus' and the World of the Nomads (the second half of the 9th–16th century)*, which took place on 23–26 November 2016 in Plzeň, Czech Republic. This time the organizers focused on the relations of Rus' with the nomads of the Steppe: the Khazars, Pechenegs, Torques, Berendeys, Polovtsians, Mongols and Tatars. Chronologically, the subject covered the period from the second half of the 9th to the end of the 16th century.

The conference was held on the basis of the Faculty of Philosophy of the Western Czech University in Plzeň, which was the main organizer of this scientific event. The Institute of History and the Club of the Students of History of the Jagiellonian University in Krakow (Poland), as well as the Center for Medieval Studies of the Vasyl Stefanyk Precarpathian National University in Ivano-Frankivsk (Ukraine), also took an active part in the organization.

During the conference, the participants had the opportunity to listen to the reports, combined into ten thematic sections, as well as five open lectures. Traditionally already, there were two round tables devoted to the most contentious issues of relations of Rus' principalities with nomads and presentation of the latest scientific publications on medieval Rus'. A new element was the section with posters called *Rus' and nomads in the light of archeology*. The working languages of the conference were the Czech, Slovak, English, and Russian. The reports were made by referents from the Czech Republic (Plzeň, Prague, Olomouc, Liberec), Poland (Krakow, Warsaw, Bydgoszcz, Wrocław, Racibor), Ukraine (Kyiv, Lviv, Ivano-Frankivsk, Chernivtsi, Zaporizhzhya, Mykolaiv), Belarus (Minsk), Russian Federation (Moscow, Kazan, Karachaevska), Slovakia (Bratislava, Nitra, Trnava), Hungary (Budapest), Serbia (Novi Sad), Turkey (Istanbul), Germany (Leipzig), Iceland (Reykjavík), Finland (Oulu). Public lectures were read by Fedor Uspensky (Moscow), Alevtyna Pleschyvenko (Zaporizhzhya), Roman Hautala (Oulu/Kazan), Svetlana Valiulina (Kazan) and Pavel Vařeka (Plzeň). The round table discussions included Aneta Gołębiowska-Tobiasz (Plzeň) and Fedor Uspenskiy (Moscow), as well as Igor Danilevskiy (Moscow) and Roman Hautala (Oulu/Kazan). Participants also had the opportunity to get acquainted with the

Western Czech University, the Old Town in Plzeň, the Western Czech Museum and the Beer Museum¹.

This volume includes: a welcome speech by prof. Pavel Vařeka, Dean of the Faculty of Philosophy, and Andrea Königsmarková, the Head of the Department of Germanic and Slavic Studies of the Western University, delivered at the opening of the conference; reports and lectures in the form of scientific articles with a summary in the working languages of the conference; transcripts of round tables; scientific chronicle, containing information about new publications in the history of medieval Rus'. At the end of the publication information about the authors is placed.

Separately, I want to sincerely thank everyone who contributed to the organization of the conference and the publication of this collection.

First of all, I want to express my gratitude to prof. Pavel Vařeka, Dean of the Faculty of Philosophy of the Western Czech University and prof. Sławomir Sprawski, Director of the Institute of History of the Jagiellonian University for financial support of the conference. For a great contribution to the solution of organizational issues, I want to thank PhD Andrea Königsmarková and others Aneta Gołębiowska-Tobiasz from the Western Czech University, as well as the prof. Myroslav Voloshchuk from the Precarpathian National University named after Vasyl Stefanyk. Special gratitude is deserved by students, post-graduate students and scientific workers who were actively involved in organizing of the conference: Zuzana Podlenová (Plzeň), Barbora Moricová (Plzeň), Zdeňka Špiclová (Plzeň), Jan Straka (Plzeň), Zuzana Struková (Plzeň), Eduard

¹ For more detailed information on the conference, see: Б. Черкас, *VII Міжнародна наукова конференція з серії Colloquia Rusica „Русь і світ кочівників (друга половина IX–XVI століття)”*, „Український історичний журнал”, 2017 (in print); К. Святнюк, *Русь і світ кочівників (друга половина IX–XVI століття)*. VII Міжнародна наукова конференція з серії Colloquia Russica, „Український історичний збірник”, Вип. 19, 2017, с. 473–474; С. Цемушаў, *Удзел супрацоўнікаў і студэнтаў БДУ ў міжнароднай канферэнцыі Colloquia Russica ў г. Пльзень Чэшскай рэспублікі*, [in:] <http://www.hist.bsu.by/by/930-belorususkij/inshae/navini-gl/7679-udzel-supratso-nika-i-studenta-bdu-u-mizhnarodnaj-kanferentsyi-colloquia-russica-g-plzen-cheshskajrespubliki.html> [21.09.2017]; Ф. Подберезкин, *Что общего у света со тьмою? (VII Международная научная конференция из серии Colloquia Russica: „Русь и мир кочевников (вторая половина IX – XVI в.)”, Пльзень, 23–26 ноября 2016 г.)*, „Studia Historica Europae Orientalis”, Вип. 10, 2017 (in print); А. Мартынюк, „Великий раскол” восточнославянской медиевистики: семь тезисов к дискуссии, „Studia Slavica et Balcanica Petropolitana”, 2017, № 1 (21), с. 150; А. Siwko, *O Rusi i koczownikach w stolicy piwa. VII konferencja z cyklu Colloquia Russica*, „Societas Historicorum”, 73, 2017 (in print); І. Тимар, *Звіт з VII-ї Міжнародної конференції Colloquia Russica „Русь і світ кочівників (друга половина IX – XVI ст.)”*, „Студентські Історичні Зошити”, 9, 2017, с. 104–105.

Suzanskii (Plzeň), Anna Pismak (Plzeň), Iuliia Vlasova (Plzeň), Darya Zianko (Plzeň), Taťána Součková (Trnava), Barbara Žurek (Krakow), Arkadiusz Siwko (Krakow).

I express special gratitude to all those who worked on the publication of the seventh volume of *Colloquia Russica*. Among them: Barbara Žurek (Krakow), Kinga Trzcińska (Krakow), Magdalena Frączek (Krakow), Arkadiusz Siwko (Krakow), Marcin Klemenski (Krakow), Adam Szczepaniec (Krakow), Andrea Königsmarková (Plzeň), Halina Poslavska (Ivano-Frankiwnsk), Andriy Stasyuk (Halych–Iwano-Frankiwnsk), Taťána Součková (Trnava), Stsiapan Tsemushau (Minsk).

I express my appreciation to the reviewers of the volume: Borys Cherkas (Kyiv) and Aneta Gołębiowska-Tobiasz (Plzeň) for valuable comments.

Publication of the seventh volume of *Colloquia Russica. Series I* became possible thanks to the financial support of the Directorate of the Institute of History and the Council of Scientific Societies of Jagiellonian University, as well as the Foundation „Bratniak” – for which I express great gratitude on behalf of the editorial staff.

Vitaliy Nagirnyy

Předmluva

Ve sborníku se čtenář bude moci seznámit s materiály VI. Mezinárodní vědecké konference z řady *Colloquia Russica* s názvem *Rus a svět kočovníků*“ (*druhá polovina IX.–XVI. století*), která se konala 23.–26. listopadu 2016 v Plzni v České republice. Tentokrát se organizátoři zaměřili na vztahy Rusi se stepními kočovníky: Chazary, Pečeněhy, Mudžáhedíny, Berenději, Polovci, Mongoly a Tatary. Chronologické rozpětí příspěvků pokrývalo období od druhé poloviny 9. století do konce 16. století.

Konference se konala na půdě Filozofické fakulty Západočeské univerzity v Plzni, která byla hlavním organizátorem tohoto vědeckého setkání. Na organizaci se také aktivně podíleli Historický ústav a Spolek studentů historie Jagellonské univerzity v Krakově (Polsko) a dále Centrum medievalistických studií Příkarpatské státní univerzity Vasyly Stefanyka v Ivano-Frankivsku (Ukrajina).

V průběhu konference měli účastníci možnost vyslechnout příspěvky rozdělené do deseti tematických sekcí a pět plenárních přednášek. Již tradičně se konaly dva kulaté stoly věnované nejspornějším otázkám vztahů ruských knížectví s kočovníky a dále prezentacím nejnovějších vědeckých publikací o středověké Rusi. Novým prvkem se stala posterová sekce nazvaná *Rus a kočovníci ve světle archeologie*. Jednacími jazyky konference byly český, slovenský, anglický a ruský jazyk. S referáty vystoupili účastníci z České republiky (Plzeň, Praha, Olomouc, Liberec), Polska (Krakov, Varšava, Bydgošť, Vratislav, Raczybor), Ukrajiny (Kyjev, Lvov, Ivano-Frankivsk, Černovice, Záporoží, Mykolajiv), Běloruska (Minsk), Ruska (Moskva, Kazaň, Karačajevsk), Slovenska (Bratislava, Nitra, Trnava), Maďarska (Budapešť), Srbska (Novi Sad), Turecka (Istanbul), Německa (Lipsko), Islandu (Reykjavík) a Finska (Oulu). Plenární přednášky přednesli Fedor Uspenskiy (Moskva), Alevtyna Pleschyvenko (Záporoží), Roman Hautala (Oulu/Kazaň), Svetlana Valiulina (Kazaň) a Pavel Vařeka (Plzeň). Pozvání ke kulatým stolům přijali Aneta Gołębiowska-Tobiasz (Plzeň), Fedor Uspenskiy (Moskva) a také Igor Danilevskiy (Moskva) spolu s Romanem Hautalou (Oulu/Kazaň). Účastníci měli rovněž možnost poznat Západočeskou univerzitu a plzeňské staré město a také navštívit Západočeské muzeum a Muzeum piva¹.

¹ Blíže o konferenci, viz: Б. Черкас, *VII Міжнародна наукова конференція з серії Colloquia Russica „Русь і світ кочівників (друга половина IX–XVI століття)”*, „Український історичний журнал”, 2017 (v tisku); К. Святнюк, *Русь і світ кочівників (друга половина IX–XVI століття). VII Міжнародна наукова конференція з серії Colloquia Russica*, „Український історичний збірник”.

Ve sborníku jsou publikovány: uvítací proslovy prof. Pavla Vařeky, děkana Filozofické fakulty, a dr. Andrey Königsmarkové, vedoucí Katedry germanistiky a slavistiky Západočeské univerzity, pronesené při zahájení konference; příspěvky a přednášky ve formě vědeckých statí s resumé v jednacích jazycích konference; stenografické přepisy jednání kulatých stolů; vědeckou kroniku obsahující zprávy o nových publikacích z oblasti historie středověké Rusi. V závěru svazku jsou uvedeny informace o autorech.

Chci upřímně poděkovat všem, kteří se podíleli na organizaci konference a vydání tohoto sborníku.

Nejprve bych rád poděkoval prof. Pavlu Vařekovi, děkanovi Filozofické fakulty Západočeské univerzity a dr. hab. Sławomiru Sprawskému, řediteli Historického ústavu Jagellonské univerzity, za finanční podporu konference. Za velký přínos v řešení organizačních otázek chci poděkovat dr. Andree Königsmarkové a dr. Anetě Gołębiowské -Tobiasz ze Západočeské univerzity a také prof. Myroslavu Voloshchukovi z Příkarpatské univerzity Vasyla Stefanyka. Zvláštní poděkování patří studentům, doktorandům a vědeckým pracovníkům, kteří se aktivně podíleli na organizaci konference: Zuzana Podlenová (Plzeň), Barbora Moricová (Plzeň), Zdeňka Špiclová (Plzeň), Jan Straka (Plzeň), Zuzana Struková (Plzeň), Eduard Suzanskii (Plzeň), Anna Pismak (Plzeň), Iuliia Vlasova (Plzeň), Darya Zianko (Plzeň), Taťána Součková (Trnava), Barbara Żurek (Krakov), Arkadiusz Siwko (Krakov).

Obzvláště děkuji všem, kteří připravovali vydání sedmého svazku *Colloquia Russica*: Barbara Żurek (Krakov), Kinga Trzcińska (Krakov), Magdalena Frączek (Krakov), Arkadiusz Siwko (Krakov), Marcin Klemenski (Krakov), Adam Szczepaniec (Krakov), Andrea Königsmarková (Plzeň), Halina Poslavska (Ivano-Frankivsk), Andriy Stasyuk (Halič – Ivano-Frankivsk), Taťána Součková (Trnava), Stsiapan Tsemushau (Minsk).

Děkuji recenzentům sborníku, Borysu Cherkasu (Kyjev) a Anetě Gołębiowské -Tobiasz (Plzeň), za cenné rady.

Вип. 19, 2017, с. 473–474; С. Цемушаў, *Удзел супрацоўнікаў і студэнтаў БДУ у міжнароднай канферэнцыі Colloquia Russica ў г. Пльзень Чэшскай рэспублікі*, [in:] <http://www.hist.bsu.by/by/by/930-belorusskij/inshae/navini-gl/7679-udzel-supratso-nika-i-studenta-bdu-u-mizhnarodnaj-kanferentsyi-colloquia-russica-g-plzen-cheshskajrespubliki.html> [21.09.2017]; Ф. Подберезкин, *Что общего у света со тьмою? (VII Международная научная конференция из серии Colloquia Russica: „Русь и мир кочевников (вторая половина IX–XVI в.)”, Пльзень, 23–26 ноября 2016 г.)*, „Studia Historica Europae Orientalis”, Вып. 10, 2017 (в тиску); А. Мартынюк, „Великий раскол” восточнославянской медиэвистики: семь тезисов к дискуссии, „Studia Slavica et Balcanica Petropolitana”, 2017, № 1 (21), с. 150; A. Siwko, *O Rusi i koczownikach w stolicy piwa. VII konferencja z cyklu Colloquia Russica*, „Societas Historicorum”, 73, 2017 (в тиску); I. Тимар, *Звіт з VII-ї Міжнародної конференції Colloquia Russica „Русь і світ кочівників (друга половина IX–XVI ст.)”*, „Студентські Історичні Зошити”, 9, 2017, с. 104–105.

Vydání sedmého pokračování sborníku *Colloquia Russica. Series I* bylo umožněno díky finanční podpoře vedení Historického ústavu a Rady vědeckých spolků Jagellonské univerzity a také nadaci „Bratniak“ – za což jim jménem redakce velice děkuji.

Vitaliy Nagirnyy

Предисловие

В настоящем томе Читатель сможет ознакомиться с материалами VII Международной научной конференции из серии *Colloquia Russica* под названием *Русь и мир кочевников (вторая половина IX–XVI вв.)*, происходившей 23–26 ноября 2016 г. в г. Пльзень в Чехии. На этот раз организаторы основное внимание отделили рассмотрению отношений Руси с кочевниками Степи: хазарами, печенегами, торками, берендеями, половцами, монголами и татарами. В хронологическом отношении тематика охватила период со второй половины IX до конца XVI века.

Конференция проведена на базе Философского факультета Западночешского университета в Пльзене, который был основным организатором научного мероприятия. Активное участие в организации приняли также Институт истории и Научное общество студентов-историков Ягеллонского университета в Кракове (Польша), а также Центр Медиевистических студий Прикарпатского Национального университета имени Василия Стефаныка в Ивано-Франковске (Украина).

Во время конференции участники имели возможность прослушать доклады, объединенные в десять тематических секций, а также пять открытых лекций. Уже традиционно имели место два круглых стола, посвященных наиболее спорным вопросам отношений русских княжеств с кочевниками, и презентация новейших научных изданий о средневековой Руси. Новым элементом стала секция с постерами под названием *Русь и кочевники в свете археологии*. Рабочими языками конференции были: чешский, словацкий, английский и русский. С докладами выступили референты из Чехии (Пльзень, Прага, Оломоуц, Либерец), Польши (Краков, Варшава, Быдгощ, Вроцлав, Рацибор), Украины (Киев, Львов, Ивано-Франковск, Черновцы, Запорожье, Николаев), Беларуси (Минск), России (Москва, Казань, Карачаевск), Словакии (Братислава, Нитра, Трнава), Венгрии (Будапешт), Сербии (Новый Сад), Турции (Стамбул), Германии (Лейпциг), Исландии (Рейкьявик), Финляндии (Оулу). Открытые лекции прочитали Фёдор Успенский (Москва), Алевтина Плешивенко (Запорожье), Роман Хаутала (Оулу/Казань), Светлана Валиулина (Казань) и Павел Важека (Пльзень). В круглых столах участие приняли Анета Голембовская-Тобиаш (Пльзень) и Фёдор Успенский (Москва), а также Игорь Данилевский (Москва) и Роман Хаутала (Оулу/Казань).

Участники также имели возможность ознакомиться с Западночешским университетом, Старым городом в Пльзене, Западночешским музеем и Музеем пива¹.

Настоящий том включает в себя: приветственную речь проф. Павла Важеки, декана Философского факультета и др. Андреи Кёнигсмарковой, заведующей кафедрой германистики и славистики Западночешского университета, произнесенную на открытии конференции; доклады и лекции в виде научных статей с резюме на рабочих языках конференции; стенограммы круглых столов; научную хронику, содержащую информацию о новых публикациях в области истории средневековой Руси. В конце издания помещены сведения об авторах.

Отдельно хочу искренне поблагодарить всех, кто сделал свой вклад в организацию конференции и издание этого сборника.

Прежде всего, хочу выразить признательность проф. Павлу Важеке, декану Философского факультета Западночешского университета и др. габ. Славомиру Справскому, директору Института истории Ягеллонского университета за финансовую поддержку конференции. За большой вклад в решение организационных вопросов хочу поблагодарить др. Андрею Кёнигсмаркову и др. Анету Голембьовскую-Тобиаш с Западночешского университета, а также д. и. н. Мирослава Волощука из Прикарпатского университета имени Василия Стефаныка. Особой признательности заслуживают студенты, аспиранты и научные работники, активно занимавшиеся организацией конференции: Зузана Подленова (Пльзень), Барбара Морыцова (Пльзень), Зденка Шпицлова (Пльзень), Ян Страка (Пльзень),

¹ Шире о конференції, см.: Б. Черкас, *VII Міжнародна наукова конференція з серії Colloquia Russica „Русь і світ кочівників (друга половина IX–XVI століття)”*, „Український історичний журнал”, 2017 (в печати); К. Святнюк, *Русь і світ кочівників (друга половина IX–XVI століття). VII Міжнародна наукова конференція з серії Colloquia Russica*, „Український історичний збірник”, Вип. 19, 2017, с. 473–474; С. Цемуша, *Удзел супрацоўнікаў і студэнтаў БДУ у міжнароднай канферэнцыі Colloquia Russica ў г. Пльзень Чэшскай рэспублікі*, [in:] <http://www.hist.bsu.by/by/by/930-belorusskij/inshae/navini-gl/7679-udzel-supratso-nika-i-studenta-bdu-u-mizhnarodnaj-kanferentsyi-colloquia-russica-g-plzen-cheshskajrespubliki.html> [21.09.2017]; Ф. Подберезкин, *Что общего у света со тьмою? (VII Международная научная конференция из серии Colloquia Russica: „Русь и мир кочевников (вторая половина IX–XVI в.)”*, Пльзень, 23–26 ноября 2016 г.), „Studia Historica Europae Orientalis”, Вип. 10, 2017 (в печати); А. Мартынюк, *„Великий раскол” восточнославянской медиевистики: семь тезисов к дискуссии*, „Studia Slavica et Balcanica Petropolitana”, 2017, № 1 (21), с. 150; А. Siwko, *O Rusi i koczownikach w stolicy piwa. VII konferencja z cyklu Colloquia Russica*, „Societas Historicorum”, 73, 2017 (в печати); І. Тимар, *Звіт з VII-ї Міжнародної конференції Colloquia Russica „Русь і світ кочівників (друга половина IX–XVI ст.)”*, „Студентські Історичні Зошити”, 9, 2017, с. 104–105.

Зузана Струкова (Пльзень), Эдуард Сузанский (Пльзень), Анна Писмак (Пльзень), Юлия Власова (Пльзень), Дарья Зянко (Пльзень), Татьяна Соучкова (Трнава), Барбара Журек (Краков), Аркадиуш Сивко (Краков).

Особую благодарность выражаю всем, кто работал над изданием седьмого тома *Colloquia Russica*. Среди них: Барбара Журек (Краков), Кинга Тщинская (Краков), Магдалена Фрончек (Краков), Аркадиуш Сивко (Краков), Марчин Клеменский (Краков), Адам Щепанец (Краков), Андреа Кёнигсмаркова (Пльзень), Галина Пославская (Ивано-Франковск), Андрей Стасюк (Галич-Ивано-Франковск), Татьяна Соучкова (Трнава), Степан Темушев (Минск).

Выражаю признательность рецензентам тома: Борису Черкасу (Киев) и Анете Голембьовской-Тобиаш (Пльзень) за ценные замечания.

Издание седьмого тома *Colloquia Russica. Series I* стало возможным благодаря финансовой поддержке Дирекции Института истории и Совета Научных Обществ Ягеллонского университета, а также Фондации „Bratniak” – за что от имени редакции выражаю им огромную благодарность.

Виталий Нагирный

te list of the participants of the conference

Begeulov Rustam (Береулов Рустам), Karacay-Circassian State university named after U. D. Aliev, Karachaevsk, Russian Federation

Bürger Martin, Charles University, Prague, Czech Republic

Cherkas Borys (Черкас Борис), National Pedagogical Dragomanov University; Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine

Dąbrowski Dariusz, Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland

Danilevskiy Igor (Данилевский Игорь), Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russian Federation

Demjančuk Nikolaj, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic

Dovgan Yurii (Довган Юрій), Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ivano-Frankivsk, Ukraine

Druga Marek, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

Eminova Adile, Istanbul 29 Mayis university, İstanbul, Turkey

Fedoruk Andrii (Федорук Андрій), Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Chernivtsi, Ukraine

Glebova Daria, University of Iceland, Reykjavík, Island

Gołębiowska-Tobiasz Aneta, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic

Gospodarenko Oksana (Господаренко Оксана), Mykolaiv National University named after Vasyl Suchomlinsky, Mykolaiv, Ukraine

Gulevych Vladyslav (Гулевич Владислав), Ukrainian Institute of Archaeography and Source Studies M. S. Grushevsky of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine

Gurevich Karolina, Central European University, Budapest, Hungary

Haley-Halinski Kathryn Ania, University of Iceland, Reykjavík, Iceland; University of Oslo, Oslo, Norway

Hardi Đura (Гарди Дюра), University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia

Hautala Roman (Хаутала Роман), University of Oulu, Oulu, Finland; Shigabudin Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

Jaros Sven, Leipzig University, Leipzig, Germany

Jusupović Adrian, Tadeusz Manteuffel Institute of History of the Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Kamińska Monika, Jagiellonian University, Krakow, Poland

Khamaiko Natalia (Хамайко Наталія), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine

Komar Oleksii (Комар Олексій), Institute of Archaeology National Academy of Science of Ukraine, Kyiv, Ukraine

Königsmarková Andrea, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic

Kuz Anatolii (Кузь Анатолій), Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Chernivtsi, Ukraine

Lavrenchenko Maria (Лавренченко Марія), Shchusev Museum of Architecture; Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Liwoch Radosław, Archaeological Museum, Krakow, Poland

Martyniuk Aleksey (Мартынюк Алексей), Belarusian State University, Minsk, Belarus

Mesiarkin Adam, Comenius University, Bratislava, Slovakia

Mika Ewa, Centre of Historical Studies, Warsaw, Poland

Mika Norbert, Centre of Historical Studies, Warsaw, Poland

Moricová Barbora, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic

Nagirnyy Vitaliy, Jagiellonian University, Krakow, Poland

Orlova Olena (Орлова Олена), Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine

Padbiarozkin Pilip (Падбярозкін Піліп), Belarusian State University, Minsk, Belarus

Parakhin Aliaksandr (Парахін Аляксандр), Belarusian State University, Minsk, Belarus

Paroń Aleksander, Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, Branch Wrocław, Wrocław, Poland

Pismak Anna, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic

Pleschyvenko Alevtyna (Плешивенко Алевтина), Zaporizhzhya Regional Centre of Cultural Heritage, Zaporizhzhya, Ukraine

Podlenová Zuzana, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic

Popel Radzivon (Попель Радзівон), National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

Rudyka Nataliia (Рудика Наталія), National Centre for Monument Studies under National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Association for Protection of Historical and Cultural Monuments, Kyiv, Ukraine

Rybár Lukáš, Comenius University, Bratislava, Slovakia

Siwko Arkadiusz, Jagiellonian University, Krakow, Poland

Skochylas Ihor (Скочилас Ігор), Ukrainian Catholic University, Lviv, Ukraine

-
- Smrž Pavel, Technical University of Liberec, Liberec, Czech Republic
 Součková Tatána, University of ss. Cyril and Methodius, Trnava, Slovakia
 Špiclová Zdeňka, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic
 Sroka Stanisław Andrzej, Jagiellonian University, Krakow, Poland
 Stasyuk Andriy (Стасюк Андрій), National reserve „Davniy Halych”, Halych;
 Centrum Studiorum Mediaevalium of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ivano-Frankivsk, Ukraine
 Straka Jan, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic
 Struková Zuzana, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic
 Suzanskii Eduard, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic
 Sviatniuk Kostiantyn (Святнюк Костянтин), National Pedagogical Dragomanov University, Kyiv, Ukraine
 Tsemushau Stsiapan (Цемушаў Сцяпан), Belarusian State University, Minsk, Belarus
 Tymar Iryna (Тимар Ирина), Centrum Studiorum Mediaevalium of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ivano-Frankivsk, Ukraine
 Uspenskiy Fedor (Успенский Фёдор), Institute of Slavonic Studies, Russian Academy of Sciences; Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russian Federation
 Valiulin Raschid (Валиулин Рашид), Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
 Valiulina Svetlana (Валиулина Светлана), Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
 Vařeka Pavel, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic
 Vlasova Iuliia, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic
 Voloshchuk Myroslav (Волошук Мирослав), Centrum Studiorum Mediaevalium of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ivano-Frankivsk, Ukraine
 Voytovych Leontiy (Войтович Леонтій), Ivan Franko National University, Lviv, Ukraine
 Wesołowski Piotr, Toruń, Poland
 Yakumenko Viktor (Якименко Віктор), Ukrainian Catholic University, Lviv, Ukraine
 Zianko Darya, University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic

he welcoming speech

by the Head of the Department of Germanic and Slavic Studies,
Mgr. Andrea Königsmarková, PhD. and the Dean of the Faculty of Philosophy
and Arts University of West Bohemia, Doc. PhD. Pavel Vařeka, PhD

Vážené Kolegyně, vážení Kolegové,

jsme velice rádi, že dějištěm sedmého ročníku konference *Colloquia Russica* se mohla stát právě Fakulta filozofická Západočeské univerzity v Plzni. Vnímáme konferenci jako vynikající příležitost pro historiky, archeology, etnology, historiky umění, jazykovědce a badatele z celé řady dalších příbuzných nebo hraničních oborů diskutovat na vymezené téma, pro mladé kolegy pak získat zkušenost z mezinárodního vědeckého prostředí a v neposlední řadě i neformálně navázat kontakty se spřízněnými, ale často geograficky vzdálenými pracovišti.

Takové platformy podporuje právě fakultní nové Centrum pro výzkum společnosti moderní doby, které ve své základní myšlence usiluje o interdisciplinaritu v mezinárodním kontextu a o aktualizaci obsahů výzkumů humanitních a společenskovědních disciplín ve vztahu k současné společnosti.

Se zájmem jsme proto sledovali, jak účastníci konference rozvíjejí v jednotlivých panelech a debatách její téma „Rus a svět kočovníků“ zahrnující příspěvky k vzájemnému vlivu kočovnického prostředí a středověké Rusi, ovlivňování jejich společnosti a kultury a jak se tyto vlivy projevují také v dalších oblastech východní i východní střední Evropy. Interdisciplinární rámec umožnil komparaci výpovědí různých druhů pramenů, které přinesly řadu nových odpovědí a otevřely nové obzory pro další bádání. Nová zjištění v často nečekaných kontextech byla prezentována účastníkům v rámci problematiky soužití kočovných etnik a skupin s usedlým obyvatelstvem, např. svědectví o mísení kulturních, jazykových a náboženských vlivů představovalo inspirující poselství konference překračujícím hranice akademické sféry.

Aktuálnost zvoleného tématu potvrzuje i široká mezinárodní účast: těší nás, že v rámci celého programu konference se zapojilo na 60 aktivních účastníků z 12 zemí, a akce se tak zařadila mezi významné události roku, kdy si Západočeská univerzita v Plzni připomínala 25. výročí svého vzniku.

Výbornou zkušenost přinesla i spolupráce na přípravě konference s kolegy z Jagelonské univerzity v Krakově. Z české strany se v rámci podpory grantu Západočeské univerzity (SVK1–2016–028) zapojil tým složený z akademiků a studentů napříč katedrami archeologie, germanistiky a slavistiky, filozofie, antropologie, aby vytvořil příjemné zázemí pro všechny hosty. Díky intenzivní a harmonické spolupráci obou institucí vznikla tvůrčí, ničím nerušená atmosféra, která vyznění celé jen konference podpořila.

Na tomto místě využíváme ještě jednou příležitosti, abychom poděkovali všem, kteří se o průběh, přínos i mezinárodní ohlas konference zasloužili. Přejeme našim hostům, spolupracovníkům, přátelům mnoho badatelských úspěchů v rámci podnětných a společensky potřebných témat i příležitostí k jejich kvalitní prezentaci.

Sérii *Collquia Russica* pak přejeme další úspěšná pokračování, trvalý zájem vědecké obce i celou řadu zanícených referentů. A budeme se těšit na opětovná setkávání.

Za Fakultu filozofickou Západočeské univerzity v Plzni

*Mgr. Andrea Königsmarková, Ph.D.,
vedoucí katedry germanistiky a slavistiky
Fakulty filozofické Západočeské univerzity
v Plzni*

*Doc. PhDr. Pavel Vařeka, Ph.D.,
děkan Fakulty filozofické
Západočeské univerzity v Plzni*

CHAPTER I
SCOTTISH

Алексей Комар
(Киев)

Между Русью и Хазарией: Днепроовское Левобережье IX века в свете современной археологии

Письменные источники содержат крайне мало информации об исторических событиях IX века в Поднепровье, когда Русь впервые появилась на политической арене. Ресурс этих источников уже давно исчерпан. Новые данные могут быть получены только путем анализа археологических источников, имеющих тенденцию к постоянному накоплению. В контексте проблемы взаимоотношений ранней Руси и Хазарии основной интерес в настоящее время концентрируется на нескольких группах „археологических событий”. Наиболее важные из них – катастрофический финал волынцевской археологической культуры в начале IX века и резкие изменения ареала распространения арабских дирхемов в Восточной Европе около 812–816 гг. Изменения в развитии материальной культуры славянских племен в Левобережном Поднепровье в IX веке маркируют резкое снижение хазарского влияния, что может быть связано с рядом политических и экономических событий в процессе формирования древнерусского раннегосударственного объединения.

Непросто отыскать пример другого исторического периода, о котором было бы известно так мало, но написано так много, как о IX веке в истории Руси и Восточной Европы в целом. Диспропорция объема фактических данных источников и аналитических работ просто огромна, а количество взаимоисключающих концепций, пожалуй, давно перешло разумные рамки. Модификации старомодных „норманизма” и „антинорманизма” постепенно обособились в самостоятельные современные историографические направления, в свою очередь, дробящиеся далее, накапливая всё новые точки расхождений между исследователями.

В обобщающих, монографических и диссертационных работах начальных десятилетий XXI века весь спектр таких расхождений в концептуальных и ме-

тодических подходах представлен особенно ярко¹. Заметно эволюционировали и оценки достоверности древнейшей части сообщений *Повести временных лет* – от безусловного доверия повествованию до его восприятия лишь как поздней компиляции топонимических легенд с греческими хронографами и криптоцитами из христианских религиозных текстов. При жестком критическом подходе от событийной канвы истории Руси IX века и вовсе остаются всего два достоверно верифицированных события – посольство русов 838–839 гг. в Византию и затем в Ингельхайм в 839 г., а также нападение флота на Константинополь в 860 г. Что же происходило ранее 838 г. или в промежутке 839–860 гг. – реконструируется исключительно благодаря догадкам или моделированию по аналогиям.

Несмотря на крайнюю лаконичность сведений письменных источников о периоде, полноценное привлечение данных археологии происходит медленно, прежде всего, из-за специфики процедуры трансформации „археологических фактов” в исторические, требующей уверенной и максимально узкой хронологизации материала. Последнее же не всегда объективно возможно при ограниченности хронологических маркеров в комплексах. „Широкие” даты оставляют лазейки для серьезных сдвигов „археологических событий” во времени, понижая тем самым

¹ См.: А. В. Назаренко, *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей X–XII вв.*, Москва 2001; М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв.*, Санкт-Петербург 2003; И. Н. Данилевский, *Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов*, Москва 2004; А. А. Горский, *Русь: От славянского расселения до Московского царства*, Москва 2004; W. Duczko, *Viking Rus: Studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe*, Leiden–Boston 2004; В. В. Енуков, *Славяне до Рюриковичей*, Курск 2005; А. Н. Сахаров, *Древняя Русь на путях к „Третьему Риму”*, Москва 2006; А. С. Щавелев, *Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян*, Москва 2007; Л. С. Клейн, *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*, Санкт-Петербург 2009; Е. А. Шинаков, *Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект*, Москва 2009; В. Я. Петрухин, *„Русь и все языки”. Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки*, Москва 2011; *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*, Москва–Вологда 2012; И. Я. Фроянов, *Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть*, Москва 2012; П. П. Толочко, *Ранняя Русь. История и археология*, Санкт-Петербург 2013; О. Моця, *Дніпровська Русь*, Київ 2013; В. Я. Петрухин, *Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры*, Москва 2014; Т. М. Калинина, В. С. Флёров, В. Я. Петрухин, *Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры*, Москва 2014; В. А. Шорохов, *Внешний фактор в истории Руси в конце VIII – середине IX в.: диссертация ... кандидата исторических наук*, Санкт-Петербург 2014; А. П. Толочко, *Очерки начальной Руси*, Киев 2015; Т. Вікул, *Літопис і хронограф: Студії з текстологічного домонгольського київського літописання*, Київ 2015; П. П. Толочко, *Откуда пошла Русская земля*, Киев 2016 и др. Отдельные линии представляют маргинальные концепции о „балто-славянском”, „сармато-аланском”, „гото-аланском” происхождении Руси: *Сборник Русского исторического общества*, т. 8 (156): *Антинорманизм*, Москва 2003; Е. С. Галкина, А. М. Родригес, *Кочевая периферия восточных славян и Руси: этнополитические процессы*, Москва 2003; Я. Л. Радомский, *Этнический состав Причерноморской Руси: диссертация ... кандидата исторических наук*, Москва, 2004; В. В. Фомин, *Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу*, Москва 2005; В. В. Фомин, *Начальная история Руси*, Москва 2008; *Изгнание норманнов из русской истории*, Москва 2010; Е. С. Галкина, *Русский каганат. Без хазар и норманнов*, Москва 2012; В. В. Фомин, *Гольф конунг: Норманизм как диагноз*, Москва 2013 и др.

значение археологических источников для реконструкции событийной картины прошлого. Отсюда, как только перед археологией возникает задача исторической реконструкции, первым шагом всегда выступает точное позиционирование исследуемых комплексов, памятников, явлений на абсолютной временной шкале. Только при достижении такового наблюдения из области материальной культуры уточняют содержание событий исторических или же позволяют констатировать новые факты, не известные ранее из письменных источников.

VIII век для ареала большинства славянских археологических культур Восточной Европы покажется на удивление спокойным и малонасыщенным примечательными изменениями. Исключение – формирование волынцевской культуры, занимавшей Днепровское Левобережье и небольшую полосу Правобережного Приднепровья на Киевщине, с отдельными „выплесками” в Верхнее Подесенье и бассейн Верхней Оки. В этнографическом описании *Повести временных лет* этот ареал делился между четырьмя разными славянскими союзами племён: полянами, северянами, радимичами и вятичами, все из которых перечислены летописью в качестве данников хазар. Именно в волынцевских комплексах встречаются прямые салтовские импорты (кухонная и тарная посуда, предметы вооружения и снаряжения коня, украшения пояса, серьги, бусы), а также созданные под салтовским влиянием группы собственно волынцевских предметов (гончарная посуда, железные орудия труда), ярко демонстрирующие прямые контакты рассматриваемой группы славянского населения с Хазарским каганатом². Ареал памятников волынцевской культуры близко совпадает с ещё двумя примечательными в историческом плане ареалами – зоной распространения „антских” кладов VII века, а также северной границей погребений и комплексов перещепинской культуры, отражающих вторжение кочевников в лесостепь во второй половине VII века, в эпоху активной экспансии хазар на запад в Восточной Европе³.

² Научный архив Института археологии НАН Украины, ф. 12: С. П. Юренко, *Днепровское лесостепное Левобережье в VII–VIII вв. I тыс. н.э. (волынцевская культура): диссертация... кандидата исторических наук*, Киев 1982. См. также: О. А. Щеглова, *Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа*, [in:] *Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи*, Воронеж 1987, с. 77–83; О. В. Сухобоков, *Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.)*, Київ 1992, с. 16–36, 60–66; Idem, *До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян*, „Археологія”, 1999, 2, с. 25–40; А. В. Григорьев, *Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным*, Тула 2000, с. 15–21, 173–177; А. В. Комар, *Поляне и северяне*, [in:] *Древнейшие государства Восточной Европы 2010 г.*, Москва 2012, с. 140–151.

³ См. детальнее: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский, *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*, Москва 1996, рис.1; 106; А. В. Комар, *Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным*, [in:] *Хазары*, Москва–Иерусалим 2005, с. 207–214; Idem, *Погребение кочевника нач. VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье*, [in:] *Степи Европы в эпоху средневековья*, т. 5, Донецк 2006, т. 5, с. 407–411; Idem, *Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в.*, [in:] *Степи Европы в эпоху средневековья*, т. 5, рис.1.

На смену волынецвской культуре на Левобережье Днепра пришла роменская, заметно уступающая волынецвской в уровне гончарного производства и интенсивности культурных контактов с ареалом Хазарского каганата. Такая „деградация”, противоречащая теории стадийного развития обществ, долгое время ставила в тупик исследователей проблемы, заставляя либо видеть в „волынецвцах” особую культурную и этническую группу населения, синхронную „роменцам”, либо подозревать какие-то разрушительные по последствиям исторические события конца VIII – середины IX века⁴.

После новой фазы исследований (1984–1989) городища Битица I на р. Псёл, когда было установлено распространение картины пожара по всей площади памятника, а также обнаружены клады и останки незахороненных погибших жителей городища в котлованах жилищ⁵, версия о катастрофическом финале волынецвской культуры начала приобретать всё более веские основания. Такая же картина (клад и останки погибших жителей) в 2002 г. была прослежена раскопками в Посулье на волынецвском поселении Мельники I возле с. Андрияшевка в 120 км на юго-запад от Битицкого городища⁶. Горелые жилища, часто с раздавленными полными сосудами, открыты также на других волынецвских поселениях с обширной географией: в Приднепровье – Киев (Старокиевская гора), Обухов II, Бучак Столяги; Подесенье – Шестовица, Целиков Бугор; Посемье – Волынцево; бассейне Псла – Гочево III. На поселении Волынцево (ур. Стан) с эпизодом гибели поселения также могут быть связаны экстраординарные погребения детей в хозяйственных ямах, перекрывавших более раннее жилище № 25⁷.

Датировка финала волынецвской культуры на данный момент основывается на трёх ключевых наблюдениях. Первое: набор женских и мужских украшений горизонта разгрома Битицы отличается от состава Фотовижского клада⁸ и отражает следующую стадию эволюции материальной культуры славянского населения региона. Второе: набор украшений пояса, оружия и конского снаряжения салтовского облика из поздневолынецвских комплексов (Битица, Ходосовка, „Севский клад”) соответствует признакам салтовского горизонта II (ок. 790–735 гг.), но

⁴ Обзоры, см.: А. В. Комар, *Поляне и северяне*, с. 132–139; Я. В. Володарець-Урбанович, Ю. О. Пуголюков, *До історії вивчення волинцевських старожитностей*, „Археологія”, 2012, 4, с. 122–128.

⁵ О. В. Сухобоков, Г. А. Вознесенская, В. В. Приймак, *Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища*, [in:] *Древние славяне и Киевская Русь*, Киев 1989, с. 92–105; О. В. Сухобоков, С. П. Юренко, *О погребальной обрядности носителей волынецвской культуры (по материалам Битицкого городища)*, [in:] *Археология и история Юго-Востока Древней Руси*, Воронеж 1993, с. 40–43; О. В. Сухобоков, *До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян*, „Археологія”, 1999, 2, с. 25–30 и др.

⁶ Г. В. Жаров, Р. В. Терпиловский, *Знахідка сіверянських прикрас у верхоріччі Сули*, „Пам'ятки України”, 2003, 4, с. 20–22; Idem, *Скарб срібних прикрас VIII століття з Андріяшівки на Сулі*, Київ 2004.

⁷ Д. Т. Березовец, *Новые раскопки в с. Волынцево*, [in:] *Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг.*, Киев 1967, с. 166–169.

⁸ См.: А. В. Комар, М. А. Стрельник, „Репрессированный” клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж, „Stratum plus”, 5, 2011, с. 143–164.

не включает более поздних элементов горизонтов III–V⁹. Третье: ни в одном из исследованных на данный момент волынцевских погребальных, поселенческих комплексов или кладов не обнаружено дирхемов или иных восточных монет, что трактуется обычно как предшествование времени существования волынцевской культуры началу массового поступления дирхема в Восточную Европу¹⁰.

Проблема вовлечения славян в торговлю с Востоком в обмен на монетное серебро рассмотрена нами отдельно¹¹, здесь мы коснёмся только наиболее важных выводов. Александр Григорьев опирался в своей хронологической схеме для волынцевских и роменских памятников на периодизацию обращения дирхема в Восточной Европе Владислава Кропоткина, датировавшего первый период 800–833 гг.¹² Начало первого периода обращения дирхема Томас Нунан также вначале определял по Роману Фасмеру и В. Кропоткину – ок. 800 г., но затем нижняя граница этого периода была им опущена до „ок. 775 г.”¹³. Опираясь на находку в слое ЕЗ-3 (750–760) Земляного городища Старой Ладоги дирхема 699/700 г. чеканки, а также дирхемов VIII века на близких по времени поселениях в округе Ладоги, Анатолий Кирпичников полагал, что начало поступления восточного серебра на север Восточной Европы началось как минимум в 60-х гг. VIII века¹⁴. На основании того же круга находок и восточной монеты в комплексах салтовского круга Вячеслав Кулешов предложил выделять отдельную „ступень А (750/760–780/790)”, предшествующую собственно первому периоду обращения дирхема, в его понимании как начального периода транзитной торговли Европы с Востоком¹⁵.

⁹ См.: А. В. Комар, *Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы*, „Vita Antiqua”, 2, 1999, с. 129–132, табл. 4; Idem, *Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований*, [in:] *Археологія і давня історія України*, вип. 7: *Мадьяри в Середньому Подніпррові*, Київ 2011, рис. 13, 14.

¹⁰ О. В. Сухобоков, *Деякі спірні питання історії населення Дніпровського Лівобережжя у другій половині I-го тис. н. е.* [in:] *Старожитності Русі-України*, Київ 1994, с. 208; А. В. Григорьев, *Северская земля в VIII–начале XI в.*, с. 21; В. В. Приймак, *Путивльське удільне князівство Чернігово-Сіверщини*, Полтава 2007, с. 45.

¹¹ А. В. Комар, *Денежный счет восточных славян в предгосударственный период*, [in:] *Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год*, Москва 2017 (в печати).

¹² В. В. Кропоткин, *Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII–первой половине IX в.*, [in:] *Славяне и Русь*, Москва 1968, с. 72–79; А. В. Григорьев, *Северская земля в VIII–начале XI в.*, с. 21.

¹³ T. S. Noonan, *Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe*, [in:] *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, vol. 4, Wiesbaden 1984, p. 151–282; Idem, *When Did Rus/Rus' Merchants First Visit Khazaria and Baghdad?* [in:] *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, vol. 7, Wiesbaden 1987–1991, p. 213–219; Idem, *The Economy of the Khazar Khaganate*, [in:] *The World of the Khazars*, Leiden–Boston 2007, p. 233–235.

¹⁴ А. Н. Кирпичников, *Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья*, [in:] *Славяне и Русь*, Киев 1979, с. 97–98; Idem, *Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований)*, [in:] *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*, Ленинград 1985, с. 21–22.

¹⁵ В. С. Кулешов, *Хронология обращения монет Халифата в Восточной Европе (VIII–IX вв.)*, [in:] *XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург–Репино, 18–23 апреля 2011 года)*, Санкт-Петербург 2011, с. 46–47.

Хорошей иллюстрацией раннего этапа монетного обращения у населения салтовской культурно-исторической общности бассейна Северского Донца выступает п.164Б могильника Нетайловка. В погребении найдены византийский солид Константина V 751–757 гг. чеканки, 2 сасанидских драхмы – Хосрова I (531–579) и Хосрова II (591–628), а также арабо-сасанидская монета наместника Табаристана Хуршида (740–761)¹⁶. Все три серебряные монеты пробиты для ношения, младшая также заметно затерта с лицевой стороны, тем не менее, выразительный раннесалтовский облик большинства предметов из погребения позволяет ограничить время его совершения периодом до 780/790 г., т. е. в рамках „ступени А” по В. Кулешову (750/760–780/790), и синхронизировать с воынцевским Фотовижским кладом¹⁷.

Абсолютное большинство дирхемов из салтовских комплексов отчеканены Аббасидами и Омейядами в VIII веке, но в случае находки в закрытом погребальном комплексе они обычно происходят из погребений более поздних салтовских горизонтов II–IV. При этом находки дирхемов IX века в салтовских погребениях и кладах редки и представлены лишь выпусками до 814 г.¹⁸, чуть более поздний дирхем 815/816 гг. происходит из случайных находок возле Райгородка¹⁹. Очень похожая ситуация с арабскими монетами наблюдается в Дагестане, где комплекс представляет клад из Карчага с младшей монетой 803/804 гг., а к случайным находкам относятся фельс 812/813 гг. из Дербента и динар 815/816 гг. из Кубачей²⁰. В комплексах контролируемой хазарами части Крыма младшие дирхемы 813/814 гг. чеканки включал Баклинский клад²¹.

¹⁶ O. Žironkina, *Seltene Perlenformen des chasarenzeitlichen Graberfeldes von „Netailovka” (Metallovka) am Nordlichen Donec (Severskij Donec)*, [in:] *Perlen. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte*, Bd. 1, Bonn 1997, s. 249–252; В. С. Аксёнов, *Фибулы из захоронений Нетайловского могильника как индикатор ранней группы личных украшений салтовского населения Подонцовья*, [in:] *Хазарский альманах*, т. 10, Харьков 2012, с. 16; А. А. Лаптев, *Ямные ингумационные могильники в салтовской лесостепи*, [in:] *Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства*, вип. 3, Харків 2013, с. 94, ил. 3, 10–13.

¹⁷ А. В. Комар, *К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья*, [in:] *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия)*, Самара 2010, с. 185–189; А. В. Комар, М. А. Стрельник, *„Репрессированный” клад*, с. 160–162.

¹⁸ О. В. Иченская, *Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков салтовского могильника*, [in:] *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*, Киев 1982, с. 144–147; А. А. Тортика, *Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы*, Харьков 2006, с. 486–488; А. Лаптев, *Монеты в салтовских памятниках верхнего Подонцовья (Верхне-Салтовский IV-й катакомбный и Нетайловский грунтовой могильники)*, [in:] *I Международная научная конференция „РАСМИР”: Восточная нумизматика*, Киев 2013, с. 114–120.

¹⁹ В. В. Кропоткин, *Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе*, [in:] *Нумизматика и эпиграфика*, т. 9, Москва 1971, с. 91.

²⁰ В. В. Кропоткин, С. В. Гусев, *Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР*, „Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae”, т. 45 (2–3), Budapest 1991, с. 403–420.

²¹ В. А. Сидоренко, *Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени*, [in:] *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, вып. 9, Симферополь 2002, с. 429–454.

Возможно, дальнейшие археологические находки в будущем смогут подкорректировать картину, но на данный момент приходится сделать однозначный вывод – после 815/816 гг. произошёл долговременный обрыв поступлений дирхема к населению ареала салтовской культурно-исторической области. Концом IX века может датироваться лишь клад из станицы Вешенской (с младшей монетой 874–892 гг.), достоверность даты которого, впрочем, невысока, поскольку из него сохранились и подверглись определению всего 4 монеты²². Следующим по времени выступает клад из Саркела, включавший дирхемы 907–962 гг. чеканки²³.

Прекращение поступлений восточной монеты к населению Хазарии выглядит достаточно странным на фоне сообщения письменных источников о посольстве хазар (вскоре после сильного голода в столичном Атиле) к визирю халифа ал-Ма'муна – ал-Фадлю ибн-Сахлю (813–818)²⁴ именно в период, когда, по археологическим данным, следовало бы ожидать повод к разрыву отношений.

Зеркальная картина наблюдается в ареалах славянских культур Восточной Европы, где с первых десятилетий IX века, наоборот, впервые появляются клады дирхемов. Так, в рамках ареала волынцевской культуры появляется клад 1848 г. из Нижней Сыроватки (младшая монета 812/813 г.) и клад 1959 г. из Нижних Новоселок (младшая монета 811/812 г. или 816/817 гг.). Несколько севернее, в предполагаемом ареале радимичей в Посожье, появляются клад из Яриловичей (младшая монета 820/821 г.) и Касаляк (младшая монета 823/824 г.). Далее на северо-запад расположены клад 1822 г. из Могилевской губернии и 1835 г. из Минской губернии с младшими монетами 802 г. чеканки. Заметна концентрация кладов данного периода и в вятичском Поочье, где клад IX века выпадает наиболее стабильно²⁵.

Небольшое Новотроицкое городище роменской культуры на р. Псёл, так же, как и Битицкое, носит следы разгрома (пожары, клад, раздавленные наборы посуды, „нетипичные” погребения людей в сгорелых жилищах). Но из его раскопок происходит денежно-вещевой клад из 10 монет (младшая монета 818/819 гг.) и лома серебряных украшений середины IX века, а в сгоревшем жилище № 1 най-

²² А. К. Марков, *Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических)*, Санкт-Петербург 1900, № 49.

²³ В. В. Кропоткин, *Новые находки сасанидских и куфических монет*, с. 84.

²⁴ D. M. Dunlop, *The History of the Jewish Khazars*, Princeton–New-Jersey 1954, p. 188; М. И. Артамонов, *История хазар*, Ленинград 1962, с. 275.

²⁵ А. К. Марков, *Топография кладов восточных монет*, № 136; 141; 290; 301; В. А. Янин, *Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода*, Москва 2009, с. 100–105, рис. 5; В. В. Кропоткин, *О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе*, [in:] *Древняя Русь и славяне*, Москва 1978, с. 113; рис. 1; Idem, *Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе*, с. 79; А. А. Гомзин, *Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Автореферат диссертации... кандидата исторических наук*, Москва 2013, с. 12–16; А. С. Щавелев, А. А. Фетисов, *К исторической географии Восточной Европы IX – начала X в.: карта кладов и конфигурация торговых путей*, [in:] *Историческая география*, т. 2, Москва 2014, с. 41; карта 1.

ден пробитый для ношения дирхем 833/834 гг. чеканки²⁶. Несмотря на разные даты младших монет, оба объекта относятся к одному горизонту разгрома поселения, случившегося уже в последней трети IX века²⁷.

Что касается полянского Правобережного Приднепровья, то здесь к ранней стадии поступлений дирхема исследователи относят лишь комплексы с монетами городища Монастырёк культуры Луки-Райковецкой, сменяющей в данном регионе в IX в. волынцевские памятники²⁸. Впрочем, дирхем 740/741 г. в жилище 1 селища Монастырёк найден в комплексе уже с лепной и гончарной керамикой X века, ланцетовидным наконечником стрелы и блесновидной застежкой X века, а фельс 814 г. чеканки в жилище 2 городища сочетался с гончарной посудой X века. К более раннему горизонту заселения городища принадлежит только жилище 7 с дирхемом 761/762 г. чеканки, в котором, при преобладании лепной посуды, всё же найдены и фрагменты гончарной керамики IX – начала X веков²⁹.

Каким образом объяснить наблюдаемый парадокс, особенно в контексте распространённого убеждения о сохранении посреднической роли Хазарского каганата в „восточной” торговле до момента его гибели? Что за события ок. 812–816 гг. обусловили начало поступлений восточной монеты к славянам – бывшим данникам Хазарского каганата, при одновременном разрыве притока дирхема к населению ареала салтовской культурно-исторической области, т. е. собственно Хазарии, или, как минимум, вызвали серьёзнейший кризис поступлений монет? Связаны ли эти события с масштабным разгромом в ареале волынцевской культуры, произошедшим, согласно показаниям салтовских предметов из поздневолынцевских комплексов, в рамках первой трети IX века?

Ответ на вопрос, кто именно причастен к гибели Битицкого городища, вызвал заметные разногласия у исследователей. Так, Виктор Приймак связал её с событиями „гражданской войны” в Хазарии в начале IX века после принятия иудаизма беком хазар³⁰. К такому же объяснению склоняется и Владимир Енуков³¹. А. Григорьев модифицировал данную гипотезу, полагая, что в начале IX века славяне сами воспользовались ослаблением Хазарского каганата вследствие смуты и „изгнали иноплеменную верхушку” (т. е. „волынцевцев”), оставшись, тем не

²⁶ И. И. Ляпушкин, *Городище Новотроицкое*, [in:] *Материалы и исследования по археологии СССР*, № 74, Москва 1958, с. 28, 52; рис. 15, 3; 34, 2.

²⁷ О дате, см.: А. В. Комар, О. В. Сухобоков, *Городище „Монастырище” и древнерусский Ромен: проблема преемственности*, [in:] *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.*, Київ 2004, с. 166–169; А. В. Комар, *Поляне и северяне*, с. 180–192.

²⁸ Л. П. Михайлина, *Слов'яни VIII–IX ст. між Дніпром і Карпатами*, Київ 2007, с. 152–153; О. Моця, *Дніпровська Русь*, с. 68–69.

²⁹ Е. В. Максимов, В. А. Петрашенко, *Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре*, Киев 1988, с. 14–15, 20, 63–64.

³⁰ В. В. Приймак, *Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII – початку XI ст.*, Суми 1994, с. 14–15.

³¹ В. В. Енуков, *Славяне до Рюриковичей*, с. 50–51.

менее, в подчинении хазар³². Другую версию предложил Евгений Шинаков, также рассматривая „волынцевцев” в качестве какого-то „иноэтничного населения”, но датируя разгром Битицкого городища (как опорного пункта сбора хазарской дани) последней третью IX века и связывая военную акцию с русами³³. Сергей Конча отнёс гибель городища к середине IX века, полагая, что оно представляло собой центр независимого славянского „государственного образования”, уничтоженного мадьярами³⁴.

Необъяснимым в свете версий Е. Шинакова и С. Кончи выглядит полное отсутствие дирхемов на Битицком городище, если оно представляло центр сбора дани уже в период поступлений восточной монеты к славянам. Обе также лишены хронологической части аргументации и представляют классический вариант использования „широких датировок” для подгонки „археологического события” под заданный письменными источниками хронологический диапазон.

Обратная ситуация с моделью „гражданской войны в Хазарии”, поскольку её датировка Михаилом Артамоновым 20–30-ми гг. IX века была основана как раз на представлениях автора об археологической дате разгрома Правобережного Цимлянского городища³⁵. При определении последней М. Артамонов ориентировался на клад дирхемов с младшими монетами 809–813 гг., а также исходил из представления о Правобережном Цимлянском городище как предшественнике левобережной крепости – Саркела, возведенной в 838–839 гг. Новые исследования Правобережного городища от такой идеи заставили полностью отказаться – крепость, несомненно, существовала некоторое время параллельно с Саркелом или даже была построена синхронно с ним, на что указывают находки в слое и заполнении объектов характерных саркельских кирпичей³⁶. Что же касается времени сокрытия клада, найденного у ног погибшей женщины, то более показательно фрагментированное состояние абсолютного большинства его монет, а не дата чеканки младшей (806/807)³⁷, принадлежащей к одним из последних поступлений восточной монеты к хазарам в начале IX века.

Согласно сообщению *Кембриджского Анонима*, иудей-военачальник стал царем Хазарии только после религиозного диспута³⁸, дата которого точно известна

³² А. В. Григорьев, *Население междуречья Днепра и Дона в VIII – первой половине XI вв.*, [in:] *Древнейшие государства Восточной Европы 2010 г.*, Москва 2012, с. 113–114.

³³ Е. А. Шинаков, *Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект*, Брянск 2002, с. 125–126.

³⁴ С. Конча, *До питання про державність у Середньому Подніпров'ї перед початком Києво-руської доби*, „Українознавчий альманах”, 8, 2012, с. 100–101.

³⁵ М. И. Артамонов, *История хазар*, с. 317–323.

³⁶ В. С. Флёров, *Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг.*, [in:] *Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии*, вып. 4, Симферополь 1994 (1995), с. 486; Idem, *Города и замки Хазарского каганата. Археологическая реальность*, Москва 2010, с. 45–50.

³⁷ И. Г. Добровольский, И. В. Дубов, Ю. К. Кузьменко, *Граффити на восточных монетах*, Ленинград 1991, с. 10.

³⁸ N. Golb, O. Pritsak, *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*, Ithaca–London 1982, p. 107–113.

благодаря миссии Константина Философа. По состоянию на 861 г. всё ещё оставались союзниками хазар и мадьяры, осаждавшие Хернонес, тогда как после смуты именно к ним сбежала и присоединилась проигравшая группа хазар – кавары (кабары)³⁹. Источники первый раз упоминают кавар как союзников мадьяр лишь в 881 г., во время вторжения в земли франков: „Первая война с Унграми под Веннией. Вторая война с Коварами под Кульмите”⁴⁰. Таким образом, восстание кавар и разрыв отношений хазар с мадьярами приходится на промежуток 861–881 гг. и никак не могут быть связаны с бурными событиями начала IX века в ареале волынцевской культуры.

Подозрения в причастности самих мадьяр, кроме более поздней даты их появления в Северном Причерноморье – 824–831 гг.⁴¹, снимает также „фактор дирхема”. Гипотетические набеги мадьяр в славянские земли никоим образом не могли вызвать приток сюда восточного монетного серебра, как и прервать его поступление в Хазарию. Более того, в комплексах известных на данный момент памятников типа Субботцев, отождествляемых с культурой древних мадьяр, всё ещё не обнаружено ни одного дирхема. В том, что это не случайность, убеждает Больше-Тиганский могильник, оставленный группой мадьяр в Поволжье, где монет также нет в ранней части погребений IX века, а появляются дирхемы лишь после 900 г.⁴² Переселение мадьяр на запад от Урала началось после прекращения массового притока дирхема в салтовский ареал, но ситуация отсутствия в субботцевских погребениях Причерноморья даже фрагментированных монет VIII века сходна с картиной, наблюдаемой в волынцевской культуре – тесные культурные связи с салтовским населением совсем не гарантировали получение от него монетного серебра. И, напротив, документировано поступавшие в ареал восточных славян в середине – второй половине IX века дирхемы по какой-то причине не попадали в процессе обмена даже к ближайшим соседям – мадьярам и салтовскому населению Подонья. Если часть славян – данников хазар всё ещё продолжали в этот период платить дань каганату, то делалось это несомненно не монетой.

Опираясь на картину заметного ослабления ремесленных и культурных влияний Хазарии на Левобережье Днепра на этапе роменской культуры в IX веке, нами было высказано предположение, что пожары на волынцевских поселениях и разгром Битицкого городища могут объясняться набегами ранних русов и более ранним, чем представлялось прежде, переподчинением славянских данников

³⁹ Детальнее, см.: А. В. Комар, *Древние мадьяры Этелькеза*, с. 32–37.

⁴⁰ H. Bresslau, *Annales ex Annalibus Iuvavensibus Antiquis Excerpti*, [in:] *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*, т. 30, pars 2, Berlin 1934, p. 742.

⁴¹ См.: А. В. Комар, *Древние мадьяры Этелькеза*, с. 27–29.

⁴² Е. А. Чаликова, А. Н. Чаликов, *Altungarn an der Kama und im Ural: das Gräberfeld von Bolschie Tigani*, Budapest 1981 (Серия: *Régeseti Füzetek. Ser. II*, № 21); А. Х. Халиков, *Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине)*, [in:] *Проблемы археологии степей Евразии*, Кемерово 1984, с. 122–133.

Хазарии⁴³. Эту гипотезу поддержал Сергей Воронятов⁴⁴, а Александр Моця отметил, что выходу русов на политическую арену в 838–839 гг. должно было предшествовать успешное противостояние с Хазарией в борьбе за контроль над Поднепровьем⁴⁵. А. Григорьев, напротив, счёл гипотезу неправдоподобной, полагая, что военные акции русов подобного масштаба потребовали бы создания поблизости опорных „дружинных” центров, в то время как археологии такие памятники пока не известны⁴⁶.

Проецируя на начальные фазы истории русов „дружинную” модель Руси X века, А. Григорьев следует логике древнерусских летописцев, описавших пришествие варягов-руси в IX веке исключительно через модель оседания в славянских городах (градах). Реалии ранней эпохи викингов в Западной Европе в IX веке были совсем иными, и на этот факт справедливо обратил внимание Алексей Толочко, отказавшись от поиска „опорных центров” даже для „армии 860 года”, совершившей нападение на Константинополь⁴⁷.

Несложно заметить, что, при всей обширности ареала гипотетического набега начала IX века, в локализации волынцевских поселений со следами разгромов или пожаров прослеживается одна общая закономерность – все они находятся далеко от границ степи и непосредственно на берегах крупных речных магистралей (Днепр, Десна, Сейм, Сула, Псел, Стугна). Показателен также пример поселений Столпяги и Бучак, на которых исследованы сгоревшие жилища с наборами оставленной в спешке посуды. Указанные поселения располагались почти напротив на разных сторонах Днепра, и одновременное нападение на них возможно лишь для неприятеля, передвигавшегося на судах. Такое же характерное „береговое” расположение наблюдаем и у наиболее ранних кладов дирхемов в бывшем волынцевском ареале.

Историческая конструкция автора *Повести временных лет* подразумевала формирование территории Руси в Среднем Поднепровье как процесс поэтапного освобождения славянских племён от хазарской дани и её переадресации на Киев. Именно этим занимались летописные князья Аскольд и Дир, Олег, Игорь, Святослав и Владимир. Реальность первых двух правителей и историчность их деяний откровенно сомнительны, учитывая вероятность заимствования их имён из топонимических легенд – объяснений названий двух „могил” (курганов), реально существовавших в Киеве во времена летописца⁴⁸. Мало кто из исследова-

⁴³ О. В. Комар, *Про час і обставини прийняття титулу „хакан” правителем русів*, [in:] *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст.*, Чернівці 2003, с. 103–106; А. В. Комар, О. В. Сухобоков, *Городище „Монастырище” и древнерусский Ромен*, с. 166–168.

⁴⁴ С. В. Воронятов, *Волынцевская культура и Русский каганат*, [in:] *Альманах молодых археологов 2005. По материалам II международной студенческой научной конференции „Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири”*, Санкт-Петербург 2005, с. 199–210.

⁴⁵ О. Моця, *Дніпровська Русь*, с. 72.

⁴⁶ А. В. Григорьев, *Население междуречья Днепра и Дона*, с. 113–114.

⁴⁷ А. П. Толочко, *Очерки начальной Руси*, с. 136–151.

⁴⁸ Ibidem, с. 47–48.

телей безропотно поверит и в идеалическую картину подчинения славян пришельцам-варягам по „ряду”. Несомненно к области реконструкций принадлежит и хронологическая сетка летописи в части событий IX века.

Анализ „археологических событий” первой половины IX века предлагает другую модель. Начальный кратковременный этап проникновения русов (ок. 800–815 гг.) носил характер речных грабительских набегов без попыток закрепиться надолго и, тем более, без планомерного захвата территорий. На втором этапе (ок. 815–860 гг.) разведанные маршруты осваивали речной торговлей купцы, предложившие славянам в обмен на товар серебряный дирхем, по каким-то причинам, не поступавший к данникам Хазарского каганата ранее 812–815 гг. Новый маршрут через Поочье выходил на Волжский путь, полностью исключив из обмена салтовский ареал Подонья. Удалось ли русам найти возможность безопасного сплава по Волге или же волжский отрезок пути перешёл в исключительную монополию „царской” администрации Атиля – пока остаётся загадкой. Реальным же оказывается факт экономической заинтересованности купцов-русов в продуктах промыслов восточных славян и самих славян в торговых контактах с русами в обмен на монетное серебро. Именно этот экономический базис и заложил предпосылки для постепенной консолидации части славянских данников Хазарии в новое раннегосударственное образование в Среднем Поднепровье.

*

Oleksii Komar, *Between Rus' and Khazaria: Dnieper Left Bank region of the 9th century in the light of recent archaeology*

Written sources contain only little information about historical events at the Dnieper region in the 9th century when Rus' firstly appeared at the political scene. The resource of these sources has been exhausted long ago. New data can be obtained only by analyzing of archaeological sources which tend to increase. In the context of relationship problems between Early Rus' and Khazaria the basic interest concentrates on some groups of „archaeological events”. The most important ones – disastrous end of the Volyntsevo archaeological culture at the beginning of the 9th century and abrupt changes of areas of Arab dirkhams distribution in East Europe circa 812–816 A. D. Changes in cultural development of Slavonic tribes at the Dnieper Left Bank region in the 9th century mark rapid decrease of the Khazarian influence that can be correlated with some political and economical events in the formation of Early Rus' state.

*

Oleksii Komar, *Mezi Rusí a Chazarskou říší: oblast levého břehu Dněpru 9. století ve světle současné archeologie*

Psané prameny poskytují pouze málo informací o historických událostech v dněperské oblasti v 9. století, kdy se Rus poprvé dostává na politickou scénu. Pramen těchto zdrojů byl již dávno vyčerpán. Nová data lze získat pouze analýzou archeologických pramenů, které se rozrůstají. V kontextu problematiky vztahů mezi ranou Rusí a Chazarskou říší se naše pozornost upírá k určitým skupinám archeologických nálezů. Jeden z nejdůležitějších představuje zánik archeologické kultury Volyntseva na počátku 9. století a prudké změny v oblastech distribuce arabských dirkhamů ve východní Evropě ca 812–816 n. l. Změny v kulturním rozvoji slovanských kmenů v oblasti levého břehu Dněpru v 9. století poznamenal rychlý ústup chazarského vlivu, který se může shodovat s některými politickými a ekonomickými událostmi při formování státu rané Rusi.

Kathryn A. Haley-Halinski
(Reykjavík/Oslo)

Paths of Belonging: Nomadic Identity and Ritual Place in the Rus' Funeral of Ibn Fadlan

Perhaps one of the most-discussed passages in the Risala of Ibn Fadlan is the Rus' funeral on the Volga River. Most discussion of this account has focused on the religion and „origins” of the funeral, trying to identify Scandinavian or Slavic elements, despite a lack of reliable information on the religion of either culture during the 10th century. Yet, if this ritual is looked at from the perspective of social identities rather than religion, it appears to express a peripatetic nomadic identity amongst this particular group of Rus', probably influenced by the nomadic/semi-nomadic lifestyles of other peoples in the Volga region. This is most evident in the use of boats – their means of travel – to signify belonging and social esteem, as well as the presence of „wives” and a priestess. Although this does not mean that all Rus' culture was nomadic, it shows this ritual to be far more than just a source on pre-Christian religions, or a tool for mapping the Rus' onto modern nationalities: it is a suggestion that these particular Rus' formulated a peripatetic-nomadic identity of their own.

In the introduction to their historical survey of Rus' civilisation, Simon Franklin and Jonathan Shepard critique what they feel to be a teleological and „kievocentric” approach to Rus' history. They argue that although medieval Rus' culture flourished because of political and cultural flexibility, „in the writing of their history [this flexibility] has tended to be overshadowed by schematic structures, whether of medieval providentialism, or of Soviet determinism, or of nostalgic nationalism”¹. Yet, it is not only the overall shape of Rus' historiography, but the individual sources themselves which suffer at the hands of modern ideological desires. One such source is the *Risala* written by Ahmad ibn Fadlan ibn al-Abbas ibn Rashid ibn Hammad [hereafter: Ibn Fadlan], a record of the journey he undertook in 921/922 as part of an Islamic envoy to the Bulghar kingdom on the Middle Volga region². Subsequent to Ibn Fadlan's arrival amongst the

¹ S. Franklin, J. Shepard, *The Emergence of Rus 750–1200*, London–New York 1996, p. XIX–XX.

² Ibn Fadlan, *Mission to the Volga*, ed. and trans. J. Montgomery, [in:] *Two Arabic Travel Books*,

Bulghars, a group of „Rüsiyyah” (Rus’) arrive and set up a temporary trading post. Central to this account is the description of a chieftain’s funeral in the Middle Volga, which involves – amongst other things – a funeral pyre built from the chieftain’s boat, visions of the afterlife, and the rape and sacrifice of a slave girl³.

This account has been viewed by scholars as a unique text with no readily-identifiable borrowings from other literary works and an eye for detail that suggests an eyewitness account⁴. Thus, it has achieved a position of prominence in the study of Rus’ and of the Viking Age Scandinavian experience in the east. However this passage, like many other sources on the Rus’, has been haunted by the legacy of the Normanist Controversy. In brief, this was a debate about whether or not the Scandinavian immigrants, who became known as Rus’, were the primary force behind the development of culture in the Rus’ nation and amongst the Slavic peoples. The legacy of the Normanist Controversy still looms large, as scholars often discuss the Rus’ in terms of an ethnocentric division between „Scandinavian” and „Slavic” elements⁵.

There have, in recent years, been attempts to move away from this dichotomy. Lesley Abrams popularised the idea of a creolising „Viking Diaspora” in the British Isles, and there has been a rise in scholarship on „Viking” tendencies towards adaptability, acculturation, and creolisation have gained currency in scholarship. For instance, Judith Jesch comments that the communities of the Viking Age diaspora frequently „developed new ways of living which owed something both to the culture of the immigrant Vikings and to that of the country in which they found themselves”⁶. Furthermore, there has been an increasing amount of interest in non-Scandinavian/Slavic influences upon the Rus’, such as Thorir Jonsson Hraundal’s argument that there should be a greater acknowledgement of possible Turkic influences upon the funerary practices of the Rus described by Ibn Fadlan, as they occupied an area primarily populated by Turkic peoples⁷.

eds. P. F. Kennedy, S. M. Toorawa, New York–London 2014, p. 190–259 [hereafter: *MV*]. All references to *MV* account will come from J. Montgomery’s translation.

³ Ibidem, p. 246–253.

⁴ J. Montgomery, *Ibn Faḍlān and the Rūsiyyah*, „Journal of Arabic and Islamic Studies”, 3, 2000, p. 25.

⁵ A brief history of the dichotomisation of scholarship on Rus into „Scandinavian” and „Slavic” viewpoints can be found in W. Duczko, *Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe*, Leiden–Boston 2004, p. 3–6. W. Duczko’s book is itself a case in point – although he does acknowledge the adaptability of the Rus’, he firmly supports the notion that the Rus’ retained a distinct and emphatically Scandinavian identity in Eastern Europe. J. Montgomery, *Ibn Faḍlān and the Rūsiyyah*, p. 10–12, notes 32, 35, 36, 38, despite his general attitude that the Rus’ were a hybrid culture, highlights a number of their practices as belonging to one ethnicity or another.

⁶ J. Jesch, *Women in the Viking Age*, Woodbridge 1991, p. 123. For the „Viking Diaspora”, see: L. Abrams, *Diaspora and Identity in the Viking Age*, „Early Medieval Europe”, 20, 2012, p. 17–38. For a discussion of Rus acculturation, see: F. Androschuk, *The Vikings in the East*, [in:] *The Viking World*, eds. S. Brink, N. Price, London–New York 2008 p. 533–534.

⁷ Th. Jonsson Hraundal, *The Rus in Arabic Sources: Cultural Contacts and Identity*, PhD diss., University of Bergen 2013, p. 112, 115–122.

In addition to this, some scholars have reconsidered what is meant by „Rus’”. Thorir Hraundal discusses the geography of Arabic scholar Al-Mas’udi, written in the 10th century, noting that he enumerates a number of different groups of Rus’ spread between the Baltic and Caspian Seas, each possessing its own cultural specificities, and uses this to argue that in the 10th century Rus’ was not so much a singular nation as it was a fairly loosely-defined label for Scandinavian-Slavic peoples. This same source also illustrates Rus’ tendencies toward acculturation, as it describes one group of Rus’ in the Khazar city Atil, where they had their own state-appointed judge but would consult the Muslim judges in particularly difficult cases⁸. As such, discussion here is limited to the identities of this particular group of Rus’ described by Ibn Fadlan, and furthermore the question of „Rus’ identity” will be divorced from ethnocentric frameworks. Although questions of ethnic identity may have had a part in this ritual, when it is analysed for expression of purely social identities it offers a glimpse into the expression of a very particular form of nomadic identity amongst these Rus’. This identity provides a renewed perspective upon aspects of their culture which previously felt incongruous in the raider-trader identity that has often been implicitly attributed to them.

The first question to address is that of the meaning of the funerary ritual as described in the *Risala*. A ritual is, for the purposes of this paper, a communicative act, linked to social structures and ideology, intended to maintain or transform the object of focus⁹. Historically, ritual has been seen as intrinsically connected to religion – particularly to ideas of communicating with deities or re-enacting myths – and it is only relatively recently that the social and cultural aspects of ritual have been fully addressed¹⁰. This is not to deny that religious elements are present in this ritual. At several points, reference is made to the afterlife by the Rus’: the slave-girl describes the Paradise she sees when lifted above a doorframe, and Ibn Fadlan is told that the way the wind carried the smoke from the cremation indicated divine favour towards the deceased chieftain¹¹. However, given how little is known about the beliefs of the peoples of this region in the 10th century beyond external or retrospective accounts, attempts to interpret the ritual as an expression of a particular religion are usually governed by the schemas that scholars bring to the task, which in turn have been moulded by the Normanist Controversy and other forms of nationalism, and by scholars’ own personal desires to uncover aspects of one or the other religion. For instance, Jens Peter Schjødt has described the contents of the ritual in relation to a posited Óðinn-cult despite noting the circular reasoning taking place when using Ibn Fadlan’s account to support

⁸ Ibidem, p. 76–79, 120–121.

⁹ This definition comes from a synthesis of the following: K. Jennbert, *Animals and Humans: Recurrent Symbiosis in Archaeology and Old Norse Religion*, Lund 2011, p. 24–25; J. P. Sørensen, *Ritualistics: A New Discipline in the History of Religions*, [in:] *The Problem of Ritual: Based on Papers Read at the Symposium on Religious Rites Held at Åbo, Finland, on the 13th–16th of August 1991*, ed. T. Ahlbäck, Åbo 1993, p. 19–24; J. Z. Smith, *To Take Place: Toward Theory in Ritual*, Chicago–London 1987, p. 103, 109–110.

¹⁰ C. Bell, *Ritual Theory, Ritual Practice*, Oxford–New York 1992, p. 14–16.

¹¹ *MV*, p. 249, 253.

textual accounts of „Old Norse religion” whilst simultaneously needing those texts in order to interpret it as an example of such a belief system¹². There is no element of this funeral that would explicitly link it to Óðinn-worship – or indeed to any other known deity – therefore it is arguably not constructive to use this source primarily in relation to religion, Norse or otherwise.

Moving away from religious concepts, in her study on animals and humans in Old Norse religion, Kristina Jennbert provides a convincing case against „celestialising” the past and prioritising religious expression over social dynamics¹³. Instead, she argues that rituals – including death-rituals – primarily reproduce and legitimise social structures and provide „an evocative language for communication and power through physical and dramatic performances”¹⁴. When viewed in such a light, parts of this ritual, and of the burial practices of these Rus’ in general, begin to suggest that a water-borne, nomadic lifestyle was central to the identity of this particular group of Rus’. In the *Risala*, Ibn Fadlan gives an overview of their burial practices: „They do not bury dead slaves but leave them as food for the dogs and birds. When they catch a thief or a bandit... they tie him to [a solid] tree and he hangs there until he eventually decomposes... I was told that they set fire to their chieftains when they die. Sometimes they do more... When the deceased is poor, they build a small boat for him, place him inside and burn it... I arrived at the river where his boat was moored on the day the chief and the female slave were set on fire. I noticed that the boat had been beached and that it was supported by four *khadank* props. The props were surrounded by what looked like huge structures of wood... The Rūsiyyah approached, going to and fro around the boat uttering words I did not understand”¹⁵.

It is the cremation of the deceased in a boat that is of particular interest here. It may, as has been argued, have been inherited from Scandinavian (Swedish) burial practices established in the early Iron Age¹⁶. Alternately, K. Jennbert argues that lavish boat graves, within the Scandinavian context at least, „speak a language which emphasises that... the owner enjoyed a surplus that could be taken out of the ordinary production cycle and laid aside”¹⁷. Yet it is noteworthy that whilst slaves and criminals are specifically excluded from this boat cremation, even „poor men” are said to be burned in their boats. This suggests that the inclusion of a boat was not only an ostentatious display of wealth, or the legacy of a 7th century Scandinavian funerary practice, but a means through which to express the deceased’s social esteem and belonging within the group.

¹² J. P. Schjødt, *Initiation Between Two Worlds: Structure and Symbolism in Pre-Christian Scandinavian Religion*, trans. by V. Hansen, Odense 2008, p. 335, 339, 346–350.

¹³ K. Jennbert, *Animals and Humans*, p. 25.

¹⁴ *Ibidem*, p. 24, 103.

¹⁵ *MV*, p. 245–247.

¹⁶ J. Montgomery, *Ibn Fadlan and the Rusiyyah*, p. 13, note 39; P. Dolukhanov, *The Early Slavs: Eastern Europe from the Initial Settlement to the Kievan Rus*, Harlow 1996, p. 173–174, 184.

¹⁷ K. Jennbert, *Animals and Humans*, p. 162.

The boat was their primary method of transport, and its central role in a good funeral suggests that boat travel was, in and as of itself, an important social marker for these Rus'. This prioritisation of transportation and mobility in identity-marking is the first suggestion that these Rus' were not a dislocated retinue of traders and mercenaries from Kiev or from Scandinavia, as suggested by J. Jesch and H. R. Ellis Davidson¹⁸, but a nomadic social group. The use of means of transport as expressions of identity and esteem in a funerary context is not unknown amongst societies deemed „nomadic” – those which have a lifestyle that involves regular and prolonged periods of movement¹⁹. Both the Scythians and the Mongols were said to have used horses – their means of transport – in the burial rituals of important or worthy figures²⁰. For instance, one royal *kurgan* (Scythian burial mound) in Uyük contains 150 stallions aged between 12 and 15, many in ornate ceremonial riding gear, and the corpse itself was in a chamber whose timber floor was laid over 15–20 severed horses' tails²¹. Such practices may relate to their nomadism – if travel is so key to their lifestyle, then it is understandable that they would use modes of transport in their funeral practices to express identity.

These particular Rus' would have been in contact with the nomadic and semi-nomadic peoples of the Volga. This includes the Bulgars themselves, whom Ibn Fadlan describes as living in yurts, travelling from place to place and subsisting off agricultural practices; a scenario which matches Peter B. Golden's characterisation of the Bulgars as semi-nomadic pastoralists, wintering in cities but spending spring and summer grazing the steppes²². As already mentioned, the Rus' were quick to adapt to and adopt cultural practices, and therefore it is plausible that they adapted their lifestyles to mirror those of the peoples – such as the Bulgars – whom they encountered.

However, these Rus' have no livestock and therefore do not follow the pastoral nomadism practiced by the Bulgars. Instead, they appear to have a form of *peripatetic* society. A peripatetic (or „commercial nomad”) society consists of a group – usually a kinship group – whose reason for travel and means of subsistence is based on the provision of goods and services to larger, more sedentary societies, and who are typified by a constant ability to mobilise from periods of settlement if necessary and „a generalist repertoire of multiple strategies and the readiness to exploit any one of them intensely”. They deliberately separate themselves from host societies in appearance and customs; and they readily express pride in their identity, typically pertaining to cleverness, shrewdness in business, and the ability to manipulate power structures²³.

¹⁸ J. Jesch, p. 123; H. R. Ellis Davidson, *Myths and Symbols in Pagan Europe: Early Scandinavian and Celtic Religions*, Manchester 1988, p. 65.

¹⁹ K. A. Gavin, *Nomadism*, [in:] *Encyclopedia of Cultural Anthropology*, vol. 3, eds. D. Levinson, M. Ember, New York 1996, p. 859.

²⁰ R. Rolle, *The World of the Scythians*, trans. G. Walls, London 1980, p. 24–28; E. D. Phillips, *The Mongols*, London 1969, p. 33.

²¹ R. Rolle, *The World of the Scythians*, p. 41–44.

²² *MV*, p. 217, 221, 227–229; P. B. Golden, *The Peoples of the Russian Forest Belt*, [in:] *The Cambridge History of Early Inner Asia*, ed. D. Sinor, Cambridge–New York 1990, p. 237–238.

²³ M. T. Salo, *Peripatetics*, [in:] *Encyclopedia of Cultural Anthropology*, vol. 3, p. 917–921. The relation

Many aspects of this description fit these Rus'. Firstly, they travel in order to trade in slaves and sable furs, and this trade appears to be their primary mode of subsistence, forming the basis of their prayers and offerings to their idols²⁴. Secondly, they appear to be a full kin-group: it is heavily implied by Ibn Fadlan's description of male-female relations that the Rus' „wives” are present in this travelling group, and furthermore the deceased chieftain's kinsman plays a key role in the cremation²⁵. It is unlikely that „wives” would have been taken on raiding parties or trading ventures of uncertain success, and, as discussed by Tamara Pushkina, there are incongruities in older scholarship on more sedentary Rus' societies, whereby a male-dominated raider-trader/comitatus culture is posited as the Rus' „identity” whilst female ornamentation is being used to support claims of identity and ethnic origin²⁶. Not only does their religion suggest a deeply-entrenched commercial lifestyle rather than a mercantile/mercenary existence, but the presence of Rus' women, here and elsewhere, necessitates a re-evaluation of what kinds of societies the Rus' had during this period.

Finally, the priestess herself – the so-called Angel of Death – does appear to be a member of this group. Although H. R. Ellis Davidson argues that she was a Slavic recruit, this is by no means a certainty²⁷. Indeed, the Angel of Death carries out the ritual in an assured manner despite its complex and incredibly violent nature; something a foreign recruit may have struggled with²⁸. This, along with the fact that these Rus' had a special title for her, would suggest that she was in fact part of their group. A temporary itinerant setup would be unlikely to bring its own priestess and, as it seems unlikely that she was an external recruit, it would therefore be likely that this group was settled in its mobility. If they were indeed a peripatetic-nomadic group, it would explain why they seem to have been so well-equipped to deal with the death of a chieftain whilst on their travels, as well as their foregrounding of business within their culture, the presence of wives and a priestess, and their expression of identity through the iconography of movement. This is by no means suggesting that all Rus' were nomads, as archaeological evidence suggests that there were sedentary Rus' settlements established along the Volga by the 10th century²⁹. Yet overall, given their burial customs and general behavioural patterns, it is within the realms of plausibility that these Rus' led a peripatetic-nomadic lifestyle.

between peripatetic and other nomadic societies is somewhat ill-defined, but as peripatetics' nomadism is not directly related to food production, they are often treated separately from the other hunter-gatherer and pastoral nomads.

²⁴ *MV*, p. 241–245.

²⁵ *Ibidem*, p. 241, 251.

²⁶ T. Pushkina, *Viking-Period Pre-Urban Settlements in Russia and Finds of Artefacts of Scandinavian Character*, [in:] *Land, Sea and Home, Proceedings of a Conference on Viking-Period Settlement, at Cardiff, July 2001*, eds. J. Hines, A. Lane, M. Redknap, Leeds 2004, p. 43.

²⁷ H. R. Ellis Davidson, *Myths and Symbols in Pagan Europe*, p. 65; cf.: *MV*, p. 247.

²⁸ *MV*, p. 247–251.

²⁹ T. Pushkina, *Viking-Period Pre-Urban Settlements*, p. 43–44.

However, there are ways in which this account does not entirely map onto a typical peripatetic lifestyle. Matt T. Salo's discussion of peripatetics heavily implies that such groups are far more ready to mobilise and are far less settled than most other nomadic groups, which generally have a regular route of migration determined by seasonal pastures or hunting grounds³⁰. On the surface, these Rus do seem to follow this pattern – Ibn Fadlan states that, after their burial ritual has been completed, they simply mobilise once more³¹. Yet, one of the key elements of any ritual is that of emplacement; that is, the creation of *place*, an area of perceived significance, through a process of experiencing it in a deeply-felt manner. This process of experience often fosters a sense of belonging to or within it³², which is arguably at odds with peripatetics' highly mobile lifestyle.

According to Claude Lévi-Strauss, in ritual-practicing societies a ritual must slot into a pre-ordained „place” in the world, as „a native thinker makes the penetrating comment that „All sacred things must have their place”³³. Lévi-Strauss' views have been critiqued by Jonathan Z. Smith, who argues that this „native speaker” is instead referring to the idea that a ritual not only requires but *creates* place, whether pre-ordained or otherwise³⁴. Smith's argument seems to ring true in this case, as number of processes relating to emplacement appear within the Rus funeral. The funeral grounds are physically marked out as a distinct area of significance by the erection of poles upon which the boat is placed, as well as by a canopied temporary grave within which the chieftain's corpse is placed³⁵. During the ritual itself, a doorway is erected above which the slave girl claims to see the afterlife, thus creating a new layer of significance as this location is now an interstice between *here* and the *hereafter*³⁶. The final act of emplacement is the creation of a permanent memorial within the landscape, as the Rus' erect a mound and place a *khadank* spar atop it, upon which the chieftain's name is inscribed³⁷. All these acts display emplacement on the part of these Rus'. Although the place in question arguably holds pre-existing significance, due to the presence of Rus' idols³⁸, through the course of the ritual several acts heighten and redefine their mode of paying attention to and experiencing the space, thus turning it into place³⁹. After a violent and spectacular ritual – one which would presumably have left a profound impact upon those present – they leave a lasting mark upon the land, flagging it up as the *place* of the chieftain's departure. Thus, despite of the apparently highly mobile nature of peripatetic peoples,

³⁰ M. T. Salo, *Peripatetics*, p. 920–921; K. A. Gavin, *Nomadism*, p. 860.

³¹ *MV*, p. 253.

³² A. Gussow, *A Sense of Place: The Artist and the American Land*, San Francisco 1977, p. 27; N. Lovell, *Introduction*, [in:] *Locality and Belonging*, ed. N. Lovell, London–New York 1998, p. 1–3.

³³ C. Lévi-Strauss, *The Savage Mind*, trans. G. Weidenfeld, London 1966 [1962], p. 10.

³⁴ J. Z. Smith, *To Take Place*, p. 121, note 2.

³⁵ *MV*, p. 245–247.

³⁶ *Ibidem*, p. 249.

³⁷ *Ibidem*, p. 253.

³⁸ *Ibidem*, p. 243.

³⁹ Cf.: The process of emplacement described in J. Z. Smith, *To Take Place*, p. 103–104.

these Rus' are quite emphatically staking their claim to emplacement at this location on the Volga.

These processes of emplacement suggest that these Rus' are not strictly peripatetic, but instead possess a hybrid culture, somewhere between the strictly peripatetic and other forms of nomadism. Not only do they carry out rituals – themselves acts of emplacement – but they have at various points altered the landscape with markers that pertain to their culture alone. Prior to the funeral, there is already a ritual place for these Rus' in Bulghar territory. Ibn Fadlan describes an area with wooden idols „set in the ground”. The manner of describing the worship of these idols as part of the Rus' disembarkation routine heavily implies that this was a pre-existing sacred place for these Rus'⁴⁰. After the ritual, they create another alteration in the landscape: a burial mound complete with a wooden plank inscribed with the name of the chieftain and „the king of the Rūsiyyah” upon it; marking it as *their* place, bearing an inscription which is understood by that particular group and pertains to their experiences⁴¹. The degree of familiarity they display towards Arabic burial customs, and the manner in which they construct their temporary settlement in Bulghar lands without challenge⁴², likewise all suggest that they were by no means an unfamiliar sight on this route from the Volga to the Caspian Sea. Thus, an apparent paradox is formed: although these Rus' show many of the hallmarks of a peripatetic group, they behave in a manner that suggests that, in the summer of 922, they were firmly emplaced within this area and felt a sense of familiarity, and even belonging.

What seems to be the case is that, despite a primarily peripatetic lifestyle, these Rus' appear to possess a sense of emplacement that is akin to that of a more traditional nomadism. Such an emplacement evocatively characterised by Tim Ingolds as follows: „To live, both human beings and other animals have to breathe. They breathe *in* the atmosphere, and breathe *out* along a line of movement... It is along such tracks that nomadic lives are predominantly carried on... These trails thread their way through the land rather like the roots of a rhizome to form a mesh of interlaced itineraries. That is why there is no contradiction between mobility and rootedness, or between nomadism and indigeneity”⁴³.

These Rus' are firmly and undeniably emplaced upon the Volga route which they traverse, and make no qualms about altering the landscape to further emplace their presence. Yet, this emplacement does not occur in pools, punctuating the space through which they travel. Rather, their emplacement flows along the paths they traverse, and they appear as „at home” trading in the Volga Bulghar region as they do joking about

⁴⁰ *MV*, p. 243.

⁴¹ *Ibidem*, p. 253. Whether this refers to a Kievan leader or a ruler of one of the other Rus' groups described by Al-Mas'udi only a few decades later is unknown.

⁴² *Ibidem*, p. 241.

⁴³ T. Ingold, *Epilogue*, [in:] *Nomadic and Indigenous Spaces: Productions and Cognitions*, eds. J. Miggelbrink, J. O. Habeck, N. Mazzullo, P. Koch, Farnham 2013, p. 260.

Arabic burial customs⁴⁴. Their patterns of behaviour and social structure all build an image of a hybrid form of nomadism: peripatetic in nature – perhaps in origins – yet influenced by and symbiotic with the pastoral nomadic groups they encountered along the Volga. The ultimate fate of this particular Rus' lifestyle is unknown. However, what does appear to be the case is that these particular Rus', at this particular point in time, appeared to have adopted a manner of belonging upon this river that owed itself more to the paths of emplacement typical of pastoral nomadic societies. Such a scenario illustrates the hybridity of the culture developed by these Rus', as well as raising further questions as to the nature of peripatetic nomadism in general, and whether it is as rootless as it is popularly perceived as being.

Overall, this paper aimed to illustrate the richness of Ibn Fadlan's account of the Rus' when it is removed from the discourses of modern ethnic identities and religions. The image that emerges is a fascinating glimpse into a lifestyle that, whilst ultimately transient, was at the time a strongly-felt identity. This mode of existence, ostensibly peripatetic yet rooted along the river's pathways in a manner comparable to pastoral nomadism, is a particular permutation of nomadism that – like many aspects of peripatetics – remains an underexplored area. Rather than speaking of the Viking Age diaspora in terms of a teleological path towards settlement, it becomes possible to envisage a cladistic web of interrelated ways of being, as the diasporic communities adapted to their new environments and neighbours. In doing so, scholarly understandings of what the communities along the eastern trade routes were and how they interacted with each other – as well as understandings of the Viking Age diaspora in general – become all the richer.

*

Kathryn A. Haley-Halinski, *Cesty příslušnosti: Nomádká identita a rituální místo v ruském pohřbu Ibn Fadlana*

Možná jedna z nejvíce diskutovaných pasáží v *Risale* Ibn Fadlana je ruský pohřeb na řece Volze. V této souvislosti se nejvíce diskutuje náboženská příslušnost a „původ“ pohřbu, usiluje se o identifikaci skandinávských nebo slovanských prvků, a to navzdory nedostatku spolehlivých informací o náboženství kterékoliv kultury v průběhu 10. století. Přesto, je-li tento rituál zkoumán z pohledu společenské identity spíše než hlediska náboženství, zdá se, že vykazuje peripatetickou nomádkou identitu uprostřed partikulární skupiny Rusi, snad ovlivněnou kočovným/polokočovným způsobem života dalších obyvatel oblasti kolem řeky Volhy. To se nejvíce projevuje v používání lodí – jejich způsobu přepravy – k označení příslušnosti a společenského statutu, stejně jako přítomnosti „manželky“ a kněžky. To vše vůbec neznamená, že celá ruská kultura byla kočovná, ale dokládá to, že tento rituál je mnohem více než zdroj předkřesťanské

⁴⁴ *MV*, p. 253.

religiozity nebo nástroj na mapování Rusi v kontextu moderních národů: je to doklad, že se zde přímo uprostřed partikulární Rusi formovala peripatetická nomádská identita.

*

Кэтрин А. Хэйлей-Хэлински, *Пути принадлежности: кочевая идентичность и ритуальное пространство на похоронах руса в описании Ибн Фадлана*

Возможно, одним из наиболее обсуждаемых мест в *Ризале* Ибн Фадлана является описание похорон руса на Волге. Большинство исследований этого фрагмента концентрировались на религиозной стороне и на „истоках” похоронного обряда, пытаясь определить в нем скандинавские или славянские черты, несмотря на отсутствие достоверной информации о религиозных верованиях этих культур в X веке. Однако, если этот ритуал рассматривать с точки зрения социальной идентичности, а не религии, то он, по-видимому, выражает перипатетическую кочевую идентичность этой конкретной группы русов, сложившуюся вероятнее всего под влиянием кочевого/полукочевого образа жизни народов Волжского региона. Это наиболее четко прослеживается в использовании ладьей – главного средства передвижения – для обозначения принадлежности и социального статуса, и одновременно в наличии „жен” и жриц. Это не означает, что культура всей Руси была кочевой, но показывает, что этот ритуал – это нечто большее, чем просто источник о дохристианских религиях, или инструмент для экстраполяции русов на современные народности. Можно предположить, что эти русы сформулировали свою собственную сугубо кочевую идентичность.

Дарья Глебова
(Рейкьявик)

Загадка как нарративный прием в *Повести временных лет*: хазарская дань и византийский визит княгини Ольги

Настоящее исследование рассматривает знаменитые эпизоды „хазарской дани” и визита княгини Ольги в Константинополь, отображенные в Повести временных лет, с точки зрения их структуры. В качестве активной нарративной составляющей, влияющей на композицию эпизодов, предлагается жанр загадки: в рассматриваемых фрагментах выявляется структурная „вопросно-ответная” форма, которая позволяет назвать их „ситуациями загадки”. Кроме того, загадки действуют и как подтексты, создавая многоуровневое повествование за счет процесса реконтекстуализации. Так, в исследовании выдвигается гипотеза, что сюжетная линия встречи княгини Ольги и византийского императора появляется под прямым влиянием загадки из традиции Јоса топачогит, помещенной в один из ответов Ольги: загадка встречается в популярном на Руси памятнике апокрифических вопросно-ответных текстов, известном как „Беседа трех святителей”.

I

1. „Хазарская дань” и визит княгини Ольги в Константинополь, отображенные в *Повести временных лет* (далее: *ПВЛ*) под 6463 [955] годом¹, – эпизоды, обычно не рассматривающиеся вместе. Однако некоторые схожие черты на уровнях формы и содержания дают основу для сравнения. С точки зрения формы, оба случая содержат некоторый экстраординарный элемент, который, вероятно, оставляет читателя в недоумении: дань хазарам выплачивается в мечях, несмотря на то, что обычно она выплачивается в более традиционных величинах – „белых

¹ *Повесть временных лет (Ипатьевский список)*, [in:] Библиотека литературы Древней Руси, т. 1: XI–XII вв., Санкт-Петербург 1997, 6463 [955] (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> [2.01.2017])

веверицах”, „черных кунах” или „по щелягу”²; византийский император внезапно делает Ольге предложение. Этот экстраординарный элемент маркирует эпизод как кодовое сообщение³, что уже было замечено исследователями: оба действия (дань и предложение) были интерпретированы как символические. Так, эпизоды оказываются похожи и на уровне содержания (или даже своего *сообщения*) – было предложено, что на одном из этапов сложения текста *ПВЛ* дань мечами могла читаться как символ независимости полян⁴ или превосходства православия над иудаизмом⁵. Схожим образом анекдот о византийском императоре, делающем предложение Ольге, интерпретируется в исследовательской традиции как история о прославлении Ольги и независимости Руси. Ольга крещена императором, но избегает замужества: так она и вводит Русь в мировое христианское сообщество, и защищает независимость своего государства⁶.

2. Данная работа является попыткой перевести внимание с символического значения эпизода на его *структуру* и задаться двумя задачами: 1) посмотреть на механизм выстраивания символического значения в указанных эпизодах с помощью упомянутого „экстраординарного элемента”, и 2) поставить этот прием в общий контекст ретроспективной части *ПВЛ* (фрагменты до 1000 г.) и поразмышлять о том, как этот метод передачи символического значения встраивается в общий нарративный инструментарий летописи.

II.

1. Фрагменты разделяют общее содержательное сходство: „независимость” и „честь”, добываются не кровопролитием, а необычным (для одной из сторон) действием, что напоминает известный во многих культурах мотив состязания в хитрости⁷. В летописном нарративе такое состязание вводится с помощью трех-сложной формы: на действие одной стороны (1) другая сторона отвечает зашиф-

² А. А. Гиппиус, *К хазарской дани*, [in:] *Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза: Материалы конференции. Москва, 19–21 апреля 2011 г.*, вып. 23, ред. Е. Мельникова, Москва 2011, с. 50.

³ Ср. замечание Ю. Лотмана о том, что „воспринимать текст не как обычное сообщение, а в качестве некоторой кодовой модели” нас заставляют образования „ритмических рядов, повторов, возникновением дополнительных упорядоченностей, совершенно излишних с точки зрения коммуникативных связей в системе «Я – Он»” – то есть как раз некоторые экстраординарные, казалось бы излишние элементы, в: Ю. М. Лотман, *Автокоммуникация: „Я” и „Другой” как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры)*, [in:] Ю. М. Лотман, *Семиосфера*, Санкт-Петербург 2000, с. 173.

⁴ Ср. работы: А. Koptev, *The Story of „Chazar Tribute”: A Scandinavian Ritual Trick in the Russian Primary Chronicle*, „Scando-Slavica”, 56, 2010, 2, p. 189–212; А. А. Гиппиус, „Рекоша дружина Иго-реви...»: к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи, „Russian linguistics”, 25, 2001, с. 147–181.

⁵ И. Н. Данилевский, *Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов*, Москва 2004, с. 151.

⁶ Ср. работу: F. Butler, *Olga’s Conversion and the Construction of Chronicle Narrative*, „The Russian Review”, 67, 2008, p. 230–242.

⁷ J. Huizinga, *Homo Ludens: A Study of the Play Element in Culture*, Boston 1955, p. 105.

рованным действием (2), которое затем получает интерпретацию или оценку первой стороны (3). Так, хазары приходят за данью к полянам (1), получают в ответ мечи (2) и затем их толкуют (3): „И наидоша я козарѣ, сѣдящая в лѣсѣхъ на горах, и ркоша козарѣ: «Платите намъ дань». Здумавше же поляне и вдаша от дыма мечь. <...> И рѣша старцѣ козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы доискахомся оружьемъ одиной страны, рѣкше саблями, а сихъ оружье обоуду остро, рекше мечи. Си имуть имати и на нас дань и на инѣхъ странахъ»»⁸.

2. Шифр и толкование в этом эпизоде напоминают акт загадывания и отгадывания загадки⁹. Как и традиционная загадка, этот фрагмент содержит вопрос, который здесь выражен в виде действия (выдача дани в мечех), и ответ – толкование хазар¹⁰. В качестве рабочего термина назовем эту структуру „ситуацией загадки”. Как кажется, по похожему принципу строится эпизод подношения даров Святославу греческими послами: греки подносят дары (1), шифром-вопросом здесь становится реакция Святослава на дар (указание похоронить золото и ткани, а оружие взять) (2), а ответом-толкованием – речь греческих „бояр”: „Лютъ сей мужъ хоцеть быти, яко имѣния не брежет, а оружье смелъ. Имися по дань”¹¹. Эпизод визита Ольги в Константинополь тоже можно рассматривать как „ситуацию загадки” в контексте состязания в хитрости: в этом случае фраза императора „Подобна еси царствовати в городѣ семъ с нами” интерпретируется Ольгой, вероятно, как предложение замужества (1) (иначе не ясно, откуда берется вся хитрость защиты от замужества с помощью крещения; на функцию ответа здесь указывает деепричастие „разумѣвши”). Ее решение креститься становится загадочным „вопросом” (2) – действием-шифром, которое император должен правильно проинтерпретировать, чтобы выстроить свое поведение верно; затем следует его действие – ответ/толкование – на этот раз, очевидное предложение замужества, и комментарий: „Переключка мя, Олга” (3): „Иде Олга въ Грѣкы и приде к Цесарюграду. И бѣ тогда цесарь Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И видѣвъ ю добру сущю лицем и смыслену велми, и удивися цесарь разуму ея, бесѣдова к ней и рекъ ей: «Подобна еси царствовати в городѣ семъ с нами». Она же, разумѣвши, и рече къ

⁸ *Повесть временных лет*, Пролог.

⁹ Использование загадок в летописи отмечалось ранее, ср.: А. С. Дёмин, *О художественности древнерусской литературы*, Москва 1998, с. 574 (в контексте „свой”/„чужой”) или Д. С. Лихачев, *Русские летописи и их культурно-историческое значение*, Москва–Ленинград 1947, с. 132–144.

¹⁰ Обзор зарубежных исследований формы „загадки” как жанра см., например, в: A. Kaivola-Bregenhøj, *Riddles: Perspectives on the Use, Function and Change in a Folklore Genre*, „Studia Fennica: Folkloristica”, 10, 2001, p. 38–53. Ср. также наблюдение В. Н. Топорова о том, что „наиболее фундаментальной чертой этого текста [т.е. загадочного текста – Д. Г.] нужно считать его вопросо-ответный характер, задающий двойное членение этого текста на „вопросную” и „ответную” структуры” в: В. Н. Топоров, *К реконструкции „загадочного” прототекста (о языке загадки)*, [in:] *Исследования по этимологии и семантике*, т. 1, Москва 2004, с. 473.

¹¹ *Повесть временных лет*, 6479 [971]. На „состязательность” этого эпизода уже указывали, ср.: А. А. Гиппиус, *Хазарской дани*, с. 53; Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, с. 132–144; В. Н. Топоров, *О космологических источниках раннеисторических описаний*, [in:] *Из работ московского семиотического круга*, Москва 1997, с. 147, примечание.

цесарю: «Азь погана есмь, да аще мя хоцещи крестити, то крѣсти мя самъ, аще ли – то не крещюся». И крести ю цесарь с патриархом <...>¹². И по крещении призва ю цесарь и рече ей: «Хоцю ты поняти женѣ». Она же рече: «Како мя хоцещи поняти, а крѣстивъ мя самъ и нарекъ мя дщерь? А въ крестьянѣхъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси». И рече цесарь: «Переключю мя, Олга»¹³.

3. При этом встреча Ольги и императора отличается от хазарской или греческой „ситуаций загадки”. В отличие от хазарского и греческого эпизодов, в которых вербальной интерпретации оказывается достаточно (вероятно, потому что внутри летописного нарративного мира хазары и греки толкуют поведение полян и Святослава верно), византийскому императору предстоит пережить унижение перед княгиней Ольгой. Император ошибается в интерпретации поведения Ольги и попадает в анекдотическую ситуацию: он впускает Ольгу в Византийское Содружество (Byzantine Commonwealth, термин Дмитрия Оболенского), но не получает эквивалентного действия от Ольги и Руси взамен.

3.1 Случай подобного „неправильного” толкования кода правителем не единичен. Контекстным примером может служить поразительно похожая фигура византийского императора, ошибающегося в интерпретации, которая встречается в *Case o Gutax* (*Guta saga*, XIII век). Странствующие в поисках места для поселения гуты добираются до Константинополя и просят у императора разрешения остаться „um pu ok niðar” (2)¹⁴. Византийский император понимает эту фразу как „один месяц” и дает разрешение. Это оказывается ошибкой: когда проходит месяц и гуты никуда не уходят, в действие вступает императрица, которая поясняет, что эта фраза означает „е ос е”, т. е. „навсегда” (3). Таким образом гуты получают искомую землю, хитрость удается: „So fierri foru þair, et þair quamtu til Griklandz. Þar baddus þair byggias firir af grika kunungi um ny ok niðar. Kunungr þann lufaði þaim ok hugði, et ai *maira *þan ann manaþr vari. Siþan gangnum manaþi, vildi hann þaim bort visa. En þair *annsuaðu þa, et ny ok niðar vari e ok e, ok quaðu, so sir vara lufat. Þissun þaira víþratta quam firir drytningina um siþir. Þa segði han: ‘Minn herra kunungr! Þu lufaði þaim byggia um ny ok niðar. Þa ir þet e ok e, þa matt þu ai af þaim taka’ [выделено нами – Д. Г.]”¹⁵.

¹² Для экономии времени и места пропускаем здесь часть нарратива, относящуюся к патриарху, следуя здесь выводам текстологического анализа наших предшественников, по мнению которых либо история об Ольге и патриархе была интерполирована в текст об Ольге и императоре, либо наоборот (ср.: А. А. Шахматов, *Разыскания о русских летописях*, Москва 2001 (первое издание: 1908), с. 86; Л. Мюллер, *Рассказ „Повести временных лет” 955 г. о крещении Ольги* (1988), пер. с нем. Л. И. Сазоновой, [in:] Idem, *Понять Россию: Историко-культурные исследования*, пер. с нем. Москва 2000, с. 46–48). В своем выборе исключить на данном этапе из анализа фрагмент о патриархе основываемся на точке зрения А. Гиппиуса, по мнению которого весь эпизод является интерполяцией в более древний уровень текста летописи, где линия Ольги и патриарха оказывается результатом позднейшей агиографической редактуры (А. А. Гиппиус, „*Рекоша дружина Игоревы...*”, с. 178, примечание).

¹³ *Повесть временных лет*, 6463 [955].

¹⁴ С. Peel, *Guta Saga: The History of the Gotlanders*, „Viking Society for Northern Research Text Series”, 12, 1999, 4 (<http://www.vsnrweb-publications.org.uk/Text%20Series/Guta%20saga.pdf> [2.01.2017]).

¹⁵ „Они плыли так долго, что приплыли в Грекланд. Они попросили у конунга греков разрешения

3.2 Прием, используемый в приведенном фрагменте, – это неправильное истолкование конкретного устойчивого утверждения, известного среди гутов и не известного императору. При этом обратим внимание на то, что, вероятно, для слушателя или читателя истории о гутах и императоре ошибка императора оказывалась особенно подчеркнутой: в ряде древнескандинавских законов выражение „*pu ok þífar*” появляется в контексте временного промежутка длиной в один месяц¹⁶. Схожий механизм встречается в композиции эпизода визита княгини Ольги в Константинополь: Ольга знает о том, что крестный отец не сможет быть ее мужем, а император – нет. Но код, неизвестный императору, выражается не только в „загадочном” поведении. На желание императора взять ее в жены Ольга отвечает словами, практически идентичными загадке из популярного на Руси апокрифического вопросно-ответного памятника, известного как *Беседа трех святителей* (далее: *БТС*)¹⁷: „(...) призва ю цесарь и рече ей: «Хощю ты поняти женѣ». Она же рече: «Како мя хощеши поняти, а крѣстивъ мя самъ и нарекъ мя дщерь?(...)»” (*ПВЛ*)¹⁸. „Василей рече: Внукъ рече бабѣ своей: «Положи мя у себе». И рече баба: «Како хощю положити тя, а ты мнѣ отецъ?». Ответ: „Иоани рече: Баба естъ земла, а вноукъ – Христос” (*БТС*)¹⁹.

Сходство обуславливается:

а) Параллельными синтаксическими конструкциями:

– *форма обращения/ответа*

ПВЛ: „И по крещении призва ю цесарь и рече ей/ Она же рече”;

БТС: „Внукъ рече бабѣ своей / И рече баба”;

– *форма сложного будущего времени – конструкция „хотѣти” + инфинитив*

ПВЛ: „Како мя хощеши поняти”;

жить там «в новолуние и в ущербную луну». Конунг разрешил им и думал, что это продлится не больше одного месяца. После того как прошел месяц, он хотел было предложить им уйти. Но они отвечали, что новолуние и ущербная луна бывают всегда, и сказали, что им было так обещано. Спор между ними дошел до королевы. Она сказала: «Господин мой, конунг! Ты разрешил им жить [здесь] «в новолуние и в ущербную луну». Это значит «навсегда». Ты не можешь отказаться от своих слов». Так они и жили там, и живут еще и теперь, и еще сохранили кое-что из нашего языка” (С. Д. Ковалевский, „*Saga о гутах*” (перевод и комментарий), „Средние века”, 38, 1974, с. 20).

¹⁶ Оно используется в *Gulabingslög*, а также в *Västgötalagar* (С. Peel, *Guta Saga*, 26). Ср. также „*nú ok þíð*” в *Речах Вафтруднира* (*Vafþrúdnismál*), одной из песен *Старшей Эдды*, которое отсылает к отсчету времени по фазам лунного месяца (новая луна и уходящая луна) и обычно интерпретируется как „месяц” (А. Nordberg, *Jul, disting och förkyrklig tideräkning*, Uppsala 2006, p. 68–70).

¹⁷ Несмотря на то, что древнейший русский список с упоминанием интересующей нас загадки датируется XV веком (М. Г. Бабалык, *Апокриф „Беседа трех святителей” в русской рукописной книжности: исследование и тексты*, Саарбрюккен 2012), известны более древние восточнославянские списки самой *Беседы* (XII в.) (М. Taube, *An Early Twelfth-Century Kievan Fragment of the Beseda трех святителей*, „*Harvard Ukrainian Studies*”, 12–13, 1988–1989, p. 346–359). Поэтому представляется возможным предположить, что *БТС* вполне могла быть одним из источников, составлявших круг чтения составителя летописи.

¹⁸ *Повесть временных лет*, 6463 [955].

¹⁹ *БТС* цит. по списку: Российская Государственная Библиотека, Собрание Троице-Сергиевой лавры, № 769, начало XVI в.

БТС: „Како хощю положити тя”;

– конструкция с присоединительным (здесь) союзом „а” – в значении „если, когда, так как”

ПВЛ: „Како мя хощеши поняти, а крѣстивъ мя самъ и нарекъ мя дщерь”;

БТС: „Како хощю положити тя, а ты мнѣ отецъ?”;

б) Семантическими параллелями:

– сватовство/предложение близости, в обоих случаях имеющее инцестный характер²⁰;

– указание на связь отец/дочь.

3.3 Таким образом, Ольга не загадывает императору загадку напрямую (как это делают поляне, отправляя хазарам меч вместо дани)²¹. Ольга ставит его в ситуацию, изначально заданную известной в ученых монашеских кругах шуточно-катехизисной загадкой²². Возможно, и сам рассказ приобретает таким образом дополнительный иронический эффект: в истории об Ольге и императоре фраза из *БТС* реконтекстуализируется и приобретает новое значение, при этом сохраняя старую, вероятно, шутливую семантику. Т. е. для непосвященного этот рассказ остается историей о хитрости и независимости Ольги, в то время как для посвященного – еще и чрезвычайно остроумно составленным анекдотом. Это типологически роднит его с анекдотом о гутах и императоре с точки зрения метода его композиции: рассказ строится не только на сюжетном взаимодействии персонажей, но и на игре с языковыми/литературными отсылками.

4. В любом случае, символически император оказывается побежден, так как ответа на заданную задачу он не находит. То же самое, но в намного более жестоком формате происходит с древлянскими послами во фрагментах, известных как четыре мести княгини Ольги. Исследователями уже не раз отмечалось, что древляне здесь попадают в ловушку непонимания обычаев полян, принимая

²⁰ О табуированности такой связи между крестными и крестниками в средневековом мире, см.: F. Butler, *Olga's Conversion*, p. 240.

²¹ Важно отметить наблюдение И. Данилевского, по мнению которого „Ольга, как и царица Савская, отправляется в Константинополь, чтобы испытать его правителя, как Соломона, загадками. Однако константинопольский император, в отличие от легендарного правителя Иерусалима, оказывается не в состоянии объяснить приехавшей „царице” <...> ее вопросы” (И. Н. Данилевский, *Повесть временных лет*, с. 160). Несмотря на то, что вывод о первостепенности библейской линии кажется проблематичным (все же Ольга напрямую не задает никаких особенных вопросов, а император не пытается ей что-то „объяснить”), само наблюдение кажется очень точным – император действительно проходит своеобразное испытание загадкой (точнее, загадочной ситуацией), которое он не выдерживает.

²² О возможном ироническом ореоле такого рода загадок в *БТС* писали А. Страхов и О. Страхова. По их мнению, фольклорные загадки в тексте *Беседы* могли использоваться книжниками в качестве инструмента для иронической обработки определенных тем: „вышучивания и снижения серьезной темы” или „высокого стилистического оформления темы низкой” (А. Б. Страхов, О. Б. Страхова, *Русские загадки и традиция Joca Monachorum*, 5, 1997, с. 152). Было также отмечено, что во многих случаях книжный текст преобразовывался в фольклорный, а затем, уже в качестве „народного” текста, обрабатывался снова в книжной среде.

обряд похорон за обряд почитания²³. Привлекает внимание использование Ольгой фразы „Не ѣдемъ ни на конехъ, ни пѣши идемъ, но понесете ны в лодыи”, напоминающей образность и синтаксис загадок – ни ее, ни всю ситуацию в целом древляне оказываются не способны решить и потому погибают; ср. мотив смертельного исхода при неотгадывании загадки в древнеиндийской, греческой, скандинавской и других фольклорных традициях²⁴. Возникает спекулятивный вопрос, не может ли и эта „победа” Ольги быть примером остроумия летописца, который использует загадку как прием для создания нового нарратива? Или, может быть, составитель анекдота об Ольге и императоре мог черпать свое вдохновение в эпизоде о первой мести Ольги древлянам?

III.

1. Таким образом, экстраординарный элемент в эпизодах о хазарской дани и встрече княгини Ольги с византийским императором, вызывающий недоумение читателя, связывается с жанром загадки; мы предложили рассматривать эти фрагменты как примеры „ситуации загадки”. *ПВЛ* не дает примеров традиционного использования загадок – в летописи никто не задает „настоящих”, жанровых загадок и не ждет ответа. Вместо этого традиционная ситуация загадывания и отгадывания загадок (или даже состязания в загадках) в ней преобразуется и становится активной частью легендарного нарратива, задавая форму для эпизодов и, возможно, даже влияя на их содержание (как в случае с анекдотом о встрече византийского императора и княгини Ольги).

2. Не считая сходства по форме, эпизоды с „загадочной ситуацией” в *ПВЛ* обнаруживают как минимум два структурных сходства. Во-первых, во всех случаях имеет место ситуация интерпретации, которая может выражаться либо в виде прямого комментария одной из сторон (хазарские старцы, истолковывающие мечи; греки, толкующие поведение Святослава), либо в виде действия, отдельной истории, основанной на ситуации интерпретации (византийский император или древлянские послы, не понимающие Ольгу). Во-вторых, эта ситуация интерпретации может быть описана с помощью модели „внутреннее”/„внешнее”, где „внешнее” должно интерпретировать „внутреннее”. Поляне или Русь и ее представитель подаются в летописи как загадка или энигма и „внешнее” (хазары, греки) ставится летописью в позицию интерпретирующего. Так сложный процесс взаимоотношений с внешними политическими силами в летописи приобретает свой собственный код – язык, на котором об этом стоит говорить. А загадки оказываются жанром, влияющим на форму осмысления отношений с окружающим миром.

²³ См.: А. С. Дёмин, *Поэтика древнерусской литературы XI–XIII вв.* Москва 2009, с. 242; Д. С. Лихачев, *Повесть временных лет*, подготовка текста, перевод, статьи и комментарий Д. С. Лихачева, 2-е изд., Санкт-Петербург 1996, с. 435–439, А. В. Коптев, *Летописная месьть княгини Ольги древлянам и ритуал погребения русского князя*, „Centaurus: Studia classica et mediaevalia”, 4, 2008, с. 116–148.

²⁴ J. Huizinga, *Homo Ludens*, p. 108.

*

Daria Glebova, *Riddles as Narrative Tools in the Poviest' vriemiennyh liet: The Cases of Khazar Tribute and Princess Olga in Byzantium*

This study is an attempt to look at the episodes of the Khazar tribute and Princess Olga's visit to Byzantium (955) in the *Poviest' vriemiennyh liet* (Повести временных лет) from the point of view of their structure. Thus, a riddle, as a part of the *battle of wits* motive, is proposed as one of the main genres that influenced the narrative construction of the episodes. Traces of the riddle can be seen in the structure that is called here „a riddle situation” and that shows features of the „question-answer” form. Moreover, riddles are used as subtexts; it is suggested that the episode of the Olga's visit to the Byzantine Emperor unfolds from the riddle that appears in one of the Olga's speeches – the riddle that is known from the apocryphal question-answer text known as the *Biesieda trioh sviatitieliev* (Беседа трех святителей).

*

Daria Glebova, *Hádanky jako nástroje narace v textu Poviest' vriemiennyh liet: Příběh chazarského tributu a kněžny Olgy v Byzanci*

Tato studie je pokusem podívat se na epizodu chazarského tributu a návštěvy kněžny Olgy v Byzanci (955) v textu *Poviest' vriemiennyh liet* (Повести временных лет) z hlediska struktury příběhu. Dokládáme, že hádanka, jako součást motivu *disputace*, je jedním z hlavních žánrů, který ovlivňuje narativní výstavbu celé epizody. Stopy hádanky lze vnímat ve struktuře, která se zde nazývá „situace hádanky” a poukazuje svými vlastnostmi na formu „otázka-odpověď”. Kromě toho jsou hádanky použity jako podtext; je patrné, že se epizoda Olžiny návštěvy v Byzantském císařství odvíjí od hádanky, kterou pronese Olga v jedné ze svých promluv – tato hádanka je známa jako apokryfní text sporu (otázka-odpověď), známého jako *Biesieda trioh sviatitieliev* (Беседа трех святителей).

Martin Bürger
(Praha)

K otázce vzniku státu východních Slovanů a Volžských Bulharů

Rozsáhlý stepní pás táhnoucí se od Mongolska až ke Karpatům tvořil ve středověku civilizační tepnu, po níž přicházely z Asie do Evropy početné kočovné kmeny. Svou přítomností ve východoevropských a středoevropských stepních oblastech výrazně ovlivňovaly vývoj širokého regionu. Jedním z významných kočovných etnik, které sousedilo s rodícím se státem východních Slovanů, byli Volžští Bulhaři, kteří se po rozpadu tzv. Velkého Bulharska na konci 7. století přesunuli z prostoru nad Černým a Azovským mořem do volžsko-kamského regionu. Došlo k tomu zřejmě během válečných konfliktů s Chazary, tehdejším hegemonem východní Evropy, pod jejichž protektorátem Volžští Bulhaři žili do 10. století. Roku 922 přijali během návštěvy vyslance bagdádského chalífy Ibn Fadlána islám. Umožnilo jim to hospodářskou a kulturní výměnu s arabskými zeměmi a pozvolný odklon od slábnoucích Chazarů, vyznávajících judaismus. K přijetí monoteistického náboženství došlo v 10. století i u východních Slovanů. V jejich případě šlo o křesťanství šířené z byzantské říše. Předkládaný text shrnuje nejstarší dějiny Volžských Bulharů a východních Slovanů, dvou navzájem se ovlivňujících sousedů, kteří se ovšem odlišovali svým původem, jazykem, ale také životním způsobem, materiální a duchovní kulturou a zahraničně-politickou orientací. Důraz je kladen na proces vzniku volžsko-bulharského a kyjevského státu, přičemž jsou komparovány dva pro tento proces klíčové faktory – dálkový obchod a přijetí monoteistického náboženství. Obchodní aktivity umožňovaly oběma státům navazování diplomatických vztahů se silnějšími sousedy – byzantskou říší, chazarským kaganátem a arabsko-perským světem. Důsledkem nových diplomatických vazeb bylo i seznámení a v konečném důsledku i přijetí monoteistických náboženských systémů oběma východoevropskými státy. Autor se pokouší zodpovědět otázku, do jaké míry byla tato skutečnost zásadní pro zformování obou raně středověkých států a jakým způsobem přispěla ke konstituování moci panovníka, který se stal ochráncem a šířitelem „pravé víry“.

Rozsáhlý stepní pás táhnoucí se od Mongolska až ke Karpatům tvořil ve středověku civilizační tepnu, po níž přicházely z Asie do Evropy kočovné kmeny,

kteřé svou přítomností ve východoevropských a středoevropských stepích významně ovlivňovaly vývoj širokého regionu. Evropskou stepní zónu lze rozdělit na tři části – na Karpatskou kotlinu, na území při severním pobřeží Černého moře a na oblast rozkládající se severně od Kavkazu. Zatímco ve východoevropském prostoru se nachází mezi stepí a územím, které bylo ovládáno vyspělými civilizacemi, přírodní bariéry (Černé moře, Kavkaz, Kaspické moře), které kočovníkům bránily v pohybu směrem do nitra těchto stabilních státních celků, mezi stepí a lesním pásmem na severu, kde přicházeli kočovníci do styku s převážně ugrofinským, dále na západ také se slovanským obyvatelstvem, nenaráželi na geografické překážky.

Maďarský badatel István Zimonyi je přesvědčen, že historický vývoj východní Evropy ve středověku lze interpretovat jako zápas o převahu mezi stepí a lesy na sever od stepního pásma¹. Asijští kočovníci, jakými byli Hunové, Avaři, Chazaři a Volžští Bulhaři, se mezi 4. až 10. stoletím postupně vystřídali v roli hegemonu východoevropské stepi. Na sklonku 10. století se novým pánem regionu stali východní Slované, jimž se podařilo moc kočovníků zlomit.

Bulhaři byli původně turkickými kočovníky, kteří se do Evropy dostali pravděpodobně jako součást hunského kmenového svazu. Po jeho rozpadu v polovině 5. století rozeznáváme ve východní Evropě několik kmenů, které byly součástí původního hunského kmenového společenství – Akaciry, Barsily, Urogy, Sabiry a Bulhary². V 7. století psal o Bulharech jako o *Βούλγαροι* pozdně antický historik Ioannes Antiochijský, který se zmiňuje, že se tito *Βούλγαροι* objevili na hranicích byzantské říše již roku 480 a žádali Byzanc o spojenectví proti Avarům³. Následně se setkáváme se zmínkami o Bulharech i v latinských (ve formě *Bulgari*, *Vulgari*, *Bulgar*) a syrských (*Burgar*) pramenech⁴. Byzantské prameny charakterizují Bulhary jako příslušníky pomocných jednotek avarského vojska, což potvrzuje, že se dostali do závislosti na avarské moci⁵. Okolo roku 635 se však proti avarské převaze vzbouřili a pod vedením chána Kuvrata⁶ se osamostatnili a založili kmenový svaz, tzv. Velké Bulharsko, který zaujímal

¹ I. Zimonyi, *History of the Turkic Speaking Peoples in Europe before the Ottomans. The Lectures Include the History of the Turkic Speaking Peoples of Eastern Europe from the Huns to Kipchaks 4th–14th Century*, nedatováno, dostupné na odkazu: <https://www.scribd.com/document/111098404/Zimonyi-Istvan-History-of-the-Turkic-Speaking-Peoples-in-Europe-Before-the-Ottomans>, s. 2 [14. 1. 2017].

² M. Těra, *Chazaři. Stručný životopis jedné zapomenuté říše*, [in:] *Kulturní, duchovní a etnické kořeny Ruska. Vlivy a souvislosti*, ed. H. Nykl, Červený Kostelec 2006, s. 16.

³ G. Moravcsik, *Byzantinoturcica. Zweite durchgearbeitete Auflage. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker I. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen*, Berlin 1958, s. 313–315.

⁴ K. Czeglédy, *Pseudo-Zacharias Rhetor on the Nomads*, [in:] *Studia Turcica*, ed. L. Ligeti, Budapest 1971, s. 137.

⁵ Výsledky staršího bádání s ohledem na vztahy Avarů se Slovanů shrnuje B. Zástěrová, *Avaři a Slované. K současnému stavu bádání o starším období avarských dějin a vztahů avarsko-slovanských*, [in:] *Vznik a počátky Slovanů II*, ed. J. Eisner, Praha 1958, s. 19–54.

⁶ Chán Kuvrat pocházel z utigurského kmene Onogundur a byl prvním vládcem turkického původu, který přijal křesťanství, a to zřejmě roku 619 v Byzanci, kde byl vychováván. K byzantské říši ho pojily přátelské vazby, potvrzené také tím, že mu byl roku 635 udělen titul *patricij*. M. Těra, *Chazaři*, s. 18; P. B. Golden, *An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*, Wiesbaden 1992, s. 244–245.

rozsáhlý prostor mezi Azovským mořem, Donem, Dněprem a Kubání a který v sobě kromě bulharských kmenů zahrnoval i Kutrigury a Onogundury⁷. Centrum Velkého Bulharska se nacházelo v původně antickém městě Fanagoria.

Na konci padesátých let 7. století představovali rozhodující sílu ve stepní oblasti na sever od Kavkazu Chazaři, jejichž říše se tehdy formovala v oblasti dnešního Dagestánu. Po Kuvratově smrti⁸ využili oslabení bulharské moci, napadli Velké Bulharsko a donutili Kuvratovy nástupce ke kapitulaci a uznání chazarské svrchovanosti. Chazaři se tak stali na následující tři staletí hegemony východoevropské stepi. V reakci na zánik Velkého Bulharska došlo k rozdělení jeho obyvatelstva na několik částí, což popisuje vyprávění o údajných Kuvratových pěti synech, které se nám dochovalo v dílech byzantských historiků Theofana Homologeta a Nikefora Patriarchy⁹. Část obyvatelstva zůstala při Azovském moři v prostoru zaniklého Velkého Bulharska a podrobila se chazarské moci, část odešla do delty Dunaje, kde položila společně s tamním slovanským obyvatelstvem základy bulharského státu. Část, kterou dnes označujeme jako Volžské Bulhary, postupovala na sever podél pravého břehu Volhy, až dosáhla území při soutoku Volhy s Kamou. Gerald Mako se domnívá, že důvodem, proč Volžští Bulhaři pronikli tak daleko, byla jejich snaha dostat se z nebezpečného dosahu Chazarů¹⁰.

Chazarský kaganát představoval první skutečně významnou politickou sílu na sever od Kavkazu a kaganové směle konkurovali byzantským vládcům a později i představitelům arabského světa, jejichž vojska pronikla až na Kavkaz, jehož vrcholky poprvé překročila roku 652. Porážka Arabů od Chazarů na sebe nenechala dlouho čekat. Toto první střetnutí zahájilo dlouhou řadu válek, v nichž se potýkala moc Chazarů s arabským nebezpečím¹¹. Oproti rozšířenému názoru neměli Arabové zájem (a ve skutečnosti ani dostatek sil), aby mohli získat kontrolu nad chazarským územím severně od Kavkazu¹². Podle některých názorů se Arabové snažili pouze odvrátit potenciální hrozbu chazarského proniknutí do oblasti své sféry vlivu¹³. Chazaři se v tomto konfliktu prezentovali jako mocný soupeř. Jejich sílu dokládá i skutečnost, že jim řada etnik ve východní Evropě, včetně Volžských Bulharů i východních Slovanů, odváděla tribut, a to až hluboko do 10. století, kdy už ovšem moc chazarského kaganátu slábla.

⁷ Roli Onogundurů zdůrazňuje I. Zimonyi, který poznamenává, že v případě Velkého Bulharska by název tohoto kmenového svazu měl znít spíše onogundurská říše (v originálu „Onogundur Empire“). I. Zimonyi, *The Origins*, s. 42.

⁸ M. Těra ji datuje přibližně do roku 654 (M. Těra, *Chazaři*, s. 18), G. Mako do období kolem roku 665 (G. Mako, *The Islamization*, s. 200), P. Golden uvádí šedesátá léta 7. století (P. B. Golden, *An Introduction*, s. 245). Ke P. Goldenově dataci se přiklání také I. Zimonyi, *History of the Turkic Speaking Peoples*, s. 11.

⁹ Kritickou analýzu tohoto vyprávění provedli na příklad V. Beševliev, *Die protobulgarische Periode der bulgarischen Geschichte*, Amsterdam 1981, s. 150–155 a I. Zimonyi, *The Origins*, s. 61–63.

¹⁰ G. Mako, *The Islamization*, s. 200.

¹¹ Idem, *The Possible Reasons for the Arab-Khazar Wars*, [in:] *Archivum Euroasiae Medii Aevi XVII*, eds. T. T. Allsen, P. B. Golden, R. K. Kovalev, A. P. Martinez, Wiesbaden 2010, s. 45–57; I. Zimonyi, *History of the Turkic Speaking Peoples*, s. 11; M. Těra, *Chazaři*, s. 20–21.

¹² G. Mako, *The Islamization*, s. 202.

¹³ M. Těra, *Chazaři*, s. 21.

Vyvrácena byla roku 965 kyjevským knížetem Svjatoslavem I. Igorevičem. Chazary tak v roli hegemonu východní Evropy vystřídal nový stát kyjevských knížat¹⁴.

Moc a bohatství Chazarů pramenily z kontroly dálkového obchodu. Za zásadní mezník při konsolidaci moci Chazarů, Volžských Bulharů i východních Slovanů lze považovat jejich zapojení do dálkového obchodování, které jim umožnilo nejen zbohatnout, ale také navázat a prohlubovat vztahy s rozvinutými státy v okolí, začlenit se do vyspělejších civilizačních okruhů¹⁵. V procesu formování státu Volžských Bulharů a východních Slovanů hrál dálkový obchod ústřední roli¹⁶. Chazaři se spokojili s formální kontrolou dálkového obchodu a vybíráním různých poplatků¹⁷. Politické elity Volžských Bulharů a východních Slovanů se na rozdíl od Chazarů zapojily do obchodování aktivně i v roli kupců¹⁸.

Územím, které osídlila zmíněná etnika, procházely stezky dálkového obchodu, které spojovaly Skandinávii a daleký sever východní Evropy s Byzancí a muslimským světem. Jejich prostřednictvím se žádané zboží z východní Evropy dostávalo dále na jih a východ. Dálkový obchod a především kontakt s obchodníky, kteří do neznámých oblastí východní Evropy přicházeli, umožňoval Volžským Bulharům i východním Slovanům navázat vztahy se sousedními civilizacemi. Byli konfrontováni s jejich rozvinutým státním a správním systémem, byly jim zprostředkovávány technické inovace, seznamovali se s náboženskými tradicemi těchto civilizací. Pro Byzanc a muslimské státy byl dálkový obchod zdrojem důležitého zboží, avšak nedisponovaly dostatkem sil, které by jim zaručovaly trvalejší kontrolu stepi, kterou stezky dálkového obchodu protínaly. Byzantští a muslimští panovníci byli proto ve snaze o zachování plynulosti obchodování ochotni přistupovat ke kompromisům vůči kočovníkům, kteří z této situace profitovali.

Na území Volžských Bulharů i východních Slovanů pronikali obchodníci z východu i západu a zakládali zde své obchodní stanice, v nichž od místních obyvatel získávali žádané zboží. Obchodníci ze Skandinávie, zakládající během svých obchodních cest do Byzance při vodních tocích ve východní Evropě obchodní osady, působili přímo jako rozhodující faktor při vzniku východoslovanského státu. Ve východoslovanském prostředí, které bylo rozděleno na několik oblastí podle kmenů, které připomíná ve své kronice ruský letopisec Nestor¹⁹, se v té době formovalo několik etatizačních center, která skandinávští obchodníci svou aktivitou ve východní Evropě propojili. Tím, že

¹⁴ Ibidem, s. 34.

¹⁵ Dálkovým obchodem se zabývá na příklad P. Charvát, *Dálkový obchod v raně středověké Evropě (7.–10. století)*, Brno 1998.

¹⁶ Klíčový význam dálkového obchodu v otázce vzniku státu Volžských Bulharů vidí na příklad G. Mako, *The Islamization*, s. 199–223.

¹⁷ K ekonomickým základům chazarského kaganátu J. B. Lášek, *Počátky*, s. 19; M. Těra, *Chazaři*, 22–23; T. S. Noonan, *Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate*, [in:] *The World of the Khazars. New Perspectives*, eds. P. B. Golden, H. Ben-Shamma, A. Róna-Tas, Leiden–Boston 2007, s. 207–244.

¹⁸ G. Mako, *The Islamization*, s. 210.

¹⁹ *Vyprávění o minulých letech aneb Nestorův letopis ruský. Nejstarší staroruská kronika*, ed. M. Těra, Červený Kostelec 2014, s. 50–54.

se v tomto regionu začali usazovat, přijali roli politické a ekonomické elity a postupně se s většinovým slovanským obyvatelstvem asimilovali. Centrem takto vznikajícího staroruského státu se stal Kyjev.

Do dálkového obchodu se zapojili i Volžští Bulhaři, kteří sice zůstávali stále kočovníky, ale postupně (zvláště v průběhu 10. století) přecházeli k usedlejšímu způsobu života. Věnovali se zemědělství, pastevectví, participovali na dálkovém obchodu, z něhož jim plynulo značné bohatství. Není bez zajímavosti, že Volžští Bulhaři byli také schopnými řemeslníky a obchodní centra v Byzanci a na Předním východě zásobovali kvalitními výrobky, jakými byly na příklad čapky, obuv, šípy, pancíře a meče. Udržovali čilé kontakty s arabským světem, Byzancí, později i s Chorézmem, Rusí a dalšími zeměmi, do kterých vyváželi na příklad kožešiny ze sobolů, veverek, hranostajů, kun, lišek, bobrů a králíků všech možných barev, dále kozí kůže, vosk, topolové dřevo, rybí zuby, kastoreum²⁰, jantar, ovce, skot a do muslimských zemí také slovanské otroky²¹. Výměnou za toto luxusní a žádané zboží proudilo z muslimských odbytí do Volžského Bulharska značné množství dirhamů prvotřídní kvality. Udává se, že během 10. století bylo do východní Evropy importováno 125 milionů sámánovských dirhamů, přičemž většina z této částky směřovala právě k Volžským Bulharům²².

V důsledku rozvíjejících se styků s muslimskými státy (zprostředkovanými zvláště muslimskými obchodníky, kteří přicházeli do východní Evropy) měli Volžští Bulhaři možnost seznámit se s islámem. Roku 920 vyslal Almiš, vládce Volžských Bulharů, poselstvo k abbásovskému chalífovi Al-Muktadirovi (908–932) do Bagdádu s žádostí, aby mu poslal učence, který by ho společně s jeho lidem zasvětil do islámského náboženství a pomohl mu postavit mešitu a opevnění proti nepřátelům Volžských Bulharů²³. Tímto učencem, který doputoval k Volžským Bulharům roku 922 a podal o nich podrobné svědectví, se stal Ahmad ibn Fadlān²⁴. S jeho pobytem u Volžských Bulharů je spojeno oficiální přijetí islámu Volžskými Bulhary, datované rokem 922. G. Mako rozporuje žažitou teorii o tom, že se Volžští Bulhaři rozhodli k přijetí islámu ve snaze vymanit se z politické závislosti na Chazarech. Odmítá, že by ekonomická a politická orientace volžskobulharského státu na muslimský svět a s tím spojené přijetí islámu volžskobulharskými mocenskými elitami byla zamýšlena jako nepřátelský akt vůči Chazarům. Ani Chazaři samotní si dle Makova mínění tuto záležitost takto nevykládali, neboť se zajímali pouze o to, zda jim Volžští Bulhaři platí dojednaný tribut. Pokud tak činili, do vnitřních záležitostí volžskobulharského státu a do jeho

²⁰ Kastoreum je výměšek análních pachových žláz, kterým si bobr evropský a bobr kanadský značují své teritorium. Má výraznou vůni, připomínající vanilku nebo maliny. Používá se na příklad k výrobě parfémů.

²¹ G. Mako, *The Islamization*, s. 210.

²² Ibidem.

²³ *Ibn Fadlān and the Land of Darkness. Arab Travellers in the Far North*, eds. P. Lunde, C. Stone, London–New York–Toronto–Dublin–Victoria–New Delhi–Auckland–Johannesburg 2012, s. 3.

²⁴ K Ibn Fadlānově cestě *Ibn Fadlān*, eds. P. Lunde, C. Stone, s. XVIII–XXVI. K historii Ibn Fadlānova textu a jeho výzkumu Ibidem, s. XXXIV–XXXVI a I. Zimonyi, *The Origins*, s. 19–20.

zahraničněpolitických aktivit nezasahovali²⁵. G. Mako se staví kriticky i vůči názoru, že měl bagdádský chalífát na islamizaci Volžských Bulharů zájem a byla pro něj výhodná. Vzdálenost mezi Bagdádem a bulharskými sídly na Volze byla totiž tak obrovská, že Bagdád nemohl pomýšlet na zásadnější prohloubení vzájemných vztahů, které by vedlo k zahrnutí Volžských Bulharů do sféry jeho vlivu. Jako pravděpodobnější se jeví, že pro výběr nového kultu byly rozhodující intenzivní obchodní vztahy se sámánovskou říší, taktéž vyznávající islám²⁶. Svou roli sehrála i vnitropolitická situace, neboť za vysláním poselstva do Bagdádu s žádostí o učitele islámu a Almišovým přijetím islámu stála jeho snaha naklonit si na svou stranu tu část volžskobulharské elity, která přicházela každodenně do kontaktu s muslimskými obchodníky²⁷. Konverze Volžských Bulharů k islámu byla tedy motivována především ekonomickými a vnitropolitickými okolnostmi. Až v dlouhodobém horizontu lze tento krok interpretovat jako základní předpoklad pro začlenění Volžských Bulharů do civilizace vyznávající islám. Tak daleko ovšem Almiš ani jeho současníci nemohli dohlédnout.

K přijetí monoteistického náboženství došlo po několika víceméně přípravných fázích²⁸ i u východních Slovanů, a to roku 988, kdy kyjevský kníže Vladimír I. Svjatoslavič přijal křesťanství z Byzance, čímž začlenil staroruský stát do poněkud jiného civilizačního okruhu než Volžští Bulhaři²⁹. Ve srovnání s Volžskými Bulhary hrály na Vladimírově dvoře při výběru nového kultu zásadní roli zahraničněpolitické souvislosti, což se projevilo rychlým a důsledným zahrnutím staroruského státu do byzantské křesťanské oikumeny.

Jak v případě Volžských Bulharů, tak východních Slovanů se přijaté monoteistické náboženství stalo zároveň státní ideologií, která legitimizovala moc panovníka a stabilizovala jeho mocenskou pozici v rámci daného politického společenství. Vládce systematicky budoval institucionální pilíře nově vzniklého státu, přičemž nový náboženský kult a formující se církevní organizace mu v tom byly velkou oporou. U Volžských Bulharů i východních Slovanů došlo k zásadní proměně pojetí panovníka a jeho moci,

²⁵ G. Mako, *The Islamization*, s. 199–223.

²⁶ Abbásovští chalífové v Bagdádu vyznávali konzervativní šáfiovskou právní školu, zatímco Volžští Bulhaři přijali tzv. hanífovskou právní školu sunnitské větve islámu, která se vyznačuje značnou liberálností. To vysvětluje i nezanedbatelnou neznalost islámu muslimských Volžských Bulharů. G. Mako, *The Islamization*, s. 208.

²⁷ Idem, *The Islamization*, s. 213.

²⁸ K tzv. prvnímu křtu Rusi došlo v důsledku tažení Rusů na Konstantinopol roku 860 (datace je ovšem nejasná). K tomu na příklad P. Gkantzios Drápelová, *Křest kněžky Olgy z hlediska byzantských misí*, [in:] *Kulturní, duchovní a etnické kořeny Ruska. Portréty*, ed. M. Těra, Červený Kostelec 2009, s. 15–17; J. B. Lášek, *Počátky*, s. 43–56; F. Dvorník, *Byzantské misie u Slovanů*, Praha 1970, s. 270–271. Tzv. druhý křest Rusi se odehrál za vlády kněžny Olgy. K tomu P. Gkantzios Drápelová, *Křest kněžky Olgy*, s. 13–59; J. B. Lášek, *Počátky*, s. 68–81; F. Dvorník, *Byzantské misie*, s. 272–273; S. A. Ivanov, *Byzantské misie aneb je možné udělat z „barbara“ křesťana?* Červený Kostelec 2012, s. 202–204; *Dějiny Byzance*, ed. B. Zástěrová, Praha 1996, s. 167–168.

²⁹ K tématu přijetí křtu Vladimírem I. Svjatoslavičem existuje rozsáhlá literatura. Kromě prací zmíněných v poznámce číslo 28 lze zmínit na příklad J. Shepard, *The origins of Rus' (c. 900–1015)*, [in:] *The Cambridge History of Russia*, vol. 1: *From Early Rus' to 1689*, ed. M. Perrie, Cambridge 2006, s. 63–72; A. M. Pančenko, *Metamorfózy ruské kultury. Sborník statí a esejů*, Červený Kostelec 2012, s. 11–24.

což byl odraz dalekosáhlých změn, které souvisely s odstraněním pohanského archaického řádu světa, jehož relikty však mizely velmi pomalu³⁰. Vládce Volžských Bulharů i východních Slovanů se stal ochráncem a šířitelem své „pravé víry“.

*

Martin Bürger, *About the origin of the states of the Volga Bulgars and East Slavs*

A vast steppe region stretching from Mongolia to the Carpathian Mountains functioned in the Middle Ages as a civilization artery between Asia and Europe for many nomadic tribes. Their presence in the East and Central European steppe regions influenced substantially the development of the broad area. One of the important nomadic ethnic groups neighbouring with the arising state of the East Slavs were the Volga Bulgars which, after the decline of the Old Great Bulgaria at the end of the 7th century, moved from the space above the Black Sea and the Sea of Azov towards the Volga-Kama region. This happened probably during the war conflicts with Khazars, then the hegemonic leaders of the Eastern Europe, under whose protectorate the Volga Bulgars had lived until the 10th century. In 922, during the visit of the emissary of the Calif of Baghdad, Ibn Fadlan, they converted to Islam. This allowed for an economic and cultural exchange with Arabic countries and a slow departure from the Judaism-confessing Khazars. In the 10th century the East Slavs also converted to a monotheistic religion – Christianity propagated from the Byzantine Empire. The text summarizes the oldest history of the Volga Bulgars and East Slavs, the two mutually influencing neighbours that nevertheless differed in their origin, language and also their way of living, material and spiritual culture and foreign political orientation. The process of the origin of Volga Bulgars State and Kiev State is emphasized; two key factors are compared – long distance trade and acceptance of a monotheistic religion. Trade activities allowed both states to establish diplomatic ties to stronger neighbours – Byzantine Empire, Khazar Khaganate and Arabic-Persian world. In consequence of the new diplomatic relations, familiarization with monotheistic religious systems and their definitive acceptance by the two East European states was achieved. The author reflects to what extent this fact was substantial in forming both early medieval states and how it contributed to constitute the power of the sovereign who became the defender and propagator of the „true faith“.

³⁰ G. Mako odhaduje na základě archeologických poznatků, že v případě Volžských Bulharů trvalo sto a více let, než se islám zakořenil ve volžskobulharské společnosti (G. Mako, *The Islamization*, s. 218). Ze staroruského prostředí ale víme, že proces, během něhož monoteistické náboženství, v tomto případě křesťanství, překrylo původní archaickou kulturu, trval i několik staletí.

*

Мартин Бюргер, *К вопросу о возникновении государства в волжских булгар и восточных славян*

Обширный степной пояс, тянувшийся от Монголии к Карпатам, в средние века являлся цивилизационным путем, по которому из Азии в Европу приходило большое количество кочевников. Своим присутствием в степных областях Восточной и Центральной Европы они повлияли на развитие обширного региона. Одними из таких кочевников, соседствующих с возникающим государством восточных славян, были волжские булгары, которые после развала Большой Булгарии в конце VII века переселились из областей Черного и Азовского морей в волжско-камский регион. Это произошло, очевидно, в следствие военных конфликтов с хазарами, которые в то время являлись гегемоном в Восточной Европе и под протекторатом которых волжские булгары находились до X века. Во время визита посла багдадского халифа Ибн Фадлана волжские булгары в 922 г. приняли ислам. Новая религия дала им возможность проводить экономический и культурный обмен с арабскими странами, а также постепенно освободиться от контроля исповедывающих иудаизм ослабевающих хазар. В X веке монотеистическую веру – византийское христианство – приняли также восточные славяне. Предлагаемый текст резюмирует древнейшую историю волжских булгар и восточных славян – двух соседей, испытывающих взаимное влияние, которые отличались своим происхождением, языками, стилем жизни, материальной и духовной культурой, а также политической ориентацией. Особое внимание уделено процессу возникновения волжско-булгарского и киевского государства. При изучении этого процесса сравнено два ключевых фактора – международную торговлю и принятие монотеистической религии. Торговля позволяла волжским булгарам и славянам навяжать дипломатические контакты с более сильными соседями – Византийской империей, Хазарским каганатом и арабско-персидским миром. Результатом этих контактов стало принятие монотеистической религии волжскими булгарами и славянами. Автор стремился дать ответ на вопрос, насколько этот факт был важен для формирования булгарского и русского государств, каким образом он оказал влияние на оформление власти правителя, который стал защитником и распространителем „истинной веры”.

Наталья Хамайко
(Киев)

Кочевнические элементы в материальной культуре Руси X века (на примере погребений Шестовицкого могильника)

Археологическая культура ранней Руси в специальной литературе получила название „дружинная“, что подчеркивало ее отличие от культуры обычных славянских поселений и могильников. Долгое время считалось, что эта комплексная культура соединяла множество культурных элементов скандинавского, византийского, кочевнического и славянского происхождения в основном под влиянием „интернациональной моды“, а не была механическим следствием смешанного этнического состава русов. Следы влияния кочевников (венгров, печенегов, огузов, волжских булгар, хазар) проявляются в снаряжении коня и всадника (стремена, сбруя, седло, узда), деталях мужского костюма (металлические застёжки кафтана, наборный пояс, сумка-ташка), оружии (сложносоставный лук, сабля, кистень), декоративных мотивах украшений, использовании арабских дирхемов в качестве женских подвесок, даже в элементах погребального обряда и т. д. Тот факт, что материальная культура Руси пребывала под влиянием кочевников, объясняется многими факторами: географическим расположением Руси, смешанной этнической структурой населения, войнами и распространением культурных маркеров вдоль главных торговых путей. Но вряд ли можно говорить о сколько-нибудь значительных этнических влияниях кочевников в русском обществе ранее XI–XII веков, ведь все эти элементы в русских погребальных комплексах X века (подобно Шестовицкому могильнику), как правило, распорошены и не концентрируются в одном комплексе.

Синонимами названия археологической культуры ранней Руси IX–X веков в специальной литературе обычно выступают термины „дружинная культура“, „дружинные древности“, подчеркивающие отличие культурного комплекса древнерусских погребений и фортифицированных поселений от синхронных

„рядовых” поселений и могильников славянских культур IX–X веков¹. Эта комплексная культура соединяла ряд элементов скандинавского, византийского, кочевнического, славянского и др. происхождения, отражая социальный и политический статус её носителей. Сторонники различных концептуальных подходов по-разному объясняли причину многокомпонентности „дружинного” культурного комплекса – через модели „интернациональной моды”, политических влияний, смешанного этнического состава.

Концепция „интернациональной моды” доминировала в историографии советского периода, отрицающей существенный вклад „пришлого компонента” в образование Руси и формирование древнерусской археологической культуры в частности. В работах последних десятилетий ситуация изменилась, и исследователи всё чаще рассматривают смешанный характер культурного облика древнерусских комплексов X века как свидетельство этнической неоднородности, в основном акцентируя внимание на ярких скандинавской, славянской, финно-угорской составляющей. Но такая ситуация не может быть классифицированной как изменение общей исследовательской парадигмы, поскольку наличие в ранних древнерусских комплексах культурных элементов кочевнического происхождения теми же исследователями по-прежнему трактуются в русле „моды” или „влияния”. Чем вызвано такое исключение?

Достаточно большие группы кочевых народов действительно проживали на границах государства Рюриковичей в XI–XIII веках и были частично интегрированы в русское общество². Летописи называют их „свои погане” или же „черные клобуки”³. Эти кочевники были потомками печенегов, огузов и других племен, побежденных новыми волнами кочевников и нашедших укрытие от преследования победителями у русских князей в обмен на пограничную службу. В южной части русских земель в Среднем Поднепровье обнаружено много погребений с лошадьми, конским снаряжением, оружием или другими предметами XI–XIII веков, маркирующими археологическую культуру черных клобуков. Для X века ситуация представляется иной, поскольку русские летописи

¹ См.: В. В. Седов, *Славяне: Историко-археологическое исследование*, Москва 2002, с. 551–562; Р. С. Орлов, *Явление бифуркации в дружинной культуре Древней Руси*, [in:] *Археологія і давня історія України*, вип. 1: *Проблеми давньоруської та середньовічної археології*, Київ 2010, с. 151–156; А. А. Фетисов, *Дружинная культура Древней Руси*, [in:] *Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*, Москва 2012, с. 406–430; О. Моця, *Дніпровська Русь*, Київ 2013, с. 170–175 и др.

² См.: С. А. Плетнёва, *Древности чёрных клобуков*, [in:] *Свод археологических источников*, вып. Е1–19, Москва 1973; Т. Nagrodzka-Majchrzyk, *Czarni Kłobucy*, Warszawa 1985; Т. Ю. Тайди, *Союз черных клобуков: (Тюркское объединение на Руси в XI–XIII вв.)*, Киев 2005; О. Моця, *Землероби та кочівники на великому кордоні Східної Європи за часів Київської Русі*, Київ 2015 и др.

³ См. обзор: Д. А. Расовский, *О роли черных клобуков в истории древней Руси*, [in:] *Seminarium Kondakovianum Recueil D'Etudes. Afcheologie. Histoire De L'Art. Etudes Byzantines*, т. 1, Prague 1927, с. 93–110.

вспоминают лишь о кратковременном периоде союза Игоря с печенегами, но не о группах номадов, включенных в русское общество.

Фундаментальное исследование русского снаряжения коня и всадника IX–XIII веков, проведенное Анатолием Кирпичниковым⁴, продемонстрировало, что все его составляющие формировались под сильнейшим влиянием кочевой культуры. Североевропейский вектор влияния здесь доминировал до конца X века, но в XI–XIII веках он уступает место восточному: следы влияния кочевников и „востока” в целом проявляются в снаряжении коня (стремена, сбруя, седло, узда), наступательном (сложносоставный лук, сабля, кистень, чекан) и защитном (шлем, кольчуга, ламеллярный доспех) вооружении, декоративных украшениях оружия и сбруи.

В русских комплексах X века такое влияние выражено намного слабее, но оно прослеживается на всех ключевых „дружинных” памятниках юга Руси, начиная с середины X века. Место и значение кочевнических элементов в структуре археологической культуры ранней Руси возможно попытаться проиллюстрировать на примере наиболее полно исследованного могильника Южной Руси X века – Шестовицкого.

Археологический комплекс у с. Шестовица на р. Десне (ниже по течению от г. Чернигов) давно привлекает внимание исследователей не только в качестве эталонного древнерусского памятника региона с материалами X века, но и как археологический памятник с мультикультурным и полиэтническим составом населения⁵.

⁴ А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие: Мечи и сабли IX–XIII вв.*, [in:] *Свод археологических источников*, отв. ред. М. К. Каргер, вып. 1, Москва–Ленинград 1966; Idem, *Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв.*, [in:] *Свод археологических источников*, отв. ред. М. К. Каргер, вып. 2: Москва–Ленинград 1966; Idem, *Древнерусское оружие: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.*, [in:] *Свод археологических источников*, отв. ред. М. К. Каргер, вып. 3, Ленинград 1971; Idem, *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.*, [in:] *Свод археологических источников*, отв. ред. М. К. Каргер, вып. 4, Ленинград 1973; Idem, *Раннесредневековые золотые шлемы. Новые находки и наблюдения*, Санкт-Петербург 2009.

⁵ Т. J. Arne, *Skandinavische Holzkammergraber aus der Wikingerzeit in der Ukraine*, [in:] *Acta Archaeologica*, bd. 2, Copenhagen 1931, s. 285–302; Я. В. Станкевич, *Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г.*, [in:] „Краткие сообщения Института археологии АН СССР”, 87, 1962, с. 6–30; Д. І. Білфельд, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, Київ 1977; Ф. О. Андрощук, *Нормани і слов'яни у Подесенні: Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя*, Київ 1999; В. Коваленко, А. Моця, Ю. Сытый, *Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг.*, [in:] *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст.*, Чернівці 2003, с. 51–83; Н. В. Хамайко, *Дуалізм поселенської структури Шестовицького комплексу*, [in:] *Стародавній Іскоропень і слов'янські гради VIII–X ст.*, Київ 2004, с. 295–302; В. Коваленко, О. Моця, „Етнічний казан” на Десні (до інтерпретації Шестовицького археологічного комплексу), [in:] *Слов'янські обрії*, вип. 1, Київ 2006, с. 95–101; В. Коваленко, *Шестовиця – табір слов'ян і вікінгів на Десні*, [in:] *Село над Десною – Шестовиця*, Ніжин 2009, с. 11–94; В. М. Скороход, *Просторова структура Шестовицького археологічного комплексу в урочищі Коровель в кінці IX – на початку XI ст., автореферат дисертації... кандидата історичних наук*, Київ, 2011; А. В. Комар, *Чернигов и Нижнее Подесенье*, [in:] *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*, Москва–Вологда 2012, с. 345–356.

Из 148 исследованных на данный момент погребальных комплексов X века в четырех курганных группах (I–III и VI) Шестовицкого могильника⁶ яркие материалы кочевнического облика включали всего 12.

Курган 9 – кремация на стороне, инвентарь которой составляли ладейные заклепки, весовые гири и конские удила с костяными псалмами (вследствие плохой сохранности не поддаются точному определению типа) (ил. 4:2)⁷.

Курган 18 – погребение по типу кремации на месте с посудой, оружием и украшениями, в т. ч. женскими, что может указывать на его парность; среди прочего здесь находились и сбруйные украшения „черниговского” типа (ил. 6:1)⁸.

Курган 36 – камерное парное погребение в сопровождении коня, помещенного в ногах погребенных (ил. 1:2); одно из наиболее богатых в Шестовицком некрополе по сопроводительному инвентарю, включающему, кроме бытовых и личных вещей, также оружие, весовые гири и ремесленные принадлежности; в погребении обнаружены „почти овальной формы с прямоугольным пластинчатым ушком” стремени⁹.

Курган 41 – скорченное (очевидно, изначально сидячее) погребение мужчины в небольшой отдельной камере, вокруг которой расположен погребальный инвентарь: копье, деревянное ведро с железными обручами и кости животных; в насыпи найден фрагмент железного стремени с широким низким ушком, форма которого реконструирована условно¹⁰ (ил. 2:1).

Курган 42 – парное погребение с конём в срубной камере, мужчина в сидячем положении, конь в ногах покойных; сопровождалось богатым инвентарем. Из предметов восточного культурного круга в погребении обнаружены стремени двух типов (подтреугольное с плоской подножкой и округлые с выступающей прямоугольной петлей) (ил. 2:2–4), удила (ил. 4:4), костяные накладки композитного лука, листовидная решма (ил. 6:3) и бляшки позднесалтовского стиля¹¹.

Курган 61 – длинный курган с четырьмя разновременными погребениями (возможно, расположенные слишком близко и впоследствии сплывшиеся насыпи). Погребение 4 – камерное, в котором похоронен мужчина в сидячем

⁶ П. І. Смоличев, *Подвійні поховання X сторіччя коло Шестовиці на Чернігівщині*, [in:] *Записки Чернігівського наукового товариства*, т. 1: *Праці історично-краєзнавчої секції*, Чернігів 1931, с. 56–64; Я. В. Станкевич, *Шестовицкое поселение и могильник*, с. 15–29; Д. І. Білфельд, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, с. 114–227; Ю. М. Ситий, *До питання про місцезнаходження курганів та курганных груп в ур. Коровель в с. Шестовиця*, [in:] *Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст.*, Чернігів 2006, с. 173–186; В. Коваленко, А. Моця, Ю. Сытый, *Новейшие скандинавские находки в погребениях Шестовицы*, [in:] Ф. Андрощук, В. Зоценко, *Скандинавские древности Южной Руси*, Париж 2012, с. 321–350.

⁷ Д. І. Білфельд, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, с. 117–118, табл. II:1.

⁸ Ibidem, с. 121, рис. 18:2.

⁹ Ibidem, с. 128–131, рис. 13.

¹⁰ Ibidem, с. 137–138, табл. X:5.

¹¹ П. І. Смоличев, *Подвійні поховання X сторіччя коло Шестовиці*, с. 59–64; Д. І. Білфельд, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, с. 138–141, табл. XI:1, 3–5; табл. XII:15–17.

положении; в составе инвентаря превалирует военный. Среди вещей покойного находилась сумка с меднолитыми накладками на лицевой стороне и ремешке-застежке. Достаточно редкой находкой для древнерусского вооружения X века здесь выступает сабля (ил. 5:1)¹².

Курган 83 – кремация на месте, где по информации, представленной в работе Давида Блифельда, кроме человеческих, находились также кости собаки и коня; в составе инвентаря встречены две медные монеты Льва VI (868–912), вооружение, два стремени разных типов и небольшая шпора с шипом¹³.

Курган 98 – камерное парное погребение в сопровождении коня и с богатым сопроводительным инвентарем, представленным дорогой одеждой и украшениями, весовыми гирьками, набором стеклянных фигур для настольной игры, бытовыми вещами и оружием; в том числе здесь находились удила (ил. 4:1), два стремени округлой формы (ил. 2:5, 6) и чекан (ил. 5:3)¹⁴.

Курган 110 – камерное погребение с конём; мужчина и женщина погребены сидя, оседланный конь на боку в ногах погребенных. Сопроводительный инвентарь богатый, включал детали костюма и украшения, оружие, предметы личного пользования и быта; от конского снаряжения остались костяные обкладки седла и стремяна (ил. 2:7, 8); среди предметов вооружения были сложносоставной лук с костяными накладками (ил. 5:2), колчанный крюк и железные петли колчана (ил. 5:4–6)¹⁵.

Курган 120 – камерное погребение, возможно, кенотаф; останков покойного обнаружено не было, в заполнении камеры находился лишь оседланный и взнузданный конь (ил. 1:3). Среди деталей конского снаряжения – стремяна (ил. 2:9, 10) и удила с костяными псалиями (ил. 4:3)¹⁶.

Курган 145 – камерное погребение с конём. Под насыпью находилось кострище, на котором размещалась часть погребального инвентаря, включая детали мужского костюма, сумку, детали сбруи и бытовые предметы. Погребальная камера находилась рядом; в ней – остатки челюсти человека, женские украшения, детали костюма, бытовые предметы, оружие. В противоположной части камеры лежали останки взнузданного и оседланного коня. Среди прочего привлекают внимание стремяна (ил. 2:11, 12) и сбруйные украшения „черниговского” типа, включающие листовидные решмы огузо-печенежского круга (ил. 6:2)¹⁷.

Курган 2006 г. – камерное погребение с конем (ил. 1:4). Сопроводительный инвентарь включал детали костюма, женские украшения, предметы быта, сумку,

¹² Д. І. Бліфельд, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, с. 151–155, рис. 30; рис. 31. табл. XVIII:1–3.

¹³ Ibidem, с. 164–165, рис. 38.

¹⁴ Я. В. Станкевич, *Шестовицьке поселення і могильник*, с. 23–27, рис. 9:15; рис. 10:4, 5.

¹⁵ Д. І. Бліфельд, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, с. 175–177, табл. XXXI.

¹⁶ Ibidem, с. 180–181, рис. 46.

¹⁷ Ibidem, с. 188–189, табл. XXXVII:8; табл. XXXVIII:14, 15; О. Черненко, *Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В. В. Тарновського* [in:] *Скарбниця української культури*, вип. 9 (спецвипуск 1), Чернівці 2007, рис. 34.

вооружение и детали снаряжения коня: стремена (ил. 3) и сбруйные украшения огузо-печенежского круга (ил. 7; 8:1)¹⁸.

Из перечисленных предметов сопроводительного инвентаря указанных погребений близость вещам кочевнического круга выявляют вещи, в первую очередь связанные со снаряжением коня и всадника – детали сложносоставного лука, сабля, чекан, декоративные детали сумок, узды, стремена, костяные обкладки седла, удила.

В то же время, несмотря на присутствие вещей кочевнического круга, ни один из рассмотренных курганов не содержал погребения по обряду, близкому кочевническому. В курганах 18 и 83 погребения совершены по обряду кремации на месте – наиболее распространённому в русских могильниках X века¹⁹; остальные же, наоборот, представляли редкий тип погребений в камерных гробницах, часто в сидячем положении. Большие камерные погребения („срубные гробницы“), содержащие единичные и парные погребения, с сопроводительным погребением лошади или без, оружием, богатым инвентарём – один из наиболее ярких типов русских погребальных памятников, атрибуция которых вызвала длительную дискуссию. Такие погребения считались скандинавскими (варяжскими), русскими дружинными (или элитарными) и даже христианскими²⁰.

Не имея аналогий в степи, камерные погребения южнорусского ареала, тем не менее, привлекают внимание расположением иногда сопроводительного погребения коня параллельно погребённому рядом с ним²¹ (ил. 1:1), тогда как в камерных комплексах Скандинавии лошадь обычно располагали перпендикулярно длинной оси могилы в отделённой деревянной стенкой камере в ногах человека²². Именно согласно скандинавскому канону лошадь помещена в курганах 36, 42, 98, 110 Шестовицы²³ (ил. 1:2, 4). Идея параллельного

¹⁸ В. Коваленко, А. Моця, Ю. Сытый, *Новейшие скандинавские находки в погребениях Шестовицы*, с. 324–334.

¹⁹ См.: А. П. Моця, *Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв.*, Киев 1990.

²⁰ Обзоры см.: О. П. Моця, *Поховання скандинавів на півдні Київської Русі*, „Археологія”, 1990, 4, с. 90–97; Ф. А. Андрощук, Р. М. Осадчий, *Про культурний тип та конструктивно-ритуальні особливості камерних поховань Південної Русі (за матеріалами Києва та Чернігова)*, „Археологія”, 1994, 3, с. 99–106; К. А. Михайлов, *Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв.: по материалам захоронений в погребальных камерах, автореферат диссертации...* кандидата исторических наук, Санкт-Петербург 2005; Idem, *Chamber-graves as an International Burial Custom of the Viking Age: from Old Denmark to Old Russia*, [in:] *Wolińskie Spotkania Mediewistyczne I. Ekskluzywne życie – dostojny pochówek w kręgu kultury elitarniej wieków średnich*, Wolin 2011, s. 205–221; Idem, *Погребальные камеры или псевдо-камеры эпохи викингов на южном побережье Балтийского моря*, [in:] *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*, вып. 5, Санкт-Петербург 2015, с. 200–211; Н. В. Хамайко, *Камерні поховання некрополя Десятинної церкви: проблеми інтерпретації*, „Opus mixtum”, 2014, 2, с. 137–147.

²¹ Д. Я. Самоквасов, *Могилы Русской земли*, Москва 1908, рис. 61; Я. Е. Боровский, О. П. Калюк, *Дослідження київського дитинця*, [in:] *Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989*, Київ 1993, с. 8–9, рис. 4.

²² H. Arbmán, *Birka I: Untersuchungen und Studien. Die Gräber: Text*, Uppsala 1943, Abb. 143; 194; 204; 208; 217; 221; 249; 251; 252; 262; 286; 320; 329; 342; 353; 356; 434.

²³ Я. В. Станкевич, *Шестовицкое поселение и могильник*, рис. 66; Д. І. Білфелда, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, рис. 13.

расположения захоронения лошади на юге Руси могла появиться под влиянием степных соседей, хотя непосредственно погребальный обряд печенегов X века чаще предполагал помещение в могилу не целой лошади, а лишь её символического заменителя в виде шкуры или чучела²⁴. В Шестовицком могильнике размещение лошади по длинной оси могилы видим в кенотафе к. 120, где не прослежено следов погребения самого человека, но для него оставлена узкая полоса к северу от лошади (ил. 1:3)²⁵.

Среди инвентаря всех шестовицких погребений с включением предметов кочевнического круга обязательно присутствуют и вещи совершенно диаметрального – североевропейского круга влияний²⁶. Так, в курганах 36, 42, 83, 110 и кургане 2006 г. погребенных сопровождали скандинавские двулезвийные мечи; в курганах 36, 83, 98, 145 и кургане 2006 г. – скрамасаксы; в п. 4 к. 61 – топор, а в к. 83 также щит с железным умбоном. В курганах 36, 41, 98, 145 и п. 4 к. 61 находились деревянные ведра с железными деталями, а в к. 36, 110 и кургане 2006 г. – рога с серебряными оковками. В к. 36, 42, 98 и п. 4 к. 61 найдены резные роговые гребни, в к. 36 – скандинавская пряжка, а в к. 120 – железное „острие” с кольцом (фибула?). Костяные же накладки седла в к. 42 украшены характерной скандинавской резьбой в стиле „Маммен”.

При более пристальном разборе кочевнических влияний в культуре Шестовицкого могильника также проявляется разнообразие векторов.

Наиболее распространёнными деталями снаряжения коня из погребений Шестовицы являются стремена (ил. 2). Набор типов железных стремян здесь резко отличается от салтовского набора круга влияния Хазарского каганата, в котором преобладали стремена с плоской подножкой и высокой петлёй²⁷. Округлые стремена принесли в Европу венгры в IX веке²⁸, а в X веке они доминировали, кроме Венгрии, также на Руси, в Поволжье, на Северном Кавказе, у огузов и печенегов²⁹. Особо привлекают внимание стремена из шестовицкого камерного погребения 2006 г., орнаментированные инкрустацией серебряной проволоки (ил. 3). Такая техника украшения пока не отмечена в печенежских или огузских погребениях X века в степи, но она хорошо представлена на венгерских стременах

²⁴ С. А. Плэтнёва, *Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях*, [in:] *Материалы и исследования по археологии СССР*, вып. 62, Москва–Ленинград 1958, рис. 2; А. О. Добролюбский, Л. В. Субботин, *Погребение средневекового кочевника у с. Траповка*, [in:] *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*, Киев 1982, с. 171.

²⁵ Д. І. Білфельд, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, рис. 46.

²⁶ Ф. Андросчук, В. Зоценко, *Скандинавские древности Южной Руси*, с. 179–279; В. Коваленко, А. Моця, Ю. Сытый, *Новейшие скандинавские находки в погребениях Шестовицы*, с. 321–350.

²⁷ А. В. Крыганов, *Восточноевропейские кочевнические стремена второй половины VII–X вв.*, [in:] *Вестник Харьковского университета*, № 316: *История*, вып. 22, Харьков 1988, с. 108–114.

²⁸ А. В. Комар, *Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований*, [in:] *Археологія і давня історія України*, вип. 7: *Мадьяри в Середньому Подніпров'ї*, Київ 2011, рис. 11, 1–4.

²⁹ А. Н. Кирпичников, *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.*, с. 47; Г. Н. Гарустович, В. А. Иванов, *Огузы и печенеги в евразийских степях*, Уфа 2001, рис. 18.

Карпатской котловины X века³⁰. На венгерский вектор связей в случае с курганом 2006 г. указывает также находка в комплексе поясной сумочки с лицевой металлической декорированной пластиной. Детали сумок с декоративными меднолитыми накладками зафиксированы и в к. 42, 61 и 145. Сумочки схожей формы и орнаментации были также в употреблении у финно-угорского населения Поволжья и алан Северного Кавказа³¹.

Александр Спицын в своё время относил к венгерским заимствованиям удила с резными костяными псалиями из русского погребения в Болгачёвской курганной группе возле Любеча³², более простые аналогии которых происходят из к. 120 Шестовицы (и, очевидно, несохранившиеся псалии из к. 9) (ил. 3:2, 3). А. Кирпичников подверг критике мнение А. Спицина, опираясь на широкую географию костяных псалий и разнообразие декора, предположив их местное производство, начиная со второй половины X века³³. Вопрос местного производства псалий в каждом из случаев требует специального современного анализа, за исключением разве что сходного типа костяных изогнутых псалий в слоях X века Саркела, где встречаются и полуфабрикаты³⁴.

Удила, найденные в погребениях Шестовицы, принадлежат к разным типам (рис. 4: 1-5). Два экземпляра, из к. 36 и 42, отнесены А. Кирпичниковым к распространенному на Руси, а в особенности на юге, типу I, предполагая местное его производство; удила из к. 46 и 98 – к типу Ia, связывая его происхождение с Востоком, а дальнейшее распространение и независимое существование – с обширным пространством от Средней Азии до Трансильвании; удила из к. 145 – к типу IV, наиболее широко распространенному и универсальному, связывая наибольшее его бытование как раз с периодом ранней Руси – IX–X веками³⁵. Видимо, плохая сохранность удил из к. 9 не позволила исследователю рассмотреть их детальнее и вынести в отдельный тип. Аналогичные двукольчатые удила с перевитыми восьмеркой петлями из к. 9 Шестовицы известны как дореволюционная покупка из Гнездова³⁶, что не дает возможности, соответственно, говорить об археологическом контексте находки. В то же время, удила такого типа

³⁰ *The ancient Hungarians. Exhibition catalogue*, ed. I. Fodor et al., Budapest 1996, p. 241, fig. 1; p. 269, fig. 31; p. 317, fig. 5; p. 391, fig. 1.

³¹ См.: N. B. Krylaszova, A. M. Belavin, A. Türk, *Újabb adatok a honfoglalás kori tarsolyok és tűzkészítések klasszifikációjához Volga–Káma-vidéki analógiáik fényében*, [in:] *Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára*, ed. A. Anders, Cs. Balogh, A. Türk, Budapest 2014, old. 457–496.

³² А. А. Спицын, *Венгерские вещи в России*, [in:] *Известия Императорской археологической комиссии*, вып. 53, Санкт-Петербург 1914, с. 108–110; рис. 2.

³³ А. Н. Кирпичников, *Снаряжение всадника*, с. 15.

³⁴ В. Е. Флерова, *Резная кость юго-востока Европы IX–XIII вв.: Искусство и ремесло*, Санкт-Петербург 2001, с. 64–65.

³⁵ А. Н. Кирпичников, *Снаряжение всадника*, с. 13–17.

³⁶ *Ibidem*, табл. II:3, кат. № 61; А. А. Спицын, *Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева (с 146 рис.)*, „Известия императорской археологической комиссии”, 15, 1905, с. 60, рис. 90.

широко известны в комплексах IX–X веков сроткинской культуры Казахстана и Алтая, а также погребениях кочевников Южного Урала сроткинского этапа³⁷.

Накладки сложнокомпозитного лука из к. 110 Шестовицы (ил. 5:2) Александр Савин и Александр Семёнов отнесли к лукам венгерского типа, и с таким определением в целом согласились Кирилл Михайлов и Сергей Каинов³⁸. Отличия конструкции венгерских луков X века от печенежских небольшие, но луки из печенежских погребений X века редко содержат полные наборы концевых и срединных накладок, ограничиваясь только центральными, поэтому лук к. 110 Шестовицы по этому признаку действительно ближе венгерским.

Сравнивались с венгерскими по стилю декора и исполнения также листовидные решмы из к. 18 Шестовицы³⁹ (ил. 6:1). Аналогичные наборы сбруйных украшений происходят из синхронных погребений русских могильников Табаевки и Березок (Чернигов)⁴⁰. Детально исследовав стилистику, технологию производства и состав металла таких украшений, Руслан Орлов пришёл в выводу об их местном производстве, выделив такую мастерскую в „среднеднепровскую художественную школу А“, имевшую с венгерской торевтикой X века общие среднеазиатские художественные прототипы⁴¹. Предположение о местном производстве листовидных решм поддержала и Елена Черненко, хотя происхождение этого вида украшений конской сбруи соотнесла с Востоком⁴².

Находки сабель в русских комплексах IX–X веков крайне редки. Кроме шестовицкой (ил. 5:1), достоверно датирована X веком может быть лишь сабля из Черной могилы, полоса которой обнаружена в сильно корродированном и фрагментированном состоянии в составе спекшейся в кремации массы

³⁷ Н. А. Мажитов, *Курганы Южного Урала VIII–XII вв.*, Москва 1981, рис. 38: 16; 43: 9; 68: 4; 69: 25; В. А. Могильников, *Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках*, Москва 2002, с. 85, табл. 2, рис. 208; Ф. Х. Арсланова, *Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья*, [in:] *Труды Филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана*, т. 3, Астана 2013, с. 162, табл. I:2; с. 214, табл. I:17; с. 218, табл. V:7–9; с. 317, рис. 2:17.

³⁸ А. М. Савин, А. И. Семёнов, *Реконструкция шестовицкого лука*, [in:] *Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини*, Чернігів 1992, с. 62–67; К. А. Mikhailov, S. Yu. Kainov, *Finds of structural details of composite bows from Ancient Rus'*, „Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae”, 62, 2011, p. 229–235.

³⁹ I. Dienes, *Honfoglalás kori tarsolyainkról*, „Folia Archaeologica”, 16, 1964, old. 108–109.

⁴⁰ Д. І. Білфелд, *Десянська археологічна експедиція 1949 р.*, [in:] *Археологічні пам'ятки УРСР*, т. 5, Київ 1955, табл. II:1–6; Idem, *Давньоруський могильник в Чернігові*, [in:] *Археологія*, вип. 18, Київ 1965, табл. IV:13.

⁴¹ Р. С. Орлов, *Некоторые особенности формирования древнерусского художественного ремесла*, [in:] *Новые памятники древней и средневековой художественной культуры*, Киев 1982, с. 163–174; Idem, *Південноруський центр художньої металообробки X ст.*, [in:] *Археологія*, вип. 44, Київ 1983, с. 29–46.

⁴² О. Є. Черненко, *Про один тип „речей-гібридів” із Шестовицького могильника*, [in:] *Русь на перехресті світів: (Міжнародні впливи на формування давньоруської держави IX–XI ст.)*, ред. П. П. Толочко, Чернігів 2006, с. 208.

оружия⁴³ и на сегодняшний момент плохо поддаётся атрибуции. В славянском северянском ареале IX–X веков известны сабли салтовского типа из Битицы⁴⁴ и северокавказского типа из Гочево⁴⁵, отражающие влияние Хазарского каганата и алан; обломок сабли происходит также с городища Монастырище. Перекрестье шестовицкой сабли принадлежит к типу IA по А. Кирпичникову⁴⁶ или же к типу 3 по Валерию Йотову⁴⁷, встречающемуся в различных вариациях в Венгрии, северо-восточной Болгарии, Северном Кавказе, Поволжье, Южном Урале⁴⁸. Представляя один из самых распространённых в X веке тип, шестовицкая сабля не позволяет установить источник заимствования. Отсутствуют в к. 61 Шестовицы и Чёрной могиле и оковки рукояти и ножен, пожалуй, наиболее информативные для идентификации среды изготовления оружия. На примере шестовицкого и черниговского погребений стоит констатировать, что сабля в русской среде в X веке была эксклюзивным видом оружия, использовавшимся только представителями высокого социального ранга.

Серебряное украшение головного убора из кургана 2006 г. Шестовицы (ил. 9:1) находит близкие аналогии в скандинавских погребениях 581, 644 Бирки и венгерском погребении из Берегово⁴⁹ (ил. 9:2–4). Венгерское навершие из Берегово отличается от шестовицкого позолотой и чеканным декором, тогда как оба скандинавских из Бирки украшены аналогично – зернью. Сам тип металлического остроконечного завершения шапки среднеазиатский, хорошо известный по изображениям знати в раннесредневековой согдийской живописи⁵⁰ (ил. 9:5). Судя по распространению похожих серебряных наверший в Европе на памятниках, несомненно связанных с торговыми путями (Бирка, Шестовица), возникновение подобной моды следует связывать с влиянием „престижного убора” восточных купцов.

⁴³ Д. Я. Самоквасов, *Могилы русской земли*, с. 200, рис. 65; Idem, *Могильные древности северянской Черниговщины*, Москва 1916, с. 21, рис. 23, № 3290.

⁴⁴ О. В. Сухобоков, *Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.)*, Київ 1992, рис. 5.

⁴⁵ А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие*, вып. I, рис. 16.

⁴⁶ Ibidem, с. 68.

⁴⁷ В. Йотов, *Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–IX век)*, Варна 2004, с. 69, 71, табл. 9.

⁴⁸ B. Pósta, *Archaeologische Studien auf Russischem Boden*, Budapest–Leipzig 1905, bd. 1, abb. 52; 149; Н. А. Мажитов, *Курганы Южного Урала VIII–XII вв.*, Москва 1981, рис. 64: 15; V. B. Vinogradov, *Altungarische parallelen zu einigen Gräbern des Alanischen Gräberfeldes bei Martan-ču*, „Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae”, 35, 1983, abb. 3:1, 2; В. Йотов, *Въоръжението и снаряжението*, кат. № 478–492; И. Л. Измайлов, *Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в.*, Казань–Магадан 1997, с. 28, рис. 7: 1; L. Révész, *Heves megye 10–11. századi temetői*, Budapest 2008, tab. 51; *The ancient Hungarians. Exhibition catalogue*, p. 87; 106; 119; 121; 256; 411.

⁴⁹ H. Arbmán, *Birka I: Untersuchungen und Studien. Die Gräber: Taffeln*, Uppsala–Stockholm 1940, Taf. 94:1, 3; L. Kovács, *Beregszász-Birka: Beiträge zu den Mützen mit Blechspitze des 10. Jahrhunderts*, „Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae”, 54, 2003, p. 205–242.

⁵⁰ *Живопись древнего Пянджикента*, Москва 1954, табл. XXXIII; XXXVII.

Более очевидны прямые связи со степью в случае с украшениями узды из шестовицкого камерного погребения 2006 г. (ил. 7; 8). Набор пока не имеет точных аналогий в других русских погребениях, как нет ему аналогий и в погребениях венгров эпохи „заования родины”. Прямоугольные бляшки с декоративным ромбовидным выступом (ил. 8:1) аналогичны сбруйным украшениям из печенежских погребений в Мирном и Горожено в Северном Причерноморье (ил. 8:2), а также огузского п. 4 к. 8 Ченин в Нижнем Поволжье⁵¹. Стилистику таких украшений сбруи кочевники, несомненно, принесли с востока, о чём свидетельствуют сбруйные наборы бляшек из кимакского п. 2 к. 5 могильника Карашат II в Казахстане (IX–X века) и более раннего тюркского кургана 11 могильника Балык-Соок I на Алтае, датируемого VIII веком⁵² (ил. 8:4, 5).

Шестовицкая узда из кургана 2006 г. вряд ли является местной имитацией печенежского набора – она скорее могла быть купленной в одном из южных городских ювелирных центров, обслуживающих печенежскую знать, или же быть выполненной восточным мастером, приехавшим на Русь в поисках заказов, подобно ювелиру Йазиду, создавшему литейные формочки для изготовления поясных украшений стиля Шпилёвского клада из находки в слоях второй половины X века Киевского Подола⁵³.

Восточные или кочевнические предметы в погребениях Шестовицкого могильника встречаются исключительно в комплексах высокого социального ранга, принадлежащим воинам-всадникам, связанным с торговлей (находки весовых гирек, византийских и арабских монет) или контролем торговых путей. Сочетание векторов культурных связей в самых богатых комплексах наиболее эклектично, охватывает одновременно скандинавский север и кочевнический юг Европы, исламский Восток, Византию, Венгрию, Хазарию, тогда как по мере падения количества престижных признаков в погребальных конструкциях и обряде, а также количестве и составе сопроводительного инвентаря, культурный облик погребений становится монолитнее и ориентированным на локальное ремесленное производство.

Кочевнические элементы также не концентрируются в едином комплексе. Ни в одном из рассмотренных шестовицких погребений не содержится полного набора снаряжения коня кочевнического облика или полного набора вооружения, и это наблюдение справедливо для всех известных на данный

⁵¹ Научный архив Института археологии НАНУ, ф. 12, д. 150: И. В. Фабрициус, *Археологическая карта Украинской ССР*, Киев 1951; Н. Г. Доконт, *Кочевническое погребение 11 в. у с. Мирное*, [in:] *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*, Киев 1978, рис. 1, 3; Е. В. Круглов, *Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в.*, [in:] *Степи Европы в эпоху средневековья*, т. 2, Донецк 2001, рис. 5:2, 3.

⁵² Ф. Х. Арсланова, *Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья*, [in:] *Труды Филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана*, т. 3, с. 316, 318; рис. 1:2–9; Г. В. Кубарев, *Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников)*, Новосибирск 2005, табл. 128:1.

⁵³ К. Н. Гупало, *Подол в древнем Киеве*, Киев 1982, с. 74–83.

момент русских памятников X века. Такие элементы в русских могильниках неизменно оказываются распыленными по разным погребениям, и ни в одном случае не сочетаются с кочевническими признаками погребального обряда или антропологическими особенностями степняков. Всё это свидетельствует против сколько-нибудь значительных этнических вливаний кочевников в русское общество ранее XI–XII веков.

Тот факт, что материальная культура Руси пребывала под влиянием кочевников уже начиная с X века, объясняется другими объективными факторами: географическим расположением Руси на границе со степью, распространением эклектичной „престижной моды” вдоль торговых магистралей, первенства кочевых народов в разработке снаряжения верховой лошади и оружия воина-всадника, перенимаемых соседями в процессе контактов или военных конфликтов с кочевниками.

*

Natalia Khamaiko, *Nomadic features in the Rus' material culture of the 10th century (on the example of Shetovytisia cemetery)*

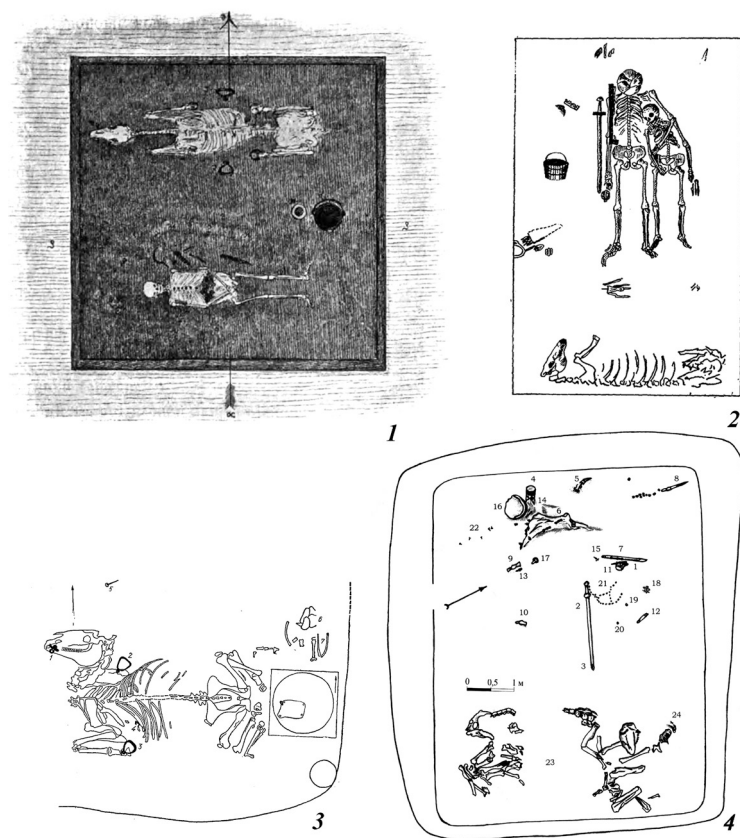
Early Rus' archaeological culture was called „druzhynnaya”, or „military” to distinguish it from the culture of ordinary Slavic settlements and cemeteries. Long been considered that this composite culture combined many cultural elements of Scandinavian, Byzantine, nomadic and Slavic origin basically due to the „international fashion” or because of mixed ethnicity of the Ruses. Traces of the influence of the nomads (the Hungarians, Pechenegs, Oguzes, Volga Bulgarians, Khazars) can be found in the types of equipment of horse and riders (stirrups, harness, saddles, bridle-bits), details of men's costume (metal caftan clasps, composite belt, tashka-beg), weapons (composite bow, sabre, mace), decorative motifs etc. The fact that the material culture of Old Rus' was influenced by the Nomad vector can be explained by many factors: geographical disposition of Rus' on the border with the steppe; wars and trade caused spreading of cultural elements along the main roots. But we hardly can speak about any significant ethnic contribution of nomads in Rus' society earlier then the 11th–12th centuries because all these elements in complexes of the Rus' grave of the 10th century (like Shetovytisia cemetery) are usually spread and not concentrated in one complex.

*

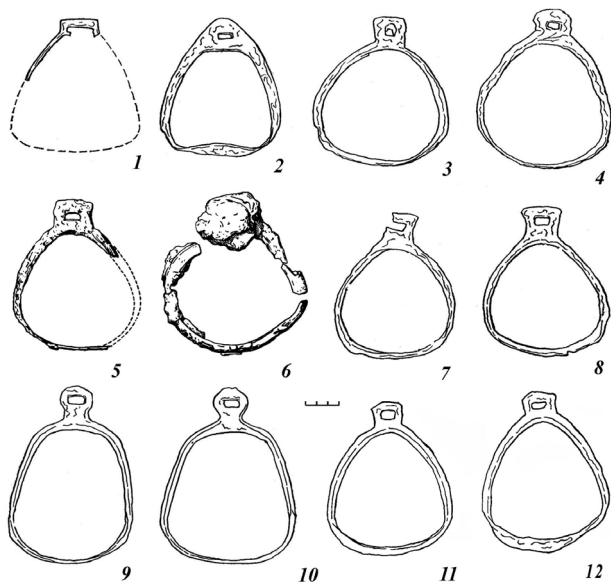
Natalia Khamaiko, *Nomádské znaky v ruské materiální kultuře 10. století (na příkladu pohřebiště v Šetovicích)*

Raně ruská archeologická kultura se nazývala „družinaja” nebo „vojenská” za účelem odlišení od kultury běžných slovanských sídlišť a pohřebišť. Již dávno se považuje za dané, že tato složená kultura kombinuje řadu kulturních prvků skandinávského,

byzantského, nomádského a slovanského původu v podstatě kvůli „mezinárodním módním trendům“ nebo kvůli smíšené etnické příslušnosti Rusů. Stopy vlivu nomádů (Uhrů, Pečeněhů, Oguzů, Volžských Bulharů, Chazarů) lze nalézt ve výstroji koní a jezdců (třímeny, postroje, sedla, uzdečky), v detailech mužských oděvů (kovové spony, skládané pásy apod.), u zbraní (složený luk, šavle, palice), v dekorativních motivech atd. Fakt, že byla materiální kultura staré Rusi ovlivněna fenoménem kočovníků, lze doložit mnoha faktory: zeměpisná dispozice Rusi na hranici se stepí; války a obchod způsobily dlouhodobé působení kulturních prvků již na samotné kořeny ruské kultury. Ale jen těžko můžeme hovořit o významném etnickém přínosu kočovníků ruské společnosti dříve než v 11.–12. století, protože všechny tyto prvky v komplexech rusínských hrobů z 10. století (jakým je pohřebiště v Šestovicích) jsou obvykle roztrženy a nejsou soustředěny do jednoho komplexu.

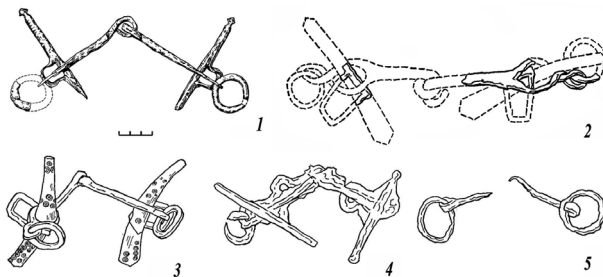
Ил. 1. Камерные погребения X века: 1 – „большой курган“, Гушин; 2 – к. 36, Шестовица; 3 – к. 120, Шестовица; 4 – курган 2006 г., Шестовица (1: Д. Я. Самоквасов, *Могилы Русской земли*, Москва 1908, рис. 61; 2–3: Д. І. Білфелда, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, Київ 1977, рис. 13; рис. 46; 4: В. Коваленко, А. Моця, Ю. Сытый, *Новейшие скандинавские находки в погребениях Шестовицы*, [in:] Ф. Андрощук, В. Зоценко, *Скандинавские древности Южной Руси*, Париж 2012, рис. 17).

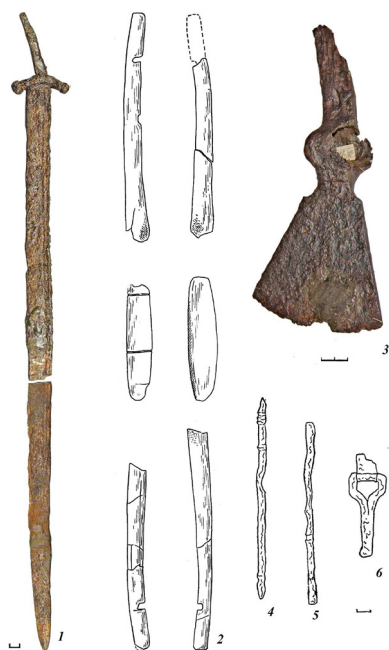
Ил. 2. Стремена из шестовицких погребений X века: 1 – к. 41; 2, 3, 4 – к. 42; 5, 6 – к. 98; 7, 8 – к. 110; 9, 10 – к. 120, 11, 12 – к. 145 (1–4, 7–12: Д. І. Білфелда, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, табл. X:5; XII:15–17; XXX:14, 16; XXXIV:12, 3; XXXVIII:14, 15; 5–6: Я. В. Станкевич, *Шестовицьке поселення і могильник по матеріалам розкопок 1946 г.*, [in:] „Краткие сообщения Института археологии АН СССР”, 87, 1962, рис. 6:4, 5).

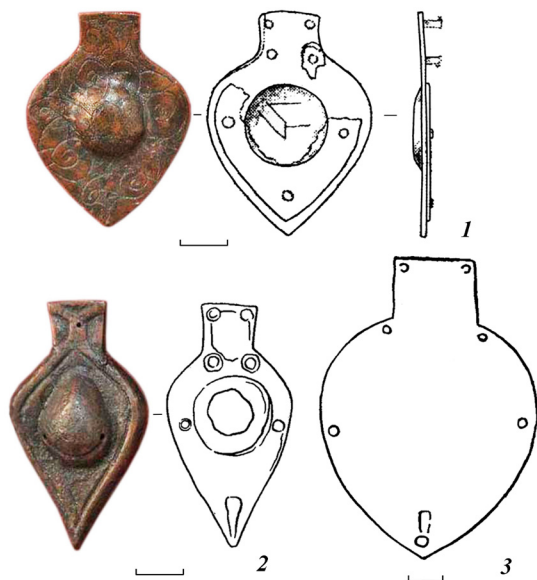
Ил. 3. Стремена из шестовицкого кургана 2006 г. (фото автора).

Ил. 4. Удила из шестовицких погребений X века: 1 – к. 98; 2 – к. 9; 3 – к. 120; 4 – к. 42; 5 – к. 145 (1: Я. В. Станкевич, *Шестовицьке поселення і могильник*, рис. 6:13; 2–5: Д. І. Білфелда, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, табл. II:1; XXXIV:1; XII:8; XXXVIII:11).

Ил. 5. Предметы вооружения из шестовицких погребений X века: 1 – сабля, к. 61, п. 4; 2 – детали сложносоставного лука, к. 110; 3 – чекан, к. 98; 4, 5 – колчаные петли, к. 110; 6 – колчаный крюк, п. 110 (1, 3: фото автора; 2, 4–6: Д. І. Біфеля, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, табл. XXXI:3, 4, 8–11; XXX:8, 9, 13).

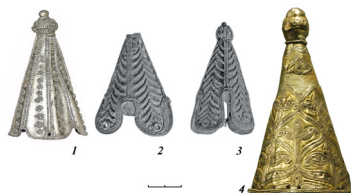
Ил. 6. Решмы конской сбруи из шестовицких погребений X века: 1 – к. 18; 2 – к. 145; 3 – к. 42 (1, 2: фото автора; 1–3: Д. І. Біфеля, *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*, табл. XXX-VII:8; XI:3; О. Черненко, *Археологічна колекція Чернігівського історичного музею*, рис. 34:1–2).

Ил. 7. Решмы конской сбруи из кургана Шестовицы 2006 г., X век (фото автора).

Ил. 8. Элементы конской узда: 1 – Шестовица, курган 2006 г.; 2 – Мирное; 3 – Горожено; 4 – Балык-Соок 1, к. 11; 5 – Карашат II, п. 2 к. 5 (1, 2: фото автора; 3: И. В. Фабрициус, *Археологическая карта Украинской ССР*, Киев 1951; 4: *Древнее искусство Сибири*, [in:] *Археологический WEB-Музей* (http://museum.mmc.nsu.ru/?int=VIEW&el=43&templ=NEW_INTERFACE_GROUP [8.03.2017]); Ф. Х. Арсланова, *Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья*, [in:] *Труды Филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана*, т. 3, Астана 2014, с. 318).

Ил. 9. Металлические навершия головных уборов: 1 – Шестовица, курган 2006 г.; 2 – Бирка, п. 644; 3 – Бирка, п. 581; 4 – Берегово; 5 – фрагмент фрески, Пенджикент (1, 4: фото автора, 2, 3: Н. Arbmán, *Birka I: Untersuchungen und Studien. Die Gräber: Taffeln*, Uppsala–Stockholm 1940, Taf. 94:1, 3; *Живопись древнего Пянджикента*, Москва 1954, табл. XXXVII).

Алевтина Плешивенко
(Запорожье)

Русь и печенеги в свете археологических памятников Нижнего Поднепровья

Источником информации о взаимовлиянии в этнокультурной, хозяйственно-бытовой, социально-экономической сферах Руси и печенегов служат археологические памятники: поселения, грунтовые могильники, курганные захоронения, культовые сооружения, места гибели судов, случайные находки. Самое значительное поселение Протоличе на о. Хортица – военно-торговая база, важный религиозный центр, в материалах которого прослеживаются незначительные элементы степных культур. Антропологический анализ грунтовых могильников подтверждает неоднородный этнический состав населения с превалированием славянского компонента. Подкурганные захоронения печенегов устанавливаются по знаковым признакам: западная ориентация, части скелета коня с расчлененными нижними конечностями, стремена, удила без перегиба и другой инвентарь. В ряде памятников отмечены огузские погребальные традиции. Наиболее богатые погребения открыты в прибрежной зоне Азовского и Черного морей, среди них захоронение с конской уздой у с. Ново-Каменка. Конструктивной особенностью курганов являются культовые сооружения, в которых встречаются каменные изваяния зверей, присутствующих в тюркском пантеоне. Рассматривая взаимоотношения Руси с печенегами, следует иметь в виду, что в Нижнем Поднепровье была особая контактная зона, в которой оседлое население и кочевники жили по-соседски, т. е. в мире и согласии.

X век для Руси ознаменовался несколькими знаковыми событиями. Одно из них – крещение Руси, способствующее укреплению духа государства и выстраиванию новых, более благоприятных отношений с Византией. Другое – появление в южнорусских степях печенегов, третье – гибель князя Святослава. Скудные сообщения летописных источников намекают на участие в этом криминальном деле печенегов.

Как считают исследователи, печенеги до своего грандиозного движения на запад, изначально, обитали на территории Средней Азии, между Аральским

и Каспийским морями, затем в междуречье Волги и Яика, где оказались в сфере политического влияния Хазарского каганата. Не отличаясь особой покорностью, они доставляли хазарам много неприятностей. Дабы обезопасить свою страну от беспокойных соседей, Хазария заключила союз с гузами. Последние нанесли печенегам поражение и вынудили переселиться в южнорусские степи. В *Повести временных лет* печенеги засвидетельствованы у русских границ под 915 г.: „В лѣѣ ꙗꙋ ꙗꙋ ꙗꙋ Приидоша Печенѣзи пѣрвое на Рускую землю и створивше миръ съ Игоремъ”¹. Согласно данным Константина Багрянородного, к середине X века область их расселения простиралась от Дона до Карпат и от Руси находилась в водном дне пути².

Отношения печенегов с Русью были многогранными, прошли несколько этапов – от откровенной вражды до умеренного сотрудничества, характеризующегося проведением совместных боевых действий, активной торговлей и дипломатией. Печенеги не отличались постоянством своих политических ориентаций. Видя заинтересованность в них со стороны Византии, Руси, Болгарии, Хазарии, они пытались максимально воспользоваться этой ситуацией: поочередно выступали союзниками каждой из названных стран, получая за это богатые дары. Исследуя русско-печенежские отношения, необходимо иметь в виду, что они определялись не только в Киеве или в печенежском стане, но так же в Константинополе. И нередко позиция Византии оказывалась решающей. Говоря современным дипломатическим языком, для Византийской империи русско-печенежские отношения были одним из приоритетов: состояние войны руссов и печенегов было выгодно грекам. Свидетельством тому является событие 972 г. По наущению византийцев печенеги устроили засаду на днепровских порогах, в которой погиб киевский князь Святослав Игоревич. Трагедия эта, описанная в *Ипатьевской летописи*, произошла вблизи острова Хортица: „В лѣѣ ꙗꙋ ꙗꙋ ꙗꙋ Приде Сѣославъ в пороги и нападе на на Кура кѣѣ Печенѣжскыи и оубиша Сѣослава и вѣаша голову его и во лѣѣ его зѣлаша чашю шковавше лобъ его и пѣху в немъ”³.

Дальнейшее противоборство шло с переменным успехом. В 992 г. киевский князь Владимир одержал победу над печенегами и „възвратиса въ Киевъ с побѣдою и славою великою”⁴. Спустя три года очередной конфликт закончился поражением руссов. Сказочные сюжеты летописи о чудесном спасении Владимира и о бескровной победе на Трубеже не должны вводить в заблуждение. В реальной жизни все было намного страшнее и драматичнее. Печенежские набеги губительным образом сказывались на жизни южных земель Руси. Без радикальных мер по

¹ *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 2, Санкт-Петербург 1908, стб. 32.

² Константин Багрянородный, *Об управлении империей: текст, перевод, комментарий*, [in:] *Древнейшие источники по истории народов СССР*, ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева, Москва 1991, с. 35.

³ *Ипатьевская летопись*, стб. 62.

⁴ *Ibidem*, стб. 108.

их защите нечего было и думать об успешном отражении печенегов. Владимир Святославович адекватно оценивал печенежскую опасность. Это ему принадлежит масштабная программа по укреплению столицы Руси и ее южных границ: „и нача ставити города по Деснѣ и по Оустрыи по Трубешеву и по Сулѣ и по Стугнѣ и нача нарубати мужи лутши“⁵. В это время был заложен ряд крупных городских центров, таких как Переяславль, Белгород, Остер, Новгород-Северский и др. Эта гигантская, по масштабам средневековья, работа осуществлялась одновременно со строительством крепостей и земляных валов, известных под названием „Змиевых“. Скупое упоминание о них содержится в записях епископа Бруно, посетившего Киев в 1008 г. Он сообщает, что русский государь проводил его два дня до последних пределов своего государства, которое со всех сторон окружено „завалами“⁶. Долгое время в научной литературе „завалы“ трактовались как земляные валы без каких бы то ни было деревянных конструкций, которые приходилось бы восстанавливать всякий раз после поджога кочевниками⁷. Археологические исследования позволили установить, что их общая длина 969,5 км⁸. В средней части вала находилась конструкция, состоящая из чередующихся продольных и поперечных бревен, уложенных ярусами. Деревянный каркас с обеих сторон подсыпался песком. С внешней стороны дополнительной преградой служил ров. Подобная технология строительства укреплений широко использовалась русскими фортификаторами в раннем средневековье. Задача оборонных сооружений состояла не столько в том, чтобы преградить путь печенежским конным отрядам на Русь, сколько предотвратить длительный захват русских земель, не дать возможность включить их в систему кочевнических угодий. Эта задача была выполнена. Последнее крупное столкновение печенегов с Русью произошло в 1036 г. Победа Ярослава Мудрого – внука Святослава, положила конец печенежской опасности на Руси. Государственная граница окончательно утвердилась по линии рек Рось и Сула⁹.

Как военно-политическая сила печенеги перестали существовать в 1091 г., после поражения от византийского императора Алексея I Комнина¹⁰. Ушедшие в Венгрию, Болгарию и Македонию печенеги растворились среди местного населения, часть их подчинилась половцам, другая, осев на границах Руси и слившись с тюркоязычными кочевниками (торками, берендеями и коцями), создала вассальный киевским князьям черноклобукский союз племен для обороны южных границ Киевской Руси от половцев. В *Киевской летописи* под 1190 г. написано:

⁵ Ibidem, стб. 106.

⁶ М. П. Кучера, *Змиевы валы Среднего Поднепровья*, отв. ред. И. И. Артеменко, Киев 1987, с. 8.

⁷ П. П. Толочко, *Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности*, отв. ред. Н. Ф. Котляр, Киев, 1980, с. 126; А. В. Куза, *Фортификация*, [in:] *Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село*, гл. ред. Б. А. Рыбаков, Москва, 1985, с. 168.

⁸ М. П. Кучера, *Змиевы валы Среднего Поднепровья*, с. 61, 83–164.

⁹ *Ипатьевская летопись*, стб. 139.

¹⁰ *История Византии*, т. 2, отв. ред. С. Д. Сказкин, Москва 1967, с. 315.

„и тако совокоуписа с Черными Клобоукы и Ъхаша в борвь изъѣздомъ до Протолчии и тоу заѣша стада многа Половецкаѧ в лоузѣ в Днѣпрескомъ”¹¹. Для черных клобуков были отведены специальные территории, где можно было вести привычный образ жизни, разводить коней, овец и т. п. Думается, оседлый образ жизни привлекал какую-то часть печенегов не только стабильностью, но и жизненным укладом оседлого населения, что может говорить о позитивном восприятии культуры руссов.

Историческая память Руси в большей мере зафиксировала те события в русско-печенежских отношениях, которые имели драматические, а иногда и трагические проявления. Летопись сохранила известия о 12 военных конфликтах между сторонами. Можно предположить, что какая-то часть печенежских вторжений на Русь и русских походов в степь не попала в поле зрения русских летописцев. Тем не менее, невозможно представить почти полуторастолетнюю историю русско-печенежских отношений как сплошное военное противостояние. К тому же, структура печенежского общества была такой, что Русь могла одновременно находиться с одной ордой в состоянии войны, а с другой – мира. Свидетельством заинтересованности печенегов в мирных отношениях со своими соседями, в том числе и с Русью, может быть сообщение Константина Багрянородного о торговых связях с Херсонесом: „οἰτίνες καὶ πραγματεύονται μετὰ τῶν Χερσωνιτῶν, καὶ ποιοῦσιν τὰς δουλείας αὐτῶν τε καὶ τοῦ βασιλέως εἰς τε τὴν Ῥωσίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ τὴν Ζιχίαν καὶ εἰς πάντα τὰ ἐκεῖθεν ὁ μέρη, δηλονότι λαμβάνοντες παρὰ τῶν Χερσωνιτῶν τὸν προσυμφωνημένον μισθὸν ὑπὲρ τῆς τοιαύτης διακονίας κατὰ τὸ | ἀνήκον τῆς δουλείας καὶ τοῦ κόπου αὐτῶν”¹². Среди товаров, которые печенеги поставляли в Херсонес, Константин называет шкуры и воск. Шкуры представляются естественным экспортным товаром для кочевников-скотоводов. Что же касается воска, то главным его производителем была, безусловно, Русь. У нее печенеги приобретали воск, чтобы затем выгодно сбыть „херсонитам”. Руссам же поставляли быков, коней, овец. Но обмен-торговля этим не ограничивался. Не имея постоянных поселений и даже временных стойбищ, вечно кочуя по степи в повозках и на лошадях, печенеги нуждались в жизненно необходимых продуктах земледельцев-соседей, изделиях ремесленных мастерских.

Источником информации о мирном сосуществовании и взаимовлиянии в этнокультурной, хозяйственно-бытовой, социально-экономической сферах служат археологические источники: поселения, грунтовые могильники, курганные захоронения, культовые памятники, места гибели судов, клады. Они немногочисленны и слабо изучены. Прежде всего, это касается мест обитания и могильников, т.е. памятников, которые не имеют внешних признаков и визуально опреде-

¹¹ *Ипатьевская летопись*, стб. 671.

¹² „Они торгуют с херсонитами, и исполняют поручения как их, так и василевса и в Росии, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов зарнее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам”. Константин Багрянородный, *Об управлении империей*, гл. 6, с. 41.

ляемых границ. Как правило, они находятся в пределах современных населенных пунктов, на берегах водоемов, островах, подвергаются разрушительному воздействию как антропогенных, так и природных факторов. Материалы, полученные в ходе археологических разведок в Запорожской области, очень неравномерно отражают состояние археологического наследия. Наиболее исследованными остаются Надпорожье, берега Днестра и Каховского водохранилища, побережье Азовского моря. На остальном пространстве области археологические разведки охватывали преимущественно курганы. Это привело к тому, что на сегодняшний день на государственном учете состоит 6226 курганов и 26 поселений. В то же время общее количество выявленных за 150 лет поселений, стоянок, грунтовых могильников, выходов культурного слоя, остатков жилищ, мест сбора подъемного материала, кладов, случайных находок превышает 400¹³. Наиболее результативными были работы Днепрогэсовской экспедиции в 1927–1935 гг., Скифской Степной экспедиции в 1949–1951 гг. Последние десятилетия археологические разведки в области осуществляют Запорожский краеведческий музей, Национальный университет и Центр охраны культурного наследия. Чаще всего эта работа сводится к проверке выявленных ранее объектов. На полноценное изучение нет средств, сказывается нехватка специалистов.

Значительная заслуга в выявлении археологических памятников Нижнего Поднепровья, в том числе и средневековья, принадлежит внештатному сотруднику Института археологии Национальной академии наук Украины Александру Бодянскому. Только на берегах Днестра от Днепропетровска (ныне г. Днипро) до Запорожья им зафиксировано и частично исследовано 47 пунктов ранних славян (VIII–XI вв.) и Руси (XI–XIV вв.)¹⁴. Как отмечает исследователь, памятники раннего периода принадлежат местному славянскому населению – переселенцам с западных и северных окраин русской земли. Археологический материал на поселениях типичный: фрагменты горшков, характерных как для привозных киево-русских, так и местных форм, обломки амфор. Найдены жернова из песчаника, известняка и железорудного криворожского камня. Разнообразны железные изделия: наральники, серпы, замки, наконечники стрел и копий, боевые топоры, рыболовецкие крючки, блесны и др. Бронзовые и серебряные украшения представлены поясными пряжками, сережками, нередко с двумя бусинами. Встречаются обломки бус и витых браслетов из желтого, зеленого, синего и коричневого стекла, которые зачастую обвиты полосками желтого стекла (ил. 1). Жилища полуземляночного типа с очагами или глинобитными печами и хозяйственными ямами. Известны случаи, когда на месте заброшенных полуземлянок устраивались захоронения. Они, как правило, безинвентарные, ориентированные головой на запад,

¹³ И. Р. Тихомолова, А. Г. Плешивенко, *Археологическое наследие: проблемы учета некоторых видов памятников*, [in:] *Культурна спадщина Запорізького краю*, вип. 2, Запоріжжя 2010, с. 44.

¹⁴ *Список археологічних пам'яток Дніпровського Надпоріжжя (Дніпропетровська й Запорізької області)*, сост. Д. Я. Телегін, О. В. Бодянский. – К., 1990. – 48 с., [in:] *Археологічна спадщина О. В. Бодянского (до 90-річчя від дня народження)*, відп. ред. Г. І. Шаповалов, Запоріжжя 2006, с. 140.

в некоторых отмечено присутствие подстилки, еще реже следы примитивного грововища. На некоторых черепах в теменной части видны пробоины, сделанные клевцом или саблей. Среди инвентаря встречаются пряслица, изготовленные из стенок посуды, шифера или свинца, иногда наконечники стрел ромбические славянские и тупоконечные кочевнические¹⁵.

Самое значительное поселение открыто на о. Хортица. Исследователи отождествляют его с летописным „Протолче на Хортичем острови”¹⁶, что лежит на водном пути из „варяг в греки”, на перекрестке сухопутных путей, которые здесь дважды пересекали Днепр. Выше Хортицы находилась Крайрийская или Кичкасская переправа. У южной части острова был Протолчий брод (ил. 2). Его название произошло от слова „протовчий”, т. е. проторенный, известный издавна. Глубина Днепра здесь была 70 см (естественно вне паводка). Всадник мог переправиться, не замочив ноги. Первое упоминание о бросе в летописях относится к началу XII века, но археологический материал свидетельствует о появлении здесь поселения уже в VIII веке. А. Бодянский определил керамику, собранную у Протолчего, пеньковской культурой – временем, предшествовавшим христианизации Руси. Поселение многослойное, площадью до 20 га. На основе археологического материала можно говорить о его длительном существовании вплоть до XV века (ил. 3). Самым ранним оказалось жилище шатрового типа, датируемое VIII веком. К периоду X–XI веков относится полуземлянка – прямоугольная в плане, с входом-ступенькой в южной стенке и обустроенная печкой-каменкой. В заполнении найдены изделия из железа, бронзы, кости, фрагменты лепной и гончарной керамики с линейным, волнистым орнаментом, кости животных и рыб¹⁷. Эти материалы свидетельствуют о том, что жители занимались гончарством, обработкой кож, прядением, ткачеством, земледелием; было развито кузнечное дело, литье из цветных металлов¹⁸. Географическое расположение поселения подсказывает и другие виды деятельности: рыболовство, лодочный перевоз, лоцманство. Это место активных, устойчивых контактов славян с кочевническим миром, на что указывают открытые захоронения с погребальным обрядом, характерным для кочевых племен, и отсутствие искусственных укреплений. Исследователи определили памятник как славянский с незначительным присутствием степных элементов¹⁹.

¹⁵ О. В. Бодянский, *Знахідки епохи Київської Русі у Надпоріжжі*, [in:] *Археологічна спадщина О. В. Бодянського*, с. 99–102.

¹⁶ *Ипатьевская летопись*, стб. 253.

¹⁷ А. Л. Сокульский, Т. К. Шевченко, А. В. Бодянский и др., *Раскопки славянского поселения на острове Хортица*, [in:] *Археологические открытия 1976 года*, отв. ред. Б. А. Рыбаков, Москва 1977, с. 373–374.

¹⁸ Г. Шаповалов, В. Ільїнський, *Середньовічні майстерні передмістя поселення „Протовче” на острові Хортиця: підсумки досліджень*, [in:] *Наукові студії*, вип. 8, ред. Т. Молочко, Винники–Жешів–Львів 2015, с. 348.

¹⁹ Н. А. Козачок, *О погребениях на территории Хортицкого поселения XI–XIV веков*, [in:] *Международные связи в средневековой Европе. Тезисы научных докладов и сообщений областного научно-практического семинара*, отв. ред. Ю. Е. Ивонин, Запорожье 1988, с. 50–51.

Но главным назначением этого островного поселения, своеобразной военно-торговой базы было обеспечение огромного числа прибывающих сюда дружинников, купцов, представителей дипломатических миссий, направляющихся на своих лодиях с дарами-данью то ли в Царьград, то ли в стольный Киев. Среди товаров руссов были славянские пряности – горчица и хрен, пользующиеся большим спросом на любом рынке. Тарой для их перевозки служили амфоры-корчаги. На корчаге, вымытой из берегового обрыва о. Хортица, северней Протолчого, имеются четыре отдельные буквы и нескольких черточек, сделанные глубоко прочерченными линиями до обжига сосуда. Надпись читается как „хрон” или „хрен”. Емкость амфоры около 11 литров. Находка датируется XI веком²⁰ (ил. 4.1).

Важным стратегическим грузом было оружие. В результате совместных походов и военных столкновений русских дружин с печенегами руссами были заимствованы тактика конного боя и соответствующее вооружение. Ассортимент оружия и конского снаряжения расширился восточными саблями, пиками, стрелами, удилами, уздой. Поначалу это были трофеи, полученные в бою, в результате купли-обмена или в качестве дара. Спрос был велик, и уже в конце X – начале XI веков русские мастера-оружейники не только освоили собственное производство, но и усовершенствовали его²¹. Русские суда перевозили отечественное и европейское оружие. В 1928 г. земленасосы извлекли со дна Днепра, вблизи Кичкаской переправы пять мечей (ил. 4.2). Их исследовал археолог Владислав Равдоникас и в 1933 г. опубликовал статью *Надписи и знаки на мечах из Днепроострой*. На трех клинках он прочел одно и то же слово, выбитое латинскими буквами „ULFBERHT” – Ульфберт. Это имя оружейника, изготовлявшего мечи. Мастерская Ульфберта появилась около середины X века на среднем Рейне и просуществовала почти 200 лет. Мечей так называемого скандинавского типа на территории СССР было найдено 87 (в Норвегии их обнаружено более 1500), значительная часть которых извлечена из курганов Прибалтики, остальные с окраин древней Руси. Клинков с клеймом мастерской Ульфберта известно 15. Они датируются X–XI веками. Работа В. Равдоникаса завершается словами: „С местом находки мечей мы можем связать и рассказ нашей летописи о гибели Святослава в бою с печенегами в 972 г. Хронологически и географически совпадение удивительное”²². Думается, что эти мечи принадлежали купеческому каравану, следовавшему на восточный рынок, где европейское оружие пользовалось большим спросом. На эту мысль наводит локальное сосредоточение однородных находок в одном месте.

В летописях перечисляются некоторые походы, а значит и остановки на Хортице, флотилий руссов. В 860 г. через пороги прошло 200 кораблей. В 907 г.

²⁰ В. Ф. Пешанов, *Амфора з написом з о. Хортиця*, „Археологія”, 23, 1970, с. 219–220.

²¹ А. Н. Кирпичников, *К оценке военного дела средневековой Руси*, [in:] *Древние славяне и Киевская Русь*, отв. ред. П. П. Толочко, Киев 1989, с. 141, 142.

²² В. И. Равдоникас, *Надписи и знаки на мечах из Днепроострой*, [in:] *Известия Государственной Академии истории материальной культуры*, вып. 100, Москва–Ленинград 1933, с. 598.

возле острова останавливался флот князя Олега, который состоял из 2000 судов. Около 909–910 гг. 500 судов спустились Днепром. Весной 941 г., преодолев пороги, к Хортице пришел огромный флот князя Игоря, количеством 10 000 ладей²³. Можно продолжить далее. Цифры, скорей всего, преувеличены. Но факт развитого судоходства у славян убедительно доказали находки экспедиции подводных археологических работ Запорожского краеведческого музея. В русле Старого Днепра, вблизи Протоцкого было поднято днище большой ладьи длиной более 10 м, шириной 0,65 м (ил. 5.1). Судно имело мощный нос и толстые борта. Внутренняя часть разделена на 4 отсека: небольшой до метра в носовой части, остальные три одинаковые по величине, располагались далее к корме. На такое устройство указывают оставленные при ее выдалбливании перегородки шириной до 10 см. Они же служили ребром жесткости. Верхняя часть судна не сохранилась. Можно предположить, что весла крепились в кожаных петлях. Борта, вероятно, доразивались бревнами. Оснащенное мачтой и парусами, судно могло вмещать до 15 человек и было пригодно для плавания не только по реке, но и по морю. Радиоуглеродный анализ поднятого с Днепра судна, показал дату между 956 и 1036 гг.²⁴

О том, что древнерусские суда, груженные товарами, бороздили не только реки, но и моря свидетельствуют находки со дна Тонкого залива Азовского моря. В ходе гидротехнических работ, связанных с углублением дна бухты, ковшом плавающего крана были подняты многочисленные древние предметы, часть которых тут же была выброшена. Прибывшие из Запорожья подводные археологи извлекли 24 амфоры, 17 кувшинов, 3 блюда, 1 чашку, железный кованый четырехрогий якорь и большое количество конструкций корабля: шпангоуты, обшивочные доски, кованые гвозди. Главное место в комплексе находок занимала деревянная скульптура – носовое украшение судна (ил. 5.2). Она изображает голову рогатого животного: спереди похожа на тура, в профиль на лошадь. Под рогами, с большим мастерством, вырезаны выразительные глаза. Голова скульптуры переходит в мощную шею-грудь, которая является своеобразным основанием всей скульптуры. Нижняя часть имеет снизу глубокий, треугольный в сечение продольный паз, приспособленный для крепления носового украшения к корпусу судна. Общая длина скульптуры 1 м 65 см. Она изготовлена из нижней части ствола дерева. При этом голова вырезана из прикорневой части, а рога из корней дерева. Аналогичной этой уникальной находке в судовой археологии Восточной Европы нет. Традиция украшать корабль скульптурой божества-хранителя имеет глубокие корни: финикийцы украшали суда головами коней, в древней Греции – изваяниями божества, которому посвящалось судно. В иллюстрациях к *Радзивиловской летописи* ладьи киевской дружины, приведенные князем Олегом в 907 г. к Царьграду, изображены с носовым украшением в виде птичьих голов. Радиоуглеродный анализ

²³ *Ипатьевская летопись*, стб. 21, 26, 33, 742.

²⁴ Г. И. Шаповалов, *Подводные исследования судов XII и XIV–XV вв. у острова Хортица*, [in:] *Древности Северного Причерноморья и Крыма*, т. 2, отв. ред. Г. И. Тошев, Запорожье 1990, с. 174–179.

нашей скульптуры, выполненный в Институте геохимии и физики минералов Национальной академии наук Украины, дал результат: 970–1050 гг.²⁵ Другие поднятые находки укладываются в эти хронологические рамки. Сохранившиеся целыми амфоры имеют удлинённые суживающиеся книзу тулова, они круглодонные, с рельефной поверхностью. Ручки высокие, прикреплены немного ниже венчика. Одна амфора имеет укороченное горло и ручки, прикрепленные непосредственно под валикообразным венчиком. Амфоры такого рода получили широкое распространение в средневековой Таврике, начиная с VIII–IX веков²⁶ (ил. 5.3–8). Это основной тип амфор, которыми насыщены слои X века Херсонеса, хорошо датированных монетами византийских императоров. Найденные кувшины представлены 4 типами. Наиболее ранний имел округлое тулово, расширяющееся горло со слегка намеченным сливом. Ручка невысокая, поднимающаяся по наклонной прямой. Горло и средняя часть тулова украшены орнаментом из косых рядов вдавленных точек. Цвет керамики серый, поверхность слегка лощенная. Из всей посуды этот кувшин-ойнохоя восходит к салтовско-маяцкой культуре и датируется VII–VIII веками²⁷. Другие типы кувшинов прослеживаются в комплексах домашней посуды IX–XIII веков. Якорь высотой 117,5 см с круглыми рогами, заканчивающимися небольшими лапами, по конструкции аналогичен якорю с византийского судна, датированного VII веком. Находка судна с грузом амфор и прочей посуды на славянском судне в Азовском море наводит на мысль, что товар предназначался печенегам, которые импортировали его из Херсонеса (вспомним пассаж из труда Константина Багрянородного). Интересно, как кочевники доставляли его на рынок сбыта? В данном случае – это северное Приазовье, которое они контролировали и где хоронили своих соплеменников. Допустим, по суше на повозках, а по воде? Думается, что они, прибегая к современной терминологии, арендовали судна руссов с командой гребцов и лоцманом. Если бы товары везли из Херсонеса на Русь, то судно двинулось бы по Черному морю к устью Днепра и далее по знаковой реке на север к месту назначения.

К характеристике поселения у Протолчего брода необходимо добавить, что оно изначально было крупным религиозным центром Нижнего Поднепровья. О сакральном значении острова Святого Георгия (Хортицы) имеется мифологический сюжет, изложенный Константином Багрянородным. На этом острове руссы „έν ή νήσω καί τας θυσίας αὐτῶν ἐπιτελοῦσιν διά τό ἐκεῖσε ἰστασθαι παμμεγέθη δρῦν, καί θύουσι πετεινοῦς ζῶντας. Πη- γνύουσι δέ καί σαγίττας γυρόθεν, ἄλλοι δέ καί ψωμία καί κρέατα, καί ἐξ ὧν ἔχει ἕκαστος, ὡς τό ἔθος αὐτῶν ἐπικρατεῖ. Ῥίπτουσι δέ καί σκαρφία περί τῶν πετεινῶν, εἴτε σφάξαι αὐτούς, | εἴτε καί φαγεῖν,

²⁵ Idem, *О находке судна XI–XII веков в Азовском море*, [in:] *Древности Северного Причерноморья и Крыма*, т. 5, отв. ред. Г. И. Тощев, Запорожье 1995, с. 185–192.

²⁶ А. Л. Якобсон, *Керамика и керамическое производство в средневековой Таврике*, отв. ред. П. А. Раппопорт, Ленинград 1979, с. 31.

²⁷ А. И. Баранов, *Таврика в эпоху раннего средневековья*, отв. ред. О. М. Приходнюк, Киев 1990, с. 99.

εἶτε καὶ ζώντας ἑάσειν αὐτοῦς”²⁸. Реальная картина предстала перед глазами археологов в 1994 г. после исследований на о. Каменный. Он расположен в 500 м к юго-западу от Протолчего брода и одноименного поселения. Представляет собой каменное плато, возвышающееся над заболоченной и залесенной поймой Днестра. В раскопе площадью 75 кв. м на уровне древней поверхности выявлено скопление камней со следами копоти, окруженное кольцом (5–5,5 м) невысокой кладки. Среди камней найдено более 100 фрагментов костей, в основном птицы и крупной рыбы, а также до 50 фрагментов амфор и 15 обломков лепной, черной в изломе посуды, отнесенной к пеньковской культуре²⁹. Не вызывает сомнений, что этот объект культового назначения и обладает важными признаками, характерными для памятников такого рода: расположение в стороне от жилых построек, часто на изолированных возвышенностях, наличие специальных культовых построек (жертвенных ям, площадок), символическое ограждение от окружающего мира, сохранение остатков жертвоприношений, широкое применение камня и каменных вымосток, длительное употребление огня и др. Капища такого типа появились у славян в VIII–IX веках³⁰.

В процессе дальнейшей работы в северной части раскопа были обнаружены две параллельные регулярные кладки, скрепленные глиняным раствором с большой долей примеси ила, дресвы и растений. В результате был открыт фундамент сложной конструкции. Сохранность объекта позволила восстановить планиграфию строения (ил. 6.1–6.3). Это двустолпная зальная однефная базилика размером 9х4,5 м. Внутреннее пространство имело крестообразную форму, образованную полукруглой в плане апсидой с восточной стороны и двумя нефами: поперечным маленьким и основным длинным. Их разделяют два столба у северной и южной стен, которые делают крестовидную планировку завершенной. Раннехристианские храмы аналогичного образца известны на Кавказе, в Причерноморье, Болгарии. Ближайшим из них можно признать церковь Святого Пророка Ильи в Солнечной долине в Крыму (ил. 6.8). Подобный тип архитектурного строения имел двускатную крышу с открытым изнутри деревянным перекрытием. Алтарная часть – апсида – крылась полушатром. Учитывая концентрацию каменных завалов над восточной и центральной частями постройки, исследователи предполагают, что каменными были фундамент-цоколь, угловые столбы, контрфорсы и столбы внутреннего пространства. Плоскости стен и апсиды могли быть деревянными, обмазанными с двух сторон глиной³¹.

²⁸ „совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг, а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай”. Константин Багрянородный, *Об управлении империей*, гл. 9, с. 48.

²⁹ В. Е. Ильинский, *Средневековый храм в урочище Домаха (плавневая часть о. Хортица)*, [in:] *Музейний вісник*, вип. 13, від. ред. Г. І. Шаповалов, Запоріжжя 2013, с. 108.

³⁰ И. П. Русанова, *Культовые места и языческие святилища славян*, „Российская археология”, 4, 1992, с. 53.

³¹ В. Е. Ильинский, *Средневековый храм*, с. 110–111.

Вопрос датировки храма неоднозначен. Подобный тип храмовой архитектуры бытовал в Причерноморье с IX до XII века³². Находки из постройки не противоречат этим датам, но и не позволяют их сузить. Фрагменты амфорной тары, грубой гончарной и лепной керамики местного приднепровского типа с многорядной и однорядной волной по плечикам встречаются в культурных слоях указанного периода. К этому времени относятся и фрагменты железного котла, форма и размеры которого поддаются реконструкции (ил. 6.4–6.7). Он имел расширяющиеся кверху стенки, отогнутый венчик и выпуклое дно. Диаметр по венчику 34 см, высота 18 см. По принятой классификации котел отнесен исследователями к подтипу I первого типа. Он был сделан из двух листов, соединенных простой проковкой швов, петли ручки крепились заклепками. Производство таких котлов в лесостепной зоне принято относить к VIII–XII векам³³. При датировке храма важным фактором могут быть сведения первоисточников о проникновении христианства в регион. Не вызывает сомнения, что его бытование связано с первыми киевскими князьями-христианами.

Признаки христианизации оседлого населения Нижнего Поднепровья прослеживаются в погребальном обряде грунтовых могильников, которые, как и поселения, сосредоточены по берегам Днепра и его притоков. Наиболее полно изучены памятники у с. Каиры – 89 погребений (Херсонская область), с. Благовещенка – 41 погребение и Каменский могильник – 83 захоронения (Запорожская область). Последний был открыт Борисом Граковым во время исследования Каменского городища и копался Эрастом Сымоновичем в 1952 г. Могильные ямы располагались неправильными рядами на расстоянии 1–2,5 м друг от друга, в 4-х случаях прослеживалось каменное перекрытие. Костяки лежали головой на запад (с сезонным отклонением) на спине в вытянутом положении. Погребенный инвентарь представлен керамикой, украшениями (серьги, бусы, браслеты), орудиями труда (ножницы, рыболовецкие крючки, ножи, оселки), оружием (наконечники стрел, сагайдаки). В одном погребении найден медный крестик. 60% погребений безинвентарные. Среди находок присутствуют предметы, имеющие аналогии в вещественных комплексах подкурганых погребений кочевников. Датировка памятника неоднозначна: Б. Граков датировал могильник XII–XIV веками³⁴, Э. Сымонович X–XII веками³⁵, Светлана Плетнева XIII–XIV веками³⁶, Арка-

³² *Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Иллюстрированный справочник-каталог*, т. 2, отв. ред. И. А. Игнаткин, Киев 1985, с. 87.

³³ М. А. Швецов, *Котлы из погребений средневековых кочевников*, «Советская археология», 2, 1980, с. 73.

³⁴ Б. Н. Граков, *Каменское городище на Днепре*, [in:] *Материалы и исследования по археологии СССР*, вып. 36, отв. ред. В. Д. Блаватский, Москва–Ленинград 1954, с. 56.

³⁵ Э. А. Сымонович, *Погребения X–XII вв. Каменского могильника*, [in:] *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, вып. 65, Москва–Ленинград 1956, с. 106.

³⁶ С. А. Плетнева, *Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях*, [in:] *Материалы и исследования по археологии СССР*, вып. 62: *Труды Волго-Донской археологической экспедиции*, т. 1, отв. ред. М. И. Артамонов, Москва–Ленинград 1957, с. 185.

дий Козловский XII–XIV веками³⁷. Относительно этнической принадлежности грунтовых могильников, то в этом вопросе наблюдается некоторая солидарность: это памятники оседлого степного населения, ассимилированного кочевниками, среди которого превалирует славянский компонент. Антропологический анализ названных могильников подтверждает этот вывод: морфологический тип, представленный в этих памятниках, относится к южно-европейской группе. Отмечено также присутствие уплощенного лицевого скелета, характерного больше для женских погребений³⁸.

В качестве короткой информации несколько слов о грунтовом могильнике Мамай Сурка у с. Большая Знаменка (Запорожская область). Его открыл А. Бодянский в 1956 г. и тогда же оповестил о большом разрушении памятника водами Каховского водохранилища: разрушено было около 1000 погребений³⁹. Планомерные его раскопки начались в 1989 г. экспедицией археологической лаборатории Запорожского Национального университета. Закончились в 2006 г. исследованием 1163 погребений в ямах разной конструкции с инвентарем, аналогичным уже представленным могильникам. Автор исследований Михаил Ельников датирует памятник XIII–XIV веками⁴⁰. По его мнению, в это время в Нижнем Поднепровье по-прежнему проживало неоднородное население, среди которого были: славяне, выходцы из Среднего Поднепровья, аланы, болгары, потомки салтово-маяцкой культуры, а также кочевники, которые осели на землю и приняли христианство, о чем свидетельствуют находки золотого образка с изображением святого, выполненного в технике перегородчатой эмали, бронзового креста с рельефом Богоматери в полный рост⁴¹ (ил. 7.1–7.2).

Скудные сведения грунтовых могильников дополняют подкурганные захоронения с более разнообразным инвентарем. Назвать точную цифру исследованных печенежских погребений сложно. Их сотни, большая часть разрушена распашкой курганов или разграблена в древности. Многие сохранившиеся погребения преподносятся исследователями тезисно, без иллюстраций как „кочевнические” или „средневековые”. Эту ситуацию комментирует одесский археолог Андрей Добролюбский: „В 1924 г. Археологическое отделение научно-исследовательского института археологии и искусствоведения поручило В. А. Городцову, автору одной

³⁷ А. О. Козловский, *Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст.*, відп. ред. О. П. Моця, Київ 1992, с. 120.

³⁸ Л. В. Литвинова, *Населення Нижнього Подніпров'я XII – початку XV ст.*, відп. ред. Л. П. Михайлина, Київ 2012, с. 48.

³⁹ О. В. Бодянский, *Археологічні пам'ятки Запорізької та Дніпропетровської областей, які зруйновані або руйнуються водами оз. ім. Леніна та Каховського водосховища*, „Науковий архів Інституту археології Національної Академії Наук України”, № 1977/89.

⁴⁰ М. В. Єльніков, *Поховальна обрядовість на ґрунтових некрополях Нижнього Подніпров'я часів Золотої орди*, [in:] *Археологічний літопис Лівобережної України*, вип. 1–2, від. ред. О. Б. Супруненко, Полтава 2005, с. 89.

⁴¹ М. И. Ельников, *Средневековый могильник Мамай – Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.)* т. 1, отв. ред. Г. Н. Тошев, Запорожье 2001, с. 75, 98.

из первых классификаций погребальных обрядов средневековых кочевников, разобрать вопрос о культуре печенегов, торков и половцев. Прошел почти век, однако все еще не выработаны достоверные критерии, позволяющие, вне всякого сомнения, дифференцировать погребения печенегов от погребений торков или половцев⁴².

В связи с присутствующей в Украине недоступностью к первоисточникам, ознакомлю с несколькими погребениями печенежского круга, открытыми в Запорожской области моими коллегами.

В 2011 г. экспедицией Запорожского Национального университета проведены спасательные раскопки кургана Орта-Тубе у с. Гирсовка, в Приазовье, в макрорельефе междуречья рек Джескельня и Акчокрак. Высота кургана – 2 м, диаметр – 60 м. Курган насыпан в эпоху энеолита – ранней бронзы, достраивался в скифское время, в средние века использовался для совершения двух погребений и устройства половецкого святилища. Печенежское погребение № 2 (ил. 8.1–8.28) находилось в центре кургана на глубине 2,33 м⁴³. Могильная яма в плане неправильной прямоугольной формы с двумя вертикальными и двумя (западная и южная) наклонными стенками. Скелет женщины (?) преклонного возраста лежал вытянуто на спине, головой на запад. Правая рука вытянута, левая слегка согнута в локте, кисть на тазе. На костях отмечен черный тлен кожного покрывала. Слева, вдоль костяка находилось чучело взрослого коня – череп и ноги, ориентированного головой на запад. Справа от правой руки, ниже плеча находился колчан. Судя по остаткам тлена, его длина составляла около 58 см. Колчан берестяной на тонкой деревянной основе. Сохранившиеся детали – костяные и железные накладки, металлические скобы, заклепки и их положение позволяют представить его в виде короба подцилиндрической или уплощенно-цилиндрической формы с горловиной в верхней части, прикрываемой клапаном, крепившимся с помощью железных скоб и пластин. В колчане находилось два наконечника стрел остриями вверх. У левого предплечья найдены кремниевый отщеп и скобopodobное кресало. На костях левой кисти лежал небольшой железный нож. Рядом с конечностями коня обнаружены железные пряжка и стремя, в зубах коня односоставные удила. На печенежскую принадлежность погребения указывают западная ориентация, останки коня с расчлененными нижними конечностями по второй сустав⁴⁴. Среди находок для хронологического определения большее значение имеют стремя и удила. По классификации Германа Федорова-Давыдова тип стремян БШ широко распространен в IX–X веках⁴⁵. Удила без перегиба

⁴² А. О. Добролюбский, *Черные клубуки в Поднестровье и Побужье*, [in:] *Древности Степного Причерноморья и Крыма*, т. 1, отв. ред. Г. И. Тощев, Запорожье 1990, с. 153.

⁴³ М. В. Сльников, *Курган Орта-Тубе у північно-західному Приазов'ї*, [in:] *Музейний вісник*, вип. 13, с. 94–94.

⁴⁴ А. Г. Агавин, *Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв.*, „Советская археология”, 1, 1984, с. 137.

⁴⁵ Г. А. Федоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*, отв.

считаются этническим признаком печенежских комплексов конца IX – середины XI века⁴⁶. Скобоподобные кресала I варианта известны среди погребений IX–X веков⁴⁷. На раннюю дату погребения указывают и фрагменты сероглиняной посуды, лощеность, расчески и обжиг которой имеют аналогии среди памятников салтово-маяцкого круга.

Следующее погребение, о котором пойдет речь, исследовано сотрудником Центра охраны культурного наследия Ириной Тихомоловой в кургане, расположенном в бассейне р. Конка (с. Кирово), районе формирования своеобразных очагов кочевой культуры, среди которой наиболее ярко представлены памятники золотоордынского периода. Открытие здесь половецких древностей и печенежского погребения дают основания полагать о длительности этого процесса. Погребение впущено в центр насыпи, сооруженной в эпоху бронзы⁴⁸. Совершено в могильной яме подовальной формы (2,2x0,95 м), вытянутой в широтном направлении (ил. 9.1–9.9). На перекрытии, состоящем из поперечно уложенных деревянных плашек и рухнувшем в камеру, находилось „чучело” взнузданного коня, обращенного головой на запад. Череп и кости ног, отчлененные по пястный сустав, размещались в анатомическом порядке. В зубах коня находились одноставные удила с кольцами диаметром 3,5–4 см. Грызло и кольца изготовлены из железного прута. Соответствующее место на „чучеле” занимали стремяна. Они имели овальную форму, верхняя часть представляла собой широкую пластину с прорезанным в ней отверстием для путалища. Подножка узкая, вогнутая. Размеры стремян: 16x12 см, ширина дужки – 2,5 см, подножки – 3,5 см. Погребенный взрослый человек лежал на подстилке из бересты в вытянутом положении на спине, головой на восток, кисть левой руки находилась на тазе. У правого бедра обнаружено подпрямоугольное пятно берестяного тлена со следами кожаной обшивки – следы колчана. В 10 см выше найдены мелкие фрагменты костяных пластин, украшенные циркульным орнаментом, и следы бересты. Вероятно, пластины принадлежали обрамлению горловины колчана. Его длина 55–60 см. В нижней части зафиксированы обломки железных оковок днища. Удалось проследить две петли, входившие в систему подвески колчана. Каждая из них состояла из двух тонких железных пластин, соединенных попарно заклепками. Прямоугольный выступ посередине, образованный верхней пластиной, и служил петлей. Детали петель, поддающиеся фиксации, имели прямоугольную форму. К системе подвески принадлежали железные кольцо и две пряжки – овальная с вдавленными

ред. А. В. Киселев, Москва 1966, с. 15.

⁴⁶ С. А. Плетнева, *Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи*, [in:] *Материалы и исследования по археологии СССР*, вып. 109: *Труды Волго-Донской археологической экспедиции*, т. 3, отв. ред. М. И. Артамонов, Москва–Ленинград 1963, с. 216.

⁴⁷ А. В. Евглевский, Т. М. Потемкина, *Кресала в поздnekочевнических погребениях Восточной Европы*, [in:] *Степи Европы в эпоху Средневековья*, т. 1, отв. ред. А. В. Евглевский, Донецк 2000, с. 187.

⁴⁸ И. Р. Тихомолова, *Погребения Кочевников в бассейне р. Конка*, [in:] *Музейний вісник*, вип. 13, с. 84–89.

сторонами и подпрямоугольная. Среди инвентаря: две срединные накладки на лук, украшенные насечками; три фрагмента железных черешковых плоских наколочников стрел, железная скоба, нож с костяной обкладкой рукояти, кремниевый отщеп и калачевидное кресало. Под костями ног погребенного прослеживались следы ткани.

Вещевой комплекс погребения находит многочисленные аналогии среди огузо-печенежских древностей X–XI веков. Определяющими в нем являются одноставные удила с трензельными кольцами среднего размера. Большинство исследователей временем их распространения считает X–XI века. Современная точка зрения на вариативность форм удил связана с представлением о ее обусловленности способом выездки коня. Пик распространения удил без перегиба соотносится с методом управления конем, принятым у печенегов, и датируется X–XI веками⁴⁹. В XII веке трензельные кольца удил приобрели значительные размеры (до 9 см). Стремена близки по типу AI по Г. Федорову-Давыдову и типу III первой группы по Анатолию Кирпичникову, отличаясь мелкими деталями. Полную аналогию они находят в печенежском погребении в кургане Баба из Северо-Восточного Приазовья. Датировка подобного типа стремян укладывается в рамки X–XI веков⁵⁰. Костяные срединные накладки на лук овальной формы характерны для I–X веков⁵¹. С. Плетнева относит их к X–XI векам и отмечает, что с XII века они встречаются только в сочетании с концевыми фронтальными накладками⁵². Берестяные колчаны с кожаной обшивкой полуцилиндрической формы широко представлены в кочевнических древностях IX–XIV веков. Ряд исследователей ограничивает время распространения таких колчанов с железными пластинчатыми петлями, имеющими фигурное завершение, IX–XI веками⁵³. Овальные пряжки с вдавленными сторонами встречаются в X–XI веках⁵⁴. Калачевидные кресала без язычка С. Плетнева датирует X–XI веками⁵⁵, Г. Федоров-Давыдов – XII–XIV веками⁵⁶, Александр Евглевский отмечает их существование у кочевников и на сопредельных территориях в IX–XIV веках⁵⁷. Несмотря на некоторый разноречивый, хронологические рамки вещевого комплекса погребения устанавливаются в пределах X–XI веков на основе наиболее надежно датированного инвентаря:

⁴⁹ О. В. Дубинец, *О функциональных особенностях кочевнических удил VIII–XIV вв.*, [in:] *Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної археологічної конференції пам'яті С. Н. Братченка*, відп. ред. В. В. Отрошенко, Луганськ 2012, с. 446.

⁵⁰ А. И. Привалов, *Средневековое погребение из могильника „Баба” в Донбасе*, [in:] *Археологический альманах*, вып. 10, отв. ред. А. В. Колесник, Донецк 2000, с. 251.

⁵¹ В. Е. Флерова (Нахапетян), *Костяные детали луков, колчанов и налучий Белой Вежи*, [in:] *Труды по археологии. Степи Европы в эпоху средневековья*, т. 1, отв. ред. А. В. Евглевский, Донецк 2000, с. 103.

⁵² С. А. Плетнева, *Печенеги, торки, половцы*, с. 214.

⁵³ А. Н. Кирпичников, А. Ф. Медведев, *Вооружение*, [in:] *Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село*, отв. ред. Б. А. Рыбаков, Москва 1981, с. 313.

⁵⁴ Г. А. Федоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы*, с. 46.

⁵⁵ С. А. Плетнева, *Печенеги, торки, половцы*, с. 216.

⁵⁶ Г. А. Федоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы*, с. 116.

⁵⁷ А. В. Евглевский, Т. М. Потемкина, *Кресала в поздnekочевнических погребениях*, с. 185.

удил, стремян и накладок на лук. Определенную роль в понимании и датировке погребения имеет погребальный обряд. Захоронение головы и костей ног коня, отчлененных по пясть, ориентированное на запад – II тип 5 вариант по Андрею Атавину, является признаком печенежского погребального обряда X–XI веков⁵⁸. В то же время, использование деревянного перекрытия и захоронение на нем „чучела” коня свидетельствует о влиянии огузских погребальных традиций.

Раскопками у с. Благовещенка, осуществленными сотрудником Запорожского краеведческого музея Зоей Попандопуло, исследован курган, насыпанный над двумя кочевническими погребениями⁵⁹ (ил. 10.1–10.20). Насыпь высотой 0,5 м, диаметром 14 м окружал ров. Погребение 2 ограблено в древности. Судя по сохранившимся *in situ* костям, скелет лежал на спине головой на юго-запад. В могиле найдены серебряная серьга и черешковый наконечник стрелы с ромбовидным пером. Погребение 1 совершено в прямоугольной яме, перекрытой деревянным настилом, на котором лежали части туши коня: череп, ориентированный на запад, и две пары ног. В зубах коня находились железные кольчатые удила с конечными кольцами, между ног лежало стремя округлой формы с расплюсченной дужкой, заостренной сверху и прямоугольным вырезом для петли, выступами внизу у сильно выгнутой подножки. Рядом находились железная подпружная пряжка и обломки костяных пластин. Погребенная женщина лежала в решетчатом гробовище вытянуто на спине, головой на запад. Руки вытянуты, кисть правой лежала на тазе. У черепа обнаружены две лазуритовые подвески ромбической формы и два золотых височных кольца с напускной дугой биконической нанизкой, усложненной восьмью коническими шишками, украшенными во всех сгибах тонкой витой проволокой. У правого бедра погребенной лежала верхняя часть сабли, по-видимому, обломанная в ритуальных целях. В области пояса находился кожаный кошелек. За черепом найдены фрагменты рукоятки нагайки, внутри черепа фрагменты бронзовых пуговиц-бубенчиков. Вокруг могильной ямы собрано большое количество образцов гончарной и лепной керамики. Среди лепной определены обломки трех узкогорлых кувшинов, двух горшков с сильно профилированным венчиком, одной толстостенной миски с гладким бортиком. Лепная посуда относится к архаичным формам, существовавшим в X веке. Она украшена орнаментом в виде рельефных гирлянд, составленных из налепных жгутиков, заполненных кружочками. Гончарная керамика представлена фрагментами толстостенного красноглиняного кувшина и амфор. Весь комплекс находок, нетрадиционный погребальный обряд, связанный с устройством „поминальной” площадки и сооружением насыпи, свидетельствует о том, что это захоронение принадлежит к числу неординарных. Исследователь относит его к печенежско-торченскому кругу древностей и датирует концом X – первой половиной XI веков. Можно предположить, что погребенная

⁵⁸ А. Г. Атавин, *Некоторые особенности захоронений чучел коня*, с. 137.

⁵⁹ З. Х. Попандопуло, *Средневековый курган у Благовещенки*, [in:] *Музейний вісник*, вип. 5, відп. ред. Г. І. Шаповалов, Запоріжжя 2005, с. 31–38.

женщина принадлежала к числу осевших кочевников. Недалеко от кургана располагаются синхронные поселение и грунтовый могильник. Особенностью данного погребения является сочетание нескольких культурных традиций. Генетическая память сохранила печенежский погребальный обряд, усложненный присутствием деревянной конструкции торченских (гузких) захоронений, а вещевой набор включает предметы, бытовавшие у тех и других, плюс „аксессуары” половцев.

Такая ситуация наблюдается и в других памятниках. Так, в кургане 9 у с. Малокатериновка открыто два синхронных погребения кочевников. В первом скелет уложен в деревянное гробовище вытянуто на спине, головой на восток. Справа от скелета находились конечности коня. Инвентарь: три наконечника ромбических черешковых, один пулевидный втульчатый, вток копья, фрагмент обоюдоострого меча, стремя арковидное с листовидной подножкой. Погребение 2 располагалось параллельно в 2 м к востоку на той же глубине. Положение скелета аналогично. На вымощенной камышом ступеньке, расположенной вдоль северной стенки, в анатомическом порядке уложены череп (на запад) с удилами и конечности коня. По бокам воображаемой спины лошади находились два стремени овальной формы с круглой подножкой и треугольным выступом с отверстием в верхней части. В погребальном инвентаре присутствовали украшения: четыре лазуритовых подвески, „рогатые” коралловые бусы, три бронзовые пуговицы-бубенчики, серебряная серьга из витой проволоки. В ногах находилась амфорка „киевского” типа с двумя петлевидными ушками-ручками в основании дутого горла. Погребения содержат элементы печенего-торко-половецких культур. Датированы XI–XII веками⁶⁰. В этот период сформировался общий печенежско-гузско-половецкий обряд погребения⁶¹.

Большинство печенежских погребений не радуют обилием и разнообразием инвентаря. Но среди них есть и богатые захоронения. Это курганы у с. Мирное (Одесская область), с. Антоновка, с. Булгаково (Николаевская область), с. Новомихайловка, с. Ново-Каменка (Херсонская область), пос. М. Горького (Запорожская область). Эти памятники объединяет географическое расположение: прибрежная зона Черного и Азовского морей, удаленность от враждебной Руси, близость к юго-восточноевропейским сбруйным центрам, обслуживающим Русь, Крым и Причерноморские степи. Рассмотрим новокаменский памятник, исследованный в 1974 г. Анатолием Кубышевым. Печенежское погребение совершено в своеобразном подбое, образовавшемся в завалившемся своде скифской камеры. Скелет лежал на деревянном настиле, покрытом кожей, вытянуто на спине головой на запад. Слева находились череп, передние и задние конечности лошади. Сопровождающий инвентарь состоял из следующих предметов: две серьги из золотой проволоки, рукоять нагайки, железные браслет и сабля (фрагменты) с рукояткой, украшенной орнаментом в виде гравированной сетки, кремниевый

⁶⁰ А. Г. Плешивенко, *Курганы села Малокатериновка*, Запорожье 1996, с. 16, 103.

⁶¹ М. В. Ельников, В. Ю. Мурзин, *Кочевники Украины*, Киев 2016, с. 210.

отщеп, деревянный лук с костяными накладками, украшенными циркульным орнаментом, два стремени с округлой подножкой, инкрустированной позолоченной проволокой, пряжка, односоставные удила без перегиба с трензельными кольцами и др. Наибольший интерес представляют украшения конской узда (*ил. 11.1–11.2*). Это 21 бляшка, среди которых две решмы, четыре крестообразных разделителя, семь наконечников, прямоугольная пряжка, две круглые выпуклые шайбы, три прямоугольных бляшки. Общий вес серебряного сбруйного набора 332 г. Технология производства украшений включала литье с последующей доработкой орнамента резцом. Затем на изделие наносилась позолота и чернь. Положение каждой детали оголовья, точно зафиксированного на черепе коня, позволили исследователям осуществить реконструкцию узды, незначительно отличающейся от аналогичной находки из Гаевки. Оба шедевра средневекового художественного ремесла датируются второй половиной XI века, благодаря находке в гаевском комплексе монеты Василия II и Константина VIII (976–1025)⁶². Монеты византийских императоров высоко ценились кочевниками. На юго-востоке Запорожской области обнаружены два клада. Первый найден в 1873 г. на берегах р. Конка, состоял из 43 монет императоров Василия I (867–886), Романа II (959–963), Иоанна Цимисхия (969–976), Константина X (1059–1067) и упомянутого Константина VIII. Второй клад с монетами Константина IX Мономаха (1042–1054) обнаружен в 1886 г. на р. Лозоватка⁶³.

Конструктивной особенностью степных курганов Причерноморья являются культовые сооружения. Большинство из них – святилища половецкого времени. Более ранние встречаются крайне редко. В экспозиции Запорожского музея представлены три каменные скульптуры животных. Одна, изображающая льва, найдена на краю ровика, заполненного фрагментами средневековых амфор, кургана 5 курганного могильника Рясные Могилы у с. Балки⁶⁴. Помимо погребений эпохи бронзы, в кургане исследовано три погребения кочевников, а в поле, вблизи от подножия кургана обнаружены фрагменты двух человеческих изваяний. Погребение 5 принадлежало ребенку. Скелет был сильно разрушен при установке триангуляционного знака. Погребение сопровождалось черепом молодого коня (ориентировка северо-западная) с одночленными удилами во рту, рядом с суставными костями ног коня находились детские железные стремяна овальной формы с аркой, увенчанной выступом. В погребении 15 удалось установить следующее: конь лежал на приступке головой на запад. При нем найдены костяное пряслице, железное кольцо с лавролистной подвеской, пара стремян. Тут же на ступень-

⁶² А. И. Кубышев, Р. С. Орлов, *Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки*, „Советская археология”, 1, 1982, с. 238–245.

⁶³ В. А. Самар, *История изучения памятников археологии на востоке Запорожской области (Северное Приазовье – Лукоморье*, [in:] *Музейний вісник*, вип. 5, с. 23.

⁶⁴ В. В. Отрощенко, И. П. Савовский, В. А. Томашевский, *Курганный могильник Рясные Могилы у Балки*, [in:] *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки*, отв. ред. В. И. Бидзиля, Киев 1977, с. 36, 38, 45, 49.

ке вверх дном обнаружены деревянное блюдо, рядом золотая гривна-стержень с округлыми краями длиной 10,6 см, сечением 0,8х0,5 см. Скелет лежал к югу от коня вытянуто на спине головой на северо-восток. Под ним обнаружен настил из досок, под головой „подушка”, рядом бронзовый бубенчик и обрывок бронзовой кольчуги. Погребение 16, впущенное с вершины кургана, прорезало погребение 15. Конструкция могильной ямы аналогична предыдущей. Скелет лошади, положенной на живот с подогнутыми ногами, ориентирован на северо-восток. Скелет человека не сохранился. Инвентарь: стремена, такие же, как в погребении 15, железные кольца, пряжки, скобы-обоймы, гвозди, фрагменты кольчуги, бронзовые бубенчики. С каким из этих погребений можно увязать найденные скульптуры, исследователи не уточняют. На мой взгляд, это более раннее печенежское погребение № 5.

Две другие скульптуры животных из нашего музея – медведь и баран, были найдены в каменном закладе над погребением 1 кургана 1 около пгт Михайловка. Материалы не опубликованы. В обзорной статье, посвященной выявлению курганов Михайловского района, автор раскопок Виталий Отрощенко датирует их „раннеболгарским и хазарским временем (VI–VIII века)”⁶⁵. В докладе Михаила Швецова *Центральноазиатские параллели в культовых комплексах тюркской эпохи Восточноевропейских степей*, прочитанном на конференции *Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье* в 1992 г. в Донецке, озвучены материалы раскопок Института археологии в 1980 г. у с. Черноземное (Акимовский район)⁶⁶. В кургане эпохи бронзы, ров, расширенный в средневековье, имел четыре перемычки, делившие его на неравные отрезки. На дне рва в южном и северном секторах найдены фрагменты средневековых амфор, черепа и кости лошадей. В заполнении северо-восточного и восточного отрезков рва находилось 9 каменных изваяний (ил. 12.1–12.9). Зафиксированная последовательность их расположения позволила автору раскопок В. Отрощенко реконструировать этот своеобразный алтарь в первоначальном виде. Скульптуры выстраивались в следующем порядке: медведь с раскрытой пастью, волк (?), всадник на верблюде (?), всадник, антропоморфная стела, еще два всадника, медведь в спокойной позе, дикий кабан (ил. 13.1–13.2). Композиционно и семантически этот парад людей и зверей воспроизводит божественный пантеон тюркского населения, что свидетельствует о влиянии тюркских культурных традиций на мировоззрение кочевников степей Нижнего Поднепровья. В. Отрощенко датирует его XI веком (устное сообщение). К этому времени относится изящный, реалистичный кабанчик из Днепропетровского музея (ил. 14). Найден он у с. Андреевка Александровского

⁶⁵ В. В. Отрощенко, *Михайлівський район. Розділ І. Пам'ятки археології*, [in:] *Пам'ятки історії та культури Запорізької області*, вип. 2, ред. Т. К. Шевченко, Запоріжжя, 1999, с. 62.

⁶⁶ М. Л. Швецов, *Центральноазиатские параллели в культовых комплексах тюркской эпохи Восточноевропейских степей*, [in:] *Тезисы международной конференции „Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье”*, отв. ред. О. Прицак, Донецк 1992, с. 93–98.

уезда на землях крестьянина Гирмана (ныне это территория Запорожской обл.) Находка опубликована в каталоге Екатеринославского музея, изданном в 1905 г.⁶⁷

Память о конных тюркоязычных народах содержится не только в археологических источниках, она хранима топонимами. Для кочевников, переселившихся на новые территории, для освоения этой местности необходимо было назвать ее важные точки именами, которыми им положено называться в традиции, сформировавшейся на прежней территории. Анализ топонимов курганов Запорожской области, обозначенных на карте Екатеринославской и Таврийской губерний Российской империи 1865 г., показал, что славяноязычные названия сбереглись в северной части региона, тогда как тюркоязычные на юге, в северном Приазовье⁶⁸. Их 111 из 478 именных курганов. Этимология некоторых из них: Кара Тубе – Черный курган, Бесташь – Пять камней, Орта Тубе – Средняя могила, курган Майдан – Базар, Площадь, могила Атманай – Конь неприступный⁶⁹. Вблизи последнего находится населенный пункт с аналогичным названием. Тюркоязычные названия курганов можно рассматривать как наиболее древний горизонт, формирование которого началось в IX–X веках, т. е. во время пребывания в Приднепровской степи печенегов, язык которых относится к гузской подгруппе тюркской языковой группы. Имена эти сохранились на века. Обследуя курганы Херсонской области, русский историк и археолог Иван Забелин выяснил у местных крестьян, что „большая могила зовется Огуска”. Далее на страницах записных книжек читаем названия „Агузка”, „Агуза”, искаженное от тюркского имени тотемного животного „Огуз”, что в переводе означает „бык”⁷⁰. Название Огуз вызывает и прямые ассоциации с племенами кочевников – гузов. На современной географической карте Украины можно найти: речка Торча, село Торчицкий Степок, город Торков и др. В Харьковской области есть г. Печенеги и Печенежское водохранилище.

До сих пор сохранилось летописное название острова Хортица. Существует несколько версий его расшифровки. По одной из них слово происходит от тюркского корня „орт”, „орта” – „средний”, „расположенный посередине”. Назвав остров, находящийся между двумя одинаковыми по ширине протоками Днепра, „орта”, кочевники дали ему меткое и всем понятное имя. А может в названии острова звучит имя языческого бога Хорса – божества солнечного светила? Он имеет отношение к петуху Хоросу. Культ сына солнца – петуха был общим у иранцев, тюрков и некоторых славянских народов. У тюрков петух – „кораз”, „гораз”, „хорус”. Новый символ огня заменил крест, получивший свое имя от старого доброго петуха. Еще одно объяснение: Хортица – волчий остров, посвященный

⁶⁷ *Каталог Екатеринославского областного музея им. А. Н. Поля*, Екатеринослав 1905, с. 66, № 723.

⁶⁸ *Военно-топографическая карта Российской империи (3 версты в одном дюйме) 1864 г.*, [in:] *Архив Запорожского областного краеведческого музея*, доп. фонд 1730 к. п., № 8072.

⁶⁹ *Древнетюркский словарь*, ред. В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, Ленинград 1969, с. 65, 97, 339, 346, 371, 539.

⁷⁰ И. Е. Забелин, *Дневники и записные книжки*, ред. Н. П. Либкова, Москва 2001, с. 267.

солнечным божествам Хорсу и Даждьбогу или Святому Георгию – покровителю волков⁷¹.

Тюркские лексемы вошли в славянские письменные памятники. В *Слове о полку Игореве* к князю Всеволоду применен эпитет „буйтур“⁷², что переводится как „дикий вол“. Праформа слова „богатырь“ – „батыр“, „богатур“. Слово „труд“ происходит от тюркского „турт“. Первым его значением было „ратное дело“, „война“, а „трутень“ – воин. В мирное время название воина получило народное переосмысление – „тунядец“, „дармоед“⁷³. „Турт“ переводится еще и как „толкай“, „тыкай“. В русском простонародье говорили „трутить“, что значит „толкать“, „давить“. Тот же смысл украинских слов „трутити“, „тручати“ и чешского „троутити“.

Рассматривая взаимоотношения Руси с печенегами, следует иметь в виду, что для „материковой“ Руси, что ближе к Киеву, печенеги – враги, они у стен города. В Нижнем Поднепровье все было иначе. Сама местность не предполагает антагонизма, она уникальна с точки зрения протекания бытовой жизни, космополитизма населения. Степь – вечный путь из глубин Азии в Европу. Днепр был идеальной дорогой в направлении север – юг. В передвижении восток – запад Днепр превращался в труднопреодолимое препятствие. Пересечь эту водную преграду кочевникам помогало осевшее на берегах реки разнородное население, которое контролировало днепровскую магистраль и все переправы, служившие одновременно торгово-ремесленными пунктами. Здесь была особая контактная зона, в которой умение жить по-соседски, т. е. в согласии, терпимо, ненавязчиво, доброжелательно, было выгодно каждой стороне. И такая обстановка прослеживается на протяжении всего средневековья.

*

Alevtyna Pleshyvenko, Rus' and the Pechenegs in the light of the archaeological monuments of the Lower Dnieper

The source of information about the mutual influence in the ethno-cultural, economic and environmental, social and economic spheres of Rus' and the Pechenegs are archaeological monuments: settlements, burial ground, burial mounds, places of worship, a place of shipwreck, random finds. The most significant settlement of Protolche on the Khortytsya Island was the military and trading base, the important religious centre, in the materials of which can be traced minor elements of steppe cultures. Anthropological analysis of the burial ground confirms the heterogeneous ethnic composition of the population with a prevalence of the Slavic component. Beneath barrows burial of the Pechenegs are identified by iconic signs: the Western orientation, frag-

⁷¹ В. Фоменко, *Хортицкая старина*, [in:] *Заповідна Хортиця. Збірник праць співробітників заповідника*, вип. 1, Запоріжжя, 2006, с. 79–82.

⁷² *Слово о полку Игореве Игоря сына Святослава, внука Ольгова*, Киев 1977, с. 6.

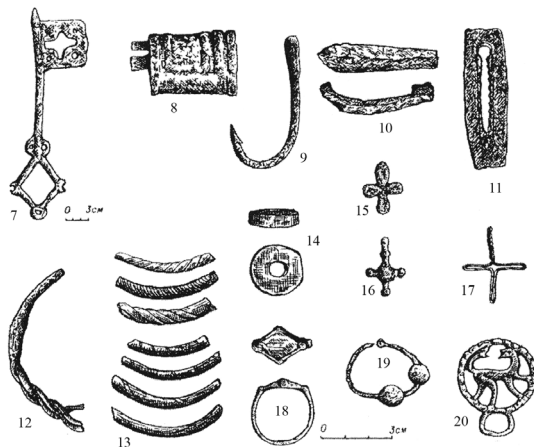
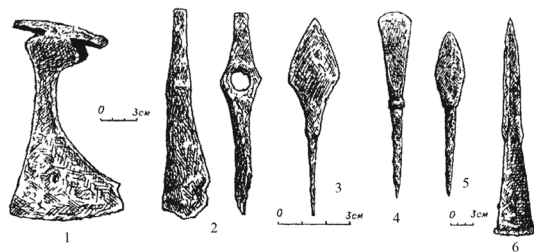
⁷³ О. О. Сулейменов, *Аз и Я. Книга благонамеренного читателя*, Алма-Ата 1975, с. 19.

ments of the horse skeleton with dissected lower limbs, stirrups, bits, without inflection and other equipment. The Oguz funeral traditions are marked in a number of the monuments. The richest burials were discovered in the coastal zone of the Azov and Black Seas, among them the burial with the horse's bridle near the village Novo-Kamenka. Construction feature of the mounds are places of worship, in which there are stone statues of the Turkic pantheon animals. Considering the relations of Rus' with the Pechenegs, it should be borne in mind that in the Lower Dnieper there was a special contact zone where the settled population and the nomads neighbourly lived, i. e. in peace and harmony.

*

Alevtyna Pleshyvenko, *Rus a Pečeněhové ve světle archeologických památek dolního Dněpru*

Zdrojem informací o vzájemném vlivu v etnokulturní, ekonomické a environmentální, sociální a ekonomické sféře mezi Rusí a Pečeněhy jsou archeologické památky: osady, pohřebiště, mohyly, svatostánky, místa ztroskotání lodí, nálezy opevnění a další. Nejvýznamnější osada Protoloch na ostrově Khortytsya měla vojenský a obchodní základ, byla důležitým náboženským centrem a v jejích materiálech lze vystopovat drobné prvky stepní kultury. Antropologické analýzy pohřebišť potvrzují heterogenní etnické složení populace s převahou slovanských rysů. V pečeněžských pohřebištích pod hradbami byly identifikovány ikonické znaky: západní orientace, pozůstatky koster koní s rozseknutým druhým kloubem dolních končetin, třmeny, udidla bez ohybů a další výbava. Oguzskou pohřební tradici lze zaznamenat v celé řadě památek. Nejbohatší pohřby včetně pohřbu s koňskou uzdou poblíž vesnice Novo-Kamenka byly objeveny v pobřežní oblasti Azovského a Černého moře. Mohyly byly dle konstrukce místem bohoslužeb, v němž jsou kamenné sochy zvířat tureckého panteonu. Ohledně vztahů mezi Rusí a Pečeněhy je třeba připomenout, že Dolní Dněpr byl speciální kontaktní zónou, kde žili místní usedlíci a nomádi jako sousedé, příp. i v míru a harmonii.

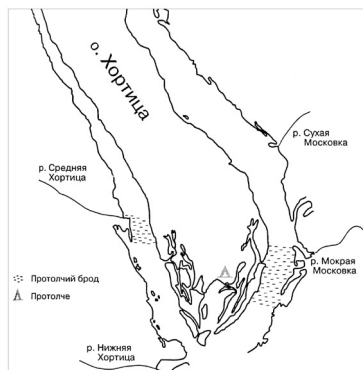

Ил. 1. Находки с поселений древнерусского времени в Надпорожье: 1, 2 – боевые топоры; 3 – 5 – наконечники стрел; 6 – наконечник копья; 7 – ключ; 8 – замок; 9 – рыболовный крючок; 10 – блесна; 11 – кресало; 12 – гривна; 13 – стеклянные браслеты; 14 – пряслице; 15 – 17 нательные кресты; 18 – перстень; 19 – сережка; 20 – подвеска.

О. В. Бодянский, *Знахідки епохи Київської Русі у Надпоріжжі*, [in:] *Археологічна спадщина О. В. Бодянского (до 90-річчя від дня народження)*, відп. ред. Г. І. Шаповалов, Запоріжжя 2006, с. 99, рис. 1, с. 100, рис. 2.

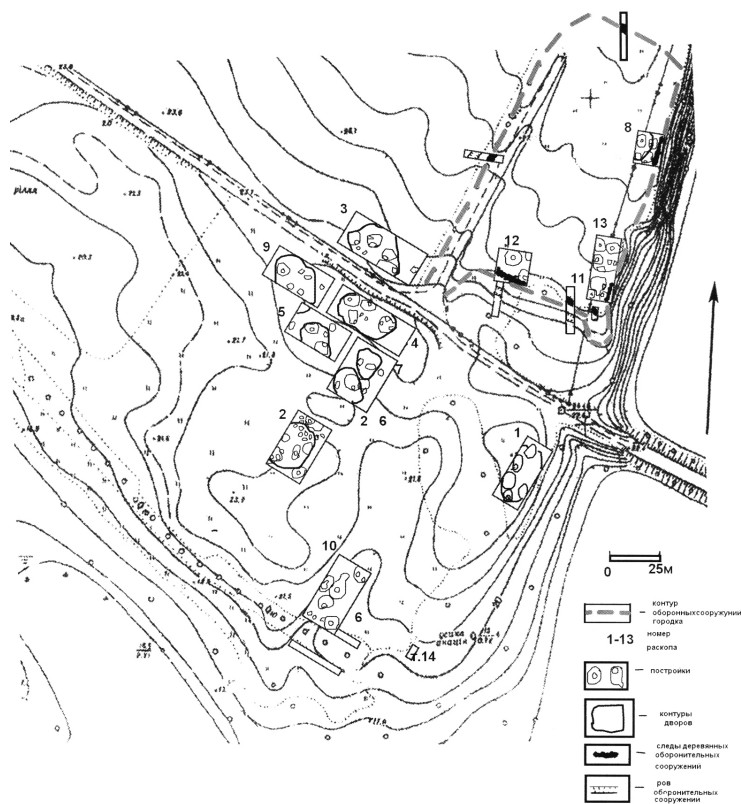

1

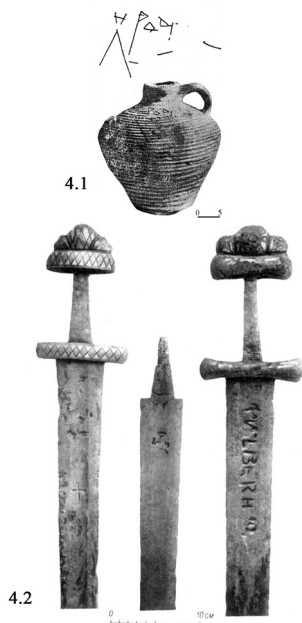

2

Ил. 2. 1 – плавневая часть о. Хортиця. Фото А. Прудкого; 2 – Протолчий брод.

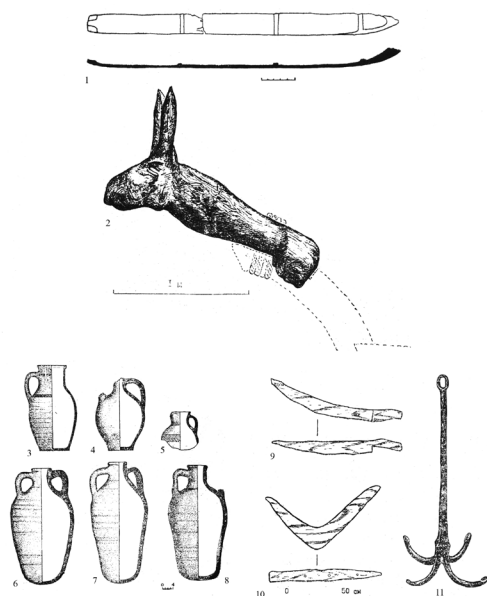

Ил. 3. Схема расположения поселения Протолче.

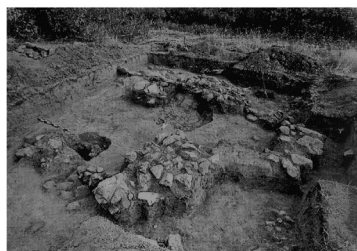
Ил. 4. 1 – амфора с надписью. В. Ф. Пешанов, *Амфора з надписом з о. Хортиця*, „Археологія”, 23, 1970, с. 219, рис. 1.

2 – мечи скандинавского типа с р. Днепр. А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие. Мечи и сабли*, [in:] *Свод археологических источников EI – 36*, отв. ред. М. К. Каргер, Москва–Ленинград, 1966, табл. 5. 3–5.

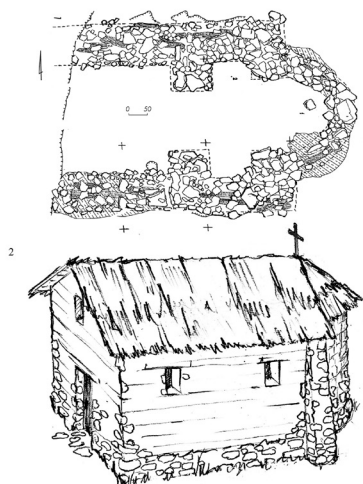

Ил. 5. 1 – чертеж судна X–XII вв. с р. Днепр. Г. И. Шаповалов, *Подводные исследования судов X–XII и XIV–XV вв. у острова Хортица* [in:] *Древности Степного Причерноморья и Крыма*, т. 2, Запорожье 1990, с. 176, рис. 2. 7.

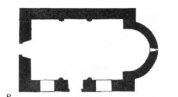
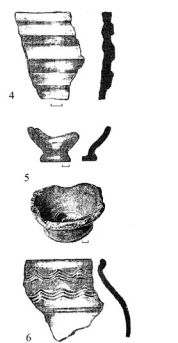
Находки с судна в Азовском море: 2 – носовое украшение корабля; 3–5 кувшины; 6–8 амфоры; 9–10 – шпангоуты; 11 – якорь. Г. И. Шаповалов, *О находке судна XI–XII вв. в Азовском море*, [in:] *Древности Степного Причерноморья и Крыма*, т. 5, Запорожье 1995, с. 187, рис. 2, с. 189, рис. 3. 2, 4, с. 190, рис. 4. 1–6.

1

2

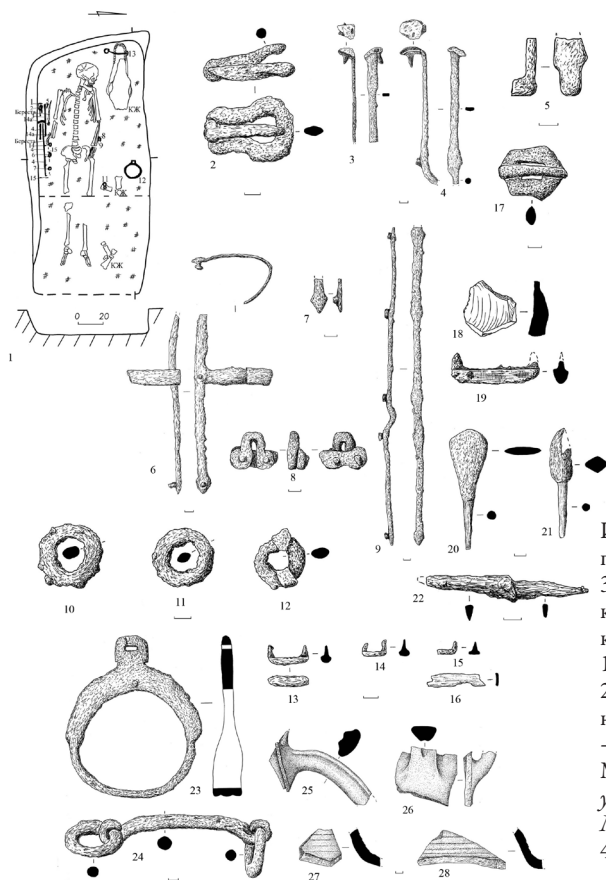

8

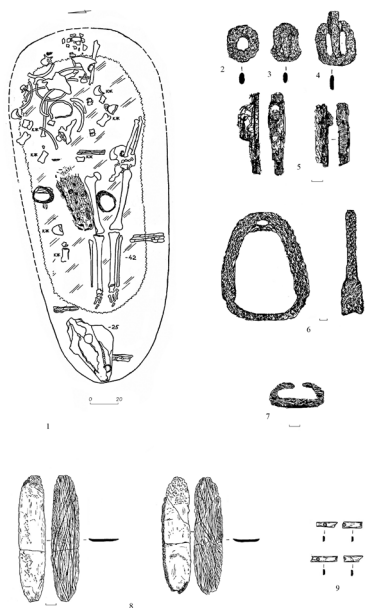
Ил. 6. Храм в урочище Домаха: 1 – фундамент храма; 2 – план; 3 – реконструкция; 4–6 керамика; 7 – котел. В. Е. Ильинский, *Средневековый храм в урочище Домаха (плавневая часть о. Хортица)*, [in:] *Музейный вісник*, вип. 13, відп. ред. Г. І. Шаповалов, Запоріжжя 2013, с. 109, рис. 2. 1–7. 8 – церковь (X–XII вв.) в Старом Крыму. *Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Иллюстрированный справочник-каталог*, т. 2, отв. ред. И. А. Игнаткин, Киев 1985, с. 287.

Ил. 7. Грунтовый могильник Мамай – Сурка: 1 – золотой образок с изображением святого, 2 – крест бронзовый с изображением Богоматери. М. В. Ельников, *Средневековый могильник Мамай – Сурка*, т. 1, отв. ред. Г. Н. Тощев, Запорожье 2001, с. 79, рис. 25. 2, с. 99, рис. 33. 10.

Ил. 8. Курган Орта-тубе: 1 – план погребения; 2 – подпружная пряжка; 3–12 – детали колчана; 13–15 – скобы колчана; 16 – костяная пластина колчана; 17 – портупейная пряжка; 18 – кремневый отщеп; 19 – кресало; 20, 21 – наконечники стрел; 22 – нож; 23 – стремя; 24 – удила; 25–28 – сероглиняная гончарная керамика. М. В. Ельников, *Курган Орта тубе у північно-західному Приазов'ї*, [in:] *Музейний вісник*, вип. 13, с. 92, рис. 2. 1, 4, с. 97, рис. 4. 1–15.

Ил. 9. Курган у с. Кирово: 1 – план погребения; 2 – кольцо; 3, 4 – пряжки; 5 – петли колчана; 6 – стремя; 7 – кресало; 8 – костяные накладки лука; 9 – костяные пластины. И. Р. Тихомолова, *Погребения кочевников в бассейне р. Конки*, [in:] *Музейний вісник*, вип. 13, с. 85, рис. 2, с. 87, рис. 1–8.

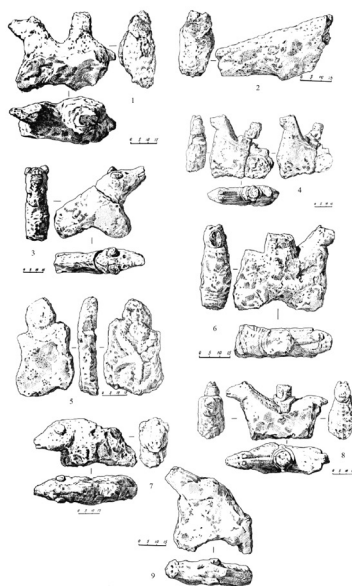
Ил. 10. Курган у с. Благовещенка: 1 – план кургана; 2 – план погребения; 3 – золотые подвески; 4 – кожаный мешочек; 5 – стеклянная подвеска; 6 – пуговица – бубенчик; 7 – костяная рукоятка нагайки; 8 – сабля; 9 – удила; 10 – стремя; 11 – пряжка; 12 – костяные пластины; 13 – лазуритовые подвески; 14–17 – керамика; 18 – план погребения 1; 19 – наконечник стрелы; 20 – серебряное кольцо. З. Х. Попапандупуло, *Средневековый курган у Благовещенки*, [in:] *Музейний вісник*, вип. 5, відп. ред. Г. І. Шаповалов, Запоріжжя 2005, с. 33, рис. 1, с. 34, рис. 2, 1–6, с. 35, рис. 3, 1–10, с. 36, рис. 1–10.

Ил. 11. 1 – серебряные с чернью бляхи конской узды из кургана у с. Ново-Каменка. *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*, отв. ред. С. А. Плетнева, Москва 1981, с. 48. 2 – реконструкция узды. А. И. Кубышев, Р. С. Орлов, *Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки*, «Советская археология», 1, 1982, с. 243, рис. 4.

Ил. 13. 1 – реконструкция святилища (по В. В. Отрощенко). М. Л. Швецов, *Центральноазиатские параллели*, с. 100, рис. VI. 2 – скульптуры на кургане. К. Сушко, *Віщий степ*, Запоріжжя 2004, с. 104

Ил. 12. Каменные изваяния святилища у с. Черноземное: 1 – верблюд с всадником; 2 – волк (?); 3 – медведь; 4 – всадник; 5 – антропоморфное изваяние; 6 – всадник; 7 – медведь; 8 – всадник на лошади; 9 – кабан. М. Л. Швецов, *Центральноазиатские параллели в культовых комплексах тюркской эпохи Восточноевропейских степей*, [in:] *Тезисы международной конференции «Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье»*, отв. ред. О. Прицак, Донецк 1992, с. 98–100, рис. II, III, IV, V.

Ил. 14. Кабанчик из Днепропетровского музея. *Каталог Екатеринославского областного музея им. А. Н. Поля*, Екатеринослав 1905, с. 66, № 723.

Алексей Мартынюк
(Минск)

Народ ан-н.бариййа у ал-Идриси: прямое прочтение источника

В географическом трактате Мухаммада ал-Идриси (1154) дается широкая панорама всего известного арабам мира. В сочинении содержится описание историко-географических и политических реалий Восточной Европы, чрезвычайно ценное для изучения истории этого региона. Внимание исследователей давно привлекает загадочный народ ан-н.бариййа, сведения о котором представлены у ал-Идриси в рассказе о Восточной Европе. Данная проблема породила значительную литературу, но до сих пор не нашла своего удовлетворительного решения. В статье заново рассматриваются данные ал-Идриси и обосновывается гипотеза, что под именем ан-н.бариййа дано описание военного союза черных клобуков и его главного племени – берендеев.

Ал-Идриси и его сочинение. Знаменитое сочинение арабского географа Мухаммада ал-Идриси *Отрада страстно желающего пересечь мир* было написано в 1154 г. для короля Сицилии Рожера II. В трактате дается широкая панорама всего известного арабам мира, он содержит около 6000 географических названий. Трактат ал-Идриси по праву считается вершиной средневековой арабской географической мысли. В трактате дано описание историко-географических и политических реалий Восточной Европы, чрезвычайно ценное для изучения истории этого региона. Внимание исследователей давно привлекает загадочный народ ан-н.бариййа, сведения о котором представлены у ал-Идриси в восточноевропейском контексте. Вопрос об идентификации народа ан-н.бариййа неоднократно рассматривался в историографии и породил значительную литературу, но до сих пор не нашел своего удовлетворительного решения.

Сравнительно недавно (в 2006 г.) российская исследовательница Ирина Коновалова подготовила в рамках серии *Древнейшие источники по истории Восточной Европы* комментированное издание фрагментов сочинения ал-Идриси,

относящихся к Восточной Европе¹. Данное издание выполнено на высоком научном уровне и содержит подробный анализ отечественной и зарубежной историографии по многим проблемным вопросам трактата ал-Идриси. Наличие такого издания позволяет по-новому подойти к вопросу идентификации народа ан-н.бариййа.

Постановка проблемы. При описании 5-й секции VI климата говорится: „В упомянутую реку Русиййа впадают шесть больших рек, берущих начало в горе Кукайа...[далее следует небольшое отступление об этой горе – *А. М.*]. В долинах этих рек живет народ, известный под именем ан-н.бариййа. У этого народа есть шесть укрепленных городов, расположенных между руслами этих рек, текущих, как мы уже сказали, с горы Кукайа. Никто не может покорить этих людей: у них принято не расставаться с оружием ни на миг, они чрезвычайно осторожны и осмотрительны. С помощью Аллаха мы подробно расскажем об этих городах, в соответствующем месте седьмого климата”².

В данном разделе сочинения ал-Идриси описываются страны причерноморского региона. Рассказу об ан-н.бариййа непосредственно предшествует описание города Матраха (Тмутаракань), далее следует рассказ о Болгарии и Руси. Вопреки обещанию ал-Идриси, в седьмом климате рассказа об ан-н.бариййа нет. Некоторые дополнительные сведения несет так называемый *Малый Идриси* (сокращенная версия трактата), а также различные варианты карт к трактату³. В *Малом Идриси* и на картах приводятся названия городов „ан-н.бариййа”: *Лука*, *Ас.т.р.куса*, *Б.руна*, *Бус.да* (или *Лус.да*), *Х.рада*, *Аб’ада* (также *Ан.када* или *Ал.гада*)⁴. Таким образом, можно говорить о наличии „проблемы ан-н.бариййа”, которая требует своего решения.

Подходы в историографии. Подробный анализ историографии „проблемы ан-н.бариййа” был дан И. Коноваловой в комментарии к изданию текста ал-Идриси⁵. С некоторыми дополнениями он был повторен в соответствующем разделе коллективной монографии „*Русская река*”: *Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии*⁶. В нашей дальнейшей работе мы в целом будем опираться на выводы российской исследовательницы, но предложим свое решение „проблемы ан-н.бариййа”.

Особенностью обсуждения „проблемы ан-н.бариййа” стали многочисленные конъектуры к тексту, предлагаемые исследователями. Такой подход привел

¹ И. Г. Коновалова, *Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, комментарий*, Москва 2006.

² Ibidem, с. 116.

³ Об истории создания и изучения трактата, картах, рукописной традиции *Большого* и *Малого Идриси*, см. вводную статью И. Коноваловой: Ibidem, с. 7–74.

⁴ Ibidem, с. 191–192. Приведены только основные прочтения названий городов, некоторые из которых сильно отличаются на разных вариантах карт.

⁵ Ibidem, с. 180–200.

⁶ Т. Н. Джаксон, Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов, „*Русская река*”: *Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии*, Москва 2007, с. 207–236.

к тому, что собственно историко-географическое содержание трактата ал-Идриси отступило на второй план. Использование конъектур позволяет отождествить народ ан-н.бариййа практически с любым народом средневековой Восточной Европы. Характерным примером являются работы финского исследователя Ойва Талльгрена-Туулио, которые оказали большое влияние на обсуждение вопроса. Он предложил свою конъектуру к тексту – страна **Б.йармиййа* – и отождествил ее с Бьярмаландом на севере Восточной Европы⁷. Эта версия включала народ ан-н.бариййа в скандинавскую историческую традицию и относила места его обитания на крайний север Восточной Европы, далеко за пределы горизонта арабской географической мысли. В этом случае терялась возможность соотнести рассказ ал-Идриси об ан-н.бариййа с какими-либо реалиями исторической географии Восточной Европы XII века, а сам рассказ переходил в разряд литературных сюжетов.

Другую локализацию предложил видный историк советского времени Борис Рыбаков. По его мнению, под „страной ан-н.бариййа” следует понимать земли в верховьях Северского Донца, заселенные в XII веке славянским племенем северян⁸. Впоследствии в развитие идей Б. Рыбакова была предложена конъектура – **ас-сабарина*⁹. Данная версия получила распространение в советской историографии. Версии О. Талльгрена-Туулио и Б. Рыбакова, которые можно условно определить как „северную” и „южную”, задали рамки обсуждения „проблемы ан-н.бариййа”, в полемике с ними развивалась дальнейшая историография. Обзор основных версий и критика их слабых сторон были проведены И. Коноваловой; по ее мнению, ни одна из предложенных версий не может рассматриваться как удовлетворительное решение проблемы. С этим выводом исследовательницы можно согласиться.

Свое решение вопроса предложила и И. Коновалова. Фактически исследовательница развила „северную” версию локализации ан-н.бариййа¹⁰. По ее мнению, в рассказе ал-Идриси речь идет о Новгородской земле. Основанием для такой локализации послужили названия городов загадочного народа: *Ас.т.р.куса* – Новгородская земля в целом (через *Ostrogard* латиноязычных источников)¹¹, *Аб'ада* (или *Ал.гада*) – Ладога и т. д.

Однако некоторые обстоятельства не позволяют согласиться и с решением проблемы, предложенным И. Коноваловой. Перечислим принципиальные недостатки этой версии.

⁷ И. Г. Коновалова, *Ал-Идриси о странах и народах*, с. 188–191, 193.

⁸ Ibidem, с. 193–195.

⁹ Т. Н. Джаксон, Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов, „Русская река”, с. 214.

¹⁰ И. Г. Коновалова, *Ал-Идриси о странах и народах*, с. 196–200. Несколько более развернуто: Т. Н. Джаксон, Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов, „Русская река”, с. 226–236.

¹¹ Такое прочтение топонима предложил еще О. Талльгрена-Туулио, И. Г. Коновалова считает его „убедительным”.

1. Отождествление строится не на анализе историко-географических сведений ал-Идриси, а на вариативных чтениях и конъектурах к тексту источника. При этом основой для всего является, по сути, прочтение названия одного из городов (*Ас.т.р.куса*) и отождествление его с названием Руси (*Ostrogard*), известного из сочинения Адама Бременского.

2. Данное решение вопроса предполагает сложные гипотетические схемы. Почему, например, ал-Идриси должен был использовать форму *Ostrogard*, встречающуюся у Адама Бременского и не имевшую широкого распространения в западноевропейской или скандинавской традиции? Данное предположение предполагает наличие сложной системы литературных заимствований, все звенья которой являются гипотетическими.

3. Предложенное решение содержит внутреннее противоречие, поскольку, по мнению И. Коноваловой, Новгород упоминается в тексте ал-Идриси еще раз – как город *Джантийар*¹².

4. Наконец, версия вступает в противоречие с характером текста ал-Идриси в целом. Сочинение арабского географа – это прекрасный и предельно рациональный источник по исторической географии, в основе которого лежали дорожки, основанные на различных видах устной и письменной информации¹³. В 5-й секции VI климата ал-Идриси дает чрезвычайно конкретное описание Северного Причерноморья и Руси: город *Матрах* (Тмутаракань), город *Кав* (Киев), возле него города *Барзлав* (Переяславль), *Канив* (Канев) и др. Предположение, что появляющееся в этом контексте известие о народе ан-н.бариййа является результатом сложной литературной конструкции, редуцирует значение сочинения ал-Идриси как источника по исторической географии Восточной Европы.

Таким образом, приемлемого решения „проблемы ан-н.бариййа” до сих пор нет. По нашему мнению, необходимо вернуться к тексту источника и заново прочитать его. При этом данное чтение целесообразно начать с презумпции, что ал-Идриси имел реальную информацию о Восточной Европе, которую хотел донести до читателя. Лишь в случае *принципиальной невозможности* решения „проблемы ан-н.бариййа” средствами исторической критики источника можно переходить к конъектурам к тексту или предположению, что известие ал-Идриси о народе ан-н.бариййа является сложной литературной конструкцией, не отражающей напрямую реалии исторической географии Восточной Европы XII века. В данной статье мы предпримем попытку *прямого прочтения* источника. Для „чистоты эксперимента” мы не будем рассматривать лингвистическую проблематику, археологические материалы и пр., а ограничимся теми данными, которые ал-Идриси сообщает о народе ан-н.бариййа в своем трактате.

¹² И. Г. Коновалова, *Ал-Идриси о странах и народах*, с. 126, 264–265.

¹³ В том числе, по мнению И. Г. Коноваловой, дорожки лежали и в основе описания Восточной Европы: *Ibidem*, с. 58–60.

Что говорит ал-Идриси? По нашему мнению, все необходимые данные для локализации народа ан-н.бариййа уже содержатся в тексте ал-Идриси, который носит чрезвычайно ясный и конкретный характер. Итак, что сообщает Мухаммад ал-Идриси своему читателю, *страстно желающему пересечь мир?*

- Рассказ в рассматриваемом фрагменте 5-й секции VI климата идет по северному побережью Черного моря с востока на запад, последовательно называются страна ал-Куманиййа (куманы/половцы), Матраха (Тмутаракань), народ ан-н.бариййа, некие острова¹⁴, Болгария и Русь (при этом приводятся названия почти двух десятков древнерусских городов, некоторые из которых поддаются уверенному отождествлению, см. выше).

- Народ ан-н.бариййа живет в долинах рек, впадающих в „Русскую реку“, которая, в свою очередь, впадает в „ан-Нитаси“ (Черное море). На картах к трактату ан-н.бариййа размещены в верховьях „Русской реки“, в ее нижнем течении – Кумания (страна половцев)¹⁵.

- Ан-н.бариййа – всегда готовый к войне народ.

- Народ ан-н.бариййа обладает ясно очерченным комплексом городов.

Очевидно, что в данном фрагменте речь идет о Северном Причерноморье и относить локализацию народа ан-н.бариййа к северу Восточной Европы нет оснований. Упоминание о воинственности народа ан-н.бариййа и наличии у него городов предполагает, что он играл самостоятельную политическую роль в регионе, а значит, должен быть известен и по другим источникам XII века. Более развернутого комментария требует проблема „Русской реки“. Попытки прямого отождествления этого понятия арабской географии с какой-либо водной артерией Восточной Европы предпринимались исследователями неоднократно и не принесли приемлемого результата. На наш взгляд, принципиально важное наблюдение сделала И. Коновалова. По мнению исследовательницы, под „Русской рекой“ ал-Идриси скрывается общее представление о водных путях, связывающих север и юг Восточной Европы, прямое отождествление „Русской реки“ с какой-либо конкретной рекой невозможно¹⁶. Мы присоединяемся к этому выводу И. Коноваловой. В рамках рассматриваемого вопроса он означает, что народ ан-н.бариййа следует искать в долинах каких-то рек, связанных с бассейном Черного моря, в которое впадает „Русская река“.

Итак, у нас есть воинственный народ, который должен был оставить следы и в других источниках. И такие следы действительно есть. Название народа – без всяких конъектур звучит близко к названию народа, известного в Восточной

¹⁴ Некоторые исследователи видят в них остров Березань в устье Днепра и т. д., но эти идентификации не вполне надежны и мы не будем использовать их в качестве аргумента. Для нас принципиально важно, что все описанные географические объекты не выходят за рамки причерноморского региона.

¹⁵ Ibidem, с. 188.

¹⁶ Ibidem, с. 185.

Европе в XII веке. Речь идет о *берендеях* – одном из тюркских племен, входивших в состав „своих поганых” – степных союзников русских князей.

Берендеи в истории Древней Руси. Берендеи появились на страницах летописей в 1097 г.¹⁷ и в дальнейшем не сходили с них на протяжении столетия. Они оставили заметный след и в топонимике Восточной Европы. В начале XII века берендеи вошли в состав черных клобуков в Поросье. Этот век был временем расцвета черноклобуцкого союза. Нет необходимости пересказывать историю черных клобуков, которая неоднократно становилась предметом специального рассмотрения в историографии¹⁸. Отметим лишь самостоятельную и важную роль черных клобуков как военной опоры киевских князей. Эта роль нашла свое выражение в устойчивом летописном выражении „вся Роуская земля и Черный Клобук”.

Основу черноклобуцкого объединения составляли четыре родоплеменных единицы: берендеи, торки, печенеги, ковуи. Их численность и политическое значение не были одинаковыми. По наблюдениям Владимира Маркова, в период с 1125 г. по 1198 г. берендеи появляются на страницах летописи значительно чаще других: они упомянуты 56 раз, торки – 16, печенеги – 4, ковуи – 4. Исследователь делает вывод: „Очевидно, что результаты этих подсчетов дают нам общее представление и роли и значении упомянутых этнических групп в жизни Великого Киевского княжества, а также об их численности”¹⁹. Об этом свидетельствуют и другие данные. Так, например, во время борьбы за Киев в 1151 г. все черные клобуки пришли под защиту киевских укреплений: „и с вежами и съ стады и скоты”²⁰. При этом одним лагерем стал берендеи, а другим все остальные – ковуи, торки и печенеги. Таким образом, в интересующий нас период берендеи были самой многочисленной и заметной группой среди черных клобуков. По мнению В. Маркова, в силу этого *Ипатьевская летопись* иногда использует имя берендеев в качестве общего названия для тюркских конфедератов Поросья²¹. С этими наблюдениями В. Маркова можно согласиться. Следует также отметить значительно более широкое расселение берендеев (в сравнении с печенегами и торками), отмеченное Дмитрием Расовским – их поселения встречались в Киевской, Галицкой, Волынской, Ростовской и Суздальской землях, а также в Венгрии и Болгарии²².

¹⁷ *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 2, Санкт-Петербург 1908, стб. 240. Несколько раньше в той же летописной статье появляется „Търчинъ именемъ Беренди”: Ibidem, стб. 235.

¹⁸ См. не потерявшие своего значения работы Д. Расовского: Д. А. Расовский, *Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии (работы разных лет)*, Москва 2012.

¹⁹ В. И. Марков, *Тюркский след в истории Украины X–XVII вв.*, Санкт-Петербург 2016, с. 71.

²⁰ *Ипатьевская летопись*, стб. 428.

²¹ В. И. Марков, *Тюркский след в истории Украины*, с. 75–76.

²² Д. А. Расовский, *Половцы. Черные клобуки*, с. 51.

Таким образом, в то время, когда Мухаммад ал-Идриси создавал свое сочинение, в Восточной Европе существовало военно-политическое объединение, в котором наиболее важную роль играли берендеи. Это объединение было связано с Русью, но в то же время рассматривалась как самостоятельная политическая сила. Велико было и военное значение черных клобуков как опоры киевских князей и пограничной стражи, всегда готовой выступить в поход.

Путь „от язычников к кочевникам”. В качестве одного из косвенных аргументов в пользу северной локализации народа ан-н.бариййа И. Коновалова приводит сведения дорожника из *Малого Идриси*, согласно которому путь к городам ан-н.бариййа шел из земли маджусов (язычников)²³. Под маджусами ал-Идриси несомненно понимал языческие народы Прибалтики. Однако следует ли из этого факта отнесение страны ан-н.бариййа непременно к северным районам Восточной Европы? Вновь обратимся к тексту трактата ал-Идриси. Рассказ о землях маджусов приводится в 4-й секции VII климата²⁴. Насколько можно судить, описание этих земель дается с севера на юг – от „страны Финмарка” и „земли Астланда” (Финляндии и Эстонии соответственно) к стране язычников, „удаленной от моря”. Непосредственно за рассказом об этой стране следует такой фрагмент: „В стране ар-Русиййа есть город Мартури; это город, [стоящий] у истоков реки Данаст. От города Мартури до города Сармали четыре дня [пути] в южном направлении”²⁵. И. Коновалова в городе Мартури видит Червен, в городе Сармали – Перемышль, в реке Данаст – Днестр²⁶; с этими отождествлениями можно согласиться. Таким образом, рассказ ал-Идриси о маджусах привел его от берегов Балтийского моря к северным пределам Галицкого и Волынского княжеств. Сведения ал-Идриси довольно точно отражают реалии исторической географии Восточной Европы того времени, когда владения правителей Волыни соприкасались с землями языческих племен литвы и ятвягов. Достаточно вспомнить хрестоматийные известия о насилии князя Романа Мстиславовича над литвой или войны с литвой и ятвягами его сына Даниила Романовича в середине XIII века. От этого пограничного региона не так далеко и до района расселения черных клобуков в Поросье. Напомним, что поселения черных клобуков и берендеев были и в Галицкой, и в Волынской землях. Прочитируем Д. Расовского, который говорит о том же самом регионе, куда привел нас рассказ ал-Идриси: „В районе Перемышля до сих пор находятся деревни Берендевичи и Торки... Юго-восточнее, в верховье Днестра, в 10 км на запад от г. Самбора есть деревня Торчиновичи...”²⁷. Итак, дорожник *Малого Идриси* не вводил в заблуждение своего читателя, когда говорил, что из земель маджусов можно попасть в страну ан-н.бариййа.

²³ И. Г. Коновалова, *Ал-Идриси о странах и народах*, с. 192, 195–197.

²⁴ Ibidem, с. 125–127.

²⁵ Ibidem, с. 126.

²⁶ Ibidem, с. 265.

²⁷ Д. А. Расовский, *Половцы. Черные клобуки*, с. 96–97.

Свидетельства современников. У нас есть возможность сравнить сведения ал-Идриси с другими источниками, упоминающими черных клобуков с перспективы мусульманского мира. Практически одновременно с созданием трактата *Отрада страстно желающего пересечь мир* путешествие по Восточной Европе совершил Абу Хамид ал-Гарнати (1150–1153). Свое пребывание на Руси и в Киеве он описывает следующим образом: „И прибыл я в город [страны] славян, который называют „Гор[од] Куйав”. А в нем тысячи „магрибинцев”, по виду тюрок, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджн[ак]”²⁸.

В историографии сложился устойчивый консенсус, что под именем „магрибинцев” скрываются черные клобуки (в данном случае определенные через имя другой своей составляющей – *беджн[ак]*, печенеги). Основанием для именования „магрибинцами”, по-видимому, явилось то обстоятельство, что некоторая часть черных клобуков была мусульманами. Характерно, что в сообщении ал-Гарнати черные клобуки выступают в качестве самостоятельной политической силы, упомянута и их воинственность. Интересен один нюанс, который, как кажется, до сих пор не был отмечен в научной литературе. Ал-Гарнати говорит о „магрибинцах” в Киеве. Традиционно это место понимается в широком смысле, как свидетельство связи черных клобуков с Киевским княжеством. Но можно предложить и другую трактовку. Как мы видели выше при упоминании событий 1151 г., во время активных военных действий черные клобуки могли укрываться под защитой киевских укреплений. Не застал ли ал-Гарнати как раз такой момент, когда черные клобуки находились не на своих землях в Поросье, а в самом Киеве – в прямом смысле слова? Данное обстоятельство может представлять интерес для уточнения датировки путешествия ал-Гарнати по Восточной Европе. В рамках нашего исследования важно, что ал-Гарнати отметил значение черных клобуков как раз в то время, когда ал-Идриси работал над своим трактатом. Данное обстоятельство придает сообщению ал-Гарнати особую ценность.

Упоминает черных клобуков и персидский историк Рашид ад-Дин при описании монгольского похода на земли Южной Руси: „Царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкер-кан [Киев – А. М.]...”²⁹.

И здесь черные клобуки названы в качестве отдельного народа, наряду с Русью. Таким образом, с перспективы восточных авторов черные клобуки виделись как самостоятельная политическая единица, сопоставимая с Русью или половцами. Именно такую роль и отводит народу ан-н.бариййа в своем трактате ал-Идриси.

²⁸ *Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати*, пер. с арабск., вступ. ст. и прим. О. Г. Большакова, ист. комм. А. Л. Монгайта, Москва 1971, с. 39.

²⁹ Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. 2, Москва–Ленинград 1960, с. 44–45.

Подчеркнутая им воинственность ан-н.бариййа („у них принято не расставаться с оружием ни на миг, они чрезвычайно осторожны и осмотрительны“) как нельзя лучше соответствует пограничному положению черных клобуков и их роли как пограничной стражи. Такая ситуация просуществовала до монгольского нашествия XIII века, в ходе которого черноклобуцкий союз подвергся разгрому и прекратил свое существование.

Города берендеев. В заключение коснемся вопроса о наличии у берендеев городов. Города черных клобуков в Поросье неоднократно упоминаются в летописях³⁰. Встречаются на страницах летописей и прямые указания на города берендеев. В 1159 г. три предводителя берендеев обратились к князю Мстиславу Изяславовичу со знаменитой речью „в насъ ти есть княже и добро и зло“ и потребовали от него „по городу ... по лепшему“, князь поспешил выполнить их требование³¹. При рассказе о событиях 1177 г. *Ипатьевская летопись* еще раз эксплицитно говорит о городах берендеев: „Половци же взяша 6 городовъ Береньдичъ“³². Конечно, совпадение числа городов – шесть городов берендеев в летописи и шесть городов ан-н.бариййа у ал-Идриси – это случайность. Тем не менее, очевидно, что у черных клобуков в целом и у берендеев в частности существовали свои города, по которым они могли быть определены внешним наблюдателем. В соответствии с заявленным нами подходом мы не будем пытаться сопоставить названия городов ан-н.бариййа в трактате арабского географа с городами Поросья, известными по древнерусским летописям и материалам археологических раскопок. Позволим себе сделать только одно предположение. Под наименованием *Ас.т.р.куса* у ал-Идриси может скрываться Торческ (летописный *Торчскыи город*), главный город черноклобуцкого объединения. Характерно, что именно „къ Торческому“ отправился в 1161 г. князь Андрей Юрьевич Боголюбский, когда хотел заручиться помощью берендеев и торков³³. В завершение отметим, что города и кочевья черных клобуков располагались в междуречье Роси (с ее многочисленными притоками) и Стугны – т. е. на берегах рек, которые несли свои воды в Днепр и дальше в Черное море. Это полностью соответствует тексту ал-Идриси: „В упомянутую реку Русиййа впадают шесть больших рек... В долинах этих рек живет народ, известный под именем ан-н. бариййа“³⁴.

Заключение. Таким образом, *прямое прочтение* текста Мухаммада ал-Идриси приводит нас к выводу, что под именем ан-н.бариййа в трактате *Отрада страстно желающего пересечь мир* дано описание черноклобуцкого объединения

³⁰ См. сводный обзор: Д. А. Расовский, *Половцы. Черные клобуки*, с. 98–103.

³¹ *Ипатьевская летопись*, стб. 501.

³² *Ibidem*, стб. 603.

³³ *Ibidem*, стб. 516.

³⁴ Еще раз подчеркнем, что мы не отождествляем Днепр с „Русской рекой“ ал-Идриси. Для нас важно, что черные клобуки жили на берегах рек, связанных с бассейном Черного моря, побережье которого и описывает ал-Идриси в 5-й секции VI климата.

и его главного племени – берендеев. Такое прочтение соответствует политическим реалиям Восточной Европы в XII веке, находит параллели в письменных источниках древнерусского и восточного происхождения, не требует конъектур к тексту ал-Идриси или предположений, что известие о народе ан-н.бариййа является результатом сложной литературной конструкции. В соответствии с принципом *экономности* данному прочтению следует отдать предпочтение перед иными трактовками, требующими вмешательства в текст источника.

*

Aleksey Martyniuk, *The people of an.n-bariyya al-Idrisi's: direct perusal of the source*

The famous geographical work of Muhammad al-Idrisi (1154) gives the wide panoramic view of the world as of Arabs' perception. The essay provides sketches of the historical, geographical and political peculiarities of the Eastern Europe, which makes it particularly valuable from historical research perspectives. The mysterious people of *an.n-bariyya*, which are presented in al-Idrisi's narrative of Eastern Europe, have always attracted attention of the researchers around the globe. This topic is covered by considerable amount of literature, however there is still much to be discussed. The article reconsiders the data of al-Idrisi and substantiates the hypothesis that the name *an.n-bariyya* describes the military alliance of Chorni Klobuky and its main tribe of the Berendei.

*

Aleksey Martyniuk, *Lidé an.n-bariyya al-Idrisise: přímý výzkum zdroje*

Slavné zeměpisné dílo Muhammada al-Idrisise (1154) nám poskytuje široký panoramatický pohled na svět z arabské perspektivy. Výklad obsahuje náčrtky historických, zeměpisných a politických zvláštností východní Evropy, což je z hlediska historického bádání obzvláště cenné. Tajemní lidé *an.n-bariyya*, kteří jsou představováni v al-Idrisisově vyprávění o východní Evropě, vždy přitahovali pozornost badatelů z celého světa. Tímto tématem se zabývá celá řada publikací, ale stále ještě zbývá hodně, o čem se debatuje. Studie reviduje údaje al-Idrisise a dokládá hypotézu, že název *an.n-bariyya* popisuje vojenskou alianci mezi Kara-kalpaky (Černými klobouky) a jejich hlavním kmenem Berendejů.

Степан Темушев
(Минск)

География и динамика половецких набегов на Русь (вторая половина XI – начало XIII века)

Столкновение кочевников-половцев с земледельческим населением Восточной Европы было обусловлено географическим положением Древнерусского государства, находившегося на границе с широкой трансконтинентальной полосой Великой степи. Анализ географии половецких набегов (не учитывая примеров пассивного участия половцев в княжеских междоусобицах) требует обратить внимание на пограничные земли Руси. Одним из важнейших явлений в истории восточных славян был продолжающийся процесс колонизации. Особое значение имели два региона Южной Руси – Поросье и Посулье. Именно эта территория чаще других подвергалась нападениям. Возможно, это следует объяснить их тесной связью со Степью. В русско-половецких войнах наблюдалась определенная динамика, которая проявлялась не только в интенсивности набегов, но и в изменении их направлений. Можно отметить, что во второй половине XII века половецкие набеги смещаются к периферии восточнославянского расселения – на юго-запад и северо-восток. В целом география половецких набегов позволяет пролить свет на причины половецкой агрессии в сторону Руси. Крупные военные акции не могут быть объяснены только грабительскими мотивами.

Письменные источники, прежде всего, русские летописи, создают картину напряженного противостояния Руси и Степи. Летописцы в самых мрачных тонах описывают последствия половецких набегов: „и ѿпустѣша села наша и городѣ наши (...) нивы порожьше стѣяють звѣремъ жилище быша”¹. В представлении российских историков, со времени появления в Северном Причерноморье половцев „начинаются бедствия России” (Николай Карамзин)². Противостояние со Степью считается важнейшим внешнеполитическим фактором развития вос-

¹ *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: *ПСРЛ*], т. 2, 2-е изд., Москва 2001, стб. 213, 215.

² Н. Карамзин, *История государства Российского в 12 томах*, т. 2–3, Москва 1991, с. 46.

точнославянской государственности (Вадим Каргалов)³. Нападения половцев на русские земли рассматриваются как акты агрессии, вызванные мотивами грабежа. Анализ географии, динамики и причин половецких нападений позволяет несколько скорректировать это представление.

Проблема русско-половецкого противостояния имеет обширную историографию. Общим местом стало указание на деструктивный характер русско-половецкого взаимодействия. Между тем в XX веке оформляется евразийское направление в осмыслении особенностей истории евразийского континента. Значительной заслугой историков-евразистов следует признать рассмотрение экспансии кыпчаков/половцев в широкой перспективе, как общего движения кочевых тюркских народов (также и турок-сельджуков) на запад (Георгий Вернадский, Лев Гумилев)⁴. Важен также отказ от традиционного европоцентристского взгляда на половецкую экспансию: если писать историю глазами половцев, то именно русские в союзе с черными клобуками забирали у них „табуны коней, рабынь, золото, серебро, драгоценные ткани“, – отмечал Г. Вернадский⁵. Представляется, что восстановление полной объективной картины русско-половецких отношений невозможно без объяснения причин нападений степняков на тот или иной регион Руси.

Первое столкновение русских князей с половцами произошло в обстановке, казалось бы, весьма благоприятной для русских княжеств. После смерти Ярослава Мудрого (1054) его сыновья вели согласованную и единодушную политику, что выразилось в полном разгроме торков (гузов), заменивших в степи печенегов. Под 1060 г. летописец опрометчиво записал: „Тако Богъ избави хрестьяны от поганыхъ“⁶. Но еще под 1055 г.⁷, сразу после сообщения о победе Всеволода Ярославича, князя переяславского, над торками, отмечено, что „в семь же лете приходи Болушь с половцы, и створи Всеволодь миръ с ними, и возвратишася половци, отнюду же пришли“⁸. Но летописец ошибался: половцы просто вернулись в степь, чтобы утвердить полное свое там господство. Как это ни странно, русские князья объективно действовали на руку половцам, подрывая силы торков. Хозяином причерноморских степей становились половцы, но стать таковыми они могли, только вытеснив конкурентов. В 1065 г. торки перешли за Дунай, опустошили Болгарию, Македонию и часть Фракии, после чего стали союзниками Византии и сошли с исторической арены⁹.

³ В. Каргалов, *Внеинеполитические факторы развития феодальной Руси*, Москва 1967, с. 49.

⁴ Г. Вернадский, *Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры*, Москва 2005, с. 34–46; Л. Гумилев, *Древняя Русь и Великая степь*, Москва 1992, с. 467–488. Idem, *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*, Москва 1993, с. 518–542.

⁵ Г. Вернадский, *Опыт истории Евразии*, с. 37.

⁶ *Повесть временных лет* [далее: ПВЛ], ред. В. П. Адрианова-Перетц, Санкт-Петербург 1996, с. 71.

⁷ Так в *Ипатьевской летописи*. См.: *Ипатьевская летопись*, стб. 151. В публикации ПВЛ – 1054 г. См.: ПВЛ, с. 70.

⁸ ПВЛ, с. 70.

⁹ Н. Карамзин, *История государства Российского*, т. 2–3, с. 46.

Наконец, в 1061 г. половцы пришли на Русь войной, чтобы с этого времени вплоть до тридцатых годов XIII века не сходить со страниц летописей. „Придоша половцы первое на Русьскую землю воевать”, – замечает летописец¹⁰. Именно этим временем датировал российский историк Н. Карамзин начало крайне неблагоприятного для истории „России” периода¹¹. Между тем, по подсчетам Петра Голубовского, всего с 1061 по 1210 г. половцы осуществили 46 набегов, из них на долю Переяславского княжества приходилось 19, на долю Поросья – 12, на Киевское княжество – 4, на Северское – 7, на Рязань – 4. Следует отметить, что здесь не учтены случаи привода русскими князьями половцев и более мелкие набеги¹², которые не фиксировались летописями. Уже эти цифры (не совсем точные) и география „половецкой войны” не позволяют видеть в рассматриваемых военных конфликтах широкомасштабную войну, едва ли не ставившую под угрозу существование самой русской цивилизации. Но именно такое мнение господствовало в исторической науке.

„Этот сухой перечень внешних черт борьбы южной Руси со степью, – отмечал Александр Пресняков, – сам по себе красноречив. В течении всего своего исторического существования древняя Киевщина была на боевом положении. В ее истории не было сколько-нибудь продолжительного периода мирного, который дал бы возможность сосредоточить все национальные силы на внутреннем строительстве”. Борьба с половцами, по мнению А. Преснякова, имела и общеисторическое значение: „Велико общеисторическое значение Киевщины в истории тех веков; она стоит на рубеже европейского и азиатского мира, принимая на себя и упорно отражая удары турецких орд на север от Черного моря, как Византия стояла оплотом против натиска того же турецкого племени по южным путям в лице сельджуков, быстро развивавших свои завоевания в Малой Азии”¹³. Этот взгляд разделял и Михаил Приселков: „Систематические нападения кочевников, которым подвергалась Русская земля особенно в конце XI в., были страшным бедствием для народа (...) Путем огромных усилий, мобилизуя все свои силы на сопротивление кочевникам, русские княжества в начале XII века обращаются от пассивного сопротивления к организации активной обороны, к ответным походам в степь. Переход русских княжеств от пассивной обороны к наступлению в начале XII века имел и огромное международное значение”¹⁴.

Своеобразный итог изучению характера русско-половецких отношений в дореволюционной историографии подвел Дмитрий Расовский. Ученый считал, что русская историография преувеличила значение „боевой встречи Руси и Половцев”, набеги кочевников были безопасными для существования Руси и тезис о Южной Руси, как о левом фланге общеевропейской борьбы христианской Евро-

¹⁰ ПВЛ, с. 71.

¹¹ Н. Карамзин, *История государства Российского*, т. 2–3, с. 46.

¹² П. Голубовский, *Печенеги, торки и половцы до нашествия татар*, Киев 1884, с. 83.

¹³ А. Пресняков, *Лекции по русской истории*, т. 1, Москва 1938, с. 145.

¹⁴ М. Приселков, *История русской литературы*, т. 1, Москва 1941, с. 7–8.

пы с мусульманско-языческим Востоком, является ошибочным. Война половцев представляла собой мелкие пограничные войны, при этом настоящего наступательного движения не было и быть не могло из-за нежелания половцев „выходить из степей и расширять свою территорию за счет лесостепной или лесной областей”. Страдали же от набегов половцев только „незначительные части Руси, которые вклинивались в степи и оставались открытыми для половецких нападений”¹⁵. Эти земли составляли не более одной пятнадцатой всего пространства Руси. Единственную систематическую политику половцев Д. Расовский видел в их нападении на черных клобуков, которых пытались угнать обратно в степи, т.к. продолжали считать их своими рабами. Но и в этом деле половцы не преуспели¹⁶. В то же время не были вполне успешными и ответные походы русских князей в Степь. По мнению Д. Расовского половцы только однажды, в начале XII века, испытали серьезный удар: в результате походов Святополка Изяславича, Владимира Мономаха и Мстислава Великого удалось вытеснить из причерноморских степей донецко-донскую группу половцев¹⁷.

Безусловно, организация русскими князьями походов против половцев была вызвана не осознанием „исторической миссии”, а являлась ответом на грабительские набеги кочевников, позже примешались и другие причины, в том числе и чисто прагматические – стремление князей захватить добычу в виде скота, тканей и т.п., отбить захваченных ранее пленных, приобрести „славу” (психологический момент, как причина войн средневековья, к сожалению, недостаточно учитывается). Пожалуй, был прав украинский историк Василий Ляскоронский, когда писал: „Походы русских в степь велись главным образом в силу давней, путем долгого опыта осознанной необходимости активных действий против степняков”¹⁸.

Задачи и причины экспансии новой кочевой орды, появившейся у границ Руси в середине XI века, определились в самом начале ее движения с территории своего первоначального формирования. „Огромный кочевой массив кипчакских орд, – писала крупнейший специалист по кочевникам Восточной Европы Светлана Плетнева, – в первое десятилетие XI века поднялся с насиженных мест в длительный и тотальный поход-нашествие. Целью его было отнюдь не мирное переселение (отселение) части кипчакского населения на новые земли – целью был захват новых пастбищ где-то в далеких западных областях”¹⁹.

По замечанию С. Плетневой, пришедшие в днепровские степи кипчакские и кимакские орды очень скоро стали другим народом с измененным физическим и частично культурным обликом, что было следствием взаимодействия с другими

¹⁵ Д. Расовский, *Военная история половцев*, [in:] *Seminarium Kondakovianum*, т. 11, Белград 1940, с. 98.

¹⁶ *Ibidem*, с. 99.

¹⁷ *Ibidem*.

¹⁸ В. Ляскоронский, *Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на татар в 1399 г.*, „Журнал Министерства народного просвещения”, 1907, Март, с. 1–37; Апрель, с. 273–312.

¹⁹ С. Плетнева, *Половцы*, Москва 1990, с. 37.

этническими общностями степи²⁰. И так, ко времени появления первых известий в летописях о новом степном народе русским княжествам противостояла мощная племенная организация, своей основной задачей ставившая завоевание территории для своего проживания, т.е. ведения привычного кочевого образа жизни.

После первого военного предприятия в 1061 г. половцы постоянно присутствуют как внешнеполитический фактор на южных границах русских княжеств.

Военный аспект отношений между Русью и половцами имеет длительную эволюцию. Четко можно выделить первый этап русско-половецкой войны: 1061–1103 гг. В этот период на степной границе с переменным успехом идет постоянная борьба, причем постепенно инициатива в итоге переходит к восточным славянам. Причиной тому была временная стабилизация во внутривосточном развитии Руси, связанная с деятельностью Владимира Мономаха. Междоусобицы, способствовавшие успехам половецких набегов, на некоторое время утихли в период княжения Мономаха (1113–1125), что позволило ему мобилизовать силы русских княжеств и перенести войну в Степь²¹.

География русско-половецкого военного противостояния на данном этапе охватывает территорию Переяславского (главным образом, Посулье и окрестности Переяславля), Черниговского (окрестности самого Чернигова) и Киевского (главным образом, Поросье и окрестности Киева) княжеств. Без учета участия половцев в акциях князей Олега и Романа Святославичей до конца XI века половцы совершили 10 крупных вторжений. В этот период кочевники добились существенных успехов на пограничье Руси и на территории Поросья, захватив целый ряд городов (Песочен, Переволоку, Прилук, Торческ, Юрьев) и ограбив богатейшие монастыри около Киева. К числу серьезных успехов половцев необходимо отнести и распространение их кочевий в границы Руси (Переяславского княжества). Чаще всего на данном этапе половцы побеждали и в открытых сражениях (победы половцев у Переяславля, 1061 г.; на р. Альте, 1068 г.; на Стугне, 1093 г.; ок. г. Желни, 1093 г.; победы русских князей – у реки Снов, 1068 г.; за г. Римовым, 1094 г.; под Переяславом, 1096 г.), хотя в 1095 г. состоялся и первый крупный русский поход в Степь (после убийства „Иглारेвой чади”)²².

География „половецкой войны” тесно связана с ее причинами. Лесостепной пограничный регион Руси интересовал половцев именно как потенциальный регион для их кочевий. Летопись указывает на обстоятельство, которое в определенное время сделало эту причину еще более актуальной. Так, отмечается, что в 1092 г. установилась невыносимая жара и началась засуха: „изгорала земля, и многие леса возгорались сами и болота”²³. Выгорала, безусловно, и открытая степь. Найти необходимые для кочевий территории половцы могли на перифе-

²⁰ Ibidem, с. 39–40.

²¹ Л. Гумилев, *В поисках вымышленного царства*, Москва 1992, с. 234–235.

²² *ПВЛ*, с. 71, 73, 92–93, 95, 96, 97.

²³ Ibidem, с. 70.

рии – в лесостепном регионе, в том числе в пределах Руси. Кроме того, появление половцев под стенами крупнейших русских центров (Киева, Чернигова, Переяслава) было вызвано как „экономическими” причинами (жаждой грабежа), так и следствием невозможности прийти к компромиссу противостоящих сторон (жаждой мести), в том числе стремлением подчинить укрывшихся в пределах Руси кочевников.

Уже на первом этапе русско-половецкого противостояния можно обнаружить определенную цикличность в динамике половецкой военной активности. Наибольшую активность половцы проявляют на протяжении 8–10 лет (1061–1071), затем наступает затишье в два десятилетия (очередная активность половцев приходится на 1092–1096 гг.). Видимо, именно два десятилетия требовалось кочевникам для восстановления людских потерь (как и основного ресурса кочевников – лошадей). Безусловно, демографические колебания сказывались на способности половцев проводить агрессивные акции в отношении Руси. Решение русских князей начать наступление в Степь ранее завершения необходимого для кочевников „восстановительного периода” стало основной причиной успеха Руси в начале XII века (после существенных поражений и, следовательно, значительных потерь половцев в 1096 г., до крупного похода русских князей в степь в 1103 г. прошло менее 10 лет). Очень показательно и то обстоятельство, что сам поход русских князей в 1103 г. был осуществлен не летом, как было обычно принято, а ранней весной. В этом видят проявление „греческой хитрости” Мономаха: ведь в это время половецкие кони не были способны нести всадника²⁴.

Начало XII века открывает новый период в военном соперничестве Руси и половцев. „Русские переходят в наступление”, – коротко охарактеризовал этот период Борис Греков²⁵. „Русь в эту эпоху, – замечает А. Пресняков, – была еще достаточно сильна, чтобы внешние удары вызвали подъем энергии на решительный отпор”²⁶. Рубежным стал княжеский съезд 1103 г. в Долобске, на котором Владимир Мономах выдвинул программу решительного наступления в глубь Степи, чтобы окончательно устранить опасное соседство²⁷. Половцы не были готовы к встрече врага непосредственно у своих кочевий, им были нанесены страшные поражения. В этот период инициатива в проведении военных акций в основном принадлежала русским князьям, совершившим масштабные походы в Степь (1103, 1109, 1110, 1111, 1116). Тем не менее и на этом этапе русско-половецкого противостояния число крупных набегов половцев в пределы Руси не уступало русским походам в Степь (1105, 1106, 1107, 1110, 1113). Однако география половецких военных акций сузилась (подвергались нападениям только Переяславское княжество, регионы Посулья и Поросья). К тому же эти ответные акции

²⁴ Л. Гумилев, *Древняя Русь и Великая степь*, Москва 1992, с. 319.

²⁵ Б. Греков, *Киевская Русь*, Москва 1949, с. 465.

²⁶ А. Пресняков, *Лекции по русской истории*, т. 1, с. 145.

²⁷ Л. Гумилев, *Древняя Русь и Великая степь*, с. 319.

половцев не приносили им успеха. В итоге половцы, видимо, были действительно отброшены за Дон. Тому подтверждение мы находим и в летописи, сообщающей, что хан Сьрган жил на Дону в нужде, питаясь рыбой, а хан Отрок ушел в обезы²⁸, и в грузинских источниках, где упоминается пребывание Атерака, сына Шарука-на, в Закавказье²⁹. О наличии у грузин в качестве союзников кипчаков-половцев в войне против мусульман в 1120 г. сообщает Ибн Аль-Асир³⁰. В 1120 г. Ярополк Владимирович ходил искать половцев в бассейн Донца и Дона: западнее их уже не было³¹. Позднее летопись припишет этот успех русских князей Мстиславу Владимировичу, который „мужи свои посла загна Половци за Донъ за Волгоу за Гиикъ и тако избави Богъ Роускою землю от поганых”³².

Далее можно выделить третий период русско-половецких отношений, включающий в себя время с последнего грандиозного похода в Степь, организованного Владимиром Мономахом (1116), до шестидесятых годов XII века, когда места кочевий вновь вплотную приблизились к границам Руси³³. Данный период характеризуется временным затишьем на южной границе Руси и окончательным вхождением Половецкой степи в сферу политических отношений с Русью. Потерпев сокрушительное поражение во время походов Владимира Мономаха, находясь под постоянной угрозой нового наступления русских князей, половцы утратили агрессивность на три десятка лет³⁴. Однако по истечении этого периода натиск половцев на Русь возобновился. В. Каргалов в свое время писал о вине русских князей в вовлечении половцев в новые междоусобицы: „Редкая усобица обходилась без того, чтобы тот или иной князь не приглашал к себе на помощь поганых”³⁵. Действительно, использование половцев в междоусобных войнах древнерусских князей в этот период становится обычной практикой (чего ранее не наблюдалось: союз князя Олега Святославича с половцами воспринимался как безусловно осуждаемое исключение). Именно вследствие этого обстоятельства значительно расширяется география военного присутствия половцев на территории Руси. По-прежнему в основном половцы проникают в южные пограничные княжества: девять раз их присутствие обнаруживается в Переяславской земле (1128, 1135, 1139, 1148, 1150, 1151–1152, 1154, 1161, 1167), девять раз – в Киевской земле (1135, 1136, 1147, 1151–1152, 1154, 1155, 1161, 1162, 1165)³⁶. В этот же период половцы появляются в Галичской (1146, 1159–1160), Смоленской (1147, 1160),

²⁸ *Ипатьевская летопись*, стб. 716.

²⁹ М. Джанашвили, *Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России*, [in:] *Сборник материалов или описания местностей и племен Кавказа*, вып. 22, Тифлис 1897, с. 35–36.

³⁰ П. Голубовский, *Печенеги, торки и половцы*, с. 190.

³¹ А. Пресняков, *Лекции по русской истории*, т. 1, с. 145.

³² *Ипатьевская летопись*, стб. 303–304 (под 1140 г.).

³³ С. Плетнева, *Половецкая земля*, [in:] *Древнерусские княжества X–XIII вв.*, Москва 1975, с. 275.

³⁴ Eadem, *Половцы*, с. 95.

³⁵ В. Каргалов, *Внешиеполитические факторы*, с. 49.

³⁶ Ю. Кривошеев, *Россия и степной мир Евразии*, Санкт-Петербург 2006, с. 108.

Черниговской и Новгород-Северской (1152, 1159, 1160, 1167)³⁷ землях. Позднейший *Никоновский свод* указывает на самостоятельные набеги половцев (в одном случае ошибочно названных татарами) также на Рязанскую землю уже в 1136 г.³⁸ Важным следствием вовлечения половцев в междоусобицы стало их знакомство с географией отдаленных от степной окраины регионов Руси.

География половецкого присутствия на Руси в рассматриваемый период позволяет сделать важный вывод об ошибочности устойчивого историографического штампа о союзнических отношениях исключительно Черниговского княжества (точнее, князей Ольговичей) с половцами. Кочевники неоднократно оказываются союзниками соперников черниговских Ольговичей князей Мономашичей (например, Юрия Владимировича), страдают от половецких набегов и Черниговская земля, и Киевская земля – как раз в то время, когда на киевском престоле находился князь из Ольговичей.

Между тем русские князья попытались воспользоваться пятидесятилетней передышкой на южной границе. Начался процесс нового освоения земель, покинутых русским населением в период наибольшей половецкой опасности. В Поднепровье граница передвинулась к югу от реки Рось, вновь появились города на южной границе Воыни³⁹. Как и в конце X – первой половине XI века, в XII веке русские князья использовали для укрепления южнорусских границ строительство городков, либо целиком построенных в XII веке, либо сильно укрепленных в это время. Известный специалист по археологии Южной Руси Павел Раппопорт писал об особом типе укрепленных поселений этого времени – крепостях, оборонительные конструкции которых имели как военное, так и жилое или хозяйственное назначение⁴⁰.

Между тем половецкие орды, отброшенные походами Мономаха в глубь степей, восстанавливались. Археологические исследования причерноморской Степи показали постепенный подъем её экономики, внутреннюю стабилизацию и усиление новых половецких объединений⁴¹. Принято считать, что к этому времени относится начало формирования половцами в причерноморском и приазовском регионе собственного государства – Дешт-и-Кипчак⁴². Но это государство не было единым. В Степи происходит образование прочных объединений орд и вместе с тем отделение восточных половцев (шары-кипчаков) от западных куманов. Последние свои политические интересы все больше связывали с Венгрией и Болгарией⁴³. Анализ историко-географических сведений о Половецкой степи XII века

³⁷ *Ипатьевская летопись*, стб. 319, 341, 455–456, 497, 500, 505–508, 526. Ю. Кривошеев, *Россия и степной мир Евразии*, с. 108–109.

³⁸ *Никоновская летопись*, [in:] *ПСРА*, т. 9, Москва 2000, с. 205, 207.

³⁹ П. Раппопорт, *Из истории Южной Руси XI–XII вв.*, „История СССР”, 1966, 9–10, с. 115.

⁴⁰ *Ibidem*, с. 117.

⁴¹ С. Плетнева, *Половцы*, с. 110.

⁴² М. Погодин, *Исследования, замечания и лекции о русской истории*, т. 7, Москва 1856, с. 465.

⁴³ С. Плетнева, *Половцы*, с. 146.

позволяет локализовать несколько центров половецких кочевий. Важнейшие из них могут быть условно названы „лукоморским”, „днепровским” и „донским”. Известны также половцы, кочевавшие в степях Предкавказья⁴⁴. Что касается конца XII века, то С. Плетнева степь от Днестра до Волги условно делит на два объединения – Донецкое и Приднепровское⁴⁵. Выделение различных политических центров в Половецкой степи привело к усложнению русско-половецких отношений.

У Василия Татищева сохранились данные (достоверность которых может быть поставлена под сомнение), что уже в 1150 г. половцы возобновляют набеги, и если от Рязанского княжества их удалось отогнать, то около Переяславля-Русского и Курска половцев ждал успех, „понеже для междоусобной войны князей русских оборонять было некому”⁴⁶. В этот период все большее значение в борьбе с половцами приобретают черные клобуки: конгломерат тюрко-язычных кочевников (печенеги, торки, берендеи, коуи, турпеи, половцы)⁴⁷, поселенных в русских землях на правах федератов. В 1162 г. черные клобуки разбили грабивших по Суле половцев⁴⁸.

Семидесятые-восьмидесятые годы XII века полны известий о набегах половцев и ответных походах русских князей, причем как первые, так и вторые носили явно грабительский („экономический”) характер. Походы русских князей на Половецкую степь к восьмидесятым годам XII века становятся все более организованными и охватывают все большие силы и ресурсы.

Характерная особенность четвертого периода русско-половецкого противостояния (семидесятые-восьмидесятые годы XII века), нашедшая прямое отражение в географии половецкой военной активности, заключалась в разделении единой политики Степи в отношении Руси. Связано это было с образованием нескольких половецких объединений. Лукоморское, днепровское и донское объединения проводили собственную политику, хотя и часто согласованную, в союзе друг с другом. Исходя из географического положения, кочевые орды делают направления набегов на русские земли: лукоморские половцы – на Поросье и к Киеву (1172, 1174, 1190), днепровские половцы – на юг Киевской земли (1180), донские половцы – в Посулье (Переяславская земля), Курское Посеймье. Вероятно, именно донские половцы осваивают и новое направление набегов – на Рязанскую землю.

Снова обращает на себя внимание устойчивая динамика половецкой агрессии: наибольшая активность продолжалась на протяжении 10–12 лет, после чего наступало временное затишье.

⁴⁴ В. Ляскоронский, *Русские походы в степи*, с. 64, 74, 75.

⁴⁵ С. Плетнева, *Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях*, [in:] *Материалы и исследования по археологии СССР*, вып. 62: *Труды Волго-Донской археологической экспедиции*, 1958, т. 1, с. 173–176.

⁴⁶ В. Татищев, *Собрание сочинений: в 8-ми томах*, т. 2–3: *История Российская*, Москва 1995, с. 26.

⁴⁷ Н. Барсов, *Очерки русской исторической географии*, Варшава 1895, с. 136–139; К. Кудряшов, *Половецкая степь: очерки исторической географии*, Москва 1948, с. 134–135.

⁴⁸ В. Татищев, *Собрание сочинений*, т. 2–3, с. 78.

Конец XII и начало XIII века снова наполнены сообщениями о набегах половцев (например, на Рязанскую землю в 1195 г.⁴⁹ или переяславскую в 1211 г.⁵⁰), но еще больше встречается указаний на участие половцев в междоусобицах русских князей (1196, 1203). „(...) и сотворися велико зло в русской земли, яково же не бывало и от крещения под Киевом”⁵¹. Продолжались и походы русских князей на половцев, причем, они явно носили экономический характер (обезопасить торговые пути и просто за добычей) (1199, 1205, 1218). Новым явлением стало сильное давление половцев на Рязанское княжество, князья которого вынуждены были проводить и ответные акции против степняков (1205, 1218).

В целом начало XIII века в русско-половецких отношениях „характеризуется установлением относительного спокойствия и равновесия”⁵². Более того в двадцатые годы XII века мы находим примеры совместных акций русских князей и половцев, что подтверждает неоднозначность характера русско-половецких отношений (1221 или 1222 г. – совместный поход против турок-сельджуков⁵³, в 1223 г. – поход против монголов Джэбэ и Субэдэя⁵⁴).

С появлением монголов ситуация на степном пограничье радикально меняется.

В целом столкновение кочевников-половцев с земледельческим населением Восточной Европы было обусловлено географическим положением Руси, находившейся на границе с широкой трансконтинентальной полосой Великой степи. К столкновениям Руси со Степью (как и Китая с „северными варварами”) приводило принципиальное отличие кочевого скотоводческого способа производства от оседлого земледельческого хозяйства.

Анализ географии половецких набегов (не учитывая примеров пассивного участия половцев в княжеских междоусобицах) требует обратить внимание на пограничные земли Руси. Одним из важнейших явлений в истории восточных славян был продолжающийся процесс колонизации. Направлен он был не только на северо-восток. Земледельцы-славяне заселяли и юго-восточную окраину лесостепного региона. В контроле над этой территорией были заинтересованы и половцы.

Особое значение имели два региона Южной Руси – Поросье и Посулье. Именно эта территория чаще других подвергалась нападениям. Возможно, это следует объяснить её тесной связью со Степью. Именно здесь расселялись перешедшие на службу к русским князьям кочевники, следовательно эта территория

⁴⁹ Никоновская летопись, [in:] ПСРА, т. 10, Москва 1965, с. 23.

⁵⁰ Ibidem, с. 62.

⁵¹ Московский летописный свод конца XV в., [in:] ПСРА, т. 25, Москва–Ленинград 1949, с. 100.

⁵² С. Плетнева, Половцы, с. 168.

⁵³ А. Якубовский, Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в., „Византийский временник”, 25, 1927, с. 53.

⁵⁴ Ипатьевская летопись, стб. 740–745; Лаврентьевская летопись, [in:] ПСРА, т. 1, Москва 2001, стб. 445–447.

была пригодна для традиционного хозяйства кочевников. Таким образом, мотивы грабежа поселений земледельцев и стремления к контролю над хозяйственной территорией могут быть дополнены борьбой половцев с теми кочевниками, которые избежали покорения, укравшись в пределах Руси.

В русско-половецких войнах наблюдается определенная динамика, которая проявлялась не только в интенсивности набегов, но и в изменении их направлений. Можно отметить, что во второй половине XII века половецкие набеги смещаются к периферии восточнославянского расселения – на юго-запад и северо-восток. Требуется проверки широко распространенное мнение о сотрудничестве отдельных русских княжеств с определенными половецкими политическими союзами во второй половине XII – начале XIII века. Не всегда география половецкой агрессии совпадает с устоявшимся историографическим штампом.

География половецких набегов позволяет пролить свет на причины половецкой агрессии в сторону русских земель. Крупные военные акции не могут быть объяснены только грабительскими мотивами. Не были половцы и только пассивными участниками политической борьбы русских княжеств. В ряде случаев можно обнаружить осуществление половцами (точнее, отдельными половецкими союзами) собственной политики, военный аспект которой был зафиксирован летописями.

*

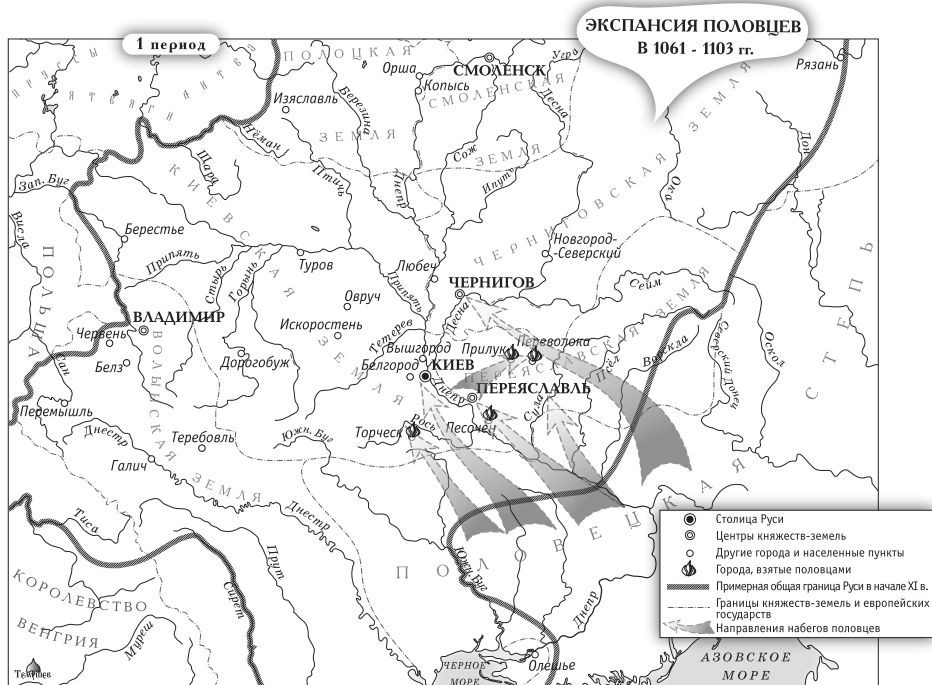
Stsiapan Tsemushau, *Geography and dynamics of the Polovtsian raids on Rus' (second half of 11th – beginning of 13th century)*

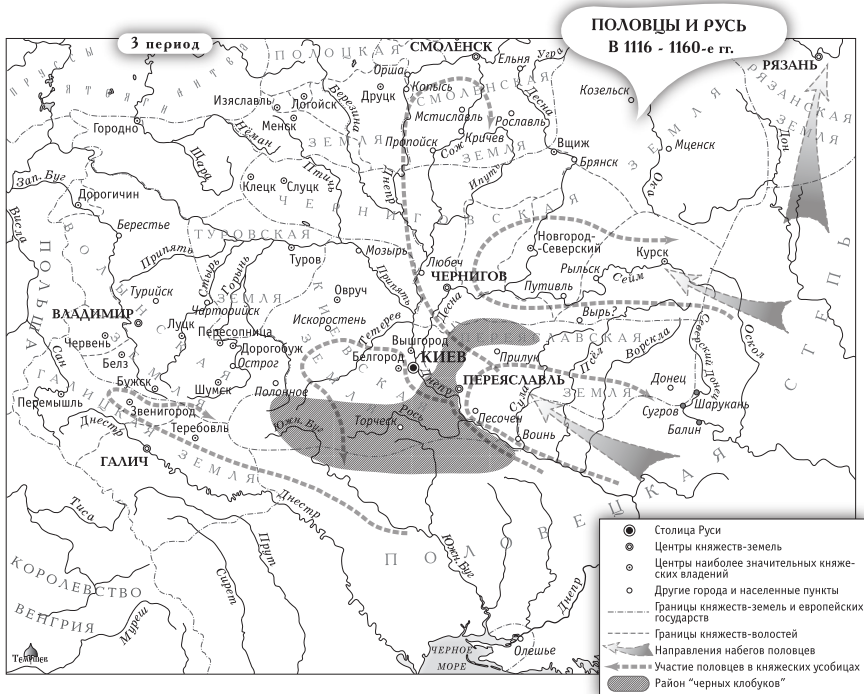
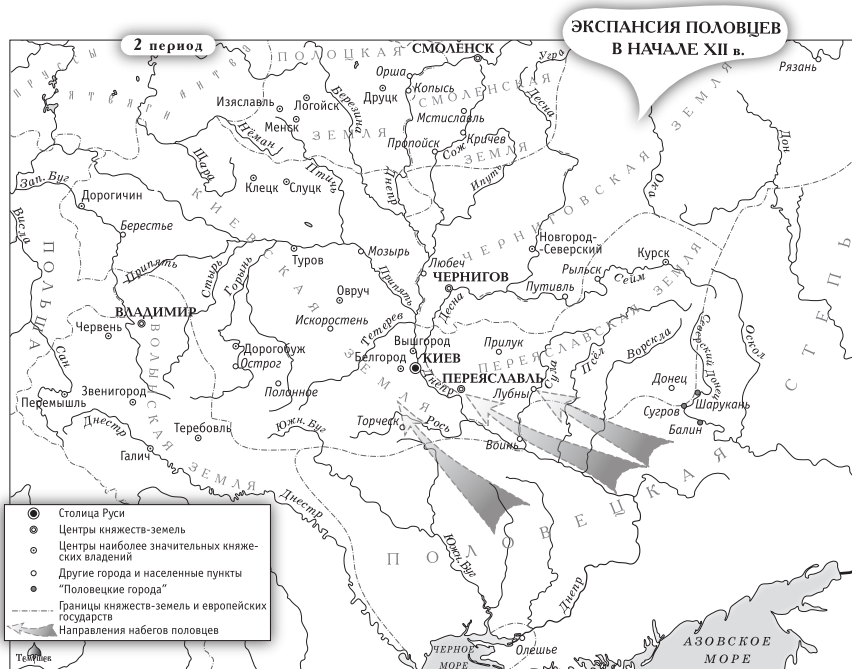
The collision of Polovtsian nomads with the agricultural population of Eastern Europe was due to the geographical location of the Old Rus' state, which was located on the border with the wide stripe transcontinental Great Steppe. An analysis of the geography of the Polovtsian raids (not taking into account the examples of passive participation in the princely feuds of Polovtsian) needs to pay attention to the border lands of Rus'. One of the most important phenomena in the history of the Eastern Slavs was an ongoing process of colonization. Of particular importance were the two regions of southern Rus' – Poros'ye and Posul'ye. It is the area most frequently subjected to attacks. This may be explained by their close connection with the Steppe. In the Rus'-Polovtsian wars there is a certain dynamic that is manifested not only in the intensity of the raids, but also in the change their directions. It may be noted that in the second half in 12th century. Polovtsian raids shifted to the periphery of the settlement of the Eastern Slavs – the south-west and north-east. In general, the geography of the Polovtsian raids makes it possible to shed light on the causes of the Polovtsian aggression towards Rus'. The large military action can not be explained only by predatory motives.

*

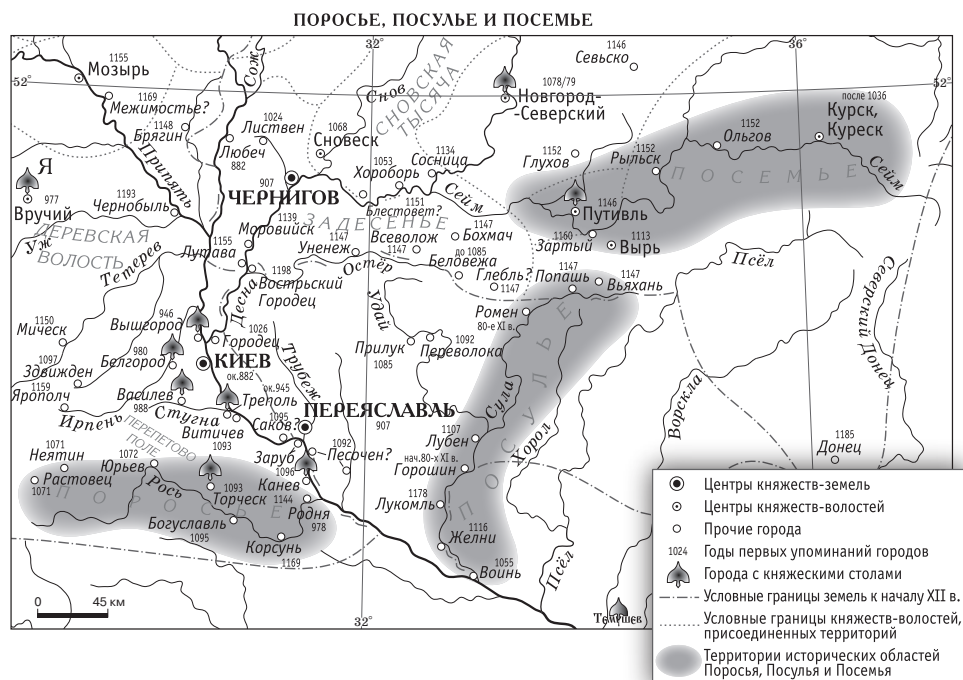
Stsiapan Tsemushau, *Zeměpisná charakteristika a dynamika kumánských nájezdů na Rus (druhá polovina 11. – počátek 13. století)*

Střet kumánských kočovníků se zemědělskou populací východní Evropy spadl do geografické lokace staré Rusi, která se nacházela na hranici širokého pásu transkontinentální Velké stepi. V analýze geografické charakteristiky kumánských nájezdů (aniž bychom brali v úvahu příklady o pasivní účasti v knížecích sporech Kumánů) je třeba věnovat pozornost zemské hranici Rusi. Jedním z nejvýznamnějších fenoménů v historii východních Slovanů byl pokračující proces kolonizace. Zvláštní význam měly dvě oblasti jižního Ruska – Porosja a Posulja. To jsou území, která se nejčastěji stávala terčem útoku. To lze vysvětlit jejich úzkým napojením na step. V rusko-kumánských válkách je určitá dynamika, která se neprojevuje pouze intenzitou nájezdů, ale i změnami směru. Nutno poznamenat, že se jedná o druhou polovinu 12. století. Kumánské nájezdy zasahovaly periferie osídlení východními Slovany – jihozápad a severovýchod. Celkově nám geografická charakteristika kumánských nájezdů umožňuje osvětlit příčiny kumánské agrese vůči Rusi. Tak rozsáhlou vojenskou akci nelze vysvětlovat pouze

Каролина Гуревич
(Будапешт)

Половецкие патронимы в древнейших русских летописях: генеалогия половецкого рода, взаимодействующего с Русью, и „долголетие” половецких князей

С середины XI века и вплоть до монгольского завоевания упоминания о половцах постоянно присутствуют на страницах русских летописей. Фрагментарность этих летописных данных иногда обуславливает маловероятные или спорные явления. В работе приводится анализ русско-половецких взаимоотношений на примере половецкого рода Шарукан – Отрок – Кончак – Игорь Кончакович. Данная генеалогическая цепочка, одна из самых длинных среди известных половецких родов, характеризует русско-половецкие контакты на протяжении полутора столетий. Тем не менее, её детальный антропонимический и исторический анализ дает возможность выявить ряд несоответствий и лакун в традиционном представлении о генеалогии половецкой элиты. Результаты исследования, помимо формулирования основных фактических противоречий, позволяют предложить для них возможные лингвистические и исторические объяснения.

Русско-половецкие отношения являются одним из самых важных предметов для древнерусского летописания: упоминания о кочевниках, впервые появившись в середине XI века, уже не покидают страниц летописей до монгольского завоевания. Тем не менее, хотя сведений о половцах достаточно много, они носят фрагментарный характер, что затрудняет построение целостной картины взаимодействия русских и половецких князей – взаимодействия, принимающего совершенно разные формы: от крупных вооруженных столкновений до значимых династических браков, определяющих политическое поведение родов на десятилетия вперед.

В данной работе предлагается рассмотреть историю русско-половецких отношений на примере взаимодействия с Русью половецкого рода, который характеризуется самой длинной из известных на сегодня генеалогических цепочек: Шарукан – Отрок – Кончак – Юрий Кончакович. Выбор этого половецкого рода, кроме протяженности взаимодействия с Русью (около полутора веков), определяется разнообразием форм контактов. Стоит отметить, что реконструкция данного генеалогического ряда невозможна, если мы остаемся в рамках русских летописных источников. Активное участие представителей рода Шарукана в политической жизни Руси и соседних государств нашло отражение в китайских источниках о монгольских завоеваниях¹, грузинских исторических хрониках².

Помимо типологического анализа русско-половецких взаимодействий на примере истории конкретного рода, хотелось бы обратить внимание на длительность и периодичность этих контактов. Именно сопоставление рассредоточенных в летописи упоминаний о представителях рода Шарукана позволяет выявить ряд несоответствий в общепринятом виде этой генеалогической цепочки. При этом основным объектом нашего интереса является половецкое имя, фиксируемое русским летописцем. Собственно имена половецкой элиты – одно из немногих письменных свидетельств о половцах, которым располагают историки и этнографы. Безусловно, нужно признать определенную односторонность этих свидетельств, поскольку велика вероятность того, что они были изменены сознанием русского книжника. Однако именно этот факт оказывается преимуществом, в случае если речь идет об изучении русско-половецких взаимодействий, где один из участников контактов не имеет своей письменной традиции³.

Одним из этапов истории половецких (как, впрочем, и любых других иноязычных) имен неизбежно явилась их русификация. Так, в летописях довольно часто можно найти обычные для русской антропонимики формы на -ич (-вич), относящиеся к половцам. Форманты -ич (-вич) в моделях половецких имен, как и в русской традиции, могут обозначать связи между отцом и сыном, а также описывать принадлежность к определенной этнической группе, географическое местоположение, приближенность к конкретному князю или включение личности в уже известный род. Очевидно, что основной трудностью в характеристике каждого конкретного случая является выражение многозначного содержания одной формой. Обращаясь к истории русского отчества и его особенностям, Фёдор Успенский отмечал неоднозначность границ в употреблении отчеств и „родовых прозваний” при описании русским летописцем половецких родов⁴. Таким образом, в предлагаемой работе хотелось бы уделить особое внимание случаям употре-

¹ См.: Р. Храпачевский, *Золотая Орда в источниках*, т. 3: *Китайские и монгольские источники*, пер., сост., введ. ст. и комм. Р. П. Храпачевского, Москва 2009.

² См. наприм.: *Картлис Цховреба: (История Грузии)*, ред. Р. Метревели, Тбилиси 2008.

³ А. Литвина, Ф. Успенский, *Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики*, Москва 2013, с. 10.

⁴ Ф. Успенский, *Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки*, Москва 2002, с. 102.

бления летописцем имен и патронимов рода Шарукан – Отрок – Кончак – Юрий Кончакович. В данном случае антропонимический подход при изучении конкретного половецкого рода может предложить исследователям новые возможности для описания картины русско-половецких взаимодействий в целом.

Для определения общего вида интересующей нас генеалогической цепочки и обратимся к каждому представителю данного рода и формам его контактов с Русью.

Шарукан. Первое упоминание о Шарукане появляется в *Новгородской первой летописи младшего извода* и относится к 1068 г. После неудачной для Ярославовичей битвы с половецкими силами на реке Альте (1068) и последовавшего за ней восстания в Киеве „триумвират” русских князей распался. Изяслав бежал в Польшу к королю Болеславу II, Всеволод удалился в Переяславль, а Святослав – в Чернигов. В этом же году известие о появившихся под Черниговом половецах (вероятно, все тех же, что нанесли князьям поражение на Альте) заставило Святослава собрать трехтысячную армию и выйти к Сновску. Как сообщает летописец, сражение трех тысяч русских воинов с двенадцатитысячным половецким войском произошло на реке Снови и завершилось победой Святослава, а также, что интересно, взятием в плен Шарукана („а князь их яша Шаракана въ 1 день ноября”⁵). Примечательно, что в *Лаврентьевской* и *Ипатьевской* летописях описания данных событий не содержат никаких половецких имен, лишь безличное упоминание о некоем плененном князе. Тем не менее, по мнению Саввы Михеева, „в протографе всех списков, вероятно, стояло «князя ихъ яша шарукана» (...) разными переписчиками это было искажено в «князя ихъ яша Шаракана» (=НовгІма) и в «князя ихъ яшарукана» (=НовгКарамз). Второй вариант искажения (...) провоцировал последующих переписчиков на его «исправление» в «князя ихъ яшарукама»”⁶. Таким образом, можно с уверенностью говорить о действиях под Черниговом именно Шарукана.

Летописные свидетельства указывают на то, что к 1068 г. Шарукан был достаточно влиятельным половецким князем, командующим большими половецкими силами и способным возглавлять длительные походы.

Обратимся к *Лаврентьевской летописи*, где под 1096 г. приведено *Поучение Владимира Мономаха*. Среди плененных и затем отпущенных им половецких князей Владимир упоминает двух братьев Шарукана. Неизвестно, участвовал ли сам Шарукан в битве, однако интересно, что братья Шарукана (без указания их собственных имен) упоминаются на первом месте среди освобожденных „Половечскыѣ кнѧзь ѡпши”⁷.

⁵ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, ред. и пред. А. Насонов, Москва 1950, с. 189.

⁶ С. Михеев, *Кто писал „Повесть временных лет”?* Москва 2011, с. 34.

⁷ *Лаврентьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРЛ], т. 1, Ленинград 1926, стб. 250.

Под 1107 г. в *Лаврентьевской* и *Ипатьевской* летописях сообщается о военных действиях Шарукана вместе с Боняком около Переяславля. В мае 1107 г. половцы подошли к городу Лубны и левому берегу реки Сулы. В августе войска Святополка Изяславовича, Олега Святославовича, Владимира Мономаха и, скорее всего, его сыновей (Мстислава, Вячеслава, Ярополка) разбили половцев. Был убит брат Боняка, Сугр был взят в плен, а сам Шарукан „Едва оутече Ѡтбѣгоша же товара своего”⁸. В описании данного события, прежде всего, стоит обратить внимание на то, как летописец характеризует силы противников. Безусловно, для русского автора важно перечислить поименно всех русских князей, участвующих в походе. Тем не менее, примечательно, что длинному списку „Стополкъ же и Володимеръ и Шлегъ Стославъ Мстиславъ Вячеславъ Ярополкъ”⁹ противостоят Боняк, Шарукан и „ины князи мнози”¹⁰. Выделение данных половецких имен русским летописцем может указывать как на простой факт того, что он знал лишь этих князей (то есть Шарукан и Боняк были известны современникам более других), так и на особую значимость носителей этих имен в половецкой или/и русской среде. Второй вариант находит подтверждение, если речь идет о Боняке, действительно одном из самых известных половецких князей, которого в 1185 г. летописец устами Кончака охарактеризует: „великийи кнѣзь нашъ Бонакъ”¹¹.

Стоит обратить внимание на впервые появляющийся в записи 1107 г. эпитет „Старый”: „прииде Бонакъ и Шаруканъ старыи”¹². Существует два варианта интерпретации прилагательного „старый” – можно понимать его буквально, и тогда получается, что к 1107 г. Шарукан находился в преклонных (для воина) годах. В этом случае, возможно, его авторитет объясняется отчасти его возрастом. Однако эпитет „старый” может не нести указания на возраст, но говорить о высоком социальном статусе.

Наконец, в связи с деятельностью Шарукана нельзя не упомянуть топоним Шарукань, который фигурирует в *Ипатьевской летописи* под 1111 и 1116 гг. и является достаточно значимым, чтобы служить объектом т. н. „донских” походов русских князей. Хотя население города не было половецким¹³, факт существования топонима Шарукань еще раз указывает на влияние Шарукана в степи.

Отрок. В *Ипатьевской летописи* Отрок упомянут один раз под 1201 г. Имя этого половецкого князя появляется в той части *Галицко-Волынской летописи*, которую Лев Черепнин назвал *Летописцем Даниила Галицкого*. Об Отроке сообщается в панегирике Роману Мстиславовичу, где, помимо прочих достоинств Романа, выделяется то, что он „ревноваше бо дѣдоу своему Мономахоу, погоу-

⁸ Ibidem, стб. 282.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibidem, стб. 258.

¹¹ *Ипатьевская летопись*, [in:] ПСРЛ, т. 2, Санкт-Петербург 1908, стб. 646.

¹² Ibidem, стб. 258.

¹³ П. Голубовский, *Печенеги, торки и половцы: Русь и Степь до нашествия татар*, Москва 2011, с. 87 (оригинальное издание: Киев 1884).

бившему поганья Измалтаны рекомья Половци изгнавшю Штрока во Шбезы за Желъзная врата¹⁴.

Исследователи уделяли особое внимание направлению движения Отрока после его изгнания и возможным датировкам этого события¹⁵. Из летописного отрывка можно предположить, что изгнание половецкого князя, вероятно, произошло в замечательный для истории русско-половецких противостояний период „донских” походов Владимира Мономаха (1103, 1107, 1111, 1116).

К 1117 г., когда Грузия была почти освобождена от власти сельджуков, пересекаются истории половецкого и грузинского этноса, о чем сообщается в грузинских источниках. Основными материалами по интересующему нас периоду являются хроники *Картлис-Цховреба* (*Жизнь Грузии*) и *Жизнь царя царей Давида*, написанная неизвестным автором, придворным историком грузинского правителя, а также составленное после причисления Давида к лику святых *Жизнеописание царя Давида*. Грузинские источники повествуют о том, что для усиления военной мощи страны в борьбе с сельджукским султанатом Давид Строитель обратился к кипчакам (половцам). *Картлис-Цховреба* пишет, что Давид „хорошо знал их многочисленность, храбрость в боях, быстроту в походах, ярость в атаке, легкоуправляемость и готовность во всем подчиняться его воле”¹⁶. Помимо этого существовали другие причины, побудившие Давида обратиться именно к половцам: „вместе с тем, их было легко призвать как из-за их близости, так и из-за их бедности, и еще потому, что *за много лет до этого* [курсив наш – К. Г.] привел он оттуда достойную, известную всюду своей добродетелью Гурандухт, дочь предводителя кипчаков Атрака, сына Шарагана; она стала его законной супругой и царицей вся Грузии”¹⁷.

Впервые на этот отрывок обратил внимание Ясе Цинцадзе, он же доказал идентичность Отрока из грузинских хроник и Отрока, упоминаемого галицким летописцем¹⁸. Мелита Мургулия, реконструируя события, связанные с приходом половцев в Грузию, и анализируя воспоминания Анны Комниной, отмечает, что, в отличие от других кочевников, войско половцев имело ряд военных преимуществ, которые были необходимы грузинскому царю в борьбе с внешними врагами¹⁹. Таким образом, уход Отрока в грузинские земли был не просто бегством, но некоторым встречным политическим шагом. Интересно, что грузинский хронист также описывает условия половцев, которые, приняв приглашение Давида, „по-

¹⁴ *Ипатьевская летопись*, стб. 715–716.

¹⁵ А. Карсанов, *Об одном известии Ипатьевской летописи*, [in:] *Аланы: история и культура*, Владикавказ 1995, с. 389.

¹⁶ *Картлис Цховреба*, с. 189.

¹⁷ *Ibidem*, с. 189.

¹⁸ Я. Цинцадзе, *Разыскания по истории русско-грузинских взаимоотношений (X–XVI вв.)*, Тбилиси 1956, с. 190–197. См. также: М. Мургулия, *Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках*, Москва 1998, с. 25.

¹⁹ М. Мургулия, *Половцы*, с. 99.

просили, чтобы им дали возможность пройти через овсов [осетин] с миром. Поэтому царь вынужден был отправиться в Осетию (...) Вступили в Осетию; вышли им навстречу цари Осетии и все их мтавары, встав словно рабы перед ним. Взял он заложников с обеих сторон – от овсов и от кипчаков, – и так легко объединил он оба народа, водворив между ними любовь и мир, как между братьями. Взял крепость Дариали и все [крепости, находящиеся] на горных перевалах Осетии и Кавказа. Обеспечив кипчакам мирный путь, вывел он великое множество их, своего тестя и братьев своей жены”²⁰.

Согласно исследованию М. Мургулии, дочь Отрока, Гурандухт, была второй женой Давида. Первая жена царя (армянского происхождения) около 1106 г. была насильно пострижена в монахини и отправлена в грузинский монастырь в Иерусалиме²¹.

По-видимому, приглашение половцев в Грузию в 1118 г., когда Давиду Строителю понадобилось сильное войско для борьбы с турками-сельджуками, стало осуществлением определенных соглашений, заключенных ранее. Мелита Мургулия предполагает, что браком 1106 г. были закреплены соглашения, возникшие в результате длительных и регулярных контактов половцев и грузинского царя²². Это вполне подтверждается приведенными выше словами грузинской хроники о том, что Давид привел Гурандухт „за много лет до этого”²³.

Информация о том, что Давид пригласил половцев, не датирована в грузинских хрониках, но помещена сразу после сообщения о смерти султана Малик-шаха I (1116) и Алексея I Комнина (1118)²⁴. При этом, по мнению самого грузинского хрониста, приход половцев произошел после взятия крепости Агарани в июле 1118 г.²⁵ и до июня 1121 г. – первого совместного сражения с половцами²⁶ (произошедшая до этого мартовская битва в Хунане помечена в „списке царицы Анны” *Картлис Цховребы* 1121 г.: „хроникон 341”²⁷).

Кончак. В данной работе мы не будем рассматривать все биографические сведения об одном из самых известных половецких князей, обратим внимание лишь на наиболее важные для нашей работы факты.

Прежде всего, стоит отметить первое упоминание имени Кончака в *Ипатьевской летописи* в статье под 1172 г. Во время осады князем Мстиславом Изяславовичем Вышгорода, где находился Давыд Ростиславович с дружиной, Глеб Юрьевич прислал последнему помощь в лице половцев во главе с Кончаком:

²⁰ *Картлис Цховреба*, с. 189–190.

²¹ М. Мургулия, *Половцы*, с. 109.

²² *Ibidem*, с. 107–110.

²³ *Картлис Цховреба*, с. 189.

²⁴ *Ibidem*.

²⁵ *Ibidem*.

²⁶ *Ibidem*, с. 191.

²⁷ *Ibidem*, с. 209, примеч. 109.

„Глѣбъ кнѣзь прислалъ баше Григора тысячкаго своего с помощью и Половци дии Кончакъ с родомъ своимъ”²⁸.

Здесь интересно, что Кончак появился с „родом своим”. Очевидно, это понятие определяет родственников половецкого князя, причем младшего (племянники, сыновья, внуки) или, по меньшей мере, одного поколения с Кончаком (братья). Таким образом, уже в 1172 г. Кончак возглавлял достаточно сильный половецкий клан („выѣздаче погани и дии с вой много зла твораху швы избивахоу а ины руками имахоу”²⁹). Александр Инков отмечает, что Кончак – глава рода, важнейшего социального института для половецкой общности³⁰. Соответственно, выражение „с родом своим” – весьма значимая характеристика для половецкого князя.

Следующее упоминание о Кончаке в *Ипатьевской летописи* относится к 1174 г. На этот раз деятельность половецкого князя носила несколько иной характер: если в 1172 г. он был лишь участником княжеской усобицы, то теперь, объединившись с Кобяком, он организовал самостоятельный поход на Переяславль³¹.

Через пять лет, в 1179 г., имя Кончака вновь появляется на страницах *Ипатьевской летописи*, причем оно сопровождается рядом не самых лестных определений. По мнению летописца, половецкий князь – образец „богомерзкого” язычника: он и „богостудный”, и „злу начальник”; здесь достойно внимания то, что русский автор явно выделяет этого половецкого князя, не удовлетворяясь обычными для половцев эпитетами „поганые” и „окаянные”. Далее летописец объяснил причину столь негативного отношения к Кончаку, который, подойдя к Переяславлю „со единомысленными своими”, „много зла створи крѣстьяномъ шнихъ плѣнниша а иныи избиша множаишиа же избиша младенѣць”³².

Важно обратить внимание на поход, в котором участвовал Кончак в 1180 г. Половецкий князь оказался вовлеченным в борьбу Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславовича за киевский стол, причем интересно, что его союзником является новгород-северский князь Игорь Святославич, с войском которого он встречался еще у Переяславля в 1174 г. Примечательно, что Кончак вновь приходил на Русь с Кобяком, вероятно, своим главным степным союзником этого периода. После того, как Игорь „има с собою Половць Коньчака и Кобака и дождаса Сѣслава противу Вышегороду”³³, Святослав вошел в Киев и в ответ на просьбу половцев „отпустил” к ним для охраны Игоря с полком. На размышления наводит тот факт, что половцы „испросиша” именно Игоря для совместных действий. Летописец с осуждением говорит о „заставе”: „Половѣць же бѣ много и ле-

²⁸ *Ипатьевская летопись*, стб. 548.

²⁹ *Ibidem*, стб. 549.

³⁰ А. Инков, *Древняя Русь и половцы во второй половине IX – первой трети XIII века*, Саранск 2001, с. 53–54.

³¹ *Ипатьевская летопись*, стб. 569.

³² *Ibidem*, стб. 612–613.

³³ *Ibidem*, стб. 621.

жахоуть без боязни надѣючеса на силоу свою и на Игоревъ полкъ и бе сторожѣ³⁴. На стороне Рюрика против Святослава выступил Мстислав Владимирович с Владимиром и черные клобуки, которые начали бой с половцами раньше, но, оставшись без поддержки, были отброшены и произвели смешение в стане Мстислава. Последнему не оставалось ничего другого, как бежать. Однако остальное войско Рюрика выступило против половцев, „инѣхъ изоимаша а другѣя исѣѣкоша“³⁵. Кончак в этом сражении понес достаточно большие потери: летописец с особым вниманием к родственным связям этого половецкого князя сообщает, что у реки Черторый был убит Елтут, брат Кончака, и взяты в плен, по-видимому, его сыновья – „кончаковичи“ Татур и Бякоба³⁶. Отметим сразу же, что к 1180 г. Кончак имел двух взрослых сыновей, способных принимать участие в битве.

Нельзя не коснуться военных действий Кончака в марте 1184 г. В начале похода Кончак, вновь получающий в *Ипатьевской летописи* сразу три негативных эпитета: „шканьнии и безбожнии и треклатии“³⁷, принял решение остановиться у реки Хороль. Навстречу половцам вывели свои войска Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович. Исход нападения Кончака решила случайность: по дороге полки встретили купцов, которые указали расположение стана Кончака. Однако из-за того, что воины шли по холму, самого Кончака, находившегося „оу лоузе“, они не заметили и половецкий князь успел бежать. При этом был взят в плен некий младший родственник Кончака – „мншицю его яша“³⁸. Погоня, отправленная вслед за Кончаком спустя некоторое время, результатов не принесла.

Как известно, Кончак и Игорь Святославович являются главными героями одного из самых ярких памятников древнерусской литературы – *Слова о полку Игореве*³⁹. Поход новгород-северского князя Игоря, описанный в этом произведении, начался в апреле 1184 г. В половецкие степи Игоря сопровождал его сын Владимир и брат Всеволод Святославович с сыном Святославом. Не останавливаясь подробно на деталях похода, отметим, что во втором столкновении, имеющем губительные последствия для русских полков, принимала участие, по выражению летописца, „вся земля“ половецкая. Среди всех половецких князей, вышедших навстречу Игорю (Коза Бурнович, роды Токсобичей, Терьтробичей, Колобичей, Етебечей) летописец, что интересно, первым называет именно Кончака. У реки Сюурли русские войска потерпели поражение, а Игорь с сыном, братом и племянником были взяты в плен и помещены „когождо во своя вежа“⁴⁰. В этот момент летописец сообщает, что половецкий князь „пороучиса по свата Игоря“⁴⁰, хотя женитьба Владимира (на момент похода ему было 13 лет) на

³⁴ Ibidem, стб. 622.

³⁵ Ibidem, стб. 623.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem, стб. 634.

³⁸ См.: *Слово о Полку Игореве*, ред. В. П. Адрианова-Перетц, Москва–Ленинград 1950.

³⁹ *Ипатьевская летопись*, стб. 644.

⁴⁰ Ibidem.

Кончаковне еще не состоялась. Как известно, Игорю удалось совершить удачный побег, а его сын вернулся из половецкого плена через три года (1187) с ребенком и женой – дочерью Кончака.

В последний раз Кончак упоминается в 1203 г. в *Новгородской первой летописи* при описании взятия Киева. Кончак с сыном Кобяка Даниилом участвовал в попытке Рюрика Ростиславича и его союзников занять киевский престол. Действия Ольговичей оказались успешными, город был сожжен, а „кого доидеть рука” половцы увели в плен, были разграблены церкви и монастыри, лишь купцам, отдавшим часть своего товара, победители „вдаша живот”⁴¹.

Мы ничего не знаем об активности Кончака после 1203 г. В *Галицко-Волынской летописи* под 1201 г. помещен рассказ об изгнании Отрока „во Обезы” и его последующем возвращении, из которого следует, что Кончак „родившюся” от Отрока („ѿ него родившюся Кончакоу иже снесе Соулоу пѣшь хода котель носа на плечеву”⁴²). Но следует ли это понимать буквально (Кончак – сын Отрока), или это лишь идентификация этого князя с родом Отрока? В *Материалах для словаря древнерусского языка* Измаила Срезневского глагол „родитися” имеет несколько значений: быть рожденным; появиться, явиться; возникнуть; уродиться, быть похожим. Также „родитися”, согласно И. Срезневскому, имеет значение „произойти” (автор приводит пример из *Слова о законе и благодати* митрополита Илариона: „Сии славнии от славныхъ рожеся, благороднии от благородныхъ, каганъ нашъ Володимиръ”⁴³). Можно предполагать, что использование формулы „родитися от...” призвано в общем виде обозначить происхождение Отрока от известного исторического лица. Причем существенно, что к моменту написания *Галицко-Волынской летописи*, при апелляции к временам Мономаха, детали половецкой генеалогической цепочки становятся неактуальными. Фигура Кончака приобретает все больше эпических черт; половецкий князь, являющий собой обобщенный образ богатыря, очевидно, представляется галицкому летописцу полулегендарным персонажем. Этот факт также необходимо учитывать при реконструкции интересующей нас генеалогической цепочки.

Юрий Кончакович. В русских летописях упоминается сын Кончака Юрий. Причем, в отличие от отца, этот половецкий князь (который мог быть назван в честь новгород-северского князя Игоря, в крещении Георгия⁴⁴) практически всегда упоминается с отчеством. Юрий Кончакович, вероятно, был одним из самых влиятельных половецких князей в конце XII – начале XIII века. Так, например, великий князь Всеволод Большое Гнездо стремился стать сватом Юрия: он женил своего сына Ярослава на дочери этого князя. *Лаврентьевская летопись* под 1206 г. сообщает: „ѡ жени сѣа своѣго Ярослава и приведоша за нь Юргевъну

⁴¹ *Новгородская первая летопись*, с. 240.

⁴² *Ипатьевская летопись*, стб. 716.

⁴³ И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. 3, Санкт-Петербург 1912, с. 134.

⁴⁴ А. Литвина, Ф. Успенский, *Русские имена половецких князей*, с. 120–124.

Кончаковича”⁴⁵. Таким образом, к 1206 г. Юрий Кончакович уже имел взрослую дочь, а значит, он родился не позднее 80-х гг. XII века. Сын Кончака упоминается в 1223 г. в хронике *Юань-ши* под именем „Юй-ли-цзи” вместе с братом Татуром⁴⁶. В русских источниках также есть информация о том, что Юрий Кончакович возглавлял сопротивление половцев монголам. В *Ипатьевской летописи* под 1224 г. князь получил высокую оценку „бѣ болише всихъ Половецъ”⁴⁷. Однако даже превосходящий других Юрий Кончакович не смог противостоять новому врагу. У границ Руси, у „вала половецкого” Юрий Кончакович был убит монголами, а „с нимъ же множество Половецъ”⁴⁸.

Таким образом, если попытаться реконструировать генеалогическую цепочку Шарукан – Отрок – Кончак – Юрий, мы получаем следующий ряд данных:

Шарукан активно участвовал в битвах в 1068 г. и 1107 г. (тогда же получил от летописца именование Старый).

Отрок командовал войском в Грузии с 1118 г. по 1124 г. Его дочь предположительно в 1106 г. вышла замуж за грузинского царя Давида Строителя. Даже если мы говорим о самом юном возрасте дочери Отрока, нужно отметить, что к девяностым годам XI века половецкий князь имел ребенка, соответственно сам родился не позднее 1080-х гг.

Кончак – один из главных предводителей половецких набегов 1172–1203 гг. Его дочь была отдана в жены Владимиру Игоревичу в 1188 г. Вероятно, был ровесником новгород-северского князя Игоря и родился в 50-х гг. XII века.

Юрий (родившийся не позднее 80-х гг. XII в.) – участник сопротивления монгольской экспансии в 1223 г. Дочь Юрия вышла замуж в 1206 г. за Ярослава Всеволодовича (очевидно генеалогическое сходство между линиями Отрока и Юрия с разницей в столетие).

При рассмотрении данной генеалогической цепочки нельзя не обратить внимания на существенный временной промежуток между предположительной датой рождения Отрока и Кончака. Отметим, что в русских летописях Кончак ни разу не упомянут с отчеством. Это может быть связано с тем, что летописец не знал имени отца Кончака или оно было для него не актуально. Тем не менее, довольно странным представляется факт того, что дети предположительно одного и того же отца – Кончак и Гурандухт фигурируют в источниках с разницей в столетие. Около 1106 г. дочь Отрока выходит замуж за Давида Строителя, тогда как Кончак, находясь в довольно бодром состоянии духа, пытается взять в 1203 г. Киев. Все это наводит на мысль, что в цепочке Шарукан – Отрок – Кончак – Юрий пропущено одно звено, о котором мы ничего не знаем. Вероятно, отцом Кончака был не Отрок, поскольку формула „от него же родившюся” предполагает

⁴⁵ *Лаврентьевская летопись*, стб. 426.

⁴⁶ Р. Храпачевский, *Золотая Орда в источниках*, т. 3, с. 228.

⁴⁷ *Ипатьевская летопись*, стб. 740.

⁴⁸ *Новгородская первая летопись*, с. 265.

и более далекие родственные связи („дед–внук”, „прадед–правнук”). Причина же отсутствия в летописях сведений о сыне Отрока может крыться в его пребывании за пределами Руси, например в Грузии, где он мог остаться после возвращения остальных половцев в степи. Нельзя, впрочем, исключать и маловероятную, но биологически возможную версию о том, что Кончак мог быть просто поздним сыном Отрока.

Известные нам факты биографий половецкой элиты зачастую не дают никаких окончательных ответов на вопросы о половецкой генеалогии, однако, прослеживая историю упоминания половецких имен и сопоставляя вероятности, мы можем указать на ряд несоответствий в традиционных взглядах на определенные родственные связи половцев. Так, в рассмотренной генеалогической цепочке Шарукан – Отрок – Кончак – Юрий можно предположить потерю одного из звеньев. Причины этой лакуны, возможно, кроются в том, что летописная традиция зафиксировала имена лишь самых известных и влиятельных князей этого рода (в половецкой и русской среде), которые взаимодействовали с Русью наиболее часто. Если это так, то в данном случае мы имеем дело с летописным выстраиванием генеалогических последовательностей лишь по ключевым точкам, по опорным фигурам рода, при этом „промежуточные”, неактуальные на какой-то момент фигуры этого же половецкого рода исключаются из этой цепочки, теряясь на фоне своих „именитых соседей”. Таким образом, ключевое может объявляться единственным, и из истории тогда бесследно исчезает имя, а за ним и целое поколение. В заключение хотелось бы отметить, что предложенное исследование, основанное на антропонимическом принципе и анализе допустимостей, представляет собой лишь небольшой шаг в стремлении понять широкую картину русско-половецких взаимодействий.

*

Karolina Gurevich, *Polovtsian patronymics in the ancient Rus' chronicles: genealogy of the Polovtsian genus interacting with Rus', and „longevity” of the Polovtsian princes*

From the middle of the 11th century and up until the Mongol conquest the mentions about the Polovtsy are constantly present on the pages of the Rus' chronicles. Fragmentation of these chronicles data sometimes causes improbable or controversial phenomenon. The paper analyzes the Rus'-Polovtsian relations on the example of the Polovtsian genius of Sharukan – Otrok – Konchak – Igor Konchakovich. This genealogical chain, one of the longest among the famous Polovtsian geniuses, characterizes the Rus'-Polovtsian contacts during one and a half centuries. However, its detailed anthroponimical and historical analysis makes it possible to identify a number of inconsistencies and gaps in the traditional concept of the Polovtsian elite genealogy. The

results of the study, in addition to the basic formulation of the actual contradictions, allow us to offer to them the possible linguistic and historical explanations.

*

Karolina Gurevich, *Kumánská patronyma ve starých rusínských kronikách: genealogie kumánského rodu ve vztahu k Rusi a „starobylost“ kumánských knížat*

Od poloviny 11. století až po dobytí Mongoly jsou zmínky o Kumánech neustále přítomny v rusínských kronikách. Fragmentárnost těchto kronikářských údajů přináší někdy nepravděpodobné nebo kontroverzní fenomény. Studie analyzuje rusínsko-kumánské vztahy na příkladu kumánského rodu Šarukana – Otroka – Končaka – Igora Kočakoviče. Tento genealogický řetězec jednoho z nejdelších a velmi slavných kumánských rodů charakterizuje rusínsko-kumánské kontakty během jednoho a půl století. Nicméně jeho podrobná antroponimická a historická analýza umožňuje identifikovat řadu nesrovnalostí a mezer v tradiční koncepci rodokmenů kumánských elit. Výsledek studie dovoluje nabídnout, kromě základní formulace jednoznačných kontradikcí, jazykovědná i historická vysvětlení.

Nataliia Rudyka
(Kyiv)

Rus' influence on Cumans' jewellery (on example of earrings)

Nomads were not indifferent to jewellery, that is evidenced by the archaeological excavations of burial mounds and chance finds. The researches give us a lot of information about their culture, customs, religion, clothing, art, aesthetic and artistic direction. We affirm the existence of Byzantine, Rus' and the Western Europe jewellery in the Cumans, but also the production of native jewellery under their influence. A very popular type of earrings was made in the form of unclosed rings – gold, silver or bronze. Nomad's earrings with convex round bead also were well known. Silver earrings, or rather, earring-pendants with convex double-cone bead (empty inside) and covered by a thin wire were found in the nomads tombs too. Pendants with round beads have analogies among jewellery of Rus' and dating on the 11th–12th centuries. It shows the influence of Rus' art on Cumans jewellery in the 12th century.

Jewellery has a special place among the monuments of archaeology. They provide information about the customs, traditions, artistic tastes and mutual influences. The basic forms of jewellery vary between cultures but are often extremely long-lived; in European cultures the most common forms of jewellery listed above have persisted since ancient times, while other forms such as adornments for the nose or ankle, important in other cultures, are much less common. Jewellery was significant at all times and in different nations, subject to change of various factors, served various diverse functions – aesthetic, social, symbolic, and in part, also utilitarian. It could express individual preferences, the wish to identify with one's community, reflect social status among one's tribesmen, indicate one's age group or marital status, as well as demonstrate one's religious beliefs. All these features are apparent in early medieval jewellery, although today we may have difficulty in fully decoding their cognitive content¹. This also applies to jewellery of the Cumans.

¹ H. Kočka-Krenz, *Biżuteria Północno-Zachodnio-Słowiańska we wczesnym Średniowieczu*, Poznań 1993, s. 161–166.

The Cumans also played an important role of middlemen in trade between Byzantium and the East, which passed through the Cuman-controlled ports of Sudak, Oziv and Saksyn. That is why we affirm the existence of Byzantine, Ruthenia and the Western Europe jewellery in the Cumans (for example, Chyngulskyi burial mound in Ukraine, Zaporizhia region, excavated in 1981²), but also the production of native jewellery under their influence. And influence of the Rus' art on the Cumans jewellery, with the example of earrings, will be the subject of this article.

As we know, the specific features of archaeological burial mounds are defined by the artefacts which were put to the tombs: it is limited by items, which (according to the ritual) accompanied the dead into the afterlife. Usually, there are some decorations in the Cumans women's graves, such as: beads, earrings, pendants, necklaces, torques, bracelets and rings. Some decorations were infrequently found in the men's graves.

At the beginning of my article I want to pay attention to the most important works studying the Cumans' culture, in which the authors had described jewellery. There are not many works in this field, because jewellery from nomads' graves is mostly imported from Byzantine, Rus' and the Western Europe. And this topic is specific and difficult for scientific description. Archaeological study of nomads began in the second part of the 19th century in connection with certain excavation of burial mounds. The primary issue was to determine the affiliation of certain mounds and graves to chronicle tribes – the Pechenegs, the Cumans and other nomad tribes³.

One of important works for researching Cumans' jewellery is a study by German Fedorov-Davydov. He worked and published materials on artefacts of nomads during the 10th–15th centuries in his book of 1966⁴ (more than a thousand graves of nomads' complexes, materials of settlements that were related to the nomadic tribes of the Eastern Europe in this time, more than 200 stone statues (idols) of the Cumans). He classified materials on the artefacts and highlighted their forms, which help to date other items and then the author identified four chronological groups (ethnic factor was not taken into account). G. Fedorov-Davydov developed a typology and dating of horsing harness and weapons, clothing and jewellery, household items, stone sculptures and mounds. Analysis of real materials and burial mounds' structures allows the scientists to apply this typology to identify other artefacts in our time.

Svetlana Pletneva in her scientific work explores the issue of distribution the Cumans' statues in the steppes and identifies eight distinct groups of the Cumans in her books⁵. She used to study the clothing, jewellery, household items (ethnographic

² В. Отрощенко, Ю. Рассмакин, *Половецкий комплекс Чингульського кургану*, „Археологія”, 53, 1986, с. 14–36.

³ See: *Степи Евразии в эпоху средневековья*, отв. ред. С. А. Плетнева, Москва 1981.

⁴ Г. Федоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*, Москва 1966.

⁵ С. Плетнева, *Половецкие каменные изваяния*, Москва 1974; Eadem, *Кочевники средневековья*, Москва 1982.

groups of the Cumans) only in those statues, which clearly depict the corresponding item.

Next important book in this field is Lubov Geraskova's work⁶. Her studies concerning medieval sculptures of nomads in the Eastern Europe – classification and typology of the famous Cumans' stone idols on the basis of statistical and mathematical methods. The work is valuable thanks to the methods of the artefacts' analysis. In addition, the exterior of the stone idols gives an idea of the costume and, of course, jewellery of nomads.

The site of discovery of many Cumans' decorations presented in the different exhibits of museums is not recorded and we often do not know the circumstances of their depositions in the ground. In late 20th century and early 21st century, the number of archaeological materials from expeditions increased (Svetlana Andruch, Gennadij Toshev, Oleksandr Yevhlevskyy, Oleksandr Suprunenko and others)⁷. So we can conclude that the availability of new artefacts opens new opportunities for scientists, it particularly gives a possibility to deepen their study of funeral rites for features of proprietary tools, including for decorations.

Nomads were not indifferent to jewellery, this is evidenced by the archaeological excavations of burial mounds and chance finds. These researches give us a lot of information about their culture, customs, religion, clothing, art, aesthetic and artistic direction. And as I wrote, usually, women's nomadic tombs, sometimes men's, are accompanied by a lot of jewellery. They include earrings, necklaces, pendants, bracelets, rings. Earring-pendants and earrings often are not discerned, being described as the earring-pendants.

After then Prince Yaroslav the Wise defeated the Pechenegs (or Patzinaks) army near Kyiv in 1036, the remains of their tribes went away to the borders of Byzantium, to the West, and the Cumans appeared in the steppe in the lands free from other nomads. At first, they come to south-east border of Rus' in 1055⁸. Relations between the Slavs and nomads were different – from armed confrontation to peaceful relationships. The Cumans tolerated all religions, so Islam and Christianity spread quickly among them. Rus' prince families were often connected with Cumans khans through marriage, lessening wars and conflicts. Sometimes the princes and khans waged joint campaigns.

During the domination of the Cumans, at the banks of the Dnieper and along the Siverskyi Donets, Kalmius, Mius, the lower Don and lower Volga, craft centres arose and developed, which produced various types of items to be sold to nomads. These centres were also known for trade in agricultural products and luxury products imported on request of the Cumans' aristocracy. These products were made in workshops of

⁶ Л. Гераскова, *Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи*, Київ 1991.

⁷ С. И. Андрух, Г. Н. Тощев, *Могилиник Мамай-Гора*, кн. 4, Запорожье 2009; *Степи Европы в эпоху средневековья*, отв. ред. А. Евлевский, Донецк 2000; О. Супруненко, *Унікальний комплекс золотоординського часу поблизу Волошиного*, Київ–Полтава 2005.

⁸ *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 2, Санкт-Петербург 1908, стб. 151.

large specialized craft's centres (Kyiv, Polotsk, Novgorod and Sarkel (White house)). In this way, metal and glass decorations, ceremonial armour and weapon decorations, clothing, textiles, fur, ceramics, metal ware (such as pots, keys and locks), raw materials (such as amber, rock crystal) and some other artefacts penetrated to the environment of nomads. The most intense flow of goods dates to the second half of the 12th and early 13th century. Rus' imports were found in rich male and female burials, which was concentrated in the region between the lower Dnieper and lower Don in the steppe zone, reaching the borders of forest steppe in the north and Crimea in the south⁹.

In this article, I'll try to describe earring-pendants, attempting to show the influence of the Rus' decorative art on them. It is to be mentioned that all the Cumans jewellery need more precise and specific studies, because we still have problems with the dating of these decorations, and new archaeological material or archaeological context could be the key to solving some of the issues. But at first, I'd like to mention all decorations of the Cumans (according to already quoted G. Fedorov-Davydov's work)¹⁰.

Beads were quite a rare find in the graves of nomads. They are usually few. Typically, all beads – double-cone with carnelian, round with crystal, cylindrical with lemon colours or gilded and round with opaque glass; this kind of beads was typical for the Rus' graves too. A small number of these findings does not allow using this material for dating the burials. G. Fedorov-Davydov represented two levels of classification – by the material and the form.

Women wore a variety of jewellery, such as torques, a type of neck attire consisting of one or several metal strands attached to a ribbon or necklace and hung around the neck, and head-dresses that were made of a series of silver rings on a solid, cylindrically shaped material that was fastened at the temples. Necklaces (torques) which were found in many graves of nomads belong to two types – twisted and semi twisted (first and second with loops at the ends). Similar necklaces are found among Rus' jewellery. Rings were rarely found in burials of nomads. Six types were selected by G. Fedorov-Davydov¹¹.

Cumans' bracelets are also not a common find. There are simple made of wire, round in cross section, having ends unclosed; twisted with loops at the ends; woven with flattened ends and incrustations; in the form of a simple plate with narrow ends unclosed; in the shape of a narrow plate with two large inserts in the slots at the ends; plate consisting of two bent bands and fastened with clasp.

Syulhamy pendants among other artefacts are rare items. But buckles are a common find; they are of non-ferrous metals, iron and bone. Possibly, bronze and silver buckles were used for clothing, and bone and iron – for harness.

⁹ A. Gołębiowska-Tobiasz, *Wyroby ruskich rzemieślników w inwentarzach grobowych Połowieckiej arystokracji rodowej (XIII–XIV w.)*, [in:] *Rus' during the Epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw 15th–17th November 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, s. 119–120 [Seria: *Colloquia Russica. Series I*, vol. 3].

¹⁰ Г. Федоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы*, с. 36–77.

¹¹ Ibidem.

The presence of mirrors in female graves is an original characteristic of steppe burials. The production of mirrors, apparently, pertained to period of Saltivska culture, but they are different from the 6th–9th centuries' mirrors. They are extremely simple decorations on the reverse side. As we know, in Rus' there were no mirrors at that time, they reappeared in steppe zone, judging by the burial rites, in the 12th century earliest.

There is a large number of items related to clothing (or items that are a part of clothing) in the tombs of nomads. Remains of fabric were found in some graves, which give information not only about what the clothes were sewn from, but also how they were sewn. Small decorations for clothes were made of ferrous metals. Buttons for clothes were made of ivory (with one or two holes inside) or bronze – in the form of bells or hollow¹². There are earrings (all bronze-cast or glass), charms and pendants.

A very popular type of earrings was made in the form of unclosed temple rings – gold, silver or bronze. Nomad's earrings with convex round bead also were well known. Silver earrings, or rather, earring-pendants with convex double-cone bead (empty inside) and covered by a thin wire were found in the nomads tombs too. Pendants with round beads have analogies among jewellery of Rus' and date to the 11th–12th centuries. Earring-pendants with double-cone bead were typical for steppe zone and belong to nomads and they are dated with the help of archaeological finds from the same graves to the 12th century.

A large number of currently excavated nomadic burial mounds scattered over a vast territory gives us the opportunity to get only the most general information about the geography, ethnic characteristics, life and the weapon of the nomads of that time. A vast material for study of all these issues is given by the stone idols. Mapping of different types of these statues gives us the information about the Cumans' migrations. But these stone monuments are very interesting for us, because there are many details of dresses, jewellery, weapons and other inventory on them.

Many stone idols give us a trace of details of hats' decorations (caps that fit snugly to the head (for heat), thin ribbons and chains (attached with one end to the cap, and others – to earring). The women had their hair loose or braided with buns twisting at the side. Both men and women followed a tradition of braiding coloured ribbons into their hair. Both men and women wore cloth or metal arm bands. Earrings depicted on stone idols divided into seven types: 1) temple rings; 2) ringed with beads; 3) ringed with double-cone bead (hollow inside) beads; 4) ringed with three – five beads coming down; 5) „drop-shaped” or loop-shaped; 6) rings, small, with a long pendant, ending with beads; 7) with six beads, obviously the prototype of them is the Rus' kolty (temple pendant the 11th–13th centuries)¹³. G. Fedorov-Davydov proposed 14 types of earrings¹⁴ (*fig. 1*).

¹² Ibidem, с. 216–217.

¹³ Л. Гераскова, *Скульптура середньовічних кочовиків*, с. 34–45.

¹⁴ Г. Федоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы*, с. 39.

Temple rings are very widespread both geographically and chronologically, characteristic of wide area and typical for many ages and nations. Typically, they occur in the Slav burials of women where they rest at their temples, singly, or in larger number. Very rarely, earrings are discovered in women's burials together with temple rings, suggesting that they were used in the same way. Moreover, there are finds which combine the features of these two types of ornament. Temple rings were fashioned from wire strips or sheets which were folded into an open circular shape and attached to leather, woollen and linen bands or kerchiefs – drawn through slits in the fabric or tied onto it with string threaded through their loops. Temple ring terminals were given various shapes and are of diagnostic value in identifying and classifying local variants. The most common variant had one of its ends hammered flat and coiled into a rounded S-shaped loop. These simple ornaments of bronze, silver-plated bronze, or silver, exceptionally – of gold wire, initially (from the 9th century (had small dimensions (up to 20 mm))); with time they gradually increased in diameter and continued to adorn women's temples until the beginning of the 14th century¹⁵.

Temple ring with lightly overlapping terminals was also found in the Cumans' graves. This type of earrings was popular among the eastern Slavs; their fine examples such as silver finds from Ukrainian cremation barrow burials (dated to the 11th–13th centuries) were especially popular.

In a different ornamentation technique, several metal beads were threaded onto the wire loop of the earring. These shapes come in several variants, distinguished mainly by the different shapes of their bead. Even so, Ruthenia is set apart by their beauty and precision of manufacture, their loops three-beaded through globular or cylindrical beads decorated with stands of smooth and twisted filigree threads, triangles of granulation, and larger granules – singly, or arranged in cones, described as Kyiv type¹⁶. This type was borrowed from Rus' to nomad's decoration, simple artefacts of this type were found in the Cumans' burial (*fig. 2*). Another form characteristic for them is earrings with a single large oval or biconical bead, in some pieces additionally hemmed in by granulated beads (as known as „Plovtsi” type)¹⁷. Ringed earrings with double-cone bead were found in Rus' treasures of the 12th–13th centuries (*fig. 3*)¹⁸.

It is a well-known fact that the geographic spread of the earrings with three beads is wide. Moreover, there is some territory where this type appeared at the end of the 9th century. There is also a separate area where they were not known until the 11th–12th centuries. Interesting for us are also the ringed earrings with three – five beads coming down because this type was known in Ruthenia before the Mongol's invasions. Oriental forms of the Cumans' earring are represented by silver earrings with a large bead in the lower part of the loop to which are soldered chunky cones covered in granules sur-

¹⁵ H. Kočka-Krenz, *Biżuteria Północno-Zachodnio-Słowiańska*, s. 46–52.

¹⁶ See: Г. Корзухина, *Русские клады IX–XIII вв.*, Москва–Ленинград, 1954.

¹⁷ Ibidem; H. Kočka-Krenz, *Biżuteria Północno-Zachodnio-Słowiańska*, s. 46–52.

¹⁸ Г. Корзухина, *Русские клады IX–XIII вв.*, с. 132, таб. LIV, 4–5.

rounded at the base with stands of twisted filigree threads (*fig. 4*). Analogies of „drop-shaped” or loop-shaped earrings were found in Kama region in the Volga Bulgaria in the complexes of the 14th century and among the materials found in Kyiv.

Compounds of the Rus' princes and the Cumans' elites show typical women's decoration (*kolty*), performed by the Rus' craftsmen. They were found from time to time in the Cumans' burials. These decorations, however, were more popular among aristocrats, and their representations occur on female anthropomorphic idols¹⁹.

As we see, next to the ordinary and, honestly speaking, very much human desire to increase one's attraction the wearing of jewellery often conveyed an important message as to one's membership in a given community or nationality, religion, social and economic status. For archaeologist, the jewellery is one of the main categories of finds obtained during excavation – its variability reflects past fashions and helps in more accurate dating of archaeological features (e. g., location of deposit in a grave) in which it was discovered. The technique of its manufactured says much about the knowledge and the level of development of working different raw materials; its styles indicate origin and, indirectly, offer information on the culture and trade connections.

Thus, as we see, the world of the Cumans was very mobile, they readily adopted the art of the peoples they had contacts with, not only in the way of using their decorations, but also in making something similar, but in their own way.

*

Nataliia Rudyka, *Rusínský vliv na kumánské šperkařství (na příkladu náušnic)*

Nomádi nebyli lhostejní vůči šperkařství, to evidentně vyplývá z archeologických nálezů v mohylách i z náhodných nálezů. Výzkumy nám poskytují celou řadu informací o jejich kultuře, zvycích, náboženství, odívání, umění, estetickém i uměleckém zaměření. Potvrzujeme existenci šperků z Byzance, Rusi a západní Evropy u Kumánů, ale také produkci vlastních šperků pod těmito kulturními vlivy. Velice populární typ náušnic byl vyroben ve tvaru neuzavřených kroužků; ze zlata, stříbra nebo bronzu. Nomádské náušnice s konvexním kulatým korálkem byly také dobře známé. Stříbrné náušnice nebo spíše náušnicové přívěsky s konvexním dvojitém kuzelem (uvnitř prázdné) a pokryté tenkým drátkem se našly také v nomádských hrobkách. Přívěsky s kulatými korálky jsou analogické ke šperkům z Rusi a jsou datovány do 11.–12. století. Dokládá to vliv umění Rusi na kumánské šperkařství ve 12. století.

¹⁹ A. Gołębiowska-Tobiasz, *Wyroby ruskich rzemieślników*, s. 120.

*

Наталья Рудыка, *Русское влияние на ювелирные изделия половцев (на примере подвесок-серезек)*

Научные исследования дают нам много информации о культуре, обычаях, религии, одежде, искусстве, эстетических и художественных направлениях кочевников. Благодаря им, известно, что половцы не были равнодушны к ювелирным изделиям, о чем свидетельствуют археологические находки из их курганов, а также случайно найденные изделия. Половцы активно использовали как византийские, русские и западноевропейские ювелирные изделия, так и украшения своего собственного производства. Известно, что среди них популярными были серезки в виде несомкнутого кольца – золотые, серебряные или из бронзы. Также были широко распространены серезки с выпуклой круглой бусиной. В половецких погребениях были найдены и серебряные серьги, или, вернее, серьги-подвески с выпуклой биконической бусиной (пустой внутри) и покрытые тонкой проволокой. Подвески с круглыми бусинами имеют аналогии среди ювелирных изделий Руси XI–XII веков, что подтверждает тезис о значительном влиянии русского ювелирного искусства на производство половецких украшений в XII веке.

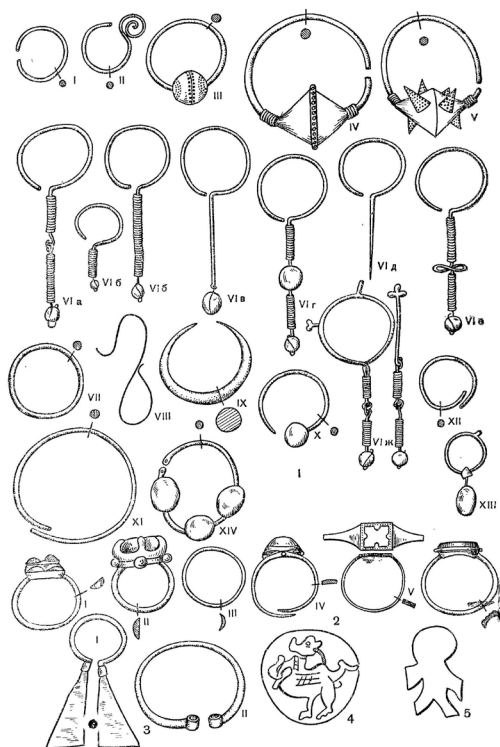

Fig. 1. Different types of earrings according to G. Fedorov-Davydov (*Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*, Москва 1966, рис. 6, 1).

Fig. 2. Earring, the 12th–13th centuries, time and place of finding unknown. Museum of historical treasures of Ukraine.

Fig. 3. Earring, the 12th – first half of 13th centuries, treasures, Kyiv oblast, founded in 1887. Museum of historical treasures of Ukraine.

Fig. 4. Earring, the 12th–13th centuries, time and place of finding unknown. Museum of historical treasures of Ukraine.

Радослав Ливох
(Краков)

Позднекочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Каталог артефактов (выбор)

В статье представлены избранные, хорошо сохранные артефакты, которые Эдвард Витковский передал Археологическому музею в Кракове в 1876 г. Среди них: 1 серебряная шейная гривна, 2 серебряных браслета, 2 бронзовых браслета, 3 янтарных бусины, 1 подвеска из раковины морской улитки, 1 железный висячий замок, 1 железный ключ для висячего замка, 1 железная кольчуга, 1 железная сабля, 1 железный наконечник копья, 4 железные наконечники стрел, 5 железных стремян, 2 железных удили. Они происходят из элитарного половецкого могильника в Росаве возле Мироновки (Киевская область, Украина), который можно датировать первой половиной XIII века. Среди найденных в курганах артефактов многочисленные изделия русского ремесла, что свидетельствует о большом влиянии культуры русских княжеств на их соседей-кочевников из европейской части Большой Степи.

10 ноября 1876 г. собранию Археологического музея Академии умений в Кракове Эдвардом Витковским была подарена коллекция археологических артефактов из курганов в Росаве¹ возле Канева. Э. Витковский собрал их во время собственных любительских поисков в 1858 и 1860 гг. и частично задокументировал (напр. ил. 1). Возможно, что часть из них он получил от местных крестьян, которые нашли артефакты во время земляных работ в 1858 г. Эти материалы были обработаны Эльжбетой Домбровской², которая датировала их последней четвертью XII – первыми четырьмя десятилетиями XIII века и отнесла их к родовой аристократии берендеев³. В настоящей работе уделено внимание некоторым из

¹ Ныне село Росава, Мироновского района, Киевской области, Украина.

² E. Dąbrowska, *Kurhany rassańskie*, „Archeologia”, 8, 1956, 1, s. 122–171, там же литература.

³ Ibidem, s. 158.

росавских находок⁴, предпринята попытка их более точного датирования и представлена новая интерпретация могильника.

В росавских курганах находились удила самой типичной формы, то есть двучленные с отдельными колесами на концах. Первое (номер кат. 1; *ил. 2a*) принадлежит к виду, типу и подтипу Б I-2в, второе (номер кат. 22; *ил. 9d, 10b*) – к Б I-2б, по типологии Екатерины Армарчук. К сожалению, оба подтипа имеют очень широкие хронологические границы⁵, а это значит, что они не могут быть индикаторами хронологии. Возможно положительную черту для датировки имеет стиль украшения на одном из них (*ил. 10b*), но этот вопрос требует отдельного анализа.

Кольчуги не являлись типичным оборонительным вооружением воинов Большой Степи⁶, однако их обнаруживают в кочевнических погребениях. Из Росавы происходят несколько небольших фрагментов и один фрагмент в форме большой глыбы (номер кат. 2; *ил. 2b*), потому что такую форму набрала кольчуга из одного из курганов (возможно, из кургана 4). Похожие глыбы кольчуги были найдены в Чынгальском кургане возле села Заможное Запорожской обл., который исследователи датируют второй третью XIII века и считают могилой половецкого хана⁷, а также в датируемом второй половиной XIII века курганном погребении золотоордынского воина в селе Таборовка Николаевской обл.⁸ Последний экземпляр, скорее всего, выполнили на Руси, хоть нельзя исключить, что это было произведение кочевников, подражающее русским кольчугам. Кажется достоверным его датирование первой половиной XIII века⁹.

Часто встречаемым компонентом могильного снаряжения средневековых номадов являются стремена. Росавские примеры принадлежат к нескольким типам, которые лучше всего классифицировать по системе Анатолия Кирпичникова, так как они, скорее всего, русского происхождения. Первые (номер кат. 3; *ил. 2c*) из них относятся к типу VII, который был известный в Поросье и Подонье уже в XI веке. Доминирующее большинство стремян, однако, датируется XII–XIII веками. Похожие стремена находили на пространстве от Сибири и Северного Кавказа до Балтийского моря. Росавский образец украшен в древнерусском стиле¹⁰. Два очередных образца (номер кат. 9, 10; *ил. б*) относятся к типу VIIa, который появился

⁴ Отдельные категории памятников охарактеризованы согласно очерёдности выступления первого экземпляра в каталоговой части, где они перечислены по нумерации курганов, ср.: E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*.

⁵ Е. А. Армарчук, *Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков*, Москва 2006, с. 42–50.

⁶ W. Świętosławski, *Uzbrojenie koczowniców Wielkiego Stepu w czasach ekspansji Mongołów (XII–XIV w.)*, Łódź 1996, с. 23.

⁷ В. В. Отрощенко, Ю. Я. Рассамкин, *Половецкий комплекс Чынгальского кургана*, „Археологія”, 53, 1986, с. 20, 22, 34.

⁸ W. Świętosławski, *Uzbrojenie koczowniców*, с. 22.

⁹ См.: А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.*, Ленинград 1971, с. 14.

¹⁰ Idem, *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.*, Ленинград 1973, с. 45, 50–51.

в XII столетии, возможно – в его середине, и функционировал примерно до середины XIII века на территории от Поросья и Волыни до Новгорода и Суздаля¹¹. Следующее стремя (номер кат. 20; *ил. 9b*) принадлежит к типу VIII и датируется второй половиной XII – XIII веком. Похожие стремяна встречались в Новгороде, Швеции и землях пруссов и куров¹². Последние (номер кат. 21; *ил. 9c*) образцы – это экземпляры типа IXa, которые датируются XII–XIII веками. Такие же стремяна были найдены на Киевщине и Черниговщине, а похожие встречались на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье, в Латвии, Литве и прусских землях¹³.

Кажется, что лучше всего в датировании артефактов из росавского могильника может помочь тордованная шейная гривна (номер кат. 4; *ил. 3*). Почти идентичная была найдена в кургане 260 в селе Бурты¹⁴, а похожие – хоть из отдельной пластины – в кладе из Ключник. Менее сходные гривны найдены в кладе из Княжей Горы¹⁵, а две золотые тордованные гривны были в кладе из Сахновки¹⁶. Все упомянутые объекты находятся в окрестностях Канева. Можно предположить, что эти клады, отнесенные Галой Коржухиной к IV группе, были спрятаны перед нашествием монголов в конце 1240 г., и что оба погребения датируются этим же временем. Ещё одна золотая тордованная, но невыгнутая, шейная гривна была обнаружена в кургане возле с. Заможное Запорожской обл. Ее датируют второй третью XIII века¹⁷, что не противоречит предположению автора о датировании этого типа украшений. Можно предположить, что это русское изделие.

Сложно датировать и два витых браслета (с несохраненной филигранной оберткой) с украшенными глазурью концами (номер кат. 5, 6; *ил. 4*), поскольку похожие украшения встречаются в кладах групп III и IV по классификации Г. Коржухиной и датируются периодом от XI века до 1240 г. Примером такого широкого датирования служат образцы из Пилявы возле Канева и с Киева¹⁸. Два очередных браслета (номер кат. 23, 24; *ил. 11*) относятся к группе витых из тройной проволоки с петлями на концах. В Новгороде похожие браслеты были найдены в слоях из XI–XIV веков, а почти идентичный с росавскими образцами датируется XIV веком¹⁹. В курганах вятичей такие украшения выступали в XIII и XIV столетиях²⁰. Все четыре украшения выполнены древнерусскими ремесленниками.

¹¹ Ibidem, с. 45, 51.

¹² Ibidem, с. 45, 51–52.

¹³ Ibidem, с. 45, 51.

¹⁴ С. А. Плетнева, *Древности черных клобуков*, Москва 1973, с. 39, 72.

¹⁵ Г. Ф. Коржухина, *Русские клады IX–XIII вв.*, Москва–Ленинград, 1954, с. 128, 131, 132, табл. XLVIII:23, LIV:7.

¹⁶ Ibidem, с. 131; *Музей історичних коштотностей України*, Київ 2007, с. 163, 408–409.

¹⁷ В. В. Отрошенко, Ю. Я. Рассмакин, *Половецкий комплекс*, с. 25, 32, 34.

¹⁸ Г. Ф. Коржухина, *Русские клады*, с. 92, 108, табл. XIV, XXXIX.

¹⁹ М. В. Седова, *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.)*, Москва 1981, с. 94–95; Ю. М. Лесман, *Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.)*. Введение, [in:] *Материалы по археологии Новгорода*. 1988, Москва 1990, с. 43, 91.

²⁰ М. В. Седова, *Ювелирные изделия*, с. 96.

Висячий замок (номер кат. 7; *ил. 5a, 5c*) и ключ (номер кат. 8; *ил. 5b, 5c*) принадлежат к типу Б по классификации Бориса Колчина. Ими пользовались с начала XII века до середины XIV века²¹. Они также были импортированы в кочевническую среду из Руси.

Мало характерные янтарные бусины (номер кат. 11–13; *ил. 7*), скорее всего из украинских месторождений янтаря, не вносят ничего существенного в изучение проблемы датирования росавского могильника.

Подвеска из раковины морской улитки (номер кат. 14; *ил. 8a*) это характерный элемент конского убранства Восточного Причерноморья. Похожие на росавскую подвески известные из могильников в Чайке и Архип-Осиповке²². К этому роду артефактов нельзя относиться как к хронологическим индикаторам, а датировать их следует XI–XIII веками.

Наконечники копья встречаются в курганах степных народов в небольшом количестве²³. Из Росавы нам известен только один экземпляр (номер кат. 15; *ил. 9a*), который относится к V типу по классификации А. Кирпичникова. Похожие наконечники считаются характерным оружием конных воинов. Они были известны уже в X–XI веках, а в XII–XIII столетиях составляли половину из древнерусских копейных наконечников. И как раз из XII – XIII веков происходит изучаемый образец из русско-кочевничьего пограничья.

Наконечники стрел в археологических памятниках кочевников находят в большом количестве. В настоящей статье представлены четыре избранные образцы из росавского комплекса. Три из них [номер кат. 16–18; *ил. 8b–d*] принадлежат к типу 40 по классификации Александра Медведева и датируются X–XIV веками²⁴, а четвёртый [номер кат. 19; *ил. 8e*] – приближенный к типу 65. Форма его наконечника возникла, возможно, под монгольским влиянием в первой половине XIII века²⁵.

Сабля являлась распространенным оружием прямо символом средневековых кочевников восточноевропейской Степи. Поэтому не удивляет присутствие нескольких сабель в росавских курганах. Единственный сохранившийся экземпляр (номер кат. 24; *ил. 12*) имеет клинок, который причисляется к форме 5 и датируется второй половиной XII – XIV веками (а возможно – и позднее), или к форме 6, датируемой XIII веком, по классификации Александра Евглевского и Татьяны

²¹ А. С. Хорошев, *Замки, ключи и замочные принадлежности*, [in:] *Древняя Русь. Быт и культура*, ред. Б. А. Кольчин и Т. И. Макарова, Москва 1997, с. 14–15, 251.

²² Е. А. Армарчук, *Конская упряжь*, с. 104, 222.

²³ W. Świątosławski, *Uzbrojenie koczowniców*, s. 35.

²⁴ А. Ф. Медведев, *Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв.*, Москва 1966, с. 64–65.

²⁵ См.: *Ibidem*, с. 75.

Потемкиной²⁶. Что же касается перекрестья сабли, то по классификации А. Кирпичникова оно относится к типу II, распространенному в XI–XIII веках²⁷.

Следует отметить один из способов орнаментации росавских артефактов, т. е. простые геометрические нарезки. В таком стиле украшены: наконечник копья (номер кат. 15; *ил. 9a*), стремя (номер кат. 20; *ил. 9b, 10a*) и удило (номер кат. 22; *ил. 9d, 10b*). Возможно, более детальный анализ предметов сходной стилистики разрешит сделать выводы относительно территории и времени их распространения.

При современном состоянии изучения проблемы – вопреки мнению Э. Домбровской – следует принять, что в росавских курганах погребены представители половецкой элиты²⁸. Среди представленных памятников нет достоверных – за исключением шейной гривны – индикаторов датирования, однако кажется логичным, что датировку погребений можно ограничить первой половиной XIII века (верхняя граница может датироваться временем занятия Киева и соседних территорий войсками Бату-хана). Много предметов, найденных в росавских курганах, это изделия русских ремесленников, что свидетельствует о значительном влиянии культуры русских княжеств на кочевников европейской части Большой Степи. Надеюсь, что мое предположение – в особенности касающееся датировки погребений – будет подтверждено типологическими и хронологическими анализами, в том числе естественными методами, новых археологических находок с территории на север от реки Рось.

Каталог артефактов:

1. Железное удило – двухчленное, очень большие колеса (для прикрепления вожжей и ремней оглозья) в разрезе с плоской, прямоугольной рамой, пруты межзубья в разрезе четырёхугольные с округленными краями; состояние – среднее (один из членов менее поврежденный, чем второй); размеры: длина – 27,3 см, длина межзубья – 15,4 см; внешний диаметр колес – 7,2 и 6,8 см; ширина рамы колес – 0,9 и 0,8 см; толщина рамы колес – 0,35 и 0,3 см; разрез прутков межзубья – ок. 0,6х0,6 см; вес – 92,2 г; возможно из кургана 4; инвентарный номер МАК/3802; *ил. 2a*.

2. Железная кольчуга из больших колец – сохранённая частично, в относительно хорошем состоянии, в форме вытянутой нерегулярной глыбы; размеры: ок. 25,5х12,6х9,3 см; внешний диаметр кольца – 1,6–1,8 см; ширина проволоки – ок. 0,4 см; толщина проволоки – ок. 0,2–0,3 см; вес – 1714 г; возможно, из кургана 4 (заметка Э. Витковского „сетка из колец и как в клуб свернутая”, не учтённая в разработке Э. Домбровской); инвентарный номер МАК/3802; *ил. 2b*.

²⁶ А. В. Евглевский, Т. М. Потемкина, *Восточноевропейские позднекочевнические сабли*, „Степи Европы в эпоху средневековья”, 1, 2000, с. 123, 145.

²⁷ А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв.*, Москва–Ленинград 1966, с. 63, 69.

²⁸ Шире об этом, см. статью А. Голембовской-Тобиаш, *Позднекочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Сравнительный анализ* в настоящем томе.

3. Железное стремя – арочной формы суживающееся к подножке, остро увенчанное, отверстие на путлице почти прямоугольное (короткие края заокругленные), горизонтальная, плоская, овальная подножка, с рёбрышком укрепляющим снизу, на линии плеч, на внешней поверхности арки икрустация жёлтым металлом (орнамент маленьких колец, у подвеса тоже растительно-геометрический); состояние – хорошее (поверхностные убытки, слабо видимый орнамент); размеры: высота – 13,0 см; ширина – 13,4 см; ширина подножки – 10,2 см; глубина подножки – 6,0 см; диаметр плеч арки в самом широком месте стремени – 0,8 см; высота ушка (арки у отверстия) – 2,6 см; отверстие – 2,3х0,5 см; вес – 221,5 г; из кургана 15 (возможно идентичный с курганом 4); инвентарный номер МАК/3802; ил. 2с.

4. Серебряная шейная гривна – из мягко повернутого вокруг собственной оси прута (составной из двух пластин), суживающегося к концам, в передней части прямоугольного в разрезе, в задних частях с разрезом, похожим на кругообразный, выгнутым в очковатые концы; состояние – очень хорошее (видимые следы сковывания, убытки на одном из окончаний, маленький убыток в центральной части); размеры: длина прута – ок. 52,5 см; ширина (размах) – 23,1 см; прут посередине – ок. 0,6х0,95 см; внутренние диаметры очек – ок. 0,3–0,5 см; вес – 141,3 г; из кургана 6 (I); инвентарный номер МАК/3796; ил. 3.

5. Серебряный браслет – витый из двух угловатых проволок, концы склепаны в овальные плитки, украшенные камнями (лазурит?, сверху в виде капли) в обрамлении из пластинок, окруженной внизу филигранью (две витые проволоочки); состояние – хорошее (филигрань обрамления обоих камней сохранена приблизительно на 1/3; недостаток пластинки одной из оправок; посеревшие камни; остатки проволоочек на концах могут быть следами филигранного обрамления); размеры: диаметр (размах) – 8,2 см; диаметр обруча посередине – 0,75 см; наибольшая толщина проволоки – 0,4 см; ширина концов – 1,1 см; длина камней – 1,15 см; толщина камней – 0,5 см; вес – 62,2 г; из кургана 6 (I); инвентарный номер МАК/3796; ил. 4а.

6. Серебряный браслет – витый из двух угловатых проволок, концы склепаны в овальные плитки и украшены камнями (лазурит?, сверху в виде капли) в обрамлении из пластинок, окруженной внизу филигранью (две витые проволоочки); состояние – хорошее (недостаток одного из камней и его обрамления, от которого сохранилось свыше 2/3 филигрании; камень посеревший и порисованный; остатки проволоочек на концах могут быть следом филигранного обрамления); размеры: диаметр (размах) – 7,75 см; диаметр обруча посередине – 0,75 см; наибольшая толщина проволоки – 0,4 см; ширина концов – 1,1 см; длина камня – 1,2 см; толщина камней – 0,5 см; вес – 56,7 г; из кургана 6 (I); инвентарный номер МАК/3796; ил. 4б.

7. Железный висячий замок – покрытый медью, цилиндрический, с U-образной дужкой, оконченный приклепанными задирками (в форме V), на

боку дужки резанное украшение; состояние – плохое (очень большая убыль корпуса; недостаток фрагмента дужки); размеры: высота – 8,4 см; ширина – 4,0 см; высота корпуса – 6,2 см; высота дужки с задирами – 7,1 см; диаметр цилиндра корпуса – 2,3–2,4 см; вес (сохранённой части) – 45,2 г; из кургана 6 (I); инвентарный номер МАК/3796; ил. 5а, с.

8. Железный ключ к висячему замку – коленчатый, кругообразная плитка с крестовым отверстием (для сжатия задир дужки висячего замка) перпендикулярна к стержню, на плоском фрагменте стержня геометрическое резаное украшение, у держателя стержень в поперечном разрезе кругообразный; состояние – среднее (поверхностные убытки); размеры: длина – 11,1 см; плитка с отверстием – 1,9х1,75 см; длина отверстия – 1,25 см; ширина отверстия – 1,0 см; ширина плеч креста (отверстия) – 0,6 и 0,3 см; ширина стержня в плоской части – 0,75 см; толщина стержня в плоской части – 0,35 см; диаметр стержня у держателя – 0,6–0,7 см; высота кольца держателя – 1,2 см; ширина кольца держателя – 1,1 см; диаметр отверстия в держателе – ок. 0,55 см; вес – 19,8 г; из кургана 6 (I); инвентарный номер МАК/3796; ил. 5б, с.

9. Железное стремя – арочной формы с выделенным прямоугольным выступом для ушка, отверстие на путлице овальное, сплющенное, средней ширины, подножка горизонтальная, плоская, в форме вытянутого суживающегося овала у плеч; состояние – среднее (поверхностные убытки; щербина на подвесе); размеры: высота – 12,9 см; ширина – 12,7 см; глубина подножки – 4,3 см; ширина плеч арки – ок. 0,9 см; толщина плеч арки – ок. 0,5–0,6 см; высота ушка – 2,5 см; ширина ушка – 4,6 см; отверстие – 2,6х0,5 см; вес – 113,1 г; из кургана 7 (II); инвентарный номер МАК/3797; ил. 6а.

10. Железное стремя – арочной формы с выделенным прямоугольным выступом для ушка, отверстие на путлице овальное, сплющенное, средней ширины, подножка горизонтальная, плоская, в форме вытянутого суживающегося овала у плеч; состояние – среднее (поверхностные убытки; в подножке также насквозь); размеры: высота – 12,5 см; ширина – 12,1 см; глубина подножки – 4,6 см; ширина плеч арки – ок. 0,9 см; толщина плеч арки – ок. 0,6 см; высота ушка – 2,4 см; ширина ушка – 4,3 см; отверстие (сплющенный овал) – 2,7х0,5 см; вес – 115,8 г; из кургана 7 (II); инвентарный номер МАК/3797; ил. 6б.

11. Янтарная бусина – цилиндрическая, боковая стенка, верхняя и нижняя поверхности плоские, переход от стенки к обеим поверхностям округлый, боковая стенка матовая, верхняя и нижняя поверхности блестящие, коричневатый цвет (очень тёмный мёд); состояние – среднее (на боковой стенке и одной из поверхностей убытки); размеры: диаметр – 1,9–2,1 см; высота – 1,2 см; диаметр отверстия – 0,35 см; вес – 3,6 г; из кургана 8 (III); инвентарный номер МАК/3798; ил. 7а.

12. Янтарная бусина – плоская, нерегулярная, мягкие переходы от боков к верхней и нижней поверхностям, верхняя и нижняя поверхности блестящие,

остальная часть матовая, медовый цвет; состояние – очень хорошее (небольшие трещины на боковой части, старая убыль на одной из поверхностей); размеры: диаметр – 2,45–2,6 см; высота – 1,25 см; диаметр отверстия – 0,3 см; вес – 5,2 г; из кургана 8 (III); инвентарный номер МАК/3798; ил. 7б.

13. Янтарная бусина – плоско-бочковатая, бок мягко переходит в верхнюю и нижнюю поверхности, боковая поверхность матовая, верхняя и нижняя поверхности блестящие, медовый цвет; состояние – хорошее (на одной из поверхностей убыток у отверстия); размеры: диаметр – 2,1 см; высота – 1,15 см; диаметр отверстия – 0,35 см; вес – 3,2 г; из кургана 8 (III); инвентарный номер МАК/3798; ил. 7с.

14. Подвеска (конское украшение, амулет) – из обработанного фрагмента белой раковины морской улитки, посередине отверстие с бронзовой заклёпкой и фрагментом ремня с внутренней стороны; состояние – среднее (нехватка фрагмента?; поверхностные повреждения; недостаток головки заклёпки); размеры: высота – 11,5 см; ширина – 7,3 см; толщина стены раковины – ок. 0,6 см; из кургана 9 (IV); инвентарный номер МАК/3799; ил. 8а.

15. Железный наконечник копья – лезвие средней длины, в поперечном разрезе ромбовидное, со стороны втулки слабо разборчивое резанное геометрическое украшение, начало втулки профилируемое, у края втулки два доокольных резаных украшения и фрагменты гвоздя для прикрепления древка; состояние – хорошее (поверхностные убытки; большое отверстие на втулке и щербы у её края); размеры: длина – 24,15 см; длина втулки от шейки до лезвия – 9,8 см; длина втулки у шейки – 9,3 см; длина шейки – 0,5 см; лезвие в поперечном разрезе – до 1,4х1,1 см; внешний диаметр втулки у края – 3,5 см; толщина стены втулки – 0,2–0,3 см; вес – 137,1 г; из кургана 9 (IV); инвентарный номер МАК/3799; ил. 9а.

16. Железный наконечник стрелы – перо с почти прямыми, очень короткими нижними краями и длинными, легко дуговатыми выпуклыми сходящимися к вершине краями, в поперечном разрезе ромбовидный, с шейкой, кругообразным черешком в поперечном разрезе; состояние – среднее (значительные убытки на черешке, на краях и на поверхности); размеры: длина – 7,4 см; длина черешка – 1,9 см; длина шейки – 0,3 см; ширина пера – 1,3 см; толщина пера – 0,4 см; шейка в поперечном разрезе – 0,6х0,5 см; вес – 7,6 г; из кургана 9 (IV); инвентарный номер МАК/3799; ил. 8б.

17. Железный наконечник стрелы – перо о почти прямых, очень коротких нижних краях и длинных, мягко выпуклых, сходящихся к вершине концах, в поперечном разрезе ромбовидный, с шейкой, черешок в поперечном разрезе кругообразный; состояние – хорошее (щербы на краях); размеры: длина – 6,9 см; длина черешка – 2,9 см; длина шейки – 0,2 см; ширина пера – 1,2 см; толщина пера – 0,35 см; диаметр шейки – 0,5 см; вес – 4,8 г; из кургана 9 (IV); инвентарный номер МАК/3799; ил. 8с.

18. Железный наконечник стрелы – перо о почти прямых, очень коротких нижних краях и длинных, мягко выпуклых, сходящихся к вершине концах, в поперечном разрезе ромбовидный, с шейкой, черешок в поперечном разрезе кругообразный; состояние – среднее (нехватка вершины и конца черешка; один бок отчётливо повреждённый; с одной стороны расщепленный в результате коррозии слой металла; поверхностные убытки); размеры: сохраненная длина – 6,45 см; длина черешка – 2,0 см; длина шейки – 0,3 см; сохраненная ширина пера – 1,2 см; толщина пера на высоте расщепления – 0,5 см; вес – 6,7 г; из кургана 9 (IV); инвентарный номер МАК/3799; ил. 8d.

19. Железный наконечник стрелы – перо ланцетовидное, в поперечном разрезе между ромбовидным и линзообразным, слабо обозначенная шейка, черешок в поперечном разрезе кругообразный; состояние – среднее (отчетливый убыток на одном из боков; небольшие поверхностные убытки); размеры: длина – 8,6 см; длина черешка – 4,5 см; длина шейки – ок. 0,5 см; сохраненная ширина пера – 1,0 см; толщина пера – 0,4 см; диаметр шейки у черешка – 0,7 см; вес – 6,1 г; из кургана 9 (IV); инвентарный номер МАК/3799; ил. 8e.

20. Железное стремя – арка в форме острой дуги, окончание плеч „колючками” ниже подножки, невыделенный подвес, отверстие на путлице широкое, овальное, сплющенное, горизонтальная, плоская подножка, ромбовидная, на плечах и подножке резанные геометрические украшения (чёрточки); состояние – хорошее (поверхностные убытки); размеры: высота – 13,5 см; ширина – 12,5 см; глубина подножки – 3,8 см; ширина плеч арки – ок. 0,8 см; толщина плеч арки – до 0,8 см; высота подвеса (арки у отверстия) – 2,8 см; отверстие (сплющенный овал) – 3,9x0,8 см; вес – 172,1 г; из кургана 9 (IV); номер инвентарный МАК/3799; ил. 9b, 10a.

21. Железное стремя – кругообразное в боковом разрезе, остро увенчанное, невыделенный подвес, отверстие на почти прямоугольном путлице (округленные короткие боки), подножка выгнутая полукругом, в форме вытянутого суживающегося к плечам овала, у внешней стороны у перехода плеч в подножку отдельные шишки; состояние – хорошее (поверхностные убытки); размеры: высота – 12,9 см; ширина – 13,4 см; глубина подножки – 4,3 см; диаметр плеч арки в центральной части – 1,0 см; высота подвеса (арки у отверстия) – 2,0 см; отверстие – 3,1x0,6 см; вес – 192,1 г; из кургана 9 (IV); номер инвентарный МАК/3799; ил. 9c.

22. Железное двухчленное удило – небольшие колеса (для прикрепления вожжей и ремней оловья) в кругообразной раме в разрезе, пруты межзубья в разрезе четырёхугольные с округленными краями, внешние концы прутков сформированные в закрытые кольца, на колесах и межзубье геометрический резаный орнамент; состояние – среднее (недостаток фрагмента внутреннего кольца одного из прутков; поверхностные убытки; слабо разборчивое украшение); размеры: длина – 24,0 см; длина межзубья – 17,4 см; внешний диаметр колес – 4,2 см; ширина рамы колес – 0,75 см; толщина рамы колес – 0,7 см; разрез прутков межзубья – ок.

0,9x0,9 см; диаметры звеньев на концах прутов – ок. 1,8 см; вес – 116,0 г; из кургана 9 (IV); инвентарный номер МАК/3799; ил. 9d, 10b.

23. Бронзовый браслет – витый из тройной проволоки, окончания в форме петель, перерезанных свободными концами проволоки; состояние – очень хорошее; размеры: диаметр (размах) – 6,9 см; диаметр обруча посередине – 0,7 см; диаметр проволоки – 0,3 см; вес – 34,9 г; из кургана 14 (VIII); инвентарный номер МАК/3615; ил. 11a.

24. Бронзовый браслет – витый из тройной проволоки, окончание в форме петель перерезанных свободными концами проволоки; состояние – очень хорошее; размеры: диаметр (размах) – 7,2 см; диаметр обруча посередине – 0,7 см; диаметр проволоки – 0,3 см; вес – 34,8 г; из кургана 14 (VIII); инвентарный номер МАК/3615; ил. 11b.

25. Железная сабля – длинная, клинок с небольшой кривизной (очень мягко дугообразная), узкая, перекрестье прямое с расширяющимися боками ромбовидной формы, на перекрестье бронзовая бляшка, стержень направленный в противоположную сторону от кривизны клинка (незначительный уклон); состояние – относительно хорошее (поверхностные убытки на клинке, стержне и перекрестье; щербинки на лезвии, тыльной стороне клинка и на перекрестье; недостаток части стержня и облицовки рукоятки; фрагменты двух заклёпок) с фрагментами ножен (железные оковки) в двух местах; размеры: длина – 105,3 см; длина клинка – 98,7 см; ширина клинка с фрагментом ножен – 3,1 см; ширина клинка – до 2,8 см; толщина клинка – до 0,7 см; сохранённая длина перекрестья – 8,7 см; сохранённая высота перекрестья – 1,6 см; ширина перекрестья – 1,9 см; овальное отверстие в перекрестье – 4,3x1,6 см; вес – 774,4 г; нет уверенной принадлежности к кургану; инвентарный номер МАК/4215; ил. 12.

*

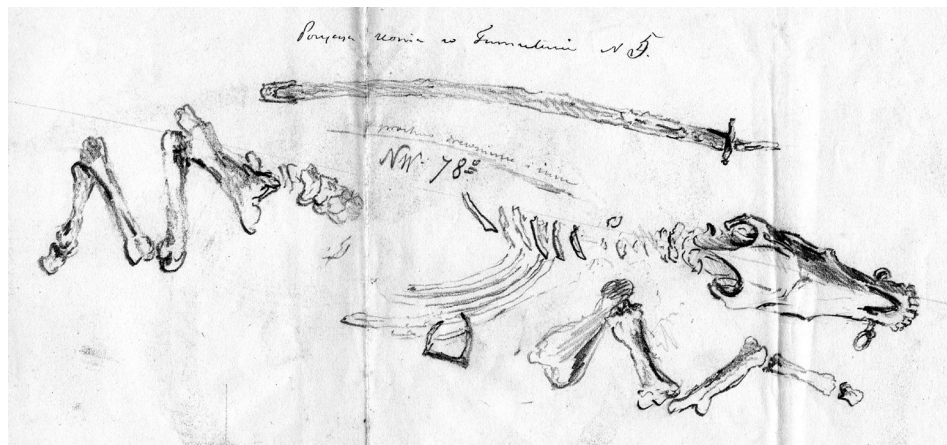
Radosław Liwoch, *Late-nomadic cemetery in Rosava. New interpretation. Catalogue of selected artefacts*

The paper discusses selected, well-preserved artefacts, which Edward K. Witkowski gave in 1876 to the Archaeological Museum in Krakow. There are presented: 1 silver necklace, 2 silver bracelets, 2 bronze bracelets, 3 amber beads, 1 sea snail shell pendant, 1 iron padlock, 1 iron padlock key, 1 iron hauberk, 1 iron saber, 1 iron spearhead, 4 iron arrowheads, 5 iron stirrups, 2 iron bits. They come from the Cuman elite cemetery in Rosava near Myronivka (Kyiv region, Ukraine), which can be dated to the first half of the 13th century. Among the artefacts, found in the barrows, there are numerous artefacts of the Old Rus' craftsmanship. This confirms the great influence of the Rurikids duchies culture on their neighbours, nomads of the European part of the Great Steppe.

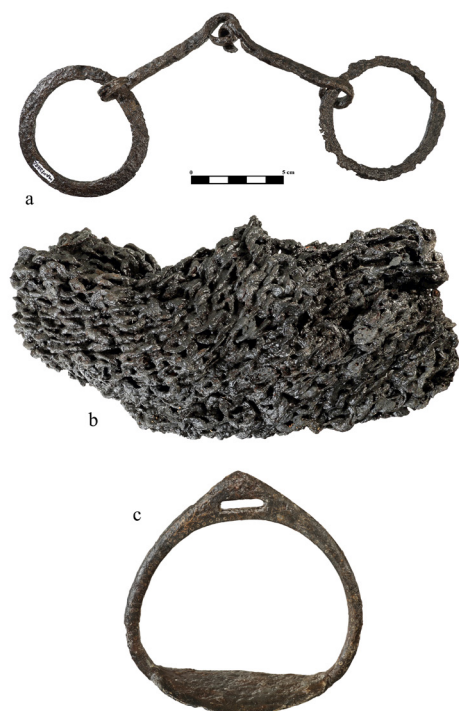
*

Radosław Liwoch, *Późne nomádské pohřebiště v Rosavě. Nová interpretace. Katalog vybraných artefaktů*

Studie se zabývá vybranými, dobře zachovanými artefakty, které věnoval Edward K. Witkowski v roce 1876 Archeologickému muzeu v Krakově. Představeny jsou: 1 stříbrný náhrdelník, 2 stříbrné náramky, 2 bronzové náramky, 3 jantarové korálky, 1 přívěsek z mořských ulit a mušlí, 1 železný zámek, 1 železný klíč k zámku, 1 železné kroužkové brnění, 1 železná šavle, 1 železný hrot kopí, 4 železné hroty šípů, 5 železných třmenů, 2 železná udidla. Pocházejí z kumánského elitního pohřebiště v Rosavě poblíž Myronivky (Kyjevská oblast, Ukrajina), které lze datovat do první poloviny 13. století. Mezi artefakty nalezenými v mohylách nacházíme celou řadu dokladů starorusínských řemesel. To potvrzuje velký vliv rurikovských knížat na jejich sousedy, nomády evropské části Velké stepi.

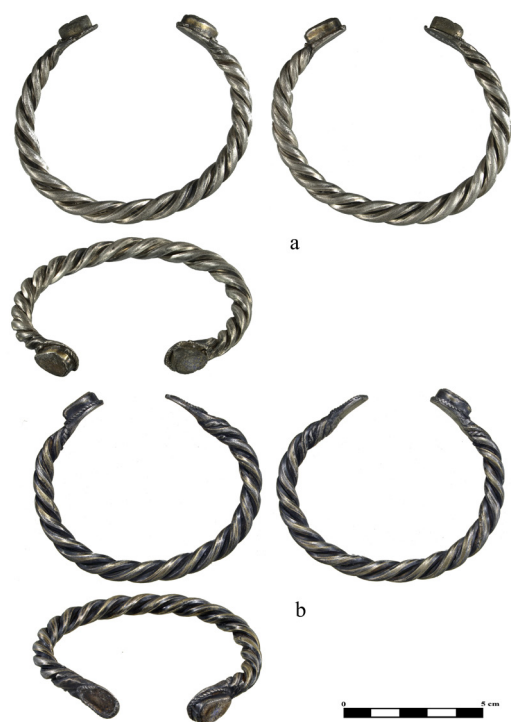
Ил. 1. Внутренняя часть кургана 5. Рисунок Э. Витковского 1858 г. Архив Археологического музея в городе Кракове.

Ил. 2. Удило, кольчуга и стремя, возможно из кургана 4 в Росаве. Фот. А. Сусул.

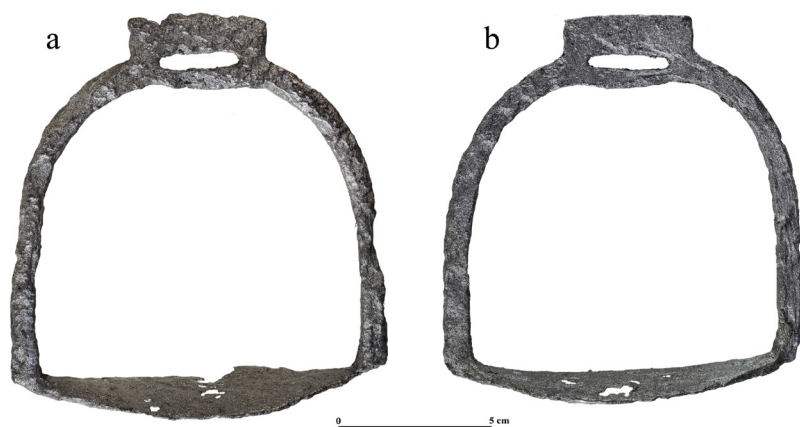
Ил. 3. Шейная гривна из кургана 6 (I) в Росаве. Фот. А. Сусул.

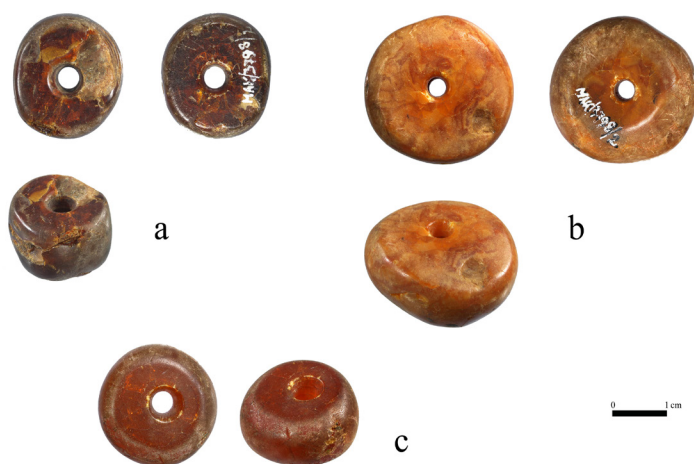
Ил. 4. Браслеты из кургана 6 (I) в Росаве. Фот. А. Сусул.

Ил. 5. Висячий замок и ключ к нему из кургана 6 (I) в Росаве. Фот. А. Сусул.

Ил. 6. Стремена из кургана 7 (II) в Росаве. Фот. А. Сусул.

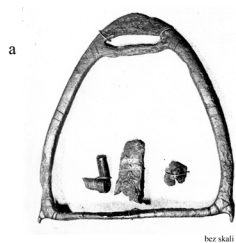
Ил. 7. Бусины из кургана 8 (III) в Росаве. Фот. А. Сусул.

Ил. 8. Подвеска и наконечники стрел из кургана 9 (IV) в Росаве. Фот. А. Сусул.

Ил. 9. Наконечник копья, стремяна и удило из кургана 9 (IV) в Росаве. Фот. А. Сусул.

Ил. 10. Стремя и удило из кургана 9 (IV) в Росаве.
Архивная фот..

Ил. 11. Браслеты из кургана
14 (VIII) в Росаве. Фот. А. Сусул.

Ил. 12. Сабля из кургана в Росаве. Фот.
А. Сусул.

Анета Голембьовская-Тобиаш
(Пльзень)

Позднекочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Сравнительный анализ

В приграничном регионе половецкие элиты хоронили своих умерших на отдельных родовых могильниках, хотя недалеко функционировали более старые печенежские и торкские некрополи. Прекрасным примером распространения такой традиции является Поросье, которое было буферной зоной между южными русскими княжествами и черноморскими степями. Использование гробовой архитектуры похожих конструкций, аналогические составы погребальных инвентарей, содержащие между прочим импорты и символы власти, а также параллельный канон погребальных обрядов наблюдаются во всей европейской части Деиш-и-Кипчак, которая в XI – первой четверти XIII века находилась под половецким контролем.

В конце 50-х годов XX века, когда Эльжбета Домбровская работала над артефактами из росавских погребений, которые почти не пострадали во время военных действий¹, ученые только начали формировать научно-исследовательскую базу, позволяющую изучать сложные вопросы происхождения, истории и археологии поздних кочевых народов. Именно этим объясняется несколько интуитивный анализ и датирование памятника в Росаве. Э. Домбровская датировала росавские могильники последней четвертью XII – первой половиной XIII века и приписывала их берендейской аристократии².

Находки, происходящие из росавского могильника, требуют более детального рассмотрения, хронологической и „этнической” систематизации, поскольку они отличаются практически полной сохранностью и отличным документированием.

¹ Конечно, принимая во внимание артефакты, переданные Е. Витковским Археологическому Музею Академии Умений в Кракове (ср.: E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, „Archeologia. Rocznik Instytutu Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk”, 8, 1956, 1, s. 123).

² Ibidem, s. 158.

Светлана Плетнева, работая над докторской диссертацией, исследовала материал, обнаруженный в результате проведённых в конце XIX века Николаем Бранденбургом археологических раскопок. На этой основе она выделила типы погребений, которые приписала особым тюркским федерациям, появившимся в степях юго-восточной Европы между IX и XI веками³. По мнению исследовательницы, половецкие погребения характеризовались следующими признаками:

1) Покойных мужчин и женщин хоронили двумя способами. Первый – выкапывали могильную яму, а над *захоронениями* сооружали курганы, которые, как правило, характеризовались земляной *насыпью* с примесью натурального камня, каменным панцирем или мощением. Второй – для захоронений *этого* типа характерно использование впускного гроба, который *вкапывали* в насыпь более раннего кургана.

2) В погребальную камеру вдоль длинной стенки ямы вел вход. *Могильная яма* имела *прямоугольную* или овальную *форму*. Захоронение закрывалось или отделялось от вертикальной входной шахты.

3) Погребённого хоронили в камере, опалубленной плахами или тонкими брёвнами. Доски клали поперёк или вдоль тела покойного (решетчатые гробовища или дощатые гробы). Этот тип гробов содержал крышку из досок либо погребённый был покрыт тканью. Иногда использовались саркофаги-колоды с крышками, выдолбленными из брёвен.

4) Погребение ориентировано головой на восток с сезонными отклонениями.

5) Умерший был положен на *спине*, *руки* вытянуты *вдоль тела*.

6) В отдельной яме, на земляной ступеньке, находился полный скелет снаряженной лошади. Захоронение коня размещалось обычно над погребением человека. Лошадь находилась с левой стороны и была ориентирована лбом на восток, реже коня укладывали с правой стороны от умершего с противоположной ориентацией. Были также обнаружены захоронения анатомических частей лошадей. Иногда в могилах *отсутствовали* как *погребения* взнузданных лошадей, так и предметы *конского* снаряжения, хотя человеческие захоронения сопровождались *богатым инвентарём*.

7) В конском *снаряжении* встречаются исключительно двусоставные удила.

8) Хронология *погребений охватывает период от конца XI по конец XIII века*, включая *начало XIV века*.

9) Пользуясь некоторыми результатами антропологических исследований, С. Плетнева не указала антропологического типа населения, но предполагала, что они были европеоидами.

³ С. А. Плетнева, *Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях*, [in:] *Труды Волго-Донской экспедиции*, т. 1, ред. М. И. Артамонов, Москва–Ленинград 1958, с. 173–182 [Серия: *Материалы и исследования по археологии СССР*, т. 62].

10) Распространение этого вида погребений фиксируется в степной полосе с запада на восток, от Днестра до Волги. В это время возникли отдалённые от этой территории *зоны*, на границах степи, к которым принадлежат памятники в Поросье (напр. могильники Зелёнки, Таганча, Росава).

11) В *отличавшихся* богатством *погребального инвентаря* захоронениях находили: в женских – украшения головных уборов „рога” и зеркала, в мужских – кольчуги и сёдла.

С. Плетнева анализировала погребения с территории *черноморских степей* периода стабилизации политической и экономической жизни кочевников на занятых половецкой федерацией (объединением) землях Восточной Европы. Канон погребальной обрядности в среде элит вооружённых всадников уже сформировался, хотя был неоднороден и отличался от выделенной исследовательницей схемы похоронных обрядов, приписываемых половцам. На это указывает анализ *погребального обряда*, основанный на новейших открытиях погребальных памятников, который корректирует результаты работ С. Плетневой. *Ритуалы*, очевидно связанные с погребальной обрядностью половецкой аристократии, включали западную ориентацию захоронения, опалубливание деревом или камнем погребальной камеры, положение тела на повозки или в гробы (решетчатые гробовища, саркофаги-колоды), погребение частей туши коня или *отсутствие* в могилах лошадей. Именно эти особенности были наиболее *характерны* для элит после завоевания половецко-кимакскими номадами степной зоны Европы.

Принимая во внимание ориентацию захоронений лошадей в погребениях Росавы, задокументированных Едвардом Витковским *in situ*, очевидно предпочтение западной ориентировки целых костяков животных, расположенных в анатомическом порядке, по ориентации человеческих захоронений в женских (к. 6⁴), и мужских (к. 7⁵) гробах. К сожалению, не сохранилась информация о том, в каком положении находились скелеты лошадей в погребениях мужчин в курганах 2⁶, 3⁷, 4⁸ и в ограбленном кургане 5⁹. Задокументированные погребения целых лошадей, а также их останков, расположенных в анатомическом порядке, во всей западной полосе Дешт-и-Кипчак показывают, что в половецкой среде предпочтительной была западная ориентация туши верхового коня¹⁰ (ср. женские погребения

⁴ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 127.

⁵ Ibidem, s. 129.

⁶ Ibidem, s. 124.

⁷ Ibidem, s. 125.

⁸ Ibidem, s. 126.

⁹ Ibidem, s. 127.

¹⁰ Учтено сезонные отклонения в западном направлении. Западная ориентация погребения лошади, вероятно, была определена верованием тюркских народов, согласно которому именно на западе нужно искать землю умерших предков (ср.: Э. А. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова, *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир*. Новосибирск 1988, с. 100).

ния Беленькое п. 1 к. Острая Могила¹¹, Белозерский Лиман п. 2 к. 10¹², Большемихайловка п. 2 к. V гр. I¹³ и Большемихайловка п. 1 к. IV гр. I¹⁴, Малокатериновка п. 2 к. 9 гр. Высокая Могила¹⁵, Марьина Роща п. 1 к. 5 гр. I¹⁶, Соколово п. II к. 3 гр. IV¹⁷, Фашевка к. 1¹⁸, Саркель – Белая Вежа п. 56 насып 19/1¹⁹, парный гроб: Каменка к. 1 гр. II²⁰, мужские погребения: Белозерский Лиман п. 4 к. 2²¹ и п. 1 к. 5²², Богдановка п. 1 к. 10 гр. 4²³, Большемихайловка п. 2 к. IV гр. II²⁴, погребение кузнеца: Васильевка²⁵, Дмитревская п. 2 к. I гр. I и п. 1 к. IV гр. I²⁶, Золотая Коса к. 1 и к. 3²⁷, Никифорово²⁸, Николаевка п. 10 к. 2²⁹, Первомаевка³⁰, Поливановка

¹¹ З. Х. Попандопуло, *Курганный могильник у с. Беленькое, «Древности степного Причерноморья и Крыма»*, 5, 1995, с. 128.

¹² А. Г. Плешивенко, *Средневековые памятники у Белозерского Лимана*, «Музейний Вісник. Науково-теоретичний щорічник», 7, 2007, с. 39.

¹³ В. Н. Шалобудов, В. Н. Яремака, *Кочевнические захоронения X–XII вв. на р. Волчьей*, «Проблемы археологии Поднепровья», 2, 1986, с. 147.

¹⁴ Ibidem, с. 151.

¹⁵ А. Г. Плешивенко, *Курганы села Малокатериновка*, Запорожье 1996, с. 16.

¹⁶ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения, открытые новостроечными экспедициями ДГУ в 1972–1999 гг.*, «Проблемы археологии Поднепровья», Днепропетровск 2012, с. 15 (<http://swordmaster.org/2013/05/10/neopublikovannye-kochevnicheskie-pogrebeniya-otkrytye-novostroechnymi-ekspediciyami-dgu-v-1972-1999-gg.html> [10.01.2017]).

¹⁷ В. Н. Шалобудов, *Позднекочевнические погребения с керамикой (по материалам экспедиции ДГУ)*, «Проблемы археологии Поднепровья», вып. без номера, 1993, с. 96, рис. 2.1.

¹⁸ Н. А. Кравцова, *Погребение половчанки у с. Фашевка Луганской области*, [in:] *Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали II-ї Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої 85-річчю Луганського обласного краєзнавчого музею*, Луганськ 2005, с. 177.

¹⁹ С. А. Плетьева, *Кочевнический могильник близ Саркеля–Белой Вежи*, [in:] *Труды Волго-Донской Археологической экспедиции*, т. 3, ред. М. И. Артамонов, Москва–Ленинград 1963, с. 237 (Серия: *Материалы и исследования по археологии СССР*, т. 109).

²⁰ В. А. Косиков, В. К. Гриб, *Парное кочевническое погребение из кургана у села Каменка в Донецкой области*, «Советская археология», 2, 1985, с. 257.

²¹ А. Г. Плешивенко, *Средневековые памятники у Белозерского Лимана*, с. 34, рис. 3.1.

²² Ibidem, с. 37.

²³ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 19.

²⁴ В. Н. Шалобудов, В. Н. Яремака, *Кочевнические захоронения*, с. 144, рис. 2.1.

²⁵ С. Н. Кравченко, *Погребение половецкого ремесленника-кузнеца на Лысой Горе*, [in:] *Тезисы докладов областного научного семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе (23–24 апреля 1987 г.)*, Донецк 1987, с. 99.

²⁶ У. Ю. Кочкаров, *Позднеполовецкие погребения всадников в краснодарском крае*, «Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук», 217, 2004, с. 95, рис. 1; с. 101, рис. 4.

²⁷ В. А. Ларенок, *Средневековые комплексы из раскопок братьев Миллеров в начале XX в.*, «Донская археология», 1, 1998, с. 84–85.

²⁸ О. Я. Привалова, *Богатые кочевнические погребения из Донбасса*, «Археологический Альманах», 7, 1988, с. 157.

²⁹ Eadem, *Курганы бассейна Мокрой Волновахи (северо-восточное Приазовье)*, «Курганы Донбасса. Археологический альманах», 14, 2003, с. 164.

³⁰ І. М. Самойловський, *Половецький курган на Нижньому Дніпрі*, «Археологія», 5, 1972, с. 107, фот. 1.

п. 2 к. 2 гр. 22³¹, Редкодуб I к. 3³², Русский Колодец п. 12 к. VII/1 и п. 11 к. VII/2³³, Самойлово п. 2 к. 2³⁴, Саркель – Белая Вежа п. 18³⁵, Терны п. 1 к. 6 гр. 1 и п. 3 к. 8 гр. 1³⁶, Цемдолина п. 16 i 21³⁷, Чокурча³⁸, Красный к. 5³⁹, Красный к. 6 и к. 7⁴⁰).

В погребениях половчанок, происходивших из элитной прослойки общества, обнаружены браслеты, сделанные, скорее всего, под заказ в русских ремесленных мастерских. Это были кручёные, металлические, как правило, серебряные, овальноконечные браслеты, с гнездами для вставок, украшенными в технике скани, чеканки и черни⁴¹, и пластинчатые браслеты из бронзы или серебра, украшенные в различной ювелирной технике⁴². Браслеты первого типа развились из менее сложных образцов, использованных русскими боярынями с начала X века. Во второй половине XI века это были плетеные украшения, сделанные из массивной серебряной проволоки, украшенные сканью, зернью и геометрическим орнаментом в технике черни⁴³. Почти сразу же они появились в «степных» вариантах, отличающихся только тем, что в гнездо петлевидного окончания вставлен лазурит, любимый камень половчанок. Эти браслеты были также популярным изделием в первой половине XII века и стали одним из характерных предметов роскоши, *произведённых* русскими ювелирами для княжеских дворов и, вероятно, для круга половецкой аристократии. Эти украшения были найдены в женских погребениях, расположенных, в основном, вблизи Киева, в Поросье (Росава к. 6⁴⁴, Росава п. 1 к. 8⁴⁵, Росава к. 14⁴⁶). Один браслет был обнаружен в бассейне р. Кальмиус (Но

³¹ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 10.

³² В. П. Гебов, В. В. Яценко, *Позднекочевническое погребение на севере Ростовской области*, «Донская археология», 1, 1998, с. 46, рис. 1.

³³ Л. С. Илюков, Л. М. Казакова, *Курганы Миусского Полуострова*, Ростов-на-Дону 1988, с. 116–117.

³⁴ М. Л. Швецов, *Курганы у с. Самойлово (бассейн Грузского Еланчика, северо-восточное Приазовье)*. «Курганы Донбасса. Археологический Альманах», 14, 2003, с. 244.

³⁵ С. А. Плетнева, *Кочевнический могильник близ Саркеля–Белой Вежи*, с. 233.

³⁶ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 13.

³⁷ Е. А. Армарчук, А. А. Малышев, *Средневековый могильник в Цемесской Долине*, «Историко-археологический альманах», 3, 1997, с. 93, таб. 1.

³⁸ Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский, *Погребения поздних кочевников в степном Крыму*. «Археологические исследования средневекового Крыма», 1968, с. 190, рис. 8.

³⁹ Погребения из Чокурчи и Красный к. 5 – были ориентированы на юго-запад. Ibidem, с. 195.

⁴⁰ Ibidem, с. 195.

⁴¹ Г. Ф. Корзухина, *Русские клады IX–XIII вв.*, Москва–Ленинград 1954, табл. V, XIII.2, XIV.1–3, XXIX.11–12, 15, XXX.4, XXXI.5–6, XLI.5–6, XLVII.6–7, LXII.1, 3, 6.

⁴² М. В. Седова, *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.)*, Москва 1981, 104, рис. 37.6, 37.12.

⁴³ И. В. Жилина, *История древнерусского металлического убора IX–XIII вв.*, [in:] *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Галины Фёдоровны Корзухиной. Санкт-Петербург. 10–16 апреля 2006 г.*, ред. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Мусин, Санкт-Петербург 2010, с. 186.

⁴⁴ E. Dąbrowska, *Kurhany rassaurskie*, s. 128.

⁴⁵ Ibidem, s. 131.

⁴⁶ Ibidem, s. 133.

воивановка⁴⁷). Экземпляр второго типа – серебряный лентовидный обруч – найден в погребении женщины из Саркеля п. 56 нас. 19/1⁴⁸. Образцы, изготовленные из бронзы, были выявлены в мужских могилах (Васильевка п. 6 к. 15⁴⁹, Красный к. 7⁵⁰).

Следующей категорией русских импортов, отличающих погребения богатых половчанок, были так называемые шейные гривны. Как следует из названия, это были шейные украшения, сделанные ювелирами из толстых металлических стержней, как правило, из бронзы или серебра. Стержни иногда делали тоньше к концам, которые оформляли в расклепанные петли, используемые для застегивания ожерелья. Чаше, однако, прут скручивали вокруг оси, чтобы создать эффект более или менее плотной спирали. В некоторых случаях были также обнаружены гривны, сплетенные из нескольких прутков. Бронзовые и серебряные гривны дополнительно покрывали позолотой. Очень редко встречаются чисто золотые ожерелья этого типа. Эти предметы преобладали в погребениях женщин. Их популярность, а также атрибуцию, очевидно, связанную с полом, подтверждает частое наличие этих украшений на антропоморфных стелах, изображавших покровительницу рода. Шейные гривны обнаружены на памятниках: Большая Белозерка п. 2 к. 11⁵¹, Волчанск⁵², Давыдовка⁵³ и в росавских курганах (к. 6⁵⁴, п. 1 к. 8⁵⁵). Шейные гривны и атрибуты власти – распрямленные гривны, показатели высокого социального положения, сохранились у покойных женщин в памятниках: Каменка к. 1 гр. II⁵⁶, Новоивановка⁵⁷, Саркель – Белая Вежа п. 56 насып 19/1⁵⁸ и Нижняя Козинка⁵⁹.

Категории артефактов, такие как металлические браслеты и шейные гривны, обнаруженные в кочевых погребениях, датируются XII – первой половиной XIII века.

⁴⁷ М. А. Швецов, *Погребение знатной половчанки*, „Археологический Альманах”, 30, 2013, с. 313, рис. 6.2.

⁴⁸ С. А. Плетнева, *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV–XIII века*, Воронеж 2003, с. 157.

⁴⁹ А. Г. Плешивенко, *О раскопках курганов в Васильевском районе Запорожской области*, Запорожье 1991, с. 33.

⁵⁰ Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский, *Погребения поздних кочевников*, с. 195.

⁵¹ Ю. В. Болтрик, В. В. Отрошенко, И. П. Савовский, С. М. Шелапов, *Работы скифского отряда Запорожской экспедиции. „Археологические открытия 1975 года”*, 1976, с. 307.

⁵² В. В. Дорофеев, *Охранные раскопки в Приазовье*, „Археологические открытия 1980 года”, 1981, с. 245.

⁵³ А. И. Кубышев, *Исследования Херсонской экспедиции*, „Археологические открытия 1986 года”, 1988, с. 300.

⁵⁴ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 128.

⁵⁵ Ibidem, s. 131.

⁵⁶ В. А. Косиков, В. К. Гриб, *Парное кочевническое погребение*, с. 261.

⁵⁷ М. А. Швецов, *Погребение знатной половчанки*, с. 308, 309, рис. 2.2, с. 311, рис. 4.

⁵⁸ С. А. Плетнева, *Кочевнический могильник близ Саркеля–Белой Вежи*, с. 237.

⁵⁹ А. А. Горбенко, В. А. Коренько, В. Е. Максименко, *Позднекочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка*, „Советская археология”, 1, 1975, с. 286.

Ювелирные изделия из янтаря относятся к шейным украшениям и амулетам. Янтарные бусы и подвески выполняли не только декоративную, но и магическую функцию. Бисер, в соответствии с тюркскими верованиями, был связан с магией плодородия. Из янтаря изготавливали бусины бочковидной или сферической формы. Для того, чтобы улучшить визуальные качества, янтарь обрабатывался шлифовкой. Были также экземпляры, сделанные в технике, похожей на технику фасетной огранки, благодаря чему бусина получала тетрагональное поперечное сечение (напр. Йосиповка п. 7⁶⁰). Экземпляры меньшего диаметра использовали в качестве бисера или как украшения кафтанов (Росава п. 8 к. 2⁶¹, Ромашкино к. 1⁶², Давыдовка к. 15⁶³, Каменка к. 1 гр. П⁶⁴). Из крупных кусков янтаря изготавливали подвески. В *поперечном разрезе* плоские подвески представляли собой *ромб* с асимметричным отверстием или сферические формы с просверленным центральным отверстием. Поверхность украшения тщательно отшлифована, боковые края отполированы, а иногда украшены канавками. Археологи обнаружили янтарные подвески в основном в гробах женщин высокого общественного положения (Ромашкино к. 1⁶⁵, Соколово п. II к. 3 гр. IV⁶⁶). Янтарные украшения русские купцы привозили в Крым и Предкавказье, а также на Северный Кавказ. Главным транзитным центром торговли, связывающим зоны Черного моря, города Византии и Кавказ в конце X – XII веках была Тмутаракань⁶⁷. В этой области янтарные бусы были найдены в погребениях воинов (Красный к. 2⁶⁸, Цемдолина п. 16⁶⁹). Во втором случае бусины были частью украшения конской сбруи.

Драгоценным камнем, выполняющим *магические* функции в тюркской среде, был лазурит (ляпис-лазурь). Из этого красивого, интенсивно синего, непрозрачного силиката производили трапезиевидные или треугольные, массивные подвески, с плоским или слегка линзообразным поперечным сечением, которые женщины носили в колье на шее. Они напоминали *схематические* антропоморфные фигуры. Согласно верованиям, они должны были защитить владельца от болезней и обеспечить ему благосклонность Небес. Может быть, они пришли из культа онгонов, *широко распространенного* среди народов Средней Азии⁷⁰. Возможно, что лазурит выполнял также роль символа семейного предка-покровителя,

⁶⁰ О. С. Беляев, И. О. Молодчикова, *Поховання кочівників на р. Орель*, „Археологія”, 28, 1978, с. 90.

⁶¹ E. Dąbrowska, *Kurhany rassaurskie*, s. 131, 166, tabl. VII.1, VII.10–12.

⁶² В. С. Ольховский, *Исследования в Сакском районе Крыма*, „Археологические открытия 1982 года”, 1984, с. 309.

⁶³ А. И. Кубышев, *Исследования Херсонской экспедиции*, с. 300.

⁶⁴ В. А. Косиков, В. К. Гриб, *Парное кочевническое погребение*, с. 260.

⁶⁵ В. С. Ольховский, *Исследования в Сакском районе*, с. 309.

⁶⁶ В. Н. Шалобудов, *Позднекочевнические погребения с керамикой*, с. 93.

⁶⁷ Е. П. Алексеева, *Находки славяно-русского облика X–XIV вв. на Северном Кавказе*, „Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии”, 1989, с. 106–107.

⁶⁸ Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский, *Погребения поздних кочевников*, с. 195.

⁶⁹ Е. А. Армарчук, А. А. Малышев, *Средневековый могильник в Цемесской Долине*, с. 106.

⁷⁰ Т. И. Макарова, *Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв.* „Археологический сборник”, 4, 1962, с. 133–134.

имеющего большое значение в духовной культуре половцев. Значительное место лазурита среди декоративных камней свидетельствует о том, что русские ювелиры, изготавливая серебряные браслеты для половецких принцесс, вставляли в гнезда этот специально импортированный минерал. Отличным примером инкрустации серебра лазуритом являются браслеты, обнаруженные в погребениях знатных аристократок из Росавы (к. 6⁷¹, п. 1 к. 8⁷²). В европейской части Дешт-и-Кипчак кольцо с лазуритными подвесками обнаружено на памятниках: Благовещенки п. 2⁷³, Давыдовка⁷⁴, Каменка к. 1 гр. II⁷⁵, Малокатериновка п. 2 к. 9⁷⁶, Павлоград п. 1 к. 4 гр. I⁷⁷, Покровское к. Е⁷⁸, Росава п. 2 к. 8⁷⁹. Одиночный грушевидный кулон был одним из предметов погребального инвентаря женщины из Удачного⁸⁰.

Из лазурита изготавливали вставки, которые использовались в качестве декоративного элемента при инкрустации металла. В Новоивановке в погребении аристократки обнаружены золотые украшения, описанные автором раскопок как броши⁸¹, хотя их форма указывает на использование их в качестве подвесок кольца. В оправу был вставлен ляпис-лазурь⁸². Серебряные серьги „половецкого типа” из Ясиноватой имели миндалевидные бусины из лазурита, вставленные в гнезда при помощи оправы в технике скани⁸³.

Лазуритовые украшения появились уже в начальной стадии миграции половецких орд, на что указывает ранняя датировка погребений (X век), расположенных в недавно заселенных районах. Они были частью женского погребального инвентаря на протяжении всего XII и первой половины XIII века, их распространение совпало со временем расцвета половецких объединений. Эти украшения исчезли из погребений половчанок после монгольского нашествия.

У тюркских народов раковины относятся к одному из атрибутов шаманского наряда. Согласно этнографическим данным, они символизировали женских небесных духов⁸⁴. В далеком прошлом шаманы часто проводили военные

⁷¹ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 128, rys. 3, 162, tabl. III.3.

⁷² Ibidem, s. 131, 166, tabl. VII.3–5.

⁷³ З. Х. Попандопуло, *Погребение с оружием и женскими украшениями*, [in:] *Международные связи в средневековой Европе. Тезисы научных докладов и сообщений областного научно-практического семинара (16–18 октября 1988 г.)*, Запорожье 1988, с. 47.

⁷⁴ А. И. Кубышев, *Исследования Херсонской экспедиции*, с. 300.

⁷⁵ В. А. Косиков, В. К. Гриб, *Парное кочевническое погребение*, с. 258.

⁷⁶ А. Г. Плешивенко, *Курганы села Малокатериновка*, с. 16.

⁷⁷ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 13.

⁷⁸ В. А. Ларенок, *Средневековые комплексы из раскопок*, с. 79.

⁷⁹ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 132.

⁸⁰ Б. Ю. Болтрик, *Раскопки курганов на Мелитопольщине*, „Археологические открытия 1985 года”, 1987, с. 308.

⁸¹ М. Л. Швецов, *Погребение знатной половчанки*, с. 308, с. 315, 312, рис. 5.1–3.

⁸² Idem, *Багате кочівницьке поховання з Донбасу*, „Археологія”, 13, 1974, с. 96.

⁸³ О. Я. Привалова, *Богатые кочевнические погребения*, с. 167.

⁸⁴ Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова, *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири*, с. 175–176.

экспедиции, возглавляя роды союзников⁸⁵. Позже главы родов одновременно выполняли функцию шаманов, следовательно, в их погребальном инвентаре присутствовали предметы *религиозного назначения*, такие как: лук и стрелы, котлы или, реже, ракушки⁸⁶.

Вполне возможно, что эту функцию исполнял тяжеловооруженный всадник, принадлежавший к правящей в Поросье элите половцев (Росава к. 9⁸⁷). Он носил на шее раковину-подвеску. К сожалению, шлифование верхнего слоя раковины в процессе ювелирной работы привело к утратам, которые делают невозможным установление вида моллюска. Так что не известно, принадлежала ли это раковина моллюскам из пресноводных или солоноватых водоёмов. Стоит отметить, что, например, раковины каури (*Cypraea moneta* и *Cypraea annulus*) использовались в качестве товарной валюты в Камской Болгарии в конце X века, так что они не имели магической коннотации⁸⁸. Погребение воина из Росавы может быть датировано XII–XIII веками, т. е. временем политического, социального и экономического расцвета половецкой федерации.

Зеркала принадлежали к конкретной категории предметов, которые ассоциировались с полом. В кочевническом мире они принадлежали исключительно женщинам. Об этом свидетельствуют не только находки погребального инвентаря, но и изображения на антропоморфных стелах, которые являются отличным источником иконографии в сравнительных исследованиях.

Зеркала были отлиты из бронзы, и эти бронзовые экземпляры являются наиболее распространенными памятниками данной категории (напр. Каменка к. 1 гр. II⁸⁹, Новоивановка⁹⁰, Петропавловка п. 2 к. 1 гр. 5⁹¹, Филатовка п. 2 к. 9⁹², Йосиповка п. 7⁹³, Ясиноватое II п. 2 к. 2⁹⁴). Они были распространены во время господства половцев в южнорусских *степях*, а также в период Золотой Орды.

⁸⁵ Л. Р. Кызласов, *О шаманизме древних тюрков*, „Советская археология”, 3, 1990, с. 261–262.

⁸⁶ Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова, *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири*, с. 140.

⁸⁷ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 132, 169, табл. X.1–2.

⁸⁸ *Tartarica*, ред. А. Г. Ситдинов, Москва–Казань 2013, с. 99 (Серия: *Атлас. Великий Болгар*).

⁸⁹ В. А. Косиков, В. К. Гриб, *Парное кочевническое погребение*, с. 252.

⁹⁰ М. Л. Швецов, *Погребение знатной половецкини*, с. 310, рис. 3.1.

⁹¹ В. Н. Шалобудов, *Ещё раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях*, [in:] *Исследования по археологии Поднепровья*, Днепропетровск 1990, с. 110.

⁹² С. С. Бессонова, Л. А. Черных, С. А. Купрый, *Курганы у с. Филатовка*, [in:] *Курганы степного Крыма*, Киев 1984, с. 59.

⁹³ О. С. Беляев, І. О. Молодчикова, *Поховання кочівників*, с. 89–90.

⁹⁴ С. Н. Ляшко, З. Х. Попандопуло, О. В. Дровосекова, *Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка)*, Запорожье 2004, с. 19.

Реже, несомненно, более ценные артефакты были сделаны из серебра (Лесное к. 5⁹⁵, Фашевка к. 1⁹⁶). К одиночным находкам можно отнести зеркала, изготовленные из меди или сплавов меди и серебра (Росава п. 2 к. 8⁹⁷).

В погребениях воинов обнаружены куски ткани – шелка и холста, которые описаны кратко, поэтому невозможно определить, какая это была часть одежды (Росава к. 7⁹⁸, Александровка п. 1 к. 2⁹⁹, Золотая Коса к. 1¹⁰⁰). Ткань, украшенная геометрическими узорами, была растянута на войлоке под телом погребенного в Дмитревской (п. 2 к. I гр. 1¹⁰¹). Среди элементов одежды, которые сохранились в хорошем состоянии в погребениях половчанок, были парчовые шапочки и шелковые или льняные части головного убора (напр.: Большемихайловка п. I к. 4 гр. I¹⁰², Филатовка п. 2 к. 9¹⁰³, Росава к. 6¹⁰⁴). Иногда это были также ленты и тесьмы (Росава к. 6¹⁰⁵).

Железные, покрытые медным листом и часто позолоченные шлемы, описанные в археологической литературе как шлемы „русского типа“, появились на Руси уже в X веке и очень быстро проникли в кочевническую среду¹⁰⁶. Эти импорты были обнаружены на территории Поросья (Таганча¹⁰⁷, Росава к. 4¹⁰⁸,

⁹⁵ М. Б. Цыбин, *Погребения средневековых кочевников X–XIV вв. в среднем Подонье*, „Советская Археология“, 3, 1986, с. 263.

⁹⁶ Н. А. Кравцова, *Погребение половчанки у с. Фашевка*, с. 177.

⁹⁷ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 131, 166, tabl. VII.13.

⁹⁸ Ibidem, s. 129. Возможно, этот материал был фрагментом хазаганда, потому что в захоронении обнаружено кольчугу, покрытую тканью (сравни: Ibidem). Хазаганд был видом легкого панциря. Чаще всего состоял из кольчужной рубахи или металлических пластин ламелляра, сшитых между слоями различных типов материалов (как правило, шелк) или мягких кож. Кроме того, слои переплетали шерстью или мехом. Хазаганд использовался в тюркской среде, на Ближнем Востоке и Персии (ср.: M. Andre-Driussi, *Lexicon Urthus. A dictionary for the Urth Cycle. Sirius Fiction*, Albany 2008, p. 192; О. В. Федоров, *Доспех типа казаганда в русском поместном войске начала XVII века*, [in:] *История военного дела: исследования и источники*, Специальный выпуск 5: *Стояние на реке Угре 1480–2015*, ч. 2, ред. К. В. Нагорный, В. В. Пенской, А. Н. Лобин, Санкт-Петербург 2016, с. 519). Позже хазаганд стал популярным в русских княжествах, на Кавказе, на Балканах, в Македонии. Он также использовался в Османской империи (Ibidem, s. 520–523).

⁹⁹ А. В. Прынь, *Погребение знатного половецкого воина из курганного могильника Александровка II в Донбассе*, „Матеріали та дослідження з археології Східної України“, 2, 2004, с. 313.

¹⁰⁰ В. А. Ларенок, *Средневековые комплексы из раскопок*, с. 84.

¹⁰¹ У. Ю. Кочкаров, *Позднеполовецкие погребения всадников*, с. 96.

¹⁰² В. Н. Шалобудов, В. Н. Яремака, *Кочевнические захоронения*, с. 150.

¹⁰³ С. С. Бессонова, А. А. Черных, С. А. Купрый, *Курганы у с. Филатовка*, с. 58.

¹⁰⁴ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 127–128.

¹⁰⁵ Ibidem, s. 128.

¹⁰⁶ А. Н. Кирпичников, *Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения*, Санкт-Петербург 2009, с. 9–12.

¹⁰⁷ W. Gawrysiak–Leszczyńska, K. Musianowicz, *Kurhan z Tabanicy*, „Archeologia Polski“, 57, 2002, 1–2, s. 289–290.

¹⁰⁸ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 126.

Росава к. 4а¹⁰⁹), среднего Поднепровья (Заможное¹¹⁰), в Крыму (Слиненко¹¹¹), на территории северного Причерноморья (Самойлово п. 2 к. 2¹¹²), Прикубани (Пролетарское¹¹³, Цемдолина п. 21¹¹⁴, Дмитревская п. 2 к. I гр. I¹¹⁵, Дмитревская п. 1 к. IV гр. I¹¹⁶, Дмитревская п. 2 к. IV гр. I¹¹⁷) и Подонья (Верхне-Янченкова¹¹⁸). Они попадали к владельцам путём торговли и, вероятно, грабежа. Шлемы „русского типа”, обнаруженные в половецких погребениях, датируются XII–XIII веками.

Кольчуги являются частью мужского погребального инвентаря. Краткость описаний или состояние объектов не всегда позволяет авторам раскопок определить место производства этой категории защитного оружия. Русским импортом могла быть, по мнению авторов находки, кольчуга из мужского погребения в Высочино к. 10¹¹⁹. Плетение и техника изготовления указывают на русское происхождение. Отличительной ее особенностью был меньший диаметр колец. Кольчуги, сделанные в технике „на гвоздь” (кольца обычно соединялись между собой с помощью заклёпанных нитей), появились около 1200 года и очень быстро проникли в среду кочевников¹²⁰. Из русских мастерских могли происходить кольчужные рубахи, которые *заказывали* молодые половецкие воины, кочевавшие в Поросье и, вероятно, подчиненные киевскими князьями (Росава к. 2¹²¹, Росава к. 3¹²², Росава к. 4¹²³, Росава к. 7¹²⁴, Росава к. 4а¹²⁵, Таганча¹²⁶). Техника изготовления указывает на импортируемые из Руси кольчужные рубахи в погребениях из Никифорова¹²⁷ и Дугино¹²⁸. Скопление предметов ремесла русских мастеров,

¹⁰⁹ Ibidem, s. 134, 171, tabl. XII.1–2.

¹¹⁰ В. В. Отрощенко, Ю. Я. Рассамкин, *Половецкий комплекс Чингульского кургана*, „Археология”, 53, 1986, с. 27, с. 32.

¹¹¹ А. И. Кубышев, *Исследования Херсонской экспедиции*, с. 301.

¹¹² М. А. Швецов, *Курганы у с. Самойлово*, с. 244.

¹¹³ Ю. В. Зеленский, *Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья*, „Историко-археологический альманах”, 3, 1997, с. 89.

¹¹⁴ Е. А. Армарчук, А. А. Малышев, *Средневековый могильник в Цемесской Долине*, с. 100.

¹¹⁵ У. Ю. Кочкаров, *Позднеполовецкие погребения всадников*, с. 96.

¹¹⁶ Ibidem, с. 100–101.

¹¹⁷ Ibidem, с. 104.

¹¹⁸ А. Н. Кирпичников, *Шлем XII века из погребения кочевника*, „Археологические раскопки на Дону”, 1962, с. 140–141.

¹¹⁹ Е. И. Беспалый, П. А. Ларенок, *Средневековое погребение в кургане у города Азова*, „Советская археология”, 4, 1987, с. 263.

¹²⁰ А. Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие*, Вып. 3: *Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.*, Ленинград 1971, с. 12; Е. И. Беспалый, П. А. Ларенок, *Средневековое погребение*, с. 263.

¹²¹ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 124–125.

¹²² Ibidem, s. 126.

¹²³ Ibidem, s. 126.

¹²⁴ Ibidem, s. 129.

¹²⁵ Ibidem, s. 134.

¹²⁶ W. Gawrysiak–Leszczyńska, K. Musianowicz, *Kurhan z Tabanicy*, s. 293–295.

¹²⁷ О. Я. Привадова, *Богатые кочевнические погребения*, с. 163.

¹²⁸ П. А. Ларенок, *Раскопки в г. Азове и Азовском районе Ростовской области*, „Археологические

отмеченное в богатом захоронении из Заможное, является основанием для того, чтобы считать, что появление кольчуги также имеет русское происхождение¹²⁹. Сопоставление памятников с кольчугами на карте указывает на то, что они были тесно связаны с простирающимися вблизи торговыми путями.

Магические характеристики имели ключи, замки и навесные замки. Их символику можно рассматривать в широком семантическом и культурном контексте. В контексте погребального инвентаря, без сомнения, важной была их магическая функция, что помогала войти в мир мертвых и в то же время предотвращала доступ к миру живых¹³⁰. Ключи символизируют акт завязывания, закрытия прохода, контроля или дозора¹³¹. В погребениях половецких элит ключи, замки и навесные замки, изготовленные русскими ремесленниками, клали на крышках гробов покойников. Замок был найден в мужском погребении из Курахово к. 1¹³², 4 ключа и 4 подходящих к ним замка обнаружены в Заможном¹³³. Ключ и замок сопровождали половчанку высокого происхождения, погребенную в Поросье (Росава к.¹³⁴). К сожалению, не сохранилась информация, где именно они были расположены. Несомненно, в кочевой среде было известно, какие бытовые функции выполняли все три категории предметов. С религиозной точки зрения ключи, замки и навесные замки могли в сознании кочевников символизировать закрытие дороги в мир живых.

В тюркской среде появились костяные ворворки ремней упряжи, которые использовались для крепления узла ремня. Они часто были украшены по краям и вокруг отверстия так называемым мотивом „ионик“¹³⁵ и секторами круга. Иногда орнамент заполняли разноцветной пастой, чтобы подчеркнуть тектонику украшения. Одним из центров изготовления этих элементов конской упряжи были мастерские Саркела¹³⁶. Русские мастера производили предметы, специально предназначенные для нужд кочевников. Ворворки украшали сбрую лошадей (узды, ремни подпруга, седла). Их часто обнаруживают в мужских погребениях на очень большой территории Дешт-и-Кипчак и датируют временем господства половцев, т. е. XI–XIII веками. Эти украшения также присутствуют в женских

открытия 1985 года”, 1987, с. 142, ср.: Б. А. Колчин, *Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период)*, „Материалы и исследования по археологии СССР”, 32, 1953, с. 151.

¹²⁹ В. В. Отрощенко, Ю. Я. Рассамакін, *Половецкий комплекс Чингульского кургана*, с. 20, 22, рис. 7.4.

¹³⁰ *Religia*, [in:] *Encyklopedia PWN*, т. 5, ред. T. Gadacz, B. Milerski, Warszawa 2001, s. 475.

¹³¹ W. Kopaliński, *Słownik symboli*, Warszawa 1990, с. 146.

¹³² С. Стороженко, *Раскопки Кураховской курганный группы*, „Археологические открытия 1970 года”, 1971, с. 297.

¹³³ В. В. Отрощенко, Ю. Я. Рассамакін, *Половецкий комплекс Чингульского кургана*, с. 19.

¹³⁴ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 128, 163, tabl. IV.3–4.

¹³⁵ Другое название „овы”.

¹³⁶ М. И. Артамонов, *Белая Вежа*, „Советская археология”, 14, 1952, с. 59, 62, рис. 11.

погребениях (Большемихайловка п. 1 к. 5 гр. I¹³⁷, Росава п. 2 к. 8¹³⁸). Возможно, гораздо более частое использование ворворок в конской упряжи, положенной в мужские погребения, определялось не только ценностью украшения, но и играло важную роль в бытовом использовании. Подпруга коня, предназначенного для военных или охотничьих действий, обязательно требовала использования большего количества ремней, и таким образом, большего количества ворворок. Конская сбруя при использовании лошади в повседневной жизни была более упрощенной, и в загробном пути имела символическое значение.

Находки седел в кочевнических погребениях случаются относительно часто. Иногда сохранены полные экземпляры, но наиболее многочисленными элементами, которые более устойчивы к разрушению при длительном нахождении в почве, являются костяные и металлические детали, украшающие луку седла, металлические пряжки, а иногда и гвоздики. О некоторых седельных деталях сведения краткие – известно только, что они сохранились; в других случаях авторы находок включали информацию о частях седел – как правило, о деревянной раме (ленчике), обтянутой кожей и войлоком, декорированной металлическими (серебряными) бляшками. Такие элементы были обнаружены в могильниках Поросья (напр. в погребении из Таганчы¹³⁹), а также стремена на путлищах из мужских и женских погребений Росавы (мужские: к. 2¹⁴⁰, к. 3¹⁴¹, к. 7¹⁴², женские: гроб к. 6¹⁴³). Авторы исследований, анализирующие конструкцию седел, состояние которых позволило это произвести, определили их происхождение как половецко-кимакское. Эта часть конской сбруи существенно не изменилась, потому что её конструкция была проверена условиями мобильной модели жизни и во время стабильности, и во время военных походов, но, прежде всего, это было связано с физическим состоянием лошадей, которых использовали для верховой езды. Некоторые седла характеризовались смешанной конструкцией, сочетая старые азиатские традиции с новыми усовершенствованиями. Простые плоские доски ленчика соединялись высокими, округлыми передней и задней луками, из которых передняя часть луки была установлена перпендикулярно к доскам ленчика, а задняя сильно наклонена назад¹⁴⁴. Эта структура происходила из раннетюркской среды, но окончательно

¹³⁷ В. Н. Шалобудов, В. Н. Яремака, *Кочевнические захоронения*, с. 150.

¹³⁸ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 131, 134, рис. 4.

¹³⁹ W. Gawrysiak–Leszczyńska, K. Musianowicz, *Kurhan z Tańczy*, s. 307–308, рис. 10.

¹⁴⁰ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 125.

¹⁴¹ Ibidem, s. 126. Предположительно, в соответствии с примечаниями Е. Витковского, потому что стремени из кургана 3 нет в фондах Археологического музея в Кракове.

¹⁴² Ibidem, s. 129.

¹⁴³ Ibidem, s. 128–129.

¹⁴⁴ Ср.: В. П. Гебов, В. В. Яценко, *Позднекочевническое погребение на севере Ростовской области*, «Донская археология», 1, 1998, с. 48–50, 48, рис. 4.6; В. В. Отрошенко, Ю. Я. Рассамакін, *Половецкий комплекс Чингульского кургана*, с. 18.

ная конструкция сформировалась около X–XIII веков в половецко-кимакской среде¹⁴⁵.

В каноне погребального обряда половцев видно азиатское наследие старых погребальных традиций. К ним относятся: использование каменной примеси в курганный насыпи, сооружение могильной ямы с углублением (нишей) и ступенью, использование деревянных гробов. Заметны, однако, и другие тюркские обряды, в том числе торкские и печенежские влияния, особенно в конструкции могильной ямы и способе захоронения останков лошади. Нарушение консерватизма традиции выразительнее в западной полосе причерноморских *стеней*, в районе пересечения границ и различных культурных влияний (ср. женские погребения: Белозерский Лиман п. 2 к. 10¹⁴⁶, Благовещенки п. 2¹⁴⁷, Беленькое п. 1 к. Острая Могила¹⁴⁸, Богодатное п. 3 к. 1 гр. 4¹⁴⁹, Богдановка п. 1 к. 5 гр. IV¹⁵⁰, Ясиноватое II п. 2 к. 2¹⁵¹, Марьяна Роща п. 1 к. 5 гр. 1¹⁵², мужские погребения: Богодатное п. 2 к. 4 гр. 6¹⁵³, Богдановка п. 1 к. 10 гр. 4¹⁵⁴, Малокатериновка п. 1 к. 27 гр. Высокая Могила¹⁵⁵, Малокатериновка п. 1 к. 38 гр. Высокая Могила¹⁵⁶, Росава к. 2¹⁵⁷, Росава к. 3¹⁵⁸, Росава к. 4¹⁵⁹, Росава к. 9¹⁶⁰). Могильные ямы смешанных типов присутствовали на целых участках степи, в том числе на Предкавказье и в Саратовском Поволжье. Захоронения фрагментированных останков конской туши также появились на целых участках степи, в том числе в погребениях глав семей (напр. Каменка к. 1 гр. II¹⁶¹, Лесное к. 3¹⁶²). Смешанные типы конструкции использовались после монгольского нашествия (Богодатное п. 1 к. 3 гр. 6¹⁶³, Шахта „Павлоградская” п. 1 к. 7 гр. 5 и п. 6 к. 6 гр. 5¹⁶⁴, Одиновка п. 2 к. 7 гр. 1¹⁶⁵, Марки и Сафонов-

¹⁴⁵ Г. В. Кубарев, *Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников)*, Новосибирск 2005, с. 125; В. П. Гебов, В. В. Яценко, *Позднекочевническое погребение*, с. 50.

¹⁴⁶ А. Г. Плешивенко, *Средневековые памятники у Белозерского Лимана*, с. 39.

¹⁴⁷ З. Х. Попандопуло, *Погребение с оружием и женскими украшениями*, с. 46.

¹⁴⁸ Idem, *Курганный могильник у с. Беленькое*, с. 128.

¹⁴⁹ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 20.

¹⁵⁰ Ibidem, с. 18–19.

¹⁵¹ С. Н. Ляшко, З. Х. Попандопуло, О. В. Дровосекова, *Курганные могильники Днепровского Надпорожья*, с. 92, рис. 19.1.

¹⁵² В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 15.

¹⁵³ Ibidem, с. 21.

¹⁵⁴ Ibidem, с. 19.

¹⁵⁵ А. Г. Плешивенко, *Курганы села Малокатериновка*, с. 38.

¹⁵⁶ Ibidem, с. 65.

¹⁵⁷ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 124.

¹⁵⁸ Ibidem, s. 125–126.

¹⁵⁹ Ibidem, s. 126.

¹⁶⁰ Ibidem, s. 132.

¹⁶¹ В. А. Косиков, В. К. Гриб, *Парное кочевническое погребение*, с. 257.

¹⁶² М. Б. Цыбин, *Погребения средневековых кочевников X–XIV вв.*, с. 263.

¹⁶³ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 20.

¹⁶⁴ Ibidem, с. 18.

¹⁶⁵ Ibidem, с. 17.

ка¹⁶⁶). Захоронение хана из Заможное тоже имело черты смешанной погребальной обрядности¹⁶⁷. Это явление вполне объяснимо, если учитывать, что некоторые родовые группы половцев, кочевья которых были рядом с землями, занятыми другими тюркскими федератами, вступали в союзы с печенежскими семьями. Следствием сложной политической ситуации в отношениях между кочевниками, которая сложилась в западной полосе причерноморских *степей*, в частности в бассейне среднего Днепра, было создание федерации, называемой в летописях черноклобуцкой, в которой, несомненно, главную роль играли половецкие семьи. В Поросье, в районе междуречья Самары и Орели и в Запорожье в бассейне реки Молочная функционировали родовые могильники, используемые печенегами и половцами до периода Золотой Орды (напр. Росава и Лески на Поросье, Колпаковка и Йосиповка на р. Орель, Малокатериновка, Михайловка, Тимашовка на Запорожье). Большинство родовых могильников в районе северо-западного пограничья половецких влияний находились в бассейне Орели, вблизи кышлык-ов. К югу от реки уже начинались пастбища¹⁶⁸.

Половцы укладывали покойных в деревянные гробы из длинных досок, образующих боковые стенки и дно, и более коротких плах, скрепляющих конструкцию (т. н. решетчатое/дощатое гробовище или решетчатый/дощатый настил). Эти гробовища, по мнению некоторых ученых, являлись упрощённой для похоронных нужд, символической версией колесницы, в половецкой среде, предшествующей *помещению* в могилу целых транспортных повозок¹⁶⁹. Хоронили в них женщин (напр. Белозерский Лиман п. 2 к. 10¹⁷⁰, Беленькое п. 1 к. Острая Могила¹⁷¹, Богдановка п. 1 к. 5 гр. IV¹⁷², Большемихайловка п. 1 к. 5 гр. 1 и п. 1 к. 4 гр. 1¹⁷³, Филатовка п. 2 к. 9¹⁷⁴, Ясиноватое II п. 2 к. 11¹⁷⁵, Колпаковка к. 5¹⁷⁶, Лесное п. 1 к. II¹⁷⁷, Лисичанск п. 2 к. III¹⁷⁸, Малокатериновка п. 1 и п. 2 к. 9 гр. Высокая

¹⁶⁶ М. Б. Цыбин, *Погребения средневековых кочевников X–XIV вв.*, с. 264.

¹⁶⁷ О. Галенко, Ю. Рассамакін, В. Вудфін, Р. Голод, *Трофеї половецького вояждя з Чунгульського кургану: пережиток, ритуальні функції та символіка*, „Археологія”, 3, 2016, с. 31, рис. 3, с. 32–35.

¹⁶⁸ О. С. Беляев, І. О. Молодчикова, *Поховання кочівників*, с. 92.

¹⁶⁹ Ср.: В. Н. Шалобудов, В. Н. Яремака, *Кочевнические захоронения*, с. 145–146; В. Н. Шалобудов, *Повозка из кочевнического погребения у села Чапаевка*, „Проблемы археологии Поднепровья”, вып. без номера, 1992, с. 118; О. С. Беляев, І. О. Молодчикова, *Поховання кочівників*, с. 92.

¹⁷⁰ А. Г. Плешивенко, *Средневековые памятники у Белозерского Лимана*, с. 39.

¹⁷¹ З. Х. Попандопуло, *Курганный могильник у с. Беленькое*, с. 128.

¹⁷² В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 18–19.

¹⁷³ В. Н. Шалобудов, В. Н. Яремака, *Кочевнические захоронения*, с. 150.

¹⁷⁴ С. С. Бессонова, А. А. Черных, С. А. Купрый, *Курганы у с. Филатовка*, с. 56.

¹⁷⁵ С. Н. Ляшко, З. Х. Попандопуло, О. В. Дровососкова, *Курганные могильники Днепровского Надпорожья*, с. 107, рис. 34.1.

¹⁷⁶ В. Н. Шалобудов, *Позднекочевнические погребения с керамикой*, с. 92.

¹⁷⁷ В. Ф. Клименко, *Курганы юга Донетчины*, Енакиеве 1998, с. 182.

¹⁷⁸ В. Ф. Клименко, А. Н. Усачук, В. И. Цимбал, *Курганные древности Северского Донца*, Енакиеве 1997, с. 9.

Могила¹⁷⁹, Марьевка п. 2 к. 2 гр. 1¹⁸⁰, Нижняя Козинка¹⁸¹, Новоивановка¹⁸², росавские курганы: п. 1 и п. 2 к. 8¹⁸³ а также к. 14¹⁸⁴, Ровнополь п. 1 к. 1¹⁸⁵), и мужчин (например: Авиловка п. 1 к. I гр. III¹⁸⁶, Белозерский Лиман п. 1 к. 5¹⁸⁷, Черноглазово п. 1 к. 6 гр. 4¹⁸⁸, Дмитревская п. 1 к. IV гр. I¹⁸⁹, Днепровка III п. 6/10 к. 7¹⁹⁰, Кадамовский п. 6 к. 2 гр. Кадамовский VII¹⁹¹, Малокатериновка п. 1 к. 1 гр. Высокая Могила¹⁹², Малокатериновка п. 6 к. 7 гр. II¹⁹³, Никифорово¹⁹⁴, Новоандреевка п. 5 к. IV¹⁹⁵, Петропавловка п. 2 к. 2 гр. IV¹⁹⁶, Петропавловка п. 2 к. 2 гр. 5¹⁹⁷, Петро-Михайловка II п. 5 к. 8¹⁹⁸, Покровское к. С и к. D¹⁹⁹, Преображенка п. 3 к. 1 гр. II²⁰⁰, Ребрировка п. 1 к. 2²⁰¹, вероятно росавские курганы: к. 4²⁰², к. 7²⁰³, к. 9²⁰⁴, Сухая Калина п. 5 к. 1 гр. 2²⁰⁵, Шемякинский Хутор²⁰⁶, Таганча²⁰⁷, Золотая Коса к. 1²⁰⁸). Погребения в деревянных гробах продолжались на некоторых могильниках до 80-х годов XIV века²⁰⁹.

¹⁷⁹ А. Г. Плешивенко, *Курганы села Малокатериновка*, с. 15–16.

¹⁸⁰ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 12.

¹⁸¹ А. А. Горбенко, В. А. Коренько, В. Е. Максименко, *Позднекочевническое погребение*, с. 286.

¹⁸² М. А. Швецов, *Багате кочівницьке поховання з Донбасу*, с. 93.

¹⁸³ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 130–132.

¹⁸⁴ Ibidem, s. 133.

¹⁸⁵ В. Ф. Клименко, *Курганы юга Донетчины*, с. 101.

¹⁸⁶ В. Ф. Клименко, А. Н. Усачук, В. И. Цимбал, *Курганные древности центрального Донбасса*, Донецк 1994, с. 4, 9.

¹⁸⁷ А. Г. Плешивенко, *Средневековые памятники у Белозерского Лимана*, с. 37.

¹⁸⁸ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 14.

¹⁸⁹ У. Ю. Кочкаров, *Позднеполовецкие погребения всадников*, с. 100.

¹⁹⁰ С. Н. Ляшко, З. Х. Попандопуло, О. В. Дровосекова, *Курганные могильники Днепровского Надпорожья*, с. 50.

¹⁹¹ И. Н. Парусимов, *Могильник Кадамовский VII*, „Краеведческие записки”, 2, 1997, с. 62.

¹⁹² А. Г. Плешивенко, *Курганы села Малокатериновка*, с. 2.

¹⁹³ Ibidem, с. 89.

¹⁹⁴ О. Я. Привалова, *Богатые кочевнические погребения*, с. 157.

¹⁹⁵ В. Ф. Клименко, *Курганы юга Донетчины*, с. 92.

¹⁹⁶ В. Н. Шалобудов, *Ещё раз о находках распрямленных гривен*, с. 107.

¹⁹⁷ Idem, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 17.

¹⁹⁸ С. Н. Ляшко, З. Х. Попандопуло, О. В. Дровосекова, *Курганные могильники Днепровского Надпорожья*, с. 63.

¹⁹⁹ В. А. Ларенок, *Средневековые комплексы из раскопок братьев Миллеров*, с. 77–78.

²⁰⁰ А. П. Безверхий, *Датировка и этническая принадлежность кочевнического погребения у с. Преображенка*, „Исследования по археологии Поднепровья”, 1990, с. 120.

²⁰¹ Р. В. Прокофьев, *Раскопки курганов у с. Киселево Красноулинского района*, „Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Азовский краеведческий музей”, 18, 2002, с. 117.

²⁰² E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 126.

²⁰³ Ibidem, s. 129.

²⁰⁴ Ibidem, s. 132.

²⁰⁵ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 14.

²⁰⁶ М. Б. Цыбин, *Погребения средневековых кочевников X–XIV вв.*, с. 264.

²⁰⁷ W. Gawrysiak–Leszczyńska, K. Musianowicz, *Kurhan z Tabońcy*, с. 288.

²⁰⁸ В. А. Ларенок, *Средневековые комплексы из раскопок братьев Миллеров*, с. 84.

²⁰⁹ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 15.

Самые старые захоронения в повозках восходят к концу XI века. Трупы были помещены в верхней части повозки, а спицевые колеса клали рядом с погребениями или в качестве элементов, закрывающих гробовые ниши. Покойников в повозках сопровождали захоронения коней, как правило, снаряженных и под седлом. Отсюда следует, что деревянные гробы (т. н. решетчатые гробовища) моложе, чем погребения в колесницах. Повозки в богатых погребениях появились почти одновременно с занятием степей мигрирующими половецкими объединениями. Поэтому, возможно, символические функции транспортных средств, связанные с загробным путем душ умерших, стали упрощенными только в причерноморских степях около первой половины XII века.

В погребениях половецких элит наблюдается использование фрагментов мела или песчаника, помещённых под захоронением, над гробом, иногда расположенных вместе с погребальным инвентарем или разбросанных возле могильной ямы (напр. в женских погребениях: Малокатериновка п. 1 к. 9 гр. Высокая Могила и п. 2 к. 9 гр. Высокая Могила²¹⁰, Малокатериновка п. 3 к. 4 гр. II²¹¹, Московский к. 18²¹², Росава к. 6²¹³, мужские погребения: Авиловка п. 1 к. I гр. III²¹⁴, Белозерский Лиман п. 4 к. 2 и п. 1 к. 5²¹⁵, Малокатериновка п. 1 к. 7 гр. Высокая Могила²¹⁶, Малокатериновка п. 6 к. 7 гр. II²¹⁷, Новоандреевка п. 3 к. IV²¹⁸, Ольховатка п. 1 к. IX гр. I²¹⁹, Редкодуб I к. 3²²⁰, Русский Колодец п. 11 к. VII/2²²¹, Самойлово п. 2 к. 2²²², Троицкое п. 1 к. 11 гр. I²²³, парное погребение эров: Каменка к. 1 гр. II²²⁴). Камень в тюркской обрядности был связан с культом предков. Возможно, его присутствие среди инвентаря, кроме практического значения в повседневной жизни (жерновый камень, оселок), носило характер символа вечности и дома (мужские погребения: Беглиця п. 1²²⁵, Черноглазово п. 1 к. 6 гр. 4²²⁶, Ясиноватое III п. 3

²¹⁰ А. Г. Плешивенко, *Курганы села Малокатериновка*, с. 15, 16.

²¹¹ Ibidem, с. 87.

²¹² Л. С. Ильюков, *Раскопки курганов на левобережье Сала*, «Археологические открытия 1986 года», 1988, с. 126.

²¹³ E. Dąbrowska, *Kurhany rassaawskie*, s. 128.

²¹⁴ В. Ф. Клименко, А. Н. Усачук, В. И. Цимбал, *Курганные древности*, с. 4.

²¹⁵ А. Г. Плешивенко, *Средневековые памятники у Белозерского Лимана*, с. 31, 37.

²¹⁶ Eadem, *Курганы села Малокатериновка*, с. 13.

²¹⁷ Ibidem, с. 89.

²¹⁸ В. Ф. Клименко, *Курганы юга Донетчины*, с. 86.

²¹⁹ В. Ф. Клименко, А. Н. Усачук, В. И. Цимбал, *Курганные древности*, с. 47.

²²⁰ Ср.: В. П. Гебов, В. В. Яценко, *Позднекочевническое погребение*, с. 48.

²²¹ Л. С. Ильюков, А. М. Казакова, *Курганы Миусского полуострова*, с. 118.

²²² М. А. Швецов, *Курганы у с. Самойлово*, с. 246.

²²³ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 14.

²²⁴ В. А. Косиков, В. К. Гриб, *Парное кочевническое погребение*, с. 257.

²²⁵ Т. А. Прохорова, *Раскопки некрополя на Беглицкой косе*, «Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азовский краеведческий музей», 14, 1997, с. 36.

²²⁶ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 21.

к. 15²²⁷, Малокатериновка п. 1 к. 2 гр. Высокая Могила²²⁸, Росава к. 7 и к. 9²²⁹, Валерьяновка п. 3 к. I²³⁰, Высочино к. 10²³¹). Минералы также могли быть заменой каменного сооружения (бруски, примеси камня) в насыпи кургана.

Похороненные на родовом могильнике в Росаве мужчины принадлежали к элитным всадникам. Об этом свидетельствуют сохранившиеся артефакты, которые указывают, что в пределах одного слоя воинов появилась социальная, общественная и военная дифференциация. Важным атрибутом, указывающим в тюркской среде на высокое социальное и общественное положение владельца, был пояс. Эта часть костюма выпущена в предыдущих анализах составов *погребального инвентаря*, связанных со стратификацией элит воинов, хотя, конечно, она указывала на воинское звание, социальное положение владельца и имела магический характер²³². Можно *предположить*, что мужчины, которые были захоронены с боевыми или парадными поясами, парадным оружием или редкими экземплярами оружия, одетые в шелковую одежду, украшенную металлическими бляшками, имеющие украшения в ушах и на шее, сопровождаемые металлической посудой, казанами, плетнями, церемониальной конской сбруей и сёдлами, вместе с одним или несколькими погребениями лошадей и других жертвенных животных, принадлежали самому высшему слою эров, из которого происходили половецкие князья²³³. Дополнительным атрибутом, демонстрирующим высокое социальное положение, была распрямленная гривна. Эти элементы включали в себя погребения знати из Росавы (к. 2²³⁴, к. 4²³⁵); аналогичные составы *погребального инвентаря* были обнаружены среди других в погребениях из памятников: Александровка п. 1 к. 2²³⁶, Белозерский Лиман п. 4 к. 2²³⁷, Дмитревская п. 2 к. I гр. I²³⁸, Никифорово²³⁹, Таганча²⁴⁰, Редкодуб I к. 3²⁴¹, Виноградное п. 3 к. 30²⁴², Заможное²⁴³, Жем-

²²⁷ С. Н. Ляшко, З. Х. Попандопуло, О. В. Дровосекова, *Курганные могильники Днепровского Надпорожья*, с. 36.

²²⁸ А. Г. Плешивенко, *Курганы села Малокатериновка*, с. 7.

²²⁹ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, с. 130, 133.

²³⁰ В. Ф. Клименко, *Курганы юга Донетчины*, с. 152.

²³¹ Е. И. Беспалый, П. А. Ларенок, *Средневековое погребение*, с. 262.

²³² E. Tryjarski, *Zwyczaje pogrzebowe ludów tureckich na tle ich wierzeń*, Warszawa 1991, s. 79–81.

²³³ Ср.: Н. Н. Серегин, *Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов)*, Барнаул 2013, с. 57.

²³⁴ E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 125.

²³⁵ Ibidem, s. 126–127.

²³⁶ А. В. Прынь, *Погребение знатного половецкого воина из курганного могильника Александровка II в Донбассе*, «Матеріали та дослідження з археології Східної України», 2, 2004, с. 309–313.

²³⁷ А. Г. Плешивенко, *Средневековые памятники у Белозерского Лимана*, с. 31–36.

²³⁸ У. Ю. Кочкаров, *Позднеполовецкие погребения всадников*, с. 94–100.

²³⁹ О. Я. Привалова, *Богатые кочевнические погребения*, с. 157–163.

²⁴⁰ W. Gawłusiak–Leszczyńska, K. Musianowicz, *Kurhan z Tabañczy*, s. 289–330.

²⁴¹ В. П. Гебов, В. В. Яценко, *Позднечевичское погребение*, с. 47–48.

²⁴² В. В. Отрощенко, Ю. Я. Рассмакин, *Раскопки курганов эпохи бронзы в Запорожской области*, «Археологические открытия 1985 года», 1987, с. 386.

²⁴³ В. В. Отрощенко, Ю. Я. Рассмакин, *Половецкий комплекс Чингульського кургана*, с. 16–30.

чужное п. 3 к. 5 гр. I²⁴⁴, вероятно тоже Овальный Курган²⁴⁵, Петропавловка п. 2 к. 2 гр. IV²⁴⁶ и богатое захоронение, принадлежащие к вышеуказанным категориям, но не содержащие распрявленной гривны: Высочино к. 10²⁴⁷.

Погребения, содержащие оружие – сабли, кинжалы, лук и стрелы, копья, кольчуги, хазаганды и боевые пояса, шелковую одежду, украшения, металлические бляшки, иногда металлическую посуду (включая котлы), богато украшенное конское снаряжение и сёдла, могли принадлежать элите тяжеловооруженных конных воинов, в жизни игравших роль начальников отрядов. *Погребальный инвентарь* умерших мужчин, похороненных в росавском могильнике (к. 3²⁴⁸, к. 7²⁴⁹, к. 9²⁵⁰, к. 4а²⁵¹), был составлен из вышеописанных категорий объектов, что свидетельствует о том, что в родовом могильнике были похоронены представители военной элиты. Для сравнения, аналогичный *инвентарь* и погребальный обряд были зафиксированы на памятниках: Белозерский Лиман п. 1 к. 5²⁵², Большемихайловка п. 2 к. 1 гр. II²⁵³, Дмитревская п. 1 к. IV гр. I²⁵⁴, Дмитревская п. 2 к. IV гр. I²⁵⁵, Днепровка III п. 6/10 к. 7²⁵⁶, Дугино²⁵⁷, Ясиноватое II п. 1 к. 6²⁵⁸, Ясиноватое II п. 1 к. 7²⁵⁹, Ясиноватое II п. 3 к. 15²⁶⁰, Кадамовский п. 6 к. 2 гр. Kadamowski VII²⁶¹, Каменка к. 1 гр. II²⁶², могильник Красный²⁶³, могильник Ливенцовский²⁶⁴, Ольховатка п. 1 к. IV гр. 2²⁶⁵, Петро-Михайловка II п. 5 к. 8²⁶⁶, Поливановка п. 2 к. 2

²⁴⁴ В. Н. Шалобудов, *Позднекочевнические погребения с керамикой*, с. 97–99.

²⁴⁵ Н. Ю. Лимберис, *Работы Краснодарской экспедиции*, „Археологические открытия 1986 года”, 1988, с. 132–133.

²⁴⁶ В. Н. Шалобудов, *Ещё раз о находках распрявленных гривен*, с. 107–108.

²⁴⁷ Е. И. Беспалый, П. А. Ларенок, *Средневековое погребение*, с. 260–263.

²⁴⁸ E. Dąbrowska, *Kurhany rassaawskie*, s. 126.

²⁴⁹ Ibidem, s. 129–130.

²⁵⁰ Ibidem, s. 132–133.

²⁵¹ Ibidem, s. 134.

²⁵² А. Г. Плешивенко, *Средневековые памятники у Белозерского Лимана*, с. 37.

²⁵³ В. Н. Шалобудов, В. Н. Яремака, *Кочевнические захоронения*, с. 143–147.

²⁵⁴ У. Ю. Кочкаров, *Позднеполовецкие погребения всадников*, с. 100–103.

²⁵⁵ Ibidem, с. 103–107.

²⁵⁶ С. Н. Ляшко, З. Х. Попандопуло, О. В. Дровосекова, *Курганные могильники Днепровского Надпорожья*, с. 50–51.

²⁵⁷ П. А. Ларенок, *Раскопки в г. Азове*, с. 142.

²⁵⁸ С. Н. Ляшко, З. Х. Попандопуло, О. В. Дровосекова, *Курганные могильники Днепровского Надпорожья*, с. 22–23.

²⁵⁹ Ibidem, с. 23–24.

²⁶⁰ Ibidem, с. 35–36.

²⁶¹ И. Н. Парусимов, *Могильник Кадамовский VII*, с. 62–63.

²⁶² В. А. Косиков, В. К. Гриб, *Парное кочевническое погребение*, с. 257–258.

²⁶³ Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский, *Погребения поздних кочевников*, с. 195, 197.

²⁶⁴ А. С. Ильюков, *Исследование курганов на западной окраине г. Ростова-на-Дону*, „Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азовский краеведческий музей”, 14, 1997, с. 27.

²⁶⁵ В. Ф. Клименко, А. Н. Усачук, В. И. Цимбал, *Курганные древности*, с. 54–60.

²⁶⁶ С. Н. Ляшко, З. Х. Попандопуло, О. В. Дровосекова, *Курганные могильники Днепровского Надпорожья*, с. 63.

гр. 22²⁶⁷, Преображенка п. 3 к. 1 гр. II²⁶⁸, Самойлово п. 2 к. 2²⁶⁹, Волноваха п. 1 к. VI²⁷⁰, Волноваха п. 1 к. IV²⁷¹, Верхне-Янченкова²⁷². О близком кровном родстве или свойстве мужчин, похороненных в более ранних, чем половецкое время, курганных могильниках, может свидетельствовать схожесть набора *инвентаря* и погребального обряда. Без сомнения, прямым кровным родством или свойством были связаны воины, *похороненные* на родовых могильниках (напр. Дмитревская, Ольховатка, Русский Колодец, Росава).

Курганы с богатыми захоронениями тяжеловооруженных конных воинов в значительной степени были сконцентрированы вблизи кышлыкьов на Саратовском Поволжье (Бережновки и Молчановка²⁷³), в бассейне р. Молочной (Волчанск²⁷⁴), в сальской степи (Новосадковский²⁷⁵), в Крыму (Красный²⁷⁶), на полуострове Миус (Русский Колодец²⁷⁷), в Прикубани (Цемдолина²⁷⁸) и на землях отдельных усадеб половецких объединений.

Таким образом, мужчины, погребенные на росавском могильнике родового характера, очевидно, принадлежали к слою высокопоставленных по воинскому званию всадников, представляющих элиту тяжеловооруженных конных воинов, из которой происходили начальники отрядов и половецкие князья. Как представляет Э. Домбровская, согласно Е. Витковскому, они были молодыми людьми, высокого роста²⁷⁹, которые погибли в бою, хотя нет описания их прижизненных травм, кроме одного сомнительного исключения²⁸⁰. Среди погибших, которые достигли возраста „взрослого” (*Adultus – Adultus/Maturus*), наблюдается в антропологическом материале большое количество мужчин в статусе высокопоставленных по воинскому званию, тяжеловооруженных или богатых воинов, исполнявших военные и социальные функции, подтвержденные импортами и артефактами, атрибутирующими их ранг. Точно так же, как и в случае анализа погребений, относящихся к среде ранних тюрок, эта возрастная группа представлена наиболее высокой смертностью²⁸¹. Это, вероятно, связано с активным и рискованным об-

²⁶⁷ В. Н. Шалобудов, *Неопубликованные кочевнические погребения*, с. 10.

²⁶⁸ А. П. Безверхий, *Датировка и этническая принадлежность*, с. 120–123.

²⁶⁹ М. А. Швецов, *Курганы у с. Самойлово*, с. 244–246.

²⁷⁰ В. Ф. Клименко, *Курганы юга Донетчины*, с. 64–67.

²⁷¹ Ibidem, с. 59–60.

²⁷² А. Н. Кирпичников, *Шлем XII века из погребения кочевника*, с. 138–139.

²⁷³ И. В. Силин, *Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. „Краткие сообщения Института истории материальной культуры”*, 55, 1954, с. 94.

²⁷⁴ В. В. Дорофеев, *Охранные раскопки в Приазовье*, „Археологические открытия 1980 года”, 1981, с. 245.

²⁷⁵ Л. С. Илюков, *Курганные могильники в междуречье Сала и Маныча*, „Археологические открытия 1985 года”, 1987, с. 138–139.

²⁷⁶ Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский, *Погребения поздних кочевников*, с. 195, 197.

²⁷⁷ Л. С. Илюков, Л. М. Казакова, *Курганы Миусского Полуострова*, с. 116–127.

²⁷⁸ Е. А. Армарчук, А. А. Малышев, *Средневековый могильник в Цемесской Долине*, с. 92–114.

²⁷⁹ Ср.: Е. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 124, 125, 126, 129, 132.

²⁸⁰ Ibidem, s. 124.

²⁸¹ Н. Н. Серегин, *Социальная организация раннесредневековых тюрок*, с. 73.

разом жизни, серьёзной физической подготовкой (судя, например, по прижизненному росту и мощной структуре скелета умерших²⁸²), мастерством в военном искусстве и жизненным опытом. Эти признаки обеспечивали продвижение мужской части населения в социальной иерархии, в пределах слоя конных воинов.

Смешивание погребальных традиций наблюдается в привилегированных слоях тюркских конных воинов, в приграничных зонах северо-западных рубежей половецких кочевий, в частности в районах Поросья и бассейна Среднего Заднепровья. Не следует исключать, что некоторые погребальные обряды, практикуемые в среде тюркских печенегов или торков могли быть приняты родовой элитой половцев, заключавшей союзы с близкими по крови, хотя враждебными родами. Однако, более вероятным представляется, что эти традиции были привезены непосредственно из азиатских районов отдельными половецко-кимакскими семьями, учитывая устойчивость поддержания в течение веков консерватизма в похоронных обрядах и религиозной области азиатских тюрков. В зоне пограничья – в Поросье, несмотря на установление черноклобуцкой федерации, половецкие элиты хоронили умерших на отдельных могильниках, хотя вблизи кышлыков функционировали старые печенежские и торкские некрополи (напр. „половецкая” Росава и близлежащие „печенежские” Зеленки – с двумя отдельными родовыми могильниками половецких элит).

Культурный синкретизм, который сложился в лесостепной зоне бассейна реки Рось, был вызван экспансией *доминирующих* половцев, подчиняющих себе другие тюркские группы, кочевавшие в степи, но часть печенегов и торков около конца XI века хлынула в пограничную зону, попадая под политическое влияние киевских и переяславских князей²⁸³. Зона Поросья являлась буфером, ограждающим Киевскую землю от прямого контакта со степью, где преобладали половцы²⁸⁴. Анализ погребального *инвентаря* и топографии могильников выявил, что, несмотря на установление в середине XII века федерации, известной по письменным источникам как „чёрные клобуки”²⁸⁵, родовые группы по-прежнему сохранили культурную идентичность²⁸⁶. Соответствующие различия касались категорий объектов, помещённых с погребёнными, структуры погребальной

²⁸² Ср. напр.: 2,10 м прижизненного роста воина из Никифорова (О. Я. Привалова, *Богатые кочевнические погребения*, с. 157) или 1,80 м прижизненного роста эра из Заможного (В. В. Отрошенко, Ю. Я. Рассамкин, *Половецкий комплекс Чингульского кургана*, с. 10).

²⁸³ T. Nagrodzka-Majchrzyk, *Czarni Kłobucy*, Warszawa 1985, s. 29–30.

²⁸⁴ Ibidem, s. 67.

²⁸⁵ Первое упоминание о них датируется 1146 г.: „Изяславъ же (...) и переиде Днѣпръ оу Зараба и тоу прислашася к нему Чернии Клобоуци [выделено мною – А. Г.-Т.] и все Поросье и рекоша емоу ты нашъ кнѣзъ а Шлговичъ не хочемъ а поѣди в борзѣ а мы с тобою и поиде Изяславъ къ Дерновоумоу и тоу скоупишася вси Клобоуци и Поршане [выделено мною – А. Г.-Т.]”. *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, Санкт-Петербург 1908, стб. 323.

²⁸⁶ Ср. напр.: Н. Е. Бранденбург, *Журнал раскопок 1888–1902 гг.*, Санкт-Петербург 1908, с. 2–3, 23–24, 30–31, 38–39, 72, 87–89; С. А. Плетнева, *Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей*, Москва 1982, с. 63.

камеры, расположения конских туш и их фрагментации, конструкции насыпи. Анализ археологических материалов, происходящих из раскопок конца XIX века, подтвердил, что в состав федератов вошли, в основном, печенежские и торкские семьи²⁸⁷. Половецкие семьи хоронили умерших на отдельных могильниках (напр. Росава) или поблизости от печенежских курганов, но могильные насыпи были сгруппированы отдельно (могильники 2 и 6 на памятнике Зеленки). Половецкие погребения указывают, что они представляли собой элитный социальный слой в тюркской среде²⁸⁸. Только младшие по хронологии могильники показали некоторое смешение погребальных обычаев²⁸⁹. Они были также прослежены на территории пограничья Волынского и *Галицкого* княжеств, в междуречье верхнего Южного Буга и Днестра²⁹⁰. В конце XII века процессы синкретизма стали заметны в археологическом материале. В письменных источниках этот период представлен как богатый информацией о сложных политических отношениях между федерацией чёрных клобуков, русскими князьями и половцами²⁹¹. В археологических источниках выявились два фактора, влияющие на развитие новой материальной культуры среди элит конных воинов. Доминирующее положение в федерации получили половецкие семьи, которые перешли на службу русским князьям. Среди погребального инвентаря в женских погребениях появились атрибуты, найденные только в могилах половецких аристократов²⁹². В мужских захоронениях определяющими половецкими *факторами* являлись: конструкция гроба (решетчатые гробовища), погребения целых снаряженных лошадей и элементы конской сбруи²⁹³. Стало явным влияние русской *усадебной* культуры, потому что среди погребального *инвентаря* заметным является наличие импортов, в том числе предметов роскоши русского происхождения²⁹⁴. В зоне Поросья также появились христианские могильники, в которых хоронили останки населения славянского и тюркского происхождения²⁹⁵.

Курганный могильник в Росаве нужно включить в *родовые* (семейные) места *захоронения*, в которых были погребены представители высшего слоя в социальной структуре кочевников – элиты конных воинов. Они возникли на так называемой „сырой корню”, в районе вновь захваченных пограничных кочевий Поросья, в период между серединой XII и первой половиной XIII века. Предлагаемая

²⁸⁷ С. А. Плетнева, *Древности черных клобуков. Свод археологических источников*, Москва 1973, с. 21–23.

²⁸⁸ Ibidem. Ср.: *Каталог*.

²⁸⁹ Ibidem, с. 23.

²⁹⁰ Ibidem, с. 28.

²⁹¹ Шире об этом см.: T. Nagrodzka-Majchrzyk, *Czarni Kłobucy*, s. 68–77.

²⁹² Ср. напр.: E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 162, tabl. III.1; 165, tabl. VI.1; С. А. Плетнева, *Древности черных клобуков*, с. 9, рис. 2; 53, табл. 5; 54, табл. 6.3–7; 56, табл. 8.1–12; 72, табл. 24.

²⁹³ Ср.: E. Dąbrowska, *Kurhany rassawskie*, s. 124, 126; С. А. Плетнева, *Древности черных клобуков*, с. 13, рис. 4, 23.

²⁹⁴ С. А. Плетнева, *Древности черных клобуков*, с. 53, табл. 5.1; 95, табл. 47.1.

²⁹⁵ Eadem, *Кочевники средневековья*, с. 64.

хронология памятника совпадает с описанными выше похоронными обрядами и проанализированными категориями артефактов, входящими в состав погребального инвентаря. Этот сравнительный анализ материалов, которые появились в научном обороте в последней четверти XX века, ясно указывает на то, что представителями элиты, погребённой в Росаве, были половцы.

*

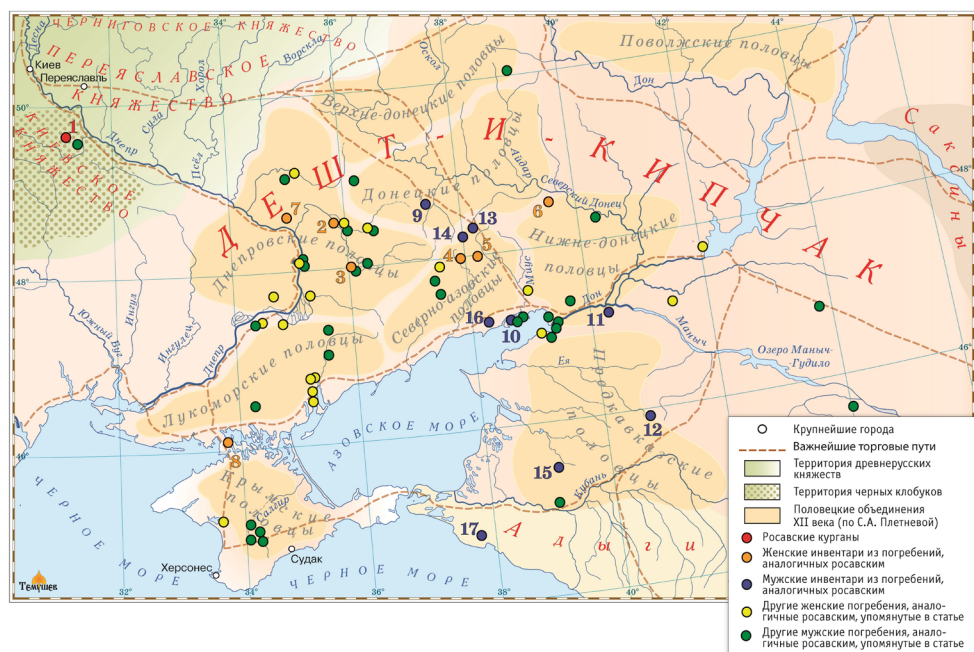
Aneta Gołębiowska-Tobiasz, *Late nomadic cemetery in Rosawa. New interpretation. Comparative studies*

In the borderlands the Polovtsian elites buried their dead at separate, ancestral cemeteries, even if older Pechenegs and Torkic necropolis were located in the vicinity. Porosie was a perfect example of this tradition, constituting a buffer zone between the southern Rus' principalities and the Black Sea Steppe. Similar grave architecture, analogous sets of funeral inventories including imports and attributes of power as well as a parallel canon of funeral rites is observed in the entire European part of Deszt-i-Kipczak, remaining between the 11th century and the first quarter of the 13th century under the Polovtsian dominance.

*

Aneta Gołębiowska-Tobiasz, *Pozdně nomádké pohřebiště v Rosavě. Nová interpretace. Komparativní studie.*

V pohraničních oblastech pohřbívaly kumánské elity své mrtvé na oddělených, rodových pohřebištích, i když pečeněžské a torkické nekropole byly lokalizovány v okolí. Skvělým příkladem takové tradice bylo Porosie, vytvořené jako vyrovnávací zóna mezi jihem Rusínského knížectví a stepí Černého moře. Podobná hrobová architektura, analogické sady pohřební výbavy obsahující importované zboží a atributy moci, stejně jako to pozorujeme u paralelního kánonu pohřebních obřadů v celé evropské části stepi, která se mezi 11. stoletím a první čtvrtinou 13. století nacházela pod nadvládou Kumánů.

1. Росава, Мироновский р-н, Киевская обл., Украина.

Женские инвентари из погребений, аналогичных росавским

2. Богдановка, Павлоградский р-н, Днепропетровская обл., Украина
3. Большемихайловка, Покровский р-н, Днепропетровская обл., Украина
4. Каменка, Старобешевский р-н, Донецкая обл., Украина
5. Новоивановка, Амбросивский р-н, Донецкая обл., Украина
6. Пришиб, Славяносербский р-н, Луганская обл., Украина
7. Соколово, Новомосковский р-н, Днепропетровская обл., Украина
8. Филатовка, Красноперекоский р-н, Симферопольская обл., Крым, Украина

Мужские инвентари из погребений, аналогичных росавским

9. Александровка, Краматорский р-н, Донецкая обл., Украина
10. Беглиця, Неклиновский р-н, Ростовская обл., Россия
11. Верхне-Янченкова, Багаевский р-н, Ростовская обл., Россия
12. Дмитриевская, Кавказский р-н, Краснодарский край, Россия
13. Никифорово, Шахтёрский р-н, Донецкая обл., Украина
14. Ольховатка, Константиновский (бывший Енакиевский) р-н, Донецкая обл., Украина
15. Пролетарское, Кореновский р-н, Краснодарский край, Россия
16. Самойлово, Новоазовский р-н, Донецкая обл., Украина
17. Цемдолина, Новороссийский р-н, Краснодарский край, Россия

Александр Парахин
(Минск)

Русско-половецкие отношения начала XIII века в представлении восточного автора (половцы и русские в рассказе Ибн-ал-Биби)

Вопрос о характере взаимоотношений Руси с половецкой степью, несмотря на наличие относительно большого числа вещественных и письменных источников, продолжает вызывать разногласия в исторической науке. В настоящий момент существует ряд подходов в освещении данной проблемы. В связи с этим возникает необходимость обратиться более пристальный взгляд на письменные источники, авторами которых являются посторонние, незаинтересованные и, как следствие, более объективные наблюдатели.

В конце XIX – начале XX века Платоном Мелиоранским и Мартином Хаутсма в научный оборот было введено сочинение Насир-ад-дин-Яхья-ибн-Мухаммеда (более известен под именем Ибн-ал-Биби) *Сельджуки-намэ*, которое содержало интересное описание экспедиции турок-сельджуков на Судак, половцев и русских¹. Данный фрагмент был также издан отдельно Александром Якубовским в 1927 г.² Вызывает сожаление тот факт, что несмотря на значительную ценность источника для характеристики русско-половецких отношений, он выпал из поля зрения исследователей. До недавних пор он в основном, использовался для реконструкции истории Конийского султаната³. Между тем, труд Ибн-ал-Биби содержит ценнейшую информацию о тесном взаимодействии русского князя с половцами при отражении нападения третьей стороны (а именно турок-сельджуков).

¹ П. Мелиоранский, *Сельджуки-намэ как источник по истории Византии в XII–XIII вв.*, „Византийский временник“, 1, 1894, с. 613–640; М. Houtsma, *Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides*, vol. 3–4, Leide 1902, p. 474–829.

² А. Якубовский, *Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в.*, „Византийский временник“, 25, 1927, с. 54–58.

³ Ibidem, с. 53.

Сюжет рассказа Ибн-ал-Биби в кратком изложении выглядит следующим образом. К султану Ала-ад-Дин Кей-Кубаду обратилось несколько купцов с жалобой на осложнения в торговле со „страной кипчаков и русских”⁴. В ответ на это султан снарядил войско и назначил командующим эмира Хусан-ад-дин Чупана. Войско отправилось к Сугдаку (совр. Судак), жители которого одновременно выслали послов – как к эмиру, так и к своим союзникам – половцам (кипчакам). Половецкий хан, в свою очередь, уведомил не известного нам русского князя о сложившейся ситуации. Объединенное половецко-русское войско направилось на помощь городу. Через некоторое время стало известно о провале переговоров жителей Сугдака с эмиром – последний не согласился принять выкуп от сугдиан. Вечером того же дня началось сражение между сельджуками и половецко-русским войском, последнее на следующий день было разбито. Когда новость о поражении дошло до русского князя, тот отправил к эмиру своего „мудрого и изворотливого” посла с большими подарками и „слезной” грамотой, в которой содержалась просьба о дружбе и мире⁵. Показательно, что как только половцы потерпели поражение в сражении с сельджуками, русский князь отстранился от „по глупости впавших в заблуждение” половцев и выступал исключительно от своего имени. Переговоры увенчались успехом – Хусан-ад-дин Чупан принял грамоту и подарки и отправил князю свою грамоту, „составленную в дружеских выражениях”. Лишившись поддержки со стороны половцев и русских, Сугдак не смог устоять перед сельджуками и после непродолжительных боевых действий был захвачен, а его жители переведены в ислам⁶. Таким образом, свою задачу поход сельджуков выполнил – с захватом Сугдака была установлена твердая связь с Крымом, а сугдиане, русские и, возможно, половцы, согласились предоставлять льготы купцам Конийского султаната.

Информация Ибн-ал-Биби, без сомнения, является ценной для характеристики русско-половецких отношений в первой трети XIII века. Тем не менее, ее часто игнорируют исследователи средневековой Руси⁷. Чем можно объяснить такой подход?

В целом, в исторической науке сложилось несколько подходов в трактовке русско-половецких отношений. Наиболее распространенный из них восходит к летописной традиции и утверждает об исключительно негативной роли половцев в истории Древней Руси. Приверженцами этого подхода было подавляющее большинство дореволюционных и некоторая часть советских историков (Василий Татищев, Николай Карамзин, Сергей Соловьев, Василий Ключевский, Вадим Каргалов, Борис Рыбаков)⁸. Основополагающей идеей данного подхода

⁴ Ibidem, с. 54.

⁵ Ibidem, с. 55–56.

⁶ Ibidem, с. 57–58.

⁷ В частности, фрагмент из *Сельджук-намэ* не был упомянут в работе Б. Кумекова, *Арабские и персидские источники по истории кипчаков VIII–XIV вв.*, Алма-Ата 1987.

⁸ В. Татищев, *История Российская*, т. 2, Москва 1995, с. 84; Н. Карамзин, *История государства*

является утверждение, что борьба Руси с половцами создала для Европы благоприятные условия для разнопланового развития и обусловила отставание земель Восточной Европы от западноевропейских государств. Вместе с тем, Русь не имела альтернативных вариантов развития, т. к. половцы виделись представителями данной школы как менее развитые. В итоге, выдвигался тезис об исключительно негативной роли половцев в истории Руси.

Вместе с тем, уже в конце XIX века начала проявляться несостоятельность данной концепции. С появлением монографии Петра Голубовского *Печенеги, половцы и торки до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв.* начал появляться иной, более объективный подход к проблеме взаимоотношения Руси и кочевников. Был признан тот факт, что имели место как военные столкновения, так и союзнические связи (военные и династические союзы), а также посредническая и транзитная торговля между русскими княжествами и степью. Набеги же половцев были вызваны рядом объективных моментов. Наиболее известными сторонниками данной концепции являлись Михаил Покровский, Александр Якубовский, Светлана Плетнева⁹.

Отдельное место в историографии занимает тезис об исключительно плодотворном влиянии кочевников на Русь. При этом, основной акцент сделан не на социально-экономических, а на культурных взаимоотношениях и других сторонах союзнических контактов. Наблюдается также полное отрицание губительных последствий набегов половцев на русские земли (Виктор Пархоменко, Владимир Гордлевский, Лев Гумилев)¹⁰.

Учитывая доминирование первой упомянутой концепции в Российской империи и СССР, можно предположить, что произведение Ибн-ал-Биби могло быть „забыто” в контексте изучения русско-половецких взаимоотношений ввиду наличия в нем некой информации, подвергающей сомнению выстроенные концепции. В связи с этим возникает закономерный вопрос: какую информацию можно извлечь из рассказа Ибн-ал-Биби?

Во-первых, информация о конфликте сельджуков с половецко-русским войском позволяет предположить, что на момент описываемых событий (по мнению А. Якубовского, поход на Сутдак произошел в 1221 г. или 1222 г.¹¹) между половцами и неизвестным русским княжеством существовали союзнические отноше-

Российского, т. 2–3, Москва 1991, с. 45–46, 465; С. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. 2–3, Москва 1993, с. 15–16; В. Ключевский, *Курс русской истории*, т. 1, ч. 1, Москва 1987, с. 282–286; Б. Рыбаков, *Киевская Русь и русские княжества*, Москва 1982, с. 453; В. Каргалов, *Русь и кочевники*, Москва 2008, с. 55–95.

⁹ М. Покровский, *Русская история*, т. 1, Москва 1922, с. 104–105; А. Якубовский, *Рассказ Ибн-ал-Биби*, с. 69–71; С. Плетнева, *Половцы*, Москва 2010, с. 146–148.

¹⁰ В. Гордлевский, *Что такое „босый волк”?* (К толкованию „Слова о полку Игореве”), „Известия АН СССР. Отделение литературы и языка”, 4, 1947, с. 317–337; В. Пархоменко, *Русь та печеніги. До справи стародавніх зв'язків Руси зі Сходом*, „Східний світ”, 1, 1995, с. 88–91; Л. Гумилев, *Древняя Русь и Великая степь*, Москва 2002, с. 486–488.

¹¹ А. Якубовский, *Рассказ Ибн-ал-Биби*, с. 60.

ния, а совместные выступления кочевников и русских с целью отстаивания политических и экономических интересов не являлись исключением из правила. Но здесь необходимо задать вопрос: при каких половецких ханах и русских князьях могли произойти события, описываемые в рассказе Ибн-ал-Биби?

Наиболее вероятно, что со стороны половцев непосредственными участниками столкновения с сельджуками являлись те же ханы, которые буквально через один–два года вместе с русскими князьями потерпели поражение от монгольских отрядов Джебе и Субэдэя в битве на Калке в 1223 г. Учитывая сложную ситуацию с отношениями между ордами, следует отметить как дополнительный признак то, что кочевья данных ханов должны были находиться в непосредственной близости от Сугдака. Имена известных нам ханов упоминаются в *Новгородской первой летописи старшего извода*¹², а также в *Ипатьевской летописи*¹³ (Котян, Даниил Кобякович, Юрий Кончакович). Наиболее могущественным из ханов, согласно *Ипатьевской летописи*, являлся Юрий Кончакович: „Половцемъ же ставшимъ . Юрьи Кончаковиѣ бѣ болише всихъ Половецъ”¹⁴. В связи с этим А. Якубовский предположил, что позвать на помощь русских мог именно он. Однако сведения о могуществе Юрия Кончаковича приходится на 1223 г., и вряд ли половецкий хан сумел бы сохранить свое влияние после участия в провальном для русско-половецкого альянса походе против сельджуков.

Не менее проблематичным представляется ответить и на вопрос о том, кто из русских князей выступил вместе с половцами против сельджуков. Можно только предположить, что им мог быть один из разбитых при Калке трех Мстиславов – Мстислав Мстиславович (галицкий князь), Мстислав Старый (киевский князь) или Мстислав Святославович (черниговский князь)¹⁵. Каждый из этих князей – до битвы над Калкой – имел достаточно сил, чтобы оказать помощь половцам и союзным им жителям Сугдака. Кроме того, отдельные из них – как, например, Мстислав Мстиславович – находились в тесных союзных или даже родственных отношениях с половцами. Для А. Якубовского возможным кандидатом представлялся рязанский князь – косвенно об этом свидетельствовал тот факт, что транзит лена, указанного в числе подарков сельджукскому эмиру, проходил через Рязанское княжество¹⁶. Вместе с тем, версия А. Якубовского звучит достаточно неубедительно: Рязань находится довольно далеко от Крыма, в связи с чем быстро собрать и выдвинуть войско к Сугдаку не представлялось возможным. Вдобавок, производить лен и поставлять его на экспорт могла не одна Рязань. В связи с этим наиболее вероятным можно считать участие в походе одного из трех Мстиславов,

¹² *Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список)*, [in:] *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва-Ленинград 1950, с. 62.

¹³ *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРЛ], т. 2, Санкт-Петербург 1908, стб. 740.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem, стб. 741.

¹⁶ А. Якубовский, *Рассказ Ибн-ал-Биби*, с. 60

а именно Мстислава Старого или Мстислава Святославовича. Мстислав Мстиславович в описываемый период был занят осадой Галича и вряд ли мог предоставить военную помощь половцам¹⁷.

Во-вторых, приведенное Ибн-ал-Биби описание позволяет пролить свет на торговые отношения между Русью, половцами и восточными купцами.

В российской и советской историографии в свое время приобрел популярность тезис о том, что укрепление половцами позиций в Причерноморье отрицательно повлияло на развитие торговых отношений Руси с Востоком (В. Ключевский, М. Любавский, Б. Рыбаков)¹⁸. Вместе с тем уже в конце XIX века Михаилом Погодиным, на основании изученных письменных источников (в основном, русских летописей), была выдвинута гипотеза о стабильном характере торговли с Востоком по пути „из варяг в греки” в течение всего XII века¹⁹. Аналогичные предположения были изложены в исследованиях А. Якубовского и Владимира Мавродина²⁰.

Рассказ Ибн-ал-Биби позволяет подтвердить тезис М. Погодина о регулярных торговых отношениях русских княжеств с Востоком в начале XIII века. Как уже упоминалось выше, эти отношения не находились в состоянии упадка, а носили стабильный характер. Нападения на купеческие караваны являлись скорее исключением, нежели обычным явлением. Об этом свидетельствует, в частности, реакция султана Ала-ад-Дин Кей-Кубада и его стремление взять Судак под свой контроль во избежание дальнейших эксцессов. В целом, для летописцев была характерна тенденция описывать именно такие, конфликтные и выбивающиеся из общего ряда события, в то время как нормальное развитие торговых отношений не нашло отражения в летописях и других письменных источниках из-за своей обыденности.

Об уровне развития торговых отношений между русскими княжествами, половцами и восточными купцами свидетельствует также перечисление подарков, которые были привезены русским послом эмиру Хусам-ад-дин Чупану: „С послом русский князь отправил к Хусам-ад-дин Чупану большие подарки, состоящие из лошадей и русского льна и 20.000 динаров”²¹. С одной стороны, нельзя не отметить, что данное перечисление подарков может нести в себе и другой смысл – стремление достичь мира любой ценой. Но с другой стороны, представ-

¹⁷ *Ипатьевская летопись*, стб. 739.

¹⁸ В. Ключевский, *Курс русской истории*, т. 1, с. 285; М. Любавский, *Лекции по русской истории до конца XVI века*, Москва 1918, с. 113–115; Б. Рыбаков, *Петр Бориславич: Поиск автора „Слова о полку Игореве”*, Москва 1991, с. 16.

¹⁹ М. Погодин, *Исследования, замечания и лекции о русской истории*, т. 7, Москва 1856, с. 302–306.

²⁰ А. Якубовский, *Рассказ Ибн-ал-Биби*, с. 58–76; В. Мавродин, *Русское мореходство на южных морях (Черном, Азовском и Каспийском с древнейших времен и до XVI века включительно)*, Симферополь 1955, с. 167.

²¹ А. Якубовский, *Рассказ Ибн-ал-Биби*, с. 56.

ляется сомнительным, что указанную в динарах сумму князь мог накопить одним лишь путем взимания налогов.

Возможно, что половцы не только не препятствовали торговле Руси с Востоком, но также были заинтересованы в ее дальнейшем развитии. Жалоба одного из купцов, упомянутая в рассказе Ибн-ал-Биби, начинается с объяснения причин, по которым купец отправился к половцам и русским: „Прослышал он как-то о хороших условиях торговли в странах кипчаков (половцев) и русских”²². Вероятно, именно через купцов половцы были хорошо осведомлены о высоком уровне развития технологий в странах Востока, в частности, о новейших изобретениях в военной сфере²³. Это может объяснить заинтересованность половцев в поддержании торговых контактов с Востоком.

Со стороны сельджуков также отсутствовали какие-либо препятствия в развитии торговых отношений между Русью и Востоком. Это можно объяснить тем, что восточные купцы импортировали из русских земель различное сырье, в том числе лен, о торговле которым впервые упоминалось еще в X веке²⁴. В свою очередь, экспорт тканей, оружия, пряностей, ювелирных и других изделий стабильно приносил большую прибыль – как купцам, так и государственной казне.

Необходимо более подробно остановиться на проблеме, связанной с использованием в историографии понятия „экономический кризис”, которое обычно применяется к XIII веку. Начало такому представлению было положено еще исследованиями В. Ключевского, который называл основной причиной кризиса изменение торговых путей, что привело к постепенному упадку Южной Руси и расцвету Северо-Восточной²⁵. Изменение данных путей В. Ключевский объяснял княжескими междоусобицами, социальным антагонизмом и захватом кочевниками днепровского водного пути. Серафим Юшков придавал большое значение именно последнему фактору, в то же время пытаясь объяснить его как следствие более глубинных причин²⁶. По мнению Русланы Мавродиной, если бы путь „из варяг в греки” все еще имел ключевое значение, то русские князья нашли бы силы для его удержания под своим контролем²⁷. Назревает очевидное заключение: ни половцы, ни тем более турки-сельджуки не претендовали на роль силы, которая смогла изменить направление торговых путей. Причину данного явления следует искать вне региона Северного Причерноморья.

Таким образом, изучение рассказа Ибн-ал-Биби позволяет сделать следующие выводы:

Устойчивое мнение о прекращении торговых контактов Руси с Востоком в начале XIII века ошибочно.

²² Ibidem, с. 54.

²³ *Ипатьевская летопись*, стб. 634–635.

²⁴ А. Якубовский, *Рассказ Ибн-ал-Биби*, с. 74.

²⁵ В. Ключевский, *Курс русской истории*, т. 1, с. 159–161.

²⁶ С. Юшков, *Феодалы и отношения*, Саратов 1924, с. 9–10.

²⁷ Р. Мавродина, *Киевская Русь и кочевники*, Ленинград 1983, с. 14.

Утверждение о решающей роли половцев в нарушении торговых связей не соответствует действительности. Половцы были заинтересованы в развитии торговых отношений с целью получения как различных товаров, так и новейших технологий, в частности, в военной сфере.

Туркам-сельджукам также не был выгоден разрыв торговых отношений с половцами и русскими землями – в случае такового они теряли крупный рынок сбыта своей продукции, а также источники отдельных видов сырья.

Русские княжества и половцы имели общие интересы в Северном Причерноморье и активно их защищали.

Отношения кипчаков с одним из русских княжеств (вероятнее всего, Киевским или Черниговским) носили союзнический характер.

Следует отметить, что пример совместного выступления половецких и русских войск для отражения внешней угрозы, знакомый нам по событиям монгольского рейда полководцев Джэбэ и Субэдэя в 1223 г., таким образом, оказывается не единственным. Рассказ Ибн-ал-Биби подтверждает тесную связь половецкой степи и Руси в начале XIII века.

Рассказ арабского автора содержит два факта, которые наносят бы серьезный удар по господствовавшей теории об исключительно отрицательном влиянии половцев на историю Руси. Этими фактами являются совместные действия половцев и сил неизвестного русского княжества по отражению внешней угрозы, а также сведения о стабильном характере торговых отношений в Причерноморье в начале XIII века. В связи с этим, вероятно, рассказ Ибн-ал-Биби и имел ограниченное применение в научных кругах.

*

Alexander Parakhin, Rus'-Polovtsian relations of the beginning of the 13th century in representation of the eastern author (the Cumans and Rus' in the story of Ibn-al-Bibi)

The question of the nature of the relationship of ancient Rus' and the Polovtsian steppe continues to cause varying interpretations and assessments. In this regard great importance is attracting additional sources to reconstruct the mosaic of the Rus'-Polovtsian relations. The testimonies of the extraneous uninterested (and hence more objective) observers, as does not cause doubts the partiality of the drafters of the Rus' chronicles of particular interest.

Marek Druga
(Bratislava)

Kumáni na hraniciach kultúr: k otázke ich postavenia a vnímania počas mongolského vpádu v Uhorsku a na Rusi

Predkladaná štúdia sa zaoberá problematikou postavenia a vnímania kumánskeho etnika ako kultúrnej a politickej entity na rozhraní dvoch odlišných kultúr počas mongolskej agresie na území ruských kniežatstiev a v Uhorsku. Zvýšený záujem je tak v práci kladený na pôsobenie Kumánov ako pohanského elementu na rozhraní haličského a uhorského regiónu v rozmedzí dvoch dekád zhruba medzi rokmi 1223 až 1241. Kumáni boli považovaní v období mongolského vpádu za potenciálneho spojencu v boji proti Mongolom. Kultúrna odlišnosť kumánskeho etnika však pôsobila zároveň ako bariéra, ktorá bránila snahám o christianizáciu a integráciu týchto nomádov do sociálnych štruktúr. Uvedené činitele determinovali obraz Kumánov v dobových prameňoch. Štúdia si kladie za primárny cieľ interpretovať vnímanie predstavených nomádov spoločenskými elitami ruského (predovšetkým haličského) a uhorského prostredia. Záujem práce sa však obracia aj na činitele, ktoré mohli ovplyvňovať postavenie Kumánov v období mongolského vpádu na sledovanom území. S týmto zámerom súvisí aj hľadanie súvislostí, ktoré obracajú pozornosť autora príspevku ku koreňom rusko-kumánskych a uhorsko-kumánskych vzťahov.

Oblasť juhozápadnej Rusi, dotýkajúca sa predovšetkým na spoločných hraniciach s uhorským a poľským územím sféry západného (latinského) kultúrneho okruhu, predstavovala na prahu 13. storočia významné mocenské centrum, nachádzajúce sa zároveň na periférii pôsobiska niekoľkých etníc či kultúr¹. Do tohto priestoru už v skorších obdobiach postupne prenikali východní nomádi. Samotná koexistencia sveta ruského pravoslavia či latinského katolicizmu s kočovnými etnikami mala pritom niekoľko podôb. Zahŕňala v sebe nielen časté vojenské intervencie, ale napriek kultúrnym a náboženským rozporom aj pomerne dlhodobú a plodnú spoluprácu na diplomatickom

¹ K prelínaniu sa rôznych kultúr v ruskom prostredí: J. Komendová, *Středověká Rus a vnější svět. Obraz cizích kultur v písemnictví Rusi 11.–14. století*, Olomouc 2005, s. 11–22.

poli. Do tejto oblasti významne zasiahli v sledovanom období aj Kumáni². S uvedeným prienikom tak súvisia aj otázky týkajúce sa ich postavenia a vnímania v čase, kedy v rozmedzí necelých dvoch dekád dramaticky vstúpili do osudu príslušného regiónu ako nový mocenský činiteľ Mongoli³.

V ruskom a uhorskom prostredí vystupuje v historických prameňoch kumánske etnikum bezprostredne pred osudovými stretmi s Mongolmi ako akási predzvesť budúcej skazy a zároveň ako možný spojenec proti pohanským dobyvateľom. Nebolo však tomu vždy tak, naopak už v priebehu 11. storočia napádali Kumáni s nebývalou krutosťou mnohé ruské kraje a dobývali opevnené mestá⁴. V druhej polovici 11. storočia narastala tiež intenzita rusko-kumánskych kontaktov; tie však nadobudli už aj charakter vzájomnej kooperácie⁵. *Kyjevský letopis* dokladá v 12. storočí úspešnú snahu ruských kniežat o vojenskú podporu Kumánov, pravidelne im priradujúc prívlastok „Половци дикѣи“⁶. Už pri zmienkach k roku 1093 tak vnímal ich vpád kronikár v *Povesti dávných liet* ako varovný bič boží, nabádajúci k pokore a odvráteniu sa od zlej cesty. Po víťaznom ťažení Kumánov až k mestu Торческ „бы^с плачь великъ . оу городѣ грѣхъ ради наши^х великихъ . за оумноженъе безаконий наши^х“⁷. V pamäti anonymného letopisca *Наличко-волянського letopisu* vystupuje ešte v priebehu 13. storočia kyjevský knieža Vladimir Monomach ako slávny víťaz nad Kumánmi, označujúc zároveň týchto pohanských kočovníkov ako „поганѣи Измалтаны . рекомѣи Половци“⁸. Kým sa však títo obávaní nomádi stali v očiach súčasníkov mongolskeho vpádu niekde na rusko-uhorskej hranici, teda v oblastiach na pomedzí ruského pravoslavia a latinského katolicizmu?

Kumánske nájazdy sa so značným oneskorením voči pustošivým vpádom na ruské územia dotkli aj (juho)východných hraníc Uhorského kráľovstva. Nemožno v tejto súvislosti vysloviť pochybnosti o skorších stretoch siahajúcich až do 11. storočia, avšak intenzita vzájomných kontaktov narastala významne práve od obdobia zvýšeného náporu iných kočovných etník na sídla Kumánov⁹. Na tomto území sa nachádzal nesú-

² V štúdií používam pre pomenovanie etnika etnonymum Kumáni (lat. často Cuni, Cumani, Comani), totožné zväčša s Kipčakmi (arab. často qipčaq, kibčay) či v ruských prameňoch najčastejšie s pomenovaním Polovci (Половци). K terminológii viac: Sz. Kovács, *A kunok története a mongol hódításig*, Budapest 2014, s. 12–26.

³ Pre potreby tejto štúdie bol ponechaný pre označenie mongolských kmeňov pri ich vpádoch do sledovaného priestoru tradičný názov Tatári (lat. Tartari, Tataři).

⁴ K roku 1054/55 sa viaže prvá zmienka o prítomnosti Kumánov na ruskom území: *Лаврентьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, [ďalej: ПСРА], т. 1, Ленинград 1926–1928, стб. 162; *Ипатьевская летопись*, [in:] ПСРА, т. 2, Санкт-Петербург 1908, стб. 151. Podľa ruských prameňov možno datovať prvý ničivý nájazd na Perejaslav (tiež na ruské územia vôbec) už do roku 1061: *Лаврентьевская летопись*, стб. 163; *Ипатьевская летопись*, стб. 152.

⁵ K roku 1078 zaznamenala *Повесть да́вньихъ лѣтъ* vznik koalície ruských kniežat (Olega Sviatoslaviča a Borisa Vjačeslaviča) s Kumánmi: *Ипатьевская летопись*, стб. 152.

⁶ Ibidem, стб. 319, 386, 421, 423.

⁷ Ibidem, стб. 213.

⁸ Ibidem, стб. 716.

⁹ O postupnom náraste týchto kontaktov, ale tiež o vnímaní Kumánov ako pohanských nepriateľov kresťanstva v Uhorsku svedčia zrejme nejasnosti pri identifikácii Kumánov, respektíve ich možnom zamieňaní s Pečenehmi v uhorských naračných prameňoch či v *Ladislavskej legende* z prelomu 12./13. storo-

rodý konglomerát voľných kmeňových zväzov, zameraných prevažne na organizované korisťnícke výpravy¹⁰. Tie zasahovali aj na redšie obývané oblasti v Sedmohradsku, na ktorých usídlil Ondrej II. Rád nemeckých rytierov svojou donáciou zo 7. mája 1211. Okrem zaľudnenia darovaného územia Barcy (*Borza*) tu mali rytieri chrániť pohraničné oblasti proti vpádom Kumánov stavbou kamenných hradov a opevnených miest: „ad munimen Regni contra Cumanos castra lapidea et urbes construere”¹¹. Krátkodobá snaha o christianizáciu Kumánov tu napokon nebola úspešná a po roku 1225 sa po nezhodách v otázke podriadenia sa rádu kráľovskej autorite ich sedmohradská kapitola uzavrela¹².

Skúsenosti so sústredeným kumánskym náporom tak prichádzali do uhorského prostredia v porovnaní s ruskými kniežatstvami podstatne neskôr. Okrem kontaktov Uhrov a Kumánov na východných uhorských hraniciach odhaľujú pramene aj existenciu christianizačných misíí dominikánov v oblasti, hraničiacej na jej západnej hranici s územím Uhorska¹³. Po roku 1227 zdedili rehoľníci misijnú činnosť po vynútenom exode nemeckých rytierov medzi kumánskou populáciou na rozsiahlom území, nachádzajúcim sa východne od rieky Olt až po rieku Seret s centrom v Milkove¹⁴. Celkom príznačne tu preto prinášajú informácie o Kumánoch počas monholskeho vpádu príslušníci Rehole kazateľov. Už *Relatio fratris Juliani* obsahuje zmienku, ktorú možno stotožňovať s mongolskými vpádmi bezprostredne pred bitkou pri Kalke a podľa ktorej si mongolský vládca podrobil zem Kumánov po tom, ako do nej vstúpil a premohol jej obyvateľov¹⁵. Táto správa obsahuje aj stručný prepis údajného listu mongolskeho chána kráľovi, v ktorom varuje panovníka pred ochranou Kumánov ako svojich vazalov ukrý-

čia. K označovaniu *Cuni*, *Cumani* v uhorských prameňoch a vojenských stretoch Kumánov s Uhrami na sklonku 11. storočia: Sz. Kovács, *A kunok története a mongol hódításig*, s. 223–236 (aj so staršou literatúrou k problematike). K interpretačným možnostiam *Ladislavskej legendy* v súvislosti s obrazom Kumánov v Uhorsku: I. Gerát, *Sváti bojovníci v stredoveku*, Bratislava 2012, s. 93.

¹⁰ I. Vásáry, *Cumans and Tatars, Oriental military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*, Cambridge 2005, s. 7.

¹¹ *Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis* [ďalej: *CDH*], t. 3, vol. 1, ed. G. Fejér, Budae 1829, p. 108. K vpádom Kumánov sa vzťahuje aj listina ostrihomského arcibiskupa Gregora: *CDH*, t. 3, vol. 2, ed. G. Fejér, Budae 1829, p. 394.

¹² K pôsobeniu Rádu nemeckých rytierov v Sedmohradsku viac: A. Buskó, *A német lovagrend Erdélyben és Poroszországban (A német lovagrend története)*, Budapest 2013, s. 185–189; Zs. Hunyady, *A Német Lovagrend a Barcaságban: régi nézetek, új megfontolások*, [in:] *II. András és Székesfehérvár*, Székesfehérvár 2012, s. 116–128.

¹³ Ku christianizácii Kumánov ostrihomským arcibiskupom Robertom majú výpovednú hodnotu aj listiny pápeža Gregora IX. z rokov 1227 až 1229, pričom svedčia o aktívnej úlohe mladšieho kráľa Bela, angažujúceho sa po roku 1227 v mocenských pomeroch v Sedmohradsku: *CDH*, t. 3, vol. 2, s. 109, 151–154, 217.

¹⁴ R. Marsina, M. Marek, *Tatársky vpád*, Bratislava 2008, s. 22. Presná lokalizácia Milkova, ale aj kumánskeho (milkovského) biskupstva (*episcopatus Mylkoviensis*) nie je jednoznačná: D. Budai, *A milkói püspökség*, „Studia Vincentiana Történelmi-Ismeretterjeszt Folyóirat”, 2, 2014, s. 9–18; Sz. Kovács, *A kunok története a mongol hódításig*, s. 100–101; L. Makkai, *A milkói (kún) püspökség és népei*, Debrecen 1936. K okolnostiam vyhnanja Rádu nemeckých rytierov z Uhorska: G. Pauler, *A magyar nemzet története az Arpádházi királyok alatt*, 2. kötet, Budapest 1899, s. 94.

¹⁵ *Codex Diplomaticus Arpadianus Continuatus* [ďalej: *CDA*], ed. G. Wenzel, t. 7, Pest 1869, p. 551.

vajúcich sa na uhorskom území¹⁶. Prítomnosť Kumánov v Uhorsku je často považovaná za jeden z možných dôvodov vpádu Mongolov do krajiny, avšak pod optikou komplexnosti načrtnutej problematiky ho sotva možno, taktiež s prihliadnutím na nedostatočný stav pramennej bázy, označovať za rozhodujúci.

Opätovný nápor Mongolov na kumánske kmene usadené v týchto oblastiach viedol od roku 1238 k ďalším migračným posunom a na jeseň nasledujúceho roku už zaznamenávajú dobové pramene masový príliv Kumánov do Uhorska. Autor *Carmen miserabile* Rogerius, taliansky klerik, varadínsky kanonik a predtým významný člen sprievodu pápežského legáta a biskupa z Preneste Jakuba Pecorariho, podal o príchode Kumánov podrobnú správu. Podľa jej obsahu vyslal k uhorskému kráľovi Belovi IV. posol Kuten, kráľ Kumánov tvrdiac, že značnú časť jeho zeme zničili Mongoli: „magnum partem terrae ipsius destruxerunt”¹⁷. Za nasledovanie kráľa v kresťanskej viere („in fide catholica imitari”) požadoval Kuten prijatie Kumánov do uhorskej spoločnosti a ich slobodné postavenie („in libertate tenere”) v nej¹⁸.

Dôvody kooperácie kráľa Bela s Kumánmi mohli tkvieť v hlbších politických súvislostiach. Čistky namierené voči predstaviteľom opozície, sformovanej prevažne z radov aristokracie sympatizujúcej pôvodne s kráľom Ondrejom, oslabovali zrejme kráľovskú moc aj v čase bezprostredne pred mongolským vpádom. Belove kroky mohli viesť nepochybne aj ku snahám o posilnenie vlastnej autority; patrili k nim nielen konfiškácie majetkov, odstránenie možných politických oponentov či uplatňovanie byzantskej dvornej etikety, ale aj prejavovaná úcta ku Kumánom, vnímaných ako potenciálnych spojencov¹⁹. K politickým a mocenským motívom však mohli pristupovať zároveň činitele ideologické. Kráľ Belo IV., používajúci od roku 1233 už rozšírenú kráľovskú tituláciu („rex Comaniae”) ²⁰, pokračoval v snahách svojich predchodcov o christianizáciu pohanských či o „latinizáciu” schizmatických etník, pôsobiacich na východ od uhorskej hranice²¹. Usadenie tak významného počtu nomádov na uhorskom území s rodinami a majetkom tu napokon viedlo k spoločenským treniciam a narastajúcemu domácejmu odporu. V predstavách už politicky pomerne rozhladeného panovníka však mohlo znamenať nielen posilnenie obranyschopnosti krajiny voči vonkajšiemu alebo vnútornému

¹⁶ Ibidem, p. 554.

¹⁷ *Scriptores Rerum Hungaricarum* [ďalej: *SRH*], ed. E. Szentpétery, vol. 2, Budapestini 1938, p. 553.

¹⁸ Ibidem, p. 553.

¹⁹ K politike kráľa Bela IV. pred mongolským vpádom: G. Pauler, *A magyar nemzet története az Arpád-házi királyok alatt*, 2. kötet, s. 135–142; G. Kristó, *Az arany-bullák évszázada*, Budapest 1981, s. 86–91; J. Szűcs, *A kereszténység belső politikuma a XIII. század derekán. IV. Béla király és az egyház*, [in:] *Történelmi Szemle*, Budapest 1981, s. 158–181.

²⁰ *CDH*, t. 7, vol. 4, p. 81.

²¹ K občasným zmienkam k haličskej cirkevnej politike Belovho otca, kráľa Ondreja II. v ruských naračných prameňoch: M. Font, *Arpád házi királyok és Rurikida fejedelmek*, Szeged 2005, s. 198; M. Bartnicki, *Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264*, Lublin 2005, s. 33; W. Nagirnyj, *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1260*, Krakow 2011, s. 173. Vyššiu výpovednú hodnotu k nej má korešpondencia medzi pápežom a Ondrejom II: *CDH*, t. 3, vol. 1, p. 54–56, 163–164; *CDA*, t. 6, p. 374.

mu nepriateľovi²², ale z ideologického hľadiska aj vlastného panovníckeho statusu ako kresťanského kráľa, úspešne christianizujúceho početné pohanské etnikum. Rogeriova zmienka o dôvodoch pokrstenia mnohých duší kráľom poukazuje aj na v stredoveku nemenej dôležitý a všadeprítomný motív kresťanskej spásy²³.

Významnú analógiu dôsledkov tlaku Mongolov na kumánske kmene však možno hľadať v udalostiach, predchádzajúcich vojenskému stretu na rieke Kalke. *Haličsko-volyňský letopis* načrtol úvodnú skúsenosť ruských kniežat s mongolskou agresiou pomerne výstižne: „Приде неслыханаѣ рать . безбожнии Моавитане . рекомыи Татаръве . придоша на землю Половецкую . Половцемъ же ставшимъ . Юрьи Кончаковиѣ бѣ болиише всихъ Половецъ . не може стати . противу лицу и^х бѣгаючи же смоу . и мнози избѣени быша . до рѣкы Днепра Татаромъ же возвратившимся идоша в вежа своа . прибѣгшимъ же Половцемъ в Роускую землю . глѣющимъ же имъ . Роускимъ княземъ . аще не поможета намъ . мы нынѣ исѣчени быхомъ . а вы наоутрѣ исѣчени боудете”²⁴. Tým sa však výpovedná hodnota príslušnej časti letopisu vo vzťahu k prichádzajúcim Kumánom nekončí. V dôsledku spomenutých udalostí sa konal v Kyjeve snem ruských kniežat, na ktorom bol pokrstený Basty, „великыи кнѣз Половецкыи”²⁵.

Snahy o christianizáciu Kumánov sa tak v tomto prípade spájali s ideologickým zavŕšením vojensko-politického spojenectva ruských kniežat a týchto nomádov. Tento rozmer zrejme nechýbal ani pri úsilí o christianizáciu tohto pohanského etnika uhorským kráľom Belom IV. Kumáni sa samozrejme odovzdávali do služieb kresťanským vládcom čisto z politickej núdze, čerpajúc z takejto kooperácie možné výhody pre úspešnú defenzívu voči Mongolom. V oboch prípadoch možno predpokladať, že poskytnutie vojenskej spolupráce či územia bolo priamo podmienené ruskými kniežatami a uhorským panovníkom prijatím kresťanstva²⁶. Pre dobu svojho vzniku je celkom prirodzené, že sa o udalostiach v tomto duchu nevyjadrujú dobové pramene z ruského ani uhorského prostredia a že o prijatie Krista žiadali podľa nich práve pohania²⁷.

²² Rogerius vkladal v *Carmen Miserabile* do úst uhorských šľachticov (*nobiles*) podozrenie, podľa ktorého kráľ priviedol Kumánov na potlačenie odbojnej šľachty („...ad depressionem et ad confusionem eorum Comanos adduxerat”). *SRH*, vol. 2, p. 556.

²³ Doslova: „... ut animabus Deo quamplurimis lucrefactis suam facilius deduceret lucrifactam suam ad aeterna gaudia beatorum”. *Ibidem*, p. 552.

²⁴ *Ипатьевская летопись*, стб. 740–741. K okolnostiam, predchádzajúcim vojenskému stretu na rieke Kalke: *Лаврентьевская летопись*, стб. 445–446; *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* [ďalej: *НПЛ*], Москва–Ленинград 1950, стб. 62.

²⁵ *Ипатьевская летопись*, стб. 741.

²⁶ Neúspešné snahy o christianizáciu a integráciu Kumánov prebiehali ešte za vlády Ladislava Kumánskeho. K nim podrobne: G. Kristó, *Az arany-bullák évszázada*, s. 154–186; G. Pauler, *A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt*, II. kötet, s. 353–370. Ku christianizačným snahám v prvej polovici 13. storočia: Sz. Kovács, *A kunok története a mongol hódításig*, s. 243–255. Ku kontaktom Kumánov s východným kresťanstvom: Idem, *A kunok és a keleti kereszténység*, [in:] *X. Rodosz konferencia kötet*, Kolozsvár 2009, s. 233–245.

²⁷ *SRH*, vol. 2, p. 553.

Sociálny status kumánskeho etnika však na haličsko-uhorskom pomedzí pravoslávia a katolicizmu mohla ovplyvňovať aj miera postupného prenikania nomádov do spoločenských štruktúr. S uvedeným súvisí aj doba, počas ktorej k naznačenému prieniku dochádzalo. Už po vyššie spomenutých ničivých nájazdoch Kumánov v roku 1095 do okolia Torčeska, Trepole či Kyjeva dokladajú ruské kroniky počiatky kumánsko-ruských manželských zväzkov²⁸. Nenávisť k dobyvateľom ruskej zeme sa síce na sklonku 11. storočia premietla do prerušenia diplomatických aktivít a vraždy kumánskych náčelníkov, avšak zmienky dobre dokumentujú hlboké korene tradičných vzťahov medzi kočovníkmi a ruským prostredím²⁹. Kniežacia vláda Vladimíra Monomacha neznamenala iba víťazné boje s Kumánmi, ale aj začiatky dlhodobého upevňovania diplomacie prostredníctvom sobášnych zväzkov³⁰. Tieto pretrvali až do obdobia mongolskeho vpádu a možno ich považovať za svedectvo dlhotrvajúcej integrácie Kumánov do štruktúry dynastických väzieb medzi ruskými elitami. K postaveniu kumánskeho obyvateľstva na územiach ruských kniežatstiev sú už ruské naračné pramene prakticky bez akejkoľvek výpovednej hodnoty.

Rogeriova *Carmen miserabile* naproti tomu obsahuje útržky informácií, ktoré naznačujú pomerne nelichotivý spoločenský status kumánskych prisťahovalcov. Nežiaduca koncentrácia Kumánov na jednom mieste mala byť odstránená ich rozdelením do redšie osídlených oblastí. Keďže sa jednalo zväčša o obyvateľstvo nemajetné, stávalo sa lacnou pracovnou silou s najnižším sociálnym postavením³¹. Kanonik však na strane druhej naznačil aj iniciatívu uhorských vznešených mužov pri christianizácii kumánskej aristokracie, s čím súvisí následné uzatváranie manželstiev medzi predstaviteľmi uhorskej a kumánskej nobility³². Uhri sa tak mohli snažiť o integráciu Kumánov do uhorskej spoločnosti spôsobmi, ktoré využívali ruské elity pri snahe o kooperáciu s týmito nomádmi podstatne skôr.

Územie Uhorska bolo, na rozdiel od oblastí na Balkáne alebo na juhoruskej stepi, ušetrené kumánskych nájazdov po celé 12. storočie³³. Aj neskôr Kumáni ohrozovali

²⁸ K roku nasledujúcemu po kumánskych vpádoch sa viaže zmienka o manželskom zväzku kyjevského kniežata Sviatopolka I. s dcérou kumánskeho kniežata Tugorkana: *Ипатьевская летопись*, стрб. 216.

²⁹ *Ibidem*, стрб. 218.

³⁰ Dynastické zväzky medzi kumánskou aristokraciou a rodinou kniežata Vladimíra Monomacha uvádzajú ruské naračné pramene (*Ипатьевская летопись*, стрб. 258–259, 285, 290; *Лаврентьевская летопись*, стрб. 426). Ku kontaktom ruských a kumánskych elít vo svetle archeologických prameňov: A. Gołbiewska-Tobiasz, *Wyroby ruskich rzemieślników w inwentarzach grobowych połowieckiej arystokracji rodowej (XIII–XIV w.)*, [in:] *Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1280)*, ed. V. Nagirnyy, Kraków 2013, s. 118–131 (Seria: *Colloquia Russica, Series I*, vol. 3); Eadem, *Kontakty połowieckiej arystokracji rodowej w świetle źródeł archeologicznych*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th c.*, ed. V. Nagirnyy, Kraków 2014, s. 116–135 (Seria: *Colloquia Russica, Series I*, vol. 4).

³¹ *SRH*, vol. 2, p. 556–557.

³² *Ibidem*, p. 559.

³³ Sz. Kovács, *A kunok története a mongol hódításig*, s. 236–238, 254. Kumáni sa dostávali do kontaktu s uhorskými vojskami v priebehu 12. storočia zväčša na území ruských kniežat v súvislosti s uhorsko-ruskými diplomatickými väzbami a vojenskými ťaženiami. K nim podrobne: A. Hodinka, *Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai*, Budapest 1916, s. 77–273; M. Font, *Magyarok a Kijevi évkönyvben*, Szeged 1996, s. 7–37.

skôr pohraničné oblasti v Sedmohradsku. V prvých desaťročiach 13. storočia vstupovali do služieb ruských kniežat a uhorských kráľov predovšetkým v bojoch o oblasť Haliče³⁴. Uvedené skutočnosti tak mohli negatívne ovplyvniť vnímanie kumánskej prítomnosti v Uhorsku v čase ohrozenia krajiny. Ako pohania zahrnutí priazňou kráľa sa kvôli divokosti povahy, násilným stretom s domorodými Uhrami či škodám spôsobeným dobytcom nomádov stávali postupne terčom všeobecnej nenávisti³⁵. Deliaci čiara medzi Kumánmi a Mongolmi však bola zrejme nezretelná aj medzi vyššími spoločenskými vrstvami. S uvedeným tak súviseli obvinenia z kooperácie týchto kočovných etník. Kumáni boli považovaní v Uhorsku už po vyrabovaní a vypálení Vacova v marci roku 1241 vojskami Batu chána za mongolských špehov („Comani societatem contraxerint cum Ruthenos”*)³⁶ či dokonca priamo zamieňaní s Mongolmi („qui venerant Comani, non Tartari crederentur”)³⁷. V dôsledku zhruba v týchto príčinách koreniaceho odporu tak prišlo k usmrteniu kumánskeho náčelníka Kutena v paláci v Pešti. Táto skutočnosť mala pre možnú vojenskú spoluprácu Kumánov a Uhrov voči mongolským vojskám fatálne dôsledky, ale v konečnom dôsledku zrejme oddialila do istej miery aj snahy o integráciu kumánskeho etnika do spoločnosti. Kumáni odpovedali na pogromy vojenskou agresiou, ničili na svojej ceste sídla až do oblasti Sriemu a ustúpili na územie Bulharska³⁸.

Nachádzať obraz Kumánov v reflexii rôznych spoločenských vrstiev na juhozápadnej Rusi prostredníctvom ruských naračných prameňov je vzhľadom na ich povahu pomerne náročné. Povedomie o dávnej krutosti kumánskych nájazdov však v nich nachádzame ešte aj v období mongolskeho ohrozenia³⁹. Pre haličské cirkevné kruhy tu sotva mohli predstavovať kumánski kočovníci ako pohanskí či povrchné christianizovaní tradiční nepriatelia ruskej zeme kladné postavy. Kumánsku dlhodobú prítomnosť v ruskej spoločnosti však boli nútení prijať aj ruskí kňazi a spojenectvo Kumánov s ruskými kniežatami reflektovať ako prostý politický fakt⁴⁰. V kronikách tak zväčša zaujali k nomádom v prípade ich vojenskej spolupráce s kresťanskými vládcami neutrálne stanovisko, konštatujúce v strohých zmienkach kumánsku prítomnosť vo víťazných ťaženiach. Pri porážke ruských vojsk na rieke Kalke zdôrazňovali pramene naopak obráte-

³⁴ Kumáni však stáli na prahu 13. storočia spočiatku v bojoch proti Uhrom na strane ruských kniežat. Už v rokoch 1205 a 1210/11 bojovali pri uhorskej expanzii na Halič na strane Rurika Rostislaviča a černigovských Olegovičovcov, neskôr Romana Igoreviča (*Ипатьевская летопись*, стрб. 717–718, 726). Proti vojskám Ondreja II. sa na stranu Mstislava Mstislaviča postavili Kumáni v roku 1221 a výrazne mu pomohli znovuzískať Halič (*Ипатьевская летопись*, стрб. 735, 737). Kumánov tak máme písomne doložených po boku uhorských vojsk až v roku 1230.

³⁵ *SRH*, vol. 2, p. 554.

³⁶ *(recte Tartaris).

³⁷ *Ibidem*, p. 566.

³⁸ *Ibidem*, p. 567–568.

³⁹ *Haličko-volyňský letopis* vkladá už pred prvou zrážkou ruských vojsk s Mongolmi na Kalke do úst bojara Jurija Domamiriča slová, podľa ktorých sú Mongoli ľudia, avšak horší (dokonca) ako Kumáni: *Ипатьевская летопись*, стрб. 742.

⁴⁰ Spojenecké záväzky Mstislava Mstislaviča s Kumánmi sú predmetom živého záujmu letopisca v haličskom aj v novgorodskom prostredí. *НПЛ*, стрб. 252–265.

nie sa Kumánov na ústup⁴¹. Pre pravoslávne cirkevné elity tak ostávali zrejme Kumáni v priebehu 13. storočia bezbožnými Izmaelitmi („безбожные сыны Измаиловы“)⁴² a pohanmi, strašiacimi menami ruských kniežat vlastných potomkov⁴³.

Odmietavý postoj ku kumánskemu elementu v ruskej spoločnosti však už sotva možno dávať do súladu so záujmami samotných ruských kniežat. Tie mali vyslovene pragmatický charakter a v období monholskeho ohrozenia či haličských vojen už možno zaznamenávať vznik koalícií kumánskych elít s rurikovskými kniežatami, ale tiež s uhorským kráľom⁴⁴. Kým však tradičné väzby s Kumánmi umožnili v ruskom prostredí spoločné vystúpenie proti Mongolom, ich krátkodobá prítomnosť v Uhorsku vyústila v ozbrojený konflikt a do vraždy kumánskeho kniežata Kutena. Nemožno v nej však nevidieť aj účasť prelátov a šľachticov, nespokojných s politikou kráľa. Opätovne sa na tomto mieste ponúka istá paralela z čias rodiacich sa rusko-kumánskych vzťahov, kedy sa družina bojarov kniežata Vladimira Monomacha rozhodla zavraždiť kumánskych náčelníkov Itlara a Kitana. Vražda sa vykonala napriek prísahe, ktorá zaväzovala Monomacha k ochrane Kumánov aj k zachovávaniu mieru⁴⁵. Spojenecké záväzky kresťanských vládcov a kumánskych kniežat neboli teda v čase plienenia krajiny a ohrozenia mocenských záujmov aristokracie všeobecne prijaté v latinskom ani pravoslávnom prostredí.

Postupné prenikanie Kumánov do spoločenských väzieb v sledovanom priestore prebiehalo na niekoľkých úrovniach. Tie zahŕňali prostredníctvom dynastických väzieb, vojenských intervencií či christianizačných tendencií predovšetkým interakciu so svetom spoločenských elít. Mongolský nápor na juhoruskú step v niekoľkých vlnách rozvrátil kumánsku moc na tomto teritóriu. Kumáni sa aj v dôsledku tejto skutočnosti utiekali do priľahlých oblastí ruských kniežatstiev a uhorského pohraničia. Príchod Kumánov do Uhorska mohol viesť pôvodne k menším vojenským stretom s nemeckými rytiermi⁴⁶, po ohrození oblasti Haliče však už mal charakter vedomej kooperácie s uhorským panovníkom. Obdobne spolupracovali Kumáni s ruskými kniežatami už pred mongolským vpádom. Po bitke na rieke Kalke možno pozorovať vysokú účasť kumánskych elít v haličských vojnách, a to prevažne na strane ruských kniežat. Postupný prienik kumánskeho prvku do ruskej spoločnosti a tradičné väzby tu mohli mať, na

⁴¹ Ibidem, стрб. 266. O úlohe Kumánov v bitke pri Kalke aj o možnostiach interpretácie tejto časti letopisu: Sz. Kovács, *A kunok története a mongol hódításig*, s. 142–143; Idem, *A Kalka menti csata (1223) és a kunok*, [in:] „Carmen miserabile”. *A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére*, Kecskemét 2014, s. 413–420.

⁴² *ИП*, стрб. 264.

⁴³ V panegyrickom popise činov kniežata Romana Mstislaviča boli na prelome 12./13. storočia kumánske deti vystríhané v podaní autora časti *Haličko-volyňského letopisu* práve pred menom tohto kniežata. *Ипатьевская летопись*, стрб. 813.

⁴⁴ *Haličko-volyňský letopis* informuje v roku 1230 po prvýkrát o kumánskych oddieloch Begovarsa, bojujúcich už pod zástavou kráľa Bela IV proti Kumánom kniežata Kutena: *Ипатьевская летопись*, стрб. 761.

⁴⁵ Ibidem, стрб. 218.

⁴⁶ Sz. Kovács, *A kunok története a mongol hódításig*, s. 244–245.

rozdiel od uhorského prostredia, zásadný podiel na miere úspešnej diplomatickej a vojenskej spolupráce aj v čase mongolskeho ohrozenia.

*

Marek Druga, *Cumans on the borders of cultures: on the question of their status and perception during Mongol invasion in Rus' and Hungarian environment*

This study deals with the perception of the Cuman ethnic group as a cultural and political entity and their position in society on the border area of two different cultures during the Mongol invasion in medieval south-western Rus and Hungary. An increased interest of the work is put on the effect of the activities of the Cumans as pagan element at the interface of the Galician and Hungarian region in the approximate range of two decades between 1223 and 1241. The Cumans were considered to be a significant ally against the Mongols during their invasion. The cultural and confessional diversity of the Cumans also served as a barrier which prevented the efforts of Christianisation and integration of these nomads into the social structures. These factors determined the image of the Cumans in historical sources. The study aims to interpret the perception of these nomads by the social elites of Rus' orthodox (especially Galician) and Hungarian catholic environment. The author of this study also looks at the roots of mutual relations between the Cuman, Rus' and Hungarian elites.

*

Марэк Друга, *Половцы на границе культур: к вопросу об их статусе и восприятии во время монгольского вторжения на Русь и в Венгрию*

В данном исследовании рассматривается восприятие этнической группы половцев как культурной и политической организации и их положение в обществе на границе двух разных культур во время монгольского нашествия на Русь и Венгрию. Повышенный интерес к этой теме обуславливается влиянием половцев, как языческого элемента, на пограничье галицкого и венгерского регионов в приблизительном диапазоне двух десятилетий между 1223 г. и 1241 г. Половцы считались важным союзником против монголов во время вторжения последних. Культурное и конфессиональное отличие половцев было барьером, который мешал усилению христианизации и интеграции этих кочевников в социальные структуры Руси и Венгрии. Эти факторы определили образ половцев в исторических источниках. Целью исследования является интерпретация восприятия этих кочевников элитами русского православного (особенно галицкого) и венгерского католического обществ. Автор также рассматривает корни взаимоотношений между половецкой, русской и венгерской элитами.

Моника Каминьская
(Краков)

Массовые захоронения времён монгольского нашествия в Центрально-Восточной Европе

Статья посвящена категории массовых захоронений, связанных с первым монгольским нападением на средневековые городища, преимущественно древнерусские. Археологические памятники с массовыми погребениями, свидетельствующими о походе Бату-хана, известны археологам с конца XIX века. Находки эти, несмотря на многие общие черты, отличаются друг от друга уровнем их научной изученности. Данный текст представляет собой обзор известных на сегодня массовых могил, имеющих отношение к монгольскому походу на территорию Центрально-Восточной Европы в 1237–1242 гг., дополненный комментариями о состоянии их опознания.

Вступительные замечания. С военными действиями неразрывно связана смерть, которая затрагивает как войско, так и мирных жителей. В местах раскопок поселений нередко встречаются останки людей (зачастую также кости животных, главным образом, лошадей), которые умерли не своей смертью и не были похоронены согласно обрядам захоронения, присущим той или иной культуре. Особенной группой такого рода находок являются коллективные могилы. Такие захоронения, называемые в русско- и украинскоязычной литературе также „братскими могилами”, – это одно из наиболее характерных последствий масштабных военных кампаний. Хотя братские могилы и не представляют собой типичных захоронений, не относятся, однако, и к явлениям абсолютно редким в общей перспективе археологической науки – встречаются в слоях различных культур и свидетельствуют о происходивших в прошлом сражениях, набегах на поселения, осадах крепостей, экзекуциях, эпидемиях или даже о кровопролитных религиозных ритуалах¹. Коллективные захоронения имеют разнообразные

¹ Такие „захоронения” известны, например, с конца неолита, См.: Koszyce, site 3, *Violence and Ritual at the end of Neolithic*, eds. M. M. Przybyła, A. Szczepanek, P. Włodarczak, Kraków–Pędkowice 2013, или же в лужицкой культуре, см.: M. Byrska-Fudali, M. M. Przybyła, *Badania ratownicze na stanowisku 2 w Modlniczce, gm. Wielka Wieś, Raport 2007–2008*, t. 1, Warszawa 2012, s. 527–529.

к монгольскому нашествию⁸, зимой 1237 г. армия Бату-хана напала на Рязань. Это событие потрясло всю Русь и навеки осталось в памяти её населения (появилось даже литературное произведение, посвящённое этому происшествию – *Повесть о разорении Рязани Батыем*)⁹. На территории древнерусского города Рязани открыто несколько братских могил. Первое из нетипичных кладбищ было обнаружено на месте самой древней части города – т. н. *Северного городища* – уже в 1926 г. во время раскопок Василия Городцова¹⁰. Исследования могильника в северной части продолжил Александр Монгайт¹¹. Хотя некоторые свидетельства (т. н. „зимняя ориентация” погребений относительно сторон света, повреждения скелетов, положение скелетов один над другим, артефакты и вездесущее выгорание) указывали на связь с событиями зимы 1237 г., принято было считать, что этот многослойный могильник (насчитывающий 90 погребений) несомненно послужил местом захоронения жертв нашествия, но функции свои выполнял ещё и долгое время после вторжения монголов в город. Авторы более поздних верификационных исследований опровергли этот тезис (скелеты разложены в могиле были единой на нескольких уровнях)¹². Следующая братская могила, открытая в рязанской низменности (раскоп 21) в конце 70-х гг. XX века, также включала в себя скелеты, сложенные на нескольких уровнях. Как и при захоронениях в северном городище, в слоях этой могилы найденные артефакты датируются XII – началом XIII века (следует отметить, что при раскопках были нарушены более старые слои, в том числе и более старые гробы), а на скелетах видны следы повреждений от колюще-режущего оружия. Останки их могилы были подвержены антропологическим экспертизам. Среди останков, чей возраст удалось установить, большинство было скелетами защитников Рязани и, как выяснили авторы исследований, населения, не попавшего в плен (мужчины молодые или в расцвете сил, женщины в возрасте после 35 лет, зато незначительное

⁸ М. Д. Полубояринова, *Город Болгар в XIII веке*, [in:] *Русь в XIII веке: древности тёмного времени*, ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Москва 2003, с. 105.

⁹ Одним из стереотипов о влиянии монгольского нашествия на развитие Рязани является мнение об абсолютном упадке города после 1237 г. Такое мнение следует несколько подправить, хоть исследования истории Рязани после нашествия особенно трудны. Как показывают некоторые археологические данные, трагический конец 1237 г. не обозначал конца заселения на территории города. На территории старой Рязани известны не только многочисленные находки керамики, датированной XIII–XIV вв., но также и более искусных ремесленнических изделий и монет. Ситуацию усложняет то, что эти артефакты обычно были найдены в разных местах (т. е. не имеют археологического контекста). Рязань была через какое-то время выселена (после XIII в.), а на её месте интенсивно развивалось сельское хозяйство, которое вспашкой земель практически полностью уничтожило культурные слои послемонгольского периода. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что Рязань функционировала как городское поселение ещё какое-то время после 1237 г., но информация о его характере чрезвычайно скудна. Ср.: А. В. Чернецов, И. Ю. Стрикалов, *Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований*, [in:] *Русь в XIII веке*, с. 18–33.

¹⁰ В. П. Даркевич, Г. В. Борисевич, *Древняя столица рязанской земли XI–XIII вв.*, Москва 1995, с. 372.

¹¹ А. А. Монгайт, *Старая Рязань*, „Материалы и исследования по археологии СССР”, 49, 1955, с. 12, 29.

¹² В. П. Даркевич, Г. В. Борисевич, *Древняя столица рязанской земли*, с. 372.

было количество пожилых мужчин, мало детей и лиц юного возраста). Ученые сошлись во мнении относительно связи этой могилы с событиями 1237 г.¹³

Массовое погребение было открыто и в древнерусском поселении вблизи старой Рязани (в настоящее время это деревня Фатяновка) в 1979 г. Результаты антропологического анализа почти 70 скелетов из многослойной могилы также свидетельствовали о внезапной смерти похороненных здесь людей (убийство большинства мужчин и возможное взятие в плен части молодых женщин и детей). Во всех перечисленных гробах скелеты сопровождалась личными вещами, преимущественно это были украшения и части одежды (пуговицы, бусины, крестики, перстни). Органические материалы сохранились сравнительно неплохо, и в нескольких случаях удалось обнаружить фрагменты ткани (главным образом краёв одежды), что позволило получить информацию о том, как выглядели костюмы, в которых было похоронено население Рязани; к примеру, было возможным реконструировать длину одежды и определить наличие головных уборов и украшений¹⁴.

После взятия Рязани монголы двинулись под Коломну, возле которой произошла русско-монгольская битва, в которой победили нападавшие, захватившие и сам город¹⁵. Информация о развитии Коломны до середины XIII века довольно скудна по сравнению с позднейшими этапами Средневековья, когда город стал играть более важную роль в регионе (неизвестно, среди прочего, точное расположение древнерусского детинца)¹⁶. На восток от позднесредневекового коломенского кремля (район улиц Левшина, Грунта и Посадской) простирались земли, принадлежавшие церкви Св. Симеона, начало которой нужно отнести (на основе датирования прицерковного могильника) к концу XIII – XIV веку¹⁷. По словам многолетнего исследователя Коломны Алексея Мазурова, начальным этапом развития данного церковного могильника могла стать открытая там массовая могила, вероятно являвшаяся последствием нападения на город. Нужно, однако, заметить, что датирование самой старой фазы могильника неоднозначно, поскольку захоронения XIII века можно связать как с походом Бату-хана, так и с атаками Тудана на земли северной Руси в конце XIII века.

Согласно источникам, зимой 1238 г. монголы заняли ещё несколько значимых русских городов, в т. ч. Ярославль, откуда происходят одни из важнейших открытий, связанных с монгольской агрессией. При археологических исследованиях 2005–2008 гг. в пределах древнерусского Ярославля, а точнее „Рубленого города” –

¹³ Ibidem, с. 373.

¹⁴ Ibidem, с. 383.

¹⁵ *Лаврентьевская летопись*, стб. 460.

¹⁶ Самой главной, укрепленной части города, называемой позднее кремлём. А. Б. Мазуров, *Эволюция Коломны в XIII–XIV веках: от малого города Древней Руси к домену великого князя московского*, [in:] *Русь в XIII веке*, с. 86.

¹⁷ Idem, *Двадцатилетие охранных археологических исследований Коломны: некоторые итоги*, [in:] *Коломна и Коломенская земля. История и культура*, Коломна 2009, с. 16.

ярославльского кремля, обнаружено разной величины 9 братских могил (а в них почти 500 человеческих скелетов)¹⁸. Как и в случае с Рязанью, скелеты были сложены в могилах слоями, но зачастую в ненатуральных позах. В открытых в Ярославле могилах многочисленную группу останков составляли скелеты женщин и детей (особенно в могилах, найденных в центральной части кремля мужские захоронения располагались ближе к линии обороны)¹⁹. На костях хорошо заметны следы ударов и острых порезов, а некоторые черепа были даже раздавлены, разбиты ударами²⁰. Благодаря влажной почве, в местах раскопок хорошо сохранились органические материалы – кожа с обуви, фрагменты шерстяной и шёлковой ткани, края шапок, фрагменты шуб, которые, по мнению учёных, подтверждают факт, что трагедия имела место в холодное время года. Согласно мнению исследователей, могилы были выкопаны, скорее всего, жителями, вернувшимися в город после того, как опасность миновала. Скелеты присыпали землёй и пеплом во время приведения города в порядок²¹.

Следующие открытия на территории северо-восточной Руси приводят к т. н. *Ветчаному/Ветшаному городу*, историческому центру Владимира-на-Клязьме. Долгое время „вопрос 1238 года” во Владимире был проблематичен, а находки, которые можно бы было связать непосредственно с походом, были немногочисленны и порой сомнительны²². Коллективное захоронение открыто в 2011 г. на улице Златовратского. В яме одновременно было погребено 57 человек (из них не менее 43 взрослых). Антропологический анализ, проведённый Натальей Гончаровой, выявил повреждения костей (в т. ч. травмы черепов от острых и тупых предметов), аналогичные повреждениям костей из братских могил в Ярославле²³. Таким образом, захоронение во Владимире было отнесено к событиям февраля 1238 г., описанным в *Лаврентьевской летописи*²⁴.

Киев – „мать городов русских” – был захвачен армией Бату-хана в конце 1240 г. (общепринято считать датой захвата 6 декабря)²⁵. Из Киева, как из т. н. *Верхнего города*, так и из ремесленного Подола, происходит серия открытий случайных захоронений людей, погибших вследствие пожаров их

¹⁸ А. В. Энговатова и др., *Археология древнего Ярославля: загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН)*, изд. 2, Москва 2012, с. 230–231.

¹⁹ Ibidem, с. 235.

²⁰ А. В. Энговатова, *Новые открытия в древнем Ярославле*, „Наука в России”, 6, 2009, с. 60–65.

²¹ А. В. Энговатова, Д. О. Осипов, Н. Н. Гончарова, А. П. Бужилова, *Массовое средневековое захоронение в Ярославле (предварительные результаты)*, „Краткие Сообщения Института Археологии РАН”, 224, 2010, с. 106–114.

²² Ср.: Ю. Э. Жарнов, *Археологические исследования во Владимире и „проблема 1238 года”*, [in:] *Русь в XIII веке*, с. 48–58.

²³ Н. Н. Гончарова, *Анализ антропологического материала из захоронения на ул. Златовратского в г. Владимире*, „Археология Владимиро-Суздальской земли”, 5, 2015, с. 69–75.

²⁴ *Лаврентьевская летопись*, стб. 461–464.

²⁵ Ibidem, стб. 470. *Галицко-Волынская хроника* не даёт точной даты взятия города (*Ипатьевская летопись*, стб. 784–785), однако другие летописи упоминают дату 19 ноября (Ср.: Г. Ю. Івакін, *Історичний розвиток Києва XIII – середини XVI ст.*, Київ 1996, с. 47).

домашних хозяйств. Эти открытия можно связать с набегами, хоть и непонятно чьими, так как датировка проблематична, а история Киева изобилует военными происшествиями. Сообщения о массовых могилах в Киеве появились еще в XIX веке. Первое такое погребение было случайно обнаружено в 1870 г. во время строительных работ по возведению зданий пивоваренного завода на Подоле. По данным Владимира Антоновича, у подножья горы Юрковицы было найдено сосредоточение „почти что 4000 скелетов” или „более 2000 черепов”²⁶. Базируясь на описаниях находки (характера и размера места раскопок, оснащения погребений), оставленных В. Антоновичем и его современниками, исследователи склонны причислить эту могилу к группе раскопок, связанных с 1240–1241 гг.²⁷ Следующее массовое захоронение (насчитывающее „несколько тысяч” жертв) на территории древней столицы Руси было найдено в 1892 г. проводящим раскопки на улице Десятинной²⁸ Иосифом Хойновским²⁹. В 1907 г. археолог чешского происхождения Викентий Хвойка открыл при абсидах Десятинной церкви (над фундаментами уничтоженного к тому времени „южного дворца”) коллективную могилу, хранящую в себе трудноопределяемое, но довольно большое количество скелетов и мужского, и женского пола разного возраста. Согласно В. Хвойке, среди останков должен был находиться также скелет (по крайней мере, череп) монгольского захватчика³⁰. Обнаруженные археологом скелеты носили следы внезапной смерти, поэтому могилу сразу признали гробом защитников церкви³¹. Следующая могила, состоящая из 12 скелетов, открыта в 1908 г.³² В Киеве были найдены и меньшие объекты с единичными скелетами людей, погибших при пожаре. В 30-х и 40-х гг. XX века на киевской „горе” Михаил Каргер открыл „захоронения”, которые интерпретировал как следы монгольского вторжения в Киев (в т. ч. сожжённые дома с человеческими останками и убежище под Десятинной церковью)³³. Похожие находки совершались также в конце 90-х гг. XX века³⁴.

Братская могила была обнаружена в ближайшем соседстве с Десятинной церковью ещё и в 2007 г. Объект, первоначально представлявший собой, вероятнее всего, подвал деревянного строения, был заполнен пеплом, в котором, кроме строительных обломков и осколков керамики, находились перемешанные

²⁶ Г. Ю. Ивакин, А. В. Комар, *После катастрофы: Киев в 1241 р.*, „Stratum Plus”, 5, 2016, с. 60.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Возможно, что продолжение этой могилы, содержащей несколько тысяч останков, было открыто в 1910 г. архитектором Дмитрием Милеевым.

²⁹ В. Г. Івакін, *Християнські поховальні пам'ятки*, с. 110.

³⁰ Г. Ю. Ивакин, А. В. Комар, *После катастрофы*, с. 61.

³¹ О. Комар, *Братські могили 1240–1241 років біля Десятинної церкви*, „Opus mixtum”, 4, 2016, с. 123.

³² Ibidem, с. 128.

³³ Ср.: М. К. Каргер, *Киев и монгольское завоевание*, „Советская археология”, 1949, 11, с. 55–102.

³⁴ І. І. Мовчан, Я. Є. Бобровський, В. М. Гончар, Ю. Г. Писаренко, *Дослідження міста Володимиря у Києві 1999 р.*, [in:] *Археологічні дослідження в Україні 1998–1999*, Київ 1999, с. 125.

человеческие кости. Установлено, что эти останки принадлежали, по крайней мере, 14 лицам (8 взрослым и 6 детям). Кости имели следы огня и звериных зубов – свидетельство того, что они были там помещены лишь через какое-то время после смерти³⁵. Такие „гробы” из окрестностей Десятинной церкви, судя по социальной географии древнего Киева, принадлежали, главным образом, жителям, относящимся к городской элите. Массовые захоронения, как было уже сказано ранее, обнаружены также на киевском Подоле, где, по мнению исследователей Киева, жило менее состоятельное, простое население (братская могила рядом с Кирилловской улицей, открытая ещё в XIX веке)³⁶. Подводя итоги долгой истории находок коллективных захоронений в Киеве, Глеб Ивакин и Алексей Комар определили 4 этапа похорон населения после погрома 1240–1241 гг. (от „погребения” на месте трагической смерти до захоронения неполных скелетов и отдельных костей, оставшихся на поверхности до нескольких месяцев после катастрофы)³⁷. Число киевских открытий, связанных с монгольским вторжением, растёт не только благодаря проведению новых раскопок. В последние годы имели место также проверки прежних исследований; к примеру, двойное захоронение из раскопок Сергея Гамченко (сезоны 1926–1927), проводимых напротив Десятинной церкви, датированных ранее (не первооткрывателем) X веком, было связано позднейшими исследователями с взятием города Бату-ханом³⁸. В окрестностях древнего Киева, в подземельях Зверинецкого монастыря в 1911 г. Дмитрий Зайченко обнаружил большое количество человеческих скелетов, лежащих в разных позах. Согласно интерпретации исследователя Киево-Печерской лавры Ивана Каманина, останки принадлежат монахам, которые были заключены врагом в их скальном укрытии и умерли из-за недостатка воды, питания и кислорода. Эту теорию подтвердили результаты более поздних исследований – датирование более мелких артефактов, сопутствующих останкам, указывало на то, они действительно могли принадлежать монахам, ищущим убежища в подземельях во время нашествия в 1240 г.³⁹

Общезвестный науке южнорусский археологический памятник Райковецкое городище (деревня Райки вблизи Бердичева) – это небольшой, неупомянутый в источниках древнерусский город, датированный XI–XIII веками. Конец функционирования городка связан с событиями 1241 г.⁴⁰, причём первый исследователь городища Феодосий Мовчановский пробовал отнести упадок города не к монголам, а к безжалостной расправе Даниила Романовича

³⁵ Г. Ю. Ивакин, А. В. Комар, *После катастрофы*, с. 68–70.

³⁶ О. Комар, *Братські могили*, с. 137.

³⁷ Г. Ю. Ивакин, А. В. Комар, *После катастрофы*, с. 69–70.

³⁸ Ср.: Н. Хамайко, *Давньоруське парне поховання з розкопок Сергія Гамченка на садибі Трубецьких у Києві*, „*Opus mixtum*”, 4, 2016, с. 228.

³⁹ В. Г. Івакін, *Християнські поховальні пам'ятки*, с. 110–111.

⁴⁰ В. К. Гончаров, *Райковецкое городище*, Киев 1950, с. 19.

с непослушными болоховскими князьями, которая произошла в 1257 г.⁴¹ Известные науке уже 60 лет благодаря ставшей классической монографии В. Гончарова находки на майдане Райковецкого городища – это яркий пример жестокости монгол, поскольку майдан городища был устлан телами людей и животных и в таком состоянии оставался до момента их открытия археологами. Останки большинства погибших лежали под слоем сожжения. Уничтоженные домашние хозяйства были полны оставленных в спешке предметов – атака монгол была неожиданностью для жителей города. У ворот городища найдены сотни скелетов защитников города. Отдельные скелеты обнаружены и в пределах валов (а также в тайных подземных коридорах, часто встречаемых в оборонительном строительстве Руси)⁴² и в пригородных поселениях. Таким образом, скелеты остались в точности на том же месте, где жителей города настигла смерть (во многих из них были вонзены наконечники монгольских стрел), а антропологические анализы показали, что скелеты принадлежали представителям всех возрастных категорий⁴³. С уверенностью можно утверждать, что осёдлость больше никогда не вернулась на территорию городища. Лишь источники XVI века упоминают о деревне Райки невдалеке от „старого вала“⁴⁴.

Открытия подобного характера были совершены в восточной части Волыни, недалеко на запад от упомянутой выше Болоховской земли (либо в её границах)⁴⁵, где находится городище в селе Городище (Шепетовский район Хмельницкой области). Во время проводимых М. Каргером в 1957–1964 гг. исследований на территории городища было открыто около 250 скелетов (преимущественно под завалами сгоревших домов, входящих в состав линии валов, либо в группах отдельных костей). Следует отметить, что во время раскопок не было найдено городского могильника, поэтому костяные останки принадлежали убитым. Автор

⁴¹ Г. Ю. Ивакин, *Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие*, [in:] *Русь в XIII веке*, с. 60. Попытки определить размер летописной Болоховской земли недавно были предприняты Леонтием Войтовичем (Л. Войтович, *Князь Лев Данилович*, Львів 2012, с. 63–64; Idem, *Кордони Галицько-Волинської держави: продовження дискусії*, „Археологічні дослідження Львівського університету”, 19, 2015, с. 53–54). Если городище в Райках в действительности относилось к этой группе памятников, то оно находилось бы в наиболее восточной части Болоховской земли (следует помнить о том, что не все болоховские города идентифицированы). Принимая во внимание характер находок (орудия монгольского типа и отличающийся на фоне остальных образ особенной жестокости происшествия), предложение Ф. Мовчановского не выглядит слишком убедительно.

⁴² В. К. Гончаров, *Райковецкое городище*, с. 24–25.

⁴³ Ibidem, с. 33.

⁴⁴ Ibidem, с. 18.

⁴⁵ План Городища на основе аналогии с планированием и конструкцией укреплений был записан в группу болоховских городов Анной Песковой (А. Пескова, *Древний Изяславль*, „Краткие сообщения Института археологии, 164, 1981, с. 71), а также современными исследователями Болоховской земли (В. Якубовский, А. Шабалина, *Планіграфія і фортифікаційні споруди городищ Болохівської землі*, „Дрогобицький краєзнавчий збірник”, 7, 2003, с. 44). Изяслав (неизвестно только, имеется ли в виду Городище или собственно Изяслав) в группу болоховских городов отнёс Алексей Журко (О. І. Журко, *Археологія Болохівської землі XII–XIII ст.*, „Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету”, 14, 2005, с. 113.)

раскопок связал Городище с летописным Изяславом (единожды упомянутым в источниках в связи с вторжением монголов в Галицкую и Волынскую земли)⁴⁶, а момент его упадка – с монгольским нашествием⁴⁷. Костяные материалы с места раскопок (свыше 200 тел) изучал Дмитрий Рохлин. Среди уничтоженного населения значительную часть составляли женщины и дети. Анализ Д. Рохлина выявил следы внезапной смерти – ударов, наносимых по голове саблей или мечом, чаще всего сзади или сбоку. Нападающий использовал также колющее и ударно-раздробляющее орудия⁴⁸.

Расположенный на восточных рубежах Волыни летописный Корческ известен из источников, относящихся к XII веку⁴⁹. Центр города, в котором, вероятно, располагался средневековый центр, слабо изучен археологами. Небольшую братскую могилу открыл при раскопках в центре города Богдан Прищепа (на Киевской улице) в 2008 г. Найденные останки лежали под слоями т. н. польско-литовского периода. На основании стратиграфических наблюдений и анализа артефактов (керамики, обломков стеклянных браслетов и крестика из розового сланца) погребение было датировано XIII веком и связано с монгольским нашествием⁵⁰.

На территории южных рубежей средневековой Руси небольшая коллективная могила была открыта в поселении летописной Бакоты (урочище Пушкарёвка). Захоронение датировано с помощью керамики серединой XIII века и состоит из скелетов трёх человек в анатомическом порядке – двое повернуты головой к западу, один уложен головой на восток⁵¹. Информация об антропологическом анализе отсутствует.

На территории Польши следы монгольского нашествия в виде коллективных могил его жертв были найдены, возможно, в известных по XIII-вечным хроникальным донесениям древнерусских Любачёве и Мельнике. Материалы из Любачёва (8 черепов и скелетные останки) происходят из раскопок Александры

⁴⁶ *Ипатьевская летопись*, стб. 786.

⁴⁷ М. К. Каргер, *Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957–1964*, [in:] *Тезисы докладов советской делегации на международном конгрессе славянской археологии в Варшаве*, Москва 1965, с. 39–41. Согласно появившемуся в 60-х гг. XX в. тезису М. Каргера, после упадка первоначального Изяслава (городища в Городище) поселение должно было перенестись на территорию современного города. Это мнение проверили археологические раскопки 1980-х гг., когда на скале у устья р. Сошни в р. Горынь в центре Изяслава были открыты реликты древнерусского городища, а следы современного ему поселения были обнаружены в других частях города (Б. А. Прищепа, *Археологічні дослідження середньовічних міст Погориння у 70–80-х роках XX ст.*, „Історія міст і сіл Великої Волині. Науковий збірник «Велика Волинь»”, 25, 2002, 1, с. 218).

⁴⁸ Д. Г. Рохлин, *Болезни древних людей*, Москва–Ленинград 1965, с. 208–209.

⁴⁹ *Ипатьевская летопись*, стб. 396, 410, 482.

⁵⁰ Б. Прищепа, *Основні результати археологічних досліджень волинських міст епохи Київської Русі у 1991–2010 рр.*, „Вісник Маріупольського державного університету. Серія Історія. Політологія”, 4–5, 2012, с. 41–42.

⁵¹ І. Винокур, П. Горішній, *Бакота. Столиця давньоруського Пониззя*, Кам'янець-Подільський 1994, с. 336.

Грущиньской на склоне любачёвского Замкового холма в 1975 г. Исследования имели характер спасательный и разведочный, поэтому их объём в контексте информации по теме древнерусского города весьма ограничен. Направленные на антропологический анализ человеческие кости происходили из слоёв, датируемых XII–XIII веками. Костные останки имели следы ожоговой пигментации и порезов, которые могли быть свидетельством военной атаки (гипотетически относимой авторами исследований к монгольскому нашествию)⁵².

В Мельнике часть массового захоронения была открыта в 80-х гг. XX века во время раскопок у руин костёла XVII века, находящегося на месте более раннего замка (который, в свою очередь, был воздвигнут на месте древнерусского города). Могила найдена у северной стены храма. Вырытая часть гроба вмещала 9 скелетов без оснащения, уложенных на двух уровнях. Некоторые скелеты были нецелые и, по всей видимости, в таком состоянии уже были положены в гроб. Погребение покрывали слои XIV–XV веков, поэтому памятник датирован XIII веком⁵³.

До настоящего времени тема похожих открытий на территориях, не принадлежащих восточнославянскому культурному кругу изучена слабо. В словацкой местности Палариково (район Нове-Замки) на месте раскопок латенской культуры в 1973 г. был обнаружен фрагмент раннесредневекового поселения (XII–XIII века). В объекте номер 3 (руины жилища) найдены останки 4 человек (двоих взрослых и двоих детей), а также бронзовый артефакт, оказавшийся металлическим элементом восточного происхождения. Скелеты свидетельствуют о внезапной смерти (скелет взрослого мужчины неполный, а один из скелетов детей был лишён черепа, который валялся посреди хаты). Открытие связали с монгольским вторжением в Венгрию в 1241–1242 гг.⁵⁴

С монгольской агрессией связаны также могильные открытия в Городнице⁵⁵, Грудке⁵⁶, Звенигороде⁵⁷, Черновце⁵⁸, Дорогобуже⁵⁹ и во многих других местах раскопок, которые с большой долей вероятности можно идентифицировать с захваченными монголами древнерусскими городами.

⁵² Z. Kapica, A. Śmieszkiewicz-Skwarska, H. Stolarczyk, *Charakterystyka antropologiczna wczesno-średniowiecznych szczątków kostnych z z Lubaczowa (Stan. Zamek, woj. Przemyśl)*, „Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego za lata 1980–1984”, 1991, s. 115–144.

⁵³ L. Rejnowicz, *Mielnik, woj. Białostockie*, „Informator Archeologiczny”, 22, 1988, s. 148–149.

⁵⁴ M. Hanuliak, *Vrcholnostredoveké sídliskové objekty z Palárikova*, „Študijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej Akadémie Ved”, 33, 1999, s. 244, 246 (ilustr.), 251–254.

⁵⁵ В. М. Петегийич, *Пам'ятка часу навали золотоординців на Галицьку землю*, „Археологія”, 42, 1983, с. 47–51.

⁵⁶ L. Rauhut, *Średniowieczne cmentarzysko szkieletowe na stanowisku 1A w Gródku Nadbużnym*, „Sprawozdania Archeologiczne”, 2, 1956, s. 78–81.

⁵⁷ В. С. Терський-Шеломенцев, *Дослідження посади літописного Звенигорода*, „Археологія”, 27, 1978, с. 91.

⁵⁸ І. Возний, *Взяття Чорнівського городища монголо-татарами в 1241 р.*, „Наукові записки, Серія Історичні науки”, 20: Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи, 2014, с. 66–75.

⁵⁹ Б. А. Прищепа, *Погоринські міста в X–XIII ст.*, Рівне 2016, с. 60.

Значение и результаты антропологических исследований. Относительно исследований начального периода мы имеем в распоряжении описания объектов и впечатлений первооткрывателей (напр., отчёты В. Хвойки или В. Антоновича о таких находках в Киеве)⁶⁰. Более точный анализ костных останков проводился всего лишь в случае с несколькими вышеупомянутыми памятниками (или же результаты подобных анализов не были соответствующим образом опубликованы). Антропологический анализ, помимо „сухих” данных относительно количества тел, их пола и возраста, состояния здоровья, степени сохранности их костных останков и процессов, происходивших с ними до и после изъятия их из земли, помог лучше очертить характер действий монгольской армии – вида используемого ими оружия и возможного выбора их жертв. Лучше всего с антропологической точки зрения были изучены братские могилы Ярославля, которые представляют собой достаточно представительскую группу. Сравнение результатов антропологического анализа костей из Ярославля и Изяслава (принимая во внимание число скелетов убитых женщин и детей) приводит к выводу, что монгольская армия в то время не захватывала пленных. Таким образом, монголы должны были быстро и с огромной жестокостью брать города⁶¹. Несколько иной образ относительно возможного пленения населения представляют исследования Рязани (разумеется, нельзя исключать и бегства части жителей города). Важным аспектом исследования захоронений такого типа является время сложения тел в общую могилу, на что недавно обратили внимание археологи, изучающие Киев⁶². Археологические исследования неоднократно показывали, что тела жертв набегов лежали какое-то время на поверхности, что было причиной их перемещения и, в итоге, расчленения.

Итоги. На первый взгляд не много вносящие в научные данные относительно монгольского похода в Центрально-Восточной Европе собрания зачастую лишённых какого-либо оснащения человеческих скелетов оказываются ценным источником информации относительно масштаба и характера набегов на города и способов обхождения с телами погибших. На фоне совершённых и опубликованных на сегодня открытий, главным образом на территории Руси, вырисовываются две группы, которым можно дать рабочие названия „северной” и „южной”. География этих открытий своим диапазоном отвечает донесениям источников. Пока что на данный момент ощущается отсутствие достоверных данных относительно останков погибших в военных действиях воинов со стороны врага.

⁶⁰ О. Комар, *Братські могили*, с. 123.

⁶¹ A. Buzhilova, N. Goncharova, *A mass grave from a Mediaeval Russian town: the anthropological evidence of a social catastrophe* [in:] *Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e Journées Anthropologiques de Valbonne*, red. L. Buchet, C. Rigeade, I. Ségué, M. Signoli, Paris 2009, p. 298.

⁶² Г. Ю. Ивакин, А. В. Комар, *После катастрофы*, с. 69–70.

*

Monika Kamińska, *Mass graves of the Mongol invasion period in the Central and Eastern Europe*

The article is devoted to one category of mass burials connected to the first Mongol invasion to medieval strongholds, mostly from the Rus' territory. Archaeological sites with collective burials linked to Batu Khan's military campaign are known to scientists from the end of the 19th century. Those discoveries, in spite of numerous common features, often differ one from the other considering their state of research. The article presents the review of known sites where mass graves of Mongol invasion of the years 1237–1242 were found and provides the author's remarks on their level of research.

*

Monika Kamińska, *Masový hrob z období mongolské invaze ve střední a východní Evropě*

Článek se věnuje jedné kategorii masových pohřbů spojených s první mongolskou invazí do středověkých pevností, zejména na území Rusi. Archeologické situace s kolektivními pohřby spojené s Batu-chánovým vojenským tažením jsou vědcům známy již od konce 19. století. Tyto objevy se navzdory četným společným rysům často liší jeden od druhého vzhledem k jejich stavu výzkumu. Článek představuje revizi známých situací, kdy byly nalezeny masové hroby v souvislosti s mongolskou invazí v letech 1237–1242 a zahrnuje i autorčiny postřehy z roviny jejího vlastního výzkumu.

Андрей Стасюк
(Галич – Ивано-Франковск)

Монгольское нашествие на Русь 1240–1241 гг. и францисканские мученики на страницах *Annales Minorum* Люка Ваддингга

*Западный поход монголов 1236–1242 гг. навсегда изменил историю государств Восточной и Центральной Европы. Появление в причерноморских степях монголов существенно повлияло на политическую, социально-экономическую и культурную ситуацию в восточноевропейском регионе. Монгольский поход на Запад хорошо отражен в русских¹ и латиноязычных источниках. Особого внимания заслуживает анализ упоминания о „францисканских мучениках” на Руси в *Annales Minorum* Люка Ваддингга. Автор приходит к выводу, что она является позднейшей легендой, созданной в францисканской среде в XVI–XVII веках.*

Францисканские источники о монголах, начиная со времен путешествия Иоанна де Плано Карпини (ок. 1180–1252) в Орду и появления его *Истории монголов, которых мы называем татарами*², представляют собой занимательный информационный массив. Активная миссионерская деятельность миноритов среди кочевников на протяжении второй половины XIII – первой трети XIV веков привела к появлению множества разнообразных сведений о Монгольском государстве, его традициях, политической и религиозной жизни. Часто среди таких упоминаний речь идет о Руси, главным образом о походах и грабежах кочевниками русских, а также соседних польских и венгерских земель.

Определенный интерес для современных исследователей средневековых монгольских и татарских походов на Русь представляют *Анналы Миноритов*

¹ Вполне поддерживаем тезис Александра Мусина, высказанный на конференции „Середньовічна Русь: проблеми термінології” (Ивано-Франковск–Галич, 25–27.05.2017), согласно которому для обозначения названий, происходящих от слова „Русь”, более корректно употреблять вариант „русский”/„русских” и т.д., а не современную орфографическую модель „русский”/„русских”.

² *Spotkanie dwóch światów. Stolica Apostolska a Świat Mongolski w połowie XIII wieku. Relacje powstałe w związku z misją Jana di Piano Carpiniego do Mongolów*, pod red. J. Strzelczyka, Poznań 1993, s. 116–223.

трех Орденов Св. Франциска (*Annales Minorum seu trium Ordinum S. Francisco*) авторства ирландского францисканца, ректора коллегіума святого Исидора в Риме – Люка Ваддингга (1588–1657). На протяжении 1625–1654 гг. архивариус Братств Меньших собрал огромное количество известных на то время актов и нарративов, пытаясь создать полное собрание орденских документов, начиная с 1209 г. Впервые *Анналы Миноритов* были изданы только в 30-е гг. XVIII века – первые 15 томов, посвященные средневековой истории францисканцев, появились между 1731 и 1736 гг.³ Второе издание было осуществлено только спустя 200 лет, в 1931–1932 гг.⁴ Несмотря на наличие двух изданий, ни одно из них не было поддано серьезной научной критике⁵, что значительно усложняет изучение и использование этого источника в академической среде.

В обоих вариантах изданий текст сопровождается дополнениями бр. Антонио Мелиссано де Макро (? – после 1657), которые позже были изданы отдельным томом под названием *Анналы Ордена Миноритов. Дополнения бр. Антонио Мелиссани де Макро 1213–1500 гг.*⁶ Дополнения к *Анналам* являются наиболее интересной частью источника, в которой собраны оригинальные известия, базирующиеся как на реальных исторических документах, так и на орденских легендах и традициях.

Монгольское вторжение на Русь и в страны Центральной Европы в 1240–1242 гг. впервые упоминается в *Анналах* под 1245 г. в контексте Лионского собора и подготовки посольства Иоанна Карпини на Восток⁷. Здесь, главным образом, акцентируется внимание на разорении Батыем (ок. 1209–1255/56) Венгрии, Польши, Руси и Хазарии (Крыма)⁸. Каких-то прямых сведений о монгольском нападении на Русь в 1240–1241 гг. в произведении Л. Ваддингга не встречаем. Вся информация сводится к цитированию Иоанна Карпини, в том числе и об опустошении Киева⁹. В то же время в *Дополнениях* А. Мелиссани де Макро под 1241 г. помещена записка о смерти гвардиана львовского конвента – Станислава Перемышльского и еще нескольких братьев из указанной обители. Для подтверждения этой информации автор даже ссылался на буллы римских пап от 1243 г. и 1287 г.¹⁰ Аналогичный рассказ о „блаженном Станиславе Перемышльском”

³ *Annales Minorum seu trium Ordinum a S. Francisco institutorum auctore A. R. P. Luca Waddingo hiberno*, vol. 1–15, Romae 1731–1736.

⁴ *Annales Minorum seu trium Ordinum a S. Francisco institutorum auctore A. R. P. Luca Waddingo hiberno*, editio tertia accuratissima auctor et emendator ad exemplar editionis p. Josephi Mariae Fonseca ab Ebora, vol. 1–15, Ad Claras Aquas (Quaracchi), 1931–1933. Далее в тексте используется именно это издание.

⁵ Следует отметить, что в новом издании некоторые фрагменты все же содержат комментарии бр. К. Еубеля и бр. Г. Голубовича.

⁶ *Annalium Ordinis Minorum. Supplementa Fr. Antonio Melissano de Macro*, Augustae Taurinorum 1710, 523 p.

⁷ *Annales Minorum*, vol. 3, p. 115–118.

⁸ Ibidem, p. 116.

⁹ Ibidem, p. 119.

¹⁰ *Annalium Ordinis Minorum. Supplementa*, p. 44.

навел на страницах *Зерцала Миноритов* польский францисканский историк Казимир Бернацкий (1629–1725)¹¹. Рефлексия о францисканских мучениках 1241 г. также зафиксирована в львовском архиве Братьев Меньших, в частности в каталоге документов конвента Святого Креста от 1775 и 1776 гг.¹²

В обоих случаях упомянутые авторы позаимствовали эту информацию, ссылаясь на первоисточник, у ярославского каноника Мартина Барониуса (? – после 1610), который в начале XVII века, при написании *Жития, деяния и чудес святого Станислава*, составил каталог всех польских святых и блаженных, в котором поместил известие об убийстве монголами львовского гвардиана и его собратьев в 1241 г.¹³ М. Барониус не уточнил откуда он взял эти данные поэтому проблема их появления во францисканских произведениях требует отдельного рассмотрения.

Для начала обратимся к папским буллам, которые в качестве доказательства приводил А. Меллисани де Макро. В посланиях Иннокентия IV (1243–1254) к францисканцам с 1243 г. нету сведений о Станиславе Перемышльском¹⁴. В то же время, в послании папы от 10 июля 1243 г., адресованном доминиканским приорам и инквизиторам по поводу их деятельности среди еретиков Прованса, упомянуты мученики за католическую веру¹⁵. Интересна ситуация с посланиями Гонория IV (1285–1287). В официальном издании булл этого папы львовские мученики не упоминаются¹⁶. Но в конце издания приведен перечень документов, которые не попали в сборник. И среди них находим описание краткого содержания письма понтифика от 1287 г., в котором говорится, что все, кто посетит во Львове могилу францисканских мучеников, убитых монголами 8 октября 1241 г., получат отпущение грехов (индальгенцию)¹⁷.

¹¹ *Speculum Minorum in quo primigenia religio Ordinis Minorum Conventualium omnium primi Ordinis Min: tam immediate, quam mediate emergentium, ab obseruantia positiua tum comparatiua: seu aliunde nuncupatorum Reformatorem matrix fons et origo inspicitur, etc, auctore F. Casimiro Biernacki, Cracoviae 1688, p. 224.*

¹² Archiwum OO. Franciszkanów w Krakowie, Zespół Archiwum lwówskie, Sygn. Lwów – 2, s. 36.

¹³ *Vita, gesta et miracula beati Stanislai Poloni, Casimira ad Cracoviam oriundi, Canoniconum Regularium Lateranensium S. Salvatoris, Ordinis D. Augustini, Viceprioris Conventus Sacretissimi Corporis Christi Casimiriæ, Confessoris: nunc primum in lucem edita, ad laudem Dei, et eiusdem Beati aliorumque Sanctorum honorem, consolationemque Christi fidelium: auctoritate illustris: D. Bernardi Maciejowski, S. Rom: Ecl: Cardinalis, Archiepiscopi Gnesensis. Cui in fine additus est Catalogus aliorum Polonorum eiusdem nominis Sanctorum vite sanctitate, vel morte pro Christo fortiter obita illustran Auctore Martino Baronio Lavstaviensi Clerico, Cracoviae 1609, p. 17.*

¹⁴ *Bullarium franciscanum romanorum pontificum constitutiones, epistolas, ac diplomata continens tribus ordinibus minorum, clarissarum, et poenitentium a seraphico patriarcha Sancto Francisco, Fr. J. B. Constantii, Fr. J. H. Sbaraleae, vol. 1, Romae 1759, p. 303–323.*

¹⁵ *Ibidem*, p. 305–306.

¹⁶ *Bullarium franciscanum romanorum pontificum constitutiones, epistolas, ac diplomata continens tribus ordinibus minorum, clarissarum, et poenitentium a seraphico patriarcha Sancto Francisco, Fr. J. B. Constantii, Fr. J. H. Sbaraleae, vol. 3, Romae 1765, p. 592–599.*

¹⁷ *Ibidem*, p. 600: „Epistola, qua Indulgentiam etiam dedit nostrae Ecclesiae Leopoldis in Russia vistantibus Sepulcrum Martyrum Ord. Min. a Tartaris pro Christi Fide ocesorum die 8 Octobris anno 1241. ex Martino Baronio Jeroslaviense apud Casimiri Biernacki tit. 18. n. 9, sed noster Leopolditanus Conventus cum Ecclesia longe recentior est”.

В новейшем издании *Bullarium Poloniae* под редакцией Ирэны Сулковской-Курась и Станислава Курася также отсутствуют какие-то либо папские документы об убийстве монголами гвардиана Станислава Перемышльского¹⁸. Абсолютно ничего о гибели францисканцев на Руси в 1240–1241 гг. не говорится ни в письме викария Йордана, ни в корреспонденции других миноритских и доминиканских монахов с 1242 г.¹⁹, ни в произведениях папских посланников к монголам: Иоанна Карпини, Бенедикта Поляка (ок. 1200 – после 1251) и Ц. де Бридиа (? – после 1247)²⁰. Последние из указанных авторов лично побывали на Руси во второй половине 1240-х гг. и вероятно могли бы услышать о миноритах, погибших несколько лет ранее. Кроме того, другие сохранившиеся „татарские” буллы Гонория IV с того времени, адресованные венгерскому королю Ласло IV (1272–1290) и архиепископу эстергомскому Лодомеру (1279–1297), никакой информации о „львовских миноритах” не содержат²¹.

Таким образом, папские послания с 1243 г. и 1287 г., сообщающие о гибели францисканцев во Львове, являются скорее исторической выдумкой XVII века, чем реальными документами XIII века. Вполне вероятно, что возникновение такой легенды можно объяснить позднейшей деятельностью Братьев Меньших на Руси, в частности во Львове в XIV веке.

Необходимо обратить внимание также на факт, что во францисканских *Анналах* уже под 1241 г. упомянут Львов. В более раннем и достоверном источнике – *Галицко-Волынской летописи* – этот город впервые появляется под 1256 г.²², но по мнению Ивана Паславского, Львов был основан ранее, чем в середине XIII века. Наиболее вероятной датой основания города И. Паславский считает 1240 г.²³, опираясь при этом на сочинение *Христианский Восток* авторства французского доминиканца Мишеля Ле Кьена (1661–1733)²⁴. Основание Львова перед 1256 г. в современной историографии не вызывает никаких сомнений²⁵. Но могли ли францисканские миссионеры начать свою деятельность в этом городе еще до монгольского нашествия? И могли ли они основать здесь свой конвент уже в середине XIII века?

Сами минориты на протяжении XVII–XIX веков создали множество легенд о своем приходе на Русь уже в 30-х гг. XIII века. В орденской традиции прибытие миссионеров в Перемышль датируется 1235 г., во Львов – 1235–

¹⁸ *Bullarium Poloniae*, eds. I. Sulowska-Kuraś et St. Kuraś, vol. 1: 1000–1342, Romae 1982, p. 160–162.

¹⁹ *Ibidem*, p. 130–133, 157–160.

²⁰ *Spotkanie dwóch światów*. s. 116–175, 224–228, 234–254.

²¹ *Regesta Pontificum Romanorum inde ab A. post Christum natum MCXCVIII ad A. MCCCIV*, ed. A. Pott-hast, vol. 1–2, Graz 1957, p. 1822–1823.

²² *Галицко-Волынский літопис. Дослідження. Текст. Коментар*, за ред. М. Ф. Котляра, Київ 2002, с. 121.

²³ І. Паславський, *Хто і коли заснував місто Львів? Вірогідні й невірогідні дати заснування столиці Галичини*, Львів 2010, с. 5–27.

²⁴ M. Le Quien, *Oriens Christianus in quatuor patriarchatus digestus*, vol. 1, Parisiis 1740, p. 1283–1284.

²⁵ См. наприм.: Л. Войтович, *Князь Лев Данилович*, Львів, 2012, с. 37–41.

1236 г., а в Галич – 1238 г.²⁶ Но особенно интересными на фоне других францисканских источников являются две „львовские истории”, в одной из которых говорится о фундации конвента галицким королем Коломаном (ок. 1208–1241) в 1235 г.²⁷, а вторая гласит об основании монастыря и костела Братьев Меньших в 1236 г. викарием Мартином и гвардианом Якубом при содействии галицкого архиепископа латинского обряда Бернарда²⁸. В обоих случаях сразу видна фальсификация и подтасовка фактов, ведь в 1235 г. Коломан уже не был галицким королем, а львовский гвардиан Якуб (ок. 1384–1391) и архиепископ Бернард (ок. 1381–1391), так же, как и доминиканский викарий Матерн/Мартин (ок. 1384 – после 1400), жили во второй половине XIV века. Таким образом, наличие францисканского конвента во Львове в 1241 г., даже если допустить, что город в то время уже существовал, выглядит крайне маловероятным, на что в исторической науке уже неоднократно обращали внимание²⁹.

С другой стороны известно, что францисканские миссионеры действительно появились на Руси перед 1240 г. Этот факт подтверждается одним из писем викария миноритской провинции Чехии и Польши бр. Йордана из Джано (ок. 1195–1262), датированным 10 апреля 1242 г. Автор, упоминая о разграблении и опустошении монголами русских княжеств, отмечал, что кочевники изгнали с Руси Братьев Проповедников и Братьев Меньших³⁰. Конечно, их деятельность на

²⁶ *Vitae Episcoporum Premisliensium ritus latini, tam que in manuscripto anno 1744 continentur, additis super hisce notitiis ex aliis rerum polonicarum scriptoribus, quam abhinc usque ad praesentia tempora succedentium. Adnexae etiam sunt observationes super origine episcopatum latinorum in Russia, et amplitudine limitibusque modernarum diocesum ritus latini in Galicia*, Viennae 1844, p. 6–7; *Speculum Minorum*, p. 215; О. Гваньїні, *Хроніка європейської Сарматії*, упор. та пер. з пол. о. Ю. Мицика, Київ 2007, с. 111.

²⁷ Archiwum OO. Franciszkanów w Krakowie, Zespół Archiwum lwówskie, Sygn. Lwów – 1: *Privilegia, Documenta, Decreta, Ecclesiae Sanctae Crucis et Ordini Minorum S.P. Francisci Conventualim. Servientia In Suis Originalibus ad Acta Terrestria Leopoliensia, Feria Tertia in Vigilia S. Jacobi Apostoli Anno Domini 1770 per Oblatam. Correcta In Extractibus vero Authenticis per Annos, Menses, Sies et Folia Summario. Directa In hoc Volumine diligenter. Collecta Atque Usui Commodiori et faciliiori pro tempore opportune, Studio Adm Reverendi Patris Magistri Felicis Schubert Ex-Provincialis Guardiani Conventus Generalicij Leopoliensis. Exhibita Anno Domini 1770*, ark. 4; T. Trajdos, *Dominikanie a franciszkanie we Lwowie do 1370 r.*, [in:] *Dzieje Podkarpacia*, t. 5: *Początki chrześcijaństwa w Małopolsce*, Krosno 2001, s. 443.

²⁸ *Speculum Minorum*, p. 215.

²⁹ K. Reifenkugel, *Die Gründung der Römisch-Katholischen Bistümer in den Territorien Halicz und Wladimir*, „Archiv für österreichische Geschichte”, 52, 1875, s. 415; W. Abraham, *Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi*, t. 1, Lwów 1904, s. 189–190; T. Trajdos, *Dominikanie a franciszkanie w monarchii Piastów i Jagiellonów w Średniowieczu. Powstanie – rozwój – organizacja wewnętrzna*, Kraków 2013, s. 308; A. Стасюк, *Russia/Ruthenia na stopniach franciszkańskich джерел XIII ст.* [in:] *Principalities in Lands of Galicia and Volhynia in International relations in 11th–14th centuries*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2012, с. 99–110 (Серия: *Colloquia Russica. Series I*, vol. 2); Idem, *Проблема формування місіонерської діяльності Ордену Братів Менших на Русі в другій половині 30-х – на початку 40-х років XIII ст.*, „Галичина. Науковий і культурно-просвітницький краєзнавчий часопис”, 22–23, 2013, с. 132–137; Idem, *Чи існувала місія францисканців у Галичі XIII століття?* [in:] *Галич і Галицька земля: Матеріали міжнародної наукової конференції Галич, 27–28 жовтня 2016*, Галич 2016, с. 265–274.

³⁰ В. Матузова, *Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарии*, ред. В. Пашуто, Москва 1979, с. 130, 157.

Руси не получила еще большего размаха, а численность миссий едва ли превышала несколько человек.

Подводя итоги, следует констатировать, что убийство монголами францисканских миссионеров во Львове или на Руси вообще в 1241 г. не подтверждено источниками XIII века. Исходя из этого, следует считать эту информацию поздней миноритской традицией, появившейся на рубеже XVI–XVII веков и окончательно созданной ярославским каноником М. Барониусом. Не исключено, что формирование легенды продолжалось на протяжении нескольких веков, возможно уже с конца XIV века.

*

Andriy Stasyuk, *Mongolian Invasions of Rus' in 1240–1241 and Franciscan Martyrs on Pages of Luke Wadding's Annales Minorum*

The western march of the Mongols in 1236–1242 has changed the history of Eastern and Central Europe countries once for all. Appearance of nomads in the steppes of the Black Sea region, headed by the Chingisid dynasty, significantly influenced the placement of political, social-economic and cultural emphases of the East European region. The military expedition of Mongols is well described in Rus' and Latin sources of the Middle Ages and the Modern history. Special attention should be paid to the mentions of „Franciscan martyrs” in Rus' in *Annales Minorum*. Information of this kind was often created on the basis of historic documents, and sometimes on the example of distribution of order legends. Thus, it needs thorough verification.

*

Andriy Stasyuk, *Mongolská invaze na Rusi v letech 1240–1241 a františkánští mučedníci na stránkách Annales Minorum Luka Waddinga*

Mongolský pochod na západ v letech 1236–1242 změnil dějiny zemí východní a střední Evropy jednou pro vždy. To, že se objevili kočovníci ve stepích oblasti Černého moře, vedení Čingischánovou dynastií, zásadně ovlivnilo rozmístění politických, socioekonomických a kulturních vlivů východoevropského regionu. Vojenské tažení Mongolů je velmi dobře popsáno v ruských i latinských středověkých pramenech i v moderní historiografii. Zvláštní pozornost by měla být věnována zmínkách o „františkánských mučednících” na Rusi ve spisu *Annales Minorum*. Informace tohoto druhu jsou často vytvořeny na základě historických dokumentů, někdy zase na příkladu dle tradovaných legend. Potřebují tedy důkladné prověření.

Дюра Гарди
(Новый Сад)

Матримониальная политика венгерского короля Белы IV как ответ на монгольскую опасность

После опустошения Венгерского королевства в 1241–1242 гг. король Бела IV предпринял ряд шагов для защиты своего государства от нового возможного нападения монголов. Одним из таких шагов было заключение матримониальных союзов между Арпадами и русскими правителями, а также с представителями половецких элит. Целью этих браков было получение союзников в лице галицко-волынских князей и половцев. О таких целях писал и сам Бела IV в письме к папе Иннокентию IV (около 1247 г.), в котором речь идет о свадьбе его сына и наследника Стефана с половецкой принцессой, а также о браке дочерей короля с двумя русскими князьями – Ростиславом Михайловичем и Львом Даниловичем. В статье анализируются историография проблемы и матримониальные связи Арпадов на фоне более широкого контекста европейской политики середины XIII века. Автор делает вывод о том, что указанные династические связи имели практическую цель – укрепить восточные рубежи королевства на случай нового монгольского нашествия. Однако их реальное значение проявилось только во второй половине XIII века, когда эти связи оказали существенное влияние на политическую и династическую ситуацию не только в самой Венгрии, но и в Центральной и Юго-Восточной Европе.

О династической политике венгерского короля Белы IV после монгольского вторжения в Венгрию 1241–1242 гг. в историографии уже почти все известно, за исключением, может, некоторых хронологических деталей, которые в конечном итоге не меняют сути событий. Известно, что после ухода монголов из Венгрии в течение нескольких последующих лет, между 1242 г. и 1247 г., венгерский король выдал двух своих дочерей замуж за русских князей: Анну – за Ростислава Михайловича, сына черниговского князя Михаила Всеволодовича, а Констанцию – за Льва Даниловича, сына галицкого и волынского князя Даниила Романовича. Своего же первенца и наследника Стефана он женил на половецкой принцессе,

получившей при крещении имя Елизавета, которая, судя по всему, была дочерью половецкого хана Саяна (*Zeyhanus, dux Cumanorum*)¹.

О якобы „возвышенной” цели заключений браков своих детей, а вместе с тем и о великой жертве, которую представлял собой этот поступок, очень красноречиво высказался сам король Бела IV в своем так называемом „татарском письме”, написанном 11 ноября (без указания года) и адресованном папе Иннокентию IV. В своем послании венгерский король, описывая всё, что он предпринял для защиты христианской веры и Европы от монголов, пожаловался папе, что „для спасения христианства, унизив свое королевское достоинство”, он выдал своих двух дочерей за русских князей, а третью за князя Польши². И после этого же добавил, что он принял в свое государство, с болью в сердце, половцев (куманов), чтобы защитить свое королевство и, защищая христианскую веру, женил своего первенца на какой-то половчанке. Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, следовало бы упомянуть и о третьем венгерском зяте, польском князе Болеславе Стыдливом, ставшем мужем старшей дочери Бела IV, Кинги (Кунегунды)³.

Нашей целью не является анализ богатой и весьма содержательной историографической литературы, которая под разными углами рассматривала брачные связи детей Бела IV и его супруги королевы Марии Ласкарис с членами русских и других европейских королевских домов в середине XIII века. Это тема выходила бы за рамки нашей работы. Тем не менее, позволим себе упомянуть одно исследование, содержание которого в своё время произвело на нас большое впечатление и, как нам кажется, его оригинальные выводы осознанно или неосознанно переняли многочисленные авторы⁴. Речь идёт о работе венгерского историка Тору Сенга, посвященной внешней политике короля Бела IV и его „татарскому письму”⁵. В своем исследовании Т. Сенга подробнейшим образом проанализиро-

¹ Шире об этом см. например: M. Wertner, *Az Árpádok családí története*, Nagy Becskerek 1892, old. 463–475, 485–488, 498–505; N. Baumgarten, *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides du Xe au XIIIe siècle*, Roma 1927, p. 47, 49, 54–55; D. Dąbrowski, *Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich*, Poznań–Wrocław 2002, s. 101–114; Л. Войтович, *Княжа доба на Русі: портрети еліти*, Біла Церква 2006, с. 418–419, 497–501. См. также: A. Zsoldos, *Az Árpádok és asszonyaik. A királynéi intézmény az Árpádok korában*, Budapest 2005, old. 191.

² „Nos vero ad id, quod potuimus recurrentes, propter bonum christianitatis maiestatem regiam humiliando, duas filias nostras duobus ducibus Ruthenorum et terciam duci Polonie tradidimus in uxores...”. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, ed. G. Fejér, Budapest 1829–1844 [далее: *CDH*], vol. 4, pars 2, p. 220–221; *Vetera Monumenta historica Hungariam sacram illustrantia* [далее: *VMH*], ab A. Theiner, vol. 1, Romae 1859, p. 231.

³ M. Wertner, *Az Árpádok családí története*, old. 475–479; O. Balzer, *Genealogia Piastów*, Kraków 2005, s. 494–495; K. Jasiński, *Rodowód Piastów małopolskich i kujawskich*, Poznań–Wrocław, s. 46–47.

⁴ См.: M. Font, *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, Szeged 2005, old. 250; D. Dąbrowski, *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna*, Kraków 2012, s. 271–272; W. Nagirnyj, *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264*, Kraków 2011, s. 235 (Seria: *Rozprawy Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU*, т. 12); М. Волощук, „Русь” в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції, Івано-Франківськ 2014, с. 253–254.

⁵ T. Senga, *IV Béla külpolitikája és IV Ince pápához intézett „tatár –levele”*, „Századok”, 1–2, 1987, old. 584–612.

вал упомянутое письмо и рассмотрел внешнюю политику Бела IV, которую тот проводил во время потенциальной опасности нового монгольского нашествия на Европу в течение второй половины 40-х и в начале 50-х гг. XIII века. Если мы не ошибаемся, то именно Т. Сенга был первым исследователем, который чётко датировал заключённый в Зволене брак Льва Даниловича с венгерской принцессой Констанцией сентябрём 1246 г. Брак, который означал конец войны между Арпадовичами и Романовичами и был началом далеко идущего венгерско-галицкого союза. Приведя ряд важных аргументов, Т. Сенга датировал „татарское письмо” Бела IV 11 ноября 1247 г. или – самое позднее – 11 ноября 1248 г. Согласно этому письму, обращение венгерского короля к папе, его реальный страх перед монголами и просьба о помощи были спровоцированы известиями о планировании монголами нового похода на запад. В конце лета 1247 г. эти известия из далёкого Каракорума привез на венгерский двор посланник папы Джованни Плано Карпини, но, возможно, информация поступила и по другим источникам. В этом ключе и следует читать ноябрьское письмо Бела IV. Конечно, после катастрофы, которую пережило его государство в 1241–1242 г., Бела IV свою внутреннюю и внешнюю политику подчинил организации обороны от монголов. Четыре брака, упомянутые в письме, действительно могли быть заключены для осуществления антимонольской политики, но всё-таки возможно, что монгольская опасность не являлась решающей в планировании всех четырёх матримониальных связей. Иными словами, Т. Сенга пришел к выводу, что нельзя буквально верить всем заявлениям Бела IV, а нужно воспринимать их в более сложном контексте интересов внешней политики венгерского правителя⁶. И здесь тяжело не согласиться с автором.

Вернемся еще раз к бракам представителей династии Арпадов и попытаемся поставить под сомнение слова венгерского короля. Чтобы наша работа не оказалась лишь праздным повторением давно известных мнений историков, попытаемся также поднять некоторые новые вопросы и обратить внимание на эпилог сверхуспешной, как нам кажется, матримониальной политики Бела IV, проводимой в отношении к русским князьям и половцам. По нашему мнению, эта политика Бела IV в значительной мере была обусловлена опасностью нового монгольского нашествия и в итоге повлияла на историю Венгрии и Центральной Европы в течение всей второй половины XIII века.

Для начала обратимся к уже упомянутому браку польского князя Болеслава Стыдливого с венгерской принцессой Кингой. В историографии хорошо известно, что он был заключен в 1239 г., т. е. меньше, чем за два года до нашествия монголов на Венгрию⁷. Возникает логичный вопрос: имело ли появление монголов на восточных границах Венгрии влияние на решение Бела IV выдать свою

⁶ Ibidem, old. 609.

⁷ O. Balzer, *Genealogia Piastów*, s. 494–495; K. Jasiński, *Rodowód Piastów małopolskich i kujawskich*, s. 46–47.

дочь за сандомирского князя? К тому времени венгерский король уже безусловно получил от миссии доминиканца Юлиана (1237) известие о монгольских планах нападения на Венгрию⁸. Исходя из этого, Морис Вертнер пришел к выводу (возможно, под влиянием последующего „татарского письма” Белы IV), что со стороны венгерского короля было логично устроить брак своей дочери с Болеславом и таким образом создать оборонительный союз против кочевников⁹. Однако к его тезису нужно относиться с осторожностью. Мы знаем, что силы пятнадцатилетнего сандомирского князя Болеслава Стыдливового, зависящего от малопольских вельмож и краковского князя Генриха Побожного, а с другой стороны – находящегося в сложных отношениях со своим дядей, мазовецким князем Конрадом, были более чем ограниченными¹⁰. Во всяком случае, Болеслав в одной из своих поздних грамот упомянул, что заключить брак с Кингой ему посоветовали епископ и знать¹¹. Также нельзя оставить без внимания уже существующие близкие родственные связи между двумя правящими семьями и возможную роль сестры Болеслава, Саломеи и ее супруга, герцога Коломана, младшего брата Белы IV, при заключении этого брака¹².

Что касается остальных трёх браков, то понять обстоятельства, при которых они были заключены, нам помогут работы Иштвана Бертеньи, посвященные положению Венгрии после монгольского нашествия. Основной тезис его исследований заключается в том, что Венгрия и после монгольского нашествия не утратила свою прежнюю военную силу и внешнеполитическое влияние, доказательством чего могут служить постоянные военные походы венгров в 40–50-х гг. XIII века. Как отмечает И. Бертеньи, до 1243 г. Венгерское королевство снова вернуло под свой контроль западные жупании, которые ранее захватил австрийский герцог Фридрихом Бабенберг. В течение лета того же года Арпады воевали с Венецией за город Задар. В 1243 г. Бела IV также помогал своему зятю Болеславу Стыдливому в битве у Суходола. В следующем, 1244 г., Бела IV восстановил свою власть над восставшим Сплитом и одновременно разбил боснийского бана Матяя Нинослава. Летом 1245 г. венгры организовали большой поход в Галицкую землю, но потерпели поражение от Романовичей в битве под Ярославом (17.VIII.1245). Годом позже, 15 июня 1246 г., венгерские войска сошлись в битве с австрийцами в битве на реке Лайте, в которой погиб австрийский герцог Фридрих Бабенберг. Смерть последнего означала начало длительной борьбы за

⁸ *Epistola magistri Rogerii in Miserabile Carmen super Destructione Regni Hungariae per Tartaros* [далее: Rogerius, *Carmen Miserabile*], ed. L. Juhasz, [in:] *Scriptores Rerum Hungaricarum*, ed. I Szentpetery, t. 2, Budapest 1938, p. 553–554, 559; Gy. Pauler, *A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt*, t. 2, Budapest 1899, old. 149; Gy. Györffy, *Bevezető*, [in:] *A tatárjárás emlékezete*, ed. T. Katona, Békéscsaba 1981, old. 17–19.

⁹ M. Wertner, *Az Árpádok családi története*, old. 480.

¹⁰ B. Włodarski, *Polityczne plany Konrada I księcia mazowieckiego*, Toruń 1971, s. 47–57.

¹¹ См.: M. Wertner, *Az Árpádok családi története*, old. 480; O. Balzer, *Genealogia Piastów*, s. 495.

¹² K. Hollý, *Kňazná Salomea a uhorsko-polské vzťahy v rokoch 1214–1241*, „Historický časopis”, 53, 2005, 1, s. 3–27.

„австрийское наследство”, в которой Арпады приняли очень активное участие¹³. Как видим, в период между 1242 и 1246 гг. Венгерское королевство почти постоянно воевало, что позволяет согласиться с тезисом И. Бертеньи.

Кроме активных военных действий, Бела IV стремился возобновить свое влияние и престиж королевства также с помощью дипломатических средств и матримониальной политики. Важное место в ней заняли как раз русские и польские князья.

Галицкая и Волынская земли в течени всей первой половины XIII века занимали весьма значительное место во внешней политике Венгрии. Это были земли (особенно Галицкая), на которые Арпады упорно стремились распространить свое влияние¹⁴. Именно эту цель преследовала выдача дочери Бела IV, Анны, замуж за бывшего галицкого князя Ростислава Михайловича (вторая половина 1242 г. или 1243 г.). За посредничеством этого брака венгерский король стремился не допустить перехода галицкого престола к противнику Ростислава, Даниилу Романовичу¹⁵. По нашему мнению, Ростислав должен был стать галицким князем именно как представитель Арпадов. Нельзя забывать, что в результате монгольского нашествия и гибели герцога Коломана (1241), а перед этим и его младшего брата, герцога Андрея (1233/1234), венгерский правящий дом не имел возможности выставить происходящего из династии Арпадов кандидата на галицкий трон. Именно поэтому Бела IV решил использовать Ростислава Михайловича для распространения своего влияния на Галич. За посредничеством „вокняжения” в Галиче, вместе с Ростиславом, дочери Бела IV, Анны, над этими землями распространилась бы верховная власть венгерского короля. С другой стороны, после монгольского нашествия для Венгрии было особо важно, чтобы на её восточных границах находилось дружественное государство¹⁶. Мы не будем углубляться в дискуссию о том, почему венгерский король решил сделать ставку именно на Ростислава, а не на его противника, Даниила Романовича, который также дли-

¹³ I. Bertényi, *Magyarország nemzetközi helyzete a tatárjárás után*, [in:] *Unger Mátyás emlékkönyv, Emlékkönyv Unger Mátyás negyedszázados egyetemi történelemszaktanári működése emlékére, és születésének hetvenedik évfordulója alkalmából*, Eger 1991, old. 15–22.

¹⁴ M. Font, *Árpád-házi királyok*, old. 188–251.

¹⁵ См.: F. Palacky, *O Ruském knížeti Rostislawowi, otcí královně české Kunhuty, a rodu geho*, „Časopis Českého Museum”, 16, 1842, 1, s. 23–41; С. Н. Палаузов, *Ростислав Михайлович, князь Мачвы*, „Журнал Министерства Народного Просвещения”, 1851, 8, с. 27–49; G. Wenzel, *Rostizlaw galicziái herczeg, IV. Béla királynak veje*, Budapest 1887, s. 20–80; M. Wertner, *Boris und Rostislaw, II (Rostislaw von Halics und seine Familie)*, „Vierteljahrsschrift für Heraldik, Sphragistik und Genealogie”, 22, 1889, 2, s. 178–194; Idem, *Az Árpádok családi története*, old. 463–475; В. Г. Прокофьев, *Ростислав Михайлович, русский князь XIII века*, [in:] *Юбилейный Сборник Русского Археологического Общества*, Белград 1936, с. 131–159; H. Grala, *Rurykowicze na Bałkanach w XII i XIII w.*, „Balkanica Posnaniensia. Studia et acta”, 4, 1989, s. 138–139.

¹⁶ Ъ. Харди, *О пореклу мачванског „бана” Ростислава Михайловича*, „Споменица Историјског Архива Срем”, 2, 2003, с. 15–32; Idem, *Ростислав Михайлович „Dominus de Machou”*, „Studia Balcanica Bohemo-Slovaca”, 6, 2006, 1, с. 60–72.

тельное время стремился к союзу с Венгрией¹⁷. Подчеркнем только, что брак венгерской принцессы Анны с Ростиславом Михайловичем действительно, помимо стремления Арпадов распространить свое влияние на Галич, мог иметь еще одну цель – получить союзника против монголов.

Как известно, дальнейшие события развивались таким образом, что Ростиславу не удалось утвердиться в Галиче. Поэтому Бела IV изменил свою политику и пошёл на соглашение с Романовичами, скрепленное браком своей дочери Констанции с сыном Даниила, Львом. Этот матримониальный союз был заключен на съезде в Зволене в сентябре 1246 г. В историографии уже рассмотрены все обстоятельства заключения этого брака¹⁸. Подчеркнем только, что он имел место после поражения венгерско-польско-галицкой коалиции под Ярославом и успешной поездки Даниила Романовича к хану Батыю в Сарай, где ему, как монгольскому вассалу, был дан ярлык на Галицкую землю. Вскоре после возвращения Даниила из Орды, венгерский король сам вышел с инициативой примирения с Даниилом, предлагая скрепить новый союз браком их детей. О причинах такой перемены красноречиво высказался летописец Даниила, объясняя, что „король Оугорьский [...] боѡше бо са его . ѡко былъ бѣ в Татарѣхъ . побѣдою побѣди Ростислава . и Оугры его”¹⁹. Бела IV отчётливо понял, что борьба за галицкий престол была закончена и что новые военные действия венгров против Даниила повлекли бы за собой месть монголов. Ему оставалось только изменить свою политику и сделать из нового галицкого князя своего верного союзника. Для такого изменения политики венгерского короля существовали и иные прагматичные причины, как, например, желание втянуть Романовичей в борьбу за „наследие Бабенбергов”. Таким образом, в этом случае монголы, хоть и косвенно, но повлияли на заключение брака еще одной дочери Белы IV с русским князем.

Обратимся теперь к браку королевского сына Стефана с половецкой принцессой Елизаветой. Наиболее вероятной датой его заключения можно считать лето или осень 1247 г.²⁰ Главной целью этого брака было укрепление союза и хрупкого доверия между половцами и венграми. После нашествия монголов, Бела IV

¹⁷ Шире об этом, см.: М. Волощук, *Вассальная зависимость Даниила Романовича от Белы IV (1235–1245 гг.): актуальные вопросы реконструкции русско-венгерских отношений второй четверти XIII в.*, [in:] *Specimina Nova. Pars Prima. Sectio Mediaevalis*, vol. 3, Pécs 2005, с. 83–113; D. Dąbrowski, *Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242–1250 (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii matrymonialnych)*, [in:] *Polska w kręgu polityki, kultury i gospodarki europejskiej. Księga pamiątkowa z okazji 70-lecia urodzin prof. Maksymiliana Grzegorza*, ed. Ż. Zyglewski, Bydgoszcz 2007, с. 45–63; Idem, *Daniel Romanowicz*, с. 186–271; W. Nagirnyj, *Polityka zagraniczna*, с. 205–225; А. В. Войтович, *Угорська політика галицьких князів Данила Романовича і Лева Даниловича (1205–1301)*, [in:] *Україна, культурна спадщина, національна свідомість, державність*, ред. А. В. Войтович, Львів 2013, с. 92–94; В. Александрович, А. Войтович, *Король Данило Романович*, Львів 2014, с. 103–124.

¹⁸ См. сноску 17.

¹⁹ *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 2, Санкт-Петербург 1908, стб. 809.

²⁰ A. Zsoldos, *Az Árpádok és asszonyaik*, old. 191.

решил во второй раз призвать половцев в Венгрию. Следовало бы подчеркнуть, что первый контакт двух сторон был неудачным. Накануне монгольского нашествия, в 1239 г., рассчитывая на помощь половцев, Бела IV принял в своём государстве хана Котяна и его род. Однако с самого начала между жителями Венгрии и половцами началась враждебность, которая очень быстро достигла кульминации. Хан Котян с семьёй и свитой был убит в Пеште, а половцы демонстративно покинули Венгрию. Продвигаясь вдоль Дуная к югу, они разбили два венгерских отряда и разграбили области, через которые проходили²¹. Тем не менее, вопреки негативному опыту предыдущих отношений, венгерская королевская дипломатия проявила блестящее мастерство, уговорив часть половцев и их предводителей принять новое приглашение Бела IV. Из *Continuatio Lambacensis* известно, что половцы уже в 1246 г. участвовали в качестве союзников венгров в битве на Лейте²². Исходя из этого, Т. Сенга считал весьма возможным, что венгерский король пригласил половцев в свою страну именно из-за предстоящей войны с Австрией. Как предполагал исследователь, половцы прибыли в Венгрию перед июнем 1246 г. но не ранее конца лета 1245 г., поскольку мы не видим их в составе венгерского войска в битве под Ярославом. Т. Сенга справедливо полагал, что второй приход половцев в Венгрию не был связан с известиями о новом монгольском нашествии на Европу²³.

Уместно было бы также поставить вопрос о значении заключенных браков детей Бела IV с половцами, русскими и польским князем. Как нам кажется, в определенной мере Бела IV был искренним, сообщая Иннокентию IV, что браки его детей заключены под давлением обстоятельств, что такой шаг бы вынужденным с его стороны и унизил его королевское достоинство. В связи с этим, мы повторим предположение, высказанное в наших предыдущих работах, согласно которому Беле IV было неприятно признаться папе в том, что он своего сына женил на язычнице, а дочерей выдал замуж за двоих „схизматиков”. С иерархической точки зрения, новые невестки и зятья являлись представителями правящих домов, которые были ниже по статусу от венгерского королевского дома и к тому же находились в зависимости от Арпадов. Это, безусловно, должно было вызывать у Бела IV ощущение неловкости перед папой²⁴. Об этом может свидетельствовать и факт, что накануне монгольского нашествия Бела IV решительно отказался выдавать свою дочь за Ростислава Михайловича, а затем и за Льва Данииловича,

²¹ Rogerius, *Carmen Miserabile*, p. 556–557, 559–562, 566–568; Gy. Kristó, *A korai feudalizmus (1116–1241). A tatárjárás*, [in:] *Magyarország története, előzmények és a magyar történet 1242-ig*, eds. Gy. Székely, A. Bartha, Budapest 1987, old. 1385–1388, 1425–1427.

²² *Continuatio Lambacensis*, a. 1197–1348, ed. W. Wittenbach, [in:] *Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum*, vol. 9, ed. G. H. Pertz, Hannoverae, p. 559; см.: Т. Сенга, *IV Бела külpolitikája*, old. 591.

²³ Т. Сенга, *IV Бела külpolitikája*, old. 591–592, 598–599, 609.

²⁴ См.: Dj. Hardi, *Who was dux Galiciae for Hungary after the conclusion of peace between Arpads and Romanovichs in Zvolen 1246?* [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th–16th c.)*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, p. 252–260 (Seria: *Colloquia Russica Series I*, vol. 4).

считая такой брак неравным²⁵. Тем не менее, в новых реалиях, сложившихся после монгольского нашествия, венгерский король сумел сделать решительный поворот в своей внешней политике. Согласившись на браки своих детей с теми, кого он считал неравными себе по статусу, Бела IV сумел таким образом создать своеобразный венгерский *commonwealth*. В центре этого нового политического объединения находился венгерский король, окружённый многочисленными союзниками и одновременно близкими родственниками. Таким образом, его вчерашние соперники заняли опеределенное место в этом политическом образовании. Такая политика очень скоро начала приносить плоды. Примером этого может служить война за „австрийское наследство“, в которой на стороне Венгрии выступали половцы, галицко-волынские Романовичи, правитель Мачвы Ростислав Михайлович, краковский князь Болеслав Стыдливый, баварский герцог Генрих Баварский и другие родственники Бела IV²⁶. Половцы также сыграли важную роль во внутривенгерских отношениях в Венгерском королевстве во всей второй половине XIII века, в первую очередь в конфликте Бела IV и его сына, младшего короля Стефана²⁷. Как показало дальнейшее развитие событий, новые члены венгерского правящего дома заняли весьма значительное место и в европейской политике. Жена Стефана, Елизавета, стала венгерской королевой, благодаря чему потомки половцев породнились с многими европейскими династиями того времени²⁸. Ростислав Михайлович, супруг Анны, стал позже болгарским царём, а их дочери были выданы замуж за чешского короля Пшемисла II Оттокара, болгарского царя Михаила I Асеня и краковского князя Лешка Чёрного²⁹. Ко всему этому привела, без сомнения, монгольская угроза и изменения внешней политики Бела IV в 40-х гг. XIII века.

*

Djura Hardi, *Matrimonial Politics of the King of Hungary Bela IV in Response to the Mongol Danger*

After the devastation of Hungary in 1241–1242 by the Mongols, the Hungarian King Bela IV had taken a series of measures to protect his country from the real danger of a new Mongol attacks. One of such measures is manifested through the conclusion of the matrimonial connections with the royal family to the rulers of Rus' and Cumans, which were supposed to provide the Hungarian political and military alliances. About the purpose of these marriages Bela IV spoke in this way in his famous letter

²⁵ *Ипатьевская летопись*, стб. 783, 787.

²⁶ См.: N. Mika, *Walka o spadek po Babenbergach 1246–1278*, Racibórz 2008.

²⁷ A. Zsoldos, *Családi ügy, IV Béla és István ifjabb király viszálya az 1260-as években*, Budapest 2007; A. Pálóczi-Horváth, *Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe peoples in medieval Hungary*, Budapest 1989, p. 68–82.

²⁸ M. Wertner, *Az Árpádok családi története*, old. 505–508, 510–512, 514–517.

²⁹ F. Palacky, *O Ruském knížeti Rostislawowi*, s. 36–41; M. Wertner, *Az Árpádok családi története*, old. 473–474; O. Balzer, *Genealogia Piastów*, s. 581–583; А. Войтович, *Княжа доба*, с. 420–421.

addressed to the Pope (about 1247), referring specifically to the marriage of his son and successor Stefan with the Cuman princess, and as well as the marriage of his two daughters for two Rus' princes – Rostyslav Mykhaylovych and Lev Danylovych. Analyzing some well-known opinion of the Historians and the wider context of the European policy of the 13th century, the author of this paper re-examines the matrimonial connections of the children of Bela IV. His conclusion is that they were closed primarily for the defence of the Mongols and protection the eastern borders of Hungary but that their real significance during the second half of the 13th century affected the political and dynastic situation in Hungary and the Central and south-eastern Europe to a much greater extent.

*

Djura Hardi, *Sňatkova politicka uherského kráľy Bély IV. jako odpovědi na mongolské nebezpečí*

Po zničení Uher Mongoly v letech 1241–1242 podnikl uherský král Béla IV. sérii opatření na obranu své země před hrozícím nebezpečím nových mongolských útoků. Jedno z těchto opatření se projevovalo v uzavírání sňatkových vazeb mezi královskou rodinou a ruskými a kumánskými knížaty, které měly Uhrám zajistit politické i vojenské spojení. O účelu těchto manželství takto hovořil Béla IV. ve svém slavném dopisu adresovaném papežovi (kolem roku 1247), kde referoval zvláště o svatbě svého syna a následníka Štěpána s kumánskou princeznou a dále sňatku svých dvou dcer se dvěma ruskými knížaty Rostislavem Michailovičem a Lvem Danilovičem. Analýzou některých dobře známých názorů historiků a širšího kontextu evropské politiky 13. století reviduje autor studie sňatkové vazby dětí Bély IV. Jeho závěrem je, že sňatky byly uzavírány primárně pro obranu před Mongoly a na ochranu východních hranic Uher, ale jejich skutečný význam ovlivňoval i v průběhu druhé poloviny 13. století v mnohem větší míře politickou a dynastickou situaci v Uhrách a ve střední a jihovýchodní Evropě.

Pavel Smrž
(Liberec)

Mongolové a rusko-livonské obchodní vztahy ve 13. století

Mongolský vpád do ruských zemí na podzim roku 1237 měl dalekosáhlé důsledky v oblasti politické i ekonomické. Mongolové zpoplatnili řadu ruských knížectví a měst, a to i těch, která přímo neobsadili. V této době již více než jedno století přijížděli do měst severozápadního Ruska obchodníci z německých zemí. Centry obchodu se západní Evropou byla města Veliký Novgorod, Pskov, Smolensk, Polock, Vitebsk. Mongolové obchodní kontakty se západní Evropou nepřerušili, neboť vedle daní odváděných ruskými knížaty profitovali z poplatků z dálkového obchodu. Němečtí kupci se však museli přizpůsobit nové situaci na Rusi a je nepochybné, že na ně také nepřímo doléhaly daňové požadavky Mongolů. Předkládaná studie se proto pokusí představit vliv mongolského vpádu na rusko-livonský obchod a na postavení německých kupců v cizí zemi, a to zejména ve 13. století. Na konkrétních příkladech ze Smolenska a Velikého Novgorodu bude dokumentováno, že Mongolové zastávali k dálkovému obchodu a kupcům, kteří ho provozovali, pragmatický postoj. Ten umožnil německým obchodníkům zachovat si autonomní postavení v ruských městech i v době mongolské nadvlády.

Vliv mongolských nájezdů na středověkou Rus v letech 1237–1242 na rusko-livonský obchod a na postavení německých kupců v ruských městech není v odborné literatuře příliš frekventovaným tématem. Tento stav je způsoben dvěma okolnostmi, které vyplývají jednak ze zaměření vědeckých prací k dějinám mongolského vpádu nebo německého obchodu v ruských městech a jednak z omezené pramenné základny. Syntézy dějin Zlaté Hordy a jejího panství nad ruskými knížaty se věnují počátkům mongolské expanze, procesu budování mongolského impéria, příčinám a průběhu vpádu na středověkou Rus, vztahům Mongolů k ruským knížatům a pravoslavné církvi a zavádění daňového zpoplatnění obyvatel ruských knížectví¹. Autoři rovněž sledují ob-

¹ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь (История татарской политики на Руси)*, Москва–Ленинград 1940; Дж. Феннел, *Кризис средневековой Руси. 1200–1304*, Москва 1989, с. 101–226; Ю. В. Кривошеев, *Русь и монголы. Исследование по истории северо-восточной Руси XII–XIV вв.*, Санкт-Петербург 1999.

raz Mongolů v ruských narativních pramenech a současně se snaží zodpovědět otázku, nakolik a jak ovlivnil mongolský vpád mentalitu ruského člověka². Naproti tomu práce věnované německému obchodu v ruských zemích ve středověku se zabývají výzkumem navazování obchodních kontaktů, studiem každodenního života německých obchodníků v ruských městech, zachycují sortiment obchodovaného zboží a rozebírají problémy při řešení obchodních a osobních konfliktů³. Z výše uvedeného krátkého výčtu je tedy zřejmé, že otázka dopadu mongolského vpádu do ruských knížectví na obchodní vztahy s německými kupci má jen okrajový význam.

To však neznamená, že by toto téma zůstalo zcela stranou badatelského zájmu. V literatuře je zdůrazňováno, že rozlehlé mongolské impérium, které zahrnovalo oblasti od severozápadní Rusi přes Černomoří, Střední Asii až do Číny, představovalo rozsáhlý prostor, v němž se vytvořily příhodné podmínky pro rozvoj dálkového obchodu⁴. Většina historiků konstatovala, že Mongolové na dobytých územích přistupovali pragmaticky k jeho podpoře, neboť představoval jeden z hlavních zdrojů příjmů chánů Zlaté Hordy. To ve svém důsledku také přispělo k relativně rychlé obnově válkou poničených měst, vesnic a celých oblastí a k jejich dalšímu rozvoji. Na středověké Rusi z této politiky profitovala Moskva, Ustjug, Suzdal nebo Veliký Novgorod⁵.

Obchodníci měli v mongolském impériu výsadní postavení a hráli významnou hospodářskou a politickou roli. Často bývali členy mongolských poselstev, která směřovala do ruských měst⁶. Mongolové je rovněž využívali jako své výběrčí daní. Když se na Rusi v prvních dvou desetiletích po mongolském vpádu formovala správa dobyvatelů zaměřená na daňové zatížení podrobeného obyvatelstva, bývali pověřováni výběrem daní muslimští obchodníci (*besermani*)⁷. Mongolové se jim proto snažili usnadňovat jejich cestování a v době válek jim udělovali různé výjimky. Kupci mohli projíždět přes válečné zóny, a pokud padli do zajetí, byli propouštěni na svobodu, a to i v případech, že se jednalo o cizince⁸.

² Ch. J. Halperin, *Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History*, Bloomington 1985, s. 105–107.

³ Ph. Dollinger, *Die Hanse*, Stuttgart 2012, s. 30–36; G. Graichen, R. Hammel-Kiesow, *Die deutsche Hanse. Eine heimliche Supermacht*, Hamburg 2011, s. 57–63, 267–272; A. Zimák, *Hanza. Obrazy z dějin severského námořního obchodu*, Praha 2002, s. 139–149; E. A. Рыбина, *Новгород и Ганза*, Москва 2009, s. 55–71.

⁴ B. Spuler, *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland. 1223–1502*, 2. erweiterte Auflage, Wiesbaden 1965, s. 388.

⁵ П. П. Мельгунов, *Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв.*, Москва 1905, c. 112–113; Г. В. Вернадский, *История России, Монголы и Русь*, Тверь–Москва 1997, c. 177; B. Spuler, *Die Goldene Horde*, s. 400; Ch. J. Halperin, *Russia and the Golden Horde*, s. 80–81.

⁶ П. П. Мельгунов, *Очерки по истории русской торговли*, c. 113–114.

⁷ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, c. 18.

⁸ B. Spuler, *Die Goldene Horde*, s. 389. P. Melgunov uvádí konkrétní případ z 13. století, kdy v oblasti Rylska byla zajata skupina konstantinopolských a německých kupců. Jakmile Mongolové zjistili, že zajatci se věnují dálkovému obchodu, propustili je a vrátili jim odebrané zboží. Ruský badatel však neuvádí konkrétní zdroj své informace. П. П. Мельгунов, *Очерки по истории русской торговли*, c. 112–113.

V době mongolského vpádu na středověkou Rus patřila k nejvýznamnějším centřům rusko-livonského obchodu města Veliký Novgorod, Pskov, Smolensk, Vitebsk a Polock. Množství přímých písemných pramenů vztahujících se k rusko-livonským obchodním vztahům, které svým obsahem nebo vznikem reflektují přítomnost Mongolů na středověké Rusi, je poměrně malé. Tyto prameny se navíc omezují jen na Veliký Novgorod a Smolensk a jejich obchodní kontakty s Rigou. Na prvním místě je třeba uvést pozdější redakce smlouvy mezi Smolenskem, Rigou a Gotlandem, která byla uzavřena roku 1229. Tato smlouva byla v následujících desetiletích několikrát obnovena a upravovala obchodní vztahy mezi německými a ruskými kupci ve Smolensku, Rize a na Gotlandu až do konce 14. století. Z hlediska našeho tématu má prvořadý význam dokument D řížské redakce, který vznikl za vlády smolenského knížete Gleba Rostislaviče (1270–1277), a dokument E řížské redakce, jenž byl sepsán zřejmě ve třicátých nebo čtyřicátých letech 13. století⁹.

Oba dokumenty obsahují pozdější dodatek připsaný jiným pisatelem, který se týká poskytování přístřeší pro mongolské vyslance na dvorech německých kupců ve Smolensku. Přípis dokumentu D zařadili editoři smluv do osmdesátých let 13. století, kdy byl smolenským knížetem Fjodor Rostislavič (1279–1297)¹⁰. V případě dokumentu E se uvažuje, že dodatek vznikl v sedmdesátých letech 13. století za vlády smolenského knížete Gleba Rostislaviče nebo jeho nástupce Michaila Rostislaviče (1277–1279). V každém případě jeho dodatečné zařazení do textu smlouvy souviselo s příchodem mongolských daňových výběřčích v roce 1274 či 1275¹¹.

Dalším dokumentem, který bezprostředně souvisí s naším tématem, je listina novgorodského knížete Jaroslava Jaroslaviče (1255–1256, 1267–1272) pro řížské kupce, která byla vydána na příkaz chána Mengi-Temira (1267–1280). Vznik nedatované listiny kladou její vydavatelé do let 1266–1272¹².

Další dokumenty použité v této studii se sice nezmiňují přímo o Mongolech, ale jejich sepsání mohlo být ovlivněno mongolskou přítomností v Novgorodě. V chronologickém pořadí je nejstarší smlouva mezi Velikým Novgorodem, Gotlandem, Lübeckem a německými městy, jejíž vznik je v odborné literatuře nejčastěji kladen do let 1259–1263¹³. Novější bádání zpřesnilo dobu sestavení smlouvy a zařadilo ji do let

⁹ *Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом, 1229 г., список D (рижская редакция)*, [in:] *Смоленские грамоты XIII–XIV веков* [dále: *СГ*], изд. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин, Москва 1963, с. 35–39; *Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом, 1229 г., список E (рижская редакция)*, [in:] *СГ*, с. 39–45. Označení dokumentů vychází z edice, kterou vydal K. Napierksy. *Handelsvertrag des Fürsten Mstislav II. Dawydowitsch von Smolensk mit Riga und der niederdeutschen Handelsgesellschaft auf Gotland im J. 1229. Nach drei Redactionen*, [in:] *Russisch-livländische Urkunden*, hrsg von K. E. Napierksy, St. Petersburg 1868, Anhang 1, Texte D, E, s. 443, 445.

¹⁰ *Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом, 1229 г.*, с. 59.

¹¹ *Ibidem*, с. 61.

¹² *Грамота князя Ярослава Ярославича рижанам о свободном пути для гостей, по Менгу-Темирову слову*, [in:] *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* [dále: *ГВНП*], изд. С. Н. Валк, Москва–Ленинград 1949, док. 30, с. 57.

¹³ *Договорная грамота с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле*, [in:] *ГВНП*, док. 29, с. 56–57. Pro úplnost je třeba dodat, že vydavatelé dokumentu řadí jeho vznik do let 1262–1263.

1259–1260, a to s ohledem na signatáře smlouvy z ruské strany, knížete Alexandra Jaroslaviča Něvského a jeho syna Dmitrije, o nichž je z pramenů známo, že právě v této době společně pobývali v Novgorodě¹⁴. V letech 1264¹⁵, 1266¹⁶ a 1270¹⁷ uzavřeli novgorodští představitelé s knížetem Jaroslavem Jaroslavičem dohody, v nichž byly vymezeny podmínky, za kterých mohl Jaroslav Jaroslavič usednout na novgorodský knížecí stolec. Pro naše téma má mimořádný význam smlouva z roku 1270, neboť ji lze považovat za nepřímý důkaz toho, že se Mongolové zajímali o vnitřní spory Novgorodanů s Jaroslavem Jaroslavičem a jejich dopady na vztahy s německými kupci.

Mongolský vpád v roce 1237 se Smolenska prakticky nedotkl. Z dochovaných pramenů se dozvídáme o vojenském střetu obyvatel Smolenska s Mongoly až k roku 1242. V tomto roce jeden vojenský oddíl Mongolů, který se vracel přes smolenské země z vítězného tažení do Uher, zamířil ke Smolensku. Tento oddíl byl však smolenským vojskem poražen během nočního útoku na mongolský tábor. Mongolové se vrátili do Smolenska až v poslední čtvrtině 13. století. V roce 1274 byl smolenský kníže Gleb Rostislavič nepochybně již plně pod svrchovaností Zlaté Hordy, neboť v tomto roce dostal od chána příkaz, aby společně s dalšími knížaty táhl na Litvu¹⁸. Zřejmě v této době byl do města dosazen baskak¹⁹. Podle Gorgija Vernadského souvisel příchod Mongolů do Smolenska s novým sčítáním obyvatel Rusi z roku 1275, jehož cílem bylo doplnit vojenské jednotky novými bojovníky. Mengi-Temir se snažil s pomocí čerstvých sil upevnit svoji vládu na Kavkaze²⁰. Přítomnost zástupců mongolského chána se odrazila v dodatcích dvou smluv mezi Smolenskem, Rigou a Gotlandem. V nich se shodně uvádí, že do německých dvorů, které si Němci koupili a zdržují se v nich, nesmí kníže dosazovat ani Mongola (Tatara), ani nikoho jiného proti vůli německých kupců²¹. Podle Piotra Golubovského se chánovi zástupci začali chovat jako v jiných ruských městech, když násilím a nevybíravými způsoby nutili obyvatele k plnění daňových povinností. Obyvatelé Smolenska se snažili alespoň částečně zmírnit dopady

¹⁴ Е. А. Рыбина, *О двух древнейших торговых договорах Новгорода*, [in:] *Новгородский исторический сборник*, т. 3 (13), Ленинград 1989, с. 48–50.

¹⁵ *Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем, 1264 г.*, [in:] *ГВНП*, док. 1, с. 9–10.

¹⁶ *Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем, 1266 г.*, [in:] *ГВНП*, док. 2, с. 10–11.

¹⁷ *Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем, 1270 г.*, [in:] *ГВНП*, док. 3, с. 11–13.

¹⁸ П. В. Голубовский, *История Смоленской земли до начала XV ст.*, Киев 1895, с. 304.

¹⁹ Baskakové byli vojeňští velitelé, kteří ve svěřené oblasti měli dohlížet na podrobené obyvatelstvo a vybírat pro chána Zlaté Hordy daň. K dispozici měli vojenské oddíly, které se skládaly z mongolského vojska a jednotek složených z místního obyvatelstva. А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, с. 16–17.

²⁰ Г. В. Вернадский, *История России, Монголы и Русь*, с. 179.

²¹ „Што Немецькы дворовъ и дворишь Смоленське коуплинины и церкве ихъ место, не надобе ни комужоу, комоу дадать ли, посаждать ли кого Немци, то по своєю воли; а на котормъ подворьи стоять Немци, или гость Немецький, не поставити на томъ дворе князю ни Татарина, ни иного которого посла”. *Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом, 1229 г., список Д (рижская редакция)*, [in:] *СГ*, с. 39; *Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом, 1229 г., список Е (рижская редакция)*, [in:] *СГ*, с. 45.

mongolského nátlaku, a aby ochránili svoje majetky, navedli Mongoly, aby využívali také dvory německých kupců. Protože však hrozilo, že Němci za této situace přeruší obchodní kontakty se Smolenskem, přistoupili na zařazení zákazu ubytování Mongolů na německých dvorech do podmínek smlouvy²².

Mínění ruského učenice vyjadřuje postoj obyvatel Smolenska ke vzniklé situaci a navozuje dojem, že to byla ruská strana, která učinila Němcům velký ústupek. Podívejme se na celý problém z pohledu německých kupců. Německé obchodní dvory v cizích městech, a to nejen ve Smolensku, Velikém Novgorodě, Polocku, ale také v norském Bergenu nebo v Londýně, měly vždy autonomní postavení. Plnily úlohu ekonomických center, v nichž se koncentroval pracovní a osobní život kupců, a současně měly funkci duchovní, protože jejich součástí bývaly kostely, využívané výhradně německými obchodníky. Dvory byly řízeny vlastní samosprávou, o jejímž složení a pravomocích rozhodovali většinou sami obchodníci²³. Názorně dokumentuje autonomní postavení německých dvorů v ruských městech soubor předpisů a nařízení, který reguloval obchodní a každodenní život kupců ve Velikém Novgorodě, známý pod názvem *Nowgoroder Schra*²⁴. Již v první redakci tohoto dokumentu, která vznikla v první třetině 13. století, se výslovně uvádí, že cizinci, v tomto případě Novgorodané, se mohou pohybovat v areálu dvora pouze ve vymezeném čase a prostoru²⁵.

Jak již bylo uvedeno, Němci ve Smolensku vlastnili dvory, z nichž některé koupili, a navíc zde měli svůj kostel. Právem je tedy považovali za svoje výsostné teritorium, do kterého nesměl zasahovat ani smolenský kníže, ani obyvatelé města. Jakmile do Smolenska přišli zástupci chána Zlaté Hordy, kteří v rámci plnění svých povinností při výběru daní museli ve městě pobývat delší dobu, reagovali němečtí kupci na nově vzniklou situaci prosazením výše zmíněných dodatků do již platných dohod. Tím si pojistili autonomii svých dvorů nejen vůči domácímu obyvatelstvu, ale také Mongolům.

Pro úplnost je nezbytné dodat, že postup německých kupců ve Smolensku nebyl ničím novým, neboť s největší pravděpodobností měl svoji analogii v novgorodských událostech roku 1259. Zřejmě v tomto roce byla uzavřena smlouva mezi Velikým Novgorodem, Gotlandem, Lübeckem a německými městy. V této smlouvě kníže Alexandr Jaroslavič potvrdil německým kupcům vlastnictví hned tří dvorů. Rozdíl oproti situaci ve Smolensku spočíval v tom, že zmíněné dvory si Němci nekoupili, ale vydal jim je kníže z vlastní vůle²⁶. Nicméně i v tomto případě se můžeme domnívat, že zařazení

²² П. В. Голубовский, *Исторія Смоленской земли*, с. 304–305. Je pozoruhodné, že se německý historik L. Goetz ve svém rozsáhlém a pečlivě zpracovaném díle omezil pouze na překlad těchto dodatků do němčiny, ale jejich vznik ponechal bez komentáře, přestože se jednalo o vážný zásah do života německých kupců ve Smolensku. L. K. Goetz, *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters*, Hamburg 1916, s. 293.

²³ G. Graichen, R. Hammel-Kiesow, *Die deutsche Hanse*, s. 247–286.

²⁴ *Die nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13 bis 17 Jahrhundert*, hrsg. von W. Schlüter, Dorpat 1911.

²⁵ *Die nowgoroder Schra I*, § 9, s. 64.

²⁶ „А которыхъ трее дворцьъ выпросили ваша братья послѣ, а техъ ся есмы отступили по своєю воли”. *Договорная грамота с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле*, [in:] *ГВНП*, док. 29, с. 57.

tohoto ustanovení bylo iniciováno německými kupci, kteří byli svědky bouřlivých událostí v Novgorodě v letech 1257–1259, jež byly vyvolány mongolskými daňovými požadavky na novgorodské obyvatelstvo. Němečtí kupci v podstatě získali od knížete potvrzení držby svého majetku, neboť v Novgorodě vlastnili nejméně dva dvory již od 12. století.

V letech 1237–1242 byl Veliký Novgorod ušetřen mongolských nájezdů a také v následujících desetiletích se mu vyhnuly všechny útoky, přestože čas od času docházelo k situacím, kdy hrozilo reálné nebezpečí ozbrojeného střetu s Mongoly. V roce 1238 sice Mongolové podnikli tažení na Novgorod, ale až k městu nedošli, protože se zastavili asi sto kilometrů od něho a vydali se na zpáteční cestu. V následujících dvaceti letech zůstávaly novgorodské země pro Mongoly téměř neznámou a nedotčenou oblastí²⁷. Teprve v roce 1257 se jejich pozornost znovu obrátila k městu na řece Volchov, když začali vyžadovat po jeho obyvatelích placení daně. Zpráva o mongolských daňových požadavcích vyvolala mezi Novgorodany neklid a byla iniciátorem dramatických událostí z let 1257–1259²⁸. Během tohoto období zavítali mongolští výběrčí daní třikrát do Novgorodu. Poprvé přijeli sami, ale narazili na velmi malou ochotu Novgorodanů k placení daně. Při dalších dvou návštěvách je proto doprovázel veliký kníže Alexandr Jaroslavič. Přesto Novgorodané odmítali plnit daňové požadavky v takové výši, jakou si Mongolové představovali. Kníže Alexandr proto musel prosadit mongolské finanční nároky silou zbraní a nechal exemplárně potrestat část novgorodských odpůrců²⁹. K nemilosrdnému řešení konfliktu ho nepochybně vedla obava z chánovy reakce na novgorodskou rebelii³⁰.

Krátce po těchto bouřlivých událostech byla uzavřena smlouva mezi Velikým Novgorodem, Gotlandem, Lübeckem a německými městy. Ačkoliv do textu smlouvy nebyla zařazena jediná zmínka o Mongolech, je třeba se zastavit u okolností jejího vzniku. Její sestavení bylo reakcí na blíže nespecifikovaný konflikt mezi Novgorodany a německými kupci³¹. Německý historik Leopold Goetz se domníval, že smlouva byla uzavřena v roce 1259 a velkou roli při jejím uzavírání sehrála přítomnost Alexandra Jaroslaviče v Novgorodě. Kníže tím chtěl osobně garantovat dodržování smluvních podmínek, aby uklidnil rozhořčené novgorodské obyvatele, kteří stále ještě měli v živé paměti udá-

²⁷ Ю. В. Кривошеев, *Русь и монголы*, с. 171.

²⁸ „Приде вестъ изъ Руси зла, яко хотятъ Татарове тамгы и десятины на Новегороде; и смятошася люди чересь все лето”. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* [dále: *Н1А*], ред. А. Н. Насонов, Москва 1950, с. 82.

²⁹ Ibidem, с. 82–83.

³⁰ Дж. Феннел, *Кризис средневековой Руси*, с. 159–160.

³¹ Saxo Agunsson, *dänischer Hauptmann zu Reval, und Reval an Lübeck: beantworten dessen Klageschrift über die im Hof der Deutschen zu Nowgorod zugefügten Unbilden mit der Versicherung ihrer Zuneigung gegen Lübeck und die Gemeinschaft der Kaufleute und erklären, indem sie auf die Gemeinsamkeit des Rechts von Reval und Lübeck weisen, in allen ehrbaren Dingen und in denjenigen, welche den gemeinen Kaufmann betreffen, treu zu Lübeck zu stehen, 1259 Ende Juni*, [in:] *Hansisches Urkundenbuch* [dále: *HUB*]), Bd. 1, hrsg. von K. Höhlbaum, Halle 1876, dok. 527, s. 186.

losti související s výběrem daně pro Mongoly a Alexandrův podíl na potlačování novgorodské rebelie³².

V roce 1264 si Novgoroďané vybrali do čela města bratra Alexandra Jaroslaviče, tverského velikého knížete Jaroslava Jaroslaviče a postupně s ním uzavřeli v letech 1264, 1266 a 1270 tři dohody, ve kterých byly stanoveny podmínky, za kterých se mohl ujmout vlády v Novgorodě. Dohoda z roku 1270 ukončila spor mezi Novgoroďany a knížetem, který hrozil, že přeroste v otevřený válečný střet. Proto je nezbytné v krátkosti vylíčit události předcházející jejímu sepsání. Kníže Jaroslav Jaroslavič opakovaně porušoval podmínky dohody z roku 1266, a proto se proti němu Novgoroďané vzbouřili a vyhnali ho spolu s jeho stoupenci z města. Kníže se však nehodlal vzdát a začal shromažďovat vojsko. Dokonce poslal svého muže jménem Ratibor k chánovi s žádostí o vojenskou pomoc. Chán sice vyslal ke knížeti své oddíly, ale později zásadně změnil svoje stanovisko a odvolal je, když se ukázalo, že Ratiborova zpráva o příčinách novgorodských nepokojů byla lživá. Když se do řešení konfliktu zapojil i metropolita, nezbyvalo knížeti nic jiného, než uzavřít s Novgoroďany mírovou dohodu³³.

Příčiny konfliktu shrnul novgorodský letopisec do několika bodů. Mimo jiné také zaznamenal obvinění, že kníže odvádí z Novgorodu cizince, kteří žijí ve městě³⁴. Mihail Berežkov se domníval, že těmito cizinci byli hlavně umělci a řemeslníci ze západní Evropy, kteří působili v Novgorodě³⁵. Pravděpodobnější je však názor, že se stížnost Novgoroďanů především týkala německých kupců³⁶. Tuto domněnku potvrzuje ustanovení, podle kterého směl kníže obchodovat s německými kupci pouze prostřednictvím novgorodských obchodníků, měl zakázáno dosazovat do německého kupeckého dvora svoje lidi a musel se vyhnout jakýmkoli snahám o jeho uzavření³⁷.

Dohoda Jaroslava Jaroslaviče s Novgoroďany je z hlediska našeho tématu pozoruhodná ještě z dalšího důvodu. Na rubu dokumentu je velkým písmem odpovídajícím době vzniku smlouvy připsáno sdělení, že do Novgorodu přijeli s Jaroslavem Jaroslavičem vyslanci chána Mengi-Temira Čevga a Bajša, aby dohlédli na znovunastolení knížete na novgorodský knížecí stolec³⁸. Osobní přítomnost mongolských vyslanců dokládá chánův mimořádný zájem na ukončení neshod mezi Novgoroďany a knížetem, které poškozovaly ekonomické zájmy všech stran zúčastněných na uzavření smlouvy.

Po smrti chána Berke (1257–1266/1267) se vlády ve Zlaté Hordě ujal jeho synovec Mengi-Temir. *Trojický letopis* k roku 1266 zaznamenal, že s nástupem vlády nového

³² L. K. Goetz, *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters*, s. 88.

³³ *НИА*, с. 88–89.

³⁴ „чему выводишь от нас иноземца, котории у нас живут“ ibidem, с. 88.

³⁵ М. Н. Бережков, *О торговле Руси с Ганзой до конца XV века*, Санкт-Петербург 1879, с. 185.

³⁶ L. K. Goetz, *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters*, s. 162.

³⁷ „А въ Немецьскомъ дворе тебе торговати нашею братию; а двора ти не затваряти; а приставовъ ти не приставливати“. *Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем, 1270 г.*, [in:] *ГВНП*, док. 3, с. 13.

³⁸ „Се прихаша послы от Менгу Темеря цесаря сажать Ярослава съ грамотою Чевгу и Баиши“. Ibidem, с. 11.

chána se zmírnil tlak na ruské země³⁹. Mengi-Temir na rozdíl od svých předchůdců zaujal podstatně smířlivější stanovisko k ruskému pravoslavnému duchovenstvu a jeho vztahy s ruskými knížaty byly většinou přátelské. Chán se rovněž velmi zajímal o baltský obchod, a proto měl zájem na tom, aby držitelé titulu velikých knížat vladimírských, kteří usedali na novgorodský knížecí stolec, zachovávali s Novgorodany korektní vztahy a nezasahovali do jejich obchodních kontaktů s německými kupci. Dodržování mírových vztahů s knížaty však vyžadoval také po Novgorodanech. Měl to být právě Mengi-Temir, kdo odvolal vojenskou pomoc pro Jaroslava Jaroslaviče proti vzbouřencům v Novgorodě a k velkému rozčarování knížete mu nařídil, aby s Novgorodany obnovil mírová vyjednávání. Zároveň mu přikázal, aby nezasahoval do obchodních vztahů mezi Novgorodem a Rigou, a toto nařízení nechal zveřejnit nejen v Novgorodě, ale také v Rize⁴⁰.

Na základě chánova rozhodnutí vydal kníže Jaroslav Jaroslavič pověstný dokument, v němž garantoval obchodníkům z Rigy bezpečnost na cestách ve svých državách⁴¹. L. Goetz byl přesvědčen, že toto nařízení bylo doplňkem k projektu smlouvy mezi Novgorodem, Lübeckem a Gotlandem z roku 1269⁴² a chán díky němu vystupoval jako prostředník ve sporu mezi Novgorodany a knížetem. Domníval se rovněž, že Mengi-Temir vydal knížeti svůj rozkaz na žádost Novgorodanů⁴³. Ruský historik Jurij Krivoševjev považuje tento dokument za doklad mongolského zájmu o novgorodské obchodní vztahy s německými kupci, ale současně dává jeho vznik do souvislosti s událostmi v Novgorodě v letech 1257–1259. Podle něho je třeba tuto výzvu interpretovat jako nedílnou součást mongolských finančních nároků na ruské země⁴⁴.

Odpověď na otázku, kdo inicioval vydání Mengi-Temirova nařízení, může být pouze hypotetická. Mohli to být Novgorodané, jak se domníval L. Goetz. Stejně tak mohli chána přimět k tomuto kroku jeho vyslanci, kteří se od roku 1257 podíleli na výběru daně v Novgorodě a po návratu chána informovali o dopadech sporů mezi Novgorodany a knížetem na novgorodské obchodní vztahy. Prameny neposkytují v tomto směru žádný jednoznačný důkaz. Nelze rovněž vyloučit, že Mengi-Temir jednal z vlastního popudu. Tato možnost je pravděpodobná, uvážíme-li, jaké výhody poskytoval italským obchodníkům v Černomoří⁴⁵. V každém případě se jeho příkaz dotýkal mimořádně

³⁹ „В этом году хан Берке умер и притеснение со стороны татар сильно облегчилось”. М. Д. Приселков, *Троицкая летопись. Реконструкция текста*, Москва–Ленинград 1950, с. 329.

⁴⁰ Г. В. Вернадский, *История России, Монголы и Русь*, с. 172–179.

⁴¹ „Менгу Темерево слово кля Ярославу князю: даи путь немецкому гости на свою волость. От князя Ярослава ко рижаномъ, и к болшимъ и к молодымъ, и кто гостить, и ко всемъ: путь вашъ чистъ есть по моеи волости; а кто мне ратный, с тимъ ся самъ ведаю; а гостю чистъ путь по моеи волости”. *Грамота князя Ярослава Ярославича рижанам о свободном пути для гостей, по Менгу-Темирову слову*, [in:] *ГВНП*, док. 30, с. 57.

⁴² *Проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде, 1269 г., ранее апреля 1*, [in:] *ГВНП*, док. 31, с. 58–61.

⁴³ L. K. Goetz, *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters*, s. 163.

⁴⁴ Ю. В. Кривошесев, *Русь и монголы*, с. 171–172.

⁴⁵ B. Spuler, *Die Goldene Horde*, s. 391–392.

důležitého aspektu kupeckého života, protože všichni obchodníci, a to nejen němečtí, velmi dobře věděli, že bezpečnost na cestách je jednou z hlavních podmínek pro úspěšnou realizaci obchodu a jeho další rozkvět. Ustanovení o bezpečném a ničím nerušeném cestování tvořilo základní podmínku obsaženou v rusko-livonských smlouvách již od devadesátých let 12. století bez ohledu na to, v kterém regionu mělo platit nebo kdo uzavíral dohodu⁴⁶. Mengi-Temir nejenže navazoval na neoddělitelné ustanovení všech rusko-livonských dohod, na jejichž uzavírání se podílela i novgorodská knížata, ale jeho platnost zaštiťoval autoritou chána Zlaté Hordy. Pro obchodníky z Rigy mělo chánovo nařízení nepochybně velký význam, neboť na svých cestách do Novgorodu a nazpět museli kombinovaně využívat pozemní a vodní trasy.

Přestože množství písemných pramenů, které dokumentují vztah Mongolů k rusko-livonskému obchodu a k německým obchodníkům na Rusi ve 13. století, je značně omezené, lze i na jejich základě konstatovat, že potvrzují všeobecně platné závěry o pragmatickém přístupu Mongolů k dálkovému obchodu a k cizím kupcům. Významný podíl na této politice měl chán Zlaté Hordy Mengi-Temir. Není jistě náhodné, že právě v době jeho vlády a krátce po jeho smrti bylo vydáno nařízení na ochranu řížských kupců na jejich cestách do Novgorodu a do již platné smlouvy mezi Smolenskem, Rigou a Gotlandem byly zařazeny dodatky, které zakazovaly smolenskému knížeti usazovat mongolské vyslance v německých kupeckých dvorech. Mengi-Temirovy zásahy do vnitřních sporů v Novgorodě byly motivovány snahou o nastolení mírových vztahů mezi Novgorodany a knížetem, které byly nezbytným předpokladem pro další rozvoj obchodních kontaktů Novgorodu s německými kupci.

Němečtí kupci mohli z této politiky jediné profitovat. Jak v Novgorodě, tak ve Smolensku se jim podařilo zařadit do obchodních dohod ustanovení, která jim potvrzovala držbu jejich dvorů a zakazovala knížecí zásahy do složení jejich osazenstva. Neméně důležité bylo pro obchodníky z Rigy zajištění bezpečného cestování po souši i po vodě v novgorodských zemích, které jim vedle novgorodského knížete garantoval chán Zlaté Hordy.

*

Pavel Smrž, *Mongols and the Rus'-Livonian business relations in the 13th century*

The Mongol invasion to the Rus' lands in the autumn of 1237 had far-reaching political and economic consequences. The Mongols charged a number of Ruthenian principalities and cities, even those who they did not directly occupy. At that time, traders from German countries have arrived in the cities of northwest Rus' for more than one century. The centers of trade with Western Europe were cities like Big Novgorod, Pskov, Smolensk, Polock and Vitebsk. The Mongols interrupted not the business relations with west Europe, because in addition to the taxes paid by the Rus' princes, they benefited from long distance charges. However, German buyers had to adapt to the

⁴⁶ L. K. Goetz, *Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters*, Lübeck 1922, s. 34.

new situation in Rus' and there is no doubt that they were also indirectly subject to Mongol tax claims. The present study will attempt to introduce the influence of the Mongol invasion on the Rus'-Livonian trade and the position of German buyers in a foreign country, especial in the 13th century. On specific examples from Smolensk and Big Novgorod, it will be documented that the Mongols held a pragmatic attitude towards the long-distance trade and the buyers who operated it. This allowed German merchants to maintain an autonomous position in Rus' cities even during Mongolian domination.

*

Павел Смирж, *Монголы и русско-ливонские торговые отношения в XIII веке*

Монгольское нашествие на русские земли осенью 1237 г. имело важные политические и экономические последствия. Монголы обложили налогами большинство русских княжеств и городов, даже те, которые прямо не завоевали. К этому времени города Северо-Западной Руси уже более столетия торговали с купцами из северогерманских городов. Центрами торговли с балтийским регионом являлись Великий Новгород, Псков, Смоленск, Витебск, Полоцк. Монголы не прервали торговые связи Руси с Западной Европой, так как наряду с налогами из русских княжеств получали прибыль с балтийской торговли. Немецкие купцы должны были приспособиться к новой ситуации на Руси. Не исключено, что на них косвенно повлияли налоговые требования монголов. В настоящей статье представлено влияние монгольского нашествия на русско-ливонские торговые контакты в XIII веке. На конкретных примерах из Смоленска и Великого Новгорода показано, что монголы прагматично относились к международной торговле и к иноземным купцам. Такой подход позволил немецким купцам сохранить свое автономное положение в русских городах даже во время монгольского господства.

Роман Хаутала
(Оулу/Казань)

Русские летописи о религиозной политике хана Узбека (1313–1341) и его отношениях с княжествами Северо-Восточной Руси¹

Автор рассматривает общую реакцию русских средневековых авторов на приход к власти хана Узбека – золотоордынского правителя, который был мусульманином и предпринял значительные усилия для распространения ислама в Золотой Орде. При анализе русских источников автор стремится ответить на вопрос, в какой степени мы можем довериться достоверности их сведений о влиянии конфессиональной принадлежности Узбека на предполагаемое изменение в его отношениях с русскими княжествами? Новизна данного исследования заключается в сравнении сведений русских летописей с информацией малоизученных письменных источников. В частности, латинские источники, составленные внутри Улуса Джучи в относительно большом количестве именно в период времени, который рассматривается в данной статье, в некоторой степени возмещают полное отсутствие собственно джучидских письменных источников. Содержание латинских источников в этом случае позволяет пересмотреть устоявшееся мнение о тотальной исламизации Улуса Джучи в правление Узбека. Значимость настоящей статьи заключается в использовании разнородных письменных источников. Сравнение содержания русских летописей с информацией католических миссионеров, проповедовавших Евангелие внутри Золотой Орды, позволяет продемонстрировать, что мусульманский хан Узбек продолжал придерживаться принципов традиционной религиозной толерантности Чингизидов в течение всего своего правления.

¹ Выражаю особую благодарность Игорю Данилевскому и Федору Успенскому, не пожалевшим своего ценного времени для того, чтобы тщательно вычитать черновик данной статьи и указать на ряд неточностей, допущенных ее автором. Разумеется, исключительно автор настоящей статьи остается целиком и полностью ответственным за те потенциальные ошибки, которые могут быть выявлены после ее публикации.

Правление хана Узбека в Золотой Орде представляет собой особый интерес по двум главным причинам. Во-первых, период Узбека обильно освещен разнообразными ориентальными, русскими и латинскими источниками. В частности, последние, составленные внутри Улуса Джучи в относительно большом количестве именно в течение этого времени, в некоторой степени возмещают полное отсутствие собственно джучидских письменных источников. Во-вторых, правление Узбека интересно тем, что он был мусульманином и предпринял значительные усилия для распространения ислама в Золотой Орде.

Религиозная принадлежность хана Узбека должна была иметь непосредственное значение для Руси, поскольку, как известно, ее население исповедовало православие: Северо-Восточная Русь была подчинена Золотой Орде, хотя ее многочисленные и разрозненные князья пользовались значительной автономией внутри джучидской империи. Поэтому смена религии верховного правителя Руси должна была отразиться в русских письменных источниках, и именно рассмотрению этого отображения мы посвятим здесь наше основное внимание.

Однако, предваряя анализ содержания русских источников, мы в первую очередь отведем особое место анализу религиозной ситуации в самой Золотой Орде и тем конфессиональным изменениям в среде кочевников, которые произошли вследствие прихода к власти Узбека. В ходе этого анализа нам окажет неоценимую услугу сравнение сведений, содержащихся как в мусульманских, так и в католических письменных источниках. Содержание латинских источников в данном случае позволит нам пересмотреть устоявшееся мнение о тотальной исламизации Улуса Джучи в правление Узбека. Далее мы рассмотрим общую реакцию русских средневековых авторов на приход к власти хана Узбека и, в частности, степень неприязни к конфессиональной ориентации нового золотоордынского правителя. Отдельное внимание здесь также будет уделено юридическим актам, составленным в канцелярии хана и самым непосредственным образом отображающим отношение Узбека к христианскому духовенству внутри его домена. После этого мы уделим внимание двум нарративным источникам, пользовавшимся повышенной популярностью в среде русских средневековых книжников и включенных в состав основной части русских летописей. Речь здесь пойдет о *Повести о Михаиле Тверском* и о *Щолкановичине*, отображающих подчеркнуто негативное отношение к новым религиозным симпатиям татарской элиты. При анализе обоих повествований мы попытаемся ответить на вопрос, в какой степени мы можем довериться достоверности их сведений о влиянии конфессиональной принадлежности Узбека на предполагаемое изменение в его отношениях с русскими княжествами?

Религиозная ситуация внутри Золотой Орды. Приход к власти в Золотой Орде хана Узбека в начале 1313 г. и его длительное правление в течение почти трех десятилетий имели неоспоримое значение для укоренения ислама в Улусе Джучи². В первую очередь усиление ислама становилось заметным в городских

² Данное утверждение имеет наибольшее распространение в исследованиях, опубликованных на

центрах Золотой Орды, которые разрослись в Поволжье и других регионах Улуса Джучи именно в правление хана Узбека. Мусульманские синхронные источники и результаты археологических изысканий ясно указывают на расширение исламских кварталов в золотоордынских городах и повсеместное возведение мусульманских религиозных строений. Соответственно, укоренение городского ислама в Улусе Джучи было наглядным отображением влияния мусульманской религии и очевидным следствием конфессиональных симпатий хана Узбека и его ближайшего окружения³.

С другой стороны, мусульманские письменные источники уделяли заметно меньшее внимание конфессиональным изменениям в Степи. Но несмотря на недостаток внимания ориентальных авторов к кочевникам, они продолжали играть первостепенную роль в политической жизни Золотой Орды и, вероятно, существенно превышали городское население. Так, мамлюкский автор аль-Омари считал уместным подчеркнуть, что большая часть подданных Узбека состояла из „обитателей шатров, живших в степях”⁴.

Кочевники представляли собой главную военную и политическую силу в Золотой Орде. Поэтому религиозные симпатии джучидских правителей часто зависели от конфессиональной ориентации тех политических группировок кочевников, которые оказывали этим правителям решающую военную поддержку в мо-

русском языке, которые очевидно преобладают среди работ, анализирующих правление хана Узбека. См., например: Ф. Г. Ислаев, *К вопросу об исламизации Золотой Орды*, [in:] *Золотоордынское наследие*, Вып. 2: *Материалы второй Международной научной конференции „Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды”, посвященной памяти М. А. Усманова*. Казань, 29–30 марта 2011 г., ред. И. М. Миргалеев, Казань 2011, с. 131; И. Л. Измайлов, М. А. Усманов, *Ислам в Улусе Джучи*, [in:] *История татар с древнейших времен. В семи томах*, т. 3: *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.*, ред. М. А. Усманов, Р. С. Хакимов, Казань 2009, с. 608; Ю. Шамильоглу, *Высокая исламская культура Золотой Орды*, [in:] *История татар с древнейших времен*, т. 3, с. 589, 591; И. Л. Измайлов, *Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы и дискуссии*, [in:] *Восток–Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии*, т. 4, Казань 2004, с. 99–100; Ю. М. Кобищанов, *Империя Джучидов*, [in:] *Очерки истории распространения исламской цивилизации. В двух томах*, т. 2: *Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского Халифата (середина XIII – середина XVI в.)*, Москва 2002, с. 59, 126. Но ср. с: А. Г. Юрченко, *Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности)*. Книга-конспект, Санкт-Петербург 2012, *passim*; Д. В. Васильев, *Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование*, Астрахань 2007, с. 7.

³ См., например: Д. В. Васильев, *Ислам в Золотой Орде*, с. 25; И. Л. Измайлов, *Ислам в Золотой Орде*, [in:] *Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки*, Казань 2002, с. 48–49; Idem, *Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации*, [in:] *Ислам и власть в Золотой Орде. Сборник статей*, ред. И. М. Миргалеев, Э. Г. Сайфетдинова, Казань 2012, с. 110; Э. Д. Зиливинская, *Культовые постройки времени Узбека в Золотой Орде*, „Золотоордынская цивилизация”, 6, 2013, с. 82; М. Г. Крамаровский, *Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия*, Санкт-Петербург 2011, с. 60–64; М. А. Усманов, *Этапы исламизации Джучиева улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI веков*, [in:] *Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма*, ред. Г. Ф. Ким, Г. Ф. Гирс, Е. А. Давидович, Москва 1985, с. 179; Ю. Шамильоглу, *Высокая исламская культура*, с. 593.

⁴ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. 1: *Извлечения из сочинений арабских*, Санкт-Петербург 1884, с. 230.

мент их прихода к власти⁵. В нередких случаях борьба за преемственность власти приводила к столкновению враждующих группировок кочевников с противоположными религиозными ориентациями. И вследствие этого победа одной из этих группировок и соответственная интронизация ее представителя приводила к физическому уничтожению конкурентов нового хана и даже к попытке насильственного религиозного обращения их подчиненных. В связи с этими соображениями мусульманские авторы представляли приход к власти хана Узбека следствием столкновения кочевников с противоборствующими религиозными симпатиями. Персидские и египетские хронисты указывали на тотальное обращение в ислам противников Узбека после утверждения его власти. С другой стороны, латинские источники, написанные по большей части внутри Золотой Орды, отражают противоположную точку зрения на последствия прихода к власти хана Узбека. Их сведения позволяют существенно разнообразить представление о религиозной политике этого золотоордынского правителя.

К моменту смерти хана Токты в августе 1312 г. в Золотой Орде сформировалась значительная и влиятельная группировка кочевников, обращенных в ислам. Согласно утверждению ряда египетских источников, эта группировка оказала непосредственную поддержку Узбеку в ходе разгоревшейся борьбы за власть во второй половине 1312 г.⁶ Важнее, однако, что значительно более ожесточенный конфликт внутри Золотой Орды имел место уже после интронизации хана Узбека в начале 1313 г. В частности, самый ранний отчет персидского хрониста Кашани указывает на столкновение нового хана с приверженцами традиционных верований кочевников. По словам Кашани, Узбек выдвинул требование татарским эмирам отказаться от монгольской Ясы в пользу шариата⁷. Получив такой ультиматум от своего нового правителя, эмиры Золотой Орды сговорились убить Узбека.

⁵ D. A. De Weese, *Islamization in the Mongol Empire*, [in:] *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age*, eds. N. Di Cosmo, F. J. Allen, P. B. Golden, Cambridge 2009, p. 121.

⁶ Ибн Дукмак ясно указывает на поддержку, которую оказал Узбеку мусульманин Кутлук-Тимур, бывший старшим эмиром при прежнем хане: «Кутлуктемир, который при жизни Токты правил делами государства и устройством дел его, обратился за помощью к старшей из хатуней, бывшей женою Тогрыдаджи, отца Узбекова, и условился с нею возвести Узбека». В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов*, т. 1, с. 323. См. также Ibidem, с. 384–385, 515–516.

⁷ Следует отметить, что, согласно Кашани, конфликт Узбека с татарскими эмирами имел место до его прихода к власти. Логичнее предположить, однако, что Узбек был в состоянии потребовать от татарских эмиров обратиться в ислам только после того, как он стал ханом. И. Лапшина, *Вопросы воцарения и смерти Узбек-хана*, «Золотоордынская цивилизация», 6, 2013, с. 112. Во всяком случае, мамлюкские источники подтверждают это предположение. Так, Ибн Дукмак уточняет, что влиятельные джучидские принцы Тунгуз и Таз подняли восстание уже после воцарения Узбека: «Был упомянутый (Узбек) возведен по смерти дяди своего и, сев (на престол), усердно вступил в веру Аллахову и устроил себе соборную мечеть, в которой совершал (все) пять молитв, в установленное для них время. Но на него вознегодовала часть Татарских эмиров, и они собрались свергнуть его. Это были Тунгур (чит. Тунгуз) и Таз». В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов*, т. 1, с. 323.

Но их заговор был своевременно разоблачен, и Узбек приказал казнить более ста представителей татарской элиты⁸.

По всей видимости, хан Узбек ввел в действие политику насильственной исламизации кочевников сразу же после своей интронизации. Вследствие этого он столкнулся с ожесточенным сопротивлением своих подданных. Подавив восстание татарских эмиров и казнив своих главных оппонентов, Узбек не преминул известить об этом мамлюкского султана. В 1314 г. хан Золотой Орды отправил в Египет торжественное посольство с очевидным намерением восстановить дружественные и союзнические отношения с мамлюкским султанатом, прерванные за семь лет до этого предыдущим ханом Токтой⁹. По словам мамлюкского хрониста ан-Нувейри, в марте или апреле того же года послы Узбека прибыли к кайроскому султану с поздравлением „с расширением ислама от Китая до крайних пределов Западных государств”. Далее послы сообщили, что „в государстве Узбека оставалась еще шайка людей, не исповедовавших ислам, но он, воцарившись, предоставил им выбрать или вступление в мусульманскую религию, или войну ... они отказались от принятия ислама и вступили в бой, но он напал на них, обратил их в бегство и уничтожил их посредством избиения и пленения”¹⁰. Таким образом, золотоордынские послы извещали султана не только о подавлении всякой политической оппозиции в Улусе Джучи, но и об обращении всех его кочевников в ислам.

Тем не менее, заявление ан-Нувейри о тотальной исламизации Улуса Джучи основывалось на словах послов Узбека и не обязательно соответствовало действительности. Вполне возможно, что утверждение относительно уничтожения всех „неверных” в домене Узбека содержало преднамеренное преувеличение. Это преувеличение допускалось дипломатическим этикетом и служило наиболее подходящим средством для возобновления политических отношений между Египтом и Золотой Ордой¹¹.

⁸ D. A. De Weese, *Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*, University Park 1994, p. 107–109. В начале XV в. Хафиз Аbru воспроизвел почти без изменений отчет Кашани: „Причиною вражды эмиров к Узбеку было то, что Узбек постоянно требовал от них обращения в правоверие и ислам и побуждал их к этому. Эмиры же отвечали ему на это: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон и устав Чингизхана и перейдем в веру арабов?» Он (Узбек) настаивал на своем, они же, вследствие этого, чувствовали к нему вражду и отвращение и старались устранить его”. В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. 2: *Извлечения из персидских сочинений*, ред. А. А. Ромаскевич, С. Л. Волин, Москва–Ленинград 1941, с. 141. См. также аналогичные сведения мамлюкских авторов в отношении религиозного конфликта внутри Золотой Орды. Ibidem, т. 1, с. 174, 197, 206, 277, 323, 384–385, 515–516.

⁹ V. Ciociltan, *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*, tr. S. Willcocks, Leiden 2012, p. 170.

¹⁰ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов*, т. 1, с. 163.

¹¹ А. Г. Юрченко, *Хан Узбек*, с. 71–72; D. A. De Weese, *Islamization in the Mongol Empire*, p. 121; Idem, *Islamization and Native Religion*, p. 94–95; Д. В. Васильев, *Ислам в Золотой Орде*, с. 7.

Здесь нам следует обратиться к францисканским источникам, написанным внутри Золотой Орды во время правления хана Узбека. Эти источники содержат ценнейшие сведения о религиозной ситуации в городских центрах и степных регионах Улуса Джучи. Но что важнее, они полностью опровергают утверждение послов Узбека в Египте. Параллельно с прибытием посольства в Каир, в марте 1314 г. хан Узбек пожаловал францисканцам Каффы в Крыму ярлык с подтверждением ряда привилегий и освобождением от военных повинностей и налогового обложения. Показательно, что хан Узбек предоставлял францисканцам полную свободу передвижения по всей территории Золотой Орды с целью проповедования „христианского закона”. Кроме того, Узбек оставлял за ними право обращаться с жалобой в случае столкновения с какими-либо препятствиями в ходе развертывания своей миссионерской деятельности¹². Очевидно, что это разрешение беспрепятственной проповеди „неверных” священников в Золотой Орде противоречило утверждению о насильственном принуждении населения Улуса Джучи принять исламскую религию¹³.

Католические миссионеры в Золотой Орде немедленно воспользовались позволением хана. В частности, венгерский францисканец Иоганка сообщал в своем послании генеральному министру своего Ордена о том, что он отправился для проповедования *Евангелия* на территорию современной Башкирии в том же 1314 г.¹⁴ Описывая обстоятельства развертывания католического миссионерства на всей территории Улуса Джучи, Иоганка превозносил тех своих собратьев по Ордену, которые прилагали усилия для проповедования *Евангелия* в Степи, „следуя за лагерями татар”¹⁵. При этом брат Иоганка не упоминал каких-либо препятствий со стороны золотоордынской администрации. Сам же Иоганка столкнулся

¹² „чтобы моля бога, рабы Христа, указанные латинские священники, ходили, преподавая многим христианский закон” („quod deum suum orando xristi servi, dicti sacerdotes latini, legem xristianam multis dicendo ambulent”). Отдельная фраза в ярлыке – „каким же образом мы им будем благоволять в милостях, мы узнаем” („qualiter autem eis fauebimus in graciis, nos sciemus”) – означала, что в случае нарушения прав миноритов, они всегда могли сообщить об этом самому хану. М. Bihl, A. C. Moule, *Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322*, „Archivum Franciscanum Historicum”, 17, 1924, p. 65; Р. Хаутала, *Ярлык Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарий*, „Золотоордынское обозрение”, 3, 2014, с. 35–36, 39.

¹³ D. Sinor, *Some Latin Sources on the Khanate of Uzbek*, [in:] *Essays on Uzbek History, Culture, and Language*, eds. B. Nazarov, D. Sinor, D. A. De Weese, Bloomington 1993, p. 111; G. Soranzo, *Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari*, Milano 1930, p. 399. Ср. с: И. А. Измайлов, М. А. Усманов, *Ислам в Улусе Джучи*, с. 608.

¹⁴ В своем послании, написанном в 1320 г., брат Иоганка сообщал: „я с упомянутым английским братом по имени Виллельм пребываю (в Баскардии) беспрерывно уже в течение 6 лет” („ego cum dicto anglico, nomine Willhelmo per 6 annos continue conmorati sumus”); М. Bihl, A. C. Moule, *Tria nova documenta*, p. 67.

¹⁵ „Да станет известно вашему благочестию, отец наш, что желающим трудиться во имя Христа следование за лагерями тартар приносит наивысший урожай душ” („Nouerit pia paternitas vestra quod pro nomine xristi laborare volentibus, castra Tartarorum sequendo, fructus est maximus animarum”); Ibidem, p. 66.

с подобными препятствиями только после того, как он позволил себе публично подвергнуть сомнению легитимность мусульманской веры¹⁶.

Также другое послание францисканцев 1323 г. сообщало о значительных миссионерских успехах, на этот раз – в Крыму. По словам миноритов, этим достижениям способствовало ежедневное проповедование *Евангелия* в крымской степи¹⁷. В свою очередь умбрийский францисканец Джованни Элемозина описывал в своем *Хрониконе* 1336 г. подробности интеграции христианских ритуалов в повседневную жизнь кочевников¹⁸.

Синхронные францисканские источники указывали на осязаемое распространение христианства в Улусе Джучи. Одновременно они с сожалением констатировали тот факт, что значительная часть местных кочевников (включая и их правителей) продолжали оставаться приверженцами традиционных степных верований¹⁹. Важнее, однако, что эти письменные источники указывали на сохранение принципов традиционной религиозной толерантности Чингизидов в течение правления хана Узбека²⁰. Те же францисканские авторы подчеркивали полную

¹⁶ „Однако они терпимо позволяют христианам восхвалять наш закон, Христа, Марию и святых при условии, что они не порочат Магомета ... Однако мы стали повторять поучения в вере, и когда мы доказали в присутствии сведущих сарацин всеми возможными для нас способами – Святым писанием, знамениями, умозаключениями и поучительными примерами, – что их религия является нелепой и нечестивой ... они, обратившись в ярость, стали требовать нас убить” („Sinunt tamen patienter christianos legem nostram et xristum et maria ac sanctos commendare, sic quod makometum non contemptant ... Frequentantibus autem nobis fidei doctrinam, et cum totam peritis Saracenorum probauimus omnibus modis nobis possibilibus, scripturis, singnis, rationibus et exemplis, eorum legem friuolam et prophanam ... ipsi in furorem uersi interficere nos querebant”). Ibidem, p. 66, 68.

¹⁷ „Мы верим, что благодаря Всевышнему свет нашей веры познала почти треть империи ... Но ежедневно следуя за кочующими лагерями и всецело предаваясь столь многим нашим занятиям, у нас часто нет времени отвесть еды до сияния звезд на небе” („in tantum, laus altissimo, ut credimus, pars tertia fere inperii ... lucem nostre fidei benigne suscepit ... set crebro castra sequentes ob diligenciam meram tante occupationis gustare victum non vacat usque ad lucentes stellas”). A. C. Moule, *Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323*, „Archivum Franciscanum Historicum”, 16, 1923, 1–2, p. 107; Idem, *Fourteenth Century Missionary Letters*, „The East & the West: a quarterly review for the study of missionary problems”, 19, 1921, p. 361; P. Хаутала, *Два письма францисканцев из Крыма 1323 года: латинский текст, русский перевод и комментарии*, „Золотоордынская цивилизация”, 7, 2014, с. 96.

¹⁸ „И поскольку с самого начала эти братья стали благословлять жениха, невесту и свадьбы и, по примеру нашего Господа, есть с ними; по этой причине настолько стала расти набожность среди татар, что братьям часто нужно благословлять свадьбы и есть с ними” („Et quia ipsi fratres a principio sponsum et sponsam et nuptias benedicere ceperunt, et exemplo Salvatoris nostri cum eis manducare, ideo tantum inolevit ista devotio inter Tartaros, ut fratres oporteat sepius nuptias benedicere et cum eis manducare”); G. Golubovich, *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*, vol. 2, Quaracchi, 1913, p. 125.

¹⁹ „Ибо они прочат твердость в вере, хоть и являются язычниками, чтобы все придерживались той религии, которой, в конечном счете, придерживались их родители” („Commendant enim firmitatem, licet sint infideles, quod omnes teneant sectam quam finaliter tenuerunt parentes eorum”). A. C. Moule, *Textus duarum epistolarum*, p. 111; Idem, *Fourteenth Century Missionary Letters*, p. 365; P. Хаутала, *Два письма францисканцев*, с. 100.

²⁰ См. соответственные благодарственные письма Римских понтификов, адресованные Узбеку в течение всего его правления и рассматривающие толерантность джучидского правителя в качестве

конфессиональную автономию, предоставленную всем религиозным общинам Улуса Джучи. И эти же авторы указывали на строгое соблюдение прав автономии со стороны золотоордынской администрации до тех пор, пока она не нарушала светских интересов местного законодательства²¹.

Суммируя разнообразную информацию источников, мы можем сделать следующие выводы о религиозной политике хана Узбека. Очевидно, что Узбек использовал факт кровавого подавления оппозиции, чтобы представить египетскому султану свой домен как полноценное исламское государство с преобладающим мусульманским населением²². И в самом деле, мусульманское население преобладало в основных городских центрах Золотой Орды. Тем не менее, латинские синхронные источники показывают, что существенная часть кочевников Улуса Джучи оставались приверженцами традиционных степных верований. Местные кочевники продолжали высказывать симпатии к христианской и мусульманской религии в зависимости от личных предпочтений.

По всей видимости, хан Узбек действительно пытался ввести в действие программу насильственной исламизации своего домена. Но под впечатлением от ожесточенного сопротивления кочевников он был вынужден вернуться к политике традиционной религиозной толерантности уже во второй год своего правления.

Интронизация Узбека в русских летописях и ярлык митрополита Петра. Итак, к власти в Орде в 1313 г. пришел новый правитель в результате ожесточенной внутренней борьбы. К тому же новый джучидский хан был мусульманином. Поэтому русских подданных хана Узбека должны были интересовать события, связанные со сменой власти. Тем не менее, в сравнении с обильными сведениями ориентальных источников, русские летописи содержат чрезвычайно скудную информацию о перипетиях интронизации Узбека. Мы можем найти для этого феномена несколько объяснений. В первую очередь, летописные своды, которые мы имеем на данный момент в нашем распоряжении, были составлены через 100–200 лет после описываемых событий. Ряд русских сводчиков XV–XVI веков, вероятно, не считали события 1312–1313 гг. столь важными, чтобы уделять им какое-либо внимание. К тому же авторы русских летописей по большому счету мало интересовались событиями в Орде и фокусировались на описании только

особой предрасположенности Узбека к христианству: G. Golubovich, *Biblioteca bio-bibliografica*, vol. 3, Quaracchi, 1919, p. 44, 178–181; Idem, vol. 4, Quaracchi, 1923, p. 227–228, 252, 260.

²¹ „Ибо они терпимо допускают существование у них всех религиозных общин, вероисповеданий и духовников до тех пор, пока те исполняют в своих земных делах то, к чему их обязывает закон этой земли” („omnes enim sectas et leges inter se sinunt pacienter et spirituales, ita quod in temporalibus suis faciant in quibus iure terre illius religantur”). A. C. Moule, *Textus duarum epistolarum*, p. 107, 111; Idem, *Fourteenth Century Missionary Letters*, p. 361; Р. Хаутала, *Два письма францисканцев*, с. 96. См. также: М. Bihl, A. C. Moule, *Tria nova documenta*, p. 66; С. А. Аннинский, *Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе*, „Исторический архив”, 3, 1940, с. 90; G. Golubovich, *Biblioteca bio-bibliografica*, vol. 2, p. 125.

²² V. Ciociltan, *The Mongols and the Black Sea Trade*, p. 175.

тех явлений, которые были непосредственно связаны с русскими княжествами или их правителями.

Последнее наблюдение приводит нас к еще более любопытному выводу: то, что русские летописцы уделяли столь мало внимания мусульманским симпатиям Узбека, предполагает, что смена религиозной ориентации нового хана Золотой Орды не коснулась его православных подданных²³. Так, *Софийская I летопись* (старшего и младшего изводов) не упоминает каких-либо событий в Орде под 6821 (1313) г.²⁴ Тверской автор *Рогожского летописца* ограничивается только сообщением о кончине хана Токты и интронизации Узбека²⁵. Более многословна *Троицкая летопись*, поясняющая причины поездки в Орду тверского князя Михаила Ярославовича и митрополита Петра в том же 1313 г.: московский летописец начала XV века сообщает, что Михаил и Петр должны были поехать в Орду после смерти хана Токты и последующего воцарения мусульманина Узбека²⁶. *Симеоновская летопись* воспроизводит этот отчет вместе с указанием на быстрое возвращение митрополита на Русь²⁷. То же делает и *Московский летописный свод конца XV века*, но опускает упоминание обращения Узбека²⁸. Автор *Никоновского свода* считает уместным, по своему обыкновению, привести более подробные объяснения: в связи с интронизацией Узбека в Орду должны были съехаться все князья и прелаты, и каждый из них получил персональный ярлык на правление. *Никоновская летопись* ограничивается лаконичным упоминанием обращения в ислам Узбека и сообщает, что митрополит Петр вскоре вернулся на Русь от Узбека „со многою честию”²⁹.

²³ D. A. De Weese, *Islamization and Native Religion*, p. 93–94.

²⁴ *Софийская Первая летопись старшего извода*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРА], т. 6, Вып. 1, Москва 2000, стб. 371; *Псковские и Софийские летописи*, [in:] ПСРА, т. 5, Санкт-Петербург 1851, с. 205.

²⁵ „умре Токта царь ... Того же лѣта съде царь Озбѣк на царствѣ”. *Рогожский летописец*, [in:] ПСРА, т. 15, вып. 1, Петроград 1922, стб. 36.

²⁶ „В лѣто 6821 князь великий Михаило поиде в Орду, такоже и Петр, митрополит всеа Руси, духовный пастух, вкупѣ с князем с великим поиде в Орду того дѣля, понеже тогда Тохта царь умре, а новые царь Озбѣк сѣл на царствѣ и обесерменился”. М. Д. Приселков, *Троицкая летопись. Реконструкция текста*, Москва–Ленинград 1950, с. 354.

²⁷ „но милостию Божиею вборзѣ отпущен бысть Петр митрополит от царя из орды и прииде на Русь”. *Симеоновская летопись*, [in:] ПСРА, т. 18, Санкт-Петербург 1913, с. 88.

²⁸ *Московский летописный свод конца XV века*, [in:] ПСРА, т. 25, Москва–Ленинград 1949, с. 160; см. также: *Ермолинская летопись*, [in:] ПСРА, т. 23, Санкт-Петербург 1910, с. 97; *Летопись по Воскресенскому списку*, [in:] ПСРА, т. 7, Санкт-Петербург 1856, с. 186.

²⁹ „Того же лѣта сѣде царь Азбѣк на царствѣ и обесерменился. Того же лѣта князь велики Михайло Ярославич Тверский поиде во Орду, такоже и Петр, митрополит Киевский и всеа Руси, вкупѣ с ним поиде во Орду того ради, понеже тогда во Ордѣ Тахѣта царь умре, а новый царь Азбѣк сѣл на царствѣ, и вся обновилася, и вси прихожаху во Орду и ярлыки имаху, койждо на свое имя, и князи и епископи; но милостию Божиею Петр митрополит во Ордѣ у царя бысть в чести велицѣ, и отпущен бысть от царя со многою честию вборзѣ, и прииде на Русь”. *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, [in:] ПСРА, т. 10, Санкт-Петербург 1885, с. 178. См. также: А. А. Горский, *Москва и Орда*, Москва 2000, с. 47–48, прим. 35.

Не исключено, что изначальный отчет о поездке тверского князя и митрополита в Орду появился в не сохранившемся до наших дней тверском великокняжеском своде 1327 г. После чего этот отчет мог подвергнуться значительной переработке в московских сводах и лечь в основу сообщения *Троицкой летописи*, которая была написана в 1408 г. Троицкая версия была позаимствована рядом известных нам московских сводов. Наконец, эта версия подверглась основательной редакции в *Никоновском сборнике* в 20-х гг. XVI века. При этом автор *Никоновской летописи* использовал дополнительные материалы из митрополичьего архива в Москве. Эти же документы были параллельно использованы при составлении другого важного сборника, а именно – *Пространной редакции Собрания ярлыков русским митрополитам*³⁰.

В свою очередь *Собрание ярлыков русским митрополитам* представляет собой особый интерес как пример того, как русская православная церковь использовала жалованные грамоты золотоордынских ханов для отстаивания собственных материальных выгод. Уже первый извод *Собрания* был составлен в середине XV века в качестве доказательства непреложности церковных прав на ту недвижимость, которую джучидские правители пожаловали митрополитам в прошлые столетия. Помимо этого, содержание ханских ярлыков обосновывало полную юридическую независимость православного духовенства от местной светской власти. Тем не менее митрополичья канцелярия в Москве считала уместным издать *Пространную редакцию Сборника* в 40-х гг. XVI века, чтобы еще более весомо обосновать свои привилегии. В частности, *Пространная редакция* была дополнена ярлыком хана Узбека, пожалованным митрополиту Петру в 1313 г. Для большей убедительности авторы *Пространной редакции* предварили текст ярлыка пояснительным *Предисловием*, описывающим поездку митрополита в Орду³¹. Данное *Предисловие* является аналогичным записи в *Никоновской летописи*, но, как мы увидим далее, оно содержит в себе дополнительные сведения³².

³⁰ Ю. В. Сочнев, *К оценке достоверности сведений предисловия к ярлыку хана Узбека о конфессиональной политике ордынских властителей*, „Золотоордынская цивилизация”, 6, 2013, с. 51–52.

³¹ См. текст это ярлыка, как и предисловия, в: *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Часть вторая, служащая дополнением к первой*, Москва 1819, с. 8–10; В. В. Григорьев, *О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологическое исследование*, Москва 1842, с. 112–118.

³² Ю. В. Сочнев, *К оценке достоверности*, с. 49; Р. Ю. Почекаев, *Поддельные акты золотоордынских правителей и их реальные прототипы*, [in:] *Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа. Материалы к учебным курсам. В честь юбилея академика АН РТ М. А. Усманова*, Казань 2010, с. 142–143; Idem, *Право Золотой Орды*, Казань 2009, с. 182; Idem, *Золотоордынские ярлыки русской церкви как пример правоотношений светской и духовной власти на государственном и надгосударственном уровне*, [in:] *Политико-правовые основы социального партнерства государства и традиционных конфессий. Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 3 июня 2004 г.*, Санкт-Петербург 2005, с. 90; А. П. Григорьев, *Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов*, Санкт-Петербург 2004, с. 7; *Памятники русского права*, Вып. 3: *Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв.*, ред. В. Л. Черепнин, Москва 1955, с. 464–465.

Подложность ярлыка Узбека, добавленного в *Пространную редакцию*, была доказана еще в начале XX века³³: помимо необычайно обширного объема текста, содержание данного акта не вполне соответствовало стандартной форме ханских ярлыков. И в первую очередь дополнение *Пространной редакции* содержало две противоречивые и очевидно неправильные датировки 1213 (6721) г. по старорусскому календарю и 1315 г. (зайца) по монгольскому животному циклу³⁴. Со своей стороны, несколько упомянутых выше летописей подразумевают, что хан Узбек пожаловал митрополита ярлыком в 1313 г. в связи с визитом Петра в Орду.

Несмотря на то, что ярлык Узбека дошел до нас в подделанном виде, несомненно, эта фальсификация основывалась на действительно существовавшем ярлыке. Вероятнее всего, он соответствовал по содержанию ярлыку хана Менгу-Тимура, пожалованному митрополиту Кириллу 1 августа 1267 г.³⁵ Следовательно, ярлык 1313 г. содержал ряд предписаний золотоордынским чиновникам, которые подтверждали освобождение православной церкви от выплаты множества налогов и исполнения повинностей. Одновременно текст ярлыка должен был быть обращен к великому князю Владимирскому с утверждением за митрополитом и его подчиненными полной юридической автономии. Тем не менее сводчики митрополичьей канцелярии XVI века посчитали, что эти привилегии были описаны недостаточно подробно, и значительно расширили текст ярлыка³⁶.

Отдельный интерес представляет *Предисловие* к поддельному ярлыку Узбека, как и ко всей *Пространной редакции Собрании*. Очевидно, что в своем описании путешествия митрополита в Орду автор *Предисловия* основывался на том же источнике, что и сводчик *Никоновской летописи*. Однако это *Предисловие* содержало дополнительные сведения о причинах, побудивших митрополита спешно отправиться в Орду. Среди этих причин *Предисловие* упоминало стремление русского прелата опередить в получении ханских привилегий „немецких послов, и Матфея, епископа Римского папы“³⁷. Нам остается только гадать, кем были те „немецкие послы“, которых упоминал автор *Предисловия*. С другой стороны, мы можем выдвинуть относительно правдоподобную гипотезу в отношении католического прелата „Римского папы“. Возможности следующего далее предположения способствует наличие довольно многочисленных латинских источников о синхронной деятельности католических миссионеров в Крыму.

³³ П. П. Соколов, *Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру*, „Российский исторический журнал“, 5, 1918, passim; *Памятники русского права*, Вып. 3, с. 464; Р. Ю. Почекаев, *Право Золотой Орды*, с. 182.

³⁴ В. В. Григорьев, *О достоверности ярлыков*, с. 112, 118; Р. Ю. Почекаев, *Поддельные акты золотоордынских правителей*, с. 144.

³⁵ См. текст ярлыка Менгу-Тимура в: *Собрание государственных грамот и договоров*, с. 5–6; В. В. Григорьев, *О достоверности ярлыков*, с. 124–126; *Памятники русского права*, Вып. 3, с. 467–468.

³⁶ Р. Ю. Почекаев, *Поддельные акты золотоордынских правителей*, с. 144–146; Idem, *Золотоордынские ярлыки русской церкви*, с. 89–90; *Памятники русского права*, Вып. 3, с. 464, 476.

³⁷ „Да и того ради, чтоб наперед быти у Царя Нѣмецких послов, и Бискупа Матфея Папы Римскаго“. В. В. Григорьев, *О достоверности ярлыков*, с. 111.

В первую очередь здесь следует отметить, что анонимный автор *Предисловия* очевидно спутал имя католического епископа: доминиканец Маттео (Матфей) Манни из Кортонны стал вторым латинским епископом Каффы (совр. Феодосия) только через 12 лет после поездки митрополита³⁸. Действительным предводителем католических миссионеров в Крыму в 1313 г. был епископ Иероним из Каталонии. Иероним прибыл в Крым уже в 1311 г. и принял активное участие в переговорах с ханом Узбеком о возвращении францисканцев в Каффу, откуда они были изгнаны ханом Токтой в 1308 г. Вполне вероятно, что Иероним был специально направлен в Крым в качестве официального представителя Апостольского престола для ведения переговоров с ханом Золотой Орды³⁹. Он, очевидно, преуспел в ведении переговоров и добился от Узбека пожалования ярлыка, который упоминался выше⁴⁰. Тем не менее Узбек пожаловал ярлыком францисканцев только в 1314 г., то есть примерно через год после поездки митрополита Петра.

Таким образом, митрополит Петр действительно смог получить ярлык на год раньше францисканцев. Хотя нам остаются непонятными причины его опасений по поводу возможности того, что католики могли бы получить привилегии раньше православной церкви. Как бы то ни было, содержание обоих ярлыков Узбека имеет определенные сходства. Как поддельный ярлык в русском переводе, так и достоверный ярлык, переведенный на латинский язык, содержат предоставление полной юридической автономии латинской и православной церкви⁴¹. Наличие обоих ярлыков показывает, что мусульманин Узбек был склонен учитывать религиозные симпатии своих иноконфессиональных подданных: золотоордынский хан наделял православную и латинскую церковь значительными привилегиями и требовал взамен только молить Бога за самого хана, „за его жен, детей и за его племя”⁴². Узбек, очевидно, уделял большое значение этому требованию, и, соглас-

³⁸ R. J. Loenertz, *La Société des Frères Pèrègrinants. Étude sur l'Orient Dominicain*, vol. 1: *Étude sur l'Orient dominicain*, Roma 1937, p. 113; Idem, *Les Missions dominicaines en Orient au quatorzième siècle et la Société des frères pèrègrinants*, „Archivum fratrum praedicatorum”, 2, 1932, p. 19; G. Golubovich, *Biblioteca bio-bibliografica*, vol. 3, p. 57.

³⁹ J. Richard, *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*, Rome 1998, p. 156–158; G. Soranzo, *Il Papato*, p. 476; G. Golubovich, *Biblioteca bio-bibliografica*, vol. 1, Quaracchi, 1906, p. 302.

⁴⁰ M. Bihl, A. C. Moule, *Tria nova documenta*, p. 65; P. Хаутала, *Ярлык Узбека*, с. 36.

⁴¹ Поддельный ярлык 1313 г.: „А знает Петр Митрополит в правду, и право судит, и управляет люди своя в правду, в чем ни будь: и в разбои, и в поличном, и в татьбѣ, и во всяких дѣлах вѣдает сам Петр Митрополит един, или кому прикажет”. В. В. Григорьев, *О достоверности ярлыков*, с. 113. Ярлык 1314 г.: „но чтобы, сооружая церковь или колокола, они управляли людьми христианского закона” („set faciendū ecclesiam aut campanas xristiane legis homines regant”); M. Bihl, A. C. Moule, *Tria nova documenta*, p. 65; P. Хаутала, *Ярлык Узбека*, с. 36.

⁴² Поддельный ярлык 1313 г.: „да пребывает Митрополит в тихом и кротком житии безо всякия гоаки; да правым сердцем и правою мыслию молит Бога за нас, и за наши жены, и за наши дети, и за наши племя”; В. В. Григорьев, *О достоверности ярлыков*, с. 114. Ярлык 1314 г.: „дабы, именно, шествовали они с безмятежной душой, молясь богу, верша благословение” („vt videlicet animo tranquillo consistentes, deum rogando, benedictionem faciendū incedant”). M. Bihl, A. C. Moule, *Tria nova documenta*, p. 65; P. Хаутала, *Ярлык Узбека*, с. 36.

но автору *Жития митрополита Петра*, православный прелат неукоснительно исполнял свои обязательства⁴³.

Взамен полученных привилегий Петр неизменно служил политическим интересам Узбека и московских князей – главных союзников золотоордынского хана в Северо-Восточной Руси⁴⁴. Этой же линии придерживался и его преемник, Феогност, сменивший Петра на митрополичьей кафедре в 1326 г. Так, тремя годами позже Феогност добился изгнания из Пскова тверского князя Александра Михайловича, оказавшего ранее сопротивление представителю ордынской власти⁴⁵. В 1334 г. его посредничество способствовало примирению между новгородцами и великим князем Иваном Калитой: благодаря участию в переговорах Феогноста новгородцы отказались от своего скоротечного альянса с Литвой, и Великий Новгород снова вернулся в сферу золотоордынского влияния⁴⁶. Очевидно, что религиозная толерантность Узбека способствовала достижению актуальных политических целей джучидского хана.

Повесть о Михаиле Тверском. Возвращаясь к упоминаниям обращения Узбека в ислам в русских источниках, здесь следует уделить особое внимание повествованию об обстоятельствах казни в Орде тверского князя Михаила Ярославовича. Как будет показано далее, данная *Повесть* пользовалась повышенной популярностью в среде русских авторов и сохранилась как в нелетописных источниках, так и в составе ряда летописных сводов. Но, прежде всего, здесь следует коротко остановиться на описании тех событий, которые легли в основу *Повести*.

События в *Повести* связаны с моментом резкого обострения борьбы между Московским и Тверским княжеством. При этом ордынский правитель оказывал непосредственную поддержку московскому князю Юрию Даниловичу. В начале 1317 г. тверской князь Михаил добился очередного подчинения Новгорода Великому. Однако одновременно Михаил неожиданно узнал, что хан Узбек решил отобрать у него великое княжение и передать его московскому князю. Таким образом, московский князь вернулся из Орды с татарским подкреплением во главе с Кавгадыем и вторгся в Тверское княжество. Михаил долго не решался оказать сопротивление вторгнувшимся войскам, но 22 декабря тверской князь нанес решающее поражение военным силам Юрия Даниловича. В результате битвы в плен

⁴³ J. L. I. Fennell, *The Ideological Role of the Russian Church in the first half of the fourteenth century*, [in:] *Publications of the Modern Humanities Research Association*, vol. 2: *A Garland of Essays Offered to Professor Elizabeth Mary Hill*, eds. E. M. Hill, R. Auty, L. R. Lewitter, A. P. Vlasto, Cambridge 1970, p. 107–108.

⁴⁴ Idem, *The Emergence of Moscow: 1304–1359*, London 1968, p. 72–73, 90.

⁴⁵ *Новгородская Четвертая летопись*, [in:] *ПСРА*, т. 4, ч. 1, вып. 1, Петроград 1915, с. 262–263; *Псковские летописи*, вып. 2, ред. А. Н. Насонов, Москва 1955, с. 90; *Московский летописный свод конца XV века*, с. 169; Ч. Гальперин, *Татарское иго: образ монголов в средневековой России*, пер. М. Е. Копылова, Воронеж 2012, с. 102–103; D. Ostrowski, *Moscow and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*, Cambridge 1998, p. 22; J. L. I. Fennell, *The Emergence of Moscow*, p. 117–118; В. Т. Пашуто, *Образование литовского государства*, Москва 1959, с. 55.

⁴⁶ J. L. I. Fennell, *The Emergence of Moscow*, p. 147–148; А. В. Черепнин, *Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках*, Москва 1960, с. 504.

к Михаилу попала Кончака, татарская жена Юрия и сестра хана Узбека. Кончака умерла в плену при неясных обстоятельствах, что стало в дальнейшем одной из причин казни тверского князя.

Татарский предводитель Кавгадый также попал в плен к Михаилу, но тверской князь обошелся с Кавгадыем подчеркнуто уважительно и отпустил его в Орду. После этого Кавгадый развернул энергичную деятельность в ставке хана, добившись от Узбека решения вызвать обоих князей в Орду для проведения судебного разбирательства. Михаил некоторое время сомневался в целесообразности путешествия, но татарский посол Ахмыл дал ему недвусмысленно понять, что от него зависела безопасность его княжества. Прибыв в ханскую ставку в сентябре 1318 г., Михаил узнал, что Кавгадый и Юрий Данилович уже успели настроить против него основную часть приближенных хана. Русские источники описывают далее двухмесячный судебный процесс в ставке хана в крайне мрачных тонах, подчеркивая его несправедливый характер. Процесс закончился казнью Михаила 22 ноября при участии Кавгадыя и Юрия Даниловича⁴⁷.

Повесть отличается подчеркнуто агиографическим характером, но тем не менее она основывается на реальных событиях. Ее автором был очевидец этих событий, вероятно, духовник Михаила, Александр, который отправился в Орду вместе с тверским князем. После казни князя Александр вернулся в Тверь и вскоре составил там свое повествование, которое подверглось в дальнейшем многочисленным редакциям. Самой полной и ранней версией *Повести* является так называемая *Пространная редакция*, критическое издание которой опубликовал Владимир Кучкин. В. Кучкин считал эту редакцию наиболее достоверной, хотя и указывал, что пользовался при издании списками XVI–XVII вв. Джон Феннелл резонно указал на возможность того, что сохранившиеся списки *Пространной редакции* могут содержать позднейшие интерполяции аналогично всем версиям, включенным в летописные своды⁴⁸.

В свою очередь в летописных сводах *Повесть* развивалась в двух направлениях. Подчеркнуто антитатарское повествование запечатлелось в тверских летописях, хотя эта версия приводится в заметно сокращенном виде. В промосковских летописях, напротив, представлена более полная и нейтральная версия, которая

⁴⁷ В. А. Кучкин, *Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском*, „Средневековая Русь”, 2, 1999, с. 125–163; *Рогожский летописец*, стб. 36–40; *Летописный сборник, именуемый Тверской летописью*, [in:] *ПСРА*, т. 15, Санкт-Петербург 1863, стб. 409–421; М. Д. Приселков, *Троицкая летопись*, с. 356; *Софийская Первая летопись старшего извода*, стб. 375–396; *Псковские и Софийские летописи*, с. 207–215; *Московский летописный свод конца XV века*, с. 161–166; *Ермолинская летопись*, с. 98–100; *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с. 180–186; Ю. В. Селезнев, *Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках*, Воронеж 2013, с. 209, 286–287; Ч. Гальперин, *Татарское иго*, с. 98–101; А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 49–52; J. L. I. Fennell, *The Emergence of Moscow*, p. 81–87; Л. В. Черепнин, *Образование русского централизованного государства*, с. 468.

⁴⁸ В. А. Кучкин, *Пространная редакция*, с. 116; J. L. I. Fennell, *V. A. Kučkin: Povesti o Michailе Tverskom. Istoriko-tekstologičeskoe issledovanie*, „Russia Mediaevalis”, 3, 1977, p. 94.

впервые встречается в *Софийской Первой летописи*. В конце концов, обе ветви развития *Повести* снова встречаются в обширном *Никоновском своде*, автор которого приводит ряд развернутых (и, возможно, надуманных) пояснений описываемым событиям⁴⁹.

Следуя *Пространной редакции*, именно московский цикл *Повести* содержит указание на те изменения, которые произошли в связи с приходом к власти в Золотой Орде хана Узбека. После описания того, как Михаил Ярославович получил от предыдущего хана Токты ярлык на великое княжение, и упоминания неудачной попытки московского князя оспорить это решение, *Пространная редакция* сообщает о воцарении царя „по имени Озбяк”, вошедшего в „богомерзкую сарацинскую веру”. В связи с этим *Повесть* сообщает, что Узбек в дальнейшем перестал щадить „христианский род”, и приводит цитату из *Книги Даниила* о Вавилонском пленении народа Израиля. В этой цитате Узбек сравнивается с жестоким вавилонским царем Навуходоносором, далее автор сопоставляет хана с императором Титом, захватившим Иерусалим, и Фокой Каппадокийцем, завладевшим Константинополем⁵⁰. Тверские летописи опускают весь этот фрагмент, но московские авторы непременно его воспроизводят. Единственное исключение представляет автор *Никоновского свода*, отличающийся подчеркнуто уважительным отношением к Узбеку⁵¹.

Ясно, что автор *Повести* хотел обратить внимание на все те негативные последствия, которые, с его точки зрения, принес приход к власти Узбека. Его дальнейшее повествование столь же очевидно показывает, что Узбек отказался от традиционной поддержки Тверского княжества в пользу московского князя. Это изменение политической линии, по мнению автора *Повести*, привело, в конце концов, к казни единственного, с его точки зрения, легитимного великого князя. Однако *Повесть* указывает на религиозные пристрастия золотоордынского хана только в этом фрагменте. В дальнейшем ее автор ни разу не упоминает мусульманской ориентации Узбека. И для нас остается неясным, каким образом обращение Узбека в ислам повлияло на развитие последовавших событий.

⁴⁹ В. Н. Рудаков, *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.*, Москва 2009, с. 111–112; J. L. I. Fennell, *V. A. Kučkin*, p. 94–95.

⁵⁰ „сѣде ин царь именем Озбяк и видѣ в богъмерзскую вѣру сродинскую. И оттолѣ начаша не щадити рода християнска, яко же бо о таковых рекоша царьския дѣти в плѣну в Вавилонѣ сущии, глаголаху: «Предаст ны в руцѣ царю немилостиву законопреступну, лукавнѣишу паче вся земля». Егда бо господь Титу Иерусалим предасть, не Тита любя, но Иерусалим казня. И пакы: егда Фоцѣ Царьград преда, не Фоцю любя, но Царьград казня за людская прегрѣшения”. В. А. Кучкин, *Пространная редакция*, с. 132–133. См. также: Ю. В. Селезнев, *Описание своего (русского) и чужего (ордынского) пространства в „Житии Михаила Тверского”*, „Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология”, 2, 2007, с. 113; В. Н. Рудаков, *Монголо-татары*, с. 117–118.

⁵¹ *Софийская Первая летопись старшего извода*, стб. 377–378; *Псковские и Софийские летописи*, с. 208; *Московский летописный свод конца XV века*, с. 161; *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с. 182.

Позже автор *Повести* выражает определенное почтение к Узбеку. В частности, *Пространная редакция* передает слова Михаила о том, что московский князь Юрий получил ярлык на великое княжение от „Бога и царя”⁵². Возможно, что в данном случае *Пространная редакция* стремилась подчеркнуть попытку Михаила решить спор с московским князем мирным путем. Однако московские редакторы *Повести* посчитали уместным опустить упоминание Бога в данной фразе⁵³. Вероятно, они считали недопустимой возможность толкования того, что русские князья получали ярлыки на правление не только по воле хана, но и Бога.

На протяжении всей *Повести* Узбек настроен против Михаила. Однако предвзятое расположение Узбека вменяется в вину не самому хану, а Кавгадью. Кавгадья является главным негативным героем повествования, выражающим к тому же крайнюю неблагодарность по отношению к великодушному поступку Михаила. Тверской князь не только сохранил жизнь Кавгадью после его пленения, но и оказал ему всевозможные почести и отпустил татарского предводителя невредимым в Орду. Кавгадья же, вернувшись в Орду, заставил московского князя составить множество лжесвидетельств против Михаила и обвинил его в сокрытии дани, которую Михаил должен был выплатить Узбеку⁵⁴.

В свою очередь тверские летописи называют Узбека „беззаконным царем” при описании судебного процесса над Михаилом⁵⁵. Вероятно, данным указанием на предосудительную конфессиональную ориентацию хана авторы тверских сводов стремились подчеркнуть несправедливый характер судебного разбирательства в Орде. Однако следует отметить, что автор *Пространной редакции* не позволил себе использовать столь резкий эпитет. Это же выражение отсутствует и в московских летописях. В любом случае, во всех редакциях *Повести* Узбек поручает разбирательство татарским „князьям” и не оказывает на него непосредственного влияния. Главным виновником несправедливого приговора выступает все тот же Кавгадья, который одновременно исполняет роль судьи, обвинителя и лжесвидетеля по делу⁵⁶. Любопытно, что сводчик *Никоновской летописи* пред-

⁵² „Брате, аже тѣбе дал бог и царь княжение великое”. В. А. Кучкин, *Пространная редакция*, с. 134.

⁵³ „Брате, аже дал ц(а)рь тобѣ великое княжение”. *Софийская Первая летопись старшего извода*, стб. 378. См. также: *Псковские и Софийские летописи*, с. 208; *Московский летописный свод конца XV века*, с. 162; *Ермолинская летопись*, с. 99; *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с. 182.

⁵⁴ „по повѣлению же окаяннии Ковгадья написаша многа лжа, свидѣтельствова на блаженнаго Михаила”. В. А. Кучкин, *Пространная редакция*, с. 138. См. также: *Софийская Первая летопись старшего извода*, стб. 381; *Псковские и Софийские летописи*, с. 209; *Московский летописный свод конца XV века*, с. 162; *Ермолинская летопись*, с. 99; *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с. 182; А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 50–51; А. В. Черепнин, *Образование русского централизованного государства*, с. 470.

⁵⁵ „обогаша его к беззаконному царю Озбюку”. *Рогожский летописец*, стб. 39; *Летописный сборник, именуемый Тверской летописью*, стб. 411.

⁵⁶ В. А. Кучкин, *Пространная редакция*, с. 141–142; *Рогожский летописец*, стб. 38–39; *Летописный сборник, именуемый Тверской летописью*, стб. 411; *Софийская Первая летопись старшего извода*, стб. 383–384; *Псковские и Софийские летописи*, с. 210; *Московский летописный свод конца XV века*, с. 163; *Ермолинская летопись*, с. 99.

ставляет Узбека стремящимся к справедливому приговору. В его интерпретации Узбек отвергает решение Кавгадыя после первой судебной сессии и назначает вторую, поскольку „царскому суду подобает быть праведным”⁵⁷.

Описание событий в ставке Узбека содержит детали, которые могут быть интересны для рассмотрения функционирования золотоордынского суда, как и маршрута кочевания ханской орды из донских степей к предгорьям Северного Кавказа. Однако вряд ли в намерения автора входило знакомить читателей его *Повести* с деятельностью ставки хана. Автор *Повести* был очевидцем событий. Но он не удостоил вниманием тот факт, что в ходе своего передвижения на юг Узбек готовился к вторжению на территории соседнего Ильханата⁵⁸.

Детальное описание судебного процесса служило цели показать, что Михаил был осужден на смерть за преступления, которые он не совершал. Все редакции *Повести* сходятся в том, что обвинения в сокрытии дани не имели никаких оснований. Однако в отношении обвинения Михаила в убийстве сестры хана и жены Юрия Даниловича, Кончаки, мнения сведчиков разделяются. Тверские летописи не считают уместным выражать по этому поводу свои суждения, но автор *Софийской Первой летописи* отвергает обвинения в убийстве⁵⁹. Тем не менее другие московские летописи ясно обвиняют Михаила в отравлении Кончаки, вероятно, смягчая тем самым факт участия московского князя в процессе и дальнейшей казни Михаила⁶⁰. И лишь автор *Никоновской летописи* колеблется в отношении того, какую из предложенных версий ему стоило бы предпочесть⁶¹.

Вне зависимости от степени уверенности авторов различных редакций *Повести* в невиновности Михаила, все без исключения версии указывают на центральную заслугу тверского князя, которая стала главным основанием для его дальнейшей канонизации. Михаил Ярославович стоял перед сложным выбором перед отправлением в Орау: допустить ли неминуемое нападение татар на свое

⁵⁷ „Глагола им царь: «яко же хотите творите, точию праведно судите моим судом, наш бо суд царьский праведен подобает быти, тѣм же судите праведно, и судивше мнѣ скажите»”. *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с. 183.

⁵⁸ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов*, т. 2, с. 86–89; Б. Черкас, *Західні володіння Улусу Джучі: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.)*, ред. В. А. Смолий, Київ 2014, с. 146–147; J. A. Boyle, *The Dynastic and Political History of the Il-Khāns*, [in:] *The Cambridge History of Iran*, vol. 5: *The Saljuq and Mongol Periods*, ed. J. A. Boyle, Cambridge 1968, p. 408.

⁵⁹ „а кн(я)г(и)ню Юрьеву и Кончака не убиша”. *Софийская Первая летопись старшего извода*, стб. 375. Ср. с: *Рогожский летописец*, стб. 38; *Летописный сборник, именуемый Тверской летописью*, стб. 410.

⁶⁰ „а князя Бориса яша руками и Кончака, княгиню Юрьеву, и поведоша их в Тферь, и тамо зельем уморена бысть Кончак, княгиня великаа Юрьева, сестра царева, нареченая в святом крещении Агафия, и привезоша ся мертвое с Тфери в Ростов, и положиша ю в церкви святѣи Богородицы в Ростовѣ”. М. Д. Приселков, *Троицкая летопись*, с. 356. См. также: *Симеоновская летопись*, с. 88; *Московский летописный свод конца XV века*, с. 161; *Ермолинская летопись*, с. 98.

⁶¹ „А Юрьева княгини, сестра Азбьяка, царя Ординскаго, во Твери умре; инни же глаголють яко тамо во Твери зелием уморена бысть Кончака”. *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с. 181.

княжество или пожертвовать своей жизнью ради спасения своих православных подданных? Тверской князь принял решение принести себя в жертву, и дальнейшее описание несправедливого татарского суда должно было подчеркнуть степень героизма Михаила. Автор *Повести* сопоставлял Михаила с классическими мучениками Борисом и Глебом и одновременно сравнивал самоотверженность тверского князя со стойкостью веры черниговского князя Михаила, который был казнен в золотоордынской ставке за три четверти века до описываемых событий⁶². Однако, в отличие от своего черниговского тезки, Михаил Ярославич не принуждался к вероотступничеству. Упоминание обращения в ислам Узбека должно было подчеркнуть несправедливый характер последовавшего судебного процесса над единичной фигурой Михаила. Однако автор *Повести* не пытался искать явных признаков тех трагических последствий для православного населения Северо-Восточной Руси, которые могли быть связаны со сменой религии нового золотоордынского хана. Очевидно, он не преминул бы это сделать, если бы у него были для этого основания.

Тверское восстание 1327 года или „Щолкановщина“. Через семь лет после казни тверского князя Михаила его сын Дмитрий смог отомстить за отца, убив в Орде московского князя Юрия Даниловича. Очевидно, Дмитрий рассматривал Юрия главным виновником в смерти своего отца. В свою очередь Узбек был вынужден наказать Дмитрия Михайловича за самоуправство, хоть и отложил вынесение приговора почти на целый год: Дмитрий Михайлович был казнен в Орде 15 сентября 1326 г. После казни Узбек оказался перед сложным выбором, давать ли ярлык на великое княжение московскому князю Иване Калите или передать его тверскому дому. В конце концов, хан решил пожаловать ярлыком брата казненного Дмитрия, Александра Михайловича. Решение Узбека показывало, что, несмотря на предшествующие казни в Орде, джучидский хан продолжал доверять и оказывать предпочтение тверским князьям⁶³. Узбек был вынужден изменить свои симпатии только после трагичных событий, последовавших за этими.

Александр Михайлович, вероятно, вернулся из Орды в Тверь весной 1327 г. После чего туда прибыл крупный татарский отряд во главе с Чолханом (Шевкалом или Щелканом в русских летописях). Чолхану, по всей видимости, было поручено собрать с тверских жителей экстраординарный налог в компенсацию за ярлык, полученный тверским князем в Орде. Чолхан, таким образом, выполнял вполне законное и ординарное поручение золотоордынского хана на русских территориях. Однако при его исполнении татарский посол позволил себе прибегнуть к чрезмерным и неосмотрительным притеснениям местного населения, что вызвало вспышку спонтанного народного восстания 15 августа 1327 г. Тверской

⁶² Ч. Гальперин, *Татарское иго*, с. 99, 101–102; А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 58, прим. 111; А. В. Черепнин, *Образование русского централизованного государства*, с. 469.

⁶³ Ч. Гальперин, *Татарское иго*, с. 102; А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 60; J. L. I. Fennell, *The Emergence of Moscow*, p. 101.

князь был вынужден примкнуть к восстанию, в ходе которого все татары в Твери были убиты, включая и самого Чолхана. Через полгода после этого на Русь прибыла карательная экспедиция татар, состоявшая из пяти туменов и дополнительных подразделений московского князя Ивана Калиты. В ходе карательных операций основная часть городов Тверского княжества была разграблена. Александр Михайлович в свою очередь бежал в Псков и смог вернуться в Тверь только через 10 лет, получив на то согласие со стороны Узбека⁶⁴.

Такова вкратце история событий, приведших к резкому ослаблению влияния Тверского княжества на Руси. То, что нас здесь более всего интересует, это эволюция представления в русских летописях намерений и действий Чолхана, приведших к единственной крупной кампании татар в Северо-Восточной Руси за весь период правления Узбека.

Наиболее близкая к событиям *Новгородская Первая летопись* старшего извода не предоставляет по этому поводу никаких комментариев и ограничивается упоминанием того, что тверской князь убил множество татар в Твери и других городах вместе с булгарскими („хопыльскими“) купцами⁶⁵. Вероятно, столь же беспристрастным характером отличался и первичный тверской отчет, который подвергся в дальнейшем значительным изменениям. В наиболее ранней редакции в *Рогожском летописце* и в *Тверском сборнике* этот отчет дополняется рассуждениями более позднего автора о том, как дьявол внушил в сердца „безбожных“ татар злые намерения по отношению к христианам. В частности, дьявол внушал татарам убить Александра Михайловича и всех других князей, чтобы „иметь власть над ними“. Шевкал здесь выступает главным инициатором дьявольского замысла и добивается от Узбека позволения для его осуществления. В свою очередь Александр Михайлович старался всеми силами избежать открытого столкновения с татарами, и начало восстания целиком и полностью приписывается горожанам Твери⁶⁶.

⁶⁴ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, ред. А. Н. Насонов, Москва–Ленинград 1950, с. 98; *Рогожский летописец*, стб. 42–44; *Летописный сборник, именуемый Тверской летописью*, стб. 415–416; М. Д. Приселков, *Троицкая летопись*, с. 358–359; *Новгородская Четвертая летопись*, с. 260–261; *Псковские летописи*, вып. 1, ред. А. Н. Насонов, Москва–Ленинград 1941, с. 16; *Псковские летописи*, вып. 2, с. 90–91; *Псковские и Софийские летописи*, с. 217–218; *Московский летописный свод конца XV века*, с. 168; *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с. 194; Ч. Гальперин, *Татарское иго*, с. 102, 105–106; А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 60–61; D. Ostrowski, *Muscovy and the Mongols*, p. 151–152; J. L. I. Fennell, *The Emergence of Moscow*, p. 101, 120.

⁶⁵ „Того же лѣта (6835), на Успѣнѣе свѣтыя богородица, князь Александр Михайловичъ изби Татар много во Тѣфѣри и по инымъ городомъ, и торговци гость хопыльскыи исѣче: пришелъ бо бѣше посолъ силенъ изъ Орды, именемъ Шевкалъ, съ множествомъ Татаръ“. *Новгородская первая летопись*, с. 98.

⁶⁶ „за умножение грѣхъ ради нашихъ Богу попустившу диаволу възложити злаа въ сердца безбожныхъ Татаромъ глаголати беззаконному царю: «аще не погубиши князя Александра и всѣхъ князиинъ Русскихъ, то не имаше власти надъ ними». И беззаконныи и треклятыи и всему злу начальникъ Шевкалъ, разорительъ христианскыи, отъверзъ сквернаа своя уста начатъ глаголати, диаволомъ учимъ: «господине царю, аще ми велиши, азъ иду въ Русь и разорю христианство, а князя ихъ избию, а княгини и дѣти къ тебѣ приведу». И повелѣ ему царь сътворити тако ... Народи же гражанстии, повсѣгда оскорбляеми отъ

Тверская версия отчета, очевидно, имела непосредственное влияние на последующие редакции. Эти редакции, однако, дополнили повествование рядом существенных деталей, основываясь на одном общем и несохранившемся протографе. Новая версия появляется в *Новгородской Четвертой летописи*, откуда она попадает в *Псковские летописи*. И эта же версия воспроизводится в аналогичном виде в *Софийской Первой летописи*, откуда ее заимствует автор *Московского летописного свода 1479 г.*⁶⁷

Новая версия отчета о Тверском восстании не скрывает своего стремления оправдать участие Ивана Калиты в его подавлении и последующей неудачной попытке арестовать тверского князя во Пскове: в обоих случаях московский князь не осмеливается ослушаться повеления Узбека. Автор новой версии не осуждает сам факт восстания, но приписывает его начало инициативе тверского князя. Перед началом восстания Александр Михайлович призывает тверичей отомстить за смерть своего отца Михаила и брата Дмитрия. В оправдание необдуманных действий тверского князя, Чолхан здесь замышляет намного более серьезные преступления против христиан: татарский посол намеревается занять тверской стол и посадить своих наместников во всех городах. И, что важнее для настоящей темы, Чолхан планирует насильственно обратить всех христиан в „бесерменство“⁶⁸. *Никоновская летопись*, со своей стороны, не дополняет повествование существенными деталями, кроме сомнительного указания на то, что Чолхан приходился двоюродным братом Узбеку. Автор *Никоновского свода*, вероятно, стремился подкрепить тем самым обоснованность ханского гнева, описанию которого он уделяет значительное внимание⁶⁹.

поганных, жаловухася многожды великому князю, дабы их оборонил. Он же, видя озлобление людий своих и не могя их оборонити, трыпѣти им веляше”. *Рогожский летописец*, стб. 42–43. См. также: *Летописный сборник, именуемый Тверской летописью*, стб. 415; А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 60–61; D. Ostrowski, *Moscow and the Mongols*, p. 151–152; А. В. Черепнин, *Образование русского централизованного государства*, с. 476.

⁶⁷ Ч. Гальперин, *Татарское иго*, с. 104; А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 60–61; J. L. I. Fennell, *The Emergence of Moscow*, p. 105–106.

⁶⁸ „Щолкановщина: Того же лѣта (6835) приѣха посол силен из орды Щелкан с множеством Татар на Тферь, и великое насилье начаша творити, а князя Александра и братью его хотяще побити, а Щелкан хотя съйти в Тфери на княжении, а иную князью свою посажати по иным градом Руским, хотяще привести крестьяны в бесерменскую веру. И съзва князь Тферици и поиде на Щелкана”. *Новгородская Четвертая летопись*, с. 260–261. См. также: *Псковские летописи*, вып. 1, с. 16; *Псковские летописи*, вып. 2, с. 90–91; *Псковские и Софийские летописи*, с. 217–218; *Московский летописный свод конца XV века*, с. 168; А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 60–61; J. L. I. Fennell, *The Emergence of Moscow*, p. 105–106.

⁶⁹ „Прииде во Тверь посол силен зѣло царевич Щелкан Дюденевиъ из Ордъ, от царя Азбѣка; бѣ же сей братаничъ царю Азбѣку ... Слышав же сѣа царь Азбѣк Ординский, и разгорѣся яростию велию зѣло, и во мнозѣ скорби и печали бысть обратаничѣ своем Щелканѣ, и рыкаше аки лев на Тверских князей, хотя всѣх потребити, и прочее всю землю Русскую пѣлнѣти”. *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с. 194. См. также: Ч. Гальперин, *Татарское иго*, с. 104.

Суммируя этот короткий анализ эволюции отчета о Тверском восстании, нам следует констатировать, что его поздние редакции содержат ряд деталей, которые, по всей видимости, не соответствовали исторической действительности. Узбек, вероятно, дал поручение Чолхану собрать в Тверском княжестве экстраординарный налог. Но золотоордынский хан вряд ли позволил своему послу создать на Руси отдельный татарский удел. Во всяком случае, татары во главе с Федорчуком не пытались этого сделать при дальнейшем подавлении восстания, хотя они имели в своем распоряжении достаточные для этого военные силы.

Упоминание попытки насильственного обращения православного населения в ислам представляет интерес в данном контексте как единственное указание на последствия постепенной исламизации татарской элиты. Однако и это упоминание, вероятнее всего, было выдумкой поздних редакторов отчета. По всей видимости, русские сводчики XV века приписывали Чолхану стремление подчинить русские города власти татарских наместников под влиянием более поздних событий и, в частности, нашествия Едигея на Русь в начале XV века⁷⁰. Чолхан сопоставлялся со своим единоверцем Едигеем, и наличие в Твери мусульманских купцов во время восстания подкрепляло убежденность в коварных (хоть и выдуманных) намерениях татарского посла, включая насильственное насаждение ислама.

На этом нам следует завершить рассмотрение влияния религиозных симпатий Узбека на Северо-Восточную Русь, поскольку русские средневековые источники не предоставляют дополнительного материала для размышлений по этому поводу. В заключение здесь будет уместно повториться, что скудность материала по данной тематике косвенно указывает на то, что смена конфессиональной принадлежности верховного правителя Руси не оказала существенного влияния на характер его правления.

*

Roman Hautala, *Rus' Chronicles on the Religious Policy of Khan Uzbek (1313–1341) and his relations with the principalities of the North-Eastern Rus'*

The author of the present article examines the overall response of the Rus' medieval scribes on the ascension to power of the Khan Uzbek – the Golden Horde ruler who was a Muslim and made a major effort to spread Islam in the Jochid Empire. When analyzing the Rus' sources the author tries to answer the question to what extent can we trust the reliability of their information about the impact of Uzbek's religious affiliation on the expected change in his relations with the Rus' principalities? The novelty of this study is in comparison of the Rus' chronicles' contents with information of little known written sources. In particular, the Latin sources compiled within the Ulus of Jochi in a relatively large amount exactly during the period under study, to some extent compensate the complete absence of own Jochid written sources. In this case, the con-

⁷⁰ А. В. Черепнин, *Образование русского централизованного государства*, с. 491.

tent of the Latin sources will allow us to reconsider the established opinion about the total Islamization of the Ulus of Jochi during Uzbek's reign. The use of heterogeneous written sources emphasizes the significance of the present study. Comparison of the Rus' chronicles' contents with information of the Catholic missionaries who preached the Gospel in the Golden Horde, allows the author to demonstrate that Muslim khan Uzbek adhered to the principles of traditional religious tolerance of the Chinggisids throughout his entire reign.

*

Roman Hautala, *Rusínské kroniky o náboženské politice chána Uzbeka (1313–1341) a jeho vztazích ke knížectvím na severovýchodě Rusi*

Autor následujícího článku zkoumá celkový přístup rusínských kronikářů k vstupu moci chána Uzbeka – panovníka Zlaté Hordy, který byl muslim a vynaložil velké úsilí na šíření islámu v říši Ulus Džučí. Při analýze rusínských pramenů se autor pokouší odpovědět na otázku, do jaké míry můžeme věřit spolehlivosti jejich informací o dopadu Uzbekovy náboženské příslušnosti na očekávané změny v jeho vztahu k rusínským knížectvím. Novým přínosem této studie je srovnání obsahu rusínských kronik s informacemi málo známých psaných pramenů. Většinou byly latinské zdroje sestaveny za existence říše Ulus Džučí v relativně velkém rozsahu přesně během studovaného období a do jisté míry kompenzují naprostou absenci vlastních písemných pramenů této říše. V tomto případě slouží latinské prameny k přehodnocení zjištěných názorů na celkovou islamizaci v říši Ulus Džučí za doby Uzbekovy vlády. Využití různorodých psaných pramenů podtrhuje význam prezentované studie. Srovnání obsahu rusínských kronik s informacemi katolických misionářů, kteří kázali Evangelium ve Zlaté Hordě, dovoluje autorovi ukázat muslimského chána Uzbeka jako vládce, který dodržoval zásady tradiční náboženské tolerance následníků Čingischána po celou dobu svého panování.

Sven Jaros
(Leipzig)

Between the East and West. Crown Ruthenia between the Golden Horde and the rising power of the Polish Kingdom

In this article the author collects different forms of interactions between the Kingdom of Poland and other powers in Eastern Europe with the Tatars of the Golden Horde in the second half of the 14th century. Despite the prominent military conflicts, such as the Battle at the Vorskla River in 1399, traces of various interactions can be found on diplomatic, military, economical and social level. While the usage of Tatars as an „alien” other is dominant in the sources, especially in correspondence with the Pope, pragmatic forms of interaction between the Tatars and their western neighbours shaped the history of Eastern Europe, even though they are not as well represented in the source material. The author shows, how characterizations of hostile alienness and pragmatic alterity are not unalterable, but can change due to different contexts.

„Hortatus Spitko Melstinsky pallatinus Cracoviensis ab Alexandro Vithawdo duce magno Lithwanie, acie Christianica iam inclinata et spectante in fugam, ut impendens periculum declinando secum in fugiendo sibi per fugam consuleret, nichil illum propterea astruens dedecoris, sed magis glorie, si principem exercitus salvaret, contracturum; fugere turpissimum ratus remansit et intrepide ut militi et viro et Christiano congruebat, in hostes se infudens et plurimos obvios sternens, multis tandem telis confossus et iaculis barbaricis magnanimum spiritum effudit. Gloriosior videtur michi Spitko pallatinus morte quam Vithawdus dux vita”¹.

¹ Paraphrased: In the heat of the battle against the Tatars, as the Christian forces began to flee, the Grand Duke of Lithuania begged Spytko of Mesztyn to join him. Spytko declined and stayed to protect the retreat of the Christian army. He threw himself into the enemy and in the end was killed by the arrows of the Tatars. The chronicler Jan Długosz concludes that even in death Spytko seemed more glorious to him than the fleeing Grand Duke in life, *Ioannis Dlugossi Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*, lib. 10: 1370–1405, ed. S. Gawęda et. al., Varsaviae 1985, p. 228.

The Battle at the Vorskla River in 1399 was not only a deciding moment for the balances of power in the Eastern Europe. The death of Spytko of Melsztyn² was also a bitter loss for the Polish elites in Lesser Poland and Crown Ruthenia³. Spytko was not only one of the most influential actors in the Kingdom of Poland, he was also a major figure in the re-incorporation of Crown Ruthenia into the Polish Kingdom following a short episode of Hungarian rule after the death of Kazimierz III in 1370⁴.

Crown Ruthenia, the south western part of the former principality of Galicia-Wolhynia was described by Władysław Łokietek in a letter to the Pope John XXII as „scutum inexpugnabile contra crudelem gentem Tartarorum”⁵. When it comes to these „topoi” of an „Antemurale Christianitatis”, the Tatars⁶ were the major object to identify the „otherness” beyond the borders of Latin Eastern Europe. But as Paul Srodecki in his comprehensive study rightly states these projections can be understood as „alienness”, meaning a hostile understanding of the other. This alienness can be distinguished from „alterity”, which also denotes a certain „otherness”, but much more pragmatic and by no means strictly hostile⁷.

² A. Strzelecka, *Melsztynski, Spytek (Spytek z Melsztyna) h. Leliwa (zm. 1399)*, [in:] *Polski Słownik Biograficzny*, t. 20, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1975, p. 412–415; his personal interest even exceeded Crown Ruthenia, for in 1395, he received Western Podolia as hereditary property by Władysław II Jagiełło, see: J. Kurtyka, *Repertorium Podolskie. Dokumenty do 1430 roku*, [in:] *Podole w czasach Jagiellońskich. Studia i materiały*, ed. M. Wilamowski, Kraków 2011, no 32, p. 346–347 (Series: *Maiestas. Potestas. Communitas*, vol. 4).

³ I use the term „Crown Ruthenia” when I speak about the part of the former principality of Galicia-Wolhynia that became a province of the Polish Kingdom and formed a voivodship after 1434, see: A. Janeczka, *Udział szlachty w kolonizacji Rusi Koronnej. Migracje rodów i ich nowa własność (XIV–XV w.). Próba ujęcia syntetycznego*, [in:] *Rody na Śląsku, Rusi Czerwonej i w Małopolsce. Średniowiecze i czasy nowożytne. Stan badań, metodologia, nowe ustalenia*, ed. W. Zawitkowska, A. Pobóg-Lenartowicz, Rzeszów 2010, p. 59–91, here p. 59; this term is used as an alternative to „Red Ruthenia” (german: „Rotreußen”; polish: „Ruś Czerwona”) because it’s much more specific and analytic. For the emergence of the term „Red Ruthenia”, see: C. von Werdt, *Stadt und Gemeindebildung in Ruthenien. Okzidentalisation der Ukraine und Weißrusslands im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit*, Wiesbaden 2006, p. 21 (Series: *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, Bd. 66).

⁴ See: J. Kurtyka, *Tęczyński. Studium z dziejów polskiej elity możnowładczej w średniowieczu*, Kraków 1997, p. 212–213.

⁵ *Acta Camerae Apostolicae*, vol. 1: 1207–1304, ed. J. Ptaśnik, Cracoviae 1913, no. 82, p. 72–73, here p. 73 (Series: *Monumenta Poloniae Vaticana*, vol. 1); see: P. Srodecki, „Scutum inexpugnabile contra crudelem gentem Tartarorum”. The use of the „Christian outpost” propaganda to legitimize the conquest of Galicia-Volhynia under the two last Piast kings of Poland, 1323–1370, [in:] *Principalities in lands of Galicia and Volhynia in international relations in the 11th–14th centuries*, ed. V. Nagirnyy, Kraków 2012, p. 114–120, here p. 114 (Series: *Colloquia Russica. Series I*, vol. 2).

⁶ Concerning the Golden Horde, I am speaking of „Tatars”, not of „Mongols”, which is closer to the term found in the sources, see also: V. Ciociltan, *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*, Leiden–Bosten 2012, p. 3 (Series: *East Central and Eastern Europe in the Middle Ages*, 450–1450, vol. 20).

⁷ P. Srodecki, *Antemurale Christianitatis. Zur Genese der Bollwerksrhetorik im östlichen Mitteleuropa an der Schwelle vom Mittelalter zur Frühen Neuzeit*, Husum 2015, p. 41 (Series: *Historische Studien*, Bd. 508).

Considering that the topical function of the Tatars in inner-Latin correspondence⁸ can clearly be understood as „alienness”, I would like to focus on the other side of the coin. Besides the military conflicts between the Tatars of the Golden Horde and the neighbouring powers in Eastern Europe, other forms of interaction can be found. It is my goal to collect the pieces of the puzzle in this paper⁹. To do so, I concentrate on the second half of the 14th century until the Battle at the Vorskla River, presenting four main aspects of interaction: 1) Tatars in diplomatic relations; 2) Tatars as soldiers; 3) Tatars in trading relations; 4) Tatars as inhabitants.

1) Tatars in diplomatic relations. Diplomatic delegations can be found throughout the whole period of time that I am observing. As Peter Jackson stated, their frequency was even increasing as much as the political unity and therefore power of the Golden Horde was decreasing¹⁰.

In 1349, Kazimierz III¹¹ launched another military expedition to conquer the principality of Galicia-Volhynia, then still under the supremacy of the Golden Horde¹². Therefore, it is only understandable that the Polish king tried to secure his relations with the Tatars¹³. The *Rocznik Miechowski* reports that in 1349 „Nuncii Tartarorum venerunt ad regem Poloniae”¹⁴.

⁸ See for a broader picture: F. Schmieder, *Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*, Sigmaringen 1996 (Series: *Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters*, Bb. 16).

⁹ These pieces form a very important part of the broader context in my Ph. D. project, where my main goal is to analyse the negotiation of rulership between different groups of actors and their interactions during the very dynamic and complex first one hundred years of Crown Ruthenia after the end of the principality of Galicia-Volhynia. After 1434, the region had become a regular voivodeship inside the Kingdom of Poland, see: J. Szyszka, *Kształtowanie się podziałów terytorialnych Rusi Czerwonej na przykładzie ziemi lwowskiej*, „Średniowiecze Polskie i Powszechne”, 3 (7), 2011, p. 120–140; S. Orzechowski described the transformations that Crown Ruthenia underwent during this time as „Okzidentalizacja” by which he meant „Polonizacja”, see: J. Orzechowski, *Okzidentalizacja Rusi Koronnej w XIV, XV i XVI w.*, [in:] *Panstwo, naród stany w świadomości wieków średnich. Pamięci Benedykta Zientary 1929–1983*, ed. A. Gieysztor, S. Gawlas, Warszawa 1990, p. 215–243, here p. 216. This seems a little too short-sighted to me. To understand the actors and their actions properly, I am aiming for a more transnational understanding of this region, bearing in mind the various entanglements with the surrounding powers, such as the Golden Horde.

¹⁰ P. Jackson, *The Mongols and the west. 1221–1405*, Harlow–Essex 2005, p. 213–220.

¹¹ The classic work dealing with the expansion of Kazimierz III to Crown Ruthenia is H. Paszkiewicz, *Polityka ruska Kazimierza Wielkiego*, Warszawa 1925; for a recent research overview see: *On the Frontier of Latin Europe. Integration and Segregation in Red Ruthenia, 1350–1600*, eds. A. Janeczek, Th. Wünsch, Warszawa 2004, *passim*.

¹² See: Chr. Lübke, *Außenpolitik im östlichen Mitteleuropa. Expansion und Hegemonie am Beispiel Polens und des Landes Halič-Volyn’ (bis 1387)*, [in:] *Das Reich und Polen. Parallelen, Interaktionen und Formen der Akkulturation im hohen und späten Mittelalter*, ed. Th. Wünsch, Ostfildern 2003, p. 21–58, here p. 47, 53 (Series: *Vorträge und Forschungen*, Bd. 59).

¹³ G. Rhode, *Die Ostgrenze Polens. Politische Entwicklung, kulturelle Bedeutung und geistige Auswirkung im Mittelalter bis zum Jahre 1401*, Köln 1955, p. 185 (Series: *Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart*, Bd. 2, pars. 1); see also: P. Jackson, *Mongols*, p. 211; P. Knoll, *The Rise of the Polish Monarchy. Piast Poland in East Central Europe 1320–1370*, Chicago–London 1972, p. 140.

¹⁴ *Rocznik Miechowski*, [in:] *Monumenta Poloniae Historica* [hereinafter: *MPH*], vol. 2, ed. A. Bielowski, Warszawa 1961, p. 880–896, here p. 885.

Some years later, the Polish rule in this region was achieved. In 1354 Jan Pakosławicz received a grand privilege after his successful return from a delegation to Janibek, khan of the Golden Horde¹⁵. Even though the Pope strongly objected¹⁶, the Kingdom of Poland and the Golden Horde agreed on the new situation. In order to stabilize its control over the region, Poland accepted the Tatar supremacy and paid a tribute¹⁷. In addition to this, Kazimierz gained the support of seven Tatar lords against his Lithuanian rivals and reported this success to his ally, the Teutonic Order: „Amice karissime notificamus vobis ad gaudium speciale quod VII. principes Thartarorum in multitudine hominum copiosa venerunt nobis in subsidium contra Lithuanos crudeles christiani sanguinis effusores”¹⁸. Under these circumstances, not the Tatars were described as „crudeles” but the Lithuanians. This is one example that shows how characterization of „alienness” or „alterity” can change in different contexts.

The Tatar supremacy crumbled some time later, when the Golden Horde was shattered by inner conflicts and the rising power of Timur Lenk in Persia¹⁹. In 1393 khan Toqtamış sought a new agreement with his western neighbours. In Poland and Lithuania Władysław II Jagiełło²⁰ and his cousin Vytautas²¹ were beginning to form a powerful union²². In order to establish control over the Golden Horde, they were willing to support Toqtamış’s claim against Timur²³. Information about the emergence of this agreement can not only be found in the letter of Toqtamış addressing Jagiełło²⁴,

¹⁵ *Codex diplomaticus Poloniae*, vol. 1, ed. L. Ryszczewski, A. Mucowski, Varsaviae 1847, no. 191, p. 209–210: „fidelis nostri Pakosłaj Johannis, heredis de Stozycz, quibus [...] pro comuni bono Regni nostri Polonie in terre Russie [...] pacem et tranquillitatem ordinans, ad Tartaricas naciones descendere non expavit, vitam suam non preposterans, ad honorem et commodum Regnorum eorundem, fideliter exponendo”. See: H. Paszkiewicz, *Polityka*, p. 172; V. Ciociltan, *Mongols*, p. 218 describes this agreement in context with khan Janibek’s will to secure his western borders in order to focus on his military campaign to re-conquer the economical centre of Tabriz for the Golden Horde.

¹⁶ *Bullarium Poloniae. Litteras apostolicas aliaque monumenta Poloniae Vaticana continens*, vol. 2: 1342–1378, ed. I. Sułkowska-Kuraś, St. Kuraś, Romae–Lublin 1982, no. 813, p. 133; *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia*, ed. A. Theiner, vol. 1, Romae 1860, no. 776, p. 581; see: G. Rhode, *Ostgrenze*, p. 194, note 126; P. Jackson, *Mongols*, p. 211, note 120. Probably in this context and to weaken his diplomatic position a rumour emerged in Central Europe, that Kazimierz was even willing to marry a Tatar princess, see: C. Grünhagen, *Die Correspondenz der Stadt Breslau mit Karl IV. in den Jahren 1347–1355*, „Archiv für österreichische Geschichte”, 34, 1865, p. 345–370, here p. 365.

¹⁷ Whereas B. Spuler, *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland. 1223–1502*, Leipzig 1943, p. 108 thinks, this tribute was only paid for Western Podolia, G. Rhode, *Ostgrenze*, p. 195, note 127 states that it’s more likely, that the Tribute was paid for the whole of Crown Ruthenia, see also P. Knoll, *Rise*, p. 156–157.

¹⁸ *Codex Diplomaticus Prussicus*, vol. 3, ed. J. Voigt, Königsberg 1848, no. 83, p. 107.

¹⁹ See: P. Jackson, *Mongols*, p. 216–220; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и её падение*, Москва–Ленинград 1950, p. 333–373; the decline of the Golden Horde was also reflected in contemporary sources, see: V. Ciociltan, *Mongols*, p. 223.

²⁰ See: J. Krzyżaniakowa, J. Ochmański, *Władysław II Jagiełło*, Wrocław 2006.

²¹ See: J. Nikodem, *Witold. Wielki Książę Litewski (1354 lub 1355–27 października 1430)*, Kraków 2013.

²² As an overview see now: R. Frost, *The Oxford History of Poland Lithuania*, vol. 1: *The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385–1569*, Oxford 2015, esp. p. 74–90.

²³ For Vytautas’ policy see: R. Frost, *History*, p. 85; J. Nikodem, *Witold*, p. 218–221.

²⁴ К. Оболенский, *Ярлык хана Золотой орды къ польскому королю Ягайлу 1392–1393 года*, Казань 1850, p. 49–70.

but also in the detailed court accounts, containing costs connected to the Tatar delegation during their stay in Krakow in august 1393²⁵. This alliance between Vytautas and Toqтамiш lasted until their defeat in the Battle at the Vorskla River in 1399²⁶.

2) Tatars as soldiers. When it comes to claims of being the most important „Antemurale Christianitatis”, the biggest rival of the Polish Kingdom was the Teutonic Order²⁷. After the Battle of Grunwald, the Order complained, that Jagiello and Vytautas were only able to defeat them, because they cooperated „mit Tatern und allen andirn heiden verbunden hette wedir die cristenhit”²⁸. This time, it was no mere propaganda at all. In the addition to the *Rocznik Traski* more or less the same is reported: Władysław was fighting not only alongside Vytautas but also with „Tachtamyrum ducem Tartaricum cum infinitis multitudine Polonorum, Ruthenorum, Lythwanorum et Tartarorum”²⁹.

Of course, Toqтамiш had long been dead by 1410, but the Tatar forces in the Polish-Lithuanian army were still linked to his alliance with Vytautas³⁰. Probably in 1396, the fallen khan Toqтамiш came to Vytautas after his defeat against his rival Edigü³¹. Additionally, Jan Długosz writes about the Tatars that were brought to Lithuania and Poland, after the expedition of Vytautas in 1397³². One might say that this is an example of successful integration, one following a migration from East to West and not the other way around.

3) Tatars in trading relations. Despite these changing alliances between Poland, Lithuania and the Golden Horde, trading relations existed throughout³³. It is quite obvious that the control over the trading route, connecting the Black Sea with Central Europe, was one of the main goals when Kazimierz started to expand his influence over Crown Ruthenia³⁴.

As early as 1345, the burghers of the Silesian city of Świdnica received a privilege that allowed them to cross the Kingdom of Poland on their way further east „causa mercandi” via Kraków and Sandomierz³⁵. These customs stations correspond with the

²⁵ See: *Rachunki dworu króla Władysława Jagielly i królowej Jadwigi z lat 1388–1420*, ed. F. Piekosiński, Kraków 1896, p. 162 (Series: *Monumenta Medii Aevi Historica res gestas Poloniae illustrantia*, vol. 15).

²⁶ There are different rumours, what happened to Tochtamyš after the defeat at Vorskla River. Some sources indicate, that he fled to Siberia and was murdered there some time later. Others state, that he achieved friendly relations with Timur, see: P. Jackson, *Mongols*, p. 219.

²⁷ P. Srodecki, *Antemurale Christianitatis*, p. 105–147.

²⁸ *Codex Epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376–1430*, ed. A. Prochaska, Kraków 1882, no. 457, p. 242 (Series: *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*, vol. 6); see: R. Frost, *History*, p. 109; P. Srodecki, *Antemurale*, p. 111–118.

²⁹ *Rocznik Traski, Dopełnienie Szamotulskie*, [in:] MPH, t. 2, p. 861–871, here p. 865.

³⁰ B. Spuler, *Horde*, p. 147.

³¹ Ibidem, p. 137; J. Nikodem, *Witold*, p. 213.

³² *Ioannis Dlugossii Annales*, lib. 10, p. 221–222.

³³ This can be said not only about Eastern Europe, see: F. Schmieder, *Europa*, p. 172.

³⁴ A letter from Louis the Great to Demetrius Detko, the more or less autonomous governor in Lviv, indicates, that Hungary as ally of the Polish expansion was also eager to achieve better trading conditions, see: *Codex Diplomaticus Hungariae, ecclesiasticus ac civilis*, ed. G. Fejér, vol. 9, pars 1, Budapest 1833, no. 95, p. 209.

³⁵ *Zbiór Dokumentów Małopolskich*, ed. I. Sulkowska-Kuraś, S. Kuraś, t. 6, Wrocław 1974, no. 1830a, p. 450; for the claims of Kazimierz to the city of Świdnica see: P. Knoll, *Rise*, p. 205–207.

„old” trading route to Volodymyr-Volynsky and further east³⁶. Another privilege some month later indicates a new development: The city of Nowy Sącz received exemption from customs duties on the road via Biecz and Sanok and probably further east to Lviv. Even though Kazimierz didn't control the whole of later Crown Ruthenia, this privilege can be understood as attempt to promote the trade through the newly conquered territory³⁷. In the following decades this led to a rivalry between the city of Lviv as rising trading centre and the city of Krakow³⁸.

When Louis the Great granted the city of Lviv the staple right for all goods, that were traded along the „via Tataria” in 1380, this was seemingly motivated by his will to promote the city's economy („pro speciali Lemburgensium incolarum consolacione ac melioracione”)³⁹. It were particularly the merchants of Kraków who opposed this support of Lviv and searched for others roads to trade their goods between the Black Sea and Kraków. They circumvented Lviv and went via Moldavia⁴⁰. These two trading routes were confirmed by Władysław Jagiełło in 1403⁴¹.

4) Tatars as inhabitants. Trading relations like these were often organized by Tatar inhabitants living in both Ruthenia and Lithuania⁴². But what is about the Tatars that lived directly in Crown Ruthenia? There are only some hints that I would like to collect here.

First of all, the granting of Magdeburg Law to the city of Lviv in 1356 by Kazimierz III needs to be mentioned⁴³. This city law was primarily addressed to the catholic citizens of the city, who were mainly Poles and Germans. The other „gentes” such as Armeniens, Jews, „Saracenis”, Ruthenians and others were allowed to remain within their laws⁴⁴. Even though, „Thatares” were explicitly mentioned in a later part of the docu-

³⁶ A. Orlowska, *W sprawie Polityki Handlowej Kazimierza Wielkiego*, [in:] *Z dziejów średniowiecznej Europy środkowo-wschodniej. Zbiór studiów*, część 2, ed. J. Tyszkiewicz, Warszawa 2007, p. 153–165, here p. 159 (Series: *Fasciculi Historici Novi*, 6).

³⁷ Ibidem, p. 156; F. Kyrk, *Związki Lwowa z Krakowem w późnym średniowieczu*, [in:] *Lwów. Miasto, społeczeństwo, kultura*, ed. H. Żaliński, K. Karolczak, vol. 2, Kraków 1998, p. 10–11.

³⁸ Ibidem, p. 11–12.

³⁹ *Привілеї міста Львова (XIV–XVIII ст.)*, упр. М. Капраль, Львів 1998, no. 8, p. 44–45; traces of this trading road can also be found in the oldest city book of Lviv, for example when a person named „Czaban” promised to pay back his debt as soon as he returns from the „Thartaria”, see: *Najstarsza Księga Miejska 1382–1389*, ed. A. Czołowski, Lwów 1892, no. 574, p. 95 (Series: *Pomniki Dziejowe Lwowa z Archiwum Miasta*, t. 1).

⁴⁰ F. Kyrk, *Związki*, p. 12.

⁴¹ *Materiały archiwalne wyjęte głównie z metryki litewskiej od 1348 do 1607 roku*, ed. A. Prochaska, Lwów 1890, no. 18, p. 13–14; see: B. Spuler, *Horde*, p. 401; L. Charewiczowa, *Handel średniowiecznego Lwowa*, Lwów 1925, p. 64–66 (Series: *Studja nad historią kultury w Polsce*, t. 1).

⁴² B. Spuler, *Horde*, p. 402.

⁴³ See: C. von Werdt, *Stadt*, p. 59–61; O. Kozubka-Andrusiv, *German law in medieval Galician Rus' (Rotreussen)*, „Rechtsgeschichte. Zeitschrift des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte”, 13, 2008, p. 25–46.

⁴⁴ *Привілеї міста Львова*, no. 1, p. 27–28: „ex speciali nostro favore aliis gentibus habitantibus in eadem civitate, videlicet Ormenis, Iudeis, Saracenis, Ruthenis et aliis gentibus cuiuscumque condicionis vel status existanz, tribuentes graciām specialem, volumus eos iuxta ritus eorum in ipsorum iure illibatos conservare [...] tunc dicte nationes Ormenorum, Iudeorum, Saracenorum, Thartharorum, Ruthenorum et aliarum

ment, basically nothing is known about a Tatar community in Lviv at this time. Kapral states, that „other national groups (Tatars, Karaites, Greeks, Italians and others), which also lived in the city, but were not the object of legal accommodation on the part of royal authority, joined one of the four national groups and enjoyed the rights of this”⁴⁵.

This point is crucial for my critical understanding of the source material. The question of representation in the sources is very much connected to whether or not the actors are „objects of legal accommodation on the part of the royal authority”. For better understanding I would like to give another example.

In the 1370s, Władysław Opolczyk⁴⁶ was administrator of Crown Ruthenia on behalf of Louis of Anjou⁴⁷. During his reign, he tried to move the seat of the catholic archbishop from Halych to Lviv⁴⁸. As we know from the letter of the Pope Gregor XI. to the Polish bishops (1375 March 7th), Władysław complained about the „infideles” Tatars and Lithuanians living on either side of Halych. Compared to this, he argued, Lviv would be a much more suitable place for an archbishop⁴⁹. For Peter Jackson, this mentioning of the Tatars was „little more than a formal requirement” when addressing the Pope⁵⁰. But maybe there is a little more truth lying underneath the complaints of duke Władysław.

The main sources in my Ph.D. project are the royal charters concerning Crown Ruthenia⁵¹. I analysed the quantitative distribution of those royal charters for the three rulers with a reliable number of documents⁵². The analysis is based on E. Müller-

quarumcumque nacionum”; see: O. Kozubska-Andrusiv, „*Propter disparitatem linguae et religionis pares ipsis non esse...*”. *Minority Communities in Medieval and Early Modern Lviv*, [in:] *Segregation – Integration – Assimilation. Religious and ethnic groups in the medieval towns of Central and Eastern Europe*, ed. D. Keene et. al., Farnham 2009, p. 51–66, here p. 53.

⁴⁵ M. Kapral, *Legal Regulation and National (Ethnic) Differentiation in Lviv 1350–1600*, [in:] *On the Frontier of Latin Europe*, p. 211–228, here p. 226.

⁴⁶ See: J. Sperka, *Władysław Książę Opolski, Wieluński, Kujawski, Dobrzyński, Pan Rusi, Palatyn Węgier i Namiestnik Polski*, Kraków 2010.

⁴⁷ D. Bagi, *Az Anjouk Krakkóban. Nagy Lajos lengyelországi uralmának belpolitikai kérdései*, Pécs 2014, esp. the german summary: p. 141–147; J. Gzella, *Małopolska elita władzy w okresie rządów Ludwika Węgierskiego w Polsce w latach 1370–1382*, Toruń 1994.

⁴⁸ W. Abraham, *Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi*, t. 1, Lwów 1902, p. 304–306.

⁴⁹ *Vetera monumenta*, vol. 1, no. 967, p. 719: „Exhibita nobis super pro parte dilecti filii nobilis viri Laudizlai Ducis Opulienensis et Ruscie peticio continebat, quod civitas Haliciensis, que Archiepiscopalis et infra limites terre Ruscie eiusdem Ducis consistit, est locus sine muris et ab aliis civitatibus et locis circumstantibus remotus, habens infideles Tartaros ex una, ac Lithuanos etiam infideles et Scismaticos ex aliis partibus, quodque locus Lamburgensis diocesis Haliciensis, qui principalis et insignior dicte terre Ruscie, muris clausus et alias bene munitus, et populo plenus extitit, sufficientior et aptior pro sede Archiepiscopali et pro Archiepiscopo [...] quam sit Haliciensis civitas prelibata”. See also: *Bullarium Poloniae*, vol. 2, no. 2209, p. 364.

⁵⁰ P. Jackson, *Mongols*, p. 212.

⁵¹ Detailed information about the source material, I collected, will be available in the published version of my dissertation. Until now, I identified 628 royal charters that concern Crown Ruthenia between 1340 and 1434. They form the basis of my analysis.

⁵² In this understanding, Władysław Opolczyk is listed as ruler among the two Polish kings Kazimierz and Władysław, because he ruled more or less autonomous during his governorship, see note 46.

Mertens' studies concerning the practices of rulership in Ottonic times⁵³. The basic aim is to understand the influence of royal authority in different places and regions by analysing the representation of those spaces in the three spatial dimensions of royal charters: the place where the document is issued, the place where the object is situated that is dealt with in the charter and the place, where the recipient of the charter is „seated”. Projected on the spatial level of the four main lands of Crown Ruthenia, the quantitative distribution is seen in chart 1.

	place of issue	place of object	„seat” of recipient
Kazimierz III. (1340–1434)	1: 11,5 % 2: 4,4 % 3: 4,4 % 4: 0 %	1: 17,3 % 2: 23,5 % 3: 26,5 % 4: 4,1 %	1: 26,7 % 2: 8,9 % 3: 15,6 % 4: 2,2 %
Władysław Opolczyk (1372– 1378)	1: 17,0 % 2: 18,4 % 3: 49,1 % 4: 0 %	1: 8,3 % 2: 36,7 % 3: 45 % 4: 6,4 %	1: 0 % 2: 17,9 % 3: 16,1 % 4: 0 %
Władysław II. Jagiello (1386– 1434)	1: 4,8 % 2: 18,4 % 3: 16 % 4: 1,8 %	1: 7,2 % 2: 20,6 % 3: 23,3 % 4: 16,4 %	1: 5,9 % 2: 18,1 % 3: 15,4 % 4: 5,3 %

1 – terra Sanocensis; 2 – terra Premisliensis; 3 – terra Lemburgensis; 4 – **terra Haliciensis**

Chart 1: Spatial representation of the four main lands of Crown Ruthenia in the royal charters⁵⁴ (see: Map 1).

Even though this data has to be interpreted very carefully⁵⁵, it can be clearly stated that the land of Halych lying furthest in the east is the most remote, not only in a geographical understanding but also judged by its sparse representation in my source material. A number of reasons for this can be named, for example a higher impact of Mongol-Tatar raids and therefore more intense devastations of the lands. Among these reasons, I would like to emphasise an additional aspect that was previously mentioned by Mykola Kapral: It is my belief, that many inhabitants, such as Ruthenians and Tatars living in this eastern part of Crown Ruthenia, were no objects of royal authority, or to

⁵³ For the methodology see: E. Müller-Mertens, *Die Reichsstruktur im Spiegel der Herrschaftspraxis Ottos des Grossen*, Berlin 1980, p. 9–13, 101–124, 165–167; E. Müller-Mertens, W. Huschner, *Reichsintegration im Spiegel der Herrschaftspraxis Kaiser Konrads II.*, Weimar 1992, p. 11–12.

⁵⁴ Only the percentages concerning the four main lands are given. While the Ph. D. project is on-going, changes are very likely.

⁵⁵ To give an example: While almost 500 royal charters concerning Crown Ruthenia during the long reign of Władysław II Jagiello are preserved, we have only about 50 issued by Kazimierz III. Therefore, a comparison is not adequate. The statistics is used here only to show the remote status of the land of Halych over most of the observed period.

say it the other way around: royal authority had very little meaning for them. As Jurij Zazuliak writes, even in the middle of the 15th century, oral testimonies had bigger influence in court than written royal charters⁵⁶. For my period of interest, that means that a very considerable part of the legal and social interactions was probably still orally based and is therefore simply not reflected in the source material, because the royal authority was not addressed and/or no written charters were issued.

I want to conclude by saying that this observation cannot be applied exclusively to the question of Tatar inhabitants inside the region of Crown Ruthenia. As I tried to show, traces of interactions with Tatar players can be found on the diplomatic, economic and social levels. Furthermore, it became quite clear, that the characterizations of „alieness” was not unalterable, but was applied and varied according to the situation and the intention.

Nonetheless, it becomes obvious that none of these aspects is as well represented in the source material as the usage of the Tatars to construct an alien, hostile „other”, especially when addressing the Pope. I am thus dealing with the problem, that I have to be sensitive to a complex variety of forms of interactions related to the Tatars, and this despite their being only rarely represented in my source material.

*

Sven Jaros, *Mezi východem a západem. Rusínská koruna mezi Zlatou hordou a stoupající mocí Polského království*

V následujícím článku autor shromažďuje různé podoby interakce mezi Polským královstvím a dalšími mocnostmi ve východní Evropě a Tatary ze Zlaté Hordy ve druhé polovině 14. století. Vedle významných vojenských konfliktů, jakým byla například bitva na Vorskle roku 1399, lze nalézt stopy různých interakcí na diplomatické, vojenské, ekonomické a společenské úrovni. Přestože je vnímání Tatarů jako „cizáků”, jiných, odlišných v pramenech dominantní, zvláště v korespondenci s papežem, pragmatické formy interakce mezi Tatary a jejich západními sousedy utvářely dějiny východní Evropy, přestože to není příliš dobře prezentováno v pramenném materiálu. Autor pohlíží na to, jak charakteristika nepřátelského cizince a pragmatické spojení nejsou nezměnitelné, mohou se však měnit v rámci rozdílného kontextu.

*

Свен Ярош, *Между Востоком и Западом. Королевство Руси между Золотой Ордой и возвышающимся Польским королевством*

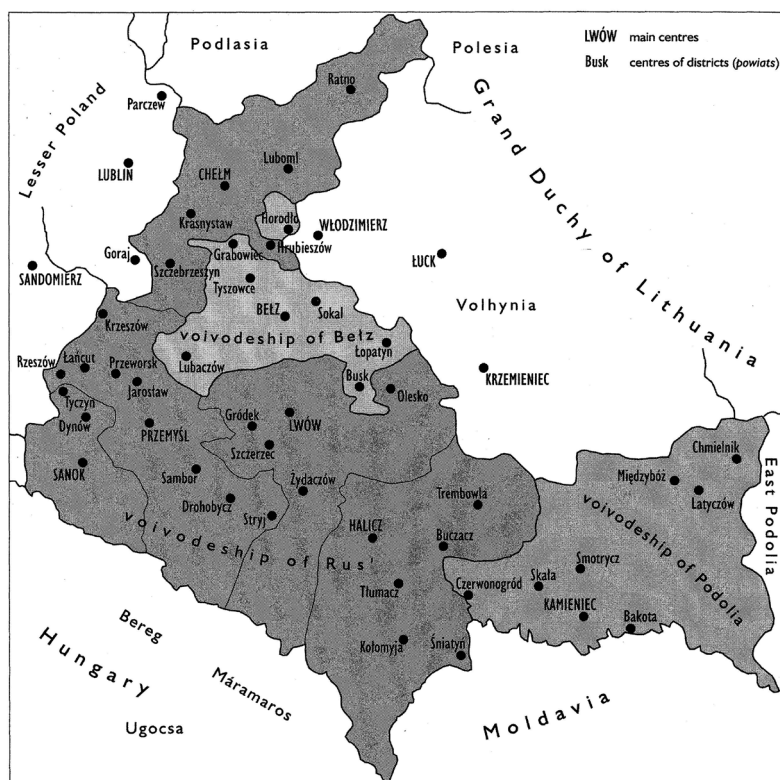
В статье автор показывает различные формы взаимодействия между Польским королевством и другими государствами Восточной Европы с татарами

⁵⁶ J. Zazuliak, *Oral tradition, land disputes, and the noble community in Galician Rus from the 1440s to the 1460s*, [in:] *Oral History of the Middle Ages. The Spoken Word in Context*, ed. G. Jaritz, M. Richter, Krems-Budapest 2001, p. 88–107, here p. 101.

Золотой Орды во второй половине XIV века. Несмотря на известные военные конфликты, как, например, битва на р. Ворскла в 1399 г., следы различных взаимодействий можно найти на дипломатическом, военном, экономическом и социальном уровнях. Хотя упоминание татар как „чужих” является доминирующим в источниках, особенно в переписке с Папой, историю Восточной Европы формировали прагматические формы взаимодействия кочевников и их западных соседей, хотя они и не так хорошо представлены в источниках. Автор показывает, как характеристика враждебных „чужих” и прагматический подход изменялись в соответствии с конкретной ситуацией.

124

Andrzej Janeczek

Map 2. Red Ruthenia in the fifteenth century

Il. 1. A. Janeczek, *New Authority, New Property, New Nobility. The Foundation of Noble Estates in Red Ruthenia during the Fourteenth and Fifteenth Centuries*, „*Quaestiones Mediaevi Novae*”, 7, 2002, p. 123.

Андрей Федорук
(Черновцы)

Начало „великой пороховой революции” в землях Руси и Золотой Орды

Статья посвящена вопросу, связанному с появлением и распространением огнестрельного оружия в землях Руси, а также Золотой Орды, что со временем произвело коренной переворот в развитии их военного дела. Много внимания уделяется первому упоминанию ствольного порохового оружия в большом военном походе русских князей на Болгарский улус зимой – весной 1376 г. Рассматривается также оборона Москвы от войска золотоордынского хана Тохтамыша в августе 1382 г., которую традиционно считают началом „великой пороховой революции” в русских землях. Для освещения этих военных событий широко привлекаются миниатюры Лицевого летописного свода Ивана Грозного и других манускриптов. Анализируются летописные свидетельства о поставках пушек из немецких земель в 1389 г. Опровергается предположение, что огнестрельное оружие было завезено на Русь в период наиболее интенсивных военных приготовлений, непосредственно предшествующих битве на Куликовом поле 1380 г.

Огнестрельное оружие относится к числу уникальных технических изобретений, которые в международном масштабе произвели коренной переворот в развитии всего военного дела. Вызванные этой так называемой „великой пороховой революцией” качественные изменения в развитии военного искусства во многих странах берут начало еще в период удельной раздробленности. Не были исключением в этом процессе и земли Руси, а также и Золотой Орды, в которых появление новых огнестрельных боевых средств письменно впервые засвидетельствовано в политическую эпоху, предшествующую их объединению в централизованные государства.

Следует отметить, что вопрос, связанный с появлением огнестрельного оружия в русских землях, является до сих пор достаточно спорным. И хотя в разное время его решение в своих специальных научных работах предлагали Николай Бранденбург, Иван Линниченко, Николай Павленко, Александр Монгайт,

Владимир Мавродин, Владимир Федоров, Анатолий Кирпичников, Вадим Вилинбахов, Михаил Мурьянов, Владимир Кузаков, Артемий Арциховский, Валентин Черный и другие исследователи¹, в исторической науке продолжают жесткие дискуссии по вопросам путей проникновения и начального периода развития ствольного порохового оружия на Руси².

Что касается появления и распространения нового огнестрельного боевого средства в золотоордынских землях, то эта тема сравнительно недавно стала отдельным предметом изучения в зарубежной и отечественной историографии, если не брать во внимание некоторые аспекты в исследованиях, связанных с государством Тимуридов³. Среди немногочисленных работ по этому вопросу

¹ Н. Бранденбург, *Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея*, ч. 1, Санкт-Петербург 1877, с. 45–47; Idem, *500 лет русской артиллерии (1389–1889 г.)*, Санкт-Петербург 1889, с. 4–5; И. Линниченко, *В каком году впервые появились на Руси пушки?*, „Киевская Старина”, 28, 1890, 1, с. 132–134; Н. Павленко, *Русская артиллерия. Очерки по истории русской артиллерии 1389–1812 гг.*, Москва 1940, с. 3–6; А. Монгайт, *Русская артиллерия в XIV–XVI вв.*, „Военно-Исторический Журнал”, 1940, 7 (12), с. 62–64; В. Мавродин, *О появлении огнестрельного оружия на Руси*, „Вестник Ленинградского Университета”, 1946, 3, с. 66–75; Idem, *О появлении „огненного боя” на Руси*, „Вопросы Истории [далее: ВИ]”, 1946, 8–9, с. 98–101; В. Федоров, *К вопросу о дате появления артиллерии на Руси*, Москва 1949, с. 3–137; А. Кирпичников, *Военное дело на Руси в XIII–XV вв.*, Ленинград 1976, с. 77–82; Idem, *Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия*, „Советская Археология [далее: СА]”, 1957, 3, с. 60–76; Idem, *Метательная артиллерия древней Руси. (Из истории средневекового оружия VI–XV вв.)*, [in:] *Материалы и исследования по археологии СССР*, т. 42, Москва 1954, с. 22–26; В. Вилинбахов, *Начальный период истории огнестрельного оружия на Руси: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук*, Ленинград 1963, с. 1–16; Idem, *О первоначальном типе огнестрельного оружия*, „СА”, 1962, 1, с. 295–300; В. Вилинбахов, А. Кирпичников, *К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси*, [in:] *Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея*, т. 3, Ленинград 1958, с. 243–252; В. Вилинбахов, М. Мурьянов, *Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием*, „ВИ”, 1960, 8, с. 218–219; В. Кузаков, *О появлении огнестрельного оружия на Руси*, [in:] *Вопросы истории естествознания и техники*, вып. 17, Москва 1964, с. 108–111; А. Арциховский, *Оружие*, [in:] *Очерки русской культуры XIII–XV вв.*, ч. 1: *Материальная культура*, ред. А. Арциховского, Москва 1969, с. 411–414; В. Черный, *Пушки и тюфяки 1382 г. – какими они были?*, [in:] *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР 1985*, ред. М. Кукушкиной, Ленинград 1987, с. 87–94.

² К примеру можно взять зажигательный научный спор между В. Вилинбаховым и А. Кирпичниковым по разным аспектам, связанным с ранним огнестрельным оружием в русских землях в XIV веке. Детальнее см.: В. Вилинбахов, *Рец.: Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., „Наука”, 1976, 104 стр., XXX таблиц, тираж 4700*, „СА”, 1978, 3, с. 297–299; А. Кирпичников, *К оценкам военного дела средневековой Руси*, [in:] *Древние славяне и Киевская Русь. Сборник статей*, Киев 1989, с. 145–147.

³ А. Якубовский, *Тимур. (Опыт краткой характеристики)*, „ВИ”, 1946, 8–9, с. 69–70; А. Беленицкий, *О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV–XVI вв.*, „Известия Таджикского Филиала АН СССР”, 1949, 15, с. 22–26; Б. Греков, А. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, Москва–Ленинград 1950, с. 353–354; Ю. Пулатов, А. Мирхаликов, *К истории огнестрельного оружия в Средней Азии (из оружейных коллекций Музея)*, [in:] *Материалы по истории Узбекистана*, Ташкент 1963, с. 100–101; А. Давыдов, *К истории огнестрельного оружия в Средней Азии*, [in:] *История и этнография народов Средней Азии: Сборник статей*, Душанбе 1981, с. 14–20; Х. Хизриев, *Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Терек*, „ВИ”, 1982, 4, с. 54; Х. Дадабоев, *Амир Темурилинг саркардалик истегдоди*, „Ўзбекистонда Ижтимоий Фанлар”, 1996, 7–10, с. 6; А. Бобров, Ю. Худяков, *Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.)*, Санкт-Петербург 2008, с. 212–213.

следует, в первую очередь, назвать публикации Рустама Набиева и Искандера Измайлова, которые не лишены дискуссионности⁴. Отдельно надо отметить основательные исследования Витольда Свентославского, посвященные изучению метательных орудий, огнестрельного оружия и боевых газов, которые использовались ордынцами в позднесредневековый период⁵.

Переходя непосредственно к освещению сформулированного вопроса, следует кратко оговорить некоторые географические рамки исследования, поскольку предметом моего анализа будут достаточно заметные военные события, произошедшие только в русских землях, оставшихся подконтрольными золотоордынским ханам во второй половине XIV – начале XV веков. Объясняется это тем, что в военном деле западнорусских земель в это же время также произошел определенный перелом. Но там он совпал и даже, по всей видимости, был обусловлен переходом большинства этих земель под власть Великого княжества Литовского, Польского и Венгерского королевств. Поэтому вопросы, связанные с появлением и распространением первых ствольных орудий в Западной Руси, в настоящей работе не будут затрагиваться, поскольку первые упоминания об использовании пушек там датируются не раньше второй половины 60 – 70-х годов XIV века⁶. Хотя источники фиксируют первые даты, связанные с хранением и применением ствольного порохового оружия в Венгрии в 1378–1381 гг.⁷, Литве – 1382 г.⁸, а в Польше – 1383 г.⁹ В последних случаях письменные сообщения

⁴ Р. Набиев, *Письменные сведения о первых пушках в Европе*, [in:] *Сборник докладов XXI научной конференции. Казанский филиал артиллерийского университета Министерства Обороны Российской Федерации*, Казань 2002, с. 78–81; Idem, *О путях проникновения пороховой технологии в Европу*, [in:] *Сборник научных трудов Казанского филиала артиллерийского университета Министерства Обороны Российской Федерации*, Казань 2003, с. 184–189; Idem, *Артиллерия империи Джучидов*, [in:] *Золотоордынское наследие: Материалы Международной научной конференции „Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)”*. 17 марта 2009 г. *Сборник статей*, вып. 1, Казань 2009, с. 249–257; И. Измайлов, *Организация войска*, [in:] *История татар с древнейших времен*, т. 3: *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.*, Казань 2009, с. 420–421; Idem, *Военная организация Улуса Джучи*, „Батыр. Традиционная Военная Культура Народов Евразии”, 2010, 1, с. 14–15.

⁵ W. Świątosławski, *Uzbrojenie koczowników Wielkiego Stepu w czasach ekspansji mongolów (XII–XIV w.)*, Wodzisław Śląski 2011, s. 48–55; Idem, *Artyleria przedogniowa, broń prochowa i gazy bojowe u późnośredniowiecznych Mongołów*, „Rocznik Łódzki”, 43, 1996, s. 221–236; Idem, *Początki broni palnej w Złotej Ordzie*, [in:] *In tempore belli et pacis. Ludzie – Miejsca – Przedmioty*, red. T. Grabarczyk, A. Kowalska-Pietrzak, T. Nowak, Warszawa 2011, s. 665–672.

⁶ В. Вилинбахов, М. Мурьянов, *Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием*, с. 218; Ю. Бохан, *Узбраенне войска ВКА другой паловы XIV – канца XVI ст.*, Мінск 2002, с. 184; M. Jučas, *Grunwald 1410*, Kraków 2010, s. 161.

⁷ K. János, *Régi magyar fegyverek*, Budapest 1971, old. 158; D. Nicolle, *Hungary and the fall of Eastern Europe 1000–1568*, Oxford 1991, p. 9 [Серия: *Osprey Military Men-at-Arms*, vol. 195].

⁸ *Die Chronik Wigands von Marburg*, [in:] *Scriptores rerum Prussicarum: Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft.*, hrsg. T. Hirsch, M. Tuppen und E. Strehlke, bd. 2, Leipzig 1863, s. 613; Ю. Бохан, *Узбраенне войска ВКА*, с. 184; M. Jučas, *Grunwald 1410*, s. 161.

⁹ *Kronika Jana z Czarnkowa*, tłum. J. Zerbiłło, Kraków 2006, s. 116; K. Górski, *Historia artylerii polskiej*, Warszawa 1902, s. 33–34; J. Szymczak, *Początki broni palnej w Polsce (1383–1533)*, Łódź 2004, s. 15–16.

отражали достаточно значимое военное событие, следовательно, первые эксперименты по времени могли произойти несколько раньше. „Однако процесс скрытого внедрения огнестрельного оружия, – по мнению А. Кирпичникова, – в большинстве упомянутых стран измерялся не десятилетиями, а годами”¹⁰.

Определить точную дату, когда собственно появилось новое боевое средство в землях Золотой Орды, пока достаточно сложно, несмотря на все высказывания в историографии о его применении уже в XIII веке¹¹. Первые важные письменные сведения о внедрении ствольных пороховых орудий в ордынское военное дело находим в русском летописании. Так, в *Троицкой летописи*, воссозданной Михаилом Приселковым, при описании соответствующих событий под 1376 г., сообщается: „Тое же зимы князь великий Дмитрей Иванович посла князя Дмитрея Михайловича Волинскаго ратью на безбожный Болгары, а князь Дмитрей Костянтинович Суждальский посла сына своего князя Василья и другаго сына своего князя Ивана, а съ нимъ бояръ и воеводъ и воя многи, и придоша къ Болгаромъ въ великое говѣніе, мѣсяца марта въ 16 день, въ понедѣльник на вербной недѣли. Поганіи же Бесерменове изыдоша изъ града, противу ихъ, сташа на бои и начаша стрѣляти, а иніи з града **громъ пуцаху** [выделено мной – А. Ф.], страшаще нашу рать, а друзіи самострѣльные стрѣлы пуцаху, а иніи выѣхаша на вельбудѣхъ, кони наши полошающе”¹². Сообщение об этих огнестрельных орудиях в *Рогожском летописце* есть очень похожим на предыдущее: „Тое же зимы князь великий Дмитрій Иванович[ъ] посла князя Дмитрія Михайловича Волинскаго ратью на безбожные Българы, а князь Дмитрій Костянтинович[ъ] Суждальский посла сына своего князя Василіа и другаго сына своего князя Ивана, а съ ними бояръ и воеводъ и воя многи. И придоша къ Българомъ въ великое говѣніе мѣсяца марта 16 день въ понедѣльникъ на вербиои недѣли, поганіи же Бесерменове изыдоша из града противу ихъ и сташа на бои и начаша стрѣляти, а иніи изъ града **громъ пуцаху** [выделено мной. – А. Ф.], страшаще нашу рать, а друзіи самострѣльные стрѣлы пуцаху, а иніи выехаша вельблудѣхъ, кони наши полошающе”¹³.

Если учесть, что „значение *Троицкой летописи*, как исторического источника, – по словам реконструктора ее текста, – для нас особенно важно потому, что свод, легший в ее основу, передавал события 1305–1408 гг. в записях почти современных на всем протяжении этого отрезка времени и безусловно современных для конца XIV и начала XV века без последующих сокращений и редакционных обработок”¹⁴, то именно в нем зафиксированы первые достоверные свидетельства

¹⁰ А. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 78.

¹¹ Р. Набиев, *Письменные сведения о первых пушках в Европе*, с. 78–79; Idem, *Артиллерия империи Джучидов*, с. 249–251.

¹² М. Приселков, *Троицкая летопись: Реконструкция текста*, Москва–Ленинград 1950, с. 401.

¹³ *Рогожский летописец*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРЛ], т. 15, Петроград 1922, вып. 1, стб. 116.

¹⁴ М. Приселков, *Троицкая летопись*, с. 4.

о применении ордынцами не названного огнестрельного приспособления против русских войск не могут вызывать никаких сомнений.

То же самое можно сказать и о *Рогожском летописце* – ценном самостоятельном письменном памятнике, который датируется второй половиной XV в., представляющем тверской взгляд на события русской истории до 1412 г., не подвергшийся московскому влиянию. Эта особенность была не сразу понята исследователями, вначале считавшими летописец еще одной копией известных текстов¹⁵. Поэтому надежность его известий об интересующем аспекте также особо не вызывает никаких вопросов.

Однако не все историки однозначно интерпретируют приведенные выше летописные фрагменты как доказательство применения нового боевого средства во время осады золотоордынского города. Например, В. Мавродин утверждал: „Вряд ли кто будет сомневаться, что „жители Болгар, „гром пушающе з града”, применили против русских огнестрельное оружие, поразившее русских воинов не столько большими жертвами среди ратей, осаждающих в результате артиллерийского огня, сколько „громом” – грохотом выстрелов. Хорошо известно, что действие первых орудий не приводило к большим потерям в войске противника и дело сводилось главным образом к моральному эффекту. Огонь, страшный грохот, клубы дыма действовали на воинов больше, чем вид нескольких трупов”¹⁶. Подобное суждение недавно высказал и В. Свентославский, по мнению которого: „Użyte słowa – „grom puszczałi” – niewątpliwie opisują jeden z najmocniej odbieranych przez postronnych skutków wystrzału z działa – wyjątkowy huk. Nie tylko dla nieobeznanych z efektami działań artyleryjskich jest on postrzegany w kategoriach grozy. Mógł więc, jak to sugerował autor relacji, „straszyć ruskich wojów”. Należy wątpić, czy gromkim hukiem nazwano by natomiast odgłos powstający przy miotaniu z machin. Również mało prawdopodobny jest strach obytych w bojach ruskich wojowników spowodowany użyciem przez przeciwnika machin miotających. Celem takiego właśnie sformułowania przytoczonych wyżej fragmentów, mogło więc faktycznie być opisanie użycia broni palnej”¹⁷. В противовес этим мнениям приведем суждение В. Вилинбахова и А. Кирпичникова, высказанное ими в совместной статье: „Основываясь на отечественных источниках, можно предположить, что техника огневой борьбы в древней Руси, хотя и была известна, но имела очень небольшое значение. В свете сказанного выше события похода 1376 г., вероятно, относятся еще к эпохе огневой борьбы, и едва ли здесь можно видеть применение огнестрельных орудий. Скорее всего, в летописном сообщении подразумевается использование булгарами взрывчатых глиняных гранат, которые нередко находят с вещами XIII–XIV веков в различных районах Поволжья”¹⁸. Также скептически к однозначной трактовке

¹⁵ Я. Лурье, *Общерусские летописи XIV–XV вв.*, Ленинград 1976, с. 37–38.

¹⁶ В. Мавродин, *О появлении „огненного боя” на Руси*, с. 99.

¹⁷ W. Świętosławski, *Początki broni palnej w Złotej Ordzie*, s. 666–667.

¹⁸ В. Вилинбахов, А. Кирпичников, *К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси*, с. 245.

приведенных летописных сообщений отнесся и В. Федоров, который утверждал: „Можно ли, однако, считать, что такое знакомство русских ратных людей с огнестрельными орудиями равносильно факту принятия на Руси таких орудий и дает право переносить дату возникновения на Руси огненного боя с 1389 г. на 1382 г. Конечно, нет. От ознакомления с новыми техническими средствами до принятия их на вооружение могло пройти некоторое время”¹⁹. С определенным недоверием в этом контексте воспринял приведенные летописные фрагменты и В. Черный, по мнению которого: „Главным аргументом ученых, называвших тюфяки огнестрельными, было восточное происхождение слова. На Востоке оно действительно обозначало огнестрельное оружие, правда, не пушку, а ружье. Однако возникновение терминов „тюфеик” и „тюфак” отмечено еще в доогнестрельную эпоху. Высказывалось предположение, что тюфяки могли быть перенесены в Москву в 1376 г. со стен зависимого от Золотой Орды болгарского города Булгара. Основанием для этой точки зрения стали слова летописца о том, что при штурме русскими Булгара осажденные „гром пущаще з града, страшаще русское воинство”. Между тем оснований считать „гром” за огнестрельное оружие у нас недостаточно, тем более что данных о наличии в то время у татар своего огнестрельного оружия не имеется”²⁰.

Действительно, целый ряд исследователей считает военные события происшедшие ранней весной под Болгаром фактически первым знакомством русских войск с новым пороховым оружием. Но что это было за оружие и как оно внешне выглядело? Прояснить этот вопрос можно только дополнительно привлекая необходимый изобразительный материал. В таком случае русские миниатюры из *Лицевого летописного свода Ивана Грозного* являются ценным историческим источником. По определению А. Арциховского, „шесть массивных томов иллюстрированной русской истории, изготовленные в третьей четверти XVI века в Москве, переполнены бытовыми зарисовками, изображениями реалий, политическими схемами, военными сценами и т. д.”²¹. Среди миниатюр *Остермановского 1-го тома* этого летописного свода удалось обнаружить изображение вышеупомянутого штурма Булгара русскими ратями (ил. 1). Последнее сопровождается уже знакомый текст, согласно которому болгары „же изыдоша из града противу их, стреляюще из луков и из самострелов, а инии гром пущающе з града, страшаще русское воинство”²². Особенно привлекает внимание изображение ордынского воина в левом верхнем углу миниатюры. Но вместо ожидаемой пушки в его руках обнаруживаем ствольное орудие, очень похожее на ружье. Известно, что ручные пищали изображаются в летописном своде несколько реже, чем пушки; они в основном встречаются, начиная с *Остермановского 2-го тома*. Как правило, детали таких ружей слишком мелкие, чтобы попасть в рисунок, поэтому пищали изобра-

¹⁹ В. Федоров, *К вопросу о дате появления артиллерии на Руси*, с. 69.

²⁰ В. Черный, *Пушки и тюфяки 1382 г. – какими они были?*, с. 88.

²¹ А. Арциховский, *Древнерусские миниатюры как исторический источник*, Москва 1944, с. 41.

²² *Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история*, кн. 9, Москва 2014, с. 108.

жаются схематически, в виде двойных трубок. Одна из трубок, обычно голубая, изображает железный ствол, другая, обычно желтая, демонстрирует деревянное ложе. Впрочем, иногда ясно видны широкие приклады лож. Стволы изредка имеют раструбы дул. Часто ложа короче стволов²³.

В отличие от указанных выше закономерностей, исследуемое изображение является важным по своей архаичности, поскольку рисунок ствольного орудия выполнено в виде одной трубки светло-коричневого цвета, что может интерпретироваться как примитивная ручница или ранний вид пищали для „огненного боя”. При этом надо учесть, что, по уже сделанным в историографии наблюдениям, в миниатюрах *Лицевого летописного свода* „изображения пушек важны по своей археологической четкости”²⁴. Кроме того, вышеупомянутый русский рисунок следует сопоставить с миниатюрой (ил. 2) из копии арабского манускрипта *Собрание различных отраслей [военного] искусства*, оригинальный текст которого датируется приблизительно 1300–1350 гг., а его изображения – 1474 г. Сейчас он хранится в собраниях Института восточных рукописей Российской Академии наук в Санкт-Петербурге²⁵. В нем дается описание и изображение примитивного ружья для метания снарядов и стрел под названием „мадфа”. Известно, что как текст, так и рисунок уже не раз были отдельными предметами научной дискуссии. По мнению, высказанному еще Всеволодом Арендтом: „Приведенный текст, равно как и миниатюра не оставляют сомнений в том, что под „мадфа” (со временем термин, обозначающий пушку) нужно видеть не что иное, как ручную мортиру. На рисунке дан момент выстрела, когда снаряд („бундук”) отделяется от жерла. Перед стрелком, для его защиты, находится поставной щит”²⁶. Считается, что „мадфа” – это первые шаги военной техники в деле использования метательной силы пороха. Это было короткоствольное огнестрельное орудие, надетое на древяно, сделанное из дерева, но его конструктивный принцип тождественен ранним видам огнестрельных приспособлений – ручных пушек. Эти орудия по-итальянски назывались „petrinal”, по-немецки – „handbüchse”, по-французски – „bombarde portative”, по-английски – „handgonne”, а по-русски – „ручницы”²⁷. Ствол таких первых ружей изготавливали из кованых железных полос либо отливали из брон-

²³ А. Арциховский, *Древнерусские миниатюры как исторический источник*, с. 55.

²⁴ Ibidem, с. 50; Д. Львовский, *К вопросу о типах орудий древнерусской артиллерии*, [in:] *Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея*, т. 3, Ленинград 1958, с. 215–218.

²⁵ В. Арендт, *Греческий огонь. (Техника огневой борьбы до появления огнестрельного оружия)*, [in:] *Труды Института истории науки и техники АН СССР*, серия I: *Архив истории науки и техники*, вып. 9, Москва–Ленинград 1936, с. 199–202; J. R. Partington, *A History of Greek Fire and Gunpowder*, Baltimore–London 1999, p. 204–207; A. R. Zaky, *Gunpowder and Arab firearms in Middle Ages*, „Gladius”, 1967, 6, p. 49–51.

²⁶ В. Арендт, *Греческий огонь*, с. 200–201.

²⁷ А. Кирпичников, *Ранние ручницы и пистолеты из собраний российских музеев*, [in:] *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого 1919–1997*, т. 1. Санкт-Петербург–Псков 1997, с. 281–288; Ю. Бохан, *Узбрасание войска ВКЛ*, с. 196; S. McLachlan, *Medieval Hand-gonnes. The first black powder infantry weapons*, Oxford 2010, p. 5 [Серия: *Osprey Weapon*, vol. 3].

зы. Калибр – от 12 до 25 мм, общая длина – 1,2–2,4 м, вес – 5–10,8 кг. Прицельная дальность стрельбы из них не превышала 150–200 м²⁸. Яркий пример именно такого ручного порохового орудия, внешне очень похожего на „мадфу“, можно увидеть в экспозиции Музея армии в Париже (ил. 3). Датируется оно 1390–1400 гг. По словам А. Кирпичникова: „Общеввропейское и, более того, общемировое единство процесса распространения первых орудий запечатлено в их конструкциях. Они сходны на огромных пространствах, а их местные особенности в значительной мере сnivelированы”²⁹.

Безусловно, что полностью утверждать о каких-то заимствованиях, сделанных русским миниатюристом с арабских рисунков, пока невозможно, хотя о таких влияниях со стороны западноевропейских миниатюр в свое время писал А. Арциховский³⁰. В частности, исследователь указывал, что „обычные формы одежды и вооружения явно осознаются художником в качестве русских, если он счел возможным противопоставлять их немецким”³¹. Последнее полностью касается изображения болгарского и татарского оружия и военного снаряжения. Однако приходится признать, что интересующий меня рисунок, возможно, был скопирован с каких-то не дошедших к нашему времени оригиналов и по большей части не является домыслом художника, видимо знавшего о некоторых технических особенностях ранних видов огнестрельных приспособлений, несмотря даже на совершенно иную современную ему боевую практику.

В связи с этим известие „з града громъ пуцаху” и дальше представляет чрезвычайный интерес как первое упоминание использования нового ствольного оружия не только в землях Болгарского улуса, но и на территории всей Золотой Орды. „Хотя вопрос о том, – как пишет Равиль Фахрутдинов, – откуда взяли его болгары, остается открытым, но первое применение ими огнестрельного оружия свидетельствует о достаточно высоком уровне военного искусства, что выразилось и в создании мощных оборонительных укреплений”³². Надо сказать, что сейчас еще полностью решить вопрос о путях возможного проникновения нового порохового средства в Болгар довольно сложно, поэтому он требует отдельного научного исследования. Единственное, что уже можно сказать так это то, что сло-

²⁸ J. Szymczak, *Początki broni palnej w Polsce*, s. 98–99; S. McLachlan, *Medieval Handgonnes*, p. 13–24; P. Strzyż, *Średniowieczna broń palna w Polsce. Studium archeologiczne*, Łódź 2011, s. 15–17.

²⁹ А. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 78.

³⁰ А. Арциховский, *Древнерусские миниатюры как исторический источник*, с. 62.

³¹ Ibidem, с. 62.

³² Р. Фахрутдинов, *Болгар в письменных источниках*, [in:] *Город Болгар. Очерки истории и культуры*, ред. Г. Федоров-Давыдов, Москва 1987, с. 23. Об укреплениях Болгара см.: Ю. Краснов, *Оборонительные сооружения города Болгара*, [in:] *Город Болгар. Очерки истории и культуры*, ред. Г. Федоров-Давыдов, Москва 1987, с. 99–123; А. Губайдуллин, *О строительстве оборонительных сооружений Болгарского городища в золотоордынский период*, [in:] *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*, ред. С. Бочаров, А. Ситников, Казань–Ялта–Кишинев 2016, с. 111–112; В. Коваль, П. Русаков, *О фортификации Болгарского городища в XIV в.*, [in:] Ibidem, с. 118–120.

ва „громъ пуцаху” являются ничем иным как дословным переводом арабского выражения „раъд андозон”, где первое слово „раъд” означает „гром”, естественно, сопровождаемый молнией, а второе „андоз” обозначает глагол „метать”. Вместе они в переводе означают слово „громометатель”, т. е. имеется ввиду какое-то боевое орудие, гремевшее подобно грому и рассыпавшее огненные искры. Об этом свидетельствуют сообщения в произведении персидского историка и поэта Шараф ад-Дина Али Йазди – *Книге побед*, описывающей военную деятельность среднеазиатского эмира Тимура, правителя Мавераннахр и основателя государства Тимуридов³³. В свое время на все эти детали обратил внимание Александр Беленицкий, который, анализируя сообщения произведения *Аноним Искандера*, написанного еще одним персидским историком Муин ад-Дином Натанзи, отметил, что „приход к власти Тимура ознаменовался большими переменами в области военного дела. Тимуру приходилось осаждать многие города. Естественно, что он не мог не обратить внимания на огнестрельное оружие, о котором и до него должны были дойти слухи. Действительно, первые более или менее определенные данные относительно применения огнестрельного оружия мы находим именно в источниках, относящихся к истории походов Тимура. Одним из первых рассказов, обращающих на себя наше внимание, является сообщение автора малоизученной хроники XV века, Натанзи, об осаде Тимуром Хорезма в 781/1379 г. Здесь, между прочим, сообщается следующее: „После (других приготовлений) начали воздвигать манджаники и арода (и) устанавливать – (прилаживать) раъд и кара-бугра”³⁴. При этом надо обязательно отметить, что „раъд” упоминается не как оборонительно-позиционное вооружение, т. е. его употребляли с крепостных стен и башен, а среди орудий для проведения активных осадных операций. Исходя из этих доказательств, приведенных советским востоковедом, В. Свентославский сделал вывод, что „wspomniane wyżej przesłanki pozwalają formułować jako prawdopodobny sąd, iż na terenach objętych władzą chanów złotoordyńskich już w drugiej połowie XIV w. znano broń palną. Najprawdopodobniej pojawiła się tam ona z Azji Centralnej”³⁵. Известно также, что у Болгара в золотоордынское время были налажены активные торговые связи со многими большими экономическими центрами Средней Азии, по которым ствольные пороховые приспособления могли попасть к ней на вооружение³⁶. К тому же, оживленные торговые отношения поддерживались и с Египтом, где в то же время такое же огнестрельное оружие было в распоряжении мамлюков. У последних оно появилось в 60-х – начале 70-х годов XIV века³⁷.

³³ Йазди Шараф ад-Дин Али, *Зафар-наме*, пер. А. Ахмедова, Ташкент 2008, с. 154, 405–408, прим. 680.

³⁴ А. Беленицкий, *О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии*, с. 23.

³⁵ W. Świątosławski, *Początki broni palnej w Złotej Ordzie*, s. 672.

³⁶ М. Полубояринова, *Торговля Болгара*, [in:] *Город Болгар: культура, искусство, торговля*, ред. П. Старостин, Москва 2008, с. 30, 33, 40, 48, 51, 78–86.

³⁷ J. R. Partington, *A History of Greek Fire and Gunpowder*, p. 207–209; A. R. Zaky, *Gunpowder and Arab*

Среди многих собранных А. Беленицким терминов, описывающих в восточных языках огнестрельные орудия, есть уже хорошо известное слово „туфак”³⁸. Так как некоторые отечественные исследователи считали, что оно является русским, а никоим образом не заимствованным с иностранных языков, обозначающим пороховое боевое средство, то В. Федоров специально привел разные выписки из словарей о его значении³⁹. Дальше он указал, что „весь этот комплекс иностранных слов: арабских, персидских, татарских, азербайджанских, турецких, греческих, латинских, а также древнерусских, относящихся притом к новому оружию, абсолютно не имеют никакого отношения к обыкновенному русскому слову обыденного бытового значения”⁴⁰.

Объяснялось такое присваивание термина тем, что с видоизмененным восточным словом „тюфяк” связано первое упоминание об использовании нового порохового оружия в русских землях, а точнее с его применением в хорошо известной обороне Москвы от войска золотоордынского хана Тохтамыша в конце августа 1382 г. Так, в *Никоновской летописи* об этом сообщается: „Отшедшимъ же симъ Татаромъ, яко утомившимся, и паки инѣмъ приступльшимъ, сверѣпѣйшимъ и лютѣйшимъ, гражане же противу ихъ подвизахуся, стрѣляюще и каменіемъ шибаяюще, и самострѣлы напязаяюще, и пороки, и **тюфяки** [выделено мной – А. Ф.]; есть же нѣцѣя и самыя тыа **пушки пуцаху** [выделено мной – А. Ф.] на нихъ”⁴¹. Немного по-другому, но про это же военное событие говорится и в *Воскресенской летописи*, где указывается: „Егда бо Татарове приступаху близъ стѣнъ градныхъ, тогда граждане стрегущи града и супротивящися имъ, овѣи стрѣлами стрѣлаху съ заборолъ, овѣи каменіемъ шибяху на ня, друзіи же **тюфяки пуцающе** [выделено мной – А. Ф.] на нихъ, а иные самострѣлы напинающе пуцаху, и пороки пуцаху, а иніи **великіи пушки пуцаху** [выделено мной – А. Ф.]”⁴².

Как видим, оба приведенных фрагмента сохранились в двух важных письменных памятниках древнерусской литературы первой половины XVI века. Первый из них назван по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из его списков, и был составлен по концепции Бориса Клосса между 1526 и 1530 гг. при участии московского митрополита Даниила, а второй, названный по списку, принадлежавшему Воскресенскому монастырю в Новом Иерусалиме, как и предыдущий, представляет собой общерусский летописный свод, отредактированный около 1541 г. при участии митрополита Иоасафа⁴³.

firearms in Middle Ages, p. 52; D. Nicolle, *The Mamluks 1250–1517*, London 1993, p. 23, 34 [Серия: *Osprey Military Men-at-Arms*, vol. 259].

³⁸ А. Беленицкий, *О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии*, с. 32. Для сравнения, см.: А. Давыдов, *Истории огнестрельного оружия в Средней Азии*, с. 19–21, 22.

³⁹ В. Федоров, *К вопросу о дате появления артиллерии на Руси*, с. 73–75.

⁴⁰ *Ibidem*, с. 75.

⁴¹ *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, [in:] *ПСРА*, т. 11, Москва 2000, с. 74–75.

⁴² *Продолжение летописи по Воскресенскому списку*, [in:] *ПСРА*, т. 8, Москва 2001, с. 55.

⁴³ Б. Клосс, *Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв.*, Москва 1980, с. 51–54; С. Левина,

Основываясь на вышеизложенных упоминаниях „тюфяков” и „пушек” в событиях 1382 г., некоторые исследователи, не приводя убедительных доказательств, причислили их к огнестрельному оружию⁴⁴. После выхода в свет работ В. Мавродина и В. Федорова, признавших „тюфяки” первыми ствольными пороховыми орудиями⁴⁵, эта дата вошла во все учебники как год появления на Руси огнестрельной артиллерии. Между тем факт употребления огнестрельного оружия в 1382 г. вызвал сомнения у некоторых ученых. Например, В. Кузаков в своей статье предпринял попытку глубокого текстологического исследования сообщений о появлении огнестрельного оружия, содержащихся в различных русских летописях. Рассматривая происхождение и взаимосвязь ряда летописей, он указал, что „трудно предположить, чтобы летописец *Троицкой летописи*, современник событий 1382 г., не знал подробностей защиты города. Но как ни странно, в летописных записях о событиях 1382 г. нет упоминаний о применении москвичами при обороне огнестрельного оружия. Вообще эти известия по сравнению с известиями того же года, помещенными в последующих летописях, очень кратки”⁴⁶. По мнению этого исследователя, сообщение 1382 г. о применении москвичами „тюфяков” и „пушек” впервые появилось лишь в 1418 г., а именно во *Владимирском Полихроне*, написанном митрополитом Киевским и всея Руси Фотием. Также и В. Черный утверждает, что „проведенный анализ источников убеждает нас в отсутствии достаточных оснований считать тюфяки и пушки 1382 г. огнестрельным оружием”⁴⁷. Но его мнение о том, что на миниатюрах *Лицевого летописного свода* изображенные „тюфяки” – метательные орудия, вызывает у меня возражения. Делая ссылку на бесспорный авторитет А. Арциховского, который показал реалистичность изображений оружия в миниатюрах летописного свода, он утверждает, что „миниатюра, иллюстрирующая текст о применении тюфяков во время осады Москвы Тохтамышем, не дает изображений артиллерии вообще, вероятно, вследствие насыщенности сюжета (БАН, 30.7.30, т. 2, л. 150 об.)”⁴⁸. Однако в работе того же А. Арциховского читаем совсем противоположное предыдущему мнению: „В *Кенигсбергской летописи*, описывающей очень древние события, изображения пушек, о которых я писал, являются ярчайшим анахронизмом. *Никоновская летопись* – другое дело. Здесь пушки изображаются только для тех эпох, когда они действительно бытовали. Древнейшее упоминание о пушках на Руси относится, как известно, к обороне Москвы от Тохтамыша

К изучению *Воскресенской летописи*, [in:] *Труды Отдела древнерусской литературы* [далее: *ТОДРА*], т. 12, Москва– Ленинград 1957, с. 689–705.

⁴⁴ С. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. 2, Москва 1960, с. 290; А. Монгайт, *Русская артиллерия в XIV–XVI вв.*, с. 62.

⁴⁵ В. Мавродин, *О появлении огнестрельного оружия на Руси*, с. 69; В. Федоров, *К вопросу о дате появления артиллерии на Руси*, с. 102–105.

⁴⁶ В. Кузаков, *О появлении огнестрельного оружия на Руси*, с. 109–110.

⁴⁷ В. Черный, *Пушки и тюфяки 1382 г. – какими они были?*, с. 94.

⁴⁸ *Ibidem*, с. 90.

в 1382 г. Именно к этому упоминанию относится первый рисунок (В 298) с пушками. Это вообще первое огнестрельное оружие в *Никоновской летописи*. Две пушки торчат из бойниц Москвы, а текст гласит: „и самыя тыя пушки пушаху на них”⁴⁹.

Действительно на указанной выше миниатюре (ил. 4) *Остермановского 2-го тома* летописного свода схематично изображены ствольные орудия, которые показаны в бойницах, расположенных в башнях Московского кремля. Пушки здесь нарисованы рядом с их предшественниками – луками, пращами и самострелами⁵⁰. Однако от композиции их изображения русским миниатюристом складывается впечатление, что горожане во время стрельбы придерживали орудия руками, уперев на стены, при этом дула у них совершенно прямые со множеством швов. Такое изображение пушек наталкивает на некоторые аналогии рисунков орудий в западноевропейской огнестрельной артиллерии. К примеру, в манускрипте *Военные силы* Конрада Кайзера фон Айхштадта, датируемом 1405 г., изображено крупное ручное ствольное пороховое орудие по типу „мадфа” (ил. 5). Воин стреляет из него на весу, уперев на специальную подпорку. Очень хорошо на миниатюре запечатлено момент выстрела: из жерла орудия вылетает снаряд – круглое ядро⁵¹. Последнее дополнительно подтверждает уже бытующее мнение, что подобные огнестрельные приспособления „были универсальными по своему назначению, т. е. выполняли роль как стенобитных, так и противопехотных орудий”⁵². Помимо первоначального арабского названия „мадфа” такие крупные ручные пушки, по мере дальнейшего распространения огнестрельного оружия, принимают и другие названия. По-итальянски они назывались „projectorium”, по-немецки – „geschütz”, а по-русски – „тюфяк”⁵³. Как правило, длина их стволов 42–105 см, калибр 81–155 мм, общий вес 11,5–40,5 кг, вес каменных ядер 2–4,5 кг. Прицельная дальность стрельбы из них не превышала 200 м⁵⁴. В экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге представлен пушечный ствол (ил. 6), который по своей конструкции есть очень близким к типу арабской „мадфы” с широкой дульной частью и узкой казенной. Стаканообразное жерло ствола явно рассчитано на то, чтобы заряжающий мог дотянуться рукой до устья самой каморы. Все приведенные выше данные только еще раз доказывают, почему видоизмененное слово „тюфяк”

⁴⁹ А. Арциховский, *Древнерусские миниатюры как исторический источник*, с. 50.

⁵⁰ *Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история*, кн. 10, Москва 2014, с. 44.

⁵¹ S. McLachlan, *Medieval Handgonnes*, p. 5.

⁵² В. Федоров, *К вопросу о дате появления артиллерии на Руси*, с. 62; В. Черный, *Пушки и тюфяки 1382 г. – какими они были?*, с. 89.

⁵³ Ibidem, с. 59, 62.

⁵⁴ А. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 84; О. Мальченко, *Музей української артилерії XV–XVIII ст.*, ч. 1, Київ 2011, с. 34, 99.

в своем первичном варианте на восточных языках обозначало ружье, т. е. ручное огнестрельное оружие в независимости от размеров вообще⁵⁵.

Необходимо отметить, что, наряду с „тюфяками“, в приведенных летописных фрагментах впервые упоминаются и „пушки“. Правда, некоторые историки, в частности В. Мавродин, мнение которого явилось одним из решающих в определении 1382 г. начальным в русской огнестрельной артиллерии, вслед за Николаем Карамзиным признавал первые пушки ничем иным как метательными „махинами“. И только „в описании битвы на Ворскле, которое мы находим в той же *Никоновской летописи*, битве, происшедшей 17 лет спустя, действовали самые настоящие пушки и пищали – „огненная стрельба“⁵⁶. Другие же авторы считали термин „пушка“ изначальным названием „нового ствольного оружия“⁵⁷ либо вовсе оставляли этот вопрос без ответа⁵⁸. Для выяснения самого вопроса я не буду обращаться к происхождению самого термина, поскольку в историографии это делалось уже много раз, что не привело к однозначно положительному результату. Скажу только, что разделяю мнение, высказанное раньше В. Вилинбаховым и А. Кирпичниковым: „Ясно одно, что где бы ни искали корней термина „пушка“, его происхождение определенно связано с развитием европейской, а не азиатской артиллерии. Этимологически термин „пушка“ может быть связан с разноразличными родственными понятиями: *ruxis, pixides* – вместилище, сосуд (греческо-латинское слово); *buszen, buhsa* (древне-верхне-немецкое); произошло от *ruxis, рухен* (чешско-латинское), *rukša, ruška* (сербское и польское)“⁵⁹.

Следуя логике вышеприведенного научного взгляда, считаю, что европейское влияние на появление ствольного порохового оружия в русских землях четко отмечено в *Голицынской летописи*, в которой сообщается: „Въ лѣто 6897 [1389] вывезли изъ Нѣмецъ **арматы** [выделено мной – А. Ф.] на Русь и **огненную стрѣльбу** [выделено мной – А. Ф.], и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти“⁶⁰. Похожую информацию находим в *Тверской летописи*, где говорится: „Того же лѣта изъ Нѣмецъ вынесоша **пушки** [выделено мной – А. Ф.], 97-го [89-го] лѣта“⁶¹. Оба письменных памятника датируются половиной XVI века, но первым из них является *Голицынский список Никоновской летописи*, хранящейся

⁵⁵ Об этом также см.: Р. Шамгулов, *Об использовании ручного огнестрельного оружия в Улусе Джучи в XIV в.*, [in:] *Диалог культур Евразии: вопросы средневековой истории и археологии*, ред. А. Бурханова, вып. 2, Казань 2001, с. 193–195.

⁵⁶ В. Мавродин, *О появлении огнестрельного оружия на Руси*, с. 67–68, 69. Для сравнения, см.: Н. Карамзин, *История государства Российского*, т. 5, Санкт-Петербург 1833, с. 115–116.

⁵⁷ А. Кирпичников, *Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия*, с. 62–63; В. Вилинбахов, А. Кирпичников, *К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси*, с. 248–249; А. Арциховский, *Оружие*, с. 411–412.

⁵⁸ В. Федоров, *К вопросу о дате появления артиллерии на Руси*, с. 128–129.

⁵⁹ В. Вилинбахов, А. Кирпичников, *К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси*, с. 249.

⁶⁰ Н. Карамзин, *История государства Российского*, с. 24, прим. 119.

⁶¹ *Летописный сборник, именуемый Тверской летописью*, [in:] *ПСРА*, т. 15, Санкт-Петербург 1863, стб. 444.

в рукописном отделе Российской национальной библиотеки, а второй сохранил оригинальные тверские известия вплоть до 1486 г., не испытав значительного влияния московского летописания⁶². Поэтому полностью доверяя приведенным летописным сообщениям, уже можно говорить, что под „арматами“, „пушкам“ и „огненной стрѣлбой“ вообще понимались поставки в русские земли традиционных огнестрельных орудий, характерных для немецких земель. Ярким примером такой пушки является небольшая „бомбарда“ (ил. 7), представленная в экспозиции Музея местного замка в Квидзыне, датирующаяся первой четвертью XV века. Она сделана из бронзы и состоит из двух частей: широкого ствола и узкой каморы для пороха. Непосредственно над жерлом орудия помещено изображение сидящей на троне Мадонны с младенцем. Общая длина пушки 50,7 см, из них канал ствольной части составляет 22,5 см, а каморной части – 23 см. Калибр широкой дульной части – 135 мм, а узкой казенной – 43 мм. Вес орудия – 42,28 кг. На его каморе, которая играла роль казенной части, имеется запальное отверстие. Стреляла бомбарда каменными ядрами диаметром 120–130 мм и весом 2,6–3 кг⁶³. Сама бомбарда некогда крепилась к деревянной колоде или колесному лафету (ил. 8), который тогда получил уже некоторое распространение в немецких землях. Именно такие пушки немного позже называли „хуфницами“ и активно использовали как в осадных операциях, так и при ведении боевых действий в полевых условиях⁶⁴.

После поставок орудий европейской огнестрельной артиллерии интенсивность процесса „великой пороховой революции“ усилилась на Руси. Но если причина последнего в 1389 г. находит полное обоснование в сжатом сообщении *Никоновской летописи*, что „въ то время царь Тахтамышъ пошелъ ратью на Темиръ-Аксака“⁶⁵, впоследствии чего вспыхнувшая вооруженная борьба со среднеазиатским эмиром продолжалась до начала 1396 г. и закончилась страшным опустошением земель Золотой Орды войском Тимуридов⁶⁶, то возможность появления „тюфяков“ и „пушек“ в 1382 г. истолковать не так просто.

⁶² Я. Лурье, *Общерусские летописи XIV–XV вв.*, Ленинград 1976, с. 49–55; Б. Дубенцов, *К вопросу о так называемом „Летописце княжения Тферскаго“*, [in:] *ТОДРА*, т. 13, Москва–Ленинград 1957, с. 118–157.

⁶³ M. Grodzicka, *Bombarda z zamku w Kurzętniku (Najstarszy spiżowy okaz artylerii krzyżackiej)*, „*Studia i materiały do dziejów dawnego uzbrojenia i ubioru wojskowego*”, 1963, 1, s. 7–10; J. Szymczak, *Początki broni palnej w Polsce*, s. 105; J. Stępiński, G. Żabiński, P. Strzyż, *The light field cannon from Kurzętnik – a unique example of medieval artillery (against the background of development of firearms in the Teutonic Order's state in Prussia)*, [in:] *Acta Militaria Mediaevalia*, т. 9, Kraków–Rzeszów–Sanok 2013, s. 156–157.

⁶⁴ А. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 84–85; D. Goetz, *Die Anfänge der Artillerie*, Berlin 1985, s. 32; J. Stępiński, G. Żabiński, P. Strzyż, *The light field cannon from Kurzętnik*, s. 157–160.

⁶⁵ *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с. 121.

⁶⁶ Б. Греков, А. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, с. 336–373; И. Миргалеев, *Войны Токтамыш-хана с Аксаком Тимуром*, Казань 2003, с. 5–86; Idem, *Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана*, Казань 2003, с. 85–135; Б. Черкас, *Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.)*, Київ 2014, с. 212–225.

Так, А. Кирпичников в одной из своих работ привел следующее объяснение: „Логично предположить, что новое боевое средство было принято в Москве в период наиболее интенсивных военных приготовлений, непосредственно предшествующих Куликовской битве”⁶⁷. Это его обоснование нашло в историографии довольно позитивный отклик как у многих рецензентов⁶⁸, так и у других исследователей военного события 1380 г.⁶⁹ Но если новые ствольные пороховые орудия появились на вооружении у великого князя владимирского и московского еще перед решающим столкновением с золотоордынским беком, то почему он так и не осмелился их использовать в самой битве? При этом надо сказать, что объяснение этого факта сугубо первоначальным оборонительным предназначением огнестрельной артиллерии⁷⁰ не выдерживает никакой критики, поскольку именно в то же время пушки уже довольно часто использовались во многих полевых сражениях. Ввиду возможной в перспективе дискуссии по этому вопросу будет целесообразно привести сведения о таком применении огнестрельного оружия в некоторых европейских и азиатских странах. Первое достоверное известие о применении пушек в Западной Европе относится к битве при Креси 1346 г.⁷¹ Ожидаемый эффект от их использования был все же преимущественно психологическим. После длительного перерыва именно с 80-х годов XIV века, находим новые упоминания об огнестрельной артиллерии на полях сражений. Причем в последних в большинстве случаев главную роль сыграла конница. Источники следующим образом фиксируют даты, связанные с применениями в полевых сражениях нового порохового оружия: при Розбеке – 1382 г., при Алжубарроте – 1385 г., при Кастаньяро – 1387 г., на Косовом поле – 1389 г., на Кундурче – 1391 г., на Терекке – 1395 г., на Ворскле – 1399 г., при Отэ – 1408 г., при Грюнвальде – 1410 г.⁷² Как видим,

⁶⁷ А. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 77. Позже он выразил эту же мысль в другой своей монографии, см.: А. Кирпичников, *Куликовская битва*, Ленинград 1980, с. 83.

⁶⁸ Е. Черненко, *Рец.: А. Н. Кирпичников, Военное дело на Руси в XIII–XV вв.*, Ленинградское отделение изд-ва „Наука”, Л., 1976, 104 с., „Український Історичний Журнал”, 1978, 11 (212), с. 142–143; О. Сухобоков, Е. Черненко, *Рец.: А. Н. Кирпичников. Военное дело на Руси в XIII–XV вв.* Л., „Наука”, 1976, „Археологія”, 1979, 30, с. 99–101; О. Овсянников, *Рец.: А. Н. Кирпичников: Военное дело на Руси в XIII–XV вв.* Издательство „Наука”, Ленинградское отделение, Л., 1976, 104 стр., „Russia Medaevalis”, 5, 1984, 1, с. 227–232.

⁶⁹ В. Каргалов, *Куликовская битва*, Москва 1980, с. 47; В. Мавродин, *Куликовская битва*, Москва 1980, с. 38–39. Это мнение известного российского оружейведа нашло отклик даже в работах некоторых зарубежных авторов, см.: V. Shpakovsky, D. Nicolle, *Medieval Russian Armies 1250–1500*, Oxford 2004, p. 34 [Серия: *Osprey Military Men-at-Arms*, vol. 367].

⁷⁰ А. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 79.

⁷¹ А. Берн, *Битва при Креси. История Столетней войны с 1337 по 1360 г.*, Москва 2004, с. 181–190.

⁷² Г. Дельбрюк, *История военного искусства в рамках политической истории*, т. 3, Санкт-Петербург 1996, с. 277–280; Ф. Контамин, *Война в Средние века*, Санкт-Петербург 2001, с. 216–217; Г. Шкриванић, *Оружје у Средњовековној Србији, Босни и Дубровнику*, Београд 1957, с. 163–164; Р. Набиев, *Артиллерия империи Джучидов*, с. 254–255; Х. Хизриев, *Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Терекке*, с. 51–54; Б. Черкас, *Західні володіння Улусу Джучи*, с. 231–235; P. Strzyż, *Średniowieczna broń palna w Polsce*, s. 85–88.

во всех приведенных случаях письменные источники отразили знаменательные военные события, многие из которых несколько не уступают битве на Куликовом поле, а по политическим последствиям иногда даже значительно над ней преобладают. Ко всему этому надо сказать, что касательно всех указанных сражений есть сообщения, упоминаящие о предварительном приобретении, а также заблаговременном принятии огнестрельного оружия на вооружение одной из конфликтующих сторон или обоими противниками. Добавим, что даже те случаи, когда применение нового боевого средства привело одну из воюющих сторон к сокрушительному поражению, не могут приуменьшить сам факт его использования. Слабость первых ствольных орудий, их уязвимость были часто связаны с малой скорострельностью, трудностью перемещения и сравнительно небольшой дальностью стрельбы. Вследствие сказанного необходимо отметить, что появление „тюфяков” и „пушек” на вооружении Москвы в 1382 г., вероятно, может быть связано с какими-то другими политическими событиями⁷³, но уж никак не с подготовкой, предшествующей Куликовской битве.

Итак, подводя общие итоги, можно констатировать, что спор о точной дате появления огнестрельного оружия на Руси до сих пор остается не решенным до конца. При этом сам предмет дискуссии представляет большую важность для понимания хода политических процессов, происходивших в русских землях под конец XIV века. К этому необходимо добавить, что сторонники точки зрения о проникновении новых пороховых орудий в 1389 г. от западных соседей выглядят в своих суждениях более убедительными по сравнению с доводами приверженцев 1382 г. Хотя нельзя полностью отбрасывать и восточный путь распространения ствольных боевых средств на Русь, но следует признать, что в сравнении с Золотой Ордой он будет здесь вторичным, поскольку в землях последней „громъ пущаху” фиксируется раньше, в 1376 г. Изучение восточной лексики, связанной с огнестрельным оружием, проясняет аспект его происхождения и возможного поступления в некоторые ордынские земли из соседних или отдаленных мусульманских государств. Все это дает основания утверждать, что процесс „великой пороховой революции” в Золотой Орде начался быстрее по сравнению

⁷³ Возможно причину надо искать в договорной грамоте великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата, серпуховского князя Владимира Андреевича, с великим князем рязанским Олегом Ивановичем (2 августа 1381 г.), в которой предусматривались следующие военные моменты: „А с татары аже будет кн(а)зю великому Дмитрию миръ и ег(о) брату, кн(а)зю Володимеру, или данье, ино и кн(а)зю великому Влгу миръ или дан(ь)е с одинок(о) со княземъ с великимъ з Дмитрисмъ. А будет немиръ кн(а)зю великому Дмитрию и брату ег(о), кн(а)зю Володимеру, с татары, кн(а)зю великому Влгу быти со кн(а)земъ с великимъ съ Дмитрисмъ и съ ег(о) братомъ с одиного на татаръ и битиса с ними”. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, ред. С. Бахрушин, Москва–Ленинград 1950, с. 30; В. Кучкин, *Договорные грамоты московских князей XIV в. (внешнеполитические договоры)*, Москва 2003, с. 344. Вероятно, появление огнестрельного оружия в Московском великом княжестве можно обосновывать тем, что русские князья не могли планировать и проводить активные наступательные действия против Золотой Орды после разгрома Мамаю, поскольку она уже возглавлялась законным правителем – ханом Тохтамышем. Подробнее об этом см.: А. Горский, *Москва и Орда*, Москва 2003, с. 100–104.

с подконтрольными ей русскими землями, где первые упоминания о „тюфяках” и „пушках” датируются в любом случае более поздним временем.

*

Andrii Fedoruk, *Beginning of the „great gunpowder revolution” in the lands of Rus’ and Golden Horde*

The article deals with the question related to the appearance and distribution of firearms in the lands of Rus’, as well as the Golden Horde, which later has produced the radical revolution in the development of all military affairs. Much attention is paid to the first mention of the gunpowder weapon in the large military campaign of the Russian princes to Bulgarianulus in the winter and spring of 1376. The defence of Moscow from the troops of the Golden Horde’s Khan Tohtamysh in August 1382, which is traditionally considered as the beginning of the „great gunpowder revolution” in the Russian lands, is examined too. The miniatures of *the Illustrated Chronicle* of Ivan the Terrible and other manuscripts are widely involved to elucidate these military events. The author also analyses the chronicles about the supplies of guns from the German lands in 1389. The assumption that firearms were imported to Rus’ during the period of the most intensive military preparations, which were preceding directly to the Battle of Kulikovo Field in 1380, is refuted too.

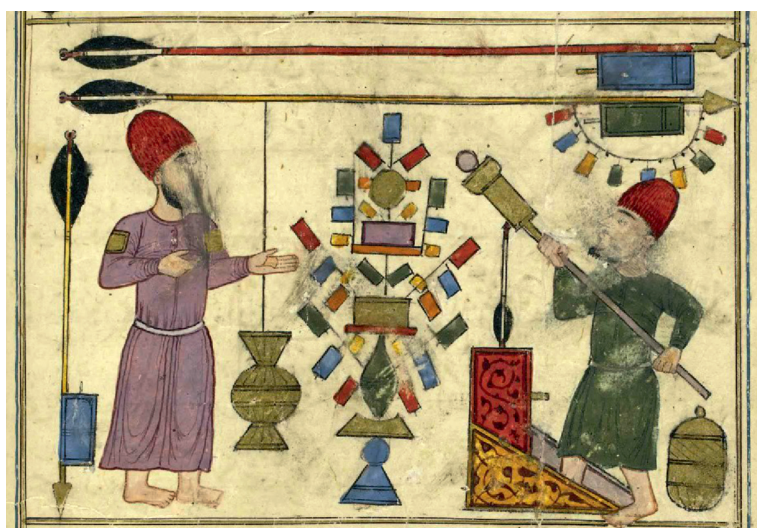
*

Andrii Fedoruk, *Počátek „velké revoluce střelného prachu” v zemích Rusi a ve Zlaté Hordě*

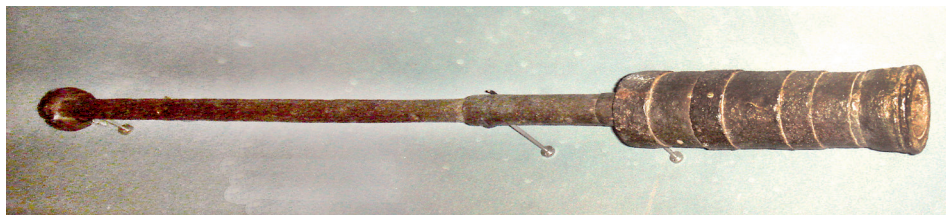
Článek se zabývá otázkou související s dobou, kdy se objevily a byly distribuovány střelné zbraně v zemích Rusi a ve Zlaté Hordě, což později způsobilo radikální revoluci ve vývoji všech vojenských záležitostí. Velká pozornost se upírá na první zmínku o zbraních na střelný prach použitých při velkém vojenském tažení ruských knížat proti Bulhaskyulus v zimě a na jaře 1376. Taktéž je zkoumána obrana Moskvy před oddíly Zlaté Hordy chána Tohtamyše v srpnu 1382, která je tradičně považována za počátek „velké revoluce střelného prachu” v ruských zemích. Miniatury z *Ilustrované kroniky* Ivana Hrozného a další rukopisy jsou taktéž detailně začleněny, aby pomohly objasnit tyto vojenské události. Autor analyzuje dále kronikářské záznamy o dodávkách zbraní z německých zemí v roce 1389. Rovněž se vyvrací předpoklad, že střelné zbraně byly na Rus importovány během období nejintenzivnějších vojenských příprav, které přímo předcházely bitvě na Kulikově poli roku 1380.

Ил. 1. Штурм Болгара объединенной русской ратью в 1376 г. Миниатюра *Остермановского 1-го тома Лицевого летописного свода*. *Лицевой летописный свод XVI века*, кн. 9, с. 108.

Ил. 2. Стрельба из „мадфы” в первой половине XIV в. Миниатюра из копии арабского манускрипта *Собрание различных отраслей [военного] искусства* (1474 г.) из собрания Института восточных рукописей РАН. В. Арндт, *Греческий огонь*, с. 201, фиг. 24.

Ил. 3. Ручная „бомбарда” 1390–1400 гг. Экспозиция Музея армии в Париже. Ю. Бохан, *Ваяры Грюнвальдскай бітвы*, Мінск 2010, с. 148.

Ил. 4. Осада Москвы войском хана Токтамыша в 1382 г. Миниатюра *Остермановского 2-го тома Лицевого летописного свода*. Лицевой летописный свод XVI века, кн. 10, с. 44.

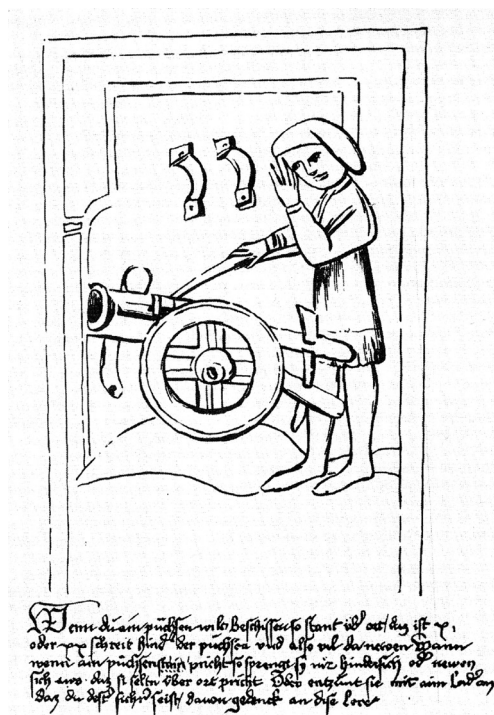
Ил. 5. Стрельба из крупной „мадфы” с подставки. Миниатюра манускрипта *Военные силы* (1405 г.) из собрания рукописей библиотеки Геттингенского университета. S. McLachlan, *Medieval Hand-gonnes*, p. 5.

Ил. 6. „Тюфяк” конца XIV – начала XV вв. Экспозиция Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге (фото автора).

Ил. 7. „Бомбарда” начала XV в. из замка в Кужентнике. Экспозиция Музея замка в Квидзыне. P. Strzyż, *Średniowieczna broń palna w Polsce*, s. 225, tabl. 9, fot. 1–4.

Ил. 8. Стрельба из „бомбарды” на колесном лафете 1390–1400 гг. Миниатюра в рукописи (1400 г.) из собрания Баварской государственной библиотеки в Мюнхене. D. Goetz, *Die Anfänge der Artillerie*, s. 42.

Мария Лавренченко
(Москва)

Побратимство в средневековой Руси: влияние традиций и их восприятие

В статье рассматриваются упоминания о практике побратимства в средневековых русских источниках. В Повести временных лет сообщения о ней отсутствуют, в период после крещения Руси мы видим рассказы о проведении обряда братотворения в Киево-Печерском патерике, запрет „братания” в составе антилатинской полемики, а также в рассказе о византийских событиях, однако в летописных текстах о ней также нет сведений, что, вероятно, связано с тем, что Рюриковичи, о которых преимущественно ведется повествование, уже связаны между собой кровным родством. В Повести о Петре, Царевиче Ордынском XV века, когда традиции братотворения получают более широкое распространение, говорится о братании в церкви русского князя с ордынским царевичем, что показывает представление об этой практике как наиболее уместной в ситуации взаимодействия представителей двух культур и использовании ее, наряду с браком, в качестве социального инструмента для приобретения новых связей.

Древнерусское общество, находясь на пересечении путей культурных традиций, приняло и укоренило некоторые из них, однако этот процесс никогда не проходил в чистом виде, многие элементы смешивались с существующими или заимствованными ранее практиками. Вопрос о широте распространения и формах бытования практики побратимства на Руси далек от прояснения. Упоминания о ней встречаются в христианской духовной литературе, но отсутствуют в древнейших летописях. Сраткость таких источников как берестяные грамоты и эпиграфический материал, обуславливает то, что они не дают достаточной информации, хотя очевидно, что не во всех ситуациях лицо, называемое „братом” в них является кровным братом.

Картина усложняется еще и тем, что три различные культуры – скандинавская, византийская и монгольская, оказавшие наиболее серьезное влияние на

формирование древнерусского общества, имели собственные, мало схожие практики в этой сфере.

В самом общем виде побратимство представляет собой горизонтальное конструирование родства при помощи проведения обряда, включающего символические действия и перформативные высказывания, следствием которых является наложение ряда социальных и юридических обязательств, схожих с существовавшими между двумя кровными братьями¹. Изначально эта связь обречена быть неполной, так как двух кровных братьев объединяли и дополнительные родственные отношения (через родителей, сестер, детей, осознание себя звеном рода как такового).

Сравнительный анализ практик горизонтального конструирования родства в близких Древней Руси культурах показывает, что заключение союза побратимства не обязательно являлось составной частью личной дружбы и часто было вызвано социальной или юридической необходимостью. Подобные практики, как правило, устанавливали связь между представителями разных семейств, имеющими общее имущество – например, напарниками в торговле², теми, кто лишился ближайших родственников или они были отделены территориально. Схожие причины имеет и военное побратимство.

Греко-христианская традиция братотворения, основанная на взаимопомощи в духовном совершенствовании, также зачастую предполагает отрыв от родной семьи и приобретение новых связей. Отдельную страницу в истории практик конструирования родства занимает их функционирование в качестве инструмента примирения³.

В различных культурах к практикам побратимства возникало негативное отношение: обычай *föstbræðralag* в Исландии подвергался критике как содержащий элементы языческого обряда⁴, в Византии и на Руси практика братотворения осуждалась по разным причинам⁵. Было замечено, что европейскими средневековыми авторами побратимство могло восприниматься как варварский обычай, при-

¹ Они могут варьировать в зависимости от особенностей культуры; например, в древнеисландском обществе, где важнейшим обязательством родственников являлась кровная месть, побратимы клялись мстить друг за друга, как брат за брата. См. наприм. *Cazy o Tислу: Gísla saga Súrssonar*, [in:] *Íslendinga sögur og þettir*, vol. 2, ed. by B. Halldórsson, Reykjavík 1987, p. 857 и *Cazy o побратиммах: Föstbræðra saga*, [in:] *Íslendinga sögur og þettir*, vol. 2, p. 776–777.

² Как, например, совместное владение торговым кораблем. Подобный пример описан в *Caze o Top-teine Белом: Þorsteins saga hvíta*, [in:] *Íslendinga sögur og þettir*, vol. 3, ed. by B. Halldórsson, Reykjavík 1987, p. 2054.

³ C. Rapp, *Ritual Brotherhood in Byzantium*, „Traditio”, 52, 1997, p. 316–318.

⁴ Например, в *Caze o побратиммах* этот обряд называется „искрой язычества” и „ложным обычаем”: *Föstbræðra saga*, p. 776–777. Также: K. Weinhold, *Aldnordishes Leben*, Berlin, 1856, s. 289.

⁵ C. Rapp, *Brother-Making in Late Antiquity and Byzantium, Monks, Laymen and Christian Ritual*. Oxford 2016, [электронная версия книги], p. 187–188 (между монашествующим и мирянином); А. А. Ткаченко, *Братотворение*, [in:] *Православная энциклопедия*, т. 6, Москва 2003, с. 190–194.

сущий народам, находящимся на границе европейской христианской ойкумены – например, в Ирландии или Византии⁶.

Рассматривая немногочисленные свидетельства о побратимстве в древнерусской культуре, мы принимаем во внимание ситуации, когда два неродных, не связанных свойством⁷, а также другими формами братства⁸ человека именуют друг друга „братьями” или же их называет так третье (как предполагается, осведомленное) лицо, а также упоминания о проведении обряда побратимства различной степени детализации его описания.

Слово *побратимство* для обозначения горизонтального конструирования родства стало использоваться сравнительно поздно, в то время как наиболее ранним определением этой практики является глагол *брататися / братати / братитися*⁹, а также слово *братотворение* (греч. *ἀδελφοποίησις*) использованное в переводе на славянский язык *Хроники* Георгия Амартола¹⁰.

Дохристианский период. В этот период прослеживается влияние на древнерусское общество скандинавских культурных традиций, где горизонтальное конструирование родства представлено необычайно широко: побратимами назывались воспитанник и родной сын воспитателя, два взрослых человека, прошедших через обряд побратимства (*föstbræðralag*)¹¹, а также братья по оружию (*eiðbróðir*), по клятве (*eiðbróðir*) сражающиеся вместе и владеющие общим имуществом, товарищи, напарники (*félag*) по торговле¹².

В немногочисленных древнерусских источниках о дохристианской Руси эта социальная практика никак не представлена, однако в византийской *Истории* Льва Диакона содержится сообщение о том, что Святослав Игоревич перед совместным походом на болгар принял „по законам дружбы” патрикия Калокира „в качестве кровного (брата – М.А.)”¹³, что можно рассматривать и как случай по-

⁶ K. Oschema, *Blood-brothers: a ritual of friendship and the construction of the imagined barbarian in the middle ages*, „Journal of Medieval History”, 32, 2006, p. 275–301.

⁷ Так как брак также является конструированием родства, а отношения между родственниками двух супругов часто оформляются с использованием метафоры родства.

⁸ А именно: монашеское братство, братство князей – Рюриковичей, братство, основанное на военно-политических договорах (например, именование „братом и соправителем империи” („Fratres et Cooperator Imperii” Болеслава I), или на соседстве (например, „братство” новгородцев).

⁹ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. 1, Санкт-Петербург 1893, с. 170–171; *Словарь древнерусского языка. XI–XIV вв.*, т. 1, под. ред. Р. И. Аванесова, Москва 1988, с. 306.

¹⁰ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря*, т. 1, с. 171.

¹¹ Как в уже приведенных выше примерах: неудачное братание Гисли, Торгрима, Торкеля и Вестстейна в *Saga о Гисли: Gísli saga Súrssonar*, p. 857, а также в *Saga о названных братьях: Föstbræðna saga*, [in:] *Íslendinga sögur og þættir*, vol. 2, ed. by B. Halldórsson, Reykjavík 1987, p. 776–777.

¹² Например, товарищество Торстейна сын Торфинна и Эйнара в *Saga о Торстейне Белом: Þorsteins saga hvíta*, [in:] *Íslendinga sögur og þættir*, vol. 3, p. 2054.

¹³ „...ἅμα τῷ Πατρικίῳ Καλοκύρῃ, ἐν καὶ ὁμαίμονα προσήκατο φιλίας θεσμοῖς (выделено нами – М.А.), ἐχώρει κατὰ Μυσῶν”. Leonis diaconi Caloënsis, *Historia libri decem: et liber de Velitatione Bellica Nicephori Augusti*, ed. C. B. Hasii, Bonnæ 1828, p. 77–78. В переводе М. Копыленко: „Набрав, таким образом, войско, состоявшее, кроме обоза, из шестидесяти тысяч цветущих здоровьем мужей, он (Свято-

братимства, хотя источник не представляет достаточной детализации этого события; нельзя исключать и использование этого оборота в качестве художественного приема.

В текстах древнейших русских летописей упоминаний об обряде побратимства в этот период нет, но присутствует описание ситуации, где, опираясь на сравнительный материал, можно было бы предположить его осуществление при условии знакомства участников с подобной практикой. В статье 968 г. *Повести временных лет* содержится рассказ о том, как во время осады Киева печенегами, воевода Святослава, Претич, подошел к городу с небольшим отрядом ради спасения княгини Ольги с внуками. Печенежские войска отошли, но затем их предводитель вернулся и вступил в диалог с Претичем, в котором последний выдал себя за главу передового отряда княжеского войска: „Видѣвъ же се князь Печенѣжъ-ский, възратиса єдинѣ къ воеводѣ Прѣтичу, и речѣ: «Кто се приде?». И речѣ ему: «Лодыа ѡноа страны». И речѣ князь Печенѣжъ-ский: «А ты князь ли єси?» ѡнѣ же речѣ: «Азѣ єсмь мужь его, и пришелѣ єсмь въ сторожѣхъ, [и] по мнѣ идеть полкъ со княземъ бе-щисла множество». Се же речѣ, гроза имѣ. Ре(че) же князь Печенѣжъ-ский къ Прѣтичу: «Буди ми другъ!» ѡнѣ же речѣ: «Тако створю!» и подаста руку межю собою. И въдасть Печенѣжъ-ский князь Прѣтичу конь, саблю, стрѣлы. ѡнѣ же дасть ему бронѣ, щитѣ, мечѣ»¹⁴.

Между участниками диалога существовал языковой барьер, на который указывает и предшествующий рассказ об отроке, сумевшем пройти сквозь печенежский лагерь, потому что он знал язык „бѣ бо оумѣа Печенѣжъ-ски”¹⁵. Очевидно, с ограниченностью языкового запаса связана и краткость диалога, и то, что русский воевода и печенежский князь прибегли к универсальному языку жестов и подарков.

В данной ситуации, где оба участника являются предводителями противоборствующих групп, характер примирения носит эмоциональный характер, происходит обмен рукопожатиями и дарами, можно было бы предположить заключение обряда побратимства, однако вместо обращения „брат” печенежский князь использует редкое для древнерусских летописей слово „друг”, что не позволяет отнести случай к данной практике.

От принятия христианства до монгольского нашествия. В период после принятия христианства по греко-православному обряду в качестве официальной религии древнерусское общество познакомилось и с византийской традицией братотворения. В Византии эта духовная практика зафиксирована на раннем агиографическом материале (VII–IX вв.) как часть церковной, чаще монашеской

слав) вместе с патриkiem Калокиром, с которым соединился узами побратимства, выступил против мисян” (имеется в виду война с болгарями)”. Лев Диакон, *История*, под ред. М. М. Копыленко, М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова, Москва 1988, с. 44.

¹⁴ *Лаврентьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРЛ], т. 1, Москва 1997, стб. 66–67.

¹⁵ *Ibidem*, стб. 66.

жизни; затем она становится социальным инструментом, который активно используется в светских кругах – как для примирения конфликтов, так и для продвижения собственных интересов, причем в обряде принимают участие мужчины и женщины, католики и православные, греки и латиняне, что позволяет преодолевать многие ограничения и запреты¹⁶.

В русских летописях, относящихся к периоду от принятия христианства и до нашествия Батыя, мы не встретим упоминания о практике побратимства, однако можем найти несколько таких случаев в *Киево-Печерском патерике*: в составе антилатинской полемики, в повествовании о чудесной иконе, о монастырском братстве.

Первое упоминание находится в тексте *О вере христианской и латинской* (Слово 37 *Вопрос благоверного князя Изяслава о латинянах* в составе *Киево-Печерского патерика*)¹⁷, приписываемом Феодосию Печерскому, но относимому исследователями к перу Феодосия Грека¹⁸ который, как предполагается, обращался к киевскому князю Изяславу Мстиславичу. *Поучение* Феодосия содержит стандартные для полемики обвинения латинян и предостережение против общения с ними, где, помимо пунктов, содержащихся и в более ранних канонических текстах (в т. ч. в ответах митрополита Иоанна II), появляется запрет „брататься”: „Христианом же своих дщерий недостойт даати за них, ни поимати у нихъ за себе, **ни братитись с ними** (выделено нами – М.Л.), ни кумитися, ни цѣлования с ними имѣти, ни ясти с ними, ни пити изъ единого съсуда”¹⁹.

Как заметил Александр Назаренко, „В «брататься», «поклонитися», «целовати» трудно не разглядеть обычных элементов дипломатического протокола”²⁰. Действительно, в летописных речах Изяслава Мстиславича

¹⁶ C. Rapp, *Ritual Brotherhood in Byzantium*, p. 290; Idem, *Brother-Making*, p. 229.

¹⁷ *Послание* Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославовичу о латинянах сохранилось в списках *Паисиевского сборника* XIV–XV вв. и *Новгородско-Софийской библиотеки* XV в., *Кормчей* XVI в. и списках *Киево-Печерского патерика* Кассиановской редакции 1462 г. И. П. Еремин, *Из истории древнерусской публицистики XI в.*, [in:] *Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН*, т. 2, Москва–Ленинград 1935, с. 21; Еп. Макарий, *Преподобный Феодосий Печерский как писатель*, [in:] *Отделение русского языка и словесности*, т. 4, вып. 6, Санкт-Петербург 1855, с. 285.

¹⁸ К. Висковатый, *К вопросу об авторе и времени написания „Слова к Изяславу о латинах”*, „Slavia”, 16, 1939, с. 535–567; Г. Подскальски, *Богословская литература Киевской Руси, 988–1237 гг.*, пер. А. В. Назаренко, под ред. К. К. Актентьева, Санкт-Петербург 1996, с. 294–296.

¹⁹ *Киево-Печерский патерик*, [in:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 4, под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко, Санкт-Петербург, 1997, с. 482. В другой редакции: „своихъ же дьчерѣй не даяти за нѣ, ни поймаите у нихъ, ни брататися с ними, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни с нимъ въ единомъ съсудѣ ясти, ни пити, ни борошна ихъ приимати”. *Поучения и молитва Феодосия Печерского*, [in:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 1, с. 448. Стоит отметить, что в *Канонических ответах* митрополита Иоанна II допускается совместная трапеза, однако дочерей также не рекомендуется выдавать замуж „в ину страну, идеже служатъ опрѣсноки”. *Памятники древнерусского канонического права*, [in:] *Русская историческая библиотека*, т. 6, Санкт-Петербург 1880, с. 3, 7.

²⁰ А. В. Назаренко, „Зело неподобно правоверным”. *Межконфессиональные браки на Руси в XI–XII вв.*, [in:] *Вестник истории, литературы, искусства*, т. 1, Москва 2005, с. 270.

к европейским союзникам неоднократно используется обращение „брат”, „братъ”²¹. И хотя запрет на братание в *Поучении* Феодосия может относиться к практике братотворения, проецируемой автором с византийских реалий на древнерусские в рамках антилатинской полемики²², но гораздо более вероятно, что Феодосий использовал термин „брататися” применительно к практике именования „братом”, характерной для общения Рюриковичей с политическими союзниками, в том числе иностранными, а не имея в виду конкретный обряд конструирования родства.

Еще один текст, упоминающий о побратимстве, – *Чудо об Иоанне и Сергии* (Слово 5), где показан момент совершения обряда братотворения, осуществленный во время мистического прозрения перед иконой: „Быста два мужа нѣкаа от великих града того, друга себѣ, Иоаннь и Сергий. Сиа приидоста во церковь богонареченную и видѣста свѣт, паче сънца, на иконѣ чюдней Богородичинѣй, и въ духовное братство приидоста”²³. Дальнейшее повествование раскрывает конфликт, проистекший из-за невыполнения Сергием обязательств перед сыном Иоанна, Захарией, после смерти духовного брата, и, как следствие, нарушения им своей клятвы.

Сюжет предательства побратима и столкновения интересов двух названных братьев характерен для многих культур, знакомых с практикой горизонтального конструирования родства, и основан на том, что связи, возникающие вследствие такого конструирования, лишь имитируют кровное родство и чаще оказываются нарушенными по прошествии длительного времени. В данной ситуации один из названных братьев не возвращает наследнику отданное им на хранение золото и серебро, за что получает возмездие от предмета своей клятвы – иконы Богородицы²⁴.

Распространилась ли духовная практика братотворения за пределами культурных традиций Киево-Печерского монастыря, мы не имеем практически никаких свидетельств, а лишь можем сделать самые общие наблюдения. Так, например, на стенах новгородского Софийского собора есть граффити, упоминающие (порой не единожды) двух лиц без указания на их родство, вероятно, также принадлежащих к церковной среде; например, Иоакима

²¹ Ср., например, его обращение к Гезе II, Болеславу IV и чешскому князю Владиславу II: „Братѣ, съ рѣства Х҃сва полѣзите на кони”. *Ипатьевская летопись*, [in:] *ПСРА*, т. 2, Москва 1998, стб. 385. В посланиях и речах к Гезе II Изяслав Мстиславович использовал обращения „сын”, „брат” (*Ibidem*, стб. 407, 450, 444 и др.).

²² О случаях побратимства византийцев с франками говорится в *Хронике Мореа* и других источниках. *Crusaders as Conquerors: The Chronicle of Morea*, ed. J. Schmitt, London–Groningen 1967, p. 260; С. Rapp, *Brother-Making*, p. 214.

²³ *Киево-Печерский патерик*, с. 310.

²⁴ Еще одно *Слово Киево-Печерского патерика* – *Слово о двух братьях, о Тите – попе и Евагрии – диаконе, враждовавших между собой* рассказывает о ссоре двух духовных братьев („два брата бѣста по духу”) – вероятно, речь идет также о монахах, прошедших обряд братотворения. *Патерик Киевского Печерского Монастыря*, Санкт-Петербург 1911, с. 89.

и Авраама: „Иоакмъ псалъ (с)ъ Авраомъ въ лѣ(т) 6614” и „Иоакимъ псалъ ход(а ...) съ Авраомъ в...”²⁵ или „Гага съ Сежир[ъм] въ [б]ѣдѣ”²⁶. Некоторые указания летописей или берестяных грамот на совместные действия братьев могут подразумевать не родных братьев, а побратимов, что, разумеется, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть; например, сообщение о совместном строительстве церкви двумя братьями, Константином и Дмитрием: „Заложиста црьковъ камяну святого Кюрила въ монастыри въ Нѣлезѣнѣ Къснятинѣ и Дѣмитръ, братеника, на Лубянеѣй улици”²⁷.

При заключении русскими князьями политических союзов с европейскими правителями, а также с половецкими князьями, важнейшим социальным инструментом их скрепления являлся междинастический брак²⁸, о побратимстве же в источниках не упоминается.

После монгольского нашествия. В результате вхождения русских земель в состав Золотой Орды и начала активных контактов Рюриковичей с монгольской элитой, древнерусское общество знакомится с монгольскими традициями, в числе которых наличествует и побратимство, неоднократно упоминающееся в *Сокровенном сказании монголов*²⁹. В текстах русских источников этого периода нет сообщений о каких-либо новых элементах или формах применения практики побратимства, но мы находим новый сюжет о братании русского князя с ордынцем в *Повести о Петре, Царевиче Ордынском*, записанной в Ростовской земле в конце XV века.

Повесть рассказывает о племяннике хана Берке, Петре, принявшем православие, основавшем монастырь, венчавшимся с русской невестой, а также прошедшем через обряд братотворения с ростовским князем (в *Повести* он не назван по имени, вероятно, Борис Василькович), после чего Петр именовался „братом” князя, а дети князя называли его „дядей”: „И толми любляше князь Петра, яко и хлеба без него не ясть, яко владыцѣ братати Петра въ церкви съ княземъ. И прозвася Петръ братъ князю ... И сего князя дѣти зваху Петра дядею и до старости”³⁰. Во второй части *Повести*, предположительно основанной на хронологических записях при Петровском монастыре, показан конфликт

²⁵ А. А. Медынцева, *Древнерусские надписи Новгородского соборного синагогического собора XI–XIV вв.*, Москва 1978, с. 139–140.

²⁶ Ibidem, с. 48.

²⁷ *Новгородская первая летопись старшего извода*, [in:] *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, под ред. А. Н. Насонова, Москва–Ленинград 1950, с. 42.

²⁸ А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, *Русские имена половецких князей. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики*, Москва 2013, с. 91–142 и далее; А. В. Назаренко, „Зело неподобно правоверным”, с. 269–280.

²⁹ В том числе подробно описывается побратимство Тэмуджина и Джамухи. С. А. Козин, *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.*, т. 1, Москва–Ленинград 1941, строки 116–117.

³⁰ *Повесть о Петре, царевиче Ордынском*, [in:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 9, под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко, Санкт-Петербург 2000, с. 80–81.

потомков Петра с ростовскими князьями и отстаивание ими земель, дарованных Петру князем по грамоте.

Михаил Скрипиль, комментируя сюжет и исторический контекст *Повести*, относит ее к распространенному в XV веке типу легенд об ордынце – основателе монастыря или церкви, исторически основанных на том, что в начале XV века члены знатных ордынских родов переходили на службу к московским князьям, что, в свою очередь, связано с ожесточившейся династической борьбой в самой Золотой Орде. Схожие сюжеты можно найти в легендарном политическом сказании об ордынском князе Чете и великоустюжском сказании об ясащике Буге³¹.

События, описываемые во второй части *Повести*, находят подтверждение и в других исторических источниках, где, однако, не содержится сведений ни о самом Петре, ни о его потомках³².

Интересующая нас сюжетная линия легендарной первой части, охватывающая братотворение ростовского князя с Петром и развернувшийся далее конфликт их потомков в приближенной к исторической второй части, сомнения в правах, наложенных благодаря этому обряду („дедъ бо нашъ много у него сребра взя и братася с ним въ церкви, а родъ татарьскы, кость не наша, что се есть намъ за племя”³³), близка рассмотренному нами тексту *Чудо об Иоанне и Сергии*, и, вероятно, написана под его непосредственным влиянием³⁴.

Как отмечает М. Скрипиль в дискуссии о датировке написания *Повести*, именно в XV веке обычай братания в церкви получил наиболее широкое распространение³⁵. Действительно, из сохранившихся требников чин братотворения появляется только в конце XIV – XV веке³⁶.

Сравнивая духовное братство Сергия и Иоанна с братством царевича Петра и ростовского князя, можно отметить некоторые разнящиеся детали: Петр называет князя „братом”, Иоанн же передает Сергию Захария „как другу” („друзьями” они названы и в начале повествования), и лишь уровень доверия к нему сравнивается с отношением к „верному брату”; Петра и ростовского

³¹ М. О. Скрипиль, *Повесть о Петре, царевиче Ордынском*, [in:] *История русской литературы*, т. 2, ч. 1: *Литература 1220-х – 1580-х гг.*, Москва–Ленинград 1945, с. 354.

³² Ibidem; Вступительное слово Р. П. Дмитриевой. *Повесть о Петре, царевиче Ордынском*, с. 70.

³³ *Повесть о Петре, царевиче Ордынском*, с. 83.

³⁴ Любопытно, что есть косвенное указание на то, что и Сергей, и Иоанн происходили из Ростова, т. к. *Чудо* начинается словами: „Быста два мужа нѣкаа от великих града того”, а в предыдущем *Слове* речь идет о Ростове.

³⁵ М. О. Скрипиль, *Повесть о Петре, царевиче Ордынском*, с. 358.

³⁶ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря*, т. 1, с. 168–169 (он ошибочно относит текст цитируемого *Службника* к XIV в. – см. А. И. Соболевский, *Труды по истории русского языка*, т. 2: *Статьи и рецензии*, Москва 2006, с. 436); К. И. Никольский, *О службах русской церкви бывших и греческих печатных богослужебных книгах*, Санкт-Петербург 1885, с. 372–373.

князя связывает братством владыка³⁷, Сергей и Иоанн приходят к соглашению заключить духовный союз спонтанно, в эмоциональном порыве.

Эти детали указывают на то, что братотворение в *Чуде о Сергии и Иоанне*³⁸ – одна из первых проб новой практики, предание о которой сохранилось в церковно-монастырской среде или же одна из первых попыток использования греческого сюжета в повествовании о событиях на Руси; во времена же создания легенды о царевице Петре братотворение получило более широкое распространение и устоявшиеся нормы проведения обряда.

Включение сюжетной линии о братотворении в рассказ о дружбе русского князя с ордынским царевицем отражает представление об уместности этой практики в рамках кросскультурного взаимодействия и ее использование, наряду с браком („Князь же поя ему от великих велможъ невѣсту”)³⁹, как социального инструмента для более прочного скрепления связей в новом месте и в новом качестве „дабы ся в нашей вѣрѣ удръжалъ”⁴⁰, что облегчается и наличием практик побратимства в обеих культурах.

В этот период на Руси появился труд и о византийских событиях, в составе которого есть упоминание о побратимстве другого характера, а именно о военном братстве, также между носителями разных традиций. Это – *Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году* Нестора Искандера⁴¹. К концу осады Константинополя, когда стены были проломлены, а судьба города предreshена, Нестор рассказывает о трех мужественно сражающихся вместе братьях – албанце, венгре и греке: „Видѣвша же съ стѣны три братеники пять мужей онѣхъ срачин, бьюще тако силнѣ граждан, скачиша съ стѣны, нападоша на них и сечахуся с ними лють... Бяху же трие ты инафтыи⁴²: един грѣчин, а другой угрин, а третий арбонаш”⁴³. Олег Творогов переводит термин „братеникъ” („брат”⁴⁴) как

³⁷ Интересно, что духовный союз Петра и ростовского князя отражает схему, характерную для ранних византийских агиографических текстов, где один из братьев обладает светской властью (в *Повести* это ростовский князь), а другой – духовным богатством, даром предвидения, мистическими способностями (и в *Повести* это Петр). С. Rapp, *Brother-Making*, p. 159–152; Idem, *Ritual Brotherhood in Byzantium*, p. 290–300.

³⁸ И, вероятно, в *Слове о двух братьях*.

³⁹ *Повесть о Петре, царевице Ордынском*, с. 78.

⁴⁰ Ibidem, с. 78.

⁴¹ Продолжительное время этот текст не рассматривался как полноценный исторический источник из-за множества неточностей. М. Филиппидес и В. Ханак в труде *Осада и падение Константинополя в 1453 году* реабилитирует его, помещая в ряд главных и наиболее достоверных исторических текстов. М. Philippides, W. K. Hanak, *The siege and the fall of Constantinople in 1453*, [in:] *Historiography, topography and military studies*, Ashgate 2011, p. 32–34, 112–137.

⁴² Слово „инафтыи” О. Творогов предлагает рассматривать как „инфантыи” – латинизм со значением „подростки”. *Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году*, [in:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 7: *Вторая половина XV века*, под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко, Санкт-Петербург 1999, с. 497.

⁴³ Ibidem, с. 58.

⁴⁴ *Словарь древнерусского языка. XI–XIV вв.*, т. 1, с. 306.

„побратим”⁴⁵, Мариос Филипидес и Вальтер Ханак – как „двоюродный брат”, что представляется маловероятным, так как трое представителей разных народностей вряд ли могли быть связаны кровным родством⁴⁶. Таким образом, мы видим, что древнерусское общество имело представление о различных формах бытования традиций братотворения и на его родине.

Итак, социальная практика побратимства получила распространение на Руси в рамках рецепции духовных традиций греко-византийской культуры. Упомянутые случаи осуществления этой практики сохранились в составе произведений, относящихся к церковно-монастырской среде, причем в некоторых случаях нельзя исключать заимствование лишь агиографического сюжета. В текстах трех древнейших русских летописей, как до принятия христианства, так и после, сообщений о подобной социальной практике не приводится, что может быть связано и с тем, что большинство действующих лиц летописи принадлежали к роду Рюриковичей и уже являлись родственниками между собой⁴⁷, а союзные отношения с европейскими правителями, а также с половецкими князьями скреплялись междинастическими браками, и с возможным негативным отношением авторов к этой традиции.

В XV веке братотворение становится устоявшейся, хотя и нечастой духовной практикой. В этот период, одновременно с возникновением других схожих сюжетов об ордынцах, появляется и легендарное описание братания ростовского князя с царевичем Петром.

Благодаря тому, что горизонтальное конструирование родства является социальным инструментом, понятным носителям различных культурных традиций, практика братотворения приобрела новое развитие в рамках взаимодействия с ордынцами, и затем – с татарами. Универсальность практики побратимства, ее присутствие в различных формах в традициях обеих культур делает ее актуальной при реальном или вымышленном осуществлении этого кросскультурного диалога и в дальнейшем, особенно в ситуациях, когда необходимо скрепить только что заключенное перемирие. Так, например, в *Хронике* Марцина Бельского, повествующей о событиях XVI века, говорится о побратимстве Сагиба I Геря и православного Черкасского и Каневского старосты Евстафия Дашкевича в 1552 г.⁴⁸ Вероятно, под влиянием схожих рассуждений был порожден и миф о побратимстве Александра Ярославича с Сартаком⁴⁹.

⁴⁵ *Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году*, с. 58.

⁴⁶ *The siege and the fall of Constantinople in 1453*, p. 499.

⁴⁷ Помимо родства по Рюриковичам как представителях единого рода, их объединяли договоры, в которых также актуализировалась идея братства, например: „быть за один брат”. *Ипатьевская летопись*, стб. 366.

⁴⁸ „które gdy posłał, on zjechał do niego i, jedząc i pijąc z nim miód, pobracił się i to sprawił, że z nieprzyjaciela przyjaciela królowi Zygmuntowi panu smenu uczynił”. *Kronika Marcina Bielaskiego*, т. 2, Księga 4, Sanok 1856, s. 1056; Б. Черкас, *Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540)*, Київ 2006, с. 198.

⁴⁹ Л. Н. Гумилев, *От Руси к России*, Москва 2002, с. 43.

В более широкой перспективе мы видим, что рассмотренные нами упоминания о побратимстве относятся именно к взаимодействию представителей различных культур, религий или конфессий (а также носителей разных языков), в том числе и запрет на „братание” греко-православного с католиком в *Поучении Феодосия*, и упоминание о „братьях” венгре, греке и албанце в *Повести о взятии Царьграда*. В период до знакомства Руси с греко-византийской традицией братотворения такого рода контакты происходили также с использованием универсального языка жестов и даров, но без практики побратимства, как, например, во время встречи воеводы Претича и печенежского князя в *Повести временных лет* и в других схожих ситуациях, однако она могла присутствовать при заключении военного союза с представителем византийской культуры, как в случае взаимодействия Святослава Игоревича с патрикием Калокиром в *Истории Льва Диакона*.

*

Maria Lavrenchenko, *Brother-making in medieval Rus': Influence and comprehension of foreign traditions*

In this article we consider references of brother-making practice found in medieval Rus' sources. These kinds of allusions were completely missing in the Rus' narratives related to pre-Christian Rus' and only after Christianization there are some cases of brother-making rites in *Kievan Patericon*, but still there are no references in chronicles, that may have happened because all Rurikids (who are traditionally mentioned in Old Rus' Chronicles) were already tied by the real kinship ties. *Povest' o Petre, tsareviche Ordynskom* (*The story about Mongolian prince Petr*) recorded in the 15th century (when brother-making practice became more widespread) tells about this rite carried out between Prince of Rostov and the Mongolian Prince, which demonstrates the perception of this practice as an appropriate instrument for cross-cultural relationship and a tool for social networking.

*

Maria Lavrenchenko, *Bratrství ve středověké Rusi: vliv a porovnání cizích tradic*

V tomto článku uvažujeme o dokladech praxe uzavírání bratrství nalezených ve středověkých ruských pramenech. Tento druh aluzí zcela chyběl v ruských příbězích souvisejících s předkřesťanskou Rusí a pouze po christianizaci nacházíme několik případů obřadů uzavření bratrství v *Kyjevském pateriku*, ale stále postrádáme odkazy v kronikách, což je možné, protože všichni Rurikovci (kteří jsou tradičně uváděni ve starých ruských kronikách) byli vázáni skutečnými vazbami. *Povest' o Petre, tsareviche Ordynskom* (*Pověst o mongolském princovi Petrovi*) zaznamenaná v 15. století (kdy je praxe uzavírání bratrství více rozšířená) vypráví o tomto obřadu provedeném mezi knížetem Rostovem a mongolským princem a je jím demonstrováno vnímání této praxe jako vhodného nástroje mezikulturních vztahů a nástroje pro vytváření společenské sítě.

Анатолий Кузь
(Черновцы)

Русские и татарские рабы в Крыму: из истории генуэзской работорговли XIV–XV веков

Статья посвящена проблеме генуэзской работорговли в Северном Причерноморье в XIV–XV веках и места в ней русских и татарских рабов. Подробно рассматривается соотношение численности рабов, их возраст, место происхождения, рыночная цена, дальнейшая судьба и антропимические характеристики. Прослеживаются основные направления работорговли, ее организация и контроль, а также масштабы в сравнении с османским периодом. Отдельное внимание посвящено участию рабов во внутренней жизни Каффы. Генуэзская работорговля окончательно пришла в упадок во второй половине XV века, когда в результате падения Константинополя под натиском турок-османов основные пути этого „промысла” были перекрыты и контроль над торговлей рабами перешел к Османской империи.

Работорговля крымских городов, особенно Каффы, в генуэзский и османский период отражена достаточно широко на страницах научных работ¹, однако место

¹ А. М. Чиперис, *О характере и роли генуэзской работорговли в Северном Причерноморье в конце XIII–70-х годах XV в.*, „Ученые записки Туркменского государственного университета. Серия историко-юридических наук”, 1969, 53, с. 25–31; Idem, *К вопросу о генуэзской работорговле в Западном Средиземноморье в XIII в.*, „Известия Академии Наук Туркменской ССР. Серия общественных наук”, 1972, 2, с. 79–82; В. В. Бадян, А. М. Чиперис, *Торговля Каффы в XIII–XV вв.*, [in:] *Феодальная Таврика: материалы по истории и археологии Крыма*, отв. ред. С. Н. Бибииков, Киев 1974, с. 174–189; С. П. Карпов, *Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы)*, „Византийский временник”, 1986, 46, с. 139–145; Idem, *Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли*, Москва 1990, с. 166–167; А. Г. Еманов, *Север и Юг в истории коммерции: на материалах Каффы XIII–XV вв.*, Тюмень 1995, с. 129–134; О. І. Галенко, *Українська Колумбіана: работоргівля генуезької Кафи XIII–XV ст. і початки модерного колоніалізму*, [in:] *Проблеми балканістики, сходознавства та міжнародних відносин. Збірник наукових праць пам'яті доктора історичних наук, професора Пархомчука Станіслава*

русских и татарских рабов в структуре генуэзской торговли „живым товаром” в XIV–XV веках, на наш взгляд, требует более детального рассмотрения.

В качестве главного источника для изучения работорговли историки обычно привлекали нотариальные акты, которые зафиксированы и оформлены генуэзскими нотариусами в Каффе или Пере. Ранние акты в свое время опубликовал румынский исследователь Гэорге Брэтиану². Много информации о рабах имеется в нотариальных актах Боццоло, Самбучето, Кьявари, Саличето, Белиньяно и других нотариусов³. В них подробно фиксируется этническая принадлежность и происхождение, возраст, пол, нередко — физический облик, стоимость, обстоятельства приобретения раба. В каждом отдельном случае акты содержат почти исчерпывающую информацию о сделке. Здесь выделяется значительное количество договоров купли-продажи рабов, которые часто фигурируют в регистрах Крыма. В нотариальных актах присутствует юридическая практика указывать страну происхождения раба и его этническое происхождение, в некоторых случаях выделяется смягчение обстоятельств продажи — разрешается продажа детей с их матерью. Бланки (формуляры) записи при купле-продаже рабов достаточно просты. Они включали имя продавца и покупателя, премию, квитанцию суммы, отказ от претензий на естественный прирост и др. Но, к сожалению, нотариальные акты не дают представления об истинных масштабах и направлениях работорговли. Во-первых, в них зафиксированы только те сделки,

Максимовича, відп. ред. В. А. Смолій, Київ 2007, с. 115–144; Ch. Verlinden, *Esclavage et ethnographie sur les bords de la mer Noire (XIIIe et XIVe siècles)*, „Miscellanea historica in honorem Leonis van der Essen”, 1947, 1, p. 287–298; Idem, *Encore la traite des esclaves et les traitants italiens à Constantinople*, „Bulletin de l’Institut historique belge de Rome”, 1989, 59, p. 107–120; D. Gioffre, *Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV*, Genova 1971; A. W. Fisher, *Muscovy and the Black Sea Slave Trade*, „Canadian-American Slavic Studies”, 1972, 6, p. 575–594; M. Balard, *La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle)*, vol. 1–2, Roma–Genova 1978, p. 289–310, 785–833; Idem, *Esclavage en Crimée et sources fiscales génoises au XVe siècle*, „Byzantinische Forschungen”, 1996, 22, p. 9–17; D. Quirini-Popławska, *Włoski handel czarnomorskimi niewolnikami w późnym średniowieczu*, Kraków 2002; M. B. Kizilov, *The Black Sea and the Slave Trade: The role of Crimean Maritime Towns in the Trade in Slaves and Captives in the Fifteenth to Eighteenth Centuries*, „International Journal of Maritime Studies”, 2005, 17 (1), p. 211–235; S. F. Raiteri, *I genovesi e il mercato degli schiavi nel Vicino Oriente (secc. XIV–XVI)*, „Rivista dell’Istituto di Storia dell’Europa Mediterranea”, 2008, 1, p. 67–75. В последнее время в Западной Европе и США было защищено несколько диссертаций по истории генуэзской работорговли. См.: J. B. Williams, *From the commercial revolution to the slave revolution. The Development of Slavery in Medieval Genoa*, PhD thesis, University of Chicago, Chicago 1995; A. Stello, *Grenzerfahrung. Interaktion und Kooperation im spätmittelalterlichen Schwarzmeeerraum*, PhD thesis, Universität Trier, Trier 2011; H. Barker, *Egyptian and Italian Merchants in the Black Sea Slave Trade, 1260–1500*, PhD thesis, Columbia University, New York 2014.

² G. Brătianu, *Actes des notaires génois de Pera et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290)*, Bucarest 1927. О генуэзских нотариальных актах в исследовании Г. Брэтиану, см.: А. Кузь, *Нотаріальні акти Кафи і Пері кінця XIII ст. у дослідженні Георгі Бретіану*, „Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології”, 2016, 1(41), с. 139–151.

³ G. Airdi, *Studi e documenti su Genova e l’Oltremare Genova*, Genova 1974; M. Balard, *Gênes et l’Oùtre-Mer*, vol. 1: *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto*, Paris–La Haye 1973; L. Balletto, *Genova. Mediterraneo. Mar Nero (secc. XIII–XV)*, Genova 1976; Idem, *Pera Genovese negli atti del notaio Donato di Chiavari (1389–1390)*, „Atti della Accademia ligure di scienze e lettere”, 1990, 46, p. 457–472.

где одним из контрагентов являлся итальянец или житель итальянских факторий. Во-вторых, сравнение актов работорговли с материалами налогообложения рабов за один и тот же отрезок времени показывает, что в актах фигурирует не более 3–5% общего числа рабов в том или ином центре⁴.

Много полезной информации содержат документы финансовой отчетности генуэзских колоний. Среди них стоит упомянуть приходно-расходные книги (массарии) Каффы. Книги велись специальными чиновниками, кассирами, которых избирали в Генуе сроком на один год. Введение их в должность не совпадало с началом календарного года, поэтому иногда имели место задержки прибытия следующих массарий. Поэтому счета массарий, обозначенных определенным годом, на практике могут касаться середины этого года – лета-осени следующего. Для ревизии по окончании срока полномочий массарии сдавали специальным комиссиям в Генуе. Копии книг сохранились в Генуэзском государственном архиве. Известны почти все бухгалтерские книги за период 1374–1472 гг. Анализ массарий дает возможность определить суммарное количество рабов, вывозимых из Каффы ежегодно, а также их этнический состав, место рождения и пункт прибытия.

Почти каждый год на протяжении XIV – первой половины XV века из портов Черного моря вывозилось примерно от двух до трех тысяч рабов. Ситуация изменилась только во второй половине XV века, когда объёмы работорговли упали до показателя в 100–500 чел⁵. Как видим, торговля рабами в Каффе в генуэзский период не была очень активной. Во времена Османской империи количество рабов составляло на порядок больше (в десятки раз больше). То есть, большую интенсивность работорговли обеспечили не итальянцы, а уже османское завоевание придало ей такой масштабный характер.

Вопрос об этническом происхождении рабов за данными массарий и нотариальных актов довольно спорный и требует детального изучения. Иногда нотариусы допускали ошибки или давали противоречивые сведения. В некоторых случаях нотариус зафиксировал происхождения раба, а потом зачеркнул или изменил его. Довольно часто генуэзские нотариусы и мамлюкские ученые записывали разное происхождение для того же самого человека. Он мог быть одновременно и татарин, и черкесом, и куманом, и даже русским. Во многих случаях происхождение раба записывали со слов работорговца⁶. Поэтому количественное соотношение русских и татарских рабов в торговле Каффы прослеживается довольно условно. Но имеющиеся данные в общих чертах позволяют сделать некоторые интересные выводы.

⁴ С. П. Карпов, *Работорговля в Южном Причерноморье*, с. 139.

⁵ Ch. Verlinden, *Encore la traite des esclaves*, p. 107–109.

⁶ H. Barker, *Egyptian and Italian Merchants*, p. 71.

В первой четверти XIV века численность русских рабов, по некоторым подсчетам, составляла около 20% от общего количества рабов региона⁷, однако уже в последующие периоды ситуация изменилась. Внутренние распри и нестабильная политическая ситуация в Золотой Орде во времена правления ханов Тохты, Узбека и особенно Джанибека привели к тому, что поток русских рабов стремительно упал и к 80-м гг. XIV века составлял около 5–7%, в то же время количество татарских рабов резко возросло (*таб. 1, 2, 3*)⁸. Но значительный рост количества русских рабов снова зафиксирован с начала 80-х гг. XIV века. Показатели масарий выросли из традиционных 5–7% до 30–40%, что, по мнению Сергея Карпова, было связано с победой Дмитрия Донского над Мамаем в 1380 г. и последующим реваншем Тохтамыша. Уже через два года, в 1382 г. Москва была сожжена и опустошена войсками нового завоевателя. И после этой битвы, которая должна была обозначать перелом, наступила дестабилизация в отношениях между Ордой и русскими княжествами. После 1382 г. эти грабительские набеги стали постоянными и привели к появлению большого количества русского ясыря в крымских городах⁹. Позднее (после 40-х гг. XV века), с формированием Крымского ханства, набеги на русские земли стали массовым явлением и вплоть до конца столетия в Генуе отмечался стабильный рост количества русских рабов из Московии и украинских – из Рутении (Юго-Западной Руси)¹⁰. Это отмечали и сами итальянцы. Венецианский путешественник Иосафат Барбаро во время пребывания в Тане (30–40-е гг. XV века) упоминал о набегах татар и русских рабах: „Родич хана, Эдельмуг, вернувшийся для переправы через реку, приехал в Тану... он подарил мне восемь рабов, русских по национальности, говоря: «Это часть добычи, которую я забрал в России»”¹¹.

Средний возраст русских рабов составлял от 14 до 25 лет. Массарии называют наиболее распространенные их имена: Дмитрий, Мария, Георгий, Андрей, Елена и др. По половому признаку на протяжении XIV века преобладали мужчины, и только в XV веке пропорция изменилась в сторону увеличения численности женщин¹². В целом, в этот период в источниках довольно редко упоминаются русские рабы, но все же некоторые сведения имеются. Так, иногда в массариях упоминаются „*sclavus...natus in Russia*”¹³. В массарии 1410 г. названы 6 русских рабов, привезенных из Перы в Симиссо через Каффу¹⁴.

⁷ См.: M. Balard, *La Romanie génoise*, vol. 2, p. 801, tab. 54.

⁸ M. Balard, *La Romanie génoise*, vol. 2, p. 801, tab. 54.

⁹ Стенограмма 2-ой лекции Сергея Павловича Карпова, вышедшей в эфир 18 мая 2010 г. на телеканале „Культура” в рамках проекта ACADEMIA (http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/156367/brand_id/20898/ [12.01.2017]).

¹⁰ H. Barker, *Egyptian and Italian Merchants*, p. 188.

¹¹ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV веке, вступ. ст., пер. и комм. Е. Ч. Скржинской, Ленинград 1971, с. 151.

¹² M. Balard, *La Romanie génoise*, vol. 2, p. 790–791.

¹³ А. Г. Еманов, *Север и Юг в истории коммерции*, с. 130.

¹⁴ С. П. Карпов, *Работоторговля в Южном Причерноморье*, с. 142.

Татарские рабы были более многочисленными. Так, в 1351–1380 гг. они составляли 90% всех рабов, а в 1381–1408 гг. – 80% (таб. 1 и 3). Кафинские фискальные книги четко различают собственно монголов и выходцев из степей Причерноморья (кипчаков). Итальянцы этнически и соматически различали монголов и татар. И прямо писали в своих актах, что „желтый скуластый раб” – это монгол. Или специально отмечали, что раб был „татарин”. Интересно, что монголы стоили дороже, чем татары. Они чаще всего принадлежали к элите и были более редкими в категории рабов. Их общее количество невелико. Средний возраст рабов-мужчин составлял 18–19 лет, женщин – 21–22 года. Источники часто называют имена татарских рабов, как восточного происхождения (Cotralo, Cocolo, Ars Chatom, Carachosa, Melicha, Cali, Bachirigni, Tactabev, Cologos, Corgatan, Jhiborra, Belicha, Cita, Bichaca, Jhayreta, Tostomis), так и христианизированных¹⁵.

Французский исследователь Мишель Балар, исследуя вопрос цены причерноморских рабов в Генуе, указывает на различные субъективные факторы, влияющие на цену. В частности, двадцатилетний татарин, который имел дефект лица, в 1374 г. стоил двадцать генуэзских ливров, в то время как его спутники одного и того же возраста, по оценкам продавцов, стоили 25, 38 и даже 50 ливров. Хромой татарский мальчик восемнадцати лет был куплен за двадцать два ливра, в то время, как средняя цена рабов того же возраста колебалась в размере около сорока ливров. Однако были и исключения. Генуэзский нотариус не постеснялся выложить 100 ливров за пожилого татарина, который когда-то работал кладовщиком¹⁶.

В целом, низкие цены на рабов с физическими недостатками в значительной степени компенсировались их профессионализмом. Для определения рыночной стоимости рабов в некоторой степени имели значение такие параметры, как раса, цвет кожи, пол и возраст. В частности, среди татар и черкесов, которые были достаточно популярны до конца XIV века, черкесы стоили дороже татар, возможно благодаря тому, что они были более редки. То же касается и русских рабов, средняя цена которых превышала цену татар. Как правило, белокожие рабы ценились больше, чем остальные. Однако бывали и исключения, так как довольно часто покупатель принимал во внимание красоту или физическую силу раба и не всегда смотрел на цвет его кожи.

Торговля рабами через крымские порты генуэзцев проходила в XIV – первой половине XV века по двум основным направлениям. Первый вел из Каффы в порты Южного Причерноморья (Симиссо, Самастра, Кастамона) или Перу (Константинополь), а далее до Александрии и Каира. Сюда попадали в основном молодые мужчины, которых продавали в мамлюкскую армию Египта. Другой маршрут вел из Каффы через Константинополь в сторону Апеннинского полуострова, в Геную и другие города Италии. Достаточно часто сюда

¹⁵ M. Balard, *La Romanie génoise*, vol. 2, p. 796.

¹⁶ Ibidem, p. 810–811.

попадали женщины, и в меньшей степени мужчины¹⁷. Связи Каффы с Италией, обеспечивавшие экспорт рабов, во второй половине XV века стали также осуществляться через порты Западного Причерноморья, за посредничеством Польши и смежных с ней стран. Важность сухопутных маршрутов выросла после падения Константинополя. Важным перевалочным пунктом на этом маршруте был Львов¹⁸. В 1446 г. польский король предоставил привилегии кафским купцам на провоз своих товаров, в том числе и рабов, по территории королевства¹⁹. Так, в 1472 г. Руссетто из Бергамо и Франческо из Павии сделали остановку во Львове с транспортом рабынь. Двумя годами позже Руссетто вновь появился во Львове для передачи новой партии рабынь своему компаньону Джанотто Ломеллино, осуществлявшему дальнейшую доставку до Генуи²⁰. Важным транзитным пунктом работорговли была и Быстрица в Трансильвании. В документах города за 1475 г. упоминается житель Каффы Анджело Скварчафико, направлявшийся в Италию с 14 рабами и рабынями²¹. Но надо отметить, что эти случаи были одиночные и сухопутные пути не являлись приоритетными, а, скорее всего, вынужденными, вследствие перекрытия турками Босфора.

Доходность работорговли и большой спрос на рабов со стороны Египта требовал организации этого бизнеса и контроля со стороны Генуи и местной каффской коммуны. С 1268 г. султаны Египта, согласно договору с Михаилом Палеологом, получили право каждый год отправлять два судна в Черное море за невольниками. Но уже в 1281 г. новый договор расширил права арабских купцов в вывозе рабов. Значительный поток невольников в то время шел через Сугдею (Судак). Вследствие этого на территории Крыма (в Каффе) возникло особое учреждение – Туггар аль Хасс (Tuggar al-Khass)²², чиновники которого занимались закупками людей для отправки в Египет. Довольно сложно сказать, имели ли какое-то отношение к этой организации генуэзцы, поскольку в 80–90-е гг. XIII века их положение в Крыму еще не было прочным.

В первые десятилетия XIV века генуэзцы восстановили Каффу и начали бурную торговую деятельность в Крыму. В это время проблемой работорговли, как и другими вопросами, занималась новообразованная Оффиция Газарии. Важным фактором, оказывавшим влияние на развитие работорговли, были так

¹⁷ D. Quirini-Popławska, *Włoski handel czarnomorskimi niewolnikami*, s. 198–210.

¹⁸ Ibidem, s. 211–218.

¹⁹ А. Г. Еманов, *Север и Юг в истории коммерции*, с. 133.

²⁰ I. Nistor, *Die auswärtigen Handelsbeziehungen der Moldau im XIV–XV. und XVI. Jahrhundert: nach Quellen dargestellt*, Gotha 1911, s. 192.

²¹ N. Jorga, *Acte si fragmente cu privire la istoria Romanilor*, vol. 3, Bucuresti 1897, p. 53.

²² А. Г. Еманов, *Север и Юг в истории коммерции*, с. 131; С. Хотко, *Очерки истории черкесов: этногенез, античность, средневековье, новое время, современность*, Санкт-Петербург 2001, с. 403. Интересно, что Х. Баркер не упоминает конкретно это название в своей работе. Иногда встречается информация о том, что Туггар (Тугар) аль Хасс – это название арабского квартала в Каффе. См. наприм.: Е. А. Катюшин, *Феодосия. Каффа. Кефе: Исторический очерк*, Феодосия 2007, с. 79–80.

называемые „запреты”²³. Они вводились либо в виде папских интердиктов, либо в форме специальных ограничительных постановлений генуэзских и венецианских ассамблей и магистратур. Объявляя интердикт на вывоз рабов, железа, оружия и леса в Александрию, папство стремилось воспрепятствовать усилению главного врага крестоносных предприятий XIII–XIV веков – мамлюкского Египта. В 1316 г. Оффиция Газарии, ведавшая морскими делами и левантийской торговлей, запретила перевоз рабов из Черного моря в Александрию на генуэзских судах²⁴. Запрет этот, впрочем, не очень строго соблюдался, несмотря на высокие штрафы, грозившие нарушителю.

С середины XIV века и до 1449 г. контроль за экспортом рабов из Каффы и за всей работорговлей на Черном море осуществляла каффинская Оффиция св. Антония, имевшая свои филиалы или представителей в крупных центрах вывоза рабов²⁵. Этой Оффии было поручено проверять все суда, перевозившие рабов, взимать налоги при погрузке рабов на судно и контролировать работорговлю, особенно заботясь о том, чтобы рабы-христиане не экспортировались мусульманскими купцами и не попадали в их руки. Оффиция ведала также общим досмотром „сарацинских” кораблей, а также должна была взимать торговые пошлины с мусульман при вывозе ими и других товаров, в первую очередь тканей.

Интересно, что М. Балар связывает учреждение Оффии св. Антония с последствиями „Черной смерти”, приведшей к значительной убыли трудоспособного населения Средиземноморья в середине XIV века. По его мнению, при помощи Оффии генуэзцы стремились также установить монополию на работорговлю в бассейне Черного моря, поставив под контроль как венецианских, так и турецких купцов²⁶.

Крымская работорговля продолжала процветать в течение 1360-х–1370-х гг., но довольно часто доказательством этого были не нотариальные источники, а некоторые административные постановления и регламентации. Они указывают на увеличение притока рабов из Каффы и формирование отдельной группы специалистов в работорговле для облегчения экспорта рабов. Так, в массарии 1381 г. регистр казначейства Каффы упоминает о некоем Николо де Сан Джорджо, который был розничным продавцом рабов (*revenditor sclavorum*)²⁷.

Поступления от Оффии св. Антония в те годы были весьма значительны. По сообщениям генуэзского правительства, в 50-х гг. XIV века сумма налога „pro capitibus sarracenorum” составляла не менее 2500 соммов. В 1381/82 г. *introitus capitum S. Antonii* дал треть доходов бюджета Каффы – более 1125 соммов. В 1424 г. приход от взимания этого налога составил 133 460 аспров (около 670 соммов),

²³ А. Г. Еманов, *Север и Юг в истории коммерции*, с. 132.

²⁴ *Impositio Officii Gazarie*, [in:] *Historiae patriae monumenta edita iussu regis Karoli Alberti*, vol. 2, ed. L. Sauli, Turin 1838, p. 371–372.

²⁵ С. П. Карпов, *Работорговля в Южном Причерноморье*, с. 140.

²⁶ M. Balard, *La Romanie génoise*, vol. 1, p. 299.

²⁷ H. Barker, *Egyptian and Italian Merchants*, p. 178.

уступив лишь совокупной сумме торговых габелл (800148 аспров) и оставив далеко позади следующую статью прихода – судебные штрафы (17 585 аспров). И все же показатели конца XIV – XV века уступают показателям середины XIV века. Оффиция Сан Антонио, имевшая сборщиков налогов и писцов в Синопе и Симиссо, Вати и Севастополе, к 1449 г. стала обременительной для бюджета Каффы и была упразднена²⁸.

В целом вводимые ограничения укрепляли монопольное положение генуэзской Каффы и генуэзской работорговли на Черном море. Кроме того, вместо прямой торговли с Александрией теперь все чаще основной поток рабов направлялся не к Пере и затем Египту, а к Южному Причерноморью, не подпадавшему под папские интердикты. Города Анатолии становились посредниками в генуэзско-египетской (а в XV веке и генуэзско-османской) работорговле.

Источники рабства были разные. Рабов могли взять в ходе татарского набега на русские или кавказские земли. Очень много татар попадало в кабальное рабство. То есть, это были те, кто не могли уплатить свой долг. Еще одна категория рабов менее известна. Но, пожалуй, очень распространена. Это дети, которых продавали сами родители. Прежде всего – на Кавказе. Довольно часто многодетные семьи не могли обеспечить себя достаточным пропитанием. Они предпочитали продавать своих детей итальянцам, зная, какая судьба их ждет. Иногда такие ситуации возникали и в русских семьях. Нотариальные формуляры отклоняли продажу свободных людей как незаконную, но они обсуждали согласие в контексте самостоятельного желания человека. В одном из известных случаев родственники (в первую очередь мать) продали в рабство пятнадцатилетнюю русскую девушку Кристину некоему итальянцу Бартолино Маньямосто (Bartholino Magnamosto) в Тане около 1360 г. При этом, как уточняют источники, эта сделка была „законной и по согласию”²⁹.

Темнокожие рабы особенно ценились как гондольеры в Венеции, в то время как татарские женщины часто выступали в качестве кормилиц и домашней прислуги в Генуе³⁰. В свое время флорентийская знатная женщина писала своему сыну в Неаполе о покупке рабыни, указывая на то, что русские женщины более чувствительны и красивее, но татарки лучше: „Qualche tartera di nazione, che sono per durare fatica vantaggiate e rustiche. Le rosse, cioè quelle di Rossia, sono più gentili di compressione e più belle; ma, a mio parere, sarebbero meglio tartere. Le circasse, è forte sangue; benché tutte l'abbino questo”³¹. Как правило, те женщины, которые попадали в качестве домашних слуг в Италию, служили определенное количество

²⁸ С. П. Карпов, *Работорговля в Южном Причерноморье*, с. 141; А. Г. Еманов, *Север и Юг в истории коммерции*, с. 133.

²⁹ Н. Barker, *Egyptian and Italian Merchants*, p. 351.

³⁰ Ibidem, p. 87–88.

³¹ *Lettere di una gentildonna fiorentina del secolo 15 ai figliuoli esuli*, pub. da C. Guasti, Florence 1877, p. 475.

лет, а потом либо оставались свободными домашними служанками у этих же господ, либо могли переменить господина, либо выйти замуж. Мужчины-рабы также довольно часто служили своим господам в качестве прислуги или помощников в ремесленных мастерских, торговых канторах и со временем могли получить свободу. Вольноотпущенники, особенно те, кто оказывал помощь торговцам или ремесленникам, имели возможность вести торговлю для себя или в доле с их бывшими владельцами. Так, в одном из случаев, некий раб Георгий (*Georgius*) стал продавцом яиц (*revenditor ovarum*) в Пере, а другой раб русского происхождения, тоже Георгий, стал розничным продавцом одежды (*revenditor raubarum*) и был достаточно успешным, чтобы купить раба для себя³². Еще один бывший раб Антониус, который служил у священника, стал монахом³³.

Судьба рабов-мужчин в мамлюкском Египте была иной, нежели в Италии. Они использовались для создания личной гвардии султанов и были социальной основой власти. В первую очередь рабы становились воинами. Часто они также были евнухами. Преобладающими группами среди евнухов были греки (*rūmī*), индийцы (*hindī*), рабы из Западной Африки (*takrūrī*) и эфиопы (*ḥabashī*). Но иногда встречались русские и кипчаки³⁴. Труд рабов на галерах в XIV–XV веках практиковался довольно редко, и их численность не была большой. За подсчетами М. Балара, на генуэзских галерах невольников было не больше 5% от общего количества гребцов³⁵. Интересно, что русские и болгарские рабы довольно часто фигурировали в документах в качестве моряков, а не гребцов³⁶.

Вопрос использования рабского труда татарского или русского населения во внутренней жизни самой Каффы и других генуэзских колоний Северного Причерноморья в наше время вообще не поднимался. Некоторые интересные замечания общего характера по этому поводу сделал только Александр Еманов. По его мнению, сомневаться в широком использовании рабов в местном производстве не приходится. Оставленные в Каффе завещания жителей колоний часто называют рабов как неотъемлемую часть имущества умершего. Некоторые каффиоты имели по несколько рабов. В частности, каффский нотариус Николо Боссоно в свое время пользовался услугами одного раба и двух рабынь³⁷. В 1371 г. имущество умершего нотариуса было продано во время пяти аукционов. Его трое рабов продавались на специализированном аукционе, который был проведен по приказу консула и его просьбу исполнил один из чиновников коммуны: „Per Stephanum de Camilla, placerium communis in Caffa, qui retulit dictos sclavum et

³² D. Gioffrè, *Il Mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV*, Genova 1971, Russian table, 1437.

³³ *I cartolari del notaio Simone di Francesco de Compagnono (1408–1415)*, ed. S. Macchiavello, Genova 2006, doc. 83.

³⁴ H. Barker, *Egyptian and Italian Merchants*, p. 90.

³⁵ M. Balard, *La Romanie génoise*, vol. 2, p. 822–823.

³⁶ H. Barker, *Egyptian and Italian Merchants*, p. 91.

³⁷ А. Г. Еманов, *Север и Юг в истории коммерции*, с. 134.

sclavas infrascriptos pluribus diebus continuis incallegasse et incantasse publice et alta voce per logiam et non invenisse qui plus offerret in ipsis infrascriptis personis”³⁸.

В массарии Каффы 1374 г. иногда фигурируют местные рабы, которые жили и работали непосредственно в городах Причерноморья. Читая путеводитель по этой массарии, встречаем здесь свидетельство о рабах и во множественном числе (*sclavi*), и в отдельных случаях (*Luchinus sclavus*, *Tholamis sclavus*, *Kokocar sclavus*). Писец массарии при этом часто указывает принадлежность того или иного раба своему хозяину: „sclavus Iohannis de Camullio” (*Luchinus sclavus*), „sclavus Norsa armeni” (*Tholamis sclavus*), „sclavus Astellani Marchixii” (*Kokocar sclavus*) и т. п.³⁹ Имена этих рабов имеют в большинстве своем восточное (татарское) происхождение, но скудность источников не позволяет проследить их этническое соотношение. Для собственных нужд рабов часто покупали и разные ремесленники, служащие различных местных оффиций, смотрители госпиталей и др.

С конца XIV века в торговлю рабами наряду с генуэзцами и греками начали все активнее включаться мусульманские купцы, деловая активность которых увеличивалась с ростом османской военной экспансии. В 1410/11 г. среди 48 патронов, перевозивших рабов, зафиксировано 17 (35,4%) генуэзцев, 16 греков Южного Причерноморья (из Симиссо, Синопа, Самастро, Трапезунда и Керасунта), 7 греков без обозначения города, 8 мусульман (16,7%), в том числе 6 – из Синопа. В 1441/42 г. среди 34 патронов судов – 8 генуэзцев (23,5%), 2 венецианца (5,9%), 11 греков (32,4%), из них 7 из городов Южного Причерноморья, 13 мусульман (38,2%), в том числе 6 из Южного Причерноморья. В 1446–1460 гг. патронов-мусульман было 13 из общего числа 20 патронов, включая 7 жителей Симиссо и Синопа (65%), в то время как генуэзцев лишь 2, а греков 5⁴⁰.

Некоторые источники указывают на то, что оттоманские торговцы во второй половине XV века заняли лидирующие позиции в работоторговле, проникнув сквозь генуэзскую коммерческую монополию в Северном Причерноморье с помощью владетелей Мангупа и крымского хана Хаджи-Гирея⁴¹. Так, большое число рабов было куплено за пределами рынка Каффы и никогда не регистрировалось в массариях. Это негативно отражалось на положении Каффы, так как основной поток рабов в этих условиях шел мимо нее – с Западного Кавказа и степного Крыма к Южному Причерноморью, что и определило судьбу Оффиции св. Антония. Действительно, за подсчетами С. Карпова, в 6 массариях в 1446–

³⁸ Приблизительный перевод звучит как: „Стефано де Камила, пристав коммуны в Каффе, который публично, и громким голосом через лоджию извещал, что у него выставлены на торги раб и две рабыни, указанные выше, в течение нескольких дней непрерывно, и не нашел никого, кто бы предложил большие деньги за них”. L. Balletto, *Genova. Mediterraneo. Mar Nero*, p. 224.

³⁹ А. А. Пономарев, *Путеводитель по рукописи массарии Каффы 1374 г.*, „Причерноморье в средние века”, 2005, 6, с. 122.

⁴⁰ С. П. Карпов, *Работоторговля в Южном Причерноморье*, с. 144.

⁴¹ Ș. Andreescu, *Un act genovez din 1453 sau despre limitele metodei cantitative*, „Studii si materiale de istorie Medie”, 22, 2004, p. 127–137; N. Pienaru, *Hacı Giray (1438–1466). Han și negustor*, [in:] *Moștenirea istorică a tătarilor*, vol. 2, ed. T. Gemil, N. Pienaru, București 2012, p. 135–149.

1460 гг. насчитывалось лишь 404 раба, в то время как в 6 массариях в 1410–1441 гг. было 3779 рабов⁴².

К концу XV века монополизация черноморского мореплавания и торговли в руках османов была свершившимся фактом. В турецком налоговом регистре Кефе (Каффы) в 1490 г. за 4 месяца зафиксирован заход в порт 75 судов. Из них лишь 8 греческих, 7 – итальянских, 1 – русское, остальные – турецкие. Из 157 купцов, прибывших на этих судах, было 16 греков, 4 итальянца, 3 еврея, 2 армянина, 1 молдаванин, 1 русский и 130 мусульман (из Стамбула, Брусы, Трабзона, Синопа, Кастамона, Амасии, Центральной Анатолии)⁴³.

Таким образом, отметим, что русские и татарские рабы в XIV–XV веках составляли большую часть всех рабов Причерноморья. Их соотношение и численность в разный период колебалась и зависела в первую очередь от политической конъюнктуры и спроса на такой „товар”. Генуэзская администрация и местное купечество выработали сложную организацию и установили особый контроль над работоторговлей в регионе, что давало огромные сверхприбыли. Генуэзская работоторговля окончательно пришла в упадок во второй половине XV века, когда под натиском турок-османов основные пути этого „промысла” были перекрыты и контроль над торговлей рабами перешел к Османской империи.

*

Anatolii Kuz, Rus' and Tatar slaves in the Crimea: from the history of the Genoa slave trade of the 14th–15th centuries

The article is devoted a problem of the Genoa slave-trade in Northern Black Sea Coast in 14th–15th centuries and a place in it of the Rus' and Tatar slaves. The author examines in detail the ratio of the number of slaves, their age, place of origin, market price, the further destiny and anthroponymic characteristics. Also traced the main directions of the slave trade, its organization and control, as well as the scale compared to the Ottoman period. Separately mention the participation of slaves in the inner life of Caffa. The Genoese slave trade finally declined in the second half of the 15th century, when as a result of falling of Constantinople under the pressure of Ottoman Turks the main ways of this „trade” were blocked and the control of the slave trade passed to the Ottoman Empire.

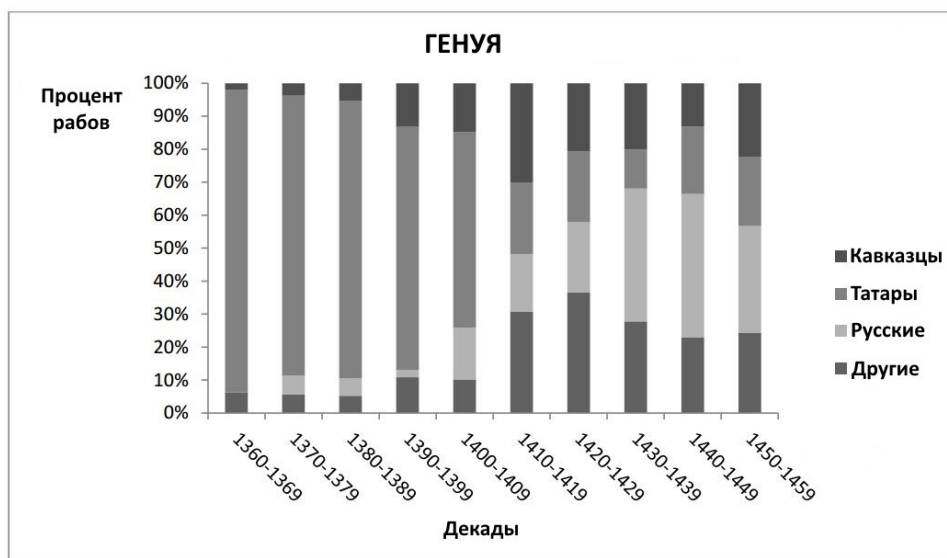
⁴² С. П. Карпов, *Работоторговля в Южном Причерноморье*, с. 144–145.

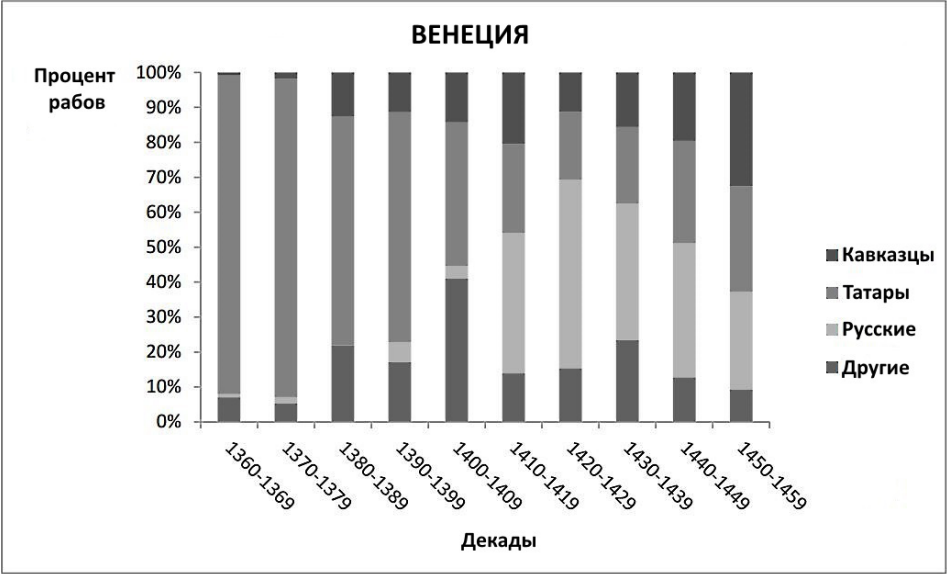
⁴³ Ibidem, с. 144.

*

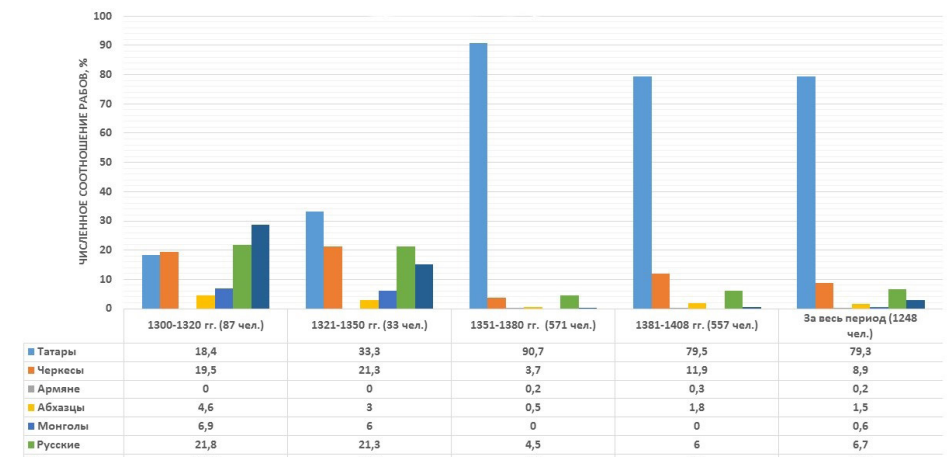
Anatolii Kuz, *Rus a tatarští otroci na Krymu: z dějin janovského obchodu s otroky ve 14. – 15. století*

Článek se věnuje problému janovského obchodu s otroky na severu Černého moře ve 14.–15. století a místu ruských a tatarských otroků v jeho rámci. Autor detailně zkoumá poměr počtu otroků, jejich věk, místo původu, tržní cenu, další osud a antroponymickou charakteristiku. Dále je sledován hlavní směr obchodu s otroky, jeho organizace a kontrola, rovněž je jeho míra porovnávána s osmanským obdobím. Samostatně se zmiňujeme o participaci otroků na vnitřním životě Caffy. Janovský obchod s otroky nakonec zaznamenal pokles v druhé polovině 15. století, když byly v důsledku pádu Konstantinopole pod nátlakem otomanských Turků zablokovány hlavní cesty tohoto „obchodu“ a kontrola obchodu s otroky přešla pod Osmanskou říši.

Таб. 1,2. Соотношение численности рабов по их происхождению в Генуе и Венеции (вторая половина XIV – первая половина XV веков). Н. Barker, *Egyptian and Italian Merchants in the Black Sea Slave Trade, 1260–1500*, PhD thesis, Columbia University, New York 2014, p. 134–135, chart 2.4–2.5.

Таб. 3. Этнический состав рабов, прибывших из Северного Причерноморья в Геную (XIV – начало XV веков). М. Balard, *La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle)*, vol. 1–2, Roma–Genova 1978, p. 801.

Оксана Господаренко
(Николаев)

Илличе – генуэзский замок в низовьях Днепра: к проблеме итальянско-ордынской торговли в XIV–XV веках

В конце XIV–XV веках, наряду со старым Днепровским путем, функционировал и новый, Поднестровский (Молдавский) путь. Именно на XIV век приходится расцвет этих торговых путей. При их реконструкции хотелось бы обратить внимание на один из важных пунктов – замок Илличе (Лериче). В зарубежной литературе его отождествляют с летописным Олешьем (в пределах совр. г. Олешки Херсонской обл.). Но современные археологические исследования позволяют локализовать замок вблизи с. Днепровское (Очаковский р-н Николаевской обл.). Установить внешний вид, размер и структуру замка в полной мере не представляется возможным, ввиду отсутствия информации в доступных автору источниках. Необходимы планомерные археологические изыскания хотя бы для частичной реконструкции замка. Имеющиеся письменные источники дают возможность говорить о роли замка как связующего звена с Поднестровьем и Подунавьем в итальянско-ордынской торговле XIV века, а также его важности в 40-е–50-е гг. XV века, когда ордынцы и итальянцы восстановили здесь прежние партнерские связи.

В течении веков Северное Причерноморье и Крым были в центре межконтинентальных торговых связей между Европой и Азией. В XIII–XV веках ведущую роль в этой торговле играли итальянские морские республики – Генуя и Венеция. Активность купцов из этих республик качественно изменила черноморскую торговлю: из регионально замкнутой она набрала значения мировой торговой коммуникации. При реализации собственной международной торговли генуэзцы опирались на сеть колоний, факторий, гаваней, которые играли роль складских и перевалочных пунктов. При организации факторий в черноморском регионе они руководствовались определенным, четко продуманным принципом – контролировать пункты важные в двух аспектах: во-первых, окруженные удобными

гаванями, во-вторых, замыкающие либо перехватывающие местные торговые пути, которые далее выходили к мировым торговым артериям.

В контексте развития мировой коммерции между Севером и Югом важное место занимала Каффа. По мнению российского исследователя Александра Еманова роль Каффы на „пути из варяг в греки” явно недооценена историками. К рассматриваемому периоду и сторона „варягов”, и сторона „греков” претерпели изменения. Направление „варягов”, то есть Север, к XIII–XV векам значительно расширилось, с явным смещением от Балтики к Приполярному Уралу и Сибири. Тогда и „греки” осмысливались не только как Византия, но и как Никея, Трапезунд, сирийско-палестинские земли и даже больше – вся зона, примыкающая к Средиземному морю¹.

Именно под таким углом зрения становится очевидной важная роль русских земель в международной торговой деятельности итальянских купцов. В конце XIV и в XV веке днепровский отрезок пути „из варяг в греки” стал частью коммуникации, которая связывала города Северного Причерноморья с Новгородом, Псковом, Тверью, Смоленском, Брянском. Через Чернигов путь выходил на Киев, дальше шел в Черкассы, на Таванскую переправу, потом – или вниз по Днепру к Илличе, где располагался генуэзский замок, морем связанный с Каффой, или по суше к Перекопу и далее через Карасу-Базар (Белогорск) и Солхат (Старый Крым) в Кафу.

В конце XIV – начале XV века, в связи с уменьшением потока товаров, торговый путь переместился в Поднестровье. В XIV веке там функционировала т. н. „татарская дорога” (*via tatarica*). Направление этого пути в общих чертах дает привилей польского короля Владислава II, выданный им в 1403 г.: через Подолье на Каменец, через степи Северного Причерноморья и Крым в Кафу². В XV веке торговое движение было перенесено на т. н. „молдавский путь”. Сведения о нем дает уставная грамота Александра Доброго с 1408 г.³ Главная часть пути шла со Львова через Галич, Коломыю, Снятин, Черновцы и Серет на Сучаву. Отклонение вело со Львова через Каменец и Хотин также на Сучаву. Из Сучавы путь через Яссы шел к Черному морю. Исключительное значение на нем имел Монкастро, связанный по морю с Крымом, с 1386 г. принадлежавший генуэзцам, но на рубеже XIV–XV веков перешедший в руки молдавских правителей⁴.

При реконструкции указанных торговых путей хотелось бы обратить внимание на один из важных пунктов – замок Илличе (Лериче). Попытаемся обобщить

¹ А. Еманов, *Север и юг в истории коммерции: на материалах Каффы XIII–XIV вв.*, Тюмень 1995, с. 16, 20.

² *Привілей міста Львова (XIV–XVIII ст.)*, упоряд. М. Капраль, наук. ред. Я. Дашкевич, Р. Шуст, Львів 2010, с. 59–60.

³ *Ibidem*, с. 519–521.

⁴ Н. Котляр, *Левантійська торгівля Львова XIV–XV вв. по нумізматическим даним*, „Нумізматика і епіграфіка”, 1966, 6, с. 140–141.

известные на сегодняшний день картографические, археологические и письменные сведения о нем.

Анализ средневековых карт, проведенный болгарским исследователем Божидаром Димитровым, показывает, что средневековые картографы постоянно помещали в нижнем течении Днепра объекты с созвучными названиями. Чаще всего это „егехе“, реже – „elexe“, „ellexe“, „ellexo“, „lellexe“, „elese“, „ellese“. Днепр на картах XIV века обозначают „flume d'lerexe“, „flumma d'ellexe“, „flum ereхе“, „flum erese“. В XV–XVI веках эти названия в измененном виде встречаются снова: „flume eleхе“, „golfo di fonte Serexo“, „F. Lerexho“, „f:Lerexhe“. Но некоторые обозначения на средневековых портоланах требуют дополнительных объяснений. На карте Анджелино Далорто 1325–1330 гг. есть две надписи: „flum eгехе“ и „егехе“. Две аналогичные отметки помещены на карте братьев Пицигани 1367 г.: „flum erese“ и „erese“. Это говорит о том, что итальянские мореплаватели в XIV веке одним названием обозначали и реку, и пристань. Наличие порта подтверждает и карта из анонимного атласа 1351 г. На ней, кроме „егехе“, обозначен Днепр как „flm Luxoni“⁵. Феликс Брун писал, что итальянцы называли Днепр именем города, который находился в устье реки, – „flumen Ilcis“⁶. О значении нижнего течения Днепра для мореплавания свидетельствует и генуэзский портолан 1296 г. Устье реки „Егехе“ являлось важной точкой при расчете расстояний от Ликостомо до городов в крымском направлении и морской отмели Пересе (остров Березань)⁷. Таким образом, нет сомнений в том, что уже начиная с конца XIII века итальянским лоцманам была хорошо известна стоянка под названием „Егехе“. А рядом с устьем Днепра часто повторяется топоним „Elехе“.

Достаточно долгое время месторасположение замка оставалось неопределенным. Ф. Брун, упоминавший его в XIX веке, локализовал замок в нижнем течении Днепра вблизи летописного Олешья⁸. Болгарская исследовательница Елизавета Тодорова, ссылаясь на Арнольда Сокульского⁹, выдвинула предположение, что это название гавани, которая, вероятнее всего, соответствует летописному Олешью¹⁰. Созвучный тезис высказали Сергей Буйских и Михаил Иевлев¹¹. Зарубежные исследователи второй половины XX века (Paolo Stringa, Michel

⁵ Цит. за: Н. Руссев, О. Мельников, *Тайна „каратов замка Илличе“*, „Stratum plus“, 2003–2004, 6, с. 482–483.

⁶ Ф. Брун, *Берег Черного моря между Днепром и Днестром, по морским картам XIV и XV столетий*, [in:] *Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф. Бруна (1852–1877)*, ч. 1, Одесса 1879, с. 78.

⁷ *Итальянская лоция Черного моря ок. 1296 г.*, [in:] И. Коновалова, В. Перхавко, *Древняя Русь и Нижнее Подунавье*, Москва 2000, с. 213.

⁸ Ф. Брун, *О поселениях итальянских в Газарии: Топографические и исторические заметки*, [in:] *Черноморье*, ч. 1, с. 223.

⁹ А. Сокульский, *К локализации летописного Олешья*, „Советская археология“, 1980, 1, с. 64–73.

¹⁰ Е. Тодорова, *Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья (Историко-географическое исследование)*, „История СССР“, 1989, 1, с. 170–184.

¹¹ С. Буйских, М. Иевлев, *Про осіле населення понизь Дніпра та Південного Бугу у X–XIII ст.*, „Археологія“, 1991, 4, с. 89–104.

Balard, Danuta Quirini-Poplawska, Елизавета Тодорова, Александр Еманов) фактически повторили выводы Ф. Бруна¹² и продолжили отождествлять замок с летописным Олешьем (в пределах совр. Олешки, бывшего Цюрупинска, Херсонская обл., Украина). Но современные археологические исследования позволяют локализовать замок вблизи с. Днепровское (Очаковский р-н, Николаевская обл., Украина)¹³.

Археологическое изучение объекта, проведенное Виктором Гошкевичем в начале XX века, дало возможность определить размеры поселения и датировать его приблизительно XIV–XV веками (ил. 1)¹⁴.

Следующие исследования памятника были сделаны Серафимой Капошиной лишь в 1949 г. Укрепленное поселение, датированное XIV–XVI вв., по предположению исследователей того времени „принадлежало татарам и туркам”¹⁵. Но, к сожалению, полевая документация тех лет не сохранилась.

Кратковременное изучение памятника продолжилось только в 1982 г. (Анатолий Бураков, С. Буйских), что позволило уточнить площадь городища (ил. 2)¹⁶.

Новая топографическая съемка памятника была произведена осенью 2013 г. Она позволила определить современный его размер и сравнить с размерами прошлых лет (ил. 3). Результаты современной топографии фиксируют размеры обеих частей городища 1,42 и 0,25 га соответственно¹⁷.

В общем отчете Буго-Днепровской экспедиции 1949–1950 гг. Лазарь Славин указывал, что со стороны степи городище было обнесено двумя валами высотой до 1 м. Восточная часть памятника по площади составляла 2 га, а западная – 0,75 га. На плане В. Гошкевича обе части городища располагались по линии север–юг с небольшим отклонением на восток. По состоянию на 1982 г. было зафиксировано усиление отклонения памятника на восток. Поэтому большую часть городища С. Буйских называл северо-восточной, а меньшую – юго-западной. Площади обеих частей составляли 1,75 и 0,45 га соответственно. В своем дневнике С. Буйских указывал на отсутствие двух валов, наличие которых зафиксировал Л. Славин, а также на ошибку В. Гошкевича, который на своем плане показал въезд на юго-западную часть городища со стороны лимана¹⁸.

¹² Сопоставление мнений, см.: Н. Руссев, О. Мельников, *Тайна „каратов замка Илliche”*, с. 479.

¹³ Ibidem; В. Мыц, *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты*, Симферополь 2009, с. 240; А. Майстренко, *Генуэзская фактория – замок „Лерич” XIII–XV веков возле села Днепровское Очаковского района Николаевской области*, [in:] *Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. VI Миколаївська краєзнавча конференція*, Миколаїв 2006, с. 66–69.

¹⁴ И. Фабрициус, *Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР*, Киев 1951, с. 68.

¹⁵ Л. Славин, *Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників Ольвійського оточення у 1949–1950 рр.*, [in:] *Археологічні пам'ятки УРСР*, т. 5, Київ 1955, с. 137.

¹⁶ Науковий архів Інституту археології НАН України, Миколаївщина, 1982/23д, С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, А. В. Бураков, *Дневник раскопок городища Днепровское-2 Очаковского района Николаевской области*, 82 с., рис. 1.

¹⁷ Автор плана – Александр Грабовский. Работа выполнена по заказу автора в рамках научного гранта Канадского института украинских студий Альбертского университета.

¹⁸ Науковий архів Інституту археології НАН України, Миколаївщина, 1982/23д, С. Д. Крыжицкий,

Керамика (четыре миски и тарелки), найденная на городище во время раскопок 1982 г., отнесена к полихромной керамике византийского круга XIII–XIV веков, хорошо известной по находкам с синхронных памятников Северного Причерноморья, особенно Крыма¹⁹ (ил. 4). Среди исследованных Николаем Руссовым и Олегом Мельниковым монет 30–40 экземпляров представляют эмиссию крымских ханов, 15–20 – чеканку Каффы и несколько джучидских монет²⁰. Наличие монет с каффинским чеканом дает основания говорить о связях Илличе с Крымом. В результате обследования и проведения археологических работ на территории памятника осенью 2012 г. были обнаружены четыре серебряные монеты²¹. После реставрационных работ стало возможным определение найденного нумизматического материала – три монеты Золотой Орды и одна – Трапезундской империи (ил. 5). Из трех золотоордынских монет две принадлежат Кичи-Мухаммеду (834–847 г.х./1430–1444 гг.) (ил. 5. 1–1, 1–2; в каталоге Х. Френа, № 312, табл. X № CCCCLIX²²), одна – Саид-Ахмаду (848–863 г.х./1445–1459 гг.) (ил. 5. 1–3; в каталоге Константина Хромова рис. 8.3²³). Трапезундская монета была чеканена во времена императора Иоанна IV (1429–1460) (ил. 5. 1–4; в каталоге Отто Ретовского табл. XV²⁴). Таким образом, керамический и нумизматический материалы, обнаруженные в разное время исследователями на территории памятника, дают основания говорить о наличии „генуэзского замка” на Днепровском-2.

Письменные источники позволяют предполагать о татарском происхождении замка. В 1381 г. собственником поселения назывался некий Акбога, с которым генуэзцы заключили договор о поставке проса в Каффу. К нему по поручению коммуны отправился Паоло делла Торре. Тогда же из Илличе в Каффу прибыл посланник с письмами из Ликостомо. В 1386–1387 гг. в Каффе присутствовали генуэзцы из Илличе²⁵. Наиболее ранние из существующих сведений о замке Илличе содержатся в массариях Каффы от 1374 г. В ней назван анонимный „consul de

С. Б. Буйских, А. В. Бураков, *Дневник раскопок городища Днепровское-2 Очаковского района Николаевской области*, с. 2–4, 7–10.

¹⁹ Повний аналіз керамічного матеріалу див.: А. Бураков, *Полив'яний посуд з городища Дніпровське-2*, „Археологія”, 1991, 4, с. 105–109.

²⁰ Н. Руссов, О. Мельников, *Тайна „каратов замка Илличе”*, с. 490.

²¹ О. Смирнов, О. Господаренко, *Огляди пам'яток археології Очаківського р-ну Миколаївської обл.*, [in:] *Археологічні дослідження в Україні 2013 = Archeological Researches in Ukraine 2013: зб. наук. ст.*, гол. ред. Д. Н. Козак, Київ 2014, с. 198–199.

²² Х. М. Френ, *Монеты ханов Луса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных Мухаммеданских династий*, Санкт-Петербург 1832, с. 34.

²³ К. Хромов, *Монетный двор второй четверти XV века „Орда Базар” в Нижнеднепровском регионе*, [in:] *Idem, Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций*, ч. 1: *Монеты Джучидов XIII–XV веков*, Киев 2004, с. 43.

²⁴ O. Retowski, *Die münzen der Komnenen von Trapezunt. Mit 15 tafeln und 50 abbildungen*, Moskau 1910, с. 184, табл. 15.

²⁵ Н. Руссов, О. Мельников, *Тайна „каратов замка Илличе”*, с. 482; О. Барабанов, *Судебное дело Бруноро Сальвиаго (Каффа, 145 г.) Опыт историко-юридического исследования*, „Причерноморье в средние века”, 1995, 2, с. 26.

Illice”, а также несколько раз упомянут местный житель Nicolaus de Illice²⁶. Н. Руссев в другой своей статье, ссылаясь на работу Антонио Пистарино, сообщает о наличии в одном из нотариальных актов Антонио ди Понцо упоминания о том, что в мае 1361 г. генуэзец Элиано Дентуто собирался отправиться на своем корабле из дунайской Килии в Илличе за солью²⁷.

Н. Руссев предполагает, что выход Илличе на историческую арену связан с последствиями кризиса середины XIV века. Именно поэтому генуэзцев заинтересовало поселение с пристанью как связующее звено с Поднестровьем и Подунавьем²⁸. Однако после этого, вплоть до 50-х гг. XV века информация о замке в источниках отсутствует. Этот период совпадает по времени с периодом активизации действий Великого княжества Литовского (ВКЛ) в Причерноморье. Вполне вероятно, что молчание генуэзских источников о Илличе объясняется переходом поселения под контроль ВКЛ.

Следует отметить, что экономическая и политическая активность Литвы и Молдавии в Северо-Западном Причерноморье вовсе не способствовала расцвету района низовий Днестра. В частности, волны литовской экспансии разрывали прежние связи, но не были подкреплены успехами в освоении этих территорий. Жизнь в Илличе в этот период постепенно угасала и вновь начала активизироваться только в 40-х–50-х гг. XV века, когда ордынцы и итальянцы восстановили здесь прежние партнерские связи. Н. Руссев считает, что в это время произошла следующая попытка генуэзцев закрепиться в устье Днестра, что было связано с утратой литовских позиций на черноморском побережье в 40-х гг. XV века. Именно тогда генуэзцы должны были вернуть себе Илличе и выстроить там замок²⁹. Возможно, что рост интереса генуэзцев к поселению Илличе подогревался не только его положением как связующего звена с Поднестровьем и Подунавьем, но и возможностью закупать в его порту значительные объемы товарной продукции, включая хлеб.

При изучении истории замка Илличе в XV веке необходимо учитывать несколько важных факторов.

Во-первых, в Золотой Орде в конце 1420-х – начале 1430-х гг. разгорелся конфликт между Улу-Мухаммадом и Кичи-Мухаммадом, к которому вскоре присоединился и Саид-Ахмад. В 1434–1436 гг. установился кратковременный паритет этих ханов. Но вскоре Улу-Мухаммад потерпел поражение от Кичи-Мухаммада и окончательно потерял контроль над степями от Днестра до Волги. Под властью последнего оказалась территория от Днестра (включая Крым) до Яика. Однако

²⁶ Н. Руссев, О. Мельников, *Тайна „каратов замка Илличе“*, с. 482; А. Пономарев, *Путеводитель по рукописи массарии Каффы 1374 г.*, „Причерноморье в средние века”, 2005, 6, с. 49, 71, 89.

²⁷ Н. Руссев, *Олешье, или Илличе, – белое пятно на фоне темных веков*, [in:] *Libra: Збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків*, вип. 3, ред. І. В. Немченко, Одеса 2014, с. 74.

²⁸ Н. Руссев, О. Мельников, *Тайна „каратов замка Илличе“*, с. 482.

²⁹ Н. Руссев, *Олешье, или Илличе*, с. 76, 79–80.

уже в 1439–1440 гг. орда этого хана была потрясена сильными междоусобицами. Западнее Днепра свою власть утвердил Саид-Ахмад. В начале 40-х гг. XV века Кичи-Мухаммад предпринимал последние попытки удержать под своей властью ранее завоеванные территории, но его планам не суждено было осуществиться. Вскоре Кичи-Мухаммад был окончательно вытеснен за Волгу. В 1443 г. в Крыму было образовано независимое ханство, а в степях от Днестра до Дона к середине 40-х гг. XV века прочно утвердилась орда Саид-Ахмада, который еще в 1434 г. установил власть над генуэзскими колониями в Крыму³⁰.

Во-вторых, с появлением Молдавского пути в начале XV века началось усиление Молдавского княжества в Северо-Западном Причерноморье. Молдавский путь шел через Сучаву на Белгород и Каффу, через устья Буга и Днепра. Таким образом, замок Илличе с его пристанью начал интересовать не только генуэзцев, но и молдавских правителей.

В-третьих, из письменных источников известно, что в 50-х гг. XV века вокруг Илличе столкнулись интересы генуэзцев, которым тогда принадлежал замок, и жителей Монкастро, пребывающий во владении Молдавии. Для итальянцев замок в то время имел стратегическое значение, поскольку был связующим звеном с Поднестровьем и Подунавьем. А в условиях захвата Константинополя турками в 1453 г., когда позиции Генуи в Крыму пошатнулись, он оставался единственной надеждой на поставки хлеба в метрополию из поднестровского региона. Илличе, ставший причиной конфликта между молдаванами и итальянцами, а также неоднократно зафиксированный в письменных источниках в 50-х гг. XV века, уже в 1560–1570-е гг. не упоминался. Скорее всего, он не пережил 1475 г., когда Каффа пала под ударами османов.

В-четвертых, тесными и разнообразными были связи Крыма с Трапезундом. О наличии таких связей в XIII–XIV веках свидетельствуют находки трапезундских монет при археологических раскопках в Крыму, например, в Чембало³¹, Судаке и Херсонесе³². В свою очередь находка трапезундских аспров XV века в северо-западном Причерноморье подтверждает наличие торговых связей не только с Крымом, но и с интересующим нас регионом, и еще раз свидетельствует о повышении роли замка Илличе как связующего звена между Востоком и Западом.

По мнению С. Буйских между поселениями Днепровское-2 и Аджигол-1 (Очаковский р-н Николаевской обл.) существовала конкретная связь и «возможно именно здесь (на Днепровском-2 – О. Г.) размещался небольшой гарнизон

³⁰ Р. Почекаев, *Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды*, Санкт-Петербург 2012, с. 228–252.

³¹ Н. Алексеенко, *Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало*, «Херсонесский сборник», 10, 1999, с. 371–378.

³² А. Молчанов, Н. Фомичев, *Находки монет Трапезундской империи в Азове*, [in:] *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1998 году (тезисы докладов к семинару)*, Азов 1989, с. 65–69.

и администрация поселения Аджигол-1”³³. Однако вопрос о взаимосвязи этих двух археологических объектов требует дополнительных исследований. И Аджигол, и Днепровское занимали ключевую позицию в связях между Северным Причерноморьем и Степным Поднепровьем. Месторасположение памятников – в слиянии Бугского и Днепровского лиманов, очевидно, было выбрано не случайно, давало возможность контролировать торговые пути и, одновременно, служило перевалочной базой для транзита.

*

Oksana Hospodarenko, *Illiche – the Genoese castle in the lower reaches of the Dnieper: to the problem of the Italian-Horde trade in the 14th–15th centuries*

The Podnestrovsky (Moldavian) way functioned at the end of the 14th–15th centuries along with the old Dnieper route a new. It was just in the 14th century that these trade routes flourished. In their reconstruction, I would like to draw attention to one of the important points – the castle of Illiche (Lerliche). In the foreign literature it is identified with the chronicle Oleshia (within the present-day Oleshki, Kherson region). But modern archaeological researches make it possible to localize the castle in the vicinity of the village Dneprovskoe (Ochakovsky district of Mykolayiv region). It is impossible to set the appearance, size and structure of the castle in full, due to lack of information in the sources available to the author. It requires systematic archaeological research, at least for a partial reconstruction of the castle. The available written sources make it possible to talk about the role of the castle as a liaison with Podniestrovie and Podunavia in the Italian-Horde trade of the 14th century, as well as its importance in the 40's–50's years of the 15th century, when the Horde and the Italians restored here the previous partnership.

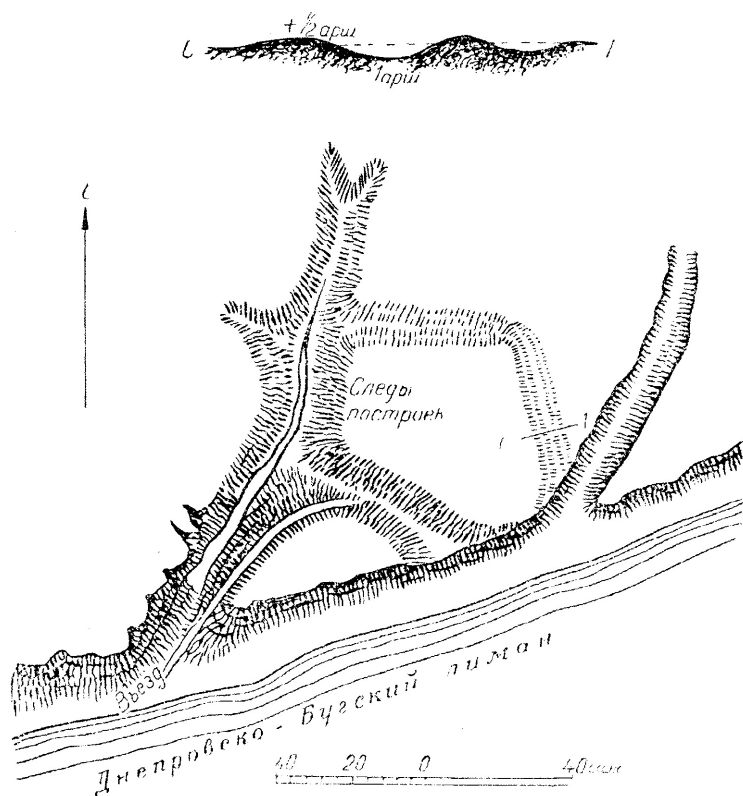
*

Oksana Hospodarenko, *Illiche – janovský hrad v dolní oblasti Dněpru: k problematice obchodu mezi Itálií a Hordou ve 14.–15. století*

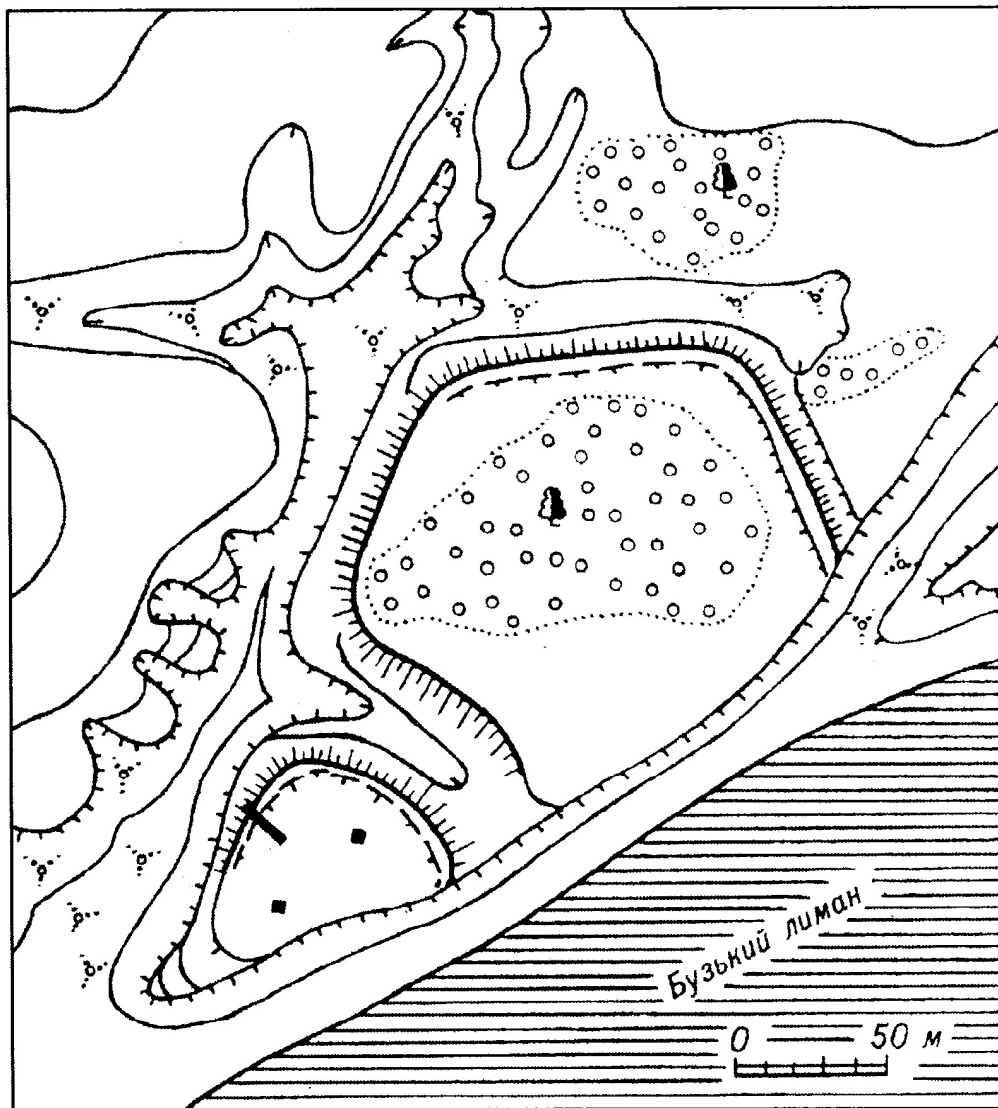
Podněstrovská (Moldavská) cesta fungovala do konce 14.–15. století paralelně se starou dněperskou cestou jako nová. Bylo to právě 14. století, kdy obě tyto obchodní cesty vzkvétaly. Při jejich rekonstrukci chci upozornit na jeden významný bod – hrad Illiche (Lerliche). Zahraniční literatura jej identifikuje kronikou Oleshia (v dnešní době Oleshki, v regionu Kherson). Ale moderní archeologické výzkumy umožnily lokalizovat hrad v okolí vesnice Dněprovské (Ochakovský distrikt Mykolajivského regionu). Není možné určit vzhled, velikost a strukturu hradu v plné míře kvůli nedostatku informací v pramenech dostupných autorce. Vyžaduje systematický archeologický výzkum,

³³ С. Буйських, М. Ісваєв, *Про осіле населення понизь Дніпра та Південного Бугу у Х–ХІІІ ст.*, „Археологія”, 1991, 4, с. 100.

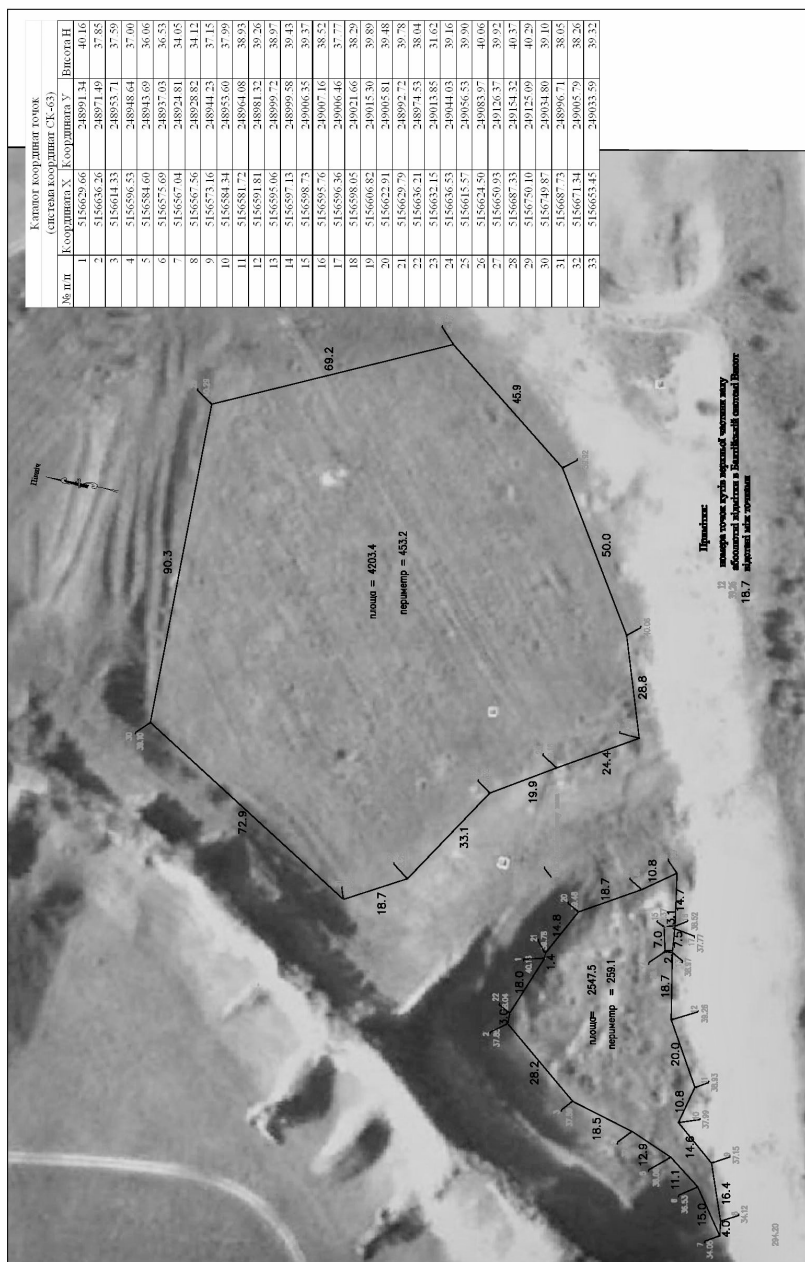
aby byla možná alespoň částečná rekonstrukce hradu. Dostupné písemné prameny umožňují hovořit o roli hradu jako o spojovacím článku mezi Podněstrovskem a Podunajím v obchodu mezi Itálií a Hordou ve 14. století, velký význam měl ve 40.–50. letech 15. století, kdy Horda a Itálie obdovily své předchozí partnerství.

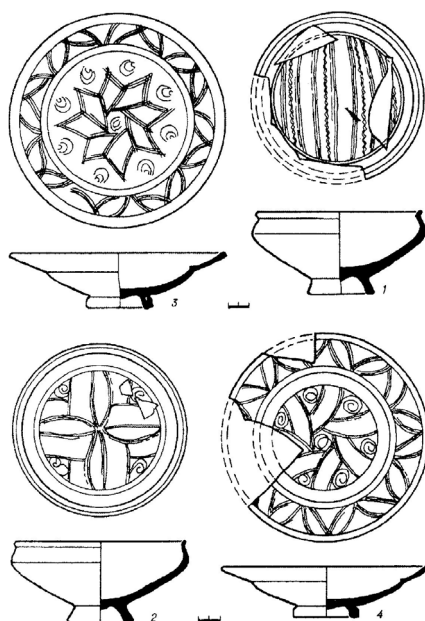
Ил. 1. Днепровское-2 на плане Виктора Голкевича. И. Фабрициус, *Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР*, Киев 1951, с. 68.

Ил. 2. Днепровское-2 на плане Михаила Иевлева. С. Буйських, М. Ієвлев, *Про осіле населення понизь Дніпра та Південного Бугу у X–XIII ст.*, „Археологія”, 1991, 4, с. 93.

Ил. 3. Топографический план Днепроовского-2 (2013 р.). Автор – Александр Грабовский. Работа выполнена по заказу Оксаны Господаренко в рамках научного гранта Канадского института украинских студий Альбертского университета.

Ил. 4. Образцы поливной посуды городища Днепроовское-2 с раскопок Сергея Буйских 1982 г. А. Бураков, *Полив'яний посуд з городища Дніпровське-2*, „Археологія”, 1991, 4, с. 106.

Ил. 5. Монеты, найденные на Днепроовском-2 во время раскопок осенью 2012 г. Фонды временного хранения Лаборатории археологии и этнологии Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинського.

Светлана Валиулина
(Казань)

Русские в татарском городе XV века и ногаи у его стен: проблема межкультурного взаимодействия по материалам раскопок города Торецкое¹

В последние годы экспедицией Казанского университета в Центральной части Западного Закамья открыт и активно исследуется уникальный памятник – не известный ранее город XV века, практически не сохранившийся в исторической памяти и не запечатленный письменными источниками. Город (25 га) отличается своеобразием и богатством материальной культуры, размахом международной торговли (найденны китайский фарфор, крымская посуда, янтарь, сирийское стекло, хорезмийская посуда и мозаичные плитки, ганзейские пломбы), высокоразвитым многопрофильным ремеслом, полиэтничным и поликонфессиональным характером. О присутствии в городе не только мусульман, но и населения, прежде всего, русского, исповедующего христианство, свидетельствуют находки культовых предметов (миниатюрная иконка, нательные кресты, крест-энколпион), русская керамика (в отдельных объектах до 50%) и кости свиньи. Одной из наиболее интересных находок является медная курительница высотой 37,5 см, которая полностью сохранилась в ювелирной мастерской. Памятник однослойный, существовал, очевидно, недолго – в XV или в самом конце XIV – XV веках, погиб в результате военного нападения в конце XV века. Вероятно, нападавшими были ногайцы – после распада Золотой Орды им фактически не было противодействия на просторах волжских степей. К концу XV века ногайские отряды поднимались до устья Камы, о чем свидетельствует, кроме сообщений письменных источников, практически полное отсутствие поселенческих памятников времени Казанского ханства в области Центрального Закамья.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №16-06-00453 „Ремесло Билярской моноцентрической агломерации по данным естественно-научных методов”.

Регион Среднего Поволжья – Прикамья во все периоды истории являлся зоной широкого межкультурного взаимодействия. Специфика региона определялась, прежде всего, природно-климатическими условиями: в Центральном Закамье границей лесостепи и степи и двумя крупнейшими реками – Волгой и Камой – трансконтинентальными торговыми магистральями, а значит путями культурно-экономического общения. Эти условия обеспечили привлекательность территории и сформировали в течение Средневековья пестрый и сложный этнический состав региона, который сохраняет эту характеристику и в настоящее время.

С домонгольского времени, несмотря на глубокое мировоззренческое единство Волжской Булгарии с мусульманским миром, у болгар сложились прочные связи с русскими землями, прежде всего – экономические². Осознание очевидной и неоспоримой выгоды торговли, широких культурно-экономических связей сформировало у населения государства, возникшего на Волго-Балтийском пути, особый менталитет толерантности и веротерпимости. Иллюстрацией тому, в частности, являются три русские усадьбы, расположенные в центре столичного Биляра в непосредственной близости от стен кафедральной мечети. На усадьбах обнаружены предметы русской материальной культуры: глиняная и стеклянная посуда, лампы, глиняное пасхальное яичко, шиферные пряслица, украшения, вислая печать новгородского князя Всеволода, клад янтаря и кости свиньи³. Три русские усадьбы составляют единый комплекс, который может рассматриваться как пример складничества в купеческой практике, упоминаемого в новгородских берестяных грамотах. Специализацией этого объединения, очевидно, была торговля янтарем, а русские и болгары выступают в ней посредниками от Прибалтики до арабского Востока, где на этот минерал был большой спрос и как на поделочный материал в ювелирном деле, и как на лечебное средство.

В золотоордынское время пребывание русского населения, прежде всего, пленного-подневольного, засвидетельствовано, практически, во всех городах и крупных торговых селах Булгарского улуса Золотой Орды⁴. Новые археологические исследования все более расширяют и конкретизируют картину русско-ордынских отношений: открыты русские поселения и могильники в Самарской области и православный храм с фресковой росписью в золотоордынском Укеке на территории современного Саратова⁵.

Период Казанского ханства (*ил. 1*) в настоящее время является, пожалуй, наименее изученным в археологии Среднего Поволжья. Результаты проведенных в последние десятилетия широких исследований в Казани и других исторических

² Дет. см.: М. Полубояринова, *Русь и Волжская Булгария в X–XV вв.*, Москва 1993.

³ Ф. Хузин, С. Валиулина, *Славяно-русские материалы в Биляре*, [in:] *Волжская Булгария и Русь*, ред. А. Халиков, Казань 1986, с. 97–116.

⁴ См.: М. Полубояринова, *Русские люди в Золотой Орде*, Москва 1978.

⁵ Д. Кубанкин, *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*, т. 3, ред. Н. Макаров, А. Ситдилов, Казань 2014, с. 388–392.

городах не позволяют, тем не менее, представить в полной мере материальную культуру этого постордынского государства. На археологической карте Татарстана⁶ период отмечен узким кругом поселенческих памятников, среди которых самыми исследованными являются Казань, Камаевское городище, Урматское селище, Лаишев. Большим числом представлены погребальные комплексы, маркированные эпиграфическими памятниками. При этом все памятники имеют высокую плотность в Предволжье и Предкамье. На территории центральной части Западного Закамья памятники Казанского ханства единичны (ил. 2).

В последние годы экспедицией Казанского университета в Центральной части Западного Закамья открыт и активно исследуется уникальный памятник – не известный ранее город – крупный ремесленный и торговый центр XV века, практически не сохранившийся в исторической памяти и не запечатленный письменными источниками.

До проведения раскопок, по результатам разведок и осмотров, памятник, расположенный в 3,5 км севернее домонгольского Билярского городища, определялся как поздняя болгаро-татарская деревня, жители которой в XV–XVI веках охраняли древности Билярска и Балынгуза⁷. В настоящее время очевидно, что Торецкое, расположенное, в основном, на мысу между правым берегом реки Малый Черемшан и правым же берегом впадающего в него Торецкого ручья, и могильник за ручьем, на южном склоне горы Балынгуз, представляют собой единый комплекс. Могильник – Балынгузское кладбище – еще в XVIII веке сохранял надгробия XIV–XVI веков и – до сих пор явные следы монументальных сооружений.

По мере работ на памятнике особую актуальность приобрел поиск письменных источников, содержащих сведения о городе и открывающих возможность его идентификации с исторически известным населенным пунктом. К сожалению, весь регион Центрального Закамья и окрестности Биляра имеют чрезвычайно ограниченный круг письменных источников и, в том числе, по позднему средневековью. Впервые сведения были получены Николаем Рычковым, посетившим Биляр и памятники его округи в 1769 г. В Билярске секретарь поселения отставных передал Н. Рычкову „копию с старинной крепости, данной пригороду Билярску, в которой можно было найти как имя сего города, так и древних его обитателей”. Между множеством косвенных дел о городе упоминается в ней следующее: „В прошлом году били челом великому Царю (Петру Великому) Мурзы и Ясашные Татара всего Казанскаго уезду, Каныш Мурза, Князь

⁶ Р. Фахрутдинов, *Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория*, Казань 1975, с. 100–101.

⁷ А. Халиков, *Отчет Билярской археологической экспедиции Института языка литературы и истории Казанского филиала академии наук Союза Советских Социалистических Республик и Казанского государственного университета (ИЯЛИ КФ АН СССР и КГУ) за 1983 г.*, Архив ИЯЛИ КФ АН СССР, ф. № 105, № 21, Казань 1984, с. 17–19; *Археологические памятники бассейна р. Черемшан*, Казань 1990, с. 79, № 726.

Яушев с товарищи. В прошлых де годах до Казанского взятия из стари построен был бусурманский город Булымерской за Камою рекою; а в нем был царь Балын-Гозя, и он де Балын-Гозя умер; да в то же время был Царь Татарский Сафаралей, и того де Балымерского царя похоронил и построил над ним палатку каменну⁸. Речь идет о событиях первых десятилетий XVI века – времени правления казанского хана Сафа Гирея. Суть челобитной становится понятной из выписи крепостных дел, которую приводит в исторических актах Степан Мельников: „Сафаралей и построил над ним каменную палату, а для наблюдения за палаткою велел жить у той палатки, вместо сторожей шести татарам и позволил им владеть всякими угодьями. После взятия Казани поселенцы эти все померли, а палата развалилась; татары по указу Великаго Государя снова построили палатку и били челом, чтобы Великий Государь пожаловал для наблюдения за этой палаткою дозволил поселиться служилому татарину Беремейлейку Кулаеву и ясашным татаром Янсарину, Шимаметеву и Васильеву у той палатки поблизку, подле речки Терецкой⁹. Дата написания челобитной по С. Мельникову 1677 г. Всеволод Казаринов, анализируя текст документа, приходит к выводу, что в то время, когда Сафа Гирей построил памятник над могилой Балын Гози или Булюмера, на месте Билярска и в его близких окрестностях уже не было никакого значительного города¹⁰. Эта догадка в настоящее время имеет надежные археологические подтверждения. Весь комплекс материалов Торецкого показывает, что город перестал существовать в конце XV века.

Стационарные раскопки поселения ведутся Билярской археологической экспедицией Казанского университета с 1998 г.; за эти годы на площади около 5 000 кв. м исследованы жилые постройки, хозяйственные сооружения, производственные комплексы, погребения, клады. Исследования показали, что город площадью 25 гектаров отличается своеобразием и богатством материальной культуры¹¹, размахом международной торговли – найдены китайский фарфор, крымская посуда, янтарь, сирийское стекло, хорезмийские посуда и мозаичные плитки, ганзейские пломбы (ил. 3); получено значительное нумизматическое

⁸ Н. Рычков, *Журнал или дневник записок путешествия по разным провинциям Российского государства*, Санкт-Петербург 1770, с. 14.

⁹ С. Мельников, *Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым*, т. 1, Казань 1859, с. 180.

¹⁰ В. Казаринов, *Описание Билярского и Баранского городищ*, [in:] *Известия Общества археологии, истории и этнографии*, т. 3, Казань 1884, с. 119.

¹¹ С. Валулина, *Материальная культура раннего Казанского ханства по результатам исследований Торецкого поселения*, [in:] *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*, т. 4, ред. А. Деревянко, Н. Макаров, Москва 2011, с. 118–123.

собрание¹²; выявлено высокоразвитое многопрофильное ремесло; отмечен полиэтнический и поликонфессиональный характер¹³.

Торецкое обладает многочисленной коллекцией вещевых находок, характеризующих материальную культуру поселения XV века, которое по обилию материала, его серийности, разнообразию и сохранности является на настоящий момент единственным в регионе. Уникально и нумизматическое собрание – более 400 монет низкой пробы серебра, подавляющее большинство которых чекана 20–30-х гг. XV века; эти монеты не известны на других памятниках, в частности в Болгаре и Казани, малым числом присутствуют на Камаевском городище (Иски-Казань). Такая концентрация вместе с наличием пластин заготовок может свидетельствовать о местном чекане. Единично представлены русские, иранские и крымские монеты.

Городской характер памятника определяется развитием ремесла, международной торговли, общим уровнем его материальной культуры. При этом, как и большинство городских центров Золотой Орды и Казанского ханства, Торецкое не имело укреплений¹⁴.

Ремесленная специализация выразительно отражена в исторической топографии памятника: отдельные мастерские ювелиров, медников, замочников располагались в западной и центральной частях поселения, гончарная мастерская – на северной периферии. Основной ремесленный центр – металлургическая слобода – находился в восточной части, на берегу Торецкого ручья. Здесь получали черный металл, в том числе чугун, работала медницкая мастерская. Одной из наиболее интересных находок является медная курильница высотой 37,5 см, которая полностью сохранилась в ювелирной мастерской¹⁵. В центре поселения выявлена незастроенная территория, возможно, рыночная площадь или центральный проезд.

Номенклатура ремесленной продукции насчитывает более 90 наименований. Специализацией ремесленного производства Торецкого поселения было изготовление замков, ножей, металлической посуды, возможно, оружия. Объёмы производства показывают, что основная продукция предназначалась для внешнего

¹² Eadem, *Международные связи раннего Казанского ханства по материалам Торецкого поселения*, [in:] *Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования*, ред. Н. Макаров, В. Коваль, Москва 2010, с. 183–191; Eadem, *Some Evidence of South European Contacts of the Middle Volga and Kama in the Material Culture of Toretzkoe Urban Settlement*, „Journal of Sustainable Development”, 8, 2015, 4, p. 292–301.

¹³ С. Валиулина, И. Зайцева, *К вопросу о цветной металлообработке Торецкого поселения XV в.*, [in:] *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*, ред. Д. Васильев, Казань–Астрахань 2011, с. 281–287.

¹⁴ М. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Казань 2004, с. 38–39; В. Егоров, *Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. – общее и особенное*, [in:] *Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*, ред. И. Белоцерковская, Москва 2000, с. 269 (Серия: *Труды Государственного исторического музея*, вып. 122).

¹⁵ С. Валиулина, *Художественные изделия из цветного металла Торецкого поселения XV в.*, „Российская археология”, 2011, 4, с. 119–129.

рынка. Жители пользовались замками и ключами типов В, Г, Е и гибридных форм типа Д по новгородской типологии. Тип Е был ведущим на памятнике. Многочисленна коллекция металлической посуды (медной, бронзовой), найдены также железные сковороды, чугунные котлы. В процессе раскопок обнаружены бронзовые зеркала разной степени сохранности, детали ременной гарнитуры, ювелирные украшения. Большая часть изделий производилась на месте, в своих мастерских – медницких, кузнечных и чугунолитейных.

Коллекцию воинского снаряжения составляют наконечники копий, сабли, боевые ножи, кинжалы, кистени, топоры, кольчуги, доспешные пластины и др. Наиболее многочисленны наконечники стрел¹⁶. Бронебойных наконечников найдено всего 6, все остальные – универсальные. Показательно, что среди находок отсутствуют срезни, время функционирования которых в Восточной Европе ограничено XIII–XIV веками. Ведущие типы – ромбовидные и клиновидные, а также треугольные наконечники стрел, имеющие широкий круг аналогий в памятниках XV–XVII веков от Закарпатья до Мангазеи. Таким образом, собрание торецких наконечников соответствует тенденции, установленной на основе анализа материалов памятников Московской Руси и Русского государства: сокращение специализированных, прежде всего, бронебойных и широколопастных рассекающих (срезней) и преобладание универсальных типов¹⁷.

Символично присутствие в засыпи „братской могилы” – коллективного захоронения (7 человек – только женщины и дети) обломков сабли с характерным оформлением перекрестия с прямоугольными пластинчатыми отростками на концах, опущенными вниз, в сторону клинка. Такие сабли в позднем средневековье были на вооружении не только у кавказских племен, но и у степняков-ногайцев. За пределами северо-кавказского региона подобные сабли представлены единичными находками¹⁸. Весь комплекс предметов снаряжения коня и всадника позволил выполнить реконструкцию обмундирования воина-степняка XV века (ил. 4, художник Олег Федоров).

Керамический комплекс памятника представлен, в основном, тремя этнокультурными группами: I – общеполгарской, XIV – древнерусской, XVI – славяноидной (по Тамаре Хлебниковой). Славяноидная посуда XVI группы чувашско-марийского населения включает древнерусские по форме гончарные сосуды, имеющие в тесте примесь толченой раковины, иногда шамота. На раскопе XII-2009 Торецкого поселения она составляет примерно треть от всей посуды древнерусских форм и, как в Болгаре, в объектах сосуществует с собственно

¹⁶ Eadem, *Предметы вооружения и снаряжения верхового коня Торецкого городского поселения*, [in:] *Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*, вып. 8, ред. А. Хохлов, Тверь 2015, с. 71–98.

¹⁷ О. Двуреченский, *Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков*, [in:] *Археология Подмосквья*, вып. 3, ред. А. Енговатова, Москва 2006, с. 284–285.

¹⁸ С. Валиулина, *Предметы вооружения*, с. 83–84.

древнерусской¹⁹. Керамика двух последних групп на большинстве раскопов насчитывает примерно треть от общего числа, при значительном преобладании древнерусской посуды (ил. 5).

Керамика древнерусских форм распространена повсеместно, как и в позднезолотоордынском слое Болгара, не обнаруживая явных очагов концентрации. Так же, как в Болгаре, в слое ее процент ниже, чем в объектах. Но если в Болгаре древнерусская посуда в культурном слое составляет от долей процента до 4,3%²⁰, то на Торцеком поселении – более 15% даже на раскопе XII, которым исследуется проезжая часть, или площадь в центре поселения, бедная объектами. Количество посуды древнерусских форм в жилых постройках и хозяйственных сооружениях Торцекого поселения и позднего Болгара практически совпадает. Марина Полубояринова, изучив древнерусскую посуду Болгара, делает вывод, что „вся сероглиняная керамика изготавливалась, безусловно, на месте с применениями тех же приемов формовки, способов отошения глины и совершенно тех же форм, что и на Руси”²¹. Это заключение справедливо и для материалов Торцекого поселения. По основным этнокультурным традициям (общebolгарской, древнерусской и славяноидной) керамический комплекс Торцекого поселения близок керамическим комплексам Вятского края, которые характеризуются как устойчивые полиэтничные²².

Торцкое имело разреженную застройку, очевидно, усадебного характера. Большинство жилых построек представлены наземными срубными домами и полуземлянками. К жилищам относится и лёгкая, очевидно, сезонная шатровая постройка (юрта?) круглой формы, со столбовыми ямками от крепёжных жердей по периметру и печью внутри. Площадь бревенчатых домов колеблется от 9 до 26,6 кв. м, площадь шатра достигала 36 кв. м. Крупные жилища имели каркасно-столбовую конструкцию, иногда возводились на цоколе из сырцового кирпича, два жилища были рублены „в обло”. Ввиду малой мощности культурного слоя (25–40 см), длительной распушки площадки памятника и почвенной эрозии склона большая часть сооружений имеет плохую сохранность. Иногда о площади постройки можно судить по отопительным канавкам, расположенным по периметру сооружения, с осколками гончарных труб. Лучшую сохранность демонстрирует полуземляночное жилище размером 4×4 м (раскоп VII, сооружение 1), заглублённое в грунт на 1,2 м, с печью типа тандыра в северо-восточном углу, П-образной суфой и канами. Суфа была украшена мозаичными кашинными (фаянсовыми) плитками с кобальтовой и бирюзовой глазурью, в центре этой постройки имелось ташнау. Печи в торцких домах располагались,

¹⁹ Т. Хлебникова, *Неполивная керамика Болгара*, [in:] *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности*, Москва 1988, с. 201, 232.

²⁰ М. Полубояринова, *Русь и Волжская Болгария*, с. 56–57.

²¹ Ibidem, с. 43.

²² Д. Салангин, *Круговая неполивная посуда Вятского края в XII–XVIII вв. (по археологическим источникам)*: автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. канд. наук, Ижевск 1999, с. 12, 15.

обычно, в северо-западных и северо-восточных углах, иногда возводились в овальных ямах ниже уровня пола со ступеньками с юга, в одном случае отмечены остатки деревянного опечка – печь находилась в юго-западном углу постройки. Все печи круглые, диаметром около 100 см, кирпичные, кирпично-глиняные, иногда с использованием битых жерновов и плит песчаника. Полы в жилищах были дощатые, земляные и земляные, обмазанные глиной. Дома имели подполья меньших, чем жилые помещения, размеров, иногда в подпольях устраивались кладовки-тайники.

Из семи наиболее хорошо сохранившихся жилых построек две, по комплексу признаков (конструкция, внутренняя планировка, вещевой инвентарь и др.), являются русскими. Оба сооружения располагались в центральной части поселения.

Сооружение № 19 на раскопе I – 2002 г. представляло собой полуземлянку площадью 280×320 см, заглублённую в грунт на 62–65 см. Округлая в плане печь диаметром 80 см была сложена из кирпича и песчаника в юго-западном углу на материковом уступе. Судя по выходу золы и угля, устье печи было ориентировано на север, по обе стороны устья обнаружены следы угловых опорных столбов диаметром 20–25 см от опечка. Внутри жилище имело пристенные земляные лавки с глухими деревянными стенками. В юго-восточном углу, под лавкой, частично уходя подбоя под стену, находился небольшой погреб-кладовка 100×140 см и в нем скопление бытовых вещей: серп, топор, скобель, напильник, обломки жернова, древнерусский горшок с примесью дресвы в тесте. В длинной северной стене, ближе к северо-восточному углу, определен вход-выход шириной 80 см. Внутри постройки, фактически перед порогом, на глубине 30–35 см от уровня пола, в яме 22×65 см, обнаружено погребение младенца возрастом до 1 года²³. Местному населению такой обряд не свойственен. Обычай захоронения под порогом мертворожденных или умерших без крещения детей хорошо известен у восточных славян, зафиксирован этнографически и отражен в литературе²⁴. Дмитрий Зеленин, обобщая работы предшественников, называет широкую географию распространения этого обычая в конце XIX века: в Малороссии, в Донской области, в Ставропольской и Олонецкой губерниях. В этом перечне отмечена и Казанская губерния, где „выкидыши всего чаще зарываются в землю в подполье”²⁵. Торецкое погребение является, таким образом, наиболее ранним

²³ С. Валиулина, *Отчет о раскопках на Торецком поселении в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2009 г.*, [in:] *Архив Археологического музея Казанского государственного университета*, Казань 2010, с. 5–6, приложение 1.

²⁴ Д. Зеленин, *Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки*, Москва 1995, с. 72–73, 308; А. Байбурин, *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*, Ленинград 1983, с. 138, 182; Idem, *Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*, Санкт-Петербург 1993, с. 41; М. Андрюнина, *Трансформация традиционных форм обрядности, связанной со смертью: утрата элементов и их приспособление*, „Russkaya Starina”, 16, 2015, 4, с. 234.

²⁵ Д. Зеленин, *Очерки русской мифологии*, с. 73.

проявлением подобного обряда в регионе Среднего Поволжья, выявленным археологически.

Вторая из выделенных построек сохранилась значительно хуже, четко фиксируются остатки кухонной печи – прокал материкового грунта и развал кладки. В печи и рядом с ней отмечена наибольшая концентрация находок. В заполнении жилища учтено самое большое количество русской и славяноидной горшковиной посуды – 51% от всей керамики постройки. Примечательна находка сосуда-гибрида, сочетающего в себе две этнокультурные и ремесленные традиции. По форме это гигиенический горшок-тувак, принадлежность детской люльки и элемент кочевнической традиции в булгарской, золотоордынской и казанско-ханской культуре; серия таких традиционных красноглиняных сосудов без орнамента из плотной тонкоотмученной глины присутствует в торецкой коллекции. Но тувак из постройки, кроме формы, отличается признаками русских сосудов: он сероглиняный с обилием крупнозернистого песка-дресвы в тесте и с орнаментом многорядной волной по плечикам. Важной статусной находкой в постройке является фрагмент креста-энколпиона. Здесь же обнаружен фрагмент височного украшения – рясна, выполненного из оловянного сплава (точная серебряная аналогия изделию известна в Новгороде)²⁶.

Интересно, что в обоих рассмотренных жилищах среди бытовых предметов найдены светцы. В булгарских и ордынских памятниках они редко встречаются – основными осветительными приборами были глиняные или стеклянные масляные лампы, в то время как на Руси повсеместно использовались светцы.

На памятнике обнаружены атрибуты православия, в их числе миниатюрная односторонняя сланцевая иконка арочной формы – 2,4×2,4 см, толщиной 0,7 см (ил. б). На лицевой стороне выполнено рельефное погрудное изображение святого Иосифа в святительских ризах. У святого узкий овал лица и узкая борода «клином», черты лица не читаются, за исключением уголков рта и носа, обозначенного двумя вертикальными линиями. По обеим сторонам от головы видно четкое написание кириллицей букв имени святого. В левой руке Иосиф держит *Евангелие*, правой рукой – благословляет. Нагрудный образок должен был вставляться в металлическую оправу, т. к. не имеет неподвижного оглавия с отверстием для шнура. Стертость лица и общая сглаженность изображения могут быть объяснены изношенностью иконки в результате длительного использования. Прямых аналогий этому изделию найти не удалось, наиболее близким по форме и композиции является еще более миниатюрный образок (1,5×2 см) из серого сланца – случайная находка на поселении Чакма (Лаишев) на берегу Камы и двусторонняя шиферная иконка XIV–XV веков из Новгорода²⁷.

²⁶ *Древний Новгород: прикладное искусство и археология*, ред. Б. Колчин, В. Янин, С. Ямщиков, Москва 1985, с. 63, № 95.

²⁷ В. Пуцко, *Бронзовая икона Богоматери из Мельгунова*, [in:] *Верхнее Подонье: Природа. Археология. История*, т. 2: *История. Этнография. Искусствоведение*, ред. А. Наумов, Тула 2004, рис. 5.

При этом иконки различны по стилистике исполнения. Выразительность изображения торецкого образка достигнута более плавными, округлыми линиями рельефа. В настоящее время трудно определить происхождение находки, но высокий уровень исполнения свидетельствует, что это должен был быть крупный художественный центр, вероятно, Новгород. В пределах Волжской Булгарии каменные образки, как и другие предметы христианского культа, известны, прежде всего, в Болгаре, где они датируются XII–XIV веками²⁸. Что касается датировки торецкой находки, то Мария Седова считала, что образки в виде киотца характерны для произведений мелкой пластики XV – начала XVI века²⁹. Для нашего сюжета важно, что с Русско-Урматского селища XV века происходят две заготовки иконок в форме киотца из местного известняка³⁰.

На Торецком найдены еще три предмета личного благочестия: железный крестик с ромбовидным средокрестием и ромбовидными же завершениями концов, похожий известен на Городищенском городище Верхнего Прикамья³¹. Вторая находка – фрагмент бронзового креста: нижняя лопасть с килевидным окончанием, в рамке на этом окончании неразборчивая монограмма, вдоль лопасти расположены две рельефные линии. Часто на лицевой стороне таких крестов изображался четырехконечный голгофский крест. С оборотной стороны на окончании нечетким рельефом изображен ромб. Изделие выполнено литьем в двусторонней форме, на что указывают остатки наплывов металла на боковых поверхностях. Нательные кресты с килевидным завершением нижней лопасти являются частой находкой на памятниках позднего средневековья. В Твери подобные кресты происходят из комплексов XV и XV–XVI веков, в том числе из слоя ювелирной мастерской³² в Подмоскovie обнаружены у села Рождественно на погосте XV–XVI веков³³ и на поселении Котово 1 в объекте последней трети XV – середины XVI века³⁴, в Москве – в комплексе XVI века³⁵. В Верхнем Прикамье

²⁸ М. Полубояринова, *Русь и Волжская Булгария*, с. 9–21, рис. 3:3–5.

²⁹ М. Седова, *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.)*, Москва 1981, с. 64.

³⁰ Археологический музей Казанского университета – АКУ–128/946, АКУ–128/80.

³¹ Л. Макаров, *Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.*, Ижевск 2001, рис. 76:1.

³² В. Солдатенкова, *Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (По материалам раскопа 56 на территории Затымцацкого посада г. Твери)*, „Краткие сообщения Института археологии”, 222, 2008, с. 154, 164, рис. 3:3; Н. Персов, Т. Сарачева, В. Солдатенкова, *Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на Тверском Затымчье в эпоху средневековья*, [in:] *Археология Подмоскovie*, вып. 7, ред. А. Енговатова, Москва 2011, с. 162, рис. 6:1.

³³ Д. Шполянская, *Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождественно 1 (предварительное сообщение)*, [in:] *Археология Подмоскovie*, вып. 4, ред. А. Енговатова, Москва 2008, рис. 1:3, 4, 10–12.

³⁴ М. Гоняный, Г. Шебанин, А. Шеков, *Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово 1 в Истринском районе Московской области*, [in:] *Археология Подмоскovie*, вып. 2, ред. А. Енговатова, Москва 2005, с. 187, 209, рис. 3:3.

³⁵ Н. Кренке, И. Ершов, А. Кудрявцев, А. Лазукин, *Раскопки усадьбы XVI века на месте дачи П. С. Полуденского в Кузьминках*, [in:] *Археология Подмоскovie*, вып. 7, с. 322–323, рис. 7:3.

такие изделия найдены на Троицком (Чердын) и Искорском городищах, в Вятской земле – в Котельниче, Никулицыне, Орлове и Слободском³⁶.

В этом ряду находок особое место занимает обломок створки крестанколлиона, литого из свинцово-оловянной бронзы – сохранилась нижняя лопасть овальной формы с поясным изображением святого и часть квадратного или квадрифолийного средокрестия. Подобные энколпионы найдены у д. Новомордово недалеко от Болгара³⁷, в крымской крепости Орта-Куле³⁸, в Новгороде в слое второй четверти – середины XV века³⁹, на погосте XV–XVI веков у села Рождественно в Одинцовском районе Подмосковья⁴⁰, в позднесредневековых памятниках Прикамья⁴¹. По мнению М. Седовой, форма таких крестов получила широкое распространение в XV веке⁴².

Таким образом, о присутствии в городе не только мусульман, но и населения, исповедующего христианство, преимущественно русского, свидетельствуют находки культовых предметов, украшения, русская керамика, кости свиньи в составе остеологических материалов⁴³ и некоторые обряды. Особенностью памятника является минимальное количество предметов материальной культуры финно-угорского населения края, впервые керамика прикамско-приуральского населения количественно уступает древнерусской⁴⁴.

В городе могли проживать выходцы из разных русских княжеств, в том числе и из близкой территориально Вятской земли (ил. 1). На особое устройство и статус этого образования давно обращено внимание исследователей – не случайно Вятка, наряду с Новгородом и Псковом, названа вольным городом. Василий Ключевский отмечал, что в середине XV века вятчане мало слушались московского князя, хотя Вятка числилась в его владениях, и, далее, обращал особое внимание на независимое положение Вятской земли и от „чужого иноземного ига“⁴⁵. В условиях сложившейся в XV веке геополитической ситуации Вятская

³⁶ Л. Макаров, *Древнерусское население*, рис. 76:6–9, рис. 59:13–20.

³⁷ М. Полубояринова, *Русь и Волжская Болгария*, с. 82, рис. 29:4.

³⁸ В. Мыц, *Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50–70-е гг. XV в.*, [in:] *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*, ред. В. Мыц, Киев 2002, с. 149–150, рис. 9:12.

³⁹ М. Седова, *Ювелирные изделия*, с. 59, рис. 19:3.

⁴⁰ В. Богомолов, М. Гоняный, О. Зандов, Г. Шебанин, А. Шеков, *Археологические исследования погоста XV–XVI вв. у с. Рождественно Одинцовского района Московской области*, [in:] *Археология Подмосковья*, вып. 5, ред. А. Енговатова, Москва 2009, рис. 43:3.

⁴¹ Л. Макаров, *Древнерусское население*, рис. 10:20–21, рис. 60:3.

⁴² М. Седова, *Ювелирные изделия*, с. 59.

⁴³ Г. Асылгараева, *Результаты исследований остеологических материалов из раскопок селищ северо-западной округи Билярского городища*, [in:] *Поволжье в средние века*, ред. Т. Гусева, Нижний Новгород 2001, с. 79–83.

⁴⁴ S. Valiulina, *Finnish component in the material culture of Toretское settlement (town Bulumer) of the early Kazan Khanate*. (Финский компонент в материальной культуре Торецкого поселения (город Булумер) раннего Казанского ханства), [in:] *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Oulu 2015*, Book of Abstracts, ed. H. Mantila, J. Sivonen, S. Brunni, K. Leinonen, S. Palviainen, Oulu 2015, p. 180–181.

⁴⁵ В. Ключевский, *Курс русской истории*, сочинения в 9 томах, часть 2, т. 2, Москва 1988, с. 101.

земля могла свободно торговать и осуществлять другие контакты с Казанским ханством. Вещевой комплекс Торецкого обнаруживает особенно многочисленные аналогии с материалами вятских памятников (Хлынов, Котельнич и др.).

С целью определения места изготовления торецких сосудов древнерусского и так называемого славяноидного типов методом мёссбауэровской спектроскопии выполнен сравнительный анализ глиняной обмазки из межвенцового шва сгоревшей бревенчатой постройки⁴⁶, образцов кухонной посуды, массово представленной на Торецком, и репрезентативной выборки керамики тех же морфологических типов из вятских памятников⁴⁷. В результате были получены следующие выводы: 1) установлена идентичность глины из межвенцового шва сооружения и глиняного сырья, использовавшегося при изготовлении горшечной древнерусской и славяноидной посуды Торецкого поселения⁴⁸; таким образом, было достигнуто еще одно подтверждение местного производства керамики рассмотренных типов; 2) обнаружены принципиальные отличия сырьевых характеристик керамики всех трех памятников: Торецкого, Хлынова (Вятки), Котельнича. При этом, образцы трех сосудов из раскопок Хлынова имели сырьевые характеристики торецкой посуды, а один сосуд из торецкой коллекции соответствовал сырью из Котельнича. Кроме того, один древнерусский сосуд, найденный на Торецком, как показал анализ, был произведен и не на Торецком, и не на одном из вятских памятников – то есть, обозначил более широкую географию контактов.

Ремесленный характер города делал его привлекательным в качестве торгового партнера для степных соседей-ногайцев. Присутствие на Торецком западно-европейских свинцово-оловянных пломб, которыми пломбировали тюки голландского или английского сукна, свидетельствует и о дальних международных связях, и о возможной посреднической функции города. В обмен степь поставляла продукты скотоводства и сам скот – палеозоологи установили массовое присутствие на памятнике низкорослых овец степного происхождения.

Очевидно, политические события второй половины XV века нарушили этот хрупкий баланс отношений соседей. В то время стремительно набирало силу Московское государство, менялась геополитическая ситуация в постордынских образованиях.

⁴⁶ Ранее была получена характеристика глиняного сырья Билярского микрорегиона, см.: А. Пятаев, С. Валиулина, А. Иванова, Р. Манапов, Е. Воронина, *Сырьевые ресурсы традиционного гончарного производства Билярской моноцентрической агломерации*, „Известия Российской академии наук, серия физическая”, 79, 2015, 8, с. 1196–1199.

⁴⁷ Выражаю благодарность д. и. н. Л. Макарову за предоставленную возможность работы с керамическим материалом позднесредневековых городищ Вятской земли.

⁴⁸ А. Пятаев, С. Валиулина, А. Иванова, Е. Воронина, *Мёссбауэровское исследование глины стыкового соединения бревенчатого сооружения Торецкого поселения*, [in:] *Мёссбауэровская спектроскопия и ее применения. Сборник материалов XIV Международной конференции, Казань, 28 сентября – 1 октября 2016 г.*, ред. Е. Воронина, Казань 2016, с. 163.

Город Торецкое существовал, очевидно, недолго – в XV веке или в самом конце XIV и в XV веках. Погиб в результате стремительного нападения в конце XV века. На верхнюю дату указывают единичные фрагменты белоглиняной и чернолощеной керамики – обе группы получили распространение в самом конце XV века, то есть, выступают хроноиндикаторами, как и поздние типы некоторых бытовых изделий.

Материалы раскопок показывают, что нападение имело катастрофический характер. На всей площади памятника сооружения и объекты перекрыты слоем пожара и разрушения, в котором присутствуют отдельные человеческие кости и костяки непогребенных погибших; кроме того, обнаружены две, так называемые, „братские могилы” – коллективные погребения женщин и детей, совершенные наспех, без соблюдения обрядности и, так же наспех, спрятанные в предпечных – зольных ямах клады: денежные, вещевые и производственные. Вероятно, нападавшими были ногайцы – после распада Золотой Орды им фактически не было противодействия на просторах волжских степей. К концу XV века ногайские отряды поднимались до устья Камы, о чем свидетельствует, кроме сообщений письменных источников, практически полное отсутствие поселенческих памятников времени Казанского ханства в области Центрального Закамья. Разгром Большой Орды в 1481 г. и ослабление ее позволили мангытам занять ее завожские владения и вплотную приблизиться к Казанскому ханству. С конца 1480-х гг. мелкие набеги и пограничные столкновения ногаев с казанцами происходили ежегодно, а в 1496 г. и в 1500 г. ногайские отряды дважды осаждали столицу ханства⁴⁹.

Показательно, что в XVII веке южнее Камы была возведена земская засечная черта – линия укрепления, оборонявшая юго-восточные окраины Русского государства от набегов ногайских татар, калмыков и казахов.

Торецкое – новый городской центр на позднесредневековой карте Среднего Поволжья и Прикамья, который впервые наиболее полно представляет городскую культуру региона в XV веке. Богатство и многообразие памятника обусловлены ремесленно-торговым характером поселения и полиэтническим составом его населения: булгаро-татарского, русского, финно-угорского. Исследованиями на междисциплинарном уровне установлено постоянное проживание в городе христианского, в том числе, русского населения. Город расположен на границе лесной и степной полосы, на территории одной из административных провинций Казанского ханства – Ногайской даруги и в нем, как и вообще в государстве, могли жить и, вероятно, жили степняки-соседи – ногаи. В настоящее время не выделяется археологический комплекс, характеризующий собственно ногайскую материальную культуру, чтобы сказать на этот счет что-то более определенно. Богатый археологический памятник полностью вплетается в историческую

⁴⁹ В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Казань 2016, с. 75, 94–95.

канву региона, делая более живым и реальным историческое полотно Волго-Камья XV века.

*

Svetlana Valiulina, *Rusians in the Tatar city of 15th century and Nogais by fortified walls: Interculturality problem based on Toretskoe town excavation material*

In recent years, the expedition of the Kazan University discovered and is actively investigating the unique monument in the central part of western Zakamye – previously unknown town of the 15th century, hardly preserved in the historical memory and not embodied in written sources. City (of 25 ha) differs by its originality and richness of material culture, the scale of international trade (Certificate – a rich import collection, e.g. China porcelain, amber, Crimean glazed pottery, Syrian glass, Chorasmian faience and such trade instruments as scales, weights, Hanseatic commercial stamps, more than 400 coins), highly developed diversified craft, multiethnic and multi-religious character. The presence at this settlement of not only Muslims, but also of a population professing Christianity is indicated by finds of cultic objects (a small icon and pectoral crosses worn both underneath and over clothes Cross-encolpion), russian ceramics (in separate facilities to 50%) and by pork bones in the habitation levels. One of the most interesting finds is a copper incense burner 37.5 cm high, which has survived intact and was discovered within the confines of a jewellery workshop. Obviously, this single-layer site dating back to the 15th or the very end of the 14th–15th century perished in the result of a military attack in the end of the 15th century. Most likely, it was destroyed by Nogais, who experienced almost no resistance in the vastitude of the Volga plains after the collapse of the Golden Horde. By the end of the 15th century, Nogais reached up to the Kama delta, which is proved not only by written sources, but also by almost total absence of ancient settlements dating back to the Kazan Khanate period, in the Central trans-Kama region.

*

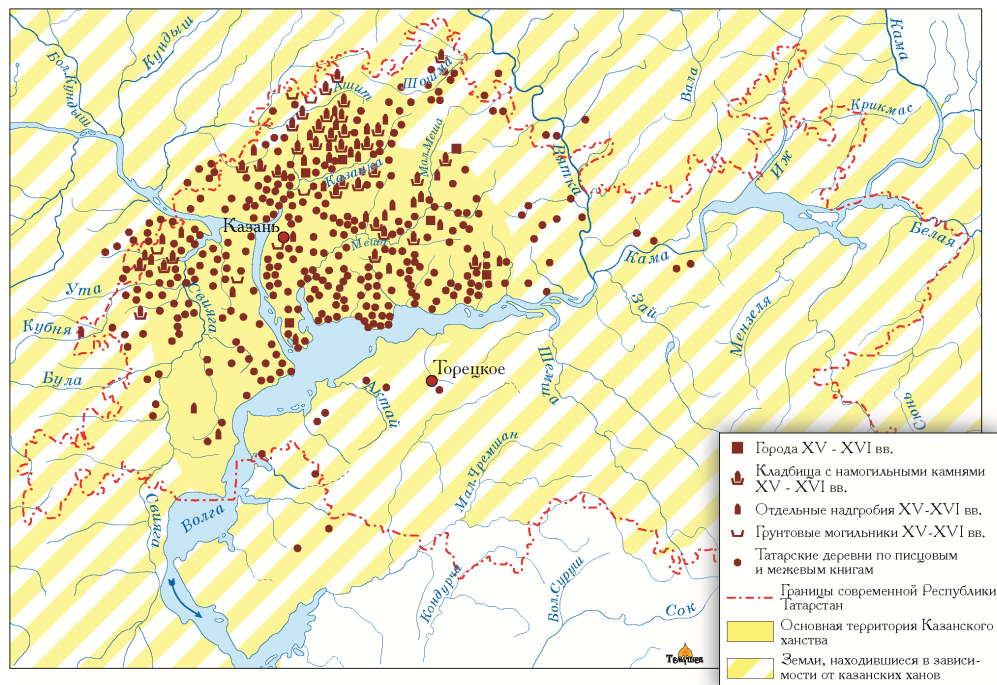
Svetlana Valiulina, *Rusové v tatarském městě 15. století a Nogajové u hradeb. Problém mezikulturní interakce na základě materiálu z vykopávek z městského osídlení Toreckoje*

V posledních letech odhalila a důkladně analyzovala expedice Kazaňské univerzity jedinečnou památku ve střední části západokamského regionu – dříve neznámé město z 15. století, které nebylo zachováno v historické paměti či psaných památkách. Město o rozloze 25 ha se vyznačovalo originalitou a bohatstvím materiální kultury, širokou škálou mezinárodního obchodu (čínský porcelán, krymská glazovaná keramika, jantar, syrské sklo, skleněné předměty, mozaiky, váhy, hansovní pečete, více než 400 mincí), vysoce rozvinutými diverzifikovanými řemesly, multietnickým a multináboženským

charakterem. Přítomnost nejen muslimského, ale i křesťanského obyvatelstva v tomto sídlišti dokládají nálezy kultovních předmětů (jako je miniaturní kamenná ikona, kříž, prsní kříže, medailonový kříž), ruská keramika (v některých nálezech nad 50%!) a vepřové kosti na úrovni obytných sídel. Jedním z nejzajímavějších nálezů je měděný hořák na kadidlo o výšce 37.5 cm, který zůstal neporušený v klenotnické dílně. Sídliště Toreckoje představuje jednovrstvou památku datovanou do 15. nebo na přelomu pozdního 14. a 15. století, která byla zničena v důsledku vojenského útoku na konci 15. století. S největší pravděpodobností bylo napadeno Nogaji, kteří se asi ani nesetkali s odporem v širém prostoru Povolží po rozpadu Zlaté Hordy. Na konci 15. století dosáhla nogajská vojska ústí řeky Kamy, o čemž svědčí nejen písemné prameny, ale hlavně téměř naprostá absence starších sídlišť datovaných do doby Kazaňského chanátu ve střední kamské oblasti.

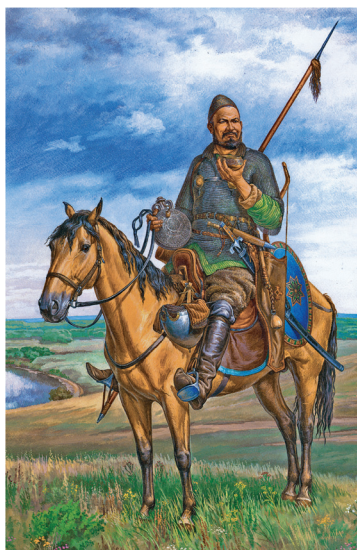
Ил. 1. Казанское ханство и сопредельные территории в XV – первой половине XVI ввек.

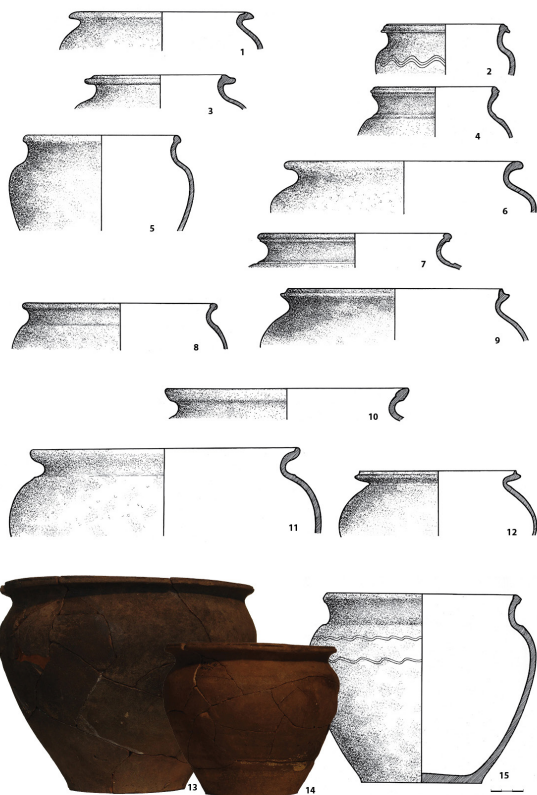
Ил. 2. Распространение археологических памятников Казанского Ханства (по Р. Фахрутдинову).

Ил. 3. Западно-европейская товарная пломба. Торецкое городское поселение.

Ил. 4. „Татарский” воин – реконструкция доспехов и снаряжения по материалам Торецкого городского поселения. Художник О. Федоров.

Ил. 5. Древнерусская и славяноидная посуда. Торецкое городское поселение.

Ил. 6. Сланцевая иконка. Торецкое городское поселение.

Владислав Гулевич
(Київ)

Несколько наблюдений относительно проблемы „пожалования” русских земель Казимиру IV в ярлыках крымских ханов Хаджи Гирея 1461 г. и Менгли Гирея 1472 г.

Обстоятельства выдачи ярлыков Казимиру IV крымскими ханами Хаджи Гиреем (1461) и Менгли Гиреем (1472) до сих пор изучены слабо. Одной из важнейших проблем в их исследовании является причина ханского „пожалования” Казимиру IV Новгорода, которое принято считать свидетельством экспансионистской политики великого князя литовского. На самом же деле лично Казимир IV не был заинтересован в конфликте с Москвой за Новгород, поскольку в 1454–1466 гг. вел войну с Тевтонским Орденом, а с 1469 г. боролся за чешскую корону для своего сына. Возможную причину появления Новгорода в тексте ярлыков следует искать в политике литовской политической верхушки, которая конфликтовала с Польским королевством и пребывала в оппозиции к Казимиру IV.

В начале XX века выдающийся украинский историк Михаил Грушевский отметил, что ярлык крымского хана Хаджи Гирея, пожалованный в 1461 г. великому князю литовскому Казимиру IV Ягайловичу, „досі не мав щастя в історіографії”¹. Эти же слова вполне справедливо он мог повторить и относительно исследования ярлыка хана Менгли Гирея, данного тому же правителю в 1472 г. Несмотря на некоторые наработки, нельзя сказать, что на сегодня ситуация с их изучением улучшилась кардинальным образом².

¹ М. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. 4: XIV–XVI віки – відносини політичні, Київ 1993, с. 457–462.

² Б. Барвінський, *Два загадочні ханські ярлики на руські землі з другої половини XV століття*, [ін:] Б. Барвінський, *Історичні причинки, розвідки, замітки і матеріали до історії України-Руси*, Жовква–Львів 1909, с. 11–16; Ф. Петрунь, *Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну)* „Східний Світ”, 2, 1993, с. 133–143; В. Д. Назаров, *Ярлык Хаджи-Гирея Казимиру IV и рус-*

Главные из проблемных вопросов в исследовании ярлыков следующие: 1) отсутствие оригиналов – неизвестно на каком языке они были написаны, поскольку тексты сохранились в польской транскрипции со всеми их недостатками; 2) сомнительная датировка – оба ярлыка имеют двойную датировку – по европейскому и мусульманскому календарю (об этом ниже); 3) неизвестна причина их выдачи ханами.

В историографии принято считать, что пожалование крымскими ханами ярлыков великому князю литовскому Казимиру IV Ягайловичу свидетельствует о его экспансионистской политике, направленной на захват земель Северо-Восточной Руси, в частности на Новгород и Рязань³. Целью данного исследования является не всеобъемлющий охват проблематики ярлыков или решение проблем, связанных с ними, а попытка дать ответ лишь на несколько, по мнению автора, фундаментальных вопросов, необходимых для понимания причин появления ярлыков:

1. Позволял ли статус крымских ханов Хаджи Гирея и его сына Менгли Гирея выдавать ярлыки великому князю литовскому на земли Новгорода.

2. Значение Новгорода для внешней политики Казимира IV в 60–70-х гг. XV века.

3. Причина упоминания Новгорода в текстах ярлыков⁴.

Согласно классификации Миркасима Усманова, ярлыками называются „письменные указы, приказы, повеления, (...) собственным подданным или правителям зависимых (возможно, лишь фиктивно) стран”⁵. В историографии господствует стереотип, что крымские ханы чуть ли не автоматически стали наследниками правителей Улуса Джучи. На этом основании они, якобы, считали великих князей литовских и польских королей своими подданными, выдавали им ярлыки и требовали дань⁶. Но ни Крымский тумен, ни Крымский улус, ни Крымское ханство

*ско-литовские отношения, [in:] Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Паишута. Москва, 19–22 апреля, 1988 г. Тезисы докладов, Москва 1988, с. 57–60; Ф. М. Шабульдо, Ярлыки крымских ханов на земли Южной Руси (Украины) XV–XVI вв. как исторический источник, [in:] Восточная Европа в древности и средневековье. 17-е Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Паишута, 4-е Чтения памяти доктора исторических наук А. А. Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г., Москва 2005, с. 285–288; D. Kołodziejczyk, *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*, Leiden–Boston 2011, p. 14–16 и др.*

³ См. наприм.: Б. Н. Флоря, *Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в.*, [in:] *Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты*, Москва 1978, с. 189.

⁴ Для анализа, как наиболее полные, использованы тексты, опубликованные Б. Барвинским. См.: Б. Барвинский, *Два загадочні ханські ярлики*, с. 16–18; D. Kołodziejczyk, *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania*, no 1, p. 529–530, nr 4, p. 539–540.

⁵ М. А. Усманов, *Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.*, Казань 1979, с. 7–8; Idem, *Термин „ярлык” и вопросы классификации актов ханства Джучиева Улуса*, [in:] *Актовое источниковедение*, Москва 1979, с. 218–244.

⁶ См. наприм.: Ф. Петрунь, *Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу*, „Східний світ”, 1926, 6, с. 155–175; Idem, *Степове Побужжя в господарськiм та військовiм укладi українсько-*

до 1484 г. никогда не имело владений на Правобережье Днепра. Одно из поздних посланий Менгли Гирея иллюстрирует, кем в Крыму считали Большую Орду, что дает некоторую проекцию и на то, кем крымский правитель считал себя. Информирова в конце 1481 г. киевского воеводу Ивана Ходкевича об ожидаемом передвижении Большой Орды на Левобережье Днепра в район рек Орель и Самара, крымский хан показательно назвал ее „столечные влусы”⁷. Это перевод татарского названия Большой Орды – „Тахт эль”, или Престольное владение. То есть, будучи по факту независимым государством, враждуя с Тахт эль, Крымское ханство в глазах собственных правителей в иерархической лестнице оставалось ниже, чем Большая Орда, ханы которой были наследниками правителей Улуса Джучи, выдавали ярлыки на правление князьям Северо-Восточной Руси и получали от них дань. Таким образом, в это время крымские ханы не могли легитимно претендовать не только на дань с русских земель Великого княжества Литовского и Польского королевства, но и даже на воображаемую власть над их правителем.

Стоит обратить внимание и на то, что в своих посланиях Менгли Гирей обращался к Казимиру IV исключительно как к равному себе, называя его „братом”, передавал ему „поклон”. Формулировка „Меньдикгиреево слово”, привычная в ярлыках по отношению к подданным, используется ханом исключительно в обращении к киевскому воеводе Ивану Ходкевичу⁸. С другой стороны, в *Литовской Метрике* письмо крымского карачи-бея Эминекка Ширина к Казимиру IV фигурирует как „Аминаковъ ярълык”, а ответ короля – „До Аминака ярълык”⁹. Таким образом, в литовской канцелярии ярлыками называли обычную дипломатическую переписку с ханами и беями.

Радикальное изменение взглядов в Крымском ханстве на свое место среди татарских государств отмечено лишь в конце XV века¹⁰ и окончательно сформировалось после разгрома Большой Орды в 1502 г. Так, в сентябре 1548 г. крымский

го пограниччя. Замітки до Броневського та Боплана, „Журнал научно-исследовательских кафедр в Одессе”, 2, 1926, с. 91–103; Idem, Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну), „Східний світ”, 1928, 2, с. 170–187; Idem, Східна межа Великого князівства Литовського в 30-х роках XV сторіччя, [in:] Ювілейний збірник на пошану академіка М. С. Грушевського, Київ 1928, с. 165–168; Ф. Шабульдо, Чи існував ярлик Мамаєва на українські землі? (до постановки проблеми), [in:] Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях, наук. ред. Ф. М. Шабульдо, упор. О. Д. Брайченко, Київ 2005, с. 100–122; Idem, Ярлики крымських ханів на землі Южної Русі (України) XV–XVI вв. як історичний джерело, [in:] Восточная Европа в древности и средневековье. 17-е Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Папутова, 4-е Чтения памяти доктора исторических наук А. А. Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г., Москва 2005, с. 285–288 и др.

⁷ Русская историческая библиотека [далее: РИБ], т. 27: Литовская метрика, ч. 1: Книги записей, т. 1, Санкт-Петербург 1910, № 26.III, стб. 32.

⁸ Ibidem, № 26.I-III, стб. 327–328.

⁹ Ibidem, № 31, стб. 335, № 33, стб. 338. Ср.: Александр Казимирович, Ярлык до царя переконського, [in:] *Lietuvos Metrika*, knyga nr. 5: (1427–1506), Užrašymų knyga 5, parengė E. Banionis, Vilnius 1993, № 47, p. 96.

¹⁰ Сборник императорского русского исторического общества, т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским, т. 1: с 1487 по 1533, Санкт-Петербург 1882, № 62, с. 290.

хан Сахиб I Гирей заявил польскому королю Сигизмунду Августу, что „тые есть земли и врочища [по рекам Буг и Синие Воды], яко теперь суть, и знаки того же пред се моего Саин Царя (Бату), Езюбек (Узбека), Чаанбек Царя (Джанибека), кочовища были (...), але я поведам, иже тые земли есть наши!”¹¹. Таким образом, хан четко сформулировал свои претензии на ордынское наследство Правобережья Днестра.

Достоверность событий в ярлыке Хаджи Гирея сомнительна. В частности, там сказано, что „brat nasz starszy na koniu potnym do wielkiego kniazia Witulta do Luty w gościnę przyjeżdżał i wielką uczciwość miał”¹². Кто же был этот „брат”? Менгли Гирей в письме к сыну Казимира IV Александру в 1506 г. назвал союзных Великому княжеству Литовскому крымских правителей: Токтамыш, Челегедия (Джелал ад-Дин), Перберди (?), Кебек (Кепек), Керемберди (Керим-Берди), Ка-дерберди (Кадыр-Берди), Магнет (Улуг Мухаммад), Селехмат (Сайид-Ахмет II), Ажи Кгирей (Хаджи Гирей), Мордовлат (Нур-Девлет), Менди Кгирей (Менгли Гирей)¹³. Единственный из этого списка, кого сложно идентифицировать, – Перберди, но никто из них не был братом Хаджи Гирея. Теоретически на его роль может претендовать несколько правителей из родственников Хаджи Гирея. Первый среди них Токтамыш, двоюродным братом которого был дед Хаджи Гирея, правитель Крымского улуса Таш-Тимур. В обмен на помощь в отвоевании ордынского трона хан дал Витовту ярлык на владения некими землями¹⁴. Но Токтамыш был легитимным правителем Орды и имел право выдавать такие ярлыки.

Таким был и хан Улуг Мухаммад. Согласно Яну Длугошу, в 1431 г. послы великого князя литовского Свидрыгайла передали польскому королю Ягайлу письма хана. В одном из них речь была о Подольской земле, которую тот „считал своей собственностью (и) отдал князю Свидрыгайлу, утверждая, что упомянутому князю уступил ее навеки”¹⁵. Анатолий Левицкий допускал, что такие письма могли быть¹⁶, а по мнению Ильи Зайцева и Бориса Флора, это был ярлык на владение Подолем¹⁷. Улуг Мухаммад действительно неоднократно получал убежище в Литве.

¹¹ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа, т. 1: (с 1545 по 1472 год), изд. М. Оболенским и И. Даниловичем, Москва 1843, № 28, с. 41–42. Ср.: *Жерела до історії України-Руси*, т. 8, Львів 1908, № 11, с. 15–16.

¹² D. Kołodziejczyk, *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania*, nr 1, p. 529.

¹³ *Lietuvos Metrika*, knyga nr. 8: (1499–1514), Užrašymų knyga 8, parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius, Vilnius 1995, № 11, p. 53. См. также: K. Pułaski, *Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515)*, Kraków–Warszawa 1881, № 76, s. 290.

¹⁴ A. Prochaska, *Z witoldowych dziejów*, „Przegląd historyczny”, 15, 1912, 3, 1912, I. *Układ Witolda z Tochtamyszem*, s. 259–264.

¹⁵ Jana Długosza *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście*, т. 4, 11–12, Kraków 1869, s. 416.

¹⁶ A. Lewicki, *Powstanie Świdrygielły. Ustęp z dziejów Litwy z Koroną*, [in:] *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny*, т. 29, Kraków 1892, s. 225–226.

¹⁷ И. В. Зайцев, *Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.)*. Очерки, Москва 2004, с. 57–59; Б. Н. Флоря, *Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460)*, [in:] *Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир*, т. 10, Москва 2001, с. 181.

Но даже если его ярлык и существовал, то, во-первых, он также был ханом Орды; во-вторых, судя из контекста Я. Длугоша, речь шла исключительно о Западном Подолье, за которое Свиdryгайло воевал с поляками, а не о всех землях, перечисленных в ярлыке Хаджи Гирея.

Нельзя исключить из этого перечня и Сайид-Ахмата II, который приходился Хаджи Гирею двоюродным братом. Но он родился в Литве или же прибыл туда в детском возрасте, а, взяв власть в Орде, очень скоро стал врагом Литвы и не искал там спасения.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что упомянутый Хаджи Гиреем „брат” не что иное, как собирательный образ, призванный лишь подчеркнуть давнюю связь между крымскими правителями и Великим княжеством Литовским, но не реальный персонаж, по примеру которого хан выдал свой ярлык. Менгли Гирей же, перечисляя в 1506 г. дружественных по отношению к Литве крымских правителей, имел своей целью дать не объективный список таковых, а высказать претензии Гиреев на все наследство Орды!

С какой же целью были выданы исследуемые ярлыки?

Здесь необходимо отметить два принципиальных момента:

1. Хаджи Гирей выдал ярлык через двадцать лет после того, как стал крымским ханом, а Менгли Гирей – через три года. Первый был написан „w Krymie liata po roku Jego Świętej Miłości Machomata proroka liata 867, dnia 22 miesiąca septembra, lata od narodzenia Pana Jesusowego 1461”¹⁸, что явно ошибочно, поскольку указанный год хиджры начался 26 сентября¹⁹. Второй датирован: „Po śmierci Machometowej ósmsetnego siedmdziesiątego ósmego roku [878], od narodzenia Chrystusa roku tysięcznego czterechsetnego siedmdziesiątego drugiego [1472]”²⁰, что также не соответствует действительности, поскольку указанный год хиджры начался 29 мая 1473 г.

2. В обоих случаях реципиентом ярлыков является Казимир IV в качестве великого князя литовского, а не польского короля. Важной деталью есть то, что инициатором выдачи первого выступает сам Хаджи Гирей, а второй был выдан по просьбе Панов-рады (государственный совет) Великого княжества Литовского.

Известно, что в декабре 1461 г. крымское посольство побывало в Польше, но в его описании современником событий Яном Длугошем ярлык не упомянут²¹. Право выдавать ярлыки на земли или княжения имели не улусные правители, каковым был Хаджи Гирей и о чем сказано выше, а ордынские ханы. Вероятно, что

¹⁸ D. Kołodziejczyk, *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania*, nr 1, p. 530.

¹⁹ Соотношения европейского и мусульманского календаря даны по И. А. Орбели, *Синхронические таблицы хиджры и европейского летоисчисления*, Москва–Ленинград 1961; O. Codrington, *A manual of musliman numismatics*, „Asiatic Society Monographs”, 7, 1904, p. 212–232.

²⁰ D. Kołodziejczyk, *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania*, nr 4, p. 541.

²¹ Jana Długosza *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście*, т. 5, 12, Kraków 1870, s. 310; И. Сулковска-Курасева, *Итinerарий Казимира Яеллона (состояние подготовки)*, [in:] *Исследования по истории Литовской метрики*, т. 2, Москва 1989, с. 293.

последний на то время ордынский ярлык был выдан Ивану III Васильевичу на княжение „в Володимери и на великом княжении в Новгороде Великом и Нижнем, и на всей Русской земли”²². С этих территорий в Орду поступала дань – „выход”²³. За исключением Новгорода, „верховско-рязанских” земель и Смоленска, оба ярлыка крымских ханов 1461 и 1472 гг., как справедливо заметил Федор Петрунь, „присвячені майже цілком (...) українським територіям” и „змальовують українське прикордоння”²⁴, которыми Казимир IV владел и без того. В 60-х гг. XV века московский князь Василий III формально оставался подданным правителя Большой Орды и ярлык крымского хана никак не мог повлиять на мнимую „борьбу” за Великий Новгород. То есть, никакого практического значения для Казимира IV он не имел и не мог иметь. Важно и то, что ярлык 1461 г. вообще не упоминает о дани, сам вопрос которой с русских земель Великого княжества Литовского и Польского королевства дискуссионный²⁵.

Насколько Новгород был важен для Казимира IV в начале 60-х гг. XV века? В 1454–1466 гг. Польша вела очень тяжелую войну с Тевтонским Орденом. 18 сентября 1454 г. ее войско потерпело тяжелейшее поражение в битве под Хойницами, в результате чего проявилась неэффективность шляхетского ополчения. Летом 1461 г., несмотря на поддержку мазовшан и литовцев, Казимир IV не смог добиться успехов в крупном походе против Ордена. Перелом в войне наступил только в начале 1464 г. и закончился подписанием мира 19 октября 1466 г. Война обошлась королевству в 2 млн венгерских золотых и в 1467 г. казна еще должна была наемному войску 400 тыс.²⁶

В таких условиях Казимир IV даже не думал о том, чтобы бороться еще и за Новгород. Кроме того, в Великом княжестве Литовском по отношению к монарху существовала сильная оппозиция, недовольство которой подогревал территориальный конфликт с Польшей и постоянное отсутствие Казимира IV в Литве, что тормозило принятие важных для государства решений. Потому Паны-рада, с одной стороны, пытались втянуть Хаджи Гирея в конфликт за Западное Подолье, о чем хан предупреждал короля²⁷, а с другой – хотели получить если не отдельного от Польши, то хотя бы делегированного Казимиром IV правителя Великого княжества Литовского, каковым весной 1461 г. они видели киевского князя Семена Олельковича²⁸.

²² *Ермолинская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: *ПСРЛ*], т. 23, Санкт-Петербург 1910, с. 157. См. также: А. А. Горский, *Москва и Орда*, Москва 2000, с. 153.

²³ А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 153.

²⁴ Ф. Петрунь, *Ханські ярлики на українські землі*, с. 136, 142.

²⁵ В. П. Гулевич, *Кримське ханство й Північне Причорномор'я в період правління Хаджи Гірея (1442–1466)*, „Український Історичний Журнал”, 2014, 6, с. 27–28.

²⁶ М. Biskup, *Trzynastoletnia wojna z Zakonem krzyżackim 1454–1466*, Warszawa 1967, s. 726–729.

²⁷ *Jana Długosza Dziejów Polskich księg dwanaście*, т. 5, s. 310.

²⁸ *Ibidem*, s. 294.

Но для Хаджи Гирея конфликт как с Панами-радою, так и Казимиром IV был неприемлем. Крымскому ханству постоянно угрожала опасность от Большой Орды с северо-востока и уже проступала угроза от Османской империи с юга. Поэтому, чтобы сохранить добрые отношения с литовцами и не испортить их с королем, хан „признал” не только спорные, но и все современные украинские территории владением, собственно, Казимира IV, как великого князя литовского, избежав в тексте ярлыка конкретизации их государственной принадлежности. Потому привезенный крымским посольством осенью 1461 г. в Польшу ярлык оказался в польской, а не литовской канцелярии. Упоминание земель Северо-Восточной Руси, над которыми крымские правители никогда не имели никакой власти, должно было потешить литовскую правящую верхушку. Такое „пожалование” не влекло за собой никаких политических последствий и не отягощало хана какими-нибудь обязательствами к его исполнению. Таким образом, сомнительным представляется и то, что своим ярлыком Хаджи Гирей мог высказать претензии на наследство Улуса Джучи.

Менгли Гирей с Казимиром IV поддерживал дружеские отношения. Через своего посла Заффара он передал заключенные в Крыму с послом Кердеем на рубеже 1471–1472 гг. условия „братства и союзного договора”, которые король утвердил 27 июня 1472 г.²⁹ Вполне вероятно, что именно тогда хан выдал королю ярлык на владение землями, в частности Рязанью и Новгородом.

Казимеж Пулаский, посвятивший Кердеям специальное исследование, не смог установить личность посла³⁰, род которого был представлен одновременно и в Великом княжестве Литовском³¹, и в коронных землях Руси. Людвик Колянковский считал, что это был занимавший в 1463–1473 гг. должность каменецкого подстолия³² Ян Грицько Кердей из Оринина³³, что территориально относилось к Западному Подолью в составе Польского королевства. Ярлык дан Казимиру IV в качестве великого князя литовского, но среди свидетелей подтверждения мира с Менгли Гиреем от 27 июня 1472 г. нет ни одного представителя Великого княжества Литовского. Посольства из Литвы в Крым в 1471–1472 гг. неизвестны.

²⁹ *Matricularum Regni Poloniae summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur*, pars 1: *Casimiri IV Regis tempora complectens (1447–1492)*, ed. T. Wierzbowski, Warszawa 1905, nr 830, p. 43; K. Pułaski, *Stosunki z Mendli-Girejem*, № 3, s. 200; D. Kołodziejczyk, *The Crimean Khanate*, nr 3, p. 536–537.

³⁰ K. Pułaski, *Ród Kierdejów podolskich. Monografia historyczno-genealogiczna*, [in:] K. Pułaski, *Szkice i poszukiwania historyczne. Serya trzecia*, Kraków 1906, s. 186.

³¹ В. Поліщук, *Перший маршалок Волинської землі (1463–1468) Олізар Шилевич з роду Кірдеєвичів: від геральдичної легенди до місця в соціальної ієрархії*, [in:] *Theatrum humanae vitae. Студії на пошану Наталі Яковенко*, Київ 2012, с. 189–195.

³² *Urzednicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. Spisy*, pod red. A. Gąsiorowskiego, t. 3: *Ziemie Ruskie*, zeszyt 3: *Urzednicy podolscy XIV–XVIII wieku. Spisy*, oprac. E. Janas, W. Kłaczewski, J. Kurtyka, A. Sochacka, Kórnik 1998, nr 446, s. 102, 210.

³³ L. Kolankowski, *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, t. 1: 1377–1499, Warszawa 1930, s. 327, przyp. 3.

В 1472 г. Казимир IV приезжал в Литву лишь в декабре³⁴. Таким образом, Кердей не был представителем Панов-рады, по просьбе которых хан выдал ярлык.

Как было сказано выше, Менгли Гирей выдал его не по своей инициативе, а „za wielkimi prośbami Panow Rad”³⁵. В какой степени сам Казимир IV был заинтересован в Новгороде в 70-х гг. XVI века? Согласно летописи, идея пригласить из Литвы в Новгород наследника киевских князей возникла после смерти новгородского архиепископа Ионы, которая имела место 5 ноября 1470 г.³⁶ Новгородские послы якобы побывали у Казимира IV, который „приятъ дары ихъ с любовью и рад бывъ речемъ ихъ”³⁷, после чего отправил к ним Михаила Олельковича, брата киевского князя Семена. Но, несмотря на частое присутствие в Новгороде литовских князей³⁸, приезд туда князя Михаила не был согласован с Казимиром IV³⁹, который в 1470 г. побывал в Литве только в январе⁴⁰. Никаких данных о том, что новгородское посольство в 1470 г. ездило в Польшу, в источниках нет, как нет и литовских источников о его приезде в Вильно. Сам Михаил Олелькович прибыл в Новгород уже через три дня после смерти Ионы и оставался там до 15 марта 1471 г.⁴¹, что указывает на более раннюю договоренность, не привязанную к смерти архиепископа. *Договорная грамота Новгорода съ польскимъ королемъ Казимиромъ* 1471 г.⁴² была лишь новгородским проектом, который литовский правитель никогда не утверждал. Таким образом, известия летописей о новгородском посольстве к Казимиру IV и присылке им в Новгород на княжение Михаила Олельковича не соответствует действительности.

Так же следует учесть, что, едва оправившись от войны с Тевтонским орденом, польский король все свои усилия направил на то, чтобы заполучить чешскую корону для своего сына Владислава⁴³. В марте 1469 г. в г. Оломоуц венгерский король Матиаш Хуньяди (Корвин) при поддержке прокатолической партии про-

³⁴ И. Сулковска-Курасева, *Итинерарий Казимира Ягеллона*, с. 306–307.

³⁵ D. Kolodziejczyk, *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania*, nr 4, p. 539.

³⁶ *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*, [in:] ПСРА, т. 12, Санкт-Петербург 1901, с. 25–26; *Московский летописный свод конца XV века*, [in:] ПСРА, т. 25, Москва–Ленинград 1949, с. 284–285.

³⁷ *Продолжение летописи по Воскресенскому списку*, [in:] ПСРА, т. 8, Санкт-Петербург 1859, с. 160.

³⁸ К. Krupa, *Książęta litewscy w Nowogrodzie Wielkim do 1430 r.*, „Kwartalik Historyczny”, 100, 1993, 1, s. 29–46; Idem, *Polityczne związki Giedyminowiczów z Nowogrodem Wielkim w latach 1430–1471*, „Przegląd Historyczny”, 84, 1993, 3, s. 289–306.

³⁹ F. Papée, *Polska i Litwa na przełomie wieków średnich*, т. 1: *Ostatnie dwunastolecie Kazimierza Jagiellończyka*, Kraków 1904, с. 38–40; А. Л. Хорошкевич, *Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в.*, Москва 1980, с. 78–79.

⁴⁰ И. Сулковска-Курасева, *Итинерарий Казимира Ягеллона*, с. 303–304.

⁴¹ *Псковские летописи*, вып. 2, под ред. А. Н. Насонова, Москва 1955, с. 172, 175.

⁴² *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологическою экспедициею императорской Академии наук*, т. 1, Санкт-Петербург 1836, № 87, с. 62–64.

⁴³ K. Górski, *Dyplomacja polska czasów Kazimierza Jagiellończyka*, cz. 2: *Lata konfliktów dyplomatycznych (1466–1492)*, [in:] M. Biskup, K. Górski, *Kazimierz Jagiellończyk. Zbiór studiów o Polsce drugiej połowy XV wieku*, Warszawa 1987, s. 234–241; F. Papée, *Zabiegi o czeską koronę (1466–1471)*, [in:] F. Papée, *Studyja i Szkice z czasów Kazimierza Jagiellończyka*, Warszawa 1907, s. 51–140.

возгласил себя правителем Чехии. В ответ на это в июне чешский король Иржи из Подебрад созвал в Праге сейм и признал наследником Владислава Казимировича⁴⁴, мать которого была сестрой умершего в 1457 г. Владислава Габсбурга. Смерть Иржи 22 марта 1471 г. открыла Владиславу дорогу к короне. Интересы поляков и венгров столкнулись в мае 1471 г. на съезде чешских дворян в г. Кутна Гора, где решался вопрос выбора короля⁴⁵. Перспектива военного конфликта с Венгрией стал очевидной. Таким образом, как и десятилетиями ранее, Казимиру IV было не до Новгорода.

Практического значения ярлык Менгли Гирея, как и ярлык Хаджи Гирея, так же не имел. После битвы на р. Шелони 14 июля 1471 г. Новгород официально стал „вотчиной” великого князя московского. Казимир IV на это никак не отреагировал. На Ивана III, который в 1472 г. лишь пробовал завязать дипломатические отношения с Менгли Гиреем, ярлык крымского хана тем более не мог повлиять никоим образом.

В Большой Орде правил хан Ахмат. Его послы в августе–сентябре 1470 г. побывали в Кракове⁴⁶. В 1471 г. к Ахмату ездил литовский посланник Кирей. Эдвардас Гудавичюс справедливо заметил, что он был выслан литовской знатью, но уполномочил ли его Казимир IV на это – остается неясным⁴⁷. Теоретически, он мог получить ярлык для литовского правителя от законного наследника ханов Улуса Джучи. Но Иван III до 1471 г., в отличие от Казимира IV, исправно платил дань в Орду с подчиненных ему земель⁴⁸. Соответственно, у ордынского хана просто не было оснований „передавать” Новгород великому князю литовскому.

Таким образом, Новгород попал в текст ярлыка не из-за посягательств на него со стороны Казимира IV. Анализ событий показывает, что он вообще никак не был причастен к событиям в Новгороде⁴⁹ и не был связан с ним какими-нибудь обязательствами⁵⁰. Таким образом, решение проблемы появления в тексте ярлыка упоминания о Новгороде лежит в ответе на вопрос для чего этот акт понадобился литовской правящей верхушке, что является темой для отдельного исследования.

⁴⁴ F. Palacký, *Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*, díl 4: *Wěk Jiřího z Poděbrad*, částka 2: *Od roku 1457 do roku 1471*, Praha 1860, s. 509–512, 516–517.

⁴⁵ Я. Андрусак, *Польсько-угорське протистояння на Кутногорському зїзді 1471 року та позиція чеського дворянства* „Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка, Серія: Історія”, 1, 2009, с. 125–131.

⁴⁶ S. Krzyżanowski, *Rachunki wielkorządowe krakowskie z lat 1461–2 i 1471*, [in:] *Archiwum Komisji Historycznej*, t. 11, Kraków 1909–1913, nr 787–788, 791–794, 796, 798, 800–801, 804, 807–808, 810–813, 816–817, 879–821, 823–824, 829, 833–835, 837–861, 863, s. 513–517.

⁴⁷ Э. Гудавичюс, *История Литвы с древнейших времен до 1569 года*, Москва 2005, с. 331.

⁴⁸ А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 162.

⁴⁹ Я. С. Лурье, *Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства*, Санкт-Петербург 1994, с. 139–141; Idem, *Русь XV века: отражение в раннем и независимом летописании* „Вопросы истории”, 1993, 11–12, с. 10–11.

⁵⁰ Idem, *Летописные известия о победе над Новгородом 1471 г.*, [in:] *Вспомогательные исторические дисциплины*, т. 23, Ленинград 1991, с. 151–152.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Во-первых, ни по статусу, ни по своему фактическому положению крымские ханы не могли выдавать правителям Великого княжества Литовского ярлыки на владения землями, которые бы имели легитимную силу в отношениях между монархами Восточной Европы. Во-вторых, на всем хронологическом промежутке изучаемого периода Казимир IV не был заинтересован в конфликте за Новгород. Утверждение о его экспансионистской политике, направленной на земли Северо-Восточной Руси в 60–70-х гг. XV века, требует пересмотра. В-третьих, причины появления ярлыков следует дополнительно изучить в контексте как внутренней, так и внешней политики литовских Панов-рады.

*

Vladyslav Gulevych, *A few observations on the problems of giving of the Rus' lands to Casimir IV Jagiellon in the labels of the Crimean khans Hacı Giray in 1461 and Meñli Giray 1472*

The labels issuing circumstances by the Crimean Khans Hacı Giray (1461) and Meñli Giray (1472) is still poorly studied. One of the major problems in their study is the cause of the Khan granting of Novgorod to Casimir IV which is considered to be the Lithuanian Grand Duke's expansionist policy evidence. In fact, personally, Casimir IV was not interested in a conflict with Moscow over Novgorod, as in 1454–1466 years he waged war with the Teutonic Order, and from 1469 started fighting for the Czech crown for his son. The reason for Novgorod appearing in the label texts can be found in the Lithuanian political elite policy that conflicted with the Kingdom of Poland and was in opposition to Casimir IV.

*

Vladyslav Gulevych, *Několik poznámek k problematice udělování ruských zemí Kazimírovi IV. Jagellonskému ve štítech krymského chána Hacı Gireje v roce 1461 a Meñli Gireje 1472*

Vydávání štítů v prostředí krymských chánů Hacı Gireje (1461) a Meñli Gireje (1472) je velmi málo prostudováno. Jeden z nejdůležitějších problémů, kterému se studie věnuje, je případ udělení Novgorodu Kazimírovi IV. chánem, což je považováno za expanzivní politiku litevského velkovévody. Ve skutečnosti se Kazimír IV. osobně nezajímal o Novgorod v konfliktu s Moskvou, neboť v letech 1454–1466 vedl válku s Německým řádem a od roku 1469 začal usilovat o českou korunu pro svého syna. Důvod pro udělení Novgorodu, jak ukazuje text štítu, lze nalézt v politice litevských elit, které byly v rozporu s Polským královstvím a v opozici vůči Kazimírovi IV.

Константин Святнюк
(Киев)

Литовско-польские упоминки Крымскому ханству в 1500–1540 гг.: к проблеме изучения механизма выплат

Статья посвящена одному из малоисследованных моментов дипломатических отношений Великого княжества Литовского и Короны Польской с Крымским ханством, а именно процедуре и механизмам выплат упоминков. В работе делается попытка различить типы упоминков, реконструировать технологию их доставки, выявить характер самих выплат. Кроме того, показывается взаимозависимость статусности власти в Крымском ханстве от факта получения упоминков.

История взаимоотношений Великого княжества Литовского и Крымского ханства вызывает интерес не только в формате политических контактов двух соседних государств. Ведь фактически в этой проблеме заложена квинтэссенция всей составляющей жизни на фронтире оседлого и кочевого компонентов. Соответственно возникает вопрос об исследованиях всех, даже наиболее мелких, составляющих этих отношений. Одним из таких явлений и есть существование так называемых упоминков, а именно выплат Великим княжеством Литовским в пользу Крымского ханата фиксированной суммы.

В данной статье автор предлагает осуществить реконструкцию механизма выплат указанных упоминков в период первых четырех декад XVI века. Такие хронологические рамки вызваны тем, что именно в 1500 г. возникла идея, подтвержденная актовым материалом, о выплате Великим княжеством Литовским конкретно оговоренных сумм Крымскому ханству. Верхняя граница определена на основе литовско-крымского договора. Этим договором было окончательно зафиксировано форму, сумму и характер упоминков.

Следует отметить, что в историографии уже немало внимания было уделено теме отношений Великого княжества Литовского и Крымского ханата, а также сюжетам с упоминками в задекларированном автором историческом перио-

де¹. Относительно источниковой базы, то использованы, прежде всего, актывые материалы *Литовской метрики*² а также московские документы об отношениях с Крымом³.

На переломе XV и XVI веков внешнеполитическая ситуация вокруг Велико-го княжества Литовского приняла угрожающие формы. Государство одновременно подверглось агрессии Великого княжества Московского с восточной стороны и Крымского ханата (за спиной которого стояла Османская империя) с южной стороны. Войск для одновременного прикрытия обоих направлений не хватало. Соответственно литовское правительство было вынуждено принимать нетривиальные решения. Одним из них стал проект относительно постоянной платы Гиреям в обмен на мирные отношения.

В 1500 г. правительство Великого княжества Литовского во главе с Александром Ягеллончиком предложило Крымскому ханству в лице хана Менгли-Гирея I т. н. упоминки – постоянную ежегодную выплату. В обмен на это ханство было обязано соблюдать мир и не нападать на Великое Княжество Литовское. В данном случае деньги предлагалось выплачивать именно с украинских земель: Киевской, Волынской и Подольской (Винница, Брацлав). Как было сказано в правительственном постановлении – «в год про три деньги с человека»⁴. Данный проект не был осуществлен, по причине смерти литовского посла Дмитрия Путятича в Киве, по дороге в Крым. Но идея ежегодной выплаты продолжала фигурировать на литовско-крымских переговорах. Например, в 1502 г. появилось предложение

¹ Для понимания не только проблемы упоминков, но и специфики эпохи в целом, следует отметить следующие работы: М. В. Довнар-Запольский, *Литовские упоминки татарским ордом. Скарбовая книга Литовской метрики 1502–1509*, Симферополь 1898; М. Любавский, *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства*, Москва 1892; Idem, *Литовско-Русский сейм*, Москва 1901; Idem, *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*, Москва 1915; К. Pulaski, *Machmet-Girej chan Tatarow perekopskich i stosunki jego s Polska (1515–1523)*, [in:] *Szkic i poszukiwania historyczne. Seria 2*, Warszawa, 1898, s. 28–351; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 4, Київ 1993; т. 7, Київ 1995; Ф. М. Шабунько, *Договірні ярлики кримського хана Мегмед Гирея для короля польського і великого князя литовського Жигимонта Старого*, «Український археологічний щорічник», 10–11, 2006, с. 133–148; Б. Черкас, *Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540)*, Київ 2006; В. В. Панашенко, *Агресія Кримського ханства і султанської Туреччини на Україну в кінці XV – першій половині XVI ст.*, [in:] *Феодалізм на Україні*, відп. ред. В. А. Смолій, Київ 1990, с. 114–132; В. А. Крот, Н. С. Рашба, *Боротьба населення України проти турецько-кримських завоювань наприкінці XV – в першій половині XVI ст.*, «Український історичний журнал», 5, 1983, с. 101–110.

² Центральний державний історичний архів України в м. Києві [далее: ЦДІАУК], ф. КМФ 36, оп. 1, спр. 7.

³ А. Ф. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими Великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год*, [in:] *Записки Одесского общества истории и древностей* [далее: ЗООИД], т. 5, Одесса 1863, с. 178–419; *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией*, [in:] *Российское историческое общество* [далее: РИО], под ред. Г. Ф. Карпова и Г. Ф. Штендмана, т. 2, Санкт-Петербург 1895.

⁴ *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею*, т. 1, Санкт-Петербург 1846, с. 183.

платить упоминки и поступиться землями, но без детализации: сколько платить и чем именно поступиться⁵. В конце концов, при Сигизмунде Старом в 1512–1513 гг., согласно исследованиям Михаила Грушевского, был введен в действие механизм упоминков, который составлял 15 тысяч золотых в год⁶. Эти упоминки назывались „великими” или „урочистыми”⁷. Со временем к ним добавилась приставка „как и до этого”. Кроме того, литовская сторона каждый раз фиксировала в переговорах, что упоминки платят „за службу”, „за доброту”, „не из повинности”⁸. По этой причине платежи никогда не были постоянными. Например, при Мухаммеде-Гирее I упоминки не платились четыре года по причине военного конфликта с тем же самым Крымом. А хан Саадет-Гирей I никогда не получал упоминков по той же причине⁹. Разумеется, это вызывало недовольство ханов, а взаимные укоры и обвинения принимали в государственной переписке нешуточный оборот. Так Мухаммед-Гирей жаловался в 1516 г., что „того упоминка”, обещанного еще Менгли-Гирею I, до сих пор „не послали”¹⁰. Подобные жалобы хан присылал в 1519 г.¹¹ и 1521 г.¹² Причем в последнем случае Мухаммед-Гирей угрожал нападением¹³.

Формально упоминков платился Великим княжеством Литовским и Польшей совместно, в обмен на безопасность со стороны Крымского ханства. Польша давала половину суммы деньгами, а Литва – тканями. На практике все упоминки содержались за счет литовской стороны. Поляки данный факт объясняли своим литовским коллегам тем, что Корона фактически взяла на себя отношения с Османами.

Великое княжество Литовское и Крымское ханство в процессе выплаты упоминков старались решить две проблемы – материальную и статусную: 1) Литва всячески пыталась снизить сумму выплат, а Крым – наоборот – повысить; 2) Литва старалась придать этим выплатам исключительно дарственный (добровольный) характер „за службу”, а Крым трактовал их как постоянную дань. Так, говоря о суммах, Великое княжество Литовское старалось делать выплаты исключительно тканями – по причине нехватки „живой” монеты. Крымцы же требовали всю сумму злотыми. В 1533–1537 гг., когда Крымское ханство разделилось на две части (вследствие противостояния Ислам-Гирея и Сахиб-Гирея), правительство Великого Княжества Литовского сразу же заявило об уменьшении выплат. Было решено платить обоим крымским правителям по две тысячи злотых (половину

⁵ М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 4, с. 336; М. В. Довнар-Запольский, *Литовские упоминки татарским ордам*, с. 37.

⁶ М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 7, с. 22–23.

⁷ И. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание*, с. 202.

⁸ См. наприм.: *АЗР*, с. 362–364.

⁹ Б. Черкас, *Україна в політичних відносинах*, с. 168–208.

¹⁰ ЦДАУК, ф. КМФ 36, оп. 1, спр. 7, арк. 642зв–643.

¹¹ Ibidem, арк. 735–736; К. Pulaski, *Machmet-Girej chan Tatarow*, s. 319.

¹² К. Pulaski, *Machmet-Girej chan Tatarow*, s. 319.

¹³ Ibidem, s. 340.

– деньгами, а половину – тканями) ежегодно. В конечном счете литовский посол Оникей Горностай договорился о варианте, когда Сахиб-Гирей I будет получать 200, а Ислам-Гирей – 60 поставов „лунских” тканей¹⁴. В то же время, как только в 1537 г. Сахиб-Гирей уничтожил оппонента и объединил страну, то он сразу потребовал 15 тысяч золотых, при этом, как жаловался Сигизмунд Старый Панам-Раде, хан высказал эти претензии „з пихою”¹⁵.

Интересно выглядит статусность упоминков на следующем примере. В 1533 г. Паны-Рада предложили Сигизмунду Старому два варианта: послать к хану „великие” упоминки с Оникеем Горностаем – высокопоставленным урядником Великого Княжества Литовского из знатного и богатого панского рода, или „ровные” – с дьяком Андреем Мацкевичем. Сигизмунд выбрал золотую середину. Он приказал отправить в Крым великие упоминки, но с Мацкевичем¹⁶. В целом, как уже отмечалось, сама плата трактовалась сторонами по разному. Но был еще один важный момент – выплатой упоминков Великое княжество Литовское признавало того или иного хана легитимным в своих глазах. И этот факт также играл важную роль в литовско-крымских отношениях. Недаром, в 1532 г. Ислам-Гирей, пытаясь захватить крымский престол, прислал своих послов к Сигизмунду Старому, требуя себе упоминки в размере 15 тыс. золотых – тем самым представляя себя как нового хана¹⁷.

В конечном счете, лишь к 1540 г. при хане Сахиб-Гирее I удалось, наконец, достичь четкой формулы выплат. По этой договоренности Великое княжество Литовское и Корона Польская платили 15 тыс. тканями „лунскими” по 33 золотых за постав. Оговаривалось, что крымских послов должно быть 10–20, максимум 45 человек, при этом их содержание, а также содержание всех других гонцов и послов должно было происходить за счет упоминков. Также на бумаге был зафиксирован характер выплаты, выгодный именно Великому княжеству Литовскому: „за доброту”, а не „из повинности.” Выплата происходила дважды в год, по половине от общей суммы соответственно¹⁸.

Сама процедура переправки упоминков в Крым выглядела следующим образом. Сначала они свозились в Киев. Тут ткани сберегались под охраной. В Крымское ханство упоминки шли по маршруту: Киев–Канев–Черкассы–Исламгородок (современный г. Олешки, до недавнего времени Цюрупинск). Перевозку проводили возами, реже лодками. Вся транспортировка и охрана упоминков была обязанностью населения Киевского воеводства, в первую очередь, военных слуг,

¹⁴ Дет. о противостоянии Сахиб и Ислам Гиреев, см.: Б. Черкас, *Україна в політичних відносинах*, с. 218.

¹⁵ *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссією* [далее: *АЗР*], т. 2, Санкт-Петербург 1848, с. 346.

¹⁶ И. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание*, с. 192–193.

¹⁷ Б. Черкас, *Україна в політичних відносинах*, с. 204.

¹⁸ *АЗР*, с. 362–364.

т. н. „ордынских”¹⁹. Так как выплата упоминков была частью заключения или продления союзных договоров, то их привозил посол. Причем это мог быть как литовский дипломат, так и крымский. Например, в 1516 г. в Крым условия союзного договора и упоминки вез литовский посол Скиндер²⁰, а в 1518 г. московские послы видели, как из Киева в Ислам-Городок прибыл литовский посол Ратомский с упоминками в 12 возов с тканями. Его встретил местный крымско-татарский князь Од-Рахман и уже дальше сопровождал к хану²¹. В свою очередь, в 1537 г. упоминки в Крым должен был доставить ханский великий посол Бумак²². Нередкими были случаи, когда упоминки не попадали в Крым, а оставались в Киеве. Причем это могло быть как инициативой Великого княжества Литовского, так и Крымского ханства, в зависимости от политической ситуации или просто случая. Как уже упоминалось, смерть в Киеве литовского посла Дмитра Путятича послужила причиной аннулирования выдачи упоминков. В 1517 г. Ольбрахт Гаштовт и в 1520 г. Михаил Халецкий, будучи послами Великого Княжества Литовского, прибыли с упоминками в Киев, но, по причине срыва переговоров, оставили упоминки в Киеве²³. С другой стороны, уже хан Сахиб-Гирей в 1535 г. через своего посла мурзу Девлета, просил не присылать упоминки в Крым из-за опасной дороги, а оставить их до лучших времен в Киеве²⁴.

В целом следует заметить, что изучение упоминков как составной части отношений Великого княжества Литовского и Крымского ханства требует дальнейших исследований. Отдельного внимания заслуживают такие интересные сюжеты, как закупка крымскими послами в Киеве на всю сумму упоминков определенных товаров или упоминки, выплачиваемые приграничными урядниками Великого княжества Литовского в той или иной ситуации представителям крымско-татарской знати.

*

Kostiantyn Sviatniuk, *Lithuanian-Polish „upominki” to the Crimean Khanate in 1500–1540: to the problem of study of the payment mechanism*

The article is devoted to one of unexplored aspects of diplomatic relations of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish Crown with the Crimean Khanate, namely the procedure and mechanisms of the *upominki* payments. The attempt to distinguish the types of *upominki*, to reconstruct the technology of their delivery, to reveal the character of the payments is made in this paper. In addition, it shows the interdepen-

¹⁹ О характере таких повинностей, см.: П. Г. Клепатский, *Очерки по истории Киевской земли*, Одесса 1912; Б. Черкас, *Україна в політичних відносинах*, с. 43–58.

²⁰ ЦДІАУК, ф. КМФ 36, оп. 1, спр. 7, арк. 629–633; К. Pulaski, *Machmet-Girej chan Tatarow*, s. 183.

²¹ РИО, с. 502.

²² ЦДІАУК, ф. КМФ 36, оп. 1, спр. 15, арк. 230 зв.–231 зв.

²³ Ibidem, спр. 7, арк. 707, 725, 728; Б. Черкас, *Україна в політичних відносинах*, с. 46.

²⁴ ЦДІАУК, ф. КМФ 36, оп. 1, спр. 15, арк. 231.

dence of the authorities range in the Crimean Khanate from the fact of the *upominki* reception.

*

Kostiantyn Sviatniuk, *Litevsko-polské „upominki” Krymskému chanátu v letech 1500–1540: k problematice studia platebních mechanismů*

Článek se věnuje jednomu z nevysvětlených aspektů diplomatických vztahů Velkovévodství litevského a Polské koruny s Krymským chanátem, konkrétně procedurám a mechanismům plateb prostřednictvím tzv. *upominki*. V pojednání se pokoušíme rozlišit typy těchto dokumentů, zrekonstruovat technologii jejich vydávání, objasnit charakter těchto plateb. Kromě toho ukazuje vzájemnou propojenost rozsahu autorit v Krymském chanátu odvíjejícího se od recepce těchto dokumentů.

Родион Попель
(Минск)

Киевская земля Великого княжества Литовского и татарские ханства: формы взаимодействий от XIV века до второй половины XVI века

В статье рассматриваются структура и основные формы взаимодействий Киевской земли Великого княжества Литовского и татарских ханств – Золотой (Большой) Орды и Крымского ханства – с XIV века до второй половины XVI века. Данные взаимоотношения имели сложный характер, являясь переплетением большого количества военно-политических, дипломатических, социально-экономических, даже культурных факторов, каждый из которых необходимо учитывать в равной мере. Вместе с тем, Киевская земля являлась частью Великого княжества Литовского и должна была следовать его внутренней и внешней политике, которая так и не смогла достичь эффективного решения „татарского вопроса”. В результате чего до самого перехода в состав Польши в 1569 г. Киевская земля продолжала оставаться ареной для постоянных нападений татар.

Киевская земля являлась частью Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ) более двух столетий – от присоединения её Ольгердом в начале второй половины XIV века до перехода в состав Польского королевства в 1569 г. За это время Киевская земля испытала эволюцию общественно-политического устройства и географических границ, при этом оставаясь крупнейшей по площади административно-территориальной единицей ВКЛ. Очень важным, а временами и определяющим, фактором в политическом и экономическом развитии Киевской земли, а также взаимоотношениях с главным государственным центром являлось её приграничное положение. Протяжённые и во многом условные южная и восточная границы Киевщины выходили в обширное Дикое поле и прикрывали ВКЛ от ханств Татари. Будучи „вырванной” из татарской зависимости Великим княжеством Литовским, Киевская земля являлась своеобразным буфером и мостом между ним и татарскими ханствами, становясь не только ареной, но и субъектом

множества политических, социально-экономических и культурных взаимодействий.

Отметим, что под *Киевской землёй* мы понимаем два последовательно существовавших в составе ВКЛ административно-территориальных образования. Первым является *Киевское княжество*, которое существовало от присоединения его к ВКЛ во времена Ольгерда в начале второй половины XIV века до 1471 г., когда Казимир Ягеллончик преобразовал княжество в воеводство. Вторым таким образованием было *Киевское воеводство*, существовавшее в составе ВКЛ с 1471 г. до Люблинской унии 1569 г. и перехода этого воеводства в состав Польши. Под *Татарией* в данной работе подразумевается общее название для двух татарских государств – Золотой (Большой) Орды и Крымского ханства.

Также необходимо кратко коснуться вопроса о *периодизации* взаимодействий Киевской земли ВКЛ и татарских ханств. Здесь представляется необходимым выделить три больших периода. *Первый период* охватывает взаимодействия между Киевским княжеством и Золотой (Большой) Ордой от присоединения Киевщины к ВКЛ в начале второй половины XIV века до выделения из состава Орды Крымского ханства в первой половине XV века (условно начало 1440-х гг.).¹ На этом этапе Киевская земля находилась в контакте с одним татарским государством – Золотой, или Большой, Ордой. Однако иногда Орда распадалась на несколько государственных центров, как это было, например, во время „Великой Замятни”, которая продолжалась с конца 1350-х гг. до 1380 г.² Ослабление Орды в это время не только облегчило для Ольгерда присоединение Киевской земли, но и делало необходимыми отношения с разными претендентами на ханский трон и правителями частей распадающегося татарского государства, как, например, с альтернативными ханами Мурадом и Абдуллахом в первой половине 1360-х гг.³

В качестве *второго периода* взаимодействия Киевской земли ВКЛ и татарских ханств выделим временной отрезок с первой половины XV века, когда постепенно складывалось независимое Крымское ханство, до 1502 г., когда в результате нападения крымчаков на Золотую (Большую) Орду она фактически перестала существовать⁴. Этот период характеризуется взаимоотношениями Киевщины с двумя татарскими государствами – постепенно ослабевавшей Большой Ордой и усиливавшимся Крымским ханством, к созданию которого ВКЛ имело непосредственное отношение посредством поддержки в 1420-х–1440-х гг. первого

¹ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство XIII–XV вв.*, Москва 2011, с. 178–180; Д. Прохоров, Н. Храпунов, *Краткая история Крыма*, Симферополь 2013, с. 204–209, 226–237, 246–257; В. Гулевич, *Улус Улус (Крымское ханство)*, [in:] *Золотая Орда в мировой истории*, Казань 2016, с. 764.

² Ж. М. Сабитов, *Генеалогия Джучидов в XIII–XVIII веках*, [in:] *Генеалогия Торе*, Алма-Ата 2008, с. 45–50.

³ А. П. Григорьев, *Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений*, [in:] *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*, Ленинград 1983, с. 28.

⁴ И. В. Зайцев, *Шейх-Ахмад – последний хан Золотой Орды*, [in:] *От Стамбула до Москвы: Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера*, Москва 2003, с. 31–52.

хана независимого Крыма Хаджи I Гирая. Также необходимо отметить, что в данном большом периоде можно выделить *два подпериода*, в зависимости от формы устройства политической системы Киевской земли: взаимодействие Большой Орды и Крымского ханства с Киевским княжеством (до 1471 г.) и их взаимодействие с Киевским воеводством (1471–1502).

Как *третий период* можно выделить 1502–1569 гг. – контакты Киевского воеводства с Крымским ханством от падения Большой Орды и до вхождения Киевщины в состав Речи Посполитой.

Кратко рассмотрим *структуру и основные формы* взаимодействий Киевской земли ВКЛ и татарских ханств с XIV века до второй половины XVI века, а также некоторые проблемы их изучения.

Проблема присоединения Киевской земли к Великому княжеству Литовскому и её статуса. Хронология присоединения Киевского княжества к ВКЛ давно вызывает дискуссию среди историков. Согласно старой историографической традиции, присоединение произошло в 1320-х гг. в результате побед Гедимиha над татарами и киевским князем Станиславом, в том числе в битве на Ирпени⁵. Такой точки зрения придерживалось большинство авторов белорусско-литовских хроник XVI века и украинских летописей XVII века⁶. Однако есть основания полагать, что присоединение Киевской земли к ВКЛ произошло лишь в начале второй половины XIV века, во всяком случае, не позже битвы на Синих Водах 1362 г. Этот подход лежит в основе второй „линии” в историографии, представленной, в том числе, украинской исследовательницей Еленой Русиной⁷ и в некоторой степени – её соотечественницей Натальей Яковенко⁸. В пользу гипотезы о включении Киевского княжества в состав ВКЛ во времена Ольгерда и позднего конструирования князьями Гольшанскими мифа о киевском походе Гедимиha 1320-х гг. с целью оправдать свои претензии на Киев⁹ говорит и динамика отношений Великого княжества Литовского с Золотой Ордой в XIV веке. 1320-е гг. – время политического расцвета Золотой Орды и правления там хана Узбека (1313–1341). С конца 1350-х гг. в Орде наступило время „Великой Замятни”, когда для ВКЛ появилось больше возможностей для вмешательства в её внутренние дела и занятия военным путём подчинённых ей княжеств. В это время к ВКЛ были присоединены Подолье и Новгород-Северская земля, а также активно велись войны за

⁵ Ф. М. Шабульдо, *Земли Юго-Западной Руси в составе Великого Княжества Литовского*, Киев 1987, с. 28–30.

⁶ *Летапіс Рачынаскага*, [in:] *Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час*, Мінск 2010, с. 292–293; *Хроніка літоўская і жамайцкая*, [in:] *Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час*, Мінск 2010, с. 438–440; *Густынская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 2, Москва 1843, с. 348; *Межигорская летопись*, [in:] Н. Дашкевич, *Заметки по истории литовско-русского государства*, Киев 1885, с. 56–57.

⁷ О. В. Русиная, *Україна під татарами і Литвою*, Київ 1998, с. 48, 51.

⁸ Н. М. Яковенко, *Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття*, Київ 2006, с. 101.

⁹ О. В. Русиная, *Україна під татарами і Литвою*, с. 48, 51.

„наследство галицко”-волинских Романовичей. Присоединение Киевского княжества в это время является абсолютно логичной частью политики ВКЛ, направленной на экспансию в южном направлении.

Ещё одной проблемой, связанной с присоединением Киевщины к ВКЛ и определением её политического статуса, является вопрос о возможности двойного кондоминиума ВКЛ и Орды над Киевским княжеством в начале 1360-х – 1390-х гг., существование которого в своих работах признавали, например, украинские историки Феликс Шабульдо¹⁰ и Юрий Михайлюк. В качестве аргументов в пользу реальности кондоминиума Ю. Михайлюк, в частности, называет выдачу ордынскими ханами великим князьям литовским ярлыков на владение Киевской землёй (и другими землями Руси), а также очевидное влияние ордынских монет на монетную чеканку в Киевском княжестве времён Владимира Ольгердовича в 1360-х – начале 1390-х гг.¹¹ В отношении ярлыков отметим, что они регулярно выдавались сначала ханами Золотой Орды, а затем ханами Крыма: от гипотетического ярлыка Абдуллаха Ольгерду 1362 г. и ярлыков Тохтамыша Ягайло и Витовту до ярлыка Девлета I Гирая Сигизмунду II Августу 1560 г.¹² Кроме этого, ещё и в XV веке и даже в XVI веке ВКЛ в целом и Киевская земля в частности выплачивали Орде и Крымскому ханству разные виды денежной дани („выход”, „татарщина”, „ордынина”)¹³. Вместе с тем, формальная выдача ханами ярлыков и выплата им своеобразного откупа в виде дани не могут говорить о существовании какого-либо литовско-ордынского кондоминиума над Киевской землёй в XIV веке. Как видим, и выдача ярлыков, и выплата дани продолжали практиковаться даже в XVI веке, однако это абсолютно не означает кондоминиума над Киевским воеводством. На наш взгляд, не свидетельствуют о нем и киевские наследования ордынскими монетами, о чём будет сказано далее.

Военные контакты. Военные взаимодействия между Киевской землёй и татарскими ханствами являются, наверное, наиболее интенсивной и исследованной частью в структуре их контактов. Киевская земля на протяжении двух столетий являлась своеобразным „щитом”¹⁴, прикрывавшим ВКЛ от многочисленных татарских нападений. Вместе с тем, эти взаимоотношения отнюдь не были односто-

¹⁰ Ф. М. Шабульдо, *Земли Юго-Западной Руси*, с. 30–31.

¹¹ Ю. Михайлюк, *Південна Київщина в 60-х рр. XIV – 60-х рр. XVI ст.: державне управління та громадське самоврядування*, Черкаси 2011, с. 74–77.

¹² Ł. Gołębiowski, *Dzieje Polski za panowania Jagiellonów*, t. 3: *Dzieje Polski za panowania Kazimiera, Jana Olbrachta i Alexandra*, Warszawa 1848, s. 230–231; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 4, Київ 1993, с. 458–459; Ф. Е. Петрунь, *Ханські ярлики на українські землі*, „Східний світ”, 1929, 2, с. 170–185; Ф. Шабульдо, *Чи існував Ярлик Мамай на українські землі? (до постановки проблеми)*, [in: *Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях*], Київ 2005, с. 147–148.

¹³ *Акты Литовско-Русского Государства*, т. 1, Москва 1899, с. 86–87; М. В. Довнар-Запольский, *Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах*, т. 1, Киев 1901, с. 698–704; Ł. Kolankowski, *Problem Krymu w dziejach jagiellonskich*, „Kwartalnik Historyczny”, 49, 1936, 3, s. 286.

¹⁴ Например, подобный образ используется Б. Черкасом в названии его книги: Б. Черкас, *Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів*, Київ 2011.

ронними. ВКЛ также активно участвовало во внутриордынских делах. Яркий пример – литовская помощь Хаджи Гирию и его сторонникам в создании независимого Крымского ханства, о чём уже упоминалось выше. При этом надежды ВКЛ на союз с Крымом против Орды и Москвы перестали оправдываться уже после вступления на трон сына Хаджи Гирия, Менгли I Гирея и попадания Крыма в вассальную зависимость от Османской империи в 1470-х гг. Крымское ханство, созданное при литовском содействии, надолго стало одной из внешнеполитических угроз для Великого княжества Литовского, а затем и для Речи Посполитой.

Отметим, что во времена Киевского княжества нападения татар на Киевскую землю носили относительно ограниченный характер и не приводили к тяжёлым последствиям. Однако после отстранения от власти в Киеве династии Олельковичей и создания Киевского воеводства в 1471 г. произошло резкое увеличение количества нападений крымских татар при падении уровня общей организации обороны Киевской земли. Только за 1471–1569 гг. на земли ВКЛ было совершено более 75 татарских нападений¹⁵, причём иногда татарские войска проходили через всю Киевскую землю вглубь территории современной Беларуси. В 1482 и 1489 гг. произошли драматические захваты Киева крымскими татарами, при этом в 1482 г. крымчаки захватили и сожгли Киевский замок, а киевский воевода Иван Ходкевич с семьёй попали в плен¹⁶. Всё это является важными показателями итоговой неэффективности южной, в том числе „татарской”, политики ВКЛ. Определённую роль тут сыграло и воздействие казачьего фактора. Украинское казачество, которое активно формировалось в качестве военно-политической силы в конце XV–XVI веке, временами выступало в качестве дополнительного „защитника” литовских владений от нападений татар, но нередко само их и провоцировало¹⁷. Исследование роли украинских казаков во взаимоотношениях Киевской земли и татар представляет собой отдельный вопрос, здесь же отметим, что нерешённость проблемы эффективной организации казачества и его встраивания в социальную структуру ВКЛ (а затем и Речи Посполитой) стала важным фактором нестабильности в регионе.

Дипломатические контакты. Военные контакты между Киевской землёй и татарскими ханствами, сопротивление татарским набегам, вероятно, самая упоминаемая форма взаимодействий между этими государственными образованиями. Вместе с тем, намного меньше внимания в историографии уделяется дипломатическим контактам. Однако необходимо подчеркнуть особую роль Киева в дипломатических сношениях ВКЛ и Татарии. Киев являлся „специализированным”

¹⁵ J. Ochmański, *Organizacja obrony w Wielkim Księstwie Litewskim przed napadami Tatarów krymskich w XV–XVI wieku*, Warszawa 1960, s. 364; А. Б. Доўнар, *Барацьба з татарскімі набегамі*, [in:] *Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Прыцякае Палессе*, Мінск 2016, с. 89.

¹⁶ Впрочем, в историографии встречается и мнение о переоценённости катастрофичности последствий взятия Киева татарами в 1482 г., например, см. работу: В. П. Гулевич, „Київська трагедія” 1480 р.: міфи й факти, „Український історичний журнал”, 2013, 5, с. 88–99.

¹⁷ Б. Черкас, *Степовий щит Литви*, с. 131–136.

центром дипломатических связей с татарскими ханствами. Киевские воеводы часто играли посредническую роль в контактах с татарами или даже являлись, по сути, послами ВКЛ в отношениях с Крымским ханством. Так, можно вспомнить хотя бы подобную деятельность киевского воеводы Дмитрия Путятича на рубеже XV и XVI веков¹⁸. В Киеве татарским послам выдавались глейты (охранные листы), с которыми они могли предвигаться дальше по территории ВКЛ. Киев в разное время облагался различными налогами и податями на содержание фурманов и подвод и перемещение послов ВКЛ, местные жители должны были предоставлять транспорт для послов и гонцов¹⁹. Так, стоит упомянуть сюжет о борьбе киевских мещан против нового налога на содержание подвод, который после жалоб киевлян был отменён Сигизмундом II Августом 6 мая 1558 г.²⁰. В этом же документе содержалось указание киевскому воеводе Григорию Ходкевичу создать реестр фурманов и перевозчиков с целью их привлечения для перемещения литовских посланников²¹.

Нередко Киев становился и местом нахождения знатных беглецов из татарских ханств, как правило, представителей правящих династий Чингизидов и Гиреев, которые опасались преследований на родине и были приняты в ВКЛ, ожидая очередного удобного момента для попытки получить трон или просто находя спокойное место для жизни. Таких случаев было немало. Вспомним хотя бы примеры свергнутого крымского хана Айдера, который в 1475 г. бежал из Крыма в Киев, или последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмада, прибывшего после крушения своей державы в Киев в 1503 г.²² Таким образом, Киевская земля являлась не только «щитом», но и «воротами» ВКЛ в его отношениях с Золотой Ордой и Крымским ханством.

Социально-экономические контакты. Военные и дипломатические взаимодействия представляют собой формальную часть в структуре взаимоотношений ВКЛ и татарских ханств. Но вместе с тем, частыми войнами и обменом послами эти контакты не ограничивались – постоянным и интенсивным было социально-экономическое взаимодействие. Так, нужно упомянуть об активных торговых контактах между южными землями ВКЛ и татарскими ханствами, осо-

¹⁸ *Акты, относящиеся к истории Западной России*, т. 1, Санкт-Петербург 1846, с. 210–212; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 4, розділ 4, с. 4.

¹⁹ А. А. Любая, *Князь Ибрагим бен Тимур из рода Юшинских*, [in:] *Alba Russia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.)*, Москва 2015, с. 161–162.

²⁰ Archiwum Główne Akt Dawnych, Archiwum Radziwiłłów, Dział V, Sygnatura 3306, [1558.05.06] *Прывілей Жыгімонта Аўгуста мясчанам горада Кіева*.

²¹ Подробнее привилегия Киеву 1558 г. рассмотрена нами в публикации: Р. І. Попель, *Прывілей Жыгімонта Аўгуста Кіеву 1558 г. ў кантэкście агульнапалітычнай сітуацыі ў паўднёвых валоданнях Вялікага Княства Літоўскага*, [in:] *Социально-гуманитарные знания: материалы XI Республиканской научной конференции молодых ученых и аспирантов*, Минск, 27 ноября 2014 г., Минск 2014, с. 72–77.

²² А. А. Любая, *Царь, переживший свое царство: хан Шейх-Ахмад в Великом княжестве Литовском*, [in:] *Alba Russia*, с. 147.

бенно Крымом. Для торговли с Крымским ханством использовался целый ряд торговых путей²³, сложившихся в конце XV – первой половине XVI века, хотя наиболее старые из них, вероятно, существовали ещё и намного раньше. Одним из крупнейших являлся Чёрный шлях (в будущем получивший название Чумацкий шлях), начинавшийся в Центральной Украине, на Черкащине, в результате объединения нескольких торговых путей, которые вели из Западной Украины²⁴. Из-под Черкас восточнее и параллельно реке Ингулец Чёрный шлях вёл на юг – в татарские владения города Ислам-Кермен и Перекоп, а затем и собственно сам Крым. Крупным торговым путём, который вёл из Западной Украины, из-под Бара и Брацлава, в Центральную Украину был Кучманский шлях. Он пересекал Южный Буг ниже легендарной реки Синие Воды (Синюхи) и южнее Черкас вливался в Чёрный шлях²⁵. Одно из ответвлений Кучманского шляха вело в город Очаков, основанный на берегу Чёрного моря в 1492 г. Менгли Гиреем. Ещё несколько путей, таких как Калмиуский, Муравский и вливавшийся в него Изюмский, соединяли Крым и Московское государство, проходя через восточную и южную части современной Украины. Однако это лишь основные из существовавших в этой части Европы торговых путей.

К XVI веку относится и постепенное складывание такой специализированной категории торговых людей, как чумаки („соленики”)²⁶, которые отправлялись к берегам Чёрного и Азовского морей за солью, рыбой и другими товарами. Поездки через Дикое поле во владения Крымского ханства были сопряжены с большим количеством опасностей, тем не менее, в последующие столетия чумачество получило ещё большее развитие. Вместе с тем, необходимо отметить, что уже упомянутые торговые шляхи, представляя собой основные немногочисленные транспортные артерии в поле, нередко использовались перекопскими татарами для нападений на ВКЛ, а также и для угона ясыря²⁷. Так война и торговля сочетались в качестве постоянных элементов отношений Киевской земли и татар.

Интенсивность торговли между Киевской землёй и татарскими ханствами показывает и большое количество находок как золотоордынских, так и крымских монет на территории Киевщины²⁸. При отсутствии собственной монетной чеканки в княжествах Южной Руси основными денежными единицами региона являлись ордынские монеты, в основном серебряные данги и дирхемы, а также медные пулы. Активно они использовались и в ВКЛ в собственный домонетный период,

²³ І. Слабеев, *Чумацький промисел на Україні*, [in:] *Наукові записки інституту історії АН УРСР*, т. 12, Київ 1958, с. 134.

²⁴ Ю. Михайлюк, *Південна Київщина*, с. 89–90, мапи 3, 6, 7.

²⁵ Ibidem, с. 89–90, мапи 3, 6, 7.

²⁶ І. Слабеев, *Чумацький промисел на Україні*, с. 131–164.

²⁷ Ibidem, с. 131–164.

²⁸ К. К. Хромов, *К вопросу о начале монетной чеканки на территории Киевского княжества в XIV в. (о „киевских” подражаниях монетам Джанибека)*, [in:] *Материалы Двенадцатой Всероссийской нумизматической конференции*, Москва 2004, с. 87–88.

а также после начала не слишком интенсивной на первых порах общегосударственной литовской монетной чеканки в 1380-х гг.²⁹ После начала чеканки монет независимого Крымского ханства в 1440-х гг. они также начали использоваться в денежном обращении на пространствах ВКЛ, особенно в его южных землях. Вместе с тем, использование татарских монет в денежном обращении Киевской земли является далеко не единственным показателем влияния монетного дела Золотой Орды на развитие собственной монетной чеканки в Киевском княжестве, как и в Великом княжестве Литовском в целом. Имели явные заимствования или даже являлись наследованиями татарским монетам большинство монетных типов как региональной чеканки ВКЛ, которая осуществлялась его отдельными землями от имени своих князей с 1360-х гг. до начала XV века, так и ранней общегосударственной чеканки ВКЛ, которая могла начаться в 1370-х гг. и уже точно производилась в 1380-х гг.³⁰ Об этом свидетельствуют и метод чеканки из серебряной проволоки, и вес (менее грамма, максимум – менее двух грамм), и размер этих монет, а также наличие на многих из них имитаций, как правило, нечитаемых арабских надписей. По нашим подсчётам³¹, в Киевском княжестве в 1350-х–1390-х гг. использовалось, как минимум, пять монетных типов собственной чеканки:

1. подражание дангам хана Золотой Орды Джанибека – 1350-е гг. (*ил. 1*);
2. денарии князя Владимира Ольгердовича I типа – примерно с середины 1360-х гг. до второй половины 1370-х гг.;
3. денарии князя Владимира Ольгердовича II типа – примерно с середины 1360-х гг. до начала 1390-х гг.;
4. денарии князя Владимира Ольгердовича III типа – начало 1390-х гг.;
5. оболы (полуденарии) князя Владимира Ольгердовича – первая половина 1390-х гг.

Таким образом, в период перед присоединением к ВКЛ в Киевском княжестве, по всей видимости, чеканились монеты, которые являлись прямым подражанием ордынских дангов. Однако во времена правления Владимира Ольгердовича все чеканенные им денарии (*ил. 2*) и оболы хотя и не несли арабских надписей, а наоборот, имели „местную” символику – имя князя, его княжеский знак и крест, но в техническом плане имели явное заимствование от ордынской чеканки (способ чеканки, вес и размер монет). Упоминаемая некоторыми авторами чеканка собственных монет киевским князем Скиргайло в 1390-х гг. маловероятна – скорее всего, эти денарии „со львом и крестом” чеканились в Волынском княжестве перед его присоединением к ВКЛ³². Кроме этого, в Киевском княжестве, по всей

²⁹ Ш. И. Бектинесв, *Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках: нумизматические исследования*, Минск 2014, с. 77, 194–210, 237–238.

³⁰ Ibidem, с. 237–238.

³¹ Р. І. Попель, *Регіональна монетна чаканка Вялікага Княства Літоўскага ў сувязі з пытаннем палітычнай аўтаноміі яго земляў*, [in:] *Studia Historica Europae Orientalis*, Минск 2016, с. 129–143.

³² Ю. Борейша, *Аб атрыбуцыі, сімваліцы і датаванні манет ВКЛ з львом і крыжам*, [in:] *Банкаўскі вестнік*, 2007, 16 (381), с. 59–61; Ю. Борейша, *Волынские монеты Фёдора Любартовича в свете кладо-*

видимости, в несколько более поздний период осуществлялись надчеканки в виде княжеского знака Витовта „Колонны” на татарских монетах³³:

1. контрамарки в виде „Колонн” на золотоордынских дангах – примерно с середины 1390-х гг. до 1430 г.;

2. контрамарки в виде „Колонн” на крымско-генуэзских аспрах – примерно в 1420 г.

Таким образом, татарское монетное дело оказало очень глубокое влияние на монетные эмиссии в Киевском княжестве (соответствующие заимствования имели все типы киевских монет), а также и ВКЛ в целом, что открывает для нас ещё одну страницу литовско-татарского взаимодействия.

Тот факт, что татары далеко не всегда воспринимались на землях Руси и всего литовско-русского государства только в образе врага, подтверждается и постепенным складыванием в ВКЛ, в том числе и в Киевской земле, слоя служилой татарской аристократии. Пути её пополнения были разными. Так, мы уже упоминали о принятии Витовтом хана-изгнанника Тохтамыша и его орды, а также о приёме в ВКЛ и Киевской земле выехавших из Орды и Крыма представителей как правящих династий (Чингизиды, Гирей), так и других знатных родов (Мангыты, Кыпчаки и др.). Неоднозначным и в определённой степени болезненным юридическим вопросом в этих условиях была возможность владения татарской знатью крестьянами-христианами, к чему обращается в своих работах Алёна Любая³⁴. На практике, как правило, такое владение осуществлялось.

Взгляд с „другой стороны”. В 1350-х – начале 1360-х гг. Золотая Орда потеряла свои обширные владения в виде украинских земель, самой крупной по площади из которых являлось Киевское княжество. Как отмечалось выше, нет оснований говорить о каком-либо двойном кондоминиуме Литвы и Орды над Киевским княжеством в последующее время. Однако не вызывает сомнения, что ордынские ханы и после присоединения украинских земель к ВКЛ продолжали формально считать себя их верховными правителями, как, по сути дела, и правителями многих земель Руси вообще. Яркое свидетельство этому – выдача ханами ярлыков великим князьям литовским на владение рядом земель Руси. Мы уже упоминали об этом, когда речь шла об определении формального статуса Киевской земли как части ВКЛ. Но с другой стороны, это свидетельствует и о продолжении восприятия золотоордынскими ханами многих земель Руси в качестве своей старой „вотчины”, которое унаследовали и крымские ханы. Уже первый хан независимого Крыма Хаджи I Гирей продолжил ордынскую практику выдачи ярлыков, несмотря на то, что Большая Орда по-прежнему существовала. Интересной чертой ярлыка

вых данных и реконструкции символики Галицко-Волынского государства, Минск 2015, с. 3; В. Савицкий, В. Чопюк, *Монети Любарта*, [in:] *Наукові записки з проблеми волинезнавства*, вип. 1, Луцьк 2008, с. 130–133.

³³ Р. І. Попель, *Регіональна монетна чаканка*, с. 132–133.

³⁴ А. А. Любая, *Царь, переживший свое царство*, с. 148–149; Eadem, *Князь Ибрагим бен Тимур*, с. 181–182.

Хаджи Гирея Казимиру Ягеллончику 1461 г.³⁵ является наличие в его содержании пожалования не только Киева, Луцка, Смоленска, Чернигова и других городов Литовской Руси, но даже Великого Новгорода и Тулы, которые никогда в состав ВКЛ не входили (Новгород, впрочем, никогда татарами и не был завоёван). Это ещё раз показывает представление крымских ханов о себе как о „сюзеренах” Руси³⁶, которому способствовало и падение в результате удара крымских войск Золотой Орды в 1502 г. Кроме этих важных, но всё же формальностей, крымчаки пытались расширить и фактическую территорию своего государства, свидетельством чему являются постоянные войны между литовско-русским государством и Крымским ханством. Иногда эти войны достигали серьёзного размаха, когда вместо относительно небольших грабительских нападений на украинские земли вторгалась орда крымчаков, которая могла достигать до нескольких десятков тысяч воинов³⁷.

Несмотря на всё изложенное, восприятие Киевской земли татарами не было только взглядом „сюзерена” на свою, пусть и утраченную „вотчину”. Неоднозначность этого восприятия показывает и фактическое выделение Киева в источниках ряда европейских стран, а также татарских документах среди всех остальных городов Руси. Так, в крымских „письмах”-листах, адресовавшихся к ВКЛ ещё и в XVI веке, а также в некоторых молдавских источниках названного периода, встречается такое наименование киевских воевод, как „царь”³⁸. Всё это свидетельствует о восприятии Киева как важного сакрального и исторического центра Руси не только православными странами Восточной Европы³⁹, но даже и татарами-мусульманами. На подобные представления о Киеве, по сути, не повлияла даже трансформация Киевского княжества в воеводство в 1471 г., которая фактически осталась незамеченной в татарских документах. Несмотря на то, что крымские ханы считали себя „царями” Руси, они продолжали титуловать таким образом и киевских наместников, отдавая дань старой традиции. Всё это показывает важность изучения взгляда на Киевскую землю и киевско-татарские отношения с „другой стороны”, понимания точки зрения на тогдашние политические реалии самой татарской элиты. Как правило, подобная тематика нечасто становилась целью научных исследований, что открывает для них дальнейшие перспективы.

Итоги. В данной статье рассматривалась общая структура взаимодействий Киевской земли Великого княжества Литовского и татарских ханств, каждая из конкретных форм которых может стать предметом отдельного исследования. Данные взаимоотношения имели сложный характер, являясь переплетением

³⁵ Ł. Gołębowski, *Dzieje Polski za panowania Jagiellonów*, t. 3, s. 230–231.

³⁶ В. П. Гулевич, *Казимир Ягайлович і Менглі Гірей: від „друзів” до ворогів*, „Український історичний журнал”, 2013, 1, с. 44.

³⁷ Б. Черкас, *Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханством (1515–1540)*, Київ 2006, с. 126.

³⁸ *Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв.*, ред. Ф. А. Грекул, Москва 1976, с. 63, 69, 106.

³⁹ А. В. Мартынюк, *Восточная Европа середины XV в. в сочинении Лаоника Халкокондила*, [in:] *Alba Russia*, с. 139–140.

большого количества военно-политических, дипломатических, социально-экономических, даже культурных факторов, каждый из которых необходимо учитывать в равной мере. Вместе с тем, Киевская земля являлась частью ВКЛ и должна была следовать его внутренней и внешней политике, которая, надо признать, так и не смогла достичь эффективного решения „татарского вопроса”. В результате чего до самого перехода в состав Речи Посполитой в 1569 г. Киевская земля продолжала оставаться ареной для постоянных нападений татар.

*

Radzivon Popiel, *Kiev land of the Grand Duchy of Lithuania and the Tatar Khanates: forms of interaction from the 14th century until the second half of the 16th century*

The article discusses the structure and the main forms of interactions of Kiev land of the Grand Duchy of Lithuania and the Tatar Khanates – the Golden (Great) Horde and the Crimean Khanate – from the 14th century until the second half of the 16th century. These relationships were complex and included a large number of military, political, diplomatic, social and economic, even cultural factors, all of which need to be considered equally. At the same time, Kiev land was the part of the Grand Duchy of Lithuania and was due to follow its internal and foreign policy, which, admittedly, has not been able to reach an effective solution of the „Tatar question”. As a result, Kiev land before moving to Poland in 1569 continued to be the scene for the constant attacks of the Tatars.

*

Radzivon Popiel, *Kyjevská oblast Velkovévodství litavského a Tatarský chanát: podoby interakce od 14. století až po druhou polovinu 16. století*

Článek diskutuje strukturu a hlavní formy interakce kyjevské oblasti Velkovévodství litevského a Tatarského chanátu – Zlaté (Velké) Hordy a Krymského chanátu – od 14. století až po druhou polovinu 16. století. Jejich vztahy byly komplexní a obsahovaly široké spektrum vojenských, politických, diplomatických, společenských a ekonomických, rovněž i kulturních faktorů, které je nutno vnímat jako rovnocenné. Ve stejné době byla kyjevská oblast součástí Velkovévodství litevského a musela se podřizovat jeho vnitrostátní i zahraniční politice, která ovšem nemohla dosáhnout efektivního řešení „tatarské otázky”. Důsledkem bylo, že byla Kyjevská oblast před převedením k Polsku roku 1569 nadále dějištěm neustálých tatarských útoků.

Ил. 1. Киевское подражание дангам хана Золотой Орды Джанибека, 1350-е гг. Н. Курбанова, *Находка подражания монете Джанибека*, „Банкаўскі веснік”, 2012, 7 (552), с. 55.

Ил. 2. Киевский денарий Владимира Ольгердовича, вторая половина XIV века. Одесский музей нумизматики (http://www.museum.com.ua/expo/kyiv_ru.html [2.03.2017])

Борис Черкас
(Киев)

Крымско-османская осада Черкасс в марте 1532 года

В статье рассмотрены события, посвященные военным действиям крымско-османского войска под Черкассами в 1532 г. Представлена реконструкция политической составляющей указанных событий, а также сделан акцент на глубинных причинах данного военного конфликта. Эти события стали финалом более чем столетнего противостояния Улуса Джучи и его наследника – Крымского ханства с Великим княжеством Литовским за Киев и всю территорию Среднего Поднепровья.

Исторические события нередко поражают своей парадоксальностью. Мы знаем немало примеров, когда то или иное явление-происшествие по своим последствиям можно охарактеризовать как судьбоносное или назвать „Рубиконом” в истории какого-нибудь процесса. При этом современники не видят в нем такой глобальной значимости, а рассматривают через призму настоящего времени. Соответственно и историки, работая с источниками, оставленными эти участниками событий, так же подпадают под их влияние и не могут правильно оценить означенное событие. Но если все-таки явление было глобальным по своему значению, то рано или поздно по мере заполнения историческими исследованиями того или иного отрезка каждой конкретной исторической эпохи, рано или поздно факты, находящиеся в тени других явлений и процессов, все-таки, находят свое адекватное место в познании и понимании истории.

Таким событием, до сегодня малозначимым для как его современников, так и историков, была крымско-османская осада города-крепости Черкассы в марте 1532 г. Данная осада выходила за рамки привычной уже на тот момент перманентной пограничной войны. Фактически она ознаменовала финал почти 170-летней борьбы Улуса Джучи и его наследников (речь идет именно о государствах, возникших на основе степных улусов, возглавляемых представителями правящего дома Чингизидов) за Киев и центральноукраинские земли (Поднепровье) в це-

лом. Кроме того, благодаря сохранившемуся актовому материалу, у нас есть возможность реконструировать ход военных действий. А это, в известной степени, можно использовать для понимания как происходили военные действия в XIV–XV веках в этом регионе, о которых источники или молчат, или упоминают скупо.

Следует отметить, что, как правило, империи, даже потеряв тут или иную территорию, стараются при первой же возможности вернуть ее. Ведь свой развал империя, точнее ее правящий класс, так категорично не воспринимает. Более того, даже когда империя перестает существовать, то одно или несколько государств, возникших на ее основе, стараются выставить себя ее наследниками с соответствующим посягательством на когда-то имперские земли. Не был исключением и Улус Джучи, известный на сегодня также как Золотая Орда. Данное государство, границы которого на пике могущественности тянулись от Арала на востоке до Дуная и Карпат на западе, в случае потери той или иной области со временем старалось их вернуть. Причем нередкими были случаи, когда Джучидам это удавалось на определенное время. Так, потеряв во время гражданской войны 1299–1303 гг. земли на западе в районе нижнего Дуная, Орда смогла со временем их вернуть. То же самое имело место в 1322–1323 гг., когда хан Узбек, достаточно усилив свою власть, вернул потерянный перед этим Киев¹. Но во время двадцатилетней гражданской войны 1359–1380 гг., известной как „Великая Замятня”, распад государства принял форму процесса. Хан Токтамыш, прекративший эту усобицу, поспешил принять меры к возвращению потерянных земель. Этим он фактически запустил процесс, когда каждый новый хан в стратегическом плане направлял свою энергию не столько на расширение государства, сколько на возвращение потерянного и сохранение того, что имелось. Такой территорией, за которую Чингизиды при первой возможности старались вступить в военное противостояние, была Киевская земля. Причина, почему именно Киев оставался для них желанной добычей, заключалась в нескольких факторах. Так, политически эта территория являлась центром Руси, соответственно любое государство, претендовавшее на земли, когда-то находившиеся под властью Рюриковичей, обязано было – для полной легитимности своих посягательств – владеть Киевом². Так же Киев и Крым были связаны экономически. Именно с севера в степь поступал лес и другие продукты. И, наоборот, через Киев дальше в Европу уходили товары, как с внутреннего рынка Орды, так и транзитом с Кавказа и Азии. Поэтому для полноценного контроля степи и содержания в ней городов нужно было контролировать Киев. Кроме того, именно Киев и соседние города были идеальным местом для сбора войска перед вторжением в степь, вплоть до приморских берегов. Контроль над Киевом позволял нивелировать эту угрозу. В то же время лишь пос-

¹ Б. Черкас, *Західні володіння Улусу Джучі: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста*, Київ 2015, с. 154–156.

² Детально о значении Киева в XIII–XVI вв., см.: О. Русина, *Контроверзи історії кийівської княжої традиції XIII–XVI ст.*, [in:] *Студії з історії Києва та Київської землі*, Київ 2005, с. 73–74.

ле захвата Києва ордынці могли наносити ефективні удари вглубь Великого князства Литовського.

При такій геополітичній ситуації нечого удивлятися, що властні круги Улуса Джучи старалися повернути ці землі, втрачені в 1362 г.³ Уже в кінці 1380 г. Токтамыш, взяв під контроль західні улуси, послав війська на південні окраїни Київського князства⁴. В 1399 г.⁵ і зимою 1416/1417 г.⁶ Подніпров'є знову підверглося крупному вторгненню. В середині XV століття хан Саїд-Ахмат виводив плани по завоюванню Києва, але, в кінці кінців, був розбитий військом київського князя Семена Олельковича⁷. В цей же період саме в Середнє Подніпров'є втегла опозиція з Улуса Джучи. Ярким прикладом цього явища стало втеча з Сарая князя Василя Дмитрієвича, який з 1384 г. перебував в ординській столиці в якості заручника⁸. В 1386 г. він, побоюючись за свою життя, залишив Сарай. Так як пряма дорога додому була небезпечною, Василь попрямував на захід в напрямку, „в Подільську землю”, завдяки чому зміг уникнути переслідування⁹. Тут слід зауважити, що в зазначений період в склад Подільського князства входили і Черкаси¹⁰. Показателем і іншим прикладом. В 1391–1393 гг. в Улусі Джучи, в його західній частині, вибухнула усобиця. І судячи з листа Токтамыша великому князю литовському Ягайлу, якась-то частина втраченої знати то-ли просила допомоги в Великому князстві Литовському, то-ли там ховалася, втікаючи від репресій з боку хана¹¹. З кінця XIV століття втеча ординців в Київ і сусідні міста стала традиційною¹².

³ Б. Черкас, *Синьоводська битва 1362 р. в контексті політичної історії західних улусів Золотої Орди (Крило Мувала) під час „Великої Зам'ятні”* [in:], *Vidurio Rytų Europa prieš Melnyrijų Vandenių metį*, mokslinė redakcija V. Jankauskas ir V. Nagirny, Kaunas–Kraków 2013, с. 137–150 (Серія: *Colloquia Russica. Series II*, vol. 2).

⁴ Idem, *Похід Токтамыша на Київське князство в 1380 році*, [in:]: *Воєнне діло Золотої Орди: проблеми і перспективи вивчення. Матеріали Круглого столу, проведеного в рамках Міжнародного Золотоординського Форуму (Казань, 30 березня 2011 г.)*, Казань 2011, с. 167–170.

⁵ Idem, *Західні володіння Улусу Джучи*, с. 235–236.

⁶ М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 4, Київ 1993, с. 317–318.

⁷ Реконструкція даного події була представлена мною 25 квітня 2013 в Каунасі на Міжнародній конференції „Процеси трансформації князівського соціального стану від воєнно-племенної аристократії до політичного народу в Великому князстві Литовському”. В наші часи час доклади надані в друку.

⁸ В. Похлебкин, *Татари і Русь: 360 років стосунків Русі з татарськими державами в XIII–XVI вв., 1238–1598 гг. (Від битви на річці Сить до підкорення Сибіри)*, Москва 2000, с. 64.

⁹ *Летописний збірник, згадуваний Патріархом або Ніконовською летописью*, під ред. С. Ф. Платонова, [in:]: *Полне Собрание Русских Летописей* [далі: ПСРЛ], т. 11, Санкт-Петербург 1897, с. 90; С. Фетисов, *Московська Русь після Дмитрія Донського: 1389–1395 гг.*, Москва 2003, с. 77.

¹⁰ J. Kurtyka, *Repertorium Podolskie dokumenty do 1430 r.*, „Rocznik Przemyski”, 40, 2004, 4, s. 130.

¹¹ *Skarbiec dyplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów*, зібрав і змістив описав І. Данилович, т. 1, Вільно 1860, с. 297.

¹² Б. Черкас, *Ординська політика Великого князівства Литовського в епоху Першого Литовського Статуту*, [in:]: *Pirmasis Lietuvos statutas ir epocha*, Vilnius 2005, с. 232; Ф. Шабельдо, *Україна в державотворчих процесах у Криму в кінці XIV – першій половині XV ст.*, „Сучасність”, 5, 1996, с. 86–87.

Все вышеуказанные явления полностью перешли в наследство к наследнику Улусу Джучи в украинском регионе – Крымскому ханству. Как результат, Гирей по примеру сарайских ханов, также стали вынашивать планы по захвату Киева. Более того, одна из первых военных акций крымцев в сторону Великого княжества Литовского в 1482 г. была направлена именно на Киев. В ходе этого похода город и замок были захвачены¹³. Но удержать такой важный трофей ханство не смогло. В дальнейшем идея захватить город неоднократно витала в политических отношениях Крымского ханства с соседями. При этом она озвучивалась не только ханами¹⁴, но и представителями властной верхушки. Например, брат хана, Ахмат-Гирей, который занимал пост калги, просил у московского правителя Василия III помощи в захвате Киева¹⁵.

Следует отметить также, что для Гиреев Киев был важен не только с точки зрения преемственности Улуса Джучи, но и для нейтрализации угрозы со стороны Великого княжества Литовского, ведь именно Киевщина служила плацдармом для литовско-го наступления на юг¹⁶.

Параллельно с военными действиями, продолжали ходить торговые караваны, принося большие прибыли населению. Согласно записям Михалона Литвина, купцы, если их собиралось около тысячи человек, объединялись в караваны с большим количеством нагруженных возов и вьюченными верблюдами. При переходе через украинские земли этих караванов немалую выгоду получали разные группы населения: сборщики подати, купцы, менялы, челночники, извозчики, корчмари и др. При этом, по словам литовского дипломата, на это не жаловались ни московские, ни татарские, ни турецкие купцы. Поэтому нередко в киевских домах, кроме различных плодов и фруктов, меда, мяса, рыбы, можно было встретить шелк, драгоценные камни, соболя и другие меха, пряности¹⁷. Кроме того, Киевская земля продолжала играть роль укрытия для беглецов с полуострова.

В 1520-тые гг. все эти процессы сошлись в сплошной поток, который закономерно должен был привести к развязке. Дело в том, что именно в это время обострилась борьба за власть в ханстве между представителями сугу-

¹³ М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 4, с. 326.

¹⁴ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией*, [in:] *Российское историческое общество*, под ред. Г. Ф. Карпова и Г. Ф. Штендмана, т. 2, Санкт-Петербург 1895, с. 514; А. Ф. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими Великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год*, [in:] *Записки Одесского общества истории и древностей*, т. 5, Одесса 1863, с. 311.

¹⁵ К. Pulaski, *Machmet-Girej chan Tatarow perekopskich i stosunki jego s Polska (1515–1523)*, [in:] *Szkic i poszukiwania historyczne. Seria 2*, Warszawa 1898, s. 295.

¹⁶ Яркими примерами могут служить походы 1519, 1523 и 1524 гг., см.: Центральный державний історичний архів України в м. Києві [далее: ЦДІАУК], ф. КМФ 36, оп. 1, спр. 7, арк. 790–791, 911, 948.

¹⁷ Михалон Литвин, *О нравах татар, литовцев и москвитян*, Москва 1994, с. 100.

бо местной политической традиции и ставленниками (и, соответственно, носителями политической философии) Османской империи. В этом противостоянии оппоненты ставленника султана Саадет-Гирея I, во главе с Ислам-Гиреем, опирались на поддержку литовской власти. Ее военная и материальная помощь приходила именно с территории Киевского воеводства. Более того, каждый раз, когда хану удавалось разгромить своего противника, то последний успешно избегал преследования, прячась за стенами киевских городов. А потом, пополнив свои ряды и получив достаточную военную помощь, он наносил очередной ответный удар¹⁸. Попытки Крымского ханства вывести Великое княжество Литовское из игры посредством военных походов также оканчивались неудачно. Именно Киевское воеводство выступало тем щитом, что спасал Литовское государство. В 1527 г.¹⁹ и 1530 г.²⁰ именно на Киевщине были разбиты крупные военные контингенты Саадет-Гирея I. В результате этих поражений хан принял решение радикально развязать историческую проблему. Ему удалось заручиться поддержкой османов и начать подготовку к походу на север. Следует отметить, что Саадет не акцентировал внимание на Киеве. Более того, вся акция представлялась как преследование Ислам-Гирея, хотя московский посол прямо писал, что целью хана является не только захват Черкасс, но и Киева²¹.

В конце января 1532 г. Саадет-Гирей I объявил мобилизацию с центром сбора в Исламе. Через одиннадцать дней крымские войска и турецкие союзники вдоль Днепра двинулись на Черкасы. Как подсчитал Валерий Ластовский, крымско-турецкие войска приблизились к городу в конце февраля – начале марта 1532 г.²² Это вторжение кардинально отличалось от обычных набегов крымцев на Украину и было схоже с походом Менгли-Гирея I на Киев в 1482 г., поскольку агрессоры не рассылали чамбулы за ясыром, а сконцентрировали все силы вокруг конкретного населенного пункта.

Численно в войске доминировали крымские воины, но ударную силу составлял именно полуторатысячный турецкий корпус. Мартин Бельский писал, что это были янычары²³. Если это так, то хан имел в своих руках достаточно мощную силу, поскольку в первой трети XVI столетия янычары – султанская гвардия

¹⁸ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гирея за владу в 20–30-х роках XVI ст.*, «Україна в Центрально-Східній Європі. Студії з історії XI–XVIII століть», 1, 2000, с. 97–118.

¹⁹ Idem, *Ольшаницька битва 1527*, «Україна в Центрально-Східній Європі. Студії з історії XI–XVIII століть», 8, 2008, с. 53–59; Д. Вирський, *Війни України: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.)*, Київ 2016, с. 11–26.

²⁰ В. Крот, Н. Рашба, *Боротьба населення України проти турецько-кримських завоювників наприкінці XV – в першій половині XVI ст.*, «Український історичний журнал», 5, 1983, с. 108.

²¹ А. Кузнецов, *Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (пер. пол. XVI в.)*, Минск 1986, с. 81.

²² В. Ластовський, *Облога Черкаського замку у 1532 р.*, «Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів», 3, 1999, с. 82.

²³ *Kronika Polska Marcina Bielskiego*, t. 2, kn. 4–5, Sanok 1856, s. 1055.

– были одними из лучших воинов в Европе. Относительно же того, что общая численность янычар во всей огромной Османской империи колебалась в районе 10–12 тысяч человек, то их указанное количество в составе ханских войск было достаточно большим²⁴.

Московский посол Злобин в своем отчете Василию III обратил внимание на большое количество огнестрельного оружия в крымско-турецком войске. При этом, имелось в виду как ручное оружие, так и пушки²⁵. О наличии у Саадет-Гирея I артиллерии сообщал в Вильно и Сигизмунд Старый²⁶. М. Бельский указывал точное количество пушек у хана – 50 штук²⁷. Для сравнения, Киевский замок, самый сильный из всех замков воеводства, в то время имел только 30 пушек²⁸. Причем, среди осадной артиллерии были достаточно большие пушки, снаряды от которых Остафий Дашкевич позднее привозил на Петровский сейм²⁹.

Сам ход осады Черкасс мало известен. Сигизмунд Старый, объявляя мобилизацию, писал, что Саадет-Гирей I старался захватить замок³⁰. О штурме писал и М. Бельский, указывая, что татары и турки сильно обстреливали Черкасы и пытались поджечь деревянные укрепления³¹. Это было опасно, потому как в 1482 г. именно поджог стен дал возможность крымцам овладеть Киевом. Судя из реестра выплат на ремонт замка в 1533 г., татарам и туркам удалось повредить 20 городен³² из 29 существующих³³.

Таким образом, штурм и атаки крепости проводились почти со всех сторон. Но, несмотря на это, Саадет-Гирей I так и не удалось захватить замок. Сказалось то, что между мобилизацией крымцев и их походом на Черкасы прошло не менее месяца. Этого времени оказалось достаточно для такого военачальника, как Остафий Дашкович, чтоб собрать окружающее население, привыкшее к частым войнам, и организовать оборону. Среди более поздних выплат жителям Черкасс две из трех были адресованы мещанам, причем каждая из них сама по себе была большей за общую выплату. Из этого следует, что, во-первых, закрывшись в замке, мещане бросили свои дома в остроге, и те, естественно, были уничтожены во время осады. И, во-вторых, именно мещане составляли основную часть гарнизона и, соответственно, несли больше материальных и физических потерь. Хотя при старосте были – его личные и замковые слуги, а также местная шляхта и казаки. На то, что средства для обороны шли из старостинской казны О. Дашковича, од-

²⁴ Г. Иналджик, *Османська історія. Класична доба 1300–1600*, Київ 1998, с. 94; И. Петросян, *Кисториі создания янычарского корпуса*, [in:] *Тюркологический сборник. 1978*, Москва 1984, с. 197.

²⁵ В. Ластовський, *Облога Черкаського замку у 1532 р.*, с. 82.

²⁶ *Архив Юго-Западной России* [далее: *Архив ЮЗР*], ч. 8, т. 5, Киев 1907, с. 1.

²⁷ *Kronika Marcina Bielskiego*, s. 1055.

²⁸ *Архив ЮЗР*, ч. 8, т. 5, с. 8; ЦДІАУК, ф. КМФ 36, оп. 1, спр. 15, арк. 187зв.–188.

²⁹ *Kronika Polska Marcina Bielskiego*, s. 1059.

³⁰ *Архив ЮЗР*, ч. 8, т. 5, с. 1.

³¹ *Kronika Marcina Bielskiego*, s. 1055.

³² ЦДІАУК, ф. КМФ 36, оп. 1, спр. 15, арк. 187 зв.

³³ *Архив ЮЗР*, ч. 7, т. 1, Киев 1886, с. 77.

нозначно указывает опять таки выплата Остафию из казны суммы в пятьсот коп³⁴. Основной же потерей защитников было отступление Ислам-Гирея и его воинов из города за Днепр³⁵.

Получив сообщение об осаде Черкасс, Сигизмунд Старый сразу оповестил Панов-Раду и региональных урядников. По всему Великому княжеству Литовскому была объявлена мобилизация. Конкретные же оборонные мероприятия имели следующий вид. Общегосударственное земское ополчение после сбора должно было расположиться там, где будет указано Панами-Радами. Его роль сводилась к тому, чтобы не пропустить прорыва крымцев во внутренние области государства³⁶. Что же касается защиты Украины и деблокады Черкасс, то тут оборонный план предполагал использовать местные силы. Волынское ополчение под руководством князя Ильи Острожского планировали собраться в Полонном. В дальнейшем, проведя разведку, это войско должно было выдвинуться к Киеву. Сам город предполагали сделать плацдармом для дальнейших действий по защите городов Киевского воеводства³⁷.

Мартин Бельский отмечал, что осада длилась 13 дней³⁸, тогда как Петр Томицкий, будучи очевидцем этих событий, в одном из своих писем называл другую цифру – 12 дней³⁹. М. Бельский также указывал, что причиной окончания осады было то, что войска Саадет-Гирея I понесли большие потери⁴⁰. Свидетельства старожилов во время ревизии Черкасс в 1552 г. дополняют это утверждение еще одним фактом. Согласно их показаниям, гарнизон был спасен прибывшими по воде войсками из Киева⁴¹.

Таким образом, серьезные потери, подход украинских войск и постоянная опасность появления с тыла Ислам-Гирея, кочующего в степи, вынудили Саадет-Гирея I прекратить осаду и начать переговоры с О. Дашковичем. Последний, взяв татарских заложников, приехал к хану в ставку. Там, по словам Бельского, О. Дашкович и Саадет-Гирей I пообедили и будтобы „побратались“, так что, как указал польский хронист, черкасский староста превратил хана из врага в союзника⁴². Так или иначе, но из документов известно, что Саадет-Гирей I попросил Остафия Дашковича сопровождать к королю крымских послов – князя Тохтамыша и Салтан-Кула. Причем, по информации Сигизмунда Старого, посланной Панам-Раде Великого княжества Литовского, Саадет-Гирей I дал поручение О. Дашковичу лично от ханского имени выступить с речью⁴³.

³⁴ ЦДІАУК, ф. КМФ 36, оп. 1, спр. 15, арк. 187 зв.

³⁵ *Kronika Polska Marcina Bielskiego*, s. 1055.

³⁶ *Архив ЮЗР*, ч. 8, т. 5, с. 2.

³⁷ *Ibidem*, с. 1–2.

³⁸ *Kronika Polska Marcina Bielskiego*, s. 1055.

³⁹ *Acta Tomicianana*, т. 14, wyd. W. Pociecha, Poznań 1952, s. 260.

⁴⁰ *Kronika Polska Marcina Bielskiego*, s. 1055.

⁴¹ *Архив ЮЗР*, ч. 7, т. 1, с. 91.

⁴² *Kronika Polska Marcina Bielskiego*, s. 1056.

⁴³ И. Малиновский, *Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского*, Томск 1901, с. 189.

Отступая от Черкасс и боясь преследования, правитель Крымского ханства взял в заложники у О. Дашковича одного из его служебников⁴⁴.

Главным финалом данной войны стало прекращение попыток Крымского ханства захватить Поднепровье. В свою очередь и Великое княжество Литовское за несколько лет оставило попытки посадить в Крыму своего ставленника. Таким образом, осада Черкасс 1532 г. стала фактически последним аккордом долгого противостояния Гедиминовичей и Чингизидов за Киевскую землю.

*

Borys Cherkas, *Crimean-Ottoman siege of Cherkasy in March 1532*

The events dedicated to the military actions of the Crimean-Ottoman troops near Cherkasy in 1532 are described in the article. The reconstruction of the political component of these events is presented, as well as it made the emphasis on the root causes of this armed conflict. These events have become final of the more than a century of confrontation of Jochi Ulus and its successor – the Crimean Khanate with the Grand Duchy of Lithuania for Kyiv and the whole territory of the Middle Over-Dnieper.

*

Borys Cherkas, *Krymsko-osmanské obléhání Čerkesy v březnu 1532*

Článek popisuje události v souvislosti s vojenskými akcemi krymsko-osmanských oddílů blízko Čerkesy v roce 1532. Představena je rekonstrukce politické složky těchto událostí, rovněž je kladen důraz na hlavní příčiny tohoto ozbrojeného konfliktu. Tyto události přinesly v konečném důsledku konfrontaci, která trvala po celé století a odehrávala se mezi Ulusem Džučí a jeho nástupnickými útvary – Krymským chanátem a mezi Velkovévodstvím litevským o Kyjev a celé území kolem středního toku Dněpru.

⁴⁴ Ibidem, c. 206.

Lukáš Rybár
(Bratislava)

Astrachán a jej úloha v rusko-ázijskom obchode do roku 1556

Cieľom štúdie je ukázať, aký význam malo mesto Astrachán pre ruský obchod do polovice 16. storočia. Ruskí kupci navštevovali kvôli obchodu mesto Astrachán a okolité oblasti ešte pred jeho vznikom. Po vzniku Zlatej Hordy a založení samotného mesta sa obchod v tomto regióne výrazne rozšíril, no ten bol viac-menej v rukách domácich obchodníkov. Ruskí kupci boli zapojení do tohto obchodu, no existuje obmedzené množstvo prameňov, ktoré by nám umožnili vytvoriť si lepši obraz o jeho realizácii. Po vyplienení a zničení mesta Tamerlánovými vojskami sa Astrachán dostala do úpadku. Pramene z obdobia 15. a 16. storočia však svedčia o tom, že aj napriek tomu sa tu obchod medzinárodného významu v menšej miere realizoval naďalej. Do tohto obchodu boli zapojení aj ruskí kupci. Väčší rozvoj ruského obchodu tu nastal až po dobytí mesta moskovským cárom v roku 1556.

Obchod a obchodná výmena boli v stredoveku jedným z významných ekonomických činiteľov hospodárskeho života. Jeho sprievodným javom bolo aj šírenie vedomostí o dovtedy neznámych krajinách, výmena skúseností v mnohých oblastiach života, poznávanie kultúr a zvyklostí. Pre tento účel zohrávali dôležitú úlohu obchodné tranzitné cesty, ktoré v rámci pohybu medzi Európou a Áziou spájali ich jednotlivé časti. K najvýznamnejším patrili napríklad Hodvábna cesta, či Jantárová cesta, v rámci ktorých významnú úlohu zohrávali obchodné križovatky nachádzajúce sa na dôležitých strategických a geografických bodoch. V kontexte európsko-ázijského respektíve rusko-ázijského spojenia medzi takéto územia patrili prikaspická oblasť a povodie rieky Volgy. Po vzniku Zlatej Hordy v tomto priestore od polovice 13. storočia bolo založených viacero obchodných centier. V rámci nich v delte rieky Volgy, malo osobitné strategické postavenie mesto Astrachán. Stretávali sa tu európski a orientálni obchodníci. Stalo sa dôležitým centrom výmeny tovarov hlavne pre ruských kupcov.

Na základe viacerých dostupných prameňov (cestopisy, letopisy, orientálne pramene) a odbornej literatúry chceme ukázať, že Astrachán ešte pred jej pripojením k Moskovskému cárstvu zohrávala dôležitú úlohu v obchode, realizovanom medzi ruskými

obchodníkmi a Orientom. Práve jej strategická úloha bola jednou z príčin veľkého záujmu Moskvy a iných štátov (Krymsky chanát, Osmanská ríša) o získanie tohto územia. Prostredníctvom jeho kontroly mohla Moskva nadobudnúť priamy prístup k orientálnym trhom.

Dolné povodie Volgy a Kaspické more využívali ruskí obchodníci na tranzitné účely a nadväzovanie obchodných kontaktov už v prvom tisícročí po narodení Krista. Podľa azerbajdžanského historika Fuada Alijeva, prvé hodnoverné správy o týchto kontaktoch pochádzajú z 6. storočia, kedy Slovania viedli obchod s východom cez Volgu, Kaspické more a krajiny Zakaukazska¹. Keďže hlavnou tepnou bola Volga a Kaspické more, stala sa známa aj pod názvom Volžsko-kaspická cesta. Zo správ ranostredovekých autorov sa dozvedáme, že cez toto územie sa na sever vyvážali otroci, obilie, víno, olej, ozdobné predmety, brokát, hodváb. Na juh sa vyvážali severské tovary ako vosk, koža, med, rybí glej a iné potraviny². V 7.–12. storočí sa hospodárske a obchodné vzťahy slovanských kniežat s Orientom ešte viac upevnili. Pretože v tomto období Arabský kalifát a Byzancia viedli časté vojny, ktoré komplikovali kupcom presun po tradičných obchodných trasách vedúcich k Čiernemu moru, začali sa viac využívať obchodné trasy smerom na sever ku Kaspickému moru. Jeho brehy začali častejšie navštevovať kyjevskí a novgorodskí kupci, ktorí viedli obchod s ázijskými trhmi prostredníctvom obchodných centier Chazarskej ríše a Povolžského Bulharska. Významnú úlohu tu zohrávali mestá, nachádzajúce sa pri rieke Volga – Bulgar a Itil. Hlavne chazarský Itil bol kľúčovým centrom obchodu pre celú východnú Európu, ktorá obchodovala s Kaukazom, Perziou a Strednou Áziou. Cez obe mestá nadobúdali ruskí kupci kontakty s ďalšími orientálnymi mestami. Dosvedčujú to viaceré pramene. Arabský cestovateľ Ibn Fadlán na svojej ceste po Volge poznamenal, že Rusi sem prichádzajú po tejto rieke kvôli obchodu³. Arabský historik z 9.–10. storočia al-Mas'údí napísal, že po Volge prichádzajú Rusi so svojimi tovarmi do krajiny Chazarov. Potom, čo zaplatili clo chazarskému kaganovi, pokračovali vo svojej plavbe do Kaspického mora⁴. Ďalší arabský geograf perzského pôvodu Ibn Churrdádbih na prelome 9. a 10. storočia o obchode Rusov po Kaspickom mori poznamenal: „Ruskí kupci ... vozia z najvzdialenejších krajín Slovanov kožušiny z čiernych líšok a bobrov a meče k čiernemu moru ... Niekedy sa plavia dolu po Volge, slovanskej rieke. Prechádzajú cez mesto Chazarov Chamlich, kde musia zaplatiť chazarskému vládcovi desiatok. Potom sa plavia naprieč Kaspickým morom na juh a pristávajú z niektorých jeho prístavov“⁵. Podľa Sara Ašurbeyli slová Churrdádbiha potvrdzuje aj ďalší arabský geograf z 10. storočia Ibn al-Fa'qíh⁶. Okrem arabských pra-

¹ Ф. М. Алиев, *Азербайджано-русские отношения (XV–XIX вв.)*, ч. 1, Баку 1985, с. 3.

² А. А. Кудрявцев, *Развитие торговли в Дербенте в VI – первой половине XIII вв.*, [ин:] *Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме*, Москва 1980, с. 110.

³ *Путешествие Ибн Фадлана на Волгу*, пер. И. Ю. Крачковского, Москва 1939, с. 78.

⁴ А.Я. Гаркави, *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских*, Санкт-Петербург 1870, с. 132.

⁵ J. Paulíny, *Arabské správy o Slovanoch (9.–12. storočie)*, Bratislava 1999, s. 91.

⁶ С. Б. Ашурбейли, *Ремесла и торговля раннесредневековых городов Азербайджана*, [ин:] *Труды Музея истории Азербайджана*, т. 2, Баку 1957, с. 160.

meňov existujú aj iné správy o tom, že Rusi sa plavili po Volge ku Kaspickému pobrežiu. Napríklad správa z *Rozprávania z dávnych časov* (rus. *Повести временных лет*): „Z tohože lesa vyteká taktiež Volga smerom na východ a vlieva sa sedemdesiatimi ramenami do Chvalijského mora [Kaspické more – L. R.]. Tak je možné z Rusi plaviť sa po Volge k Bulharom, Chvalissom [Chorezm – L. R.] a na východ dôjsť do Šemovho údely“⁷. Do 10. storočia tak ruskí kupci pravidelne cestovali za obchodom do týchto oblastí.

V roku 965 bola kyjevským kniežatom Svjatoslavom I. dobytá Chazarská ríša a jej hlavne mesto Itil bolo taktiež zničené. Aj napriek tomu sa obchodné spojenie ruských kupcov s týmto územím neprerušilo⁸. Po páde Itila sa ďalším centrom obchodu stalo mesto Saksin, no jeho obchodný význam nebol až taký veľký⁹. Následne kontrolu nad obchodom na Volžsko-kaspickej ceste v dolnom povodí rieky Volga získali Polovci, ktorí podobne ako Chazari vyberali clo za tovary prevážané na lodiach¹⁰. Rusi sa s Polovcami dostali v 11. až 13. storočí do konfliktu, no na realizáciu obchodu to nemalo výrazný vplyv¹¹. Podľa Vasiliiho Vladimiroviča Bartolda sa ruskí kupci aj v tomto období plavili po Volge a Kaspickom mori¹².

Vznikom Zlatej Hordy v polovici 13. storočia sa vytvorili vhodné podmienky pre ďalší rozvoj obchodu. Cháni Zlatej Hordy si uvedomovali strategicky význam juho-ruských stepí, rieky Volgy a Kaspického mora, preto v tomto priestore zakladali nové mestá, čo podmienuje rozšírenie siete obchodných ciest. Tie mali za úlohu nielen stimulovať rozvoj vnútorného obchodu a remesla, ale ako spojnice medzi mestami podmieňovali rozvoj medzinárodného obchodu. Mestá sa tak stali dôležitými centrami tejto medzinárodnej obchodnej výmeny. Dôležitú úlohu tu zohrávali mestá ako Starý Saraj, Nový Saraj, Beldžamen, Uvek či Hadžitarchan (Astrachán).

Mesto Hadžitarchan (Astrachán) vzniklo pravdepodobne v druhej polovici 13. storočia. Za prvú písomnú zmienku sa považuje správa z cestopisu arabského cestovateľa Ibn Battútu¹³. Podľa Rišata Guzejrova v 13.–14. storočí prechádzalo cez Astrachán šesť veľkých obchodných karavánových ciest, ktoré spájali územia v smere z východu na západ a zo severu na juh¹⁴. Jednou z týchto ciest bola spomínaná Volžsko-kaspická cesta.

⁷ *Vyprávění o minulých letech. Nestorův letopis Ruský. Nejstarší staroruská kronika*, přeložil, úvodní studii, poznámkami a komentáři opatřil M. Těra, Červený Kostelec 2014, s. 51; *Лаврентьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 1, Ленинград 1926, с. 7.

⁸ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда*, Москва 1941, с. 14.

⁹ В. В. Бартольд, *Сочинения в 9-ти томах*, т. 1, ч. 1: *Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы*, Москва 1968, с. 794.

¹⁰ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда*, с. 17.

¹¹ Polovci sa nachádzali na južných ruských stepiach, takže ruské obchodné spojenie s Kaukazom nemohli výrazne narušiť. Často krát sa do tohto obchodu zapájali. М. М. Альтман, *Из истории торгово-дипломатических связей Москвы и Ширвана*, [in:] *Труды Института истории им. Бакиханова АН АзССР*, т. 1, Баку 1947, с. 152.

¹² В. В. Бартольд, *Сочинения в 9-ти томах*, т. 1, ч. 1, с. 794.

¹³ М. и. А. Ibn Battúta, *Cesty po Africe, Ázii a Európe v rokoch 1325–1354*, z arabského originálu vybral, preložil, úvodom, menným registrom a poznámkami opatřil L. Drozdík, Bratislava 2009, s. 194.

¹⁴ Р. Гузейров, *Товарно-денежные отношения и караванные пути Хаджитархана в XIII–XIV вв., „Гасырлар Авазы“*, 2000, 3–4, bez paginácie (http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2000_3_4/02/02_2 [15.11.2016]).

Z hľadiska strategického umiestnenia mala Astrachán pre ruský trh dôležitý obchodný význam, keďže cez rieku Volga a Kaspické more spájala ruské územia s ázijskými respektíve orientálnymi trhmi. Z toho dôvodu v 13. a 14. storočí bolo jedným z dôležitých obchodných a tranzitných centier¹⁵. Obchod v tomto období bol viac-menej v rukách hlavne domácich kupcov Zlatej Hordy, takzvaných *ortakov*, ktorí boli podporovaní zo strany vládnucej elity¹⁶. Popri nich sa snažili aj o podporu medzinárodného obchodu. Ako príklad môže poslužiť jarlyk z druhej polovice 13. storočia, ktorý vydal chán ulusa Džuči Mengu-Timur vladimírskemu kniežatu Jaroslavovi Jaroslavičovi. Ten dovolil prichádzať nemeckým kupcom z Rigy cez novgorodské územie do Zlatej Hordy¹⁷. Títo kupci mohli prechádzali aj cez ruské územia, takže sa na ňom s veľkou pravdepodobnosťou podieľali aj ruskí kupci. Čo sa týka mesta Astrachán, ako jeden z dôležitých centier obchodu bol zapojený do medzinárodnej obchodnej výmeny. Najmä s benátskymi a janovskými kolóniami na Kryme (Kaffa, Tana a iné). Existuje však veľmi málo prameňov, ktoré by hovorilo o obchode práve ruských kupcov v tomto meste¹⁸. O rusko-astrachánskom obchodnom prepojení po rieke Volga svedčí správa al-Omariho. Ten poznamenal, že po Volge sa plavia veľké lode k Rusom a Slovanom¹⁹.

Viac správ o ruských obchodných kontaktoch s Astrachánskou oblasťou máme z druhej polovice 15. storočia. V tom čase Astrachán bola hlavným sídlom Astrachánskeho chanátu, ktorý vznikol v dôsledku postupného rozpadu Zlatej Hordy. V roku 1466 ruský obchodník Afanasij Nikitin spolu so svojim tovarom a posádkou na dvoch lodiach vyrazil z Tveru na ďalekú cestu na juh. Plavil sa po rieke Volga do Astracháne a Kaspického mora a odtiaľ ďalej na juh. Z dôvodu nebezpečenstva zo strany Tatárov sa však v poslednej chvíli v meste Astrachán nezastavil²⁰. No jeho cesta svedčí o tom, že ruskí kupci zo severných oblastí cestovali po Volge do Astracháne.

V 15. storočí sem prichádzalo za soľou a rybami nie viac ako 500 jednoduchých lodí rôzneho typu²¹. To potvrdil taliansky diplomat cestujúci do Perzie Josafa Barbaro. Podľa neho sa Rusi plavia po rieke Volga do Astracháne, kde nakupujú soľ²². Ďalší ta-

¹⁵ В. А. Егоров, *Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.*, Москва 2010, с. 119.

¹⁶ А. М. Арсланов, *Торговцы-ортаки в Золотой Орде в XIII–XIV вв.*, „Вестник Казанского Государственного Университета культуры и искусств“, 4, 2012, bez paginácie (<http://cyberleninka.ru/article/n/torgovtsy-ortaki-v-zolotoy-orde-v-13-14-vv> [17.11.2016]).

¹⁷ М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, Саранск 1960, с. 52.

¹⁸ Celkovo, v porovnaní s ostatnými chanátmi, ktoré vznikli postupným rozkladom Zlatej Hordy, k dejinám Astrachánskeho chanátu existuje malé množstvo prameňov. Z toho dôvodu je problematické zrekonštruovať konkrétnejší obraz o viacerých aspektoch historického vývoja Astrachánskeho chanátu. И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, Москва 2006, с. 4; М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, с. 265.

¹⁹ В. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. 1, Санкт-Петербург 1884, с. 241.

²⁰ *Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг.*, отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц, Москва–Ленинград 1958, с. 71–72.

²¹ А. Штылько, *Волжско-каспийское судоходство в старину*, Санкт-Петербург 1896, с. 11.

²² *Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini*, trans. W. Thomas and S. A. Roy, London 1873, s. 31.

liansky diplomat Ambrogio Contarini, ktorý sa v roku 1476 vracal zo svojej misie do Perzie a prechádzal cez mesto Astrachán, poznamenal, že v „blízkom jazere sa ťaží veľmi kvalitná soľ, ktorá sa vyváža na celú Rus“²³. Soľ však nebola jediným tovarom, ktorý sa vyvážal na sever. Podľa A. Contariniho na ceste do Astracháne cestoval s obchodníkmi, ktorí privážali ryžu, hodváb a tenké tkaniny pre ruský trh²⁴. Taktiež spomína, že ruskí a tatárski kupci cestujú so svojim tovarom do Moskvy. Okrem nich sem prichádzali aj kupci z iných ázijských oblastí. Taliansky geograf 16. storočia Paulus Iovius poznamenal, že sa v meste Astrachán nachádzal trh, kam prichádzali arménski a perzskí kupci²⁵.

Ďalším predmetom vývozu z Astracháne smerom na Rus boli ryby²⁶. Tie sa lovili v rieke Volga alebo na pobreží Kaspického mora. Cez Astrachán sa na ruské trhy vyvážali aj iné tovary ako cenné orientálne tkaniny v podobe bavlnených a hodvábných látok, ďalej korenie, drahocenné kamene, perly či kone. Astrachán nebola iba miestom distribúcie orientálnych tovarov, ale dovážali sa tu aj produkty a tovary zo severných ruských oblastí. Odtiaľ sa dovážali najmä kožušiny, kože, obilie, súkno, ľan a ľanové plátno, vosk, med, jantár, lovecké vtáky, rôzne remeselné výrobky (nádoby, plátno, výrobky zo striebra a i.) a zbrane²⁷. Okrem toho bola Astrachán dôležitým centrom obchodu s otrokmi. Išlo prevažne o vojnových zajatcov alebo obyvateľov, ktorí padli do zajatia počas tatárskych koristníckych výprav. Medzi otrokmi často figurovali aj Rusi. Obchod s otrokmi pokračoval hoci v menšej miere aj po dobytí Astracháne v roku 1556²⁸.

V čase Contariniho návštevy bolo mesto Astrachán pravdepodobne v úpadku, ktorý pretrvával už od obdobia vojenských výprav Tamerlána, keď ho v roku 1395 napadol a vyplienil. A. Contarini poznamenal, že niekedy to bolo veľké obchodné centrum, kam Benátčania z Tany privážali všetky svoje tovary na predaj²⁹. Pravdepodobne sa Moskovské kniežatstvo, ktoré sa sústreďovalo na zjednocovanie okolité územia, výrazne nezapájalo do tohto obchodu³⁰. Okrem toho, podľa ruského historika Nikolaja Kostomarova obchod ruských kupcov s Tatármi bol v tomto priestore nebezpečný, keďže ich často prepadávali banditi či samotní Tatári (napr. prepadnutie z r. 1523 neďaleko Kazane)³¹. Ruskí kupci cestovali so svojimi tovarmi iba v čase vzájomných vyslaneckých misií astrachánskeho chána a ruského kniežaťa. Tie boli organizované takmer každý rok³².

V prvej polovici 16. storočia v dôsledku geopolitických zmien Astrachán sa dostala do centra pozornosti nielen Moskovského kniežatstva, ale aj Krymského chanátu a Osmanskej ríše. Ako dôležité obchodné centrum bolo strediskom medzinárodného

²³ Ibidem, s. 31.

²⁴ Ibidem, s. 147.

²⁵ Библиотека иностранных писателей о России, IV. Павел Йовий, т. 1, Санкт Петербург 1836, с. 35.

²⁶ М. В. Фехнер, Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке, Москва 1956, с. 83.

²⁷ L. Rybár, *Širván a jeho postavenie v európskom obchode (16.–17. storočie)*, Bratislava 2014, s. 33.

²⁸ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 213–215.

²⁹ *Travels to Tana and Persia*, s. 151.

³⁰ А. Я. Шпаковский, *Торговля Московской Руси с Персией в XVI–XVII вв.*, Киев 1915, с. 9.

³¹ Н. И. Костомаров, *Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях*, Санкт-Петербург 1862, с. 10.

³² Ibidem, с. 10.

obchodu a okrem toho hlavnou obchodnou spojnicou s orientálnym svetom. Obchodný záujem ruského kniežaťa/cára sa postupne menil na mocensko-politický, čo sa v konečnom dôsledku prejavilo dobytím Astrachánu a jeho pripojením k Moskovskému cárstvu v roku 1556. Po dobytí mesta tu ruskí kupci postupne zvýšili svoje obchodné aktivity. Anglický obchodník a diplomat Anthony Jenkinson, ktorý v roku 1558 cestoval do Perzie, prechádzal cez mesto Astrachán. Ten vo svojich správach informoval, že astrachinský trh je „malý a biedny a takmer nestojí za zmienku, no aj napriek tomu sem prichádzajú obchodníci z rôznych oblastí“³³. Ďalej spomína aj ruských, tatárskych a perzských kupcov, ktorí sem prichádzajú so svojimi tovarmi kvôli obchodu³⁴. To svedčí o tom, že hoci obchod v meste Astrachán bol v určitom úpadku, stále mal dôležitý medzinárodný význam. Správy z neskoršieho obdobia o obchode v Astracháni sa nesú v pozitívnejšom duchu.

Na záver môžeme skonštatovať, že ruskí kupci navštevovali kvôli obchodu mesto Astrachán a okolité oblasti ešte pred jeho vznikom. Po vzniku Zlatej Hordy a založení samotného mesta sa obchod v tomto regióne výrazne rozšíril, no ten bol viac-menej v rukách domácich obchodníkov. Ruskí kupci boli zapojení do tohto obchodu, no existuje obmedzené množstvo prameňov, ktoré by nám umožnili vytvoriť si lepší obraz o jeho realizácii. Po vyplienení a zničení mesta Tamerlánovými vojskami obchod v Astracháni začal upadať. Pramene z obdobia 15. a 16. storočia však svedčia o tom, že aj napriek tomu sa tu obchod medzinárodného významu v menšej miere realizoval naďalej. Do tohto obchodu boli zapojení aj ruskí kupci. Väčší rozvoj ruského obchodu nastal až po dobytí mesta moskovským cárom v roku 1556. Obsadením mesta Astrachán získala Moskva priamy prístup k orientálnym trhom, čo zvýšilo jeho medzinárodný obchodný význam.

*

Lukáš Rybár, *Astrakhan and its role in the Russian-Asian trade until 1556*

The aim of the study is to demonstrate the very contribution of the Astrakhan city to the Russian trade to the half of the 16th century. After the formation of the Golden Horde and the establishment of Astrakhan the trade had spreaded fundamnetally, nevertheless, it had been kept by local traders. Russian merchants participated too but there is a limited number of sources which could help us to reproduce their involvement in the business. Astrakhan declined after its conquest by Tamerlans army. However, sources that originate in 15th and 16th century bear witness to its continuing nature of trade on an international scale, though at lesser levels. The Russian merchants were not excluded. It was only after 1556 when the Russian influence had started to grow as a result of claiming the city by the tsar of Muscovy.

³³ Ю. В. Готье, *Английские петешественники в Московском государстве*, Москва 1937, с. 172.

³⁴ Ibidem, с. 172.

*

Лукаш Рибар, *Астрахань и ее роль в российско-азиатской торговле до 1556 года*

Целью исследования является изучение места города Астрахань в российской торговле в середине XVI века. Русские купцы посещали этот регион еще перед основанием Астрахани, а после образования Золотой Орды и заложения города торговля увеличилась фундаментально. В основном ее вели местные торговцы. Русские купцы тоже принимали в ней участие но ограниченное количество сохранившихся источников позволяют нам только частично воспроизвести их место в торговле Астрахани. После завоевания города армией Тамерлана Астрахань приходит в упадок. Тем не менее, источники XV и XVI столетий сообщают, что международная торговля полностью не прекратилась. Участие в ней принимали и русские купцы. Более активные контакты русских торговцев с Астраханью начались после завоевания города московскими войсками в 1556 г.

Рустам Бегеулов
(Карачаевск)

Северокавказские тюрки во взаимоотношениях с Московским государством в XVI веке

В данной статье рассматриваются отношения балкарцев, карачаевцев, кумыков и ногойцев с Московским государством в XVI веке. Имеющиеся данные свидетельствуют, что карачаевцы и балкарцы были практически неизвестны русским властям в описываемое время. По некоторым косвенным данным можно только предположить, что карачаево-балкарцы в ходе военного противостояния на Северном Кавказе в 1560–1570-х гг. поддерживали силы, ориентировавшиеся на Москву. Кумыкско-кабардинский конфликт на Северном Кавказе и решение русского царя встать на сторону Кабарды серьезно обострили отношения кумыков с Московским государством. Несмотря на ряд совместных военных походов русских и кабардинских отрядов против кумыков, последним удалось сохранить свою независимость. Особенности взаимоотношений ногойцев с Московским государством в XVI веке определялись значительным уровнем феодальных междоусобиц в их среде. Политическая элита Большой Ногайской орды, в основном, придерживалась пророссийской ориентации. В то же время Малая Ногайская орда традиционно была настроена антиросийски, что во многом предопределило их военно-политическое противостояние в течение последующих столетий.

В начале нашей эры тюркские народы начали активно расселяться в европейской части Евразии, в том числе в кавказском регионе. В степях его северной части тюрки стали доминирующим этносом, осуществляя в средневековый период постепенную инвазию даже в горные районы. После бурных этнополитических событий XIII–XIV веков, связанных с монгольскими походами, образованием Золотой орды, нашествием войск Тамерлана и т.п. этническая карта Северного Кавказа претерпела значительные изменения. В итоге, к XVI веку среди северокавказских тюрков выделялись ногойцы, кумыки, карачаевцы и балкарцы, в отношении которых в исторической ретроспективе и на современном этапе нередко применяют обобщающий этноним – карачаево-балкарцы.

Поступательное укрепление и территориальная экспансия Московского государства привели к тому, что во второй половине XVI столетия его южные границы продвинулись до Северного Кавказа. В 1556 г. русские войска заняли территорию Астраханского ханства и вышли к Каспийскому морю. Это привело к прямому соприкосновению московских владений и кочевий ногайцев, основная часть которых в то время располагалась в приволжско-прикаспийских степях. Между тем, еще в 1555 г. в Ногайской орде произошли столкновения между сторонниками и противниками прорусской ориентации. Князь (бий) Юсуф, еще в 1551 г. примкнувший к антимосковской военно-политической коалиции Крымского, Астраханского и Казанского ханств, был убит, а на престол вззошел ориентировавшийся на Русское государство Измаил. Последний еще в 1554 г. присягал на верность Ивану IV Грозному, а в 1557 г. Измаил во вторичной „шерти“ (присяге) признал зависимость своего государства от Москвы и стал верным союзником русского царя¹. Однако это не принесло спокойствия и стабильности ногайцам. Борьба противников и сторонников прорусской ориентации не прекратилась. Часть ногайской аристократии вместе с подвластными им людьми в середине XVI века откочевала на „крымскую сторону“, то есть к Дону и Азовскому морю, заключив военно-политический союз с Крымским ханством. Данный миграционный процесс привел к расколу Ногайской орды на Большую, оставшуюся на прежних местах проживания, и на Малую, кочевья которой располагались в степном Предкавказье, на правом берегу нижнего и среднего течения реки Кубани, в Приазовье и т.д. Основу Малой Ногайской орды составил так называемый Казыев улус, возглавлявшийся соответственно Казы Ураковым, ставшим непримиримым противником Московского государства. Крымский хан называл Казы-мурзу „каменной стеной Крымскому юрту и Азову“². Причем, численность ногайцев в северо-западной части Кавказа в описываемое время постоянно росла, что было связано как с не прекращавшимся притоком антироссийски настроенных соплеменников из Большой орды, так и с начавшейся эпидемией чумы в заволжских районах. К тому же после смерти бия Измаила в 1563 г. в Большой Ногайской орде начался долгий период внутренних смут и междоусобиц. Это привело к усилению миграционных потоков, в том числе на территорию русского государства. Этот процесс среди ногайцев не принял такого массового характера, как среди татар Золотой Орды в период её заката. Однако часть представителей ногайской аристократии (Юсуповы, Тинбаевы, Шейдяковы, Урусовы и др.) после принятия православия была инкорпорирована в состав привилегированного сословия русского государства. Кстати, можно отметить, что именно один из ногайских мурз – Урак Яна-расланов (в крещении Петр Урусов), отданный еще в 90-е гг. XVI века в амана-

¹ В. М. Викторин, *Российское государство и кочевые народы*, [in:] *Россия и степной мир Евразии. Очерки*, Санкт-Петербург 2006 (<http://stepnoy-sledopyt.narod.ru> [29.06.2016])

² Ibidem.

ты (заложники) в Москву, позднее, поступив на придворную службу, 11 декабря 1610 г. убил Ажедмитрия II³.

В свою очередь, ногайцы Малой орды, расселившись на Северном Кавказе, с одной стороны, практически сразу же путем заключения междинастических браков установили союзнические отношения с кавказскими народами, а с другой – стали верными и последовательными проводниками крымско-османского влияния в регионе.

Произошедшие события – взятие русскими войсками Астрахани, распад Ногайской орды, осложнение русско-османских отношений – привели также к тому, что Северный Кавказ на долгие столетия превратился в арену военно-политического противостояния трех держав того времени – Московского государства, Османской империи и Персии. Естественно, что в это противостояние были втянуты все народы региона, в том числе и северокавказские турки. Исходя из торговых и военно-политических интересов, после укрепления на северном побережье Каспийского моря Москва стала уделять все больше внимания восточной части Кавказа. В этом регионе тогда доминировало государственное образование, известное как шамхальство (от титула правителя – шамхал), этническую основу которого составлял турки-кумыки. Естественно, что Москва была заинтересована в распространении своего влияния на шамхальство, учитывая его стратегическое положение на пересечении сухопутных путей из Крыма и Руси в персидские владения. Однако на дальнейшую эволюцию русско-кумыкских взаимосвязей во многом ключевое влияние оказала попытка оформления военно-политического союза Москвы и Кабарды.

Попытки кабардинских феодалов занять доминирующее положение в центрально-кавказском регионе, выйти из-под опеки Крыма и их территориальная экспансия в район Терека и Сунжи, вызвавшая затяжной конфликт с шамхальством (считавшим эти земли своими), детерминировали поиск кабардинцами новых внешних союзников. Еще в 1552 г. часть западных адыгов (из причерноморской части Кавказа) отправила посольство в Москву. Его целью было заручиться поддержкой русского монарха и обрести в лице Московского государства влиятельного союзника для противодействия Крымскому ханству. Послов благожелательно приняли в русской столице. По итогам переговоров Иван IV направил на Северный Кавказ боярина Андрея Щепотьева, которому поручалось выяснить на месте реальное соотношение политических сил и обстановку в регионе. В августе 1555 г. А. Щепотьев вернулся в Москву. При этом вместе с ним вновь прибыло посольство от части кавказских народов, представлявшее уже не только одних западных адыгов, но включившее в свой состав и кабардинцев. Послы повторили просьбу о желании вступить в российское подданство и получить помощь в борь-

³ В. В. Трепавлов, *Тюркская знать в России. (Ногаи на царской службе)*, „Вестник Евразии (Акта Евразика)”, 1998, 1–2 (4–5), с. 52–53.

бе с Крымом. На этот раз просьба о подданстве была формально удовлетворена, однако в военной помощи послам Иван Грозный отказал⁴.

Тем не менее, на этом история с посольствами не закончилась. Летом 1557 г. Москву посетило уже кабардинское посольство, инициатором которого выступил один из влиятельных князей Кабарды Темрюк Идаров. Одновременно послы позиционировали себя в качестве представителей всей кабардинской земли, а не только личного удела Т. Идарова (располагавшегося в притерских районах), поскольку последний занимал в то время должность так называемого старшего князя всей Кабарды. Послы вновь заявили о том, что Кабарда готова принять подданство московского государя. Кроме того, они в очередной раз просили об оказании военной поддержке в борьбе с Крымским ханством и шамхальством. Интересно, что шамхалы в ходе конфликта с Кабардой также попытались апеллировать к Москве. В 1557 и 1559 г. к Ивану IV приезжали послы от шамхала с просьбой о том, чтобы российский государь их „оборонил от холопей своих от черкасских князей”⁵. Однако Иван Грозный, после некоторых колебаний, решил безоговорочно стать на сторону Кабарды, оформив её подданство в соответствии с традициями феодальной эпохи. Кабардинская аристократия получила права русских удельных князей, которые выступали вассалами царя. Впоследствии, в 1561 г. союзнические отношения между Московским государством и Кабардой были подкреплены женитьбой Ивана Грозного на дочери Т. Идарова (в крещении Мария).

В советское время данные события трактовались как добровольное вхождение Кабарды и даже всего Центрального Кавказа в состав России. Вряд ли с такой трактовкой можно согласиться. Дело в том, что никаких податей русскому государю Кабарда не выплачивала, а прописанную в акте подданства процедуру назначения Москвой старшего князя практически полностью игнорировала. Он, как и прежде, избирался на общекабардинском съезде, в ходе которого к мнению русских властей чаще всего не прислушивались. В то же время лица, получившие русскую поддержку и утвержденные в должности старшего князя царскими грамотами, сталкиваясь с серьезным противодействием на месте, часто не могли её занять. На наш взгляд, исторически более корректно можно было бы ставить вопрос о военно-политическом союзе двух сторон, естественно под протекторатом Москвы, о чем уже неоднократно упоминалось в ряде исследований⁶.

⁴ *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: документы и материалы*: в 2-х т. [далее: КРО], т. 1, ред. Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева, Москва 1957, с. 4.

⁵ *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Тексты, переводы, комментарии, введение и примечания* Л. И. Лаврова, ч. 1, Москва 1966, с. 209.

⁶ См. например: К. Ф. Дзамихов, *Адыги: веки истории*, Нальчик 1994, с. 57–71; Г. Х. Мальбахов, *Кабардинская феодальная аристократия во взаимоотношениях России с Кабардой и другими народами Северного Кавказа (вторая половина XVI – 70-е годы XVIII вв.): автореферат дис. ... канд. ист. наук*, Махачкала 1995, с. 15; Г. Х. Мамбетов, *1557 год – присоединение или военно-политический союз?* [in:] *Сборник статей молодых ученых и аспирантов*, Майкоп 1993, с. 5–25 и др.

Между тем, Т. Идаров заручился не только поддержкой Москвы, но и наладил союзнические отношения с Большой Ногайской ордой. При этом в данном случае также не обошлось без династического брака. Еще одна дочь старшего князя Кабарды была выдана замуж за сына другого московского союзника – ногайского мурзы Измаила, уже упоминавшегося выше.

При помощи своих влиятельных союзников Т. Идаров принял решение начать борьбу как с внешними противниками, так и с внутренними, попытавшись осуществить централизацию власти в Кабарде и расширить её границы за счет соседних земель и народов.

Такая политика, в итоге, привела к масштабному конфликту на всем Северном Кавказе, осложненном вмешательством извне. Противники главного князя Кабарды, как внутри, так и вне региона, также стали создавать собственные коалиции. Один из главных противников Т. Идарова – кабардинский князь Пшеаппшока Кайтукин в поисках союзников, в свою очередь, заключил военно-политические коалиции с Малой Ногайской ордой, с шамхальством и с Крымским ханством.

Непосредственно на Северном Кавказе враждебные отношения у Т. Идарова сложились с ближайшими соседями его феодального удела – осетинами и вайнахами (чеченцами и ингушами). В то же время карачаево-балкарцы, по-видимому, выступили союзниками промосковского князя Кабарды. Эти предположения можно подкрепить следующими выводами. Во-первых, родная племянница Т. Идарова приблизительно в то же время являлась супругой балкарского князя⁷, что подразумевало союзнические отношения. Во-вторых, в фольклоре карачаевцев сохранились предания о военных коллизиях с кабардинским князем Казы, коего историки ассоциируют с реальным персонажем – сыном П. Кайтукина⁸. В складывавшихся условиях должен был сработать принцип: „враг моего врага – мой друг”. А в-третьих, именно в этот период в Карачае появился так называемый „крым-шамхал”, то есть наследник шамхальского престола (принц), ставший, впоследствии, родоначальником ведущей местной княжеской династии. Известно, что не всегда крым-шамхалы безропотно ожидали естественной кончины шамхала. Периодически они возглавляли вооруженный заговор с целью свержения действующей власти и собственного воцарения на престоле. По-видимому, один из таких инцидентов, осложненный начавшимся военным противостоянием шамхальства с Кабардой и Московским государством, имел место в 1550-60-е гг., в результате чего потерпевший поражение крым-шамхал был вынужден бежать на территорию своих союзников.

⁷ КРО, с. 125.

⁸ См. например: Е. Н. Кушева, *Народы Северного Кавказа и связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII века)*, Москва 1963, с. 170–171.

Таким образом, в 1550-60-х гг. весь северокавказский регион раскололся на две враждующих друг с другом военно-политические коалиции. Естественно, что начало масштабного противоборства между ними не заставило себя долго ждать.

В 1560 г. Т. Идаров, получив военную помощь из Московского государства, начал наступление на территорию шамхальства. Кабардино-русское войско захватило один из его важнейших административных и экономических центров – город Тарки, располагавшийся на побережье Каспийского моря, заставив самого шамхала „бежать в горы”⁹. Однако военный потенциал шамхальства был сохранен, полного разгрома ему удалось избежать, в связи с чем военные столкновения продолжались.

В 1563 г. Ивану Грозному доложили, что Т. Идаров, взяв в Астрахани 500 стрельцов и 500 казаков, „воевал Шепшуковы улусы да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков, и взяли три городки: город Мохань, город Енгирь, город Каван (...) А те городки были Шепшуковы княжие... и дань Темгрюк-князь на них положил. И воевали землю их одинатцеть дней, и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре (...)”¹⁰. Таким образом, нападению подверглись селения кабардинского князя П. Кайтукина („Шепшуковы улусы”), земли осетин („сонские кабаки”) и чеченцев („мшанские” (тшанские) – вайнахское общество Шато). Видимо, под „тацкими землями”, подразумевалось обобщение „горские”, то есть расположенные в горах (от тюркского „тау/тав/даг” – „гора”). Русская помощь оказалась действенной и во время событий 1566 г., когда войско Т. Идарова вновь разгромило коалицию Пшеапшоки Кайтукина и Будаи-шамхала, поддерживавшуюся Крымским ханством¹¹.

Тем не менее, решительного перелома в военной кампании не наблюдалось. Москве приходилось все время наращивать помощь своему кабардинскому союзнику. В 1567 г. Иван Грозный даже санкционировал постройку русской крепости на Северном Кавказе в устье притока Терека реки Сунжи (Терский городок). Однако её строительство вызвало серьезное дипломатическое давление со стороны Стамбула. В итоге, в условиях продолжавшейся Ливонской войны, Москва была вынуждена пойти на уступки, и крепость срыли в 1571 г. Неудачей закончилась и вторая попытка возобновления укрепления в 1578 г. Только в 1588 г. (уже после смерти Ивана IV) Терский (Тюменский) городок, возведенный в устье реки Терек на каспийском побережье, превратился на долгие столетия в форпост русского влияния на всем Кавказе¹².

⁹ Г. Х. Мамбетов, *Взаимоотношения кабардинцев и балкарцев с народами Дагестана в XVI–XVIII вв.*, [in:] *Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа (дооктябрьский период)*, Махачкала 1977, с. 130.

¹⁰ КРО, с. 11.

¹¹ *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.*, отв. ред. Б. Б. Пиотровский, Москва 1988, с. 303.

¹² См.: КРО, с. 14–15, 28, 52–53, 399.

Но ни Московское государство, ни Большая Ногайская орда оказались не в состоянии помочь Т. Идарову в осуществлении задуманных им планов. За весь долгий период боевых действий добиться решающего перевеса ему так и не удалось. Политику централизации власти и промосковский курс Т. Идарова не поддерживало большинство влиятельных военно-политических сил северокавказского региона. Когда же в 1562 г. все отношения с ним и с Москвой разорвали западноадыгские князья¹³, а в 1563 г. скончался ногайский князь Измаил¹⁴, положение кабардинского князя стало критическим. В результате политика территориально-политической экспансии, усиления личной власти и централизации, проводившаяся старшим князем Кабарды, провалилась.

В 1570 г. Т. Идаров после столкновения с крымским войском был тяжело ранен и вскоре умер. Его приемники попытались продолжить прежний курс, но терпели неудачу за неудачей. Двое из четырех сыновей Темрюка – Мамстрюк и Булгайрук (Беберюк) были захвачены в плен крымскими татарами. О судьбе Булгайрука в дальнейшем ничего не известно. Мамстрюк при помощи Москвы был выкуплен из плена. Но позднее, около 1600 г., Мамстрюка и его родного брата Доманука вероломно убил сын П. Кайтукина – Казый. После этих событий удел Т. Идарова фактически распался, большая часть его родственников вынуждена была покинуть пределы Кабарды, обосновавшись в Терском городке, а оставшаяся потеряла политическое влияние и экономический потенциал¹⁵.

После поражения прорусской партии в регионе значительная часть адыгов, абазин и центрально-кавказских тюрков (карачаево-балкарцев) начала все больше ориентироваться на Османскую империю. Традиционно проосманской ориентации придерживались и расселившиеся в западной части Северного Кавказа малонагайцы. Хотя по инерции русские цари на протяжении столетий продолжали считать Кабарду в числе подвластных русскому государю земель, реальное влияние Москвы в регионе Центрального и Северо-Западного Кавказа в конце XVI–XVII вв. было номинальным.

Сложной для Московии продолжала оставаться ситуация и на Северо-Восточном Кавказе. Несмотря на наличие Терского городка, подчинить кумыков и шамхальство в целом не удавалось. Потерпев ряд поражений в ходе русско-кабардинских походов 1560-х гг., шамхалы сумели сохранить независимость своего государства. После провала ставки на Т. Идарова русские власти попытались возобновить прямые контакты с шамхальством и даже наладить союзнические отношения с кумыками. Особенно активно эта политика стала проводиться после поражения в Ливонской войне и смерти Ивана IV при новом царе Федоре Ива-

¹³ См. например: Ч. Э. Карданов, *Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX в.*, Нальчик 2001, с. 25.

¹⁴ В. М. Викторин, *Российское государство и кочевые народы*, (<http://stepnoy-sledopyt.narod.ru> [29.06.2016]).

¹⁵ Р. М. Береулов, *Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории*, Черкесск 2009, с. 87.

новиче. На короткий период в середине 1580-х гг. русским властям даже удалось привлечь шамхалов к антиосманскому союзу, ядром которого выступали Московское государство и Персия. Однако путем удачно выстроенных дипломатических усилий османам в короткий срок удалось вновь перетянуть шамхальство на свою сторону¹⁶. Это вызвало резкое неприятие в Москве. К тому же в 1590 г. по условиям Стамбульского мирного договора между Персией и Османской империей последняя закрепляла за собой отвоеванные у персов территории Южного Кавказа и получила выход к побережью Каспийского моря¹⁷. Османские и шамхальские владения начали непосредственно граничить между собой, а русско-персидский союз развалился. Пытаясь противодействовать турецким успехам, Московское государство вновь попыталось укрепить свои позиции в восточной части Северного Кавказа. В 1590 г. русские войска начали очередные военные действия против шамхальства, активно пытаясь привлечь на свою сторону кабардинцев и грузин. В равнинной части современного Дагестана стали возводиться небольшие крепости, которые должны были способствовать контролю над захваченной территорией, стать форпостами для дальнейшего продвижения на юг. В 1594 г. русская армия под командованием воеводы Хворостинина вновь захватила важнейший транспортный и торговый центр шамхальства, одну из его столиц – Тарки. Однако вскоре войска шамхала отбили свою столицу, нанеся противнику существенный урон¹⁸. Заключительным аккордом этой кампании стал поход русского войска во главе с воеводой Бутурлиным на шамхальство в 1604–1605 гг., когда ситуация во многом повторилась. Первоначально русские вновь заняли Тарки, но затем отряды кумыков, горцев Дагестана и турков, прибывших на помощь шамхалу из Шемахи, заблокировали армию Бутурлина. Последний, проведя переговоры с шамхальской коалицией, выторговал право свободного выхода из осажденной крепости. Но на обратном в пути в степи русская армия была атакована противником и практически полностью уничтожена. После этого поражения Москвитин удалось удержать за собой только Терский городок. Все остальные крепости пришлось срыть и покинуть.

Таким образом, взаимоотношения тюркских народов Северного Кавказа с Московским государством в XVI веке развивались сложно, с превалированием военной составляющей.

После ликвидации Астраханского ханства в составе Московского государства также фактически оказалась располагавшаяся в приволжских районах Ногайская орда. Однако значительная часть антиросийски настроенных ногайцев стала в массовом порядке переселяться в степные районы Северного Кавказа под протекторат Крымского ханства. В результате этого миграционного процесса

¹⁶ К. Алиев, *Между Москвой и Стамбулом. Кумыки во второй половине XVI – начале XVIII в.* (<http://kumukia.ru/?id=1856> [18.07.2016]).

¹⁷ *История народов Северного Кавказа*, с. 314.

¹⁸ К. Алиев, *Между Москвой и Стамбулом*, (<http://kumukia.ru/?id=1856> [18.07.2016]).

в западной части региона образовалась так называемая Малая Ногайская орда, ориентировавшаяся на Османскую империю и враждовавшая с Москвой.

Также в силу ряда субъективных и объективных причин, изложенных выше, не просто стали выстраиваться отношения с Московским государством у другого тюркского народа Северного Кавказа – кумыков. Попытки русских властей закрепить на западном побережье Каспия и поддержать Кабарду в качестве привилегированного союзника на Северном Кавказе привели к военным столкновениям прорусских и антирусских партий во всем регионе и к прямому вторжению московских войск на территорию шамхальства. Однако кумыкам и другим дагестанским народам, составлявшим этническую основу данного государства, удалось в тот период отстоять независимость и остановить наметившуюся экспансию Москвы в регионе.

Практически вне зоны русского влияния в рассматриваемый период остались тюркские народы Центрального Кавказа – карачаевцы и балкарцы. На протяжении не только всего XVI века, но и последующих столетий (вплоть до конца XVIII века) русские власти имели весьма смутное представление о карачаево-балкарцах, а зафиксированные контакты между ними были весьма эпизодическими и связанными, в основном, с последовавшими в XVII веке попытками Москвы наладить более интенсивный диалог с грузинскими землями.

В заключение можно также отметить, что активизация кавказского вектора внешней политики Московского государства во второй половине XVI века не прошла бесследно и привела, впоследствии, к значительным изменениям на всем Кавказе. С этого времени данный регион начал прочно входить в сферу внешнеполитических интересов российского государства. Именно в этот период русские власти стали оказывать все большее экономическое и военно-политическое давление на территориально-политические объединения региона, а часть кавказских этнополитических элит начала ориентироваться в своей внешнеполитической деятельности на Москву. Крымское ханство утратило роль монопольного протектора на северокавказском политическом поле. Недовольные его политикой северокавказские феодалы получили возможность обращаться за поддержкой к Московии (позднее к России) и играть на противоречиях этих двух государств. Естественно, что все это привело к острому внешнеполитическому противостоянию России и Османской империи (включая Крымское ханство) на кавказском направлении, где обе стороны активно боролись за влияние на этнополитические образования региона, оформляя формальные подданства того или иного территориально-политического объединения. Итогом данного противостояния стало российское завоевание Кавказа в XVII–XIX веках.

*

Rustam Begeulov, *North Caucasian Turks in relations with Moscow State in the 16th century*

The relationship of the Balkars, Karachays, Kumyks, Nogais with the Moscowian state in the 16th century is considered in this article. According to the reports the Karachay and Balkars were practically unknown to the Russian authorities. According to some indirect data, we can only assume that the Karachay-Balkars during the military confrontation 1560–1570-ies in the North Caucasus supported forces which were focused on Russia. Kumyk-Kabardian conflict in the North Caucasus and the decision of the Russian Tsar to side Kabarda sharply aggravated Kumyks relations with the Moscowian state. Despite of a series of joint military campaigns of the Russian and Kabardian squads against the Kumyks, the last were able to preserve their independence. Features of the Nogai relations with Moscovia in the 16th century were determined by a significant level of feudal strife among them. The political elite of Great Nogai Horde largely adhered to pro-Russian orientation. At the same time Small Nogai Horde was traditionally anti-Russian, that largely determined their military-political confrontation over the following centuries.

*

Rustam Begeulov, *Severokavkazští Turci ve vztahu s Moskevským státem v 16. století*

Článek se týká vztahu Balkarů, Karačajů, Kumyků, Nogajů s Moskevským státem v 16. století. Dle zpráv byli Karačajové a Balkarové ruským úřadům téměř neznámí. Dle některých nepřímých dat můžeme pouze předpokládat, že Karačajové a Balkarové podpořili vojenské síly, které byly zaměřeny na Rusko, při vojenské konfrontaci v letech 1560–1570 na severním Kavkazu. Kumycko-kabardský konflikt na severním Kavkazu a rozhodnutí ruského cara přiklonit se ke straně Kabardů prudce zhoršily kumycké vztahy s Moskevským státem. Navzdory sérii podniknutých vojenských tažení ze strany Ruska a Kabardů namířených proti Kumykům si posledně jmenovaní byli schopni uhájit svou nezávislost. Úloha nogajských vztahů s Moskvou v 16. století byla determinována příznačnou úrovní feudálních konfliktů mezi nimi. Politická elita Velké nogajské Hordy z velké části dodržovala proruskou orientaci. Současně Malá nogajská Horda byla tradičně protiruská, což velmi ovlivňovalo jejich vojensko-politickou konfrontaci v průběhu následujících staletí.

Norbert Mika
(Warszawa)

Tatarská otázka v politických misích císařských kurýrů a poslů k moskevskému dvoru v letech 1587–1589

Habsburská poselstva vyslaná v letech 1587–1589 na moskevský dvůr měla v zásadě dva hlavní cíle. Zaprvé – zrušení dynastického svazku Polsko-litevské unie se Švédskem, který byl nebezpečný pro obě strany a dosazení arcivévody Maxmiliána, bratra císaře Rudolfa II., na polský trůn. Zadruhé – zastavení turecké expanze v Evropě a s ní spojených tatarských nájezdů. Byla zvažována také varianta likvidace Krymského chanátu. Odtud plynula nabídka moskevské vlády poskytnout vídeňskému dvoru vysokou finanční podporu ve výši 3 000 000 zlatých ve stříbře. Problémem v pochopení všech složitých otázek souvisejících s prezentovanou tematikou jsou obsahově rozdílné písemné relace z pobytu Mikuláše Varkoče v Moskvě. Jedná se o dochované protokoly tzv. poselského prikazu – v ruském jazyce, a závěrečné hodnocení samotného M. Varkoče – dochované ve španělském překladu. V těchto textech popsaná tatarská otázka prezentuje rozdílnou chronologii událostí i odlišné detaily z průběhu jednotlivých rozhovorů. Přesto není pochyb o tom, že ohrožení ze strany Tatarů stejně jako Turků a dokonce Poláků, Litevců a Švédů vybudovalo most, který spojil vzdálené partnery dialogu. Tímto způsobem přinejmenším vnímaly tyto záležitosti dvory v Moskvě a ve Vídni v letech 1587–1589.

Ohrožení habsburské monarchie ze strany Osmanské Porty způsobené zápasem o Uhry, přinutilo úřady ve Vídni hledat spojence a vyvíjet různorodé aktivity směřující k zastavení nebezpečných přívrženců islámu¹. Úzkost nevzbuzovali jen samotní Turci, ale také jejich podporovatelé Tataři. Ti o sobě v zemích podléhajících vídeňskému

¹ F. Kameníček, *O účincích válek tureckých na Čechy a Moravu okolo roku 1600*, Brno 1889, s. 3–17; J. Pánek, *Turecké nebezpečí a předbělohorská společnost*, „Studia Comeniana et Historica”, 11, 1981, s. 53–72; Idem, *Podíl předbělohorského českého státu na obraně střední Evropy proti osmanské expanzi*, „Československý časopis historický”, 36, 1988, s. 856–872; 37, 1989, s. 71–84; T. Rataj, *Turecká hrozba a raně novověké zpravodajství v předbělohorských Čechách*, [in:] *Národnostní skupiny, menšiny a cizinci ve městech: Praha – město zpráv a zpravodajství*, Praha 2001, s. 233–261 (Seria: Documenta Pragensia, t. 19).

dvoru dali vědět již v letech 1529² a 1566³, při drancování měst a vesnic, a odvádění obyvatel do zajetí. Obavy se objevily rovněž v předvečer a v průběhu velké Osmansko-Habsburské války v letech 1592–1606⁴. Zde je třeba připomenout, že i v letech před uvedenými událostmi (1583, 1585, 1588) docházelo v tehdejším uherském pohraničí k lokálním ozbrojeným incidentům, které měli na svědomí bojovníci ve znaku půlměsíce, což vyvolalo oprávněný strach v celé habsburské monarchii, tedy i v českých zemích⁵.

Pro eliminování plundrujících nájezdů černomořských kočovníků, vyslala administrativa císaře Rudolfa II., uherského a českého krále, na moskevský dvůr ruského cara Fjodora Ivanoviče zvláštního kurýra, jehož úkolem bylo nalézt na východě vhodného spojence. Tatarská otázka nebyla hlavním cílem plánované mise. Zpočátku nebyla brána příliš vážně, hlavní důraz byl kladen na eventuální spojení proti pánovi krymských Tatarů – tureckému sultánovi Muradovi III. K omezení sultánovy agrese vůči habsburským zemím, mělo posloužit udržování ho ve vojenském stavu s novým perským šáhem Abbásem I. Velikým⁶.

Habsbursko-moskevská jednání měla být také namířena proti mladému švédskému králevici Zikmundovi Vasa, který ohlásil svou kandidaturu na krále Polska a Litevského velkoknížectví. Jeho konkurentem byl habsburský arcivévoda Maxmilián, bratr císaře Rudolfa II. Z důvodu nejednoznačné volby se rozhořel ostrý boj mezi oběma uchazeči⁷. Maxmilián si uvědomoval, že cesta Zikmunda Vasy ze Švédska do Krakova bude dost dlouhá, a tak v září 1587 shromáždil na Moravě nevelký ozbrojený oddíl 400 jezdců a vyrazil do Slezska. Díky podpoře českých, moravských, slezských a lužických stavů se jeho síly den ode dne rozrůstaly. V momentě překračování polských hranic dne 10. října měl pod svým velením již 2500 jezdců a stejný počet pěších. Polský kancléř

² G. Uhlich, *Geschichte der ersten türkischen Belagerung Wiens – im Jahr 1529. Zweiter Abschnitt*, Wien 1784, s. 98; F. Stöller, *Soliman vor Wien*, „Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Wien“, 9/10, 1929/1930, s. 11–76; N. Jorga, *Die Geschichte des Osmanischen Reiches nach Quellen dargestellt*, Bd. 1, Darmstadt 1997, s. 479–481; G. Dürriegl, *Die erste Türkenbelagerung*, [in:] *Wien 1529. Die erste Türkenbelagerung*, red. G. Dürriegl, Wien–Köln–Graz 1979, s. 7–25; J. N. Lorenzen, *Die großen Schlachten. Mythen, Menschen, Schicksale*, Frankfurt am Main–New York 2006, s. 17–54; S. Faroqhi: *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd. 3, München 2004, s. 16–19, 33–37; F. Opll, *Die Wiener Türkenbelagerungen und das kollektive Gedächtnis der Stadt*, „Jahrbuch des Vereins für Geschichte der Stadt Wien“, 64/65, 2008/09, s. 171–197; G. Perjés, *Upadek średniowiecznego Królestwa Węgier: Mohacz 1526 – Buda 1541*, Oświęcim 2014, s. 36; H. Krause a kolektiv, *Mauern um Wien. Die Stadtbefestigung von 1529 bis 1857*, Wien 2014, s. 30–34 (Seria: *Wien Archäologisch*, Bd. 6).

³ G. Emich, *Szigetvár 1566-ban: történeti regény*, kötet 1–4, Pest 1858–1859; E. Wertheimer, *Zur Geschichte des Türkenkrieges Maximilians II. 1565 und 1566*, „Archiv für österreichische Geschichte“, 53, 1875, s. 43–102; N. Sakaoğlu, *Bu Mülkün Sultanları (Sultanii acestor meleaguri)*, Oğlak 1999, s. 140–141.

⁴ J. P. Niederkorn, *Die europäischen Mächte und der 'Lange Türkenkrieg' Kaiser Rudolfs II. (1593–1606)*, „Archiv für österreichische Geschichte“, 135, 1993, s. 9–20.

⁵ T. Rataj, *České země ve stínu půlměsíce. Obraz Turka v rané novověké literatuře z českých zemí*, Praha 2002, s. 319–320.

⁶ B. Składanek, *Historia Persji*, t. 3, Warszawa 2007, s. 42–47.

⁷ H. Wisner, *Zygmunt III Waza*, Wrocław–Warszawa–Kraków 2006, s. 11–38; A. Pieńkowska, *Zjazdy i sejmy z okresu bezkrólewia po śmierci Stefana Batorego*, Pułtusk 2010, s. 354–400; P. P. Szpaczyński, *Mocarstwowe dążenia Zygmunta III w latach 1587–1618*, Kraków 2013, s. 52–75.

a hejtman Jan Zamojský, straník Zikmunda Vasy, nechal ve snaze o zastavení Maxmiliána obsadit okolí Krakova svými oddíly, které se kromě polských jednotek skládaly také z Kozáků a Tatarů⁸. Posledně jmenovaní dokonce podnikli několik směhlých přeshraničních výpadů, přičemž vypálili městečka Bílsko a Myslowice a také mnoho slezských vsí na Pštinsku a Tošecku⁹.

Mezitím se arcivévoda Maxmilián, který nedokázal ovládnout Krakov – kde byl již 27. prosince 1587 korunován Zikmund III. Vasa polským králem – přesunul se svými oddíly směrem k Velkopolsku. Rychle se však vrátil do Horního Slezska, čili do hranic tehdejší Říše, kvůli obavám z oddílů Jana Zamojského, který jej nepřestal pronásledovat. K rozhodující bitvě došlo 24. ledna 1588 u Byčiny u severních hranic Horního Slezska. Zamojský porazil habsburského konkurenta o polskou korunu, zajal jej a převezl na své privátní sídlo v Krasnystawu¹⁰. Hejtman Zamojský při té příležitosti souhlasil s plundrováním majetků Slezanů loupeživými a násilnými kozáckými a tatarskými oddíly, čímž je chtěl potrestat za vydatnou vojenskou pomoc Maxmiliánovi. Obětí útočníků se tehdy stalo asi 400 vsí a města Byčina, Klučbork a Olešno¹¹.

V těchto podmínkách, pravděpodobně na podzim roku 1587¹², byl na dvůr cara Fjodora Ivanoviče do Moskvy vyslán císařský kurýr Lucas Pauli¹³, jehož úkolem bylo vysondovat, jaké tam panují nálady a zjistit informace ohledně možnosti získat konkrétní pomoc při usilování Habsburků o polský trůn a proti ohrožení ze strany Turků a Tatarů. Lucas Pauli nebyl v Rusku poprvé. V létě 1587 byl dokonce vyslán ruským možno-

⁸ *Diarium pana Smila Osovského z Dubrvice a na Třebíči, čili popis cesty jeho do Polska, kterou vykonal r. 1587 s arciknížetem rakouským Maxmiliánem, voleným králem polským*, vyd. F. Kameníček, „Časopis Musea Království Českého“, 62, 1888, s. 380–381.

⁹ *Nicolaus Pol – Die Jahrbücher Breslau's*, [in:] J. G. Büsching, *Zeitbücher der Schlesier*, Bd. 4, Lief 1, Breslau 1823, s. 154; E. E. von Mayer, *Des Olmützer Bischofs Stanislaus Paulowski Gesandtschaftsreisen nach Polen aus Anlass der Königswahl nach dem Ableben Stefan I. 1587–1598*, Kremsier 1861, s. 97–99; *Sněmy české od léta 1526 až po naši dobu*, t. 7: 1586–1591, Praha 1891, nr 190, s. 329.

¹⁰ M. Plewczyński, *Bitwa pod Byczyną 24 stycznia 1588 r.*, „Studia i Materiały do Historii Wojskowości“, 17 (1), 1971, s. 125–170; W. Kaczorowski, *Bitwa pod Byczyną*, Opole 1988, s. 113.

¹¹ *Des Barth. Bencke, Pastorius zu Pietschen, Bericht über die daselbst im Jahre 1588 gelieferte Schlacht*, hrsgb. L. von Ledebur, „Allgemeins Archiv für die Geschichtskunde des Preussischen Staates“, 10, 1833, s. 131–144; *Stanislai Rescii diarium 1583–1589*, vyd. I. Czubek, [in:] *Archiwum do Dziejów Literatury i Oświaty w Polsce*, t. 15, cz. 1, Kraków 1915, s. 185.

¹² Czesław Nanke pouze všeobecně konstatuje, že Pauli byl do Moskvy vyslán ještě před byčinskou katastrofou, srov.: Cz. Nanke, *Z dziejów polityki Kuryi rzymskiej wobec Polski*, Lwów 1921, s. 70.

¹³ Podle Ruslana Skrynnikova, *Borys Godunow*, překlad J. Dancygier, M. Migdalska, Warszawa 1982, s. 43, L. Pauli byl emisárem B. Godunova. Tuto informaci je ale třeba upřesnit. Je bez nejmenších pochyb, že L. Pauli byl kurýrem císaře Rudolfa II., srov.: *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными* [dále: ПДС], t. 1, Санкт-Петербург 1851, стрб. 1101–1107; t. 2, Санкт-Петербург 1852, стрб. 389–390, 395–396; H. Uebersberger, *Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts*, Bd. 1: 1488–1605, Wien–Leipzig 1906, s. 525–528, 530–531; W. Leitsch, *Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhundert*, Th. 1: 1604–1654, Graz–Köln 1960, s. 30–33, 37, 44, 54, 61–63, 294. Během cest mezi vídeňským a moskevským dvorem byl L. Pauli angažován (samozřejmě ne nezištně) také do diplomatických misí pro B. Godunova a jiné carské hodnostáře. To se také stalo v létě 1587, kdy se objevil v blízkosti císaře, kterému předal informaci, že moskevští představitelé jsou připraveni podpořit habsburského kandidáta na polskou korunu, srov.: H. Uebersberger, *Österreich und Russland*, s. 518–531; Cz. Nanke, *Z dziejów polityki Kuryi rzymskiej*, s. 70.

vládcem Borisem Godunovem do Prahy s nabídkou uzavření carsko-císařské dohody. Tehdy měl možnost zjistit, že oteče skutečné vlády v zemi nedrží infantilní a mentálně zaostalý car Fjodor, ale carský švagr a zároveň podkoní i nejvyšší rádce v jedné osobě – Boris Godunov¹⁴. S ním se L. Pauli setkal na přelomu let 1587/1588, i když jen ve funkci kurýra a ne císařského posla – takže nebyl zplnomocněn uzavírat závazné smlouvy. V této souvislosti v únoru 1588 opustil Moskvu a vydal se do Prahy. Tam dorazil 12. dubna a o tři dny později byl přijat na oficiální audienci u samotného císaře Rudolfa II., při které podal ústní správu o průběhu vykonané mise.

Pravděpodobně ještě během zpáteční cesty do Čech se L. Pauli dozvěděl o porážce, kterou arcikníže Maxmilián utrpěl 24. ledna 1588 u Byčiny. To bylo také prvořadým tématem na habsburském dvoře. Rudolf II. proto vyslal Lucase Pauliho za svým bratrem vězněným v Krasnystawu, kam císařský kurýr dorazil v srpnu 1588. U Jana Zamojského s vězněm Maxmiliánem zacházeli velmi liberálně, o mnoho lépe, než by se v případě zajatého nepřítele dalo předpokládat. Objevily se dokonce zvěsti o možných tajných dohodách polského kancléře s arcivévodou¹⁵. Když tedy L. Pauli dorazil do cíle, mohl bez problémů předat mladému Habsburkovi listy od cara Fjodora Ivanoviče a Borise Godunova a bez zábran s ním vést rozhovory. Jak L. Pauli později vzpomínal, arcivévoda se otevřeně vyjádřil, že se nehodlá vzdát polské koruny ani vlády na Litvě. Skrze císařského kurýra v této věci také sestavil prosbu k caru Fjodorovi, aby mu pomohl při usilování o krakovský trůn. Zároveň přislíbil, že v případě úspěchu nebude usilovat o rozšiřování území Polsko-litevské unie směrem na východ. Navíc připomenul pro vídeňský i moskevský dvůr důležitou otázku zastavení dalšího vojenského postupu Osmanské Porty a jí podřízeného spojence – Krymského chanátu. Navrhl dokonce utvoření společné koalice „противъ Турка и Татаръ”¹⁶.

Lucas Pauli odjel z Krasnystawu a zamířil předat informace získané od arciknížete Maxmiliána císaři Rudolfovi II. Ten se dlouho nerozmýšlel a rozhodl se realizovat plány habsburského domu uzavřením spojení či určité formy závazné dohody s carem Fjodorem Ivanovičem tím, že k němu vyslal nejen kurýra, ale nyní již oficiální poselstvo. Šlo zde o sevření Polsko-litevské unie v kleštích, vynucení si rezignace nového krále Zikmunda III. Vasy a dosazení arciknížete Maxmiliána, samozřejmě po jeho předchozím propuštění z Krasnystawu. Zisk z takového výsledku situace by plynul jak pro Moskvu – přetržením pro ni nebezpečného dynastického svazku Švédska s Polsko-litevskou unií, tak pro Vídeň – posílením habsburského domu i protiturecké a protitatarské koalice v této části Evropy. Zde je třeba připomenout, že v červnu 1587 se směrem na Moskvu vydaly početné jednotky krymských Tatarů odhadované na 40 tisíc ozbrojenců pod vedením carevičů (synů chána Devleta I. Gireje) – Alpa Gireje a Selameta Gireje. Výprava byla sice carskými vojsky zastavena u Tuly na řece Upě, pravém přítoku

¹⁴ С. Ф. Платоновъ, *Очерки по исторіи смуты в московскомъ государствѣ XVI–XVII вв.*, Санкт-Петербургъ 1910, с. 150–199; R. Skrynnikow, *Borys Godunow*, s. 22–54; D. Czerska, *Borys Godunow*, Wrocław-Kraków-Gdańsk-Łódź 1988, s. 8–41.

¹⁵ S. Grzybowski, *Jan Zamoyski*, Warszawa 1994, s. 220–221.

¹⁶ *ПАС*, т. 1, стр. 1132–1133: „Przeciw Turkom i Tatarom”.

Oký, nebezpečí ze strany stepních nájezdníků tím však nebylo zažehnáno¹⁷. O rok později, přesněji počátkem října 1588, došlo ke kontaktům s Turky v uherském pohraničí, což přinutilo habsburské orgány vyslat tam svá vojska. Zprávy o těchto událostech se hlasitě roznesly také po českých zemích a způsobily neklid v celém státě. Informaci uveřejnily dokonce i pražské noviny, pro tento důvod speciálně vydávané¹⁸.

V čele habsburského poselstva do Moskvy stanul slezský šlechtic Mikuláš Varkoč z Nobšic (*Niklas Warkotsch vel Warkatsch*), pán na Želovicích (*Żelowice, n. Silbitz*) u Strělína a Doběřčicích (*Dobiercice, n. Wilmsdorf*) u Klučborku¹⁹. Císařský diplomat měl zájem na úspěchu mise jak ze služebního pohledu – spoléhal na vděčnost panovníka, tak i soukromě – protože jeho majetek v Doběřčicích byl vážně poškozen v důsledku vyplnění okolí Klučborku vojsky Zamojského, podporovaného Kozáky a Tatary po bitvě u Byčiny (po 24. lednu 1588)²⁰. M. Varkoče v podniknuté misi doprovázel, mimo jiné, také již dříve zmíněný císařský kurýr L. Pauli, obeznámený se situací na carském dvoře.

Poselstvo se na cestu z Prahy vydalo dne 3. října 1588,²¹ ve směru přes území Polsko-litevské unie, jejíž představitelé však neměli z důvodu konfliktu s Habsburky zájem na úspěchu mise, a proto je přes hranice nepustili. Poselstvo, nacházející se již ve Vratislavi, bylo nuceno se vrátit do Prahy, kde však Rudolf II. přesvědčil Mikuláše Varkoče k podniknutí nové cesty, přičemž jej vybavil doporučujícími listy pro cara Fjodora a regenta Borise Godunova datovanými 9. a 19. prosince 1588²². Dne 20. prosince 1588 se habsburští vyslanci vydali na novou cestu, tentokrát odlišným směrem s krátkou zastávkou ve Štětíně²³. Odtud se s pomocí lubeckého obchodníka Kašpara Krona, převle-

¹⁷ R. Skrynnikov, *Borys Godunov*, s. 42; L. Podhorodecki, *Chanał Krymski i jego stosunki z Polską w XV–XVIII w.*, Warszawa 1987, s. 119; O. Гайворонский, *Повелители двух материков*, т. 1, Киев–Бахчисарай 2007, с. 300–314; B. A. Волков, *Крым в XIV–XVII вв. Исторический очерк*, [in:] *Методические рекомендации для школ Российской Федерации по проведению уроков и внеклассных мероприятий, посвященных воссоединению России и Крыма*, ред. А. Л. Семенов, Москва 2014, с. 197.

¹⁸ T. Rataj, *České země ve stínu půlměsíce*, s. 320.

¹⁹ *Die Wappen des schlesischen Adels J. Siebmacher's großes Wappenbuch*, Bd. 17, Neustadt an der Aisch 1977, s. 99–100; J. Pilnáček, *Rody starého Slezska*, Brno 2010, č. 1855, s. 373; J. Macůrek, *První český obraz Rusi „Kronika moskevská“ (z r. 1590) a jeho prameny*, „Slavia“, 31, 1962, s. 378–407; J. Procházka, *Cesta slezského šlechtice do Ruska v roce 1589*, „Slezský sborník – Acta Silesiaca“, 95 (53), 1997, s. 255–262.

²⁰ Archiwum Państwowe we Wrocławiu: *Księstwo oleśnickie*, sign. 1175, pag. 26–29, 34–35; Rep. 135, sign. 469 (stará signatura: V 57), pag. 450–451.

²¹ V literatuře uváděná datace odjezdu Varkoče a Pauliho – 23. září nebo 23. října – nezní věrohodně, srov. H. Uebersberger, *Österreich und Russland*, s. 537; P. P. Szpaczyński, *Mocarstwo dążenia Zygmunta III*, s. 99, pozn. 288. Posledně uvedený autor se odvolává na výsledky výzkumu prvního autora, přičemž uvádí jak mylnou dataci (23. září), tak i stranu v práci, ze které čerpal (s. 529, místo s. 537). Jediným dochovaným a věrohodným pramenem události je protokol uložený ve fondech tzv. poselského příkazu v Moskvě, který uvádí, že císařští vyslanci vyrazili na cestu „въ третей день Октября“, tedy 3. října, srov.: *ПДС*, т. 1, стб. 1103. Autor ruského protokolu samozřejmě mohl dataci uvést podle v Moskvě používaného juliánského kalendáře. V tom případě by M. Varkoč a L. Pauli museli Prahu opustit 13. a ne 3. října. Ani to však není jisté, protože moskevský dvůr informoval někdo jiný než uvedení císařští diplomaté, kteří jako katolíci z území Říše jistě používali gregoriánský kalendář.

²² *ПДС*, т. 1, стб. 1143–1144, 1150–1151.

²³ J. Procházka uvádí, že cesta císařského poselstva vedla také přes Gdaňsk, srov.: J. Procházka, *Cesta slezského šlechtice do Ruska*, s. 256.

čení za kupce, vydali do Pruska, kde se z bezpečnostních důvodů rozdělili. M. Varkoč, L. Pauli a K. Kron s doprovodem dorazili do tehdy litevského Novogroduku, ostatní zůstali v Prusích. Z Novogroduku, kde císařským vyslancům mnohé překážky a nebezpečnosti připravil tamní litevský hejtman Matej Lenk (*Матвей Ленк*), pokračovali do Pskova, již na území ruského cara Fjodora Ivanoviče. Odtud přes Novgorod a Tver, v březnu 1589 dorazili do Moskvy, jako první Lucas Pauli, a krátce po něm Mikuláš Varkoč. Zbytek doprovodu, který se od M. Varkoče oddělil, zůstal uvězněn na území Litvy²⁴.

Ve speciální instrukci pro ruského kurýra, jehož úkolem bylo přivítat Lucase Pauliho a doprovodit jej do hlavního města, bylo nařízeno podat informaci, že na moskevském dvoře zrovna pobývá krymský tatarský carevič – Murad Girej, který přijel, aby sloužil caru Fjodoru Ivanovičovi. Takový popis události měl bezpochyby za cíl vyvolat v císařském vyslanci pocit, že vládce Ruska je důležitým partnerem na mezinárodním poli, který má skutečný vliv na Tatary a na alespoň část politického establishmentu na Krymu. Tento pokus však nepřinesl očekávaný výsledek, neboť pouze utvrdil L. Pauliho v názoru, že Kreml již delší dobu spolupracuje s nebezpečnými vyznavači islámu. K tomu navíc přispěla informace z doslechu, že otec současného cara Fjodora – Ivan IV. Hrozný, známý svou ukrutností, při obsazování Livonska přikázal prodat tamější křesťany Turkům a Tatarům,²⁵ čímž ukázal – jak si poznamenal jeden úředník moskevské kanceláře – „что Его Величество [царь Всея Руси – *N. M.*] больши съ Турки и Татары пріязнь имель, а не со христьяны”²⁶. Když carská diplomacie pochopila, že se tatarská věc nevyvíjí správným směrem, rychle ujistila habsburského vyslance, že solidarizuje s křesťanskou Evropou, a že Rusko nebude váhat vystoupit proti narušitelům míru, konkrétně Turkům a Tatarům.

Objevení se kurýra Lucase Pauliho v hlavním městě Ruska bylo pouze předebrou před oficiálním příchodem císařského posla, kterým byl výše uvedený slezský šlechtic obklopený skromným sedmičlenným doprovodem. Po příchodu do Moskvy 20. [30.] března 1589, byl Mikuláš Varkoč celkem rychle již 6. [16.] dubna pozván na slavnostní audienci. Poté následovaly ještě dvě další 11. [21.] června a 15. [25.] června 1589²⁷.

²⁴ *ПДС*, т. 1, стр. 1101–1108.

²⁵ Tehdejší kroniky i dostupná literatura uvádějí různé ukrutnosti a vraždy páchané v Livonsku ruskými vojsky, stejně jako i fakt, že Ivan IV. Hrozný tamější „niewiasty Tatarom na rozpustę wydał”, srov.: *Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego, królów polskich z rękopismów Albertrandego*, wyd. Ż. Onaciewicz, Kraków 1860, s. 112; *Jana Dymitra Solikowskiego arcybiskupa lwowskiego Krótka Pamiętnik Rzeczy Polskich od zgonu Zygmunta Augusta, zmarłego w Knyszynie 1572 r. w miesiącu lipcu, do r. 1590*, wyd. B. M. Wolff, Mohylew–Petersburg 1855, s. 42–43; T. Korzon, *Dzieje wojen i wojskowości w Polsce*, t. 2: *Epoka przedrozbiorowa*, Lwów–Kraków–Warszawa 1923, s. 33; W. Konopczyński, *Dzieje Polski nowożytnej*, Warszawa 1936, s. 152–165; K. Olejnik, *Stefan Batory 1533–1586*, Warszawa 1988, s. 137; J. Besala, *Stefan Batory*, Warszawa 1992, s. 223–224.

²⁶ *ПДС*, т. 1, стр. 1133–1134: „že jeho veličenstvo [car celé Rusi – *N. M.*] měl blíž k Turkům a Tatarům, a ne ke křesťanům”.

²⁷ Datace v textu jsou uvedené podle juliánského kalendáře a v hranatých závorkách podle gregoriánského kalendáře zavedeného v roce 1582. Proto rozdíl 10 dní, srov.: O. Grotefend, *Die Einführung des gregorianischen Kalenders in Danzig*, „Mitteilungen des Westpreussischen Geschichtsvereins”, I, 1902, s. 64–66;

První setkání na moskevském dvoře (6. [16.] dubna), slezský diplomat začal přivítáním cara Fjodora, kterému předal příležitostné dary. Přesto jak uvedl, nemohl mu předat zvláštní císařský dar v podobě „четыре кони, два Индейские, а два Асполитанские“²⁸, které musel poslat zpět z důvodu problémů při průjezdu územím Polsko-litevské unie. Ruský zpravodaj si poznamenal, že car Fjodor se omezil pouze na dva výroky. Oba se týkaly zdraví: císaře Rudolfa II. (kterého car nazval svým bratrem) a druhý na zdraví arcivévody Maxmiliána. Po udělení kladných odpovědí na oba dotazy už M. Varkoč v další části audience neprobíral politické záležitosti s moskevským monarchou, ale s bojarskou radou, kterou tvořilo pět členů: Andrej Ščelkalov, jeho bratr Vasilij, Ivan Godunov (příbuzný Borise), Ivan Sickij-Jaroslavskij a Elizar Vyluzgin. Projednávala se celá řada mezinárodních témat, zejména ale situace v Polsko-litevské unii a vztahy s Osmanskou říší. Caru Fjodorovi reprezentovaného uvedenými bojary zalichotilo, když údajně císařský posel vyjádřil naději, že ujištěn vydaná vládce Ruska ve věci společného postupu proti politickým protivníkům, tedy zejména proti Polákům a Litevcům, by mohli vyvolat strach i mezi Turky a Tatary. Toto je útržek příslušného výroku, který si v ruštině poznačil jeden z moskevských hodnostářů, pravděpodobně vlivný Andrej Ščelkalov zastávající tehdy úřad kancléře na císařském dvoře, který byl přítomen této konverzaci:²⁹ „И Вашему Царскому Величеству хвала, что Ваше Царское Величество в техъ во всехъ великихъ делехъ доброе радение учинишь, и темъ землямъ будетъ къ великому прибытку; а не одно то, и Турки и Татаровя отъ того все въ страхованье будутъ“³⁰.

Oficiální stanovisko k tatarské otázce moskevský dvůr přednesl během druhé audience, která se konala 11. [21.] června. Jednotliví carští hodnostáři promlouvali postupně každý na jiné téma, které měli v rámci svých rolí předem nacvičené. Východní otázku, včetně tatarské problematiky, přednesl Elizar Vyluzgin. Uvedl, že ve spolenectví s vládcem Ruska a perským šáhem jsou mnozí orientální monarchové disponující celkem 330 tisíci bojovníky³¹. Výjimkou byl pouze krymský chán Gazi II. Girej, který podléhá tureckému sultánovi a vojensky ho podporuje. Car Fjodor však činí maximum, aby přesvědčil tatarského chána ke změně své politické orientace. Za tímto účelem bylo

B. Włodarski, *Chronologia polska*, Warszawa 1957, s. 35–45; D. Steinmetz, *Die Gregorianische Kalenderreform von 1582. Korrektur der christlichen Zeitrechnung in der Frühen Neuzeit*, Ostersheim 2011, s. 148–200.

²⁸ ПДС, т. 1, стб. 1141: „čtyři koně, dva indické [ze Západní Indie, tedy z Ameriky?], dva aspolitánské [neapolitáni?]“.

²⁹ R. Skrynnikow, *Borys Godunow*, s. 92.

³⁰ ПДС, т. 1, стб. 1158: „Chvála vašemu carskému veličenstvu, že si vaše carské veličenstvo v těch všech velkých záležitostech horlivě počíná, to bude věc velmi užitečná; a nejen to, ale také Turci a Tataři z toho všeho budou ve strachu“.

³¹ Počet ozbrojenců, kterými měli východní panovníci disponovat je samozřejmě výrazně nadhodnocený. Stejně tak je třeba si všimnout, že již v časech Ivana IV. Hrozného západoevropští autoři odhadovali moskevské a tatarské síly na několik set tisíc. Například papežský legát Antonio Possevino tvrdil, že „panuje všeobecná shoda na tom, že kníže [moskevský – N. M.], kdykoliv bude chtít, může do pole svolat 200 až 300 tisíc jezdců a nespočet Tatarů“, srov.: *Antonio Possevino, Moscovia*, překlad A. Warkotsch, Warszawa 1988, s. 38.

do krymské hordy vysláno zvláštní poselstvo. Vyluzgin také potvrdil informaci dříve poskytnutou Lucasi Paulimu, že v Moskvě přebývá příbuzný Gazi Gireje – carevič Murad Girej, a s ním mnoho tatarských princů a předáků. Ani slovem však nezmínil to, co bylo součástí instrukce pro carského kurýra, který vítal Lucase Pauliho – že Murad Girej přijel, aby sloužil vládci Ruska³². Jak je vidět, moskevský dvůr pochopil, že oficiální předávání této informace císařskému poslu není politicky vhodné. Během setkání navíc ruská strana vyjádřila připravenost k vojenským krokům proti Polsko-litevské unii, Osmaňské Portě a jejím spojencům, pokud by to nutná situace vyžadovala. Jinými slovy, došlo k navržení spojenectví na zásadě – vaši nepřátelé jsou i našimi nepřáteli³³.

Nic nového v důležitém tématu nepřinesla ani třetí audience, která se konala 15. [25.] června 1589. Mikuláš Varkoč mezitím obdržel list pro Rudolfa II., v kterém car Fjodor informoval, že podpoří zájem, aby perský šáh neuzavřel mír s tureckým sultánem. Mimo to je ruský vládce připraven vojensky zasáhnout proti Turkům i jiným nepřátelům císaře, čímž byli míněni Tataři a dokonce i Poláci a Litevci³⁴.

Detailní informace o probíraných záležitostech se zachovaly v protokolech a dokumentech ruské provenience, shromážděné v tzv. poselském prikaze³⁵. Poněkud jinak popsal fakta, co se tatarské problematiky týče, sám Mikuláš Varkoč ve své relaci z pobytu v Moskvě v roce 1589³⁶. Zde je však třeba připomenout, že dle názoru vydavatele této práce, Josefa Polišenského, se originál německé Varkočovy závěrečné zprávy nedochoval, a k dispozici máme jen španělský překlad³⁷. Při porovnání ruského a španělského popisu stejných situací brzy pochopíme, že se rukopisy různí³⁸. Příčiny tohoto faktu nejsou jasné. Možná, že španělský překlad německého originálu nebyl přesný, nebo znalost ruského jazyka císařského překladatele, či *vice versa*, znalost němčiny na moskev-

³² ИАЦ, т. 1, стр. 1185–1186.

³³ Srov.: H. Uebersberger, *Österreich und Russland*, s. 537–545; J. Procházka, *Habsburská monarchie a státy východní Evropy v obraně proti Turkům na konci 16. století*, „Časopis Matice moravské“, 108, 1989, s. 266–268; Idem, *Cesta slezského šlechtice do Ruska*, s. 258–262.

³⁴ ИАЦ, т. 1, стр. 1203–1205.

³⁵ Srov.: J. Procházka, *Prameny k dějinám vztahů Ruska a Rakouska koncem 16. století*, „Slovanský přehled“, 64, 1979, s. 406–409.

³⁶ Národní knihovna České republiky v Praze: *Oddělení rukopisů a starých tisků*, sign. VI E d 9.

³⁷ *Poselství z Prahy do Moskvy roku 1589. La misión de Praga a Moscú 1589* [dále: *Poselství – La misión*], vyd. a úvod J. Polišenský, red. L. Vebr, překl. A. Vaculík, Praha 1974, s. 12. Informace, že německý originál M. Varkočovy relace z roku 1589 se nedochoval, není přesná. Již autor ruského překladu následující zprávy z pobytu císařského posla v Moskvě v roce 1593 vzpomíná, že měl před sebou rukopisný text nazvaný *Herrn Niklas Warkotsch Moskowitzische Relation 1589*, srov.: *Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча с 22-го июля 1593 года*, перев. и предисл. А. Шемякин, Москва 1875, с. I–VIII. Části německého originálu z roku 1589 publikoval ve své práci F. von Adelung, *Des Römischen Kaisers Gesandten Niklas von Warkotsch Reisen nach Moskau, in den Jahren 1589, 1593 und 1594*, „St. Petersburgische Zeitung“, 1840, s. 1–19; Idem, *Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland, bis 1700*, Bd. 1, St. Petersburg–Leipzig 1846, s. 401–427.

³⁸ Návrh porovnat oba výše uvedené prameny představila již dříve S. Mathauserová – překladatelka rozsáhlých částí ruských zpráv z pobytu císařských kurýrů v Moskvě do češtiny. Autorka však nenavrhla žádnou teorii ohledně rozdílných informací v ruské a španělské verzi, srov.: *Poselství carských a císařských kurýrů. Řezno–Praha–Videň–Moskva 15.–17. století*, překl. S. Mathauserová, Praha 2000, s. 128, pozn. 1.

ském dvoře nebyla až tak velká, což mohlo vést k odlišnému pochopení diplomatického jazyka na jednotlivých audiencích³⁹. Nedá se ani vyloučit možnost, že autoři hodnocení zaznamenali pouze ty informace, které odpovídaly jejich zájmům nebo zapsali pouze to, co se hodilo do karet vlastní administrativě.

Dle relace Mikuláše Varkoče se první audience na carském dvoře konala 20. dubna 1589. Pro připomenutí ruský protokol hovoří o 6. [16.] dubnu. Slezského šlechtice mělo doprovázet 200 bojarů na koních ve slavnostním oděvu. Císařský posel postřehl, že speciálně na jeho čest jej mezi městskou branou a Kremlem vítala carská garda v počtu 3000 střelců v plné slavnostní zbroji. Po vstupu do palácových pokojů si všiml, že všichni přítomní hodnostáři měli na hlavách čapky, které si sundali až na pokyn mistra ceremoniáře. Setkání s carem Fjodorem Ivanovičem se konalo ve zvláštní audienční komnatě. Vládce seděl na nádherném trůně, na hlavě měl zlatou korunu vykládanou smaragdy, diamanty a rubíny, a v rukou třímal žezlo a jablko. Nejprve došlo na přivítání a předání slavnostních darů císařského posla, mezi kterými ale chyběl, stejně jak uvádějí ruské zdroje, dar císaře Rudolfa II. v podobě několika cenných koní, které se z důvodu blokády hranic nepodařilo převést přes území Polska. Zmíněné oře Mikuláš Varkoč nazývá „caballos de España”⁴⁰, jedná se tedy o koně španělské (andaluské), a ne indické a neapolské, jak by si přál ve svém hodnocení úředník moskevské dvorské kanceláře⁴¹. Po předání darů začalo samotné jednání. Slezský šlechtic uvádí, že slova cara Fjodora byla velmi skrovná a omezila se pouze na položení jedné otázky: ohledně zdraví císaře Rudolfa II. Podle ruské relace se vládce Rusi ptal také na zdraví arcivévody Maxmiliána. Obě relace, ruská i španělská, jsou ale shodné v tom, že rozhovory s císařským poslem vedla 5 členná bojarská rada. Podle M. Varkoče ale tématem jednání nebyla turecká a tatarská problematika, jak uvádí ruské texty, ale pouze všeobecně ohrožení ze strany Osmanské Porty a možnosti jejího zastavení. Byly zmíněny také záležitosti arcivévody Maxmiliána a politická situace v Evropě. Zde moskevský dvůr deklaroval připravenost poskytnout císaři Rudolfovi II. na jeho kroky dosti velkou finanční subvenci ve výši 3 000 000 zlatých, eventuelně jejich ekvivalent v čistém stříbre⁴².

Krátce po první audienci, přesněji v noci 27. dubna 1589, tři hodiny před úsvitem, shořel velký dřevěný dům, který hostil Mikuláše Varkoče s doprovodem. On sám se zachránil, ale stihnul vynést pouze listiny, ostatní věci strávil oheň. Ráno se objevil vysla-

³⁹ Dle názoru českého badatele J. Polišenského M. Varkoč „uměl zjevně polsky a rozuměl i rusky”, srov.: J. Polišenský, *Studie o poselství z Prahy do Moskvy roku 1589 a o jeho významu*, [in:] *Poselství – La misiõn*, s. 13. Tento názor však vzbuzuje podložené pochybnosti, zejména pokud zvážíme fakt, že jak v samotné M. Varkočově relaci, tak i v moskevských protokolech tzv. poselského prikazu nacházíme informace, že jmenovaný císařský vyslanec při komunikaci s představiteli moskevského dvoru používal tlumočníky, srov.: *Poselství – La misiõn*, s. 58, 61, 99, 103; *ПДС*, т. 1, стр. 6. 1355–1359, т. 2, стр. 40. Zato není pochyb o tom, že slezský šlechtic plynule ovládal polštinu. Svědčí o tom ruské komentáře v dokumentech z roku 1589 – „переводъ съ Полскаго писма, что далъ речемъ своимъ цесаревъ посолъ Миколой Варкачъ”, a také z 10. [20.] února 1595 – „Миколой Варкачъ прислалъ писмо по Полски”, srov.: *ПДС*, т. 2, стр. 158.

⁴⁰ *Poselství – La misiõn*, s. 46, 88.

⁴¹ *Poselství carských a císařských kurýrů*, s. 104, 128, pozn. 2.

⁴² „Tres millones de florines todos en ladrillos de plata”, srov.: *Poselství – La misiõn*, s. 43–56, zejména s. 56.

nec cara Fjodora s projevy spoluúčasti a příslibem vynahrazení vzniklých škod. Na tom slezský šlechtic netrval, čímž si zřejmě získal uznání Borise Godunova. V té době do Moskvy dorazila zpráva o blížících se krymských Tatarech o síle 80 000 bojovníků pod vedením chána (Gazi II. Gireje), kteří se přesouvali stepí mezi Donem a Dněprem⁴³. Když se o tom dozvěděl car, vyslal sice proti nim svá vojska, ale ozbrojenému střetu nebyl nakloněn. Místo toho se v tatarském ležení objevili moskevští vyslanci. Předali chánovi dary a žádali o upuštění od agresivních úmyslů a stočení sil kočovníků na jiný cíl. Mise splnila svůj úkol. Carská vojska se vrátila domů⁴⁴, a krymští Tataři vpadli do Polska, spálili ukrajinské země a své drancování zastavili až ve Lvově⁴⁵. Je nepochybné, že carská vláda během probíhajících rozhovorů podplatila vládce krymské hordy a přesvědčila ho, aby zaútočil na politického rivala Ruska, což ovšem bylo před očima veřejnosti pečlivě utajeno, stejně jako před M. Varkočem, který neznal obsah jednání mezi ruskými vyslanci a Gazi II. Girejem.

Mnohem zajímavější, co se tatarské problematiky týče, byly rozhovory probíhající 20. června 1589, během separátního setkání Mikuláše Varkoče s carským švagrem Borisem Godunovem v jeho rezidenci. Bez neustále intrikujících rivalů se B. Godunov vyjadřoval mnohem otevřeněji a odvážněji, čímž odkryl mnohé detaily, které nám neposkytuje žádný jiný pramen. Podle jeho názoru měl černomořským kočovníků stranící předchůdce Zikmunda III. Vasy, Štěpán Báthory, během Livonské války natolik naléhat na tureckého sultána, až se tíž rozhodl vyslat do Moskvy poselstvo s žádostí o obnovu tatarských chanátů: kazaňského, astrachaňského a teregského, které dříve k Rusku připojil Fjodorův otec Ivan IV. Hrozný⁴⁶. Pikantní na té informaci je fakt, že carským zástupcem v Kazani a Astrachani byl v té době sám Boris Godunov⁴⁷. Dle posledně jme-

⁴³ Velmi často z německého originálu Varkočova textu ještě v 19. století citoval badatel F. von Adelung. V jedné ze svých prací informuje, že dům, ve kterém přebýval císařský posel, shořel 12. dubna (*Am 12. April*). Toto datum pak změnil ve své následující publikaci, kde uvádí 17. dubna (*Am 17. April*). Co se týče tatarských sil, které zaútočily na jižní oblasti moskevského státu, autor vždy uvádí 8000 osob (*8000 Mann*), srov.: F. Von Adelung, *Des Römischen Kaisers Gesandten Niklas von Warkotsch*, s. 7; Idem, *Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland*, s. 410–411. Dle výsledků výzkumu odborníků na dané téma, je možno přijmout, že počet mobilního vojska Krymského chanátu ve výši 8000 ozbrojenců se zdá být pravděpodobnější, než číslo 80 000, které uvádí španělský překlad M. Varkočovy relace, srov.: J. Wołiński, *Żórawno*, „Przegląd Historyczno-Wojskowy”, 2, 1930, 2/1, s. 47–48; O. Górka, „*Ogniem i mieczem*” a rzeczywistość historyczna, Warszawa 1934, s. 119, 121; Idem, *Uwagi orientacyjne o Tatarach polskich i obcych*, Zamość 1935, s. 47; S. M. Kuczyński, *Tatarzy pod Zbarażem (Artykuł polemiczny)*, [in:] Idem, *Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVII w.*, Warszawa 1965, s. 227–245. Poslední autor se domnívá, že maximální počet bojgeschopných krymských jednotek mohl dosáhnout 60 000, vychází však při tom z informací ze 17. století, takže téměř o 100 let později.

⁴⁴ *Poselství – La misiõn*, s. 56–57, 98–99.

⁴⁵ L. Podhorodecki, *Chanat Krymski*, s. 120.

⁴⁶ *Poselství – La misiõn*, s. 76, 118. Varkoč uvádí B. Godunovův výrok teprve na konci své relace, až po popisu svého odjezdu z Moskvy, ale není možno ji přiřadit k jinému kontextu, než k setkání z 20. června 1589. To neznamená, že by se názor carského hodnostáře, že polský král Štěpán Báthory podporoval Turky a Tatary, měl zakládat na pravdě. Na tomto místě je třeba připomenout cennou rozpravu na toto téma z pera L. Boratyňského, *Stefan Batory i plan ligi przeciw Turkom (1576–1584)*, Oświęcim 2016, zejména s. 106–112.

⁴⁷ *ИЛС*, т. 1, сгб. 1186, 1191.

novaného je třeba polskou podporu černomořských kočovníků považovat za ztrátu cti falešných křesťanů, kteří otevřeně podporují bojechtivý islám⁴⁸. Zároveň navrhl vyřídit si to společnými silami s jedněmi i druhými, k čemuž měla být určena finanční podpora pro habsburský dům zmiňovaná během první audience na carském dvoře⁴⁹.

Mikuláš Varkoč neměl v úmyslu polemizovat s Godunovem ve věci, která přesahovala jeho mandát, tím víc, že zrovna otevřený polsko-habsburský vojenský konflikt nebyl až tak v zájmu císaře Rudolfa II.⁵⁰ M. Varkoč tedy debatu stočil poněkud jiným směrem, konkrétně chtěl přesvědčit carova švagra, aby Moskvou nabízené peníze byly použity na sestavení vojska v německých zemích a Itálii, které by následně bylo použito pouze proti Tatarům. Tuto armádu by naverbovala habsburská administrativa a společně s vlastním vojskem by sjednocené křesťanské síly směřovaly na černomořské kočovníky a odtud dále do hloubi Krymského chanátu. Toto je fragment zajímavého výroku, který je, jak bylo řečeno, dostupný pouze ve španělské verzi: „el año entero y seria muy acertado que su Alteza por la suya destrruiesse los Tartaros Pericopios, llamados en Moscovia Crimenses y que con el dinero que su Alteza imbiaria a las nuestras levantariamos sol dados alemanes y italianos, de los quales podiamos haser gran numero y con ellos la impresa por allá, que seria penetrar las entrañas”⁵¹.

Setkání M. Varkoče s B. Godunovem zmiňují i ruské prameny, ty ale neobsahují žádné detaily na téma politických plánů ohledně Krymského chanátu. Zde se pouze uvádí, že se císařský posel během rozhovorů s carským švagrem odvolával na list Rudolfa II., ve kterém císař navrhl vytvoření křesťanské koalice „против Турского Салтана и его помочников”⁵², čili také proti Tatarům. Není však nejmenší pochyb o tom, že tatarská problematika opravdu byla obsahem debaty obou hodnotářů, což potvrzují i závěry dnešních badatelů. Ti také připomínají vážnou roli, kterou v oboustranných jednáních hrála finanční stránka věci⁵³. Podle Ruslana Skrynnikova – okolnost, že byla vídeňskému dvoru nabídnuta vysoká finanční podpora „nemohla nevzbuzovat myšlenkovou asociaci se slavností po pohřbu krymského chána”⁵⁴.

⁴⁸ I když obvinění vyslovená Borisem Godunovem na adresu Poláků o jejich náklonnosti k muslimským Turkům a Tatarům nebyla spravedlivá, minimálně důvody k takovéto formulaci byly z jeho pohledu správné. Vedla jej k tomu obava o bezpečnost vlastních hranic, srov.: S. Grzybowski, *Organizacja polskiej służby dyplomatycznej w latach 1573–1605*, [in:] *Polska służba dyplomatyczna XVI–XVIII wieku*, red. Z. Wójcik, Warszawa 1966, s. 178–201; H. Wisner, *Dyplomacja polska w latach 1572–1648*, [in:] *Historia dyplomacji polskiej*, t. 2: 1572–1795, red. Z. Wójcik, M. Biskup, Warszawa 1982, s. 71.

⁴⁹ *Poselství – La misiön*, s. 61–74, 102–114.

⁵⁰ P. P. Szpaczyński, *Mocarstwoowe dążenia Zygmunta III*, s. 28.

⁵¹ *Poselství – La misiön*, s. 70, 112: „Domnívám se [uvedl Mikuláš Varkoč – N. M.], že by bylo nanejvýš vhodné, kdyby Jeho Veličenstvo [car Fjodor – N. M.] osobně zničil perekopské Tatary, které v Moskvě nazývají Krymčakami, a kdybychom za peníze, které nám Jeho Veličenstvo [car Fjodor – N. M.] jistě poskytne, naverbovali německé a italské vojáky, v co možná největším množství, kteří by měli za úkol proniknout do hloubi jejich území [Tatarů – N. M.]”.

⁵² *ПДС*, т. 1, стр. 1172: „proti tureckému sultánovi a jeho pomocníkům”.

⁵³ H. Uebersberger, *Österreich und Russland*, s. 542; A. В. Флоровский, *Чехи и восточные Славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII)*, т. 1, Прага 1935, c. 185.

⁵⁴ R. Skrynnikow, *Borys Godunow*, s. 43.

Dle názoru císařského posla měla být tatarská problematika, kromě jednání u B. Godunova, také tématem druhé audience na carském dvoře, která se konala 2. [21.?] června 1589.⁵⁵ Když toho dne slezský šlechtic dorazil do Kremlu, přivítala jej carská garda vyrovnaná v počtu 6000 střelců před panovníkovým palácem. Po uvedení do audienčního sálu musel opět konstatovat, že ruský vládce byl i tentokrát na slovo skoupý, když se omezil na položení pouze několika otázek ohledně toho, jak se host cítí a jak je spokojen s ubytováním. Stejně jako při předchozí audienci byl car obklopen 5 členy tajné rady, kteří hovořili jménem svého monarchy na různá témata mezinárodní politiky. Novinkou byla tatarská otázka, která byla dle názoru moskevských úředníků úzce spjata s otázkou tureckou a dokonce i s polskou a švédskou: „el sultan (assi lllaman el Turco) no solamente por si, pero aun tanbien por sus discipulos los Polacos, Suecos y Tartaros Pericopios trataba con gran cuidado (destruyendo la christiandad) de ampliar y acrescentar su poderio y tirania y que algunos desleales y malos christianos, postpuesta su propia honrra y consciencia, por solo su proprio interes le ayudan para lo dicho”⁵⁶. Tímto stanoviskem moskevský dvůr císařské straně nabízel uzavření trvalého protitureckého (a tedy i protikrymského) vojenského spojení, které by bylo podporované Persií a jinými asijskými státy. Dohoda by byla také v zájmu habsburského domu v oblasti politiky vůči Polsko-litevské unii. V této souvislosti měla carská strana vynaložit úsilí, aby se polským králem stal bratr Rudolfa II. – arcivévoda Maxmilián.

Z krátké relace o třetí audienci na moskevském dvoře – dle M. Varkoče konané 30. června⁵⁷, a dle ruských protokolů 15. [25.] června 1589 – vyplývá, že se ani habsburský posel ani carští hodnostáři nevěnovali tatarské otázce. Tak lze přinejmenším soudit ze zprávy dochované ve španělské verzi⁵⁸.

Na závěr svého hodnocení pobytu v hlavním městě Rusi se Mikuláš Varkoč pokusil shrnout své působení a definovat závěry. Při té příležitosti se také vyjádřil k popisu, který by – podle jeho názoru – mohl charakterizovat mentalitu obyvatel této severské země, tolik vzdálené od rodného Slezska a zmínil také otázku Tatarů. Byl mimo jiné toho názoru, že ačkoliv se některé zvyky „Moskalů“ zdají být barbarské, přesto jsou to křesťané plní hluboké víry a nekompromisní vůči křivopřísežníkům. Zde měl Slezan zřejmě na mysli časté žehnání se v kostele znakem kříže (zprava doleva)⁵⁹, odvolávání

⁵⁵ Ve španělské verzi se objevuje datace „2 de junio“, kterou vydavatel díla opravil na „22 de junio“, srov.: J. Polišínský, *Studie o poselství z Prahy do Moskvy roku 1589 a o jeho významu*, [in:] *Poselství – La misiōn*, s. 18; s. 72, pozn. 37; s. 114, pozn. 37. Přesto je třeba připomenout, že podle ruských protokolů vedených dle juliánského kalendáře, se audience konala „Юня въ 11 день“, srov.: *ИДЦ*, т. 1, стб. 1177, což dle gregoriánského kalendáře vychází na 21. června.

⁵⁶ *Poselství – La misiōn*, s. 72, 114: „Sultán (jak nazývají tureckého vládce) nejen sám, ale skrze své učně: Poláky, Švédy a perekopské Tatary, bude velmi usilovat (ničic při tom křesťanství) o rozšíření a rozmnožení svého panství a tyranie, a někteří nevěrní a špatní křesťané, nedbajíc o vlastní čest, mu v tom vědomě pomáhají, kvůli svému vlastnímu zisku”.

⁵⁷ Podle ruských protokolů uložených ve fondu tzv. poselský prikaz, se třetí audience císařského vyslance na moskevském dvoře konala „Юня въ 15 день, въ Неделю“, čili 15. [25.] června, srov.: *ИДЦ*, т. 1, стб. 1190.

⁵⁸ *Poselství – La misiōn*, s. 73–74, 115–116.

⁵⁹ Srov.: B. Uspienski, *Krzyż i koło. Z historii symboliki chrześcijańskiej*, tłum. B. Żyłko, Gdańsk 2010, s. 29–35.

se na Trojjediného Boha⁶⁰, a také religiózní gesto líbání kříže, používané v Rusku při skládání přísahy, za jejíž porušení hrozilo množství duchovních i světských sankcí⁶¹. M. Varkoč se s tímto rituálem setkal během pobytu v Moskvě, a sám dokonce jménem Rudolfa II. líbal kříž na znamení dohody uzavřené s carskou stranou⁶². Proto důsledně dodržoval zvyky svých hostitelů, aby ti v budoucnu neporušovali uzavřené sliby. Při té příležitosti zmínil, že moskevský dvůr by mohl císaři velmi uškodit, pokud by se cítil oklamáný, ale stejně tak – pokud bude brán vážně – mohl by se ukázat jako velmi nápomocný, zejména co se týče tatarského ohrožení. Neboť jak Rusko, tak i jeho sousední orientální státy, jako například Persie, výrazně chrání Evropu před „Tartaros asiaticos“, čili asijskými Tatary. Nabádal při tom k ustanovení ligy, jejíž součástí se měli stát panovníci uvedených států (Německé říše, Ruska, Persie), kteří by byli schopni vojensky vystoupit proti „Tartaros y Turcos“. V opačném případě by totiž posledně jmenovaní uzavřeli mír s Persií a s podporou Poláků by mohli dostat habsburské země do velmi nebezpečné situace⁶³. Slezským šlechticem uvedené obavy, i když velmi spekulativní, nebyly úplně bezdůvodné. Stojí za to alespoň připomenout, že perský šáh Abbás I. Veliký příliš nespěchal s uzavíráním protitureckého a protitatarského spojení s Ruskem a Habsburky⁶⁴.

V posledních slovech, vlastně podobně jako v dřívějších částech své zprávy, dal M. Varkoč volný průchod nelibosti vůči polskému hejtmanu a kancléři Janu Zamojskému, což je pochopitelné s ohledem na fakt, že psal o politickém protivníku habsburského domu a zároveň původci škod způsobených v okolí Klučborku, kde měl slezský šlechtic své soukromé majetky. Císařský diplomat se také odolával na laskavost Rudolfa II. za jeho dlouholeté služby⁶⁵, což nedvojznačně vypovídá o tom, že to nedělal nezištně, spoléhal na odpovídající finanční ohodnocení, které by mu pomohlo zrekonstruovat zruinovaný majetek. A jestli ji skutečně dostal? Prameny takovou informaci nepodávají.

⁶⁰ *Poselství – La misiõn*, s. 61, 103.

⁶¹ H. Rüss, *Eid-Altrussland*, [in:] *Lexikon des Mittelalters*, Bd. 3, München–Zürich 1986, s. 1690–1691; P. S. Stephanovich, *Der Eid des Adels gegenüber dem Herrscher im mittelalterlichen Rußland*, „Jahrbücher für Geschichte Osteuropas“, 51, 2003, s. 497–505; Idem, *Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси*, „Средневековая Русь“, 5, 2004, s. 86–113; Д. И. Антонов, *Клятва на кресте как феномен русской средневековой книжности*, „Источниковедение культуры: Альманах“, 1, 2007, s. 93–153; Idem, *Клятва и крест: проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре XVI–XVII вв.*, „Древняя Русь. Вопросы медиевистики“, 1, 2009, s. 42–53; Idem, *Клятва, присяга и крестоцелование в Средневековой Руси (XI–XVII вв.): общественная практика и ее культурное осмысление*, „Труды Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета“, 38, 2011, s. 363–372; N. Mika, „*Крестное целование*“ – *geneza i praktyka stosowania przez władców ruskich, polskich i węgierskich (do końca XII wieku)*, [in:] *Rus' and countries of the latin culture (10th–16th century). Publication from the 6th International Scientific Conference, Krakow, 26th–28th November, 2015*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2016, s. 65–70 [Seria: *Colloquia Russica. Series I*, vol. 6].

⁶² *ПДС*, т. 2, стр. 563–566.

⁶³ *Poselství – La misiõn*, s. 78, 119–120.

⁶⁴ J. Procházka, *Habsburská monarchie a státy východní Evropy*, s. 267.

⁶⁵ *Poselství – La misiõn*, s. 78–79, 120.

Víme pouze, že 21. května 1591 Mikuláš Varkoč učinil nákladné přípravy na svatbu své dcery⁶⁶, kterou také zřejmě zajistil odpovídajícím věnem.

23. července [2. srpna] 1589 císařský posel opustil Moskvu a vydal se se svým doprovodem na zpáteční cestu, která – nejprve na 40 vozech, poté námořní lodí a opět na vozech – vedla přes Vologdu, Kolmogoru, Archangelsk, Amsterdam a Hamburk do Prahy. Při příchodu na dvůr Rudolfa II. Mikuláš Varkoč předal listy cara Fjodora i Borise Godunova a sdělil informace, které získal. Ukázalo se však, že detailní plány dojednávání na carském dvoře nyní již ztratily politický význam. Císařská administrativa pod tlakem Apoštolské stolice nečekala na výsledky moskevských jednání a rozhodla se urovnat vztahy s Polsko-litevskou unií⁶⁷. Dne 9. března 1589 polští a habsburští vyjednavací uzavřeli Bytomsko-Bědzinský traktát, na základě kterého byl ze zajetí v Krasnostawu propuštěn arcivévoda Maxmilián a císař Rudolf II. se zavázal ukončit započatá jednání s Moskvou.⁶⁸ I když Maxmilián v rozporu s traktátem nepřestal užívat titul polského krále, obě strany se výrazně snažily nalézt dohodu, která by se obešla beze zbraní. K plné normalizaci vztahů došlo zároveň s uzavřením manželství Zikmunda III. Vasy se sestřenicí Rudolfa II. Annou dne 3. května 1592⁶⁹.

V závěrečném shrnutí můžeme konstatovat, že habsburská poselstva vyslaná v letech 1587–1589 na moskevský dvůr měla v zásadě dva hlavní cíle. Zaprvé – zrušení dynastického svazku Polsko-litevské unie se Švédskem, který byl nebezpečný pro obě strany a dosazení arcivévody Maxmiliána, bratra císaře Rudolfa II., na polský trůn. Z druhé – zastavení turecké expanze v Evropě a s ní spojených tatarských nájezdů. Byla zvažována také varianta likvidace Krymského chanátu. Odtud plynula nabídka moskevské vlády poskytnout vídeňskému dvoru vysokou finanční podporu ve výši 3 000 000 zlatých ve stříbre. Problémem v pochopení všech složitých otázek souvisejících s prezentovanou tematikou jsou obsahově rozdílné písemné relace z pobytu Mikuláše Varkoče v Moskvě. Jedná se o dochované protokoly tzv. poselského prikazu – v ruském jazyce, a závěrečné hodnocení samotného M. Varkoče – dochované ve španělském překladu. V těchto textech popsána tatarská otázka prezentuje rozdílnou chronologii událostí i odlišné detaily z průběhu jednotlivých rozhovorů. Přesto není pochyb o tom, že ohrožení ze strany Tatarů stejně jako Turků a dokonce Poláků, Litevců a Švédů vy-

⁶⁶ Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Wien: *Akt (Sammelakt, Grundztl., Konvolut, Dossier, File)*, sygn. AT-O-eStA/FHKA SUS Fam. A. W 40.

⁶⁷ Cz. Nanke, *Z dziejów polityki Kuryi rzymskiej*, s. 58–109; M. Banaszak, *Z dziejów dyplomacji watykańskiej. Poselstwa obediencyjne w latach 1534–1605*, cz. 2: *Dzieje poselstw polskich*, Warszawa 1975, s. 199; P. P. Szpaczyński, *Mocarstwowe dążenia Zygmunta III*, s. 98.

⁶⁸ Andrzej Wolan, *Oratio ad illustrissimos principes et magnificos dominos Invictissimi Romanorum Imperatoris Rudolphi et serenissimi Polonorum regis Sigismundi legatos ad Bendzinum pacis constituendae causa congregatos anno Domini 1589*, Kraków 1589, pag. 1–6 (Zakład Narodowy im. Ossolińskich we Wrocławiu, sygn. XVI. Qu. 2512); E. Rykaczewski, *Relacje nuncjusów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690*, t. 2, Berlin–Poznań 1864, s. 38–44; K. Lepszy, *Rzeczypospolita Polska w dobie sejmów inkwizycyjnych 1589–1592*, Kraków 1939, s. 1–5.

⁶⁹ Svatba se dne 3. května 1592 konala *per procura* ve Vídni, tu následně doplnila korunovace Anny dne 31. května 1592 v Krakově, srov.: Z. Wdowiszewski, *Genealogia Jagiellonów i Domu Wazów w Polsce*, Kraków 2005, s. 224.

budovalo most, který spojil vzdálené partnery dialogu. Tímto způsobem přinejmenším vnímaly tyto záležitosti dvory v Moskvě a ve Vídni v letech 1587–1589.

*

Norbert Mika, *Tatar case in political missions of messengers and emperor's delegates at the court in Moscow in years 1587–1589*

The political envoys sent by the Habsburgs to the Moscow court in years 1587–1589 had two essential aims. The first aim was to break a dangerous dynastic union between Poland and Sweden and introduce Maximilian III, the Archduke of Austria and emperor Rudolph II's brother, to the Polish throne. The second was to prevent Turkish expansion in Europe and its resulting Tatar invasions. Even a dissolution of the Crimean Khanate had been considered at one point. This in turn resulted in the Moscow authorities offering substantial financial subsidies to the Viennese court; these amounted to 3 million either guilders or florins, counted in silver ingots. Contradicting reports from Nicolas Warkotsch's stay in Moscow pose a problem in considering all the complex issues related to this article's subject matter. Particularly unclear are the protocols from the so-called Posolsky prikaz – in the Russian language – as well as the report written by Warkotsch himself and translated from Spanish. The Tatar matter discussed in these documents shows incompatible chronology of events and details from conversations on the topic. There are no doubts that the threat from the Tatars as well as from Turks and even Poles, Lithuanians and Swedes formed a bridge between distant dialogue partners. This is in any case how the matter had been seen by the courts in Moscow and Vienna in years 1587–1589.

*

Норберт Мика, *Татарский вопрос в политических миссиях императорских посланников и делегатов к московскому двору в 1587–1589 гг.*

Политические посланники, отправленные Габсбургами к московскому двору в 1587–1589 гг., должны были реализовать две основные цели. Первая заключалась в том, чтобы разбить опасный династический союз между Польшей и Швецией и привести на польский престол Максимилиана III, эрцгерцога Австрии и брата императора Рудольфа II. Вторая предполагала предотвратить турецкую экспансию в Европу и, как ее следствие, татарские вторжения. В какой-то момент рассматривалась даже возможная ликвидация Крымского ханства. Для достижения поставленных целей венский двор готов был предложить властям Московского государства значительные финансовые субсидии в размере 3 миллиона гульденов или флоринов в серебряных слитках. Существенную проблему при изучении всех сложных вопросов, связанных с предметом этой статьи, составляют противоречивые сообщения о пребывании в Москве

Николаса Варкоча. В частности, имеются в виду различия между протоколами так называемого Посольского приказа, написанными на русском языке и отчетом, составленный самим Варкочем и сохранившимся на испанском языке. При описании татарского вопроса в этих документах наблюдаются различия в хронологии событий и в деталях переговоров. Нет никаких сомнений в том, что угроза со стороны татар, а также турок и даже поляков, литовцев и шведов построила мост, который соединил в диалоге далеких партнеров. Именно так это рассматривалось правящими домами в Москве и Вене в 1587–1589 гг.

Tatána Součková
(Trnava)

Vliv mýtu o tatarském původu na dobový obraz Borise Godunova

V ruských narativních pramenech konce 16. a počátku 17. století byl obraz Borise Fjodoroviče Godunova, prvního ruského voleného cara, negativně ovlivněn mýtem o tatarském původu rodu Godunovových. Navzdory záznamu v oficiálním spisu Gosudarev rodoslovec, kde jsou Godunovovi zmíněni vedle svých příbuzných Saburovových a jejich původ je zde doložen, se objevila legenda, podle níž byl předkem Borise Godunova tatarský murza Čet. Ten měl přijít do Moskvy ze Zlaté hordy roku 1330 za vlády Ivana Kality, byl na Rusi pokřtěn, přijal jméno Zacharij a posléze stál u založení Ipatjevského kláštera v Kostromě. Legenda o tatarském murzovi a způsob jejího propojení s Godunovými je nevyjasněn, faktem však zůstává, že genealogická vazba k Tatarům začala být zdůrazňována právě v době politického vzestupu Borise Godunova a svého vrcholu dosáhla při jeho zvolení carem roku 1598. V období počátků smuty, kdy se klíčovým momentem pro její rozvoj stalo vymření moskevské větve Rurikovců, nabyla otázka původu nové carské dynastie zvláštní důležitosti. Boris Godunov byl právě kvůli domnělé spojitosti s Tatary popisován jako nedůstojný carského trůnu, neboť jeho původ byl hodnocen nejen jako příliš nízký, ale dokonce jako podřadný a nepřijatelný. V příspěvku se zaměříme na dobovou reflexi obrazu Borise Godunova ve světle legendy o jeho tatarském původu, který je dalším dokladem hluboké stopy, jež Tataři zanechali v ruské historii a kultuře.

Osoba Borise Fjodoroviče Godunova (1598–1605) je v ruských dějinách spojena s počátkem smuty, tedy obdobím zmatků, vnitřních nepokojů a chaosu. Godunov patří k nejvýraznějším ruským panovníkům a jeho kariéra u kremelského dvora, období samostatné vlády jako cara vši Rusi, následný rychlý pád a nástup samozvance Lžidimitrije I. jsou dodnes v rámci ruské i zahraniční historiografie velkým tématem.

Boris Godunov se pro svoji cílevědomost a suverenitu dočkal od svých současníků tvrdého hodnocení, v mnoha případech přímo odsouzení. Do dějin vstoupil jako osobnost, již nelze jednoznačně uchopit. Byl obratným politikem a schopným vladařem, ale za svými cíli vykročil příliš směle a jeho jméno bylo spojováno s řadou negativních

událostí, které stály u počátků smuty, počínaje nevyjasněnou smrtí malého careviče Dmitrije Ivanoviče roku 1591¹, po níž následoval požár Moskvy a nájezd krymských Tatarů v čele s chánem Kazy-Girejem.

Boris Godunov se stal po smrti cara Fjodora Ivanoviče roku 1598 historicky prvním voleným ruským panovníkem. S koncem rurikovské dynastie, který předznamenal nástup hluboké politické i společenské krize, a v souvislosti s volbou nového vladaře se vynořila řada otázek, s nimiž byl Godunov konfrontován. Jaké atributy musí kandidát na cara mít, aby mohl být považován za Bohem vyvoleného a jediného skutečného panovníka, který je carem ze své podstaty a ne jen tím, že je zvolen nebo se carem prohlásí? V čem spočívá legitimnost cara a kdo je vůbec hoden ruského trůnu?

V našem příspěvku se zaměříme na poslední z uvedených elementů, tedy na aspekt původu a urozenosti v rámci ruské hierarchie bojarských rodů. Do momentu vyměření moskevské větve Rurikovců se Rus s podobným problémem nebyla nucena vypořádávat, ovšem Boris Godunov v tomto směru zosobňoval zásadní změnu, když byl jeho rodový původ současníky označen za nedůstojný, nedostatečně vznešený, ba přímo podřadný.

Legenda o Četovi. Boris Godunov vešel do všeobecného povědomí moderní společnosti jako car málo urozený, na čemž má zásadní podíl Alexandr Puškin a jeho historická tragédie *Boris Godunov*. Puškin hned v úvodu díla vložil postavě Vasilije Šujského do úst následující slova: „вчерашний рабъ, Татаринъ, зять Малюты, зять палача и самъ въ душѣ палачъ возьмешь вѣнецъ и бармы Мономаха (...)”². Kde se však vzala slova o tatarském původu rodu Godunovových?

V základu legendy o tatarském předkovi Borise Godunova leží tak zvané *Сказание о Чете*, které se objevilo v souvislosti s historií Ipatjevského monastýru v Kostromě, kde se nachází i rodinná hrobka Godunovových. V této legendě se doslova praví: „(...) здесь в 1330 году раскинул свои шатры татарский мурза Чет, вместе с семейством покинувший тогда раздираемую внутренними смутами Золотою Ордой, для того чтобы поступить на службу к великому Московскому князю Ивану Даниловичу Калите (1328–1341), добрая слава о котором достигла и татарских улусов, в низовьях Волги”³. Pověst dále hovoří o tom, že se Četovi zjevila Panna Marie spolu s apoštolem Filipem a svatým mučedníkem Ipatijem, kteří mu pomohli zotavit se z nemoci, načež se tatarský murza rozhodl přestoupit na křesťanství a na místě, kde se mu zjevila Panna Marie, dal založit Ipatjevský klášter. Důležité je to, že při křtu, který údajně proběhl v Moskvě, měl Čet přijmout jméno Zacharij a později zplodit syna Alexandra.

V díle o historii kláštera se dále praví, že „Мурза Чет-Захария считается родоначальником знаменитых в русской истории XIV–XV вв. боярских родов,

¹ Дмитрий Иванович, nejmladší syn Ivana Hrozného, zemřel tragickou smrtí 15. 5. 1591 jako osmiletý v Uglič. Okolnosti jeho smrti zůstávají nevyjasněné. Dmitrij zřejmě trpěl epilepsií a podle dobové vyšetřovací zprávy si v záchvatu nemoci sám nožem proťázl hrdlo. Brzy se však vyrojily spekulace, že byl carevič zavražděn na objednávku Borise Godunova, který si tímto způsobem připravoval cestu na trůn.

² *Сочинения А. Пушкина*, т. 1, Санкт-Петербург 1838, с. 264.

³ И. В. Баженов, *Костромской Ипатьевский монастырь*, Кострома 1913, с. 7–8.

усвоивших себе фамилию Сабуровых, Пешковых, Шеиных, Вельяминовых”⁴, přičemž pravnukem Zacharije měl být Ivan Godunovovi, významný předek Borise Godunova. Od poloviny 16. století se pak Godunovi stali nejmocnějším rodem a zastínili další dvě původní větve rodu, Saburovovi a Veljaminovi.

Legenda očima historiků. Tatarský původ Borise Godunova byl ruskými historiky hodnocen různými způsoby, od věčné zmínky až po rozsáhlou kritickou analýzu dané legendy. Nikolaj Karamzin připomíná murzu Četa v souvislosti s Ivanem Kalitou. N. Karamzin bez dalších detailů pouze stručně zmiňuje, že „добрая слава Калиты привлекла къ нему людей знаменитыхъ: изъ Орды выѣхалъ въ Москву Татарский Мурза Четь, названный въ крещеніи Захарією, отъ коего произошелъ Царь Борисъ Феодоровичъ Годуновъ”⁵.

Podobně věčně jako N. Karamzin hovoří o Godunovově původu také Vasilij Ključevskij, který se taktéž analýzou pravdivosti legendy nezabývá a ke zprávě o Četovi přistupuje jako k faktu. Slovy V. Ključevského byli Godunovovi „младшая ветвь старинного и важного московского боярскаго рода, шедшего отъ выехавшаго из Орды в Москву пры Калите мурзы Чета”⁶.

Autorem prvního uceleného životopisu Borise Godunova z roku 1921 byl Sergej Fjodorovič Platonov. Jeho dílo patří mezi základní literaturu věnovanou problematice prvního voleného cara a jeho kniha o historii smuty je dodnes nepřekonanou prací nejen vzhledem ke svému rozsahu a analytickému záběru, ale také z hlediska systematizace dějin období smuty na Rusi. S. Platonov osobnost Godunova oceňoval a jeho kariéru faktického spoluvládce slaboduchého Fjodora Ivanoviče, a posléze jako samostatného cara, hodnotil pozitivně. Nepopíral fakt, že Godunov byl člověkem, který se nakonec od svých poddaných izoloval sám, vinou extrémní nedůvěřivosti, avšak zároveň se pokoušel uvádět na pravou míru některá tvrzení, jež očerňovala jeho obraz.

Mezi taková tvrzení patří také to o tatarském prapředkovi Godunova. S. Platonov jasně spatřoval souvislost mezi zprávami z pramenů, které o Godunovovi hovořily jako o nedůstojném trůnu a mýtem o Četovi. Vymezuje se také proti slavnému citátu z Puškinovy tragédie. S. Platonov tvrdil, že informace o Četovi, které se zachovaly v „родословному преданию” není třeba popírat či rozporovat, avšak přistoupíme-li k nim jako k faktu, je nutné brát v potaz také to, že Borise Godunova a murzu Četa dělila propast více než dvou a půl století. Za tu dobu se Saburovovi i Godunovovi zařadili mezi významné moskevské bojarské rodiny: „два з половиной века род был православным и с 70-х годов XIV столетия решительно вошел в думу в лице Дмитрия Ивановича, Ивана Васильевича и Бориса Федоровича Годуновых”⁷.

První kritickou prací, která obsahuje zevrubnou analýzu legendy o Četovi, napsal ve 30. – 40. letech 20. století Stěpan Veselovskij. Kniha však byla vydána až po jeho

⁴ Ibidem.

⁵ Н. М. Карамзин, *Исторія государства російскаго*, т. 4, Санкт-Петербургъ 1819, с. 242.

⁶ В. О. Ключевский, *Курс русской истории*, ч. 3, Петроград 1918, с. 26.

⁷ С. Ф. Платонов, *Москва и Запад. Борис Годунов*, Москва 1999, с. 147.

smrti roku 1969. S. Veselovskij dospěl na základě bádání v rodoslovných knihách a historii Kostromy a Ipatjevského kláštera k závěru, že pověst o tatarském murzovi se nezakládá na pravdě, a odmítl ji s tím, že legendu považoval za dílo ipatjevských mnichů, které datoval dokonce až do poslední čtvrtiny 16. století. S. Veselovskij se domníval, že mniši legendu vytvořili s cílem ozvláštnit důvody založení kláštera a prostřednictvím domnělého předka Borise Godunova propojit historii monastýru s osudem jeho hlavních donátorů, kterými byli právě Godunovovi. Svoji argumentaci S. Veselovskij stavěl na rozboru rodoslovných knih z poloviny 16. století *Государев родословец* i pozdější *Бархатная книга*⁸, které vycházejí z předešlých seznamů rodinných vazeb moskevských bojarů, avšak o murzovi jménem Čet v nich není ani zmínka. Oficiálně má být podle rodoslovců zakladatelem rodu Dmitrij Zerno, syn Alexandra a vnuk Zacharije (Četa). Na základě studia pramenů ke kostromské oblasti a tamním votčinám, stejně jako k okolnostem vlády Ivana Kality a situaci ve Zlaté hordě v téže době, S. Veselovskij tvrdil, že žádný tatarský murza nikdy neexistoval. Počátek rodů Godunovových a Saburovových ztotožňoval s osobou kostromského bojara Alexandra Zerna (†1304) a jeho otce Zacharije, jejichž existence je podle S. Veselovského v pramenech dostatečně doložena a jejichž rodová linie pokračuje synem Dmitrijem, který je v rodoslovných knihách uváděn z toho důvodu, že byl prvním z rodu, kdo prokazatelně sloužil u moskevského knížete. Legendu o Četovi považoval za naivní a její hlubší rozbor pak z pohledu S. Veselovského neobstojí z chronologického ani faktického hlediska v konfrontaci s prameny⁹.

Kategoricky mýtus o Četovi odmítl v prvním moderním životopise Borise Godunova Ruslan Skrynnikov, který se, stejně jako jeho předchůdci, především vymezuje vůči obrazu, jenž o carovi vytvořil A. Puškin. R. Skrynnikov shodně se S. Veselovským hovoří o Godunovových jako o kostromských velmožích a hlubšímu zkoumání legendy o tatarském původu vůbec nevěnuje pozornost¹⁰.

Odlišný přístup k analýze pověsti zaujal Alexandr Zimin, který polemizuje se závěry S. Veselovského a poukazuje na fakt, že S. Veselovskij dostatečně nezohlednil okolnosti a dobový kontext vzniku pramenů, o něž se ve své argumentaci proti pravdivosti legendy opírá. V rodoslovném spisu *Государев родословец* je na rozdíl od starších redakcí spisů (*Летописная, Румянцевская, Патриаршая, Разрядная*) podle A. Zimina již řada údajů vynechána, a není proto vyloučené, že informace o tatarském velmoži, který se dostal do služby k Ivanu Kalitovi, mohla být z pozdější redakce vynechána podobně, jako byly prokazatelně vynechány jiné detaily týkající se ostatních rodů. A. Zimin doslova píše „мы бы не стали столь придирчиво относиться к легенде“, s tím, že existuje možnost, že v době vlády Ivana Kality skutečně mohl na jeho dvůr

⁸ Н. П. Лихачев, *Государев родословец и Бархатная книга*, Санкт-Петербург 1900.

⁹ С. Б. Веселовский, *Исследования по истории класса служилых землевладельцев*, Москва 1969, с. 162–170.

¹⁰ Р. Г. Скрынников, *Борис Годунов*, Москва 1978, с. 5.

někdo ze Zlaté hordy přijít vzhledem ke Kalitově věhlasu. A. Zimin navíc upozorňuje na teorii o tatarském původu jmen Godun a Sabur (Saburov)¹¹.

Posledním z řady historiků, který se obsírně věnuje legendě o Četovi je Vjačeslav Kozljakov. Autor zatím poslední odborné biografie Borise Godunova zastává stejné názory jako S. Platonov. S. Veselovskij, jehož argumenty podporuje, i jako R. Skryn-nikov. Legenda o Četovi nemá podle historika reálný základ a není důvod se domnívat, že by rodokmen Godunovových sahál až k tatarským murzům. V pověsti vidí snahu o přikrášení bájného původu rodin Godunovových a Saburových, k čemuž notně přispěli mniši a jimi zaznamenaná historie vzniku kláštera. V. Kozljakov navíc usuzuje, že legenda o tom, že se významný Tatar vzdal víry v Alláha ve prospěch křesťanství, symbolizuje vítězství pravoslavné víry u těch Tatarů, kteří se poddali moskevskému knížeti. V. Kozljakov připouští, že s jistotou nelze vyloučit ani variantu, že by legenda mohla být pravdivá, avšak přiklání se k názoru S. Veselovského a Četa chápe jako fiktivní postavu¹².

Legenda o původu Borise Godunova ve světle pramenů. O tatarském původu Borise Godunova se přímo a doslovně vyjádřil očitý svědek událostí smuty, holandský kupec Isaac Massa, autor jednoho z nejvýznamnějších narativních děl k dějinám smuty. I. Massa pobýval na Rusi od roku 1601 a po návratu do Holandska dokončil roku 1610 spis s názvem (v ruském překladu) *Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей*. I. Massa sice na Rusi nepobýval přímo v letech Godunovova nástupu na trůn, avšak byl svědkem čtyř bouřlivých let jeho vlády. Historikové oceňují na práci I. Massyho především dobrou informovanost autora¹³.

Massa podrobně charakterizoval osobnost Borise Godunova, jeho politickou kariéru, povahové rysy i rodinné vazby. Právě v souvislosti s Godunovovým původem I. Massa doslovně napsal: „Во время тирана Ивана Ваильевича в Москве жили Годуновы, род татарскаго происхождения”, dále potom uvádí, že „отечество Годуновых до сих пор еще называется Золотою ордою, или золотою страной”¹⁴.

Další podobně doslovný odkaz na tatarský původ Godunova již v pramenech z tohoto období nenalezneme. Ohledně původu Godunova se objevují v narativních pramenech jiné motivy, které se podle našeho názoru prolínají, respektive doplňují s fabulí o tatarském předkovi Borise Godunova. Jde o zdůrazňování nedostatečně vznešeného Godunovova rodokmenu.

Po smrti Fjodora Ivanoviče na počátku roku 1598 bylo z politického hlediska jasné, že jediným kandidátem na trůn může být právě Godunov, který si již od smrti

¹¹ A. A. Зимин, *В канун грозных потрясень*, Москва 1986, с. 15–17.

¹² В. Н. Козляков, *Борис Годунов*, Москва 2011, с. 36–42.

¹³ С. Ю. Шокарев, *Сочинения И. Массы и П. Петрея о Смутном времени*, [in:] *О начале войн и смут в Московии*, ред. А. Либерман, Москва 1997, с. 464, 468–469.

¹⁴ И. Масса, *Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей*, [in:] *О начале войн и смут в Московии*, с. 31.

Ivana Hrozného budoval svoji pozici u kremelského dvora. Godunovovi se podařilo dosáhnout až na nejvyšší příčky bojarské hierarchie¹⁵. Dokud byl však pouze bojarem, nebyla otázka jeho rodokmenu nikterak palčivá, ale jakmile se měl stát carem a zastínit tak Romanovovi či Šujské, pocházející z vladimírsko-suzdalské větve Rurikovců, stal se Godunov terčem kritiky pro svůj neurozený původ.

V pramenech je tato skutečnost reflektována opět hlavně cizinci, kteří na Rusi v době vlády Borise Godunova pobývali. Němec Konrad Bussow, jehož *Московская хроника* je unikátní v tom, že celistvě mapuje léta smuty, počínaje vládou Godunova až po nástup Michaila Fjodoroviče Romanova, uvádí, že zvolili carem „некоего дворянина, хотя и не знатного рода“, načež při volbě Godunova „(вельможи) начали в укор ему говорить перед народом о его незнатном происхождении и о том, что он не достоин быть царем“¹⁶.

Švéd Peer Persson (Petr Petrej), další očitý svědek událostí smuty, uvedl, že ruští bojaři „порочили его в народе, говорили с укоризною об его низком происхождении, о том, что не ему следует носить венец и скипетр и царствовать, а другому, из древнего великокняжеского рода“¹⁷.

V ruském prostředí vytvořil velmi komplexní obraz Borise Godunova ďák Ivan Timofejev ve svém díle *Временник Ивана Тимофеева*. Jedinečnost jeho rozsáhlého textu spočívá především ve způsobu, jakým I. Timofejev popisuje události, jichž byl sám svědkem. *Временник* je psán neobvykle objektivním stylem, přesto však nepostrádá osobní názory autora a je postaven na zevrubných znalostech dalších dokumentů, včetně církevních spisů. I. Timofejev tvořil *Временник* postupně v průběhu let 1610–1617, poslední poznámky však zřejmě doplňoval ještě roku 1628¹⁸.

Ivan Timofejev byl na jedné straně velkým kritikem Borise Godunova, na straně druhé dovedl ocenit jeho nesporný politický talent a zásluhy na stabilizaci země po období opřičniny. Ve věci Godunovova rodového původu se však vyjádřil nekompromisně, když napsal, že „вступил на престол царства одним шагом, сделав своими рабами благороднейших, чем он, занимавший ранее среднее место по роду и чину“. I. Timofejev však zašel ještě dál, když Borise Godunova popsal slovem „рабоцарь“ a „рабом по роду“¹⁹.

¹⁵ Od roku 1591 byl Godunov nejen bojarem, ale měl i hodnosti „конюший“ a „слуга“, které patřily k nejvyšším v rámci carského dvora i dumy a byly udělovány pouze carovu nejbližšímu muži z řad velmožů. Viz: А. П. Павлов, *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове*, Санкт-Петербург 1992, с. 51.

¹⁶ К. Буссов, *Московская хроника 1584–1613*, [in:] *Хроники смутного времени*, ред. А. Либерман, Москва 1998, с. 11, 13.

¹⁷ П. Петрей, *История о великом княжестве московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведённых там тремя Ажедимитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнаружил Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года*, [in:] *О начале войн и смут в Московии*, с. 274.

¹⁸ О. А. Державина, *Дьяк Иван Тимофеев и его „Временник“*, [in:] *Временник Ивана Тимофеева*, ред. О. А. Державина, Москва–Ленинград 1951, с. 352–357.

¹⁹ И. Тимофеев, *Временник*, [in:] *Временник Ивана Тимофеева*, с. 222–223.

Sám Godunov si byl vědom slabiny, kterou představoval jeho neurozený původ. Car uznával, že se nemůže rovnat knížatům a carům, kteří na kremelském trůně usedli před ním, a tak alespoň hledal paralely v dějinách (v tomto případě byzantských), na nichž by mohl ukázat, že i jiní panovníci byli „не отъ царскаго роду и произшедши”, ale „отъ обычныхъ и не благородныхъ”. Výčet takových vládařů je uveden v listině sepsané u příležitosti korunovace Godunova²⁰.

Godunov v oficiálních listinách ani v narativních pramenech není s Tatary přímo spojován, avšak jak je patrné z výše uvedených příkladů, a to zejména v případě Isaaca Massy, povědomí o legendě o murzovi Četovi bylo mezi jeho současníky živé a postupně se přeneslo do obecnější roviny nedůstojného a nízkého rodového zázemí.

Závěrem. Na přelomu 16. a 17. století se tatarské nebezpečí Rusům připomínalo již jen formou nájezdů Krymských Tatarů. Největší z nich, z léta roku 1591, se podařilo úspěšně odrazit, na čemž měl velkou zásluhu Boris Godunov, přední bojar, faktický spoluvládce cara Fjodora Ivanoviče a budoucí panovník Moskevské Rusi.

Povědomí o tatarské nadvládě však v ruské společnosti určitým způsobem rezonovalo, byť již v transformované podobě, a právě osobnost Borise Godunova pak může být příkladem takovéto reminiscence. Jakkoli jde v případě Godunova o záležitost spíše marginální, neboť v narativních pramenech z období smuty o jeho tatarském původu existuje *de facto* pouze jedna doslovná zmínka, lze předpokládat, že mýtus o tatarském předkovi přispěl k odsouzení Borise Godunova původu jakožto nedůstojného carského trůnu.

Nedostatečně urozený původ byl jednou z řady kritických výtek, které se na Godunovu hlavu snášely, avšak patří k těm zásadním. Car z tradičního rodu byl jedním ze základních pilířů ruské společnosti a Godunov tuto podmínku nemohl splňovat, přestože v porovnání s jeho politickými úspěchy to byla z praktického hlediska druhořadá záležitost.

Není bez zajímavosti, že tato prezentace Godunova coby neurozeného cara zůstala v ruském prostředí silně fixována. Když ji o více než dvě staletí později použil A. Puškin v úvodu svého díla, stala se samozřejmou součástí obrazu Borise Godunova a jako taková se v nezměněné podobě zachovává až do současnosti. O tom svědčí i fakt, že ruští historikové, zabývající se obdobím smuty a osobou Godunova, ve svých odborných monografiích neopomíjejí uvést Puškinův citát a na základě vlastní akademické argumentace jej uvádějí na pravou míru.

Navzdory vědecké analýze jsou to právě legendy, pověsti či mýty, které dokáží ve společenském povědomí překonávat propast času a vyznačují se neobyčejnou stálostí a neměnností. V očích současníků byl Boris Godunov car neurozený s kořeny dokonce ve Zlaté hordě, což bylo spojováno s výhradně negativními konotacemi. Godunov navíc nastoupil na trůn ve velmi bouřlivém období a jeho samostatná vláda byla poznamenána vypuknutím hladomoru a následně tím, že se objevil samozvanec, domnělý

²⁰ Ю. В. Готье, *Акты относящиеся къ исторіи земскихъ соборовъ*, Москва 1909, с. 14–15. Viz též: А. В. Черепнин, *Земские соборы русскаго государства в XVI–XVII вв.*, Москва 1978, с. 136.

syn Ivana Hrozného, Lžidimitrij. To vše přispělo k tragickému obrazu Godunova, který se přenesl a zachoval až do dnešních dnů, nehledě na historickou neprokazatelnost legendy o Četovi.

*

Tatána Součková, *Impact of a myth about Tatar origin on the contemporary image of Boris Godunov*

In the Russian narrative sources from late 16th and early 17th centuries was the image of Boris Fyodorovich Godunov, Russia's first elected tsar, negatively affected by the myth about Tatar origin of the Godunov family. Despite of the record in the official file *Gosudarev rodoslovets*, where the Godunovs are mentioned alongside their relatives Saburovovy and their origin is hereby documented, a legend emerged, according to which was the ancestor of Boris Godunov Tatar mirza Chet. The legend about Tatar mirza and the way of its linking to the Godunovs remains unexplained; however, the genealogical linkage to the Tatars began to be emphasized just in time of political rise of Boris Godunov and peaked during his election for tsar in 1598. At the beginning of the Time of Troubles, when the crucial moment for its development became the extinction of the Moscow branch of the Rurikid dynasty, the question of the origin of the new dynasty gained in particular importance. Therefore Boris Godunov was because of alleged linkage to the Tatars described as unworthy of the throne as his origins were not only too low, but even inferior and unacceptable. The paper will focus on contemporary reflection of the image of Boris Godunov in the light of legends about his Tatar origin.

*

Татьяна Соучкова, *Влияние мифа о татарском происхождении на современный образ Бориса Годунова*

В русских нарративных источниках конца XVI и начала XVII веков на формирование образа Бориса Годунова, первого избранного русского царя, наиболее повлиял миф о татарском происхождении рода Годуновых. Несмотря на запись в официальном *Государевом родословце*, где род Годуновых упоминается вместе с его родственниками Сабуровыми и где указано их происхождение, возникла легенда, согласно которой предком Бориса Годунова был татарский мурза Чет, который прибыл в Москву из Золотой Орды в 1330 г. во время правления Ивана Калиты, был крещен на Руси, принял имя Захарий и затем стоял у основания Ипатьевского монастыря в Костроме. Происхождение легенды о татарском мурзе и ее связи с родом Годуновых остаются неясными, но генеалогическое родство Годуновых с татарами начало подчеркиваться в источниках как раз во время политического подъема Бориса Годунова и достигло своего пика во время его избрания царем в 1598 г. После начала Смуты, когда ключевым моментом

стало пресечение московской линии Рюриковичей, вопрос о происхождении новой царской династии набрал особого значения. Из-за предполагаемой связи с татарами Борис Годунов начал считаться человеком низкого и второстепенного происхождения, недостойным царского престола. В статье основное внимание уделено современному отражению образа Бориса Годунова в свете легенд о его татарском происхождении.

CHAPTER III
DEBATES

ebate I

Enemy, mercenary, ally?: Rus' and the Polovtsians in the light of the chronicles and archaeology

The round table discussion with
Fedor Uspenskiy and
Aneta Gołębiowska-Tobiasz

*

Stenographic record of the discussion

Moderator: Vitaliy Nagirnyy

• **Vitaliy Nagirnyy:** Уважаемые участники конференции, мы открываем первый из запланированных круглых столов с участием проф. Федора Успенского и др. Анеты Голембьовской-Тобиаш. Тема сегодняшнего обсуждения – „Враг, наемник, союзник?: Русь и половцы в свете летописей и археологии”. Обсуждение этой проблемы я традиционно хотел бы начать с вопроса о источниках.

Всем нам хорошо известно, что основными источниками по изучению русско-половецких отношений являются русские летописи. Именно на их данные, в первую очередь, опираются исследователи при описании отношений Руси с половцами в середине XI – середине XIII веков. На первый взгляд, может создаться впечатление, что большинство летописных данных о кочевниках хорошо изучено и вряд ли могут открыть что-то новое о русско-половецких отношениях. Так ли это на самом деле? И каковы, с Вашей точки зрения, перспективы дальнейшего использования русских летописей для изучения этой проблематики?

• **Fedor Uspenskiy:** У меня как раз нет ощущения, что мы знаем очень много о русско-половецких отношениях. Наоборот, мне кажется, что наши знания о половцах очень скудны и обрывчатые. Кроме того, и это главное, летописи дают нам односторонние сведения, ведь половецких письменных источников, по крайней

мере, с эпохи их наиболее интенсивных контактов с Русью, не сохранилось. Поэтому мы вынуждены иметь дело с необъективными данными. Сразу уточню, что имеются в виду только письменные источники. Так вот, если представить себе некий вакуум только из письменных источников, то, с одной стороны, половцы выглядят в нем однобоко, а с другой – сам факт того, что они вообще представлены на страницах летописей, является весьма занимательным. Я имею в виду не описание политических событий где, как известно, мир чередовался с войной, и которые достаточно хорошо отображены в летописи, а именно оригинальные вставки, как, например, упоминание о том, что половец понюхал траву родной земли и вдруг захотел возвратиться обратно в степь. Вообще не понятно, как такие сюжеты попали в летопись и поэтому стоит начать изучать их появление в летописном дискурсе. Кроме того, такие эпизоды нарушают гомогенную картину летописного портрета половцев. Ведь за два столетия русско-половецких контактов образ половцев в летописях вполне сформировался и был навязан, так сказать, общей аудитории. Вполне вероятно, что в этом процессе некоторые углы выпрямлены, некоторые линии искривлены, а общая перспектива русско-половецких отношений, еще раз повторюсь, достаточно односторонняя.

• **Vitaliy Nagirnyy:** А что нового о русско-половецких отношениях нам может сказать археология? Какие перспективы изучения этой проблематики с точки зрения археологической науки?

• **Aneta Gołębiowska-Tobiasz:** Сразу скажу, что при изучении русско-половецких отношений мы имеем дело с довольно таки субъективными материалами. Ведь почти все научные исследования опираются на погребальный инвентарь из захоронений половецкой знати, так называемых *эров* (ег – в переводе с тюркского языка – мужчина, владеющий оружием и имуществом). Иными словами, речь идет о погребениях воинов. Конечно, даже среди погребальных инвентарей существует дифференциация. Например, весьма четко прослеживается слой тяжело вооруженных воинов (половецкие князья), легко вооруженных воинов, а также челяди – то есть слои свободных людей, которые составляли костяк половецких военных сил.

Итак, что собственно мы можем увидеть в этом субъективном археологическом зеркале русско-половецких отношений? Прежде всего, возможно проследить проникновение в культуру кочевников элементов, происходящих из среды оседлого русского населения. Это подтверждает наличие русского импорта в погребальных инвентарях половецких могильников, расположенных в пределах так называемой Лукоморской и Заорельской орд, а также в среднем Поднепровье и в бассейнах рек Молочная и Кальмиус. Что касается датировки, то большинство материалов относится к XII веку, хотя некоторые артефакты можно датировать и XI веком. Среди русского импорта особо выделяются керамика, женские украшения (что подчеркивает высокий социальный статус женщин в половецком обществе), а также оружие, стеклянные изделия, зеркала, янтарь. Новейшие исследования половецких курганов позволяют говорить о том, что русский импорт попадал в среду половецкой знати, главным образом, в результате

торговых отношений, индивидуальных заказов или обмена подарками во время дипломатических миссий и в значительно меньшей степени – в результате грабежа во время боевых действий. Интересно, что русское влияние прослеживается также в духовной культуре половцев. Например, ряд фактов свидетельствует о том, что сосуды киевского типа употреблялись во время проведения половцами религиозных обрядов. Эти и другие примеры открывают нам совсем другую, отличную от летописной, картину русско-половецких отношений.

Что касается перспективы дальнейшего изучения этих отношений, то в первую очередь следует развивать физико-химические методы исследования, ведь именно они смогут дать нам ответы на многие вопросы, в частности, о том где, когда и из какого точно материала сделаны артефакты русского происхождения из половецких погребальных инвентарей.

• **Vitaliy Nagirnyy:** Спасибо участникам круглого стола за ответы. Слушая выступление профессора Ф. Успенского, у меня появилось ощущение, что русские летописцы вполне осознанно рисовали негативный образ половцев. Но можем ли мы найти примеры более объективного описания половецких реалий?

• **Fedor Uspenskiy:** Когда работаешь над темой русско-половецких связей, то прежде всего самому исследователю важно не поддаваться летописцу и отказываться от тех стереотипов, которые русский книжник предлагает своей, в том числе и современной, аудитории. Если посмотреть на перспективу русско-половецких элитарных отношений с точки зрения летописания, то все выглядит как отношения имперской цивилизации (Русь) с туземцами (кочевники). Это явно было не так. Как было на самом деле – не знаю, но вероятно не так, как представляют летописи. Очень важно отказаться от образа половца как врага, который ярко присутствует в летописи. Ведь этот образ фактически исключает возможность русско-половецкого взаимодействия. Хочу обратить внимание на тот факт, что мирные отношения, договора, союзы, участие половцев в междукняжеских конфликтах, являются признаком более тесной связи, некой коммуникации. С другой стороны, конфликты, войны, предательство, измена были тоже частью той же связи и коммуникации, хотя это уже не так очевидно и не каждый исследователь говорит об этом. Мне кажется, динамика взаимодействия русских с половцами выглядела следующим образом: сначала приход кочевников на Руси был воспринят как „стихийное бедствие“, потом появилось понимание, что с этим „стихийным бедствием“ придется жить довольно долго и с этого момента, видимо, начался процесс взаимопрорастания друг в друга. Какую интенсивность имел этот процесс – мы не знаем. На этот вопрос скорее ответит археология, чем письменные источники. Ведь, еще раз повторюсь, письменные источники заведомо необъективны и пристрастны. Пристрастность эта определяется тем, что, все-таки, русского летописца интересовали в первую очередь те участки сцепления, соприкосновения с половцами, которые имели влияние на политическую и династическую историю русских князей. Более того, по мере дальнейшего взаимодействия русских князей с половцами летописцы начали все лучше ориентироваться во внутренних половецких связях. Например, когда

русский автор перечисляет половецких князей, пойманных русскими князьями, то четко ощущается его определенный интерес к половецкой знати. Ведь летописец очень пристально указал имена этих князей, их внутренние родственные связи, а также их династические контакты с Рюриковичами. Вполне понятно, что автор мог и обойтись без указанных списков, но все же он поместил их на страницы летописи и они для него являлись некоторой самодостаточной ценностью. Совершенно очевидно, что со временем русские летописцы, повествуя о половцах, уже не могли говорить о них как о туземцах, заведомо дистанцированных от русского мира. Напротив, они начали демонстрировать некую компетентность в связях и отношениях половецкого мира. Так вот, мы не знаем, что было бы дальше, если бы не монгольское нашествие, и насколько русские князья бы „ополовчились” или, наоборот, насколько половцы бы „русифицировались”. На этот вопрос ответа нет. Но все же следует отметить, что явная близость между Русью и половцами существовала, и даже в таком необъективном источнике, как летопись, этот процесс весьма прослеживается.

• **Vitaliy Nagirnyy:** В этом же контексте хочу задать вопрос др. А. Голембьовской-Тобиаш – что говорит археология о характере русско-половецких отношений?

• **Aneta Gołębiowska-Tobiasz:** Я хочу предложить посмотреть на перспективу русско-половецких отношений сквозь призму половецкого погребального обряда. Мне удалось найти одно четко датированное первой половиной XI века половецкое мужское погребение с очень интересным инвентарем, похожим по содержанию на варяжские захоронения возле Гнездово. Это погребение в Преображенке (Павлоградский р-н, Днепропетровская обл., Украина). В нем присутствовали изделия, происходящие из балтийского культурного круга. В других мужских захоронениях находим сосуды, кольчуги и шлемы из русских мастерских. Очевидно, что эти изделия не всегда проникали в среду кочевников в результате войны. Это могли быть дипломатические подарки или личные заказы половцев у русских мастеров. То есть, точно определить каким образом они попали в среду кочевников очень сложно. Среди интересных примеров можно назвать половецкий могильник из Таганчи (Каневский р-н, Черкасская обл., Украина), где видимо был похоронен весьма влиятельный, как в половецком, так и в русском обществе, человек. Об этом свидетельствует богатый погребальный инвентарь: русские кольчуга и щит, а также медальон Христа-Пантократора. Здесь уместно задать вопрос – чем объяснить наличие таких предметов в половецком могильнике? С одной стороны, их можно считать военными трофеями. Но с другой – это были очень качественные предметы, что, скорее, говорит об их специальном заказе у русских мастеров. Мне лично более импонирует второй вариант. Кроме кольчуг, среди русского импорта у половцев выделяются дорогие ткани, например – шелк. Такие товары могли попадать к половцам из Византии через Русь. Кроме того, встречаем украшения, сделанные в христианском стиле. Здесь показательны фрагменты ханского кафтана из кургана в с. Заможное, на которых фигурируют изображения ангелов, вырезанных, скорее всего, из какой-то литургической христианской одежды. И опять возникает вопрос – это свидетельствует

о враждебности или о проникновении русской культуры в половецкую среду? В половецком инвентаре находим также казаны русского происхождения, не использованные ранее, что говорит об их культовом предназначении. Среди погребальных находок – распрямленные гривны, которые могут происходить из киевских мастерских. Так же сохранился фрагмент каменной стелы, на котором половецкий воин изображен в панцире-кирасе и шлеме-шишаке. Такие панцири не были распространены ни в русской, ни в половецкой среде, поэтому его стоит рассматривать как импорт из Западной Европы. Подводя итог, следует отметить, что наличие русского импорта в погребальных инвентарях половецкой знати не всегда обозначает вражду или войну. По моему мнению, эти факты говорят, скорее всего, о тесных торговых и личных контактах половцев с Русью.

• **Vitaliy Nagirnyy:** А много ли русского оружия удастся обнаружить при исследовании половецких археологических объектов?

• **Aneta Gołębiowska-Tobiasz:** Сложно точно ответить, но с большой вероятностью можно утверждать, что импорт русского оружия был, и был ориентирован в первую очередь на половецкую элиту, то есть на знатных воинов, которые имели право забрать свои доспехи в загробный мир.

• **Vitaliy Nagirnyy:** Большое спасибо! Пожалуйста, дополнение от проф. Ф. Успенского.

• **Fedor Uspenskiy:** Мне кажется, совсем не случайно в наших с Анетой выступлениях несколько раз прозвучало слово „мода”. Так вот, существовало некое влияние русских на половцев и наоборот, причем на повседневном уровне. Например, тот же термин „сайгат”, которой упоминается в русской летописной лексике, на 90% половецкого происхождения. Такие отдельные, точечные признаки взаимовлияния очень важны. Огромную роль в этом процессе, на уровне повседневности, играли полукровки – князья, которые были рождены от браков русских с половчанками. Не стоит недооценивать их влияния, ведь с точки зрения русского общества это вполне легитимные династические князья, но и с точки зрения социума половцев это тоже члены правящей семьи. Мы не знаем, как на самом деле была устроена процедура наследства у половцев. Поэтому вполне вероятно, что на русских князей, которые родились от браков с половчанками, половецкая элита смотрела как на своих. Ярким примером этого могут послужить Андрей Боголюбский или Святослав Ольгович, которые часто опирались на помощь своих „диких уев”, то есть половецких родственников по материнской линии. Сохранились также сведения, правда, не совсем достоверные, о том, что Андрей Боголюбский имел дополнительное половецкое имя Китай, возможно искажённое от Китан. Интересно, что такие примеры многоименной традиции не были чужды Рюриковичам. Например, тот же Мстислав-Федор Великий имел также имя своего деда – Харальд, а из некоторых скандинавских источников известно, что у Всеволода Ярославовича могло быть еще одно имя – Хольте. Принимая во внимание то, что сведения о половецком имени Андрея

Боголюбского достаточно поздние, мы не можем уверенно ими оперировать, но, все же, учитывая многоименную традицию Рюриковичей, я бы не отбрасывал такую версию. В целом, следует отметить, что, несмотря на летописный искажённый образ половцев как врагов, тесные контакты кочевников с Русью все же превратили их в „своих” для русских князей, о чем ярко свидетельствуют многочисленные браки Рюриковичей с половчанками и большое число полукровок, происходящих от этих браков.

• **Aneta Gołębiowska-Tobiasz:** Еще один комментарий. Мы часто смотрим на половцев через распространенные стереотипы. Наведу пример. Всем нам хорошо известен факт побега одной из русских княгинь в степь, где она вышла замуж за своего половецкого возлюбленного и осталась жить с половцами. Я думаю, что большинство из нас сразу представит себе русскую княгиню в половецкой повозке типа юрты. И вряд ли кто-то подумает о том, что местом проживания супругов мог быть половецкий город. Более того, нам даже сложно представить, что существовали половецкие города, хотя из источников известно, что таковые были. Надо помнить, что федерация родов, которых мы называем половцы, кипчаки или куманы, пришла в черноморские степи с мест, где еще во времена Уйгурского каганата существовали каменные постройки. И что перед приходом в Северное Причерноморье эта федерация имела контакты с Северной Трансоксанией, где городская цивилизация и урбанизация были на высоком уровне, что ярко продемонстрировали исследования города Сауран. То есть, половцы пришли на новые земли, уже будучи знакомыми с городской культурой и обладая соответствующими знаниями. Конечно, мы почти ничего не знаем о том, что собой представляли половецкие кишлыки и как функционировали их города. Но то, что они существовали, – это очевидный факт.

• **Vitaliy Nagirnyy:** Спасибо за интересные комментарии. Перейдем к вопросам из зала.

• **Roman Hautala:** Вопрос к проф. Ф. Успенскому – есть ли в русских летописях эсхатологические представления о приходе половцев на Русь?

• **Fedor Uspenskiy:** Конечно, приход половцев на Русь в летописании определен как Божье наказание. Они названы безбожными агарянами. Более того, последующий приход монголов на Русь был воспринят летописцами как наказание за очень тесное сотрудничество русских с половцами.

• **Igor Danilevskiy:** Для начала дополнение. Действительно, летописцы пытались объяснить приход половцев через откровение Мефодия Патарского, называя кочевников „безбожными измаильянами”. Но интересно, что когда пришли монголы, то у летописцев возник вопрос: если половцы – это „безбожные измаильяне”, то кем тогда являются монголы? И что интересно – первые оценки монголов русскими книжниками положительны, ведь в глазах летописцев они

пришли наказывать этих самых „безбожных измаильтян”. И два вопроса. Не могла ли летописная оценка половцев как врагов быть не политической, а сугубо религиозной? И как изучение половецких каменных и деревянных баб влияет на понимание дифференциации половецкого общества и есть ли новые результаты в исследовании этой проблемы?

• **Fedor Uspenskiy:** Действительно, по моему убеждению, такую оценку половцев летописцами в первую очередь надо связывать с конфессиональной принадлежностью кочевников. Появляется ощущение, что летописец испытывал перманентное раздражение из-за того, что половцы были почти втянуты в нашу орбиту, но все-таки не до конца.

• **Aneta Gołębiewska-Tobiasz:** Чтобы ответить на вопрос проф. И. Данилевского надо обратиться к карте с обозначением всех известных на сегодня половецких святилищ с деревянными изваяниями. В основном они сконцентрированы в бассейне рек Маныч и низовьях реки Дон. Интересно, что их появление связано с изменением культа. Классическое половецкое святилище – это каменные изваяния мужчины и женщины, расположенные на кургане, в котором нет погребения. В свою очередь деревянные изваяния просто вкопаны в курганы. С чем были связаны такие изменения – мы не знаем, но следует отметить, что известно всего 12 деревянных памятников. Если же посмотрим на карту, где показаны классические каменные статуи, то увидим, что именно они составляют абсолютное большинство – как в Причерноморье, так и в Приазовье. Что касается изучения этой проблемы, то следует отметить, что последняя крупная работа по этой теме принадлежит Светлане Плетневой. Если говорить о понимании дифференциации половецкого общества через изучение упомянутых изваяний, то, опираясь на собственные исследования, а также на работы коллег, могу сказать, что такая дифференциация в целом прослеживается. Например, каменные изображения мужчин без оружия, по мнению многих археологов, могут свидетельствовать о том, что речь идет о купцах. В женских каменных изваяниях тоже есть отличия. Например, есть всадницы и есть женщины в кафтанах, то есть те, которые имели статус хатун – жены хана. Можно предположить, что существовали также изображения более низких по социальному статусу мужчин и женщин, которые были сделаны из ткани или кожи и поэтому не сохранились до наших дней. Собственно, в этом и прослеживается дифференциация – более богатые члены половецкого общества, для сохранения культа предков, могли позволить себе использовать такой дорогой материал как камень, а более бедные слои – дешёвые ткань или кожу.

• **Dariusz Dąbrowski:** По поводу эсхатологии, мне кажется, что здесь надо разделить реальную жизнь и мир летописцев. Все эти названия и представления половцев как врагов были предназначены, в первую очередь, для книжников, что же ка-

сается повседневной жизни, то мне кажется, что восприятие русскими половцев и наоборот было нормальным. Поэтому нужно разделять мир книжников и мир реальных отношений.

• **Svetlana Valiulina:** Как Вы относитесь к хронологической шкале С. Плетневой использованной в отношении половецких баб, и работает ли она на сегодняшний день или нет? И как эта проблема пересматривается в хронологическом и географическом диапазоне? Дело в том, что относительно недавно из Археологического музея мне пришло письмо, в котором подтверждалось, что на о. Капри (Италия) находится половецкая баба. И еще один вопрос – есть ли какие-то новые находки половецких святилищ?

• **Aneta Gołębiewska-Tobiasz:** С. Плетнева имела необыкновенную исследовательскую интуицию, и ее критерии датировки мы можем использовать и по сегодняшний день. Конечно, существуют и другие варианты хронологии и типологии этих памятников, например Любовь Герасковой или Германа Фёдорова-Давидова, но все же работа С. Плетневой мне кажется наиболее удачной и актуальной до сих пор. Что касается географии и датировки, то, конечно, мы знаем, где впервые появляются святилища такого типа – на пастбищах Азии, а затем в бассейне Северского Донца и уже оттуда распространяются в другие регионы. При этом происходят некоторые изменения, формируется так называемый классический стиль половецких святилищ с полуквадратной или трапециевидной формой с двумя каменными стелами (за Игорем Кизласовым). Большинство известных памятников С. Плетнева датировала концом XII – началом XIII века. Что же касается новейших исследований половецких святилищ, то в последние несколько лет, в связи с политической ситуацией в регионе, в котором они расположены, проводить их полномасштабные изучения очень затруднительно.

• **Yurii Dovgan:** У меня вопрос к проф. Ф. Успенскому. Чем можно объяснить то, что с половцами, все-таки более чужими для русских князей, чем „свои” торки или берендеи, было заключено много браков, а с теми же торками и берендями не известно ни одного династического союза?

• **Fedor Uspenskiy:** Вы знаете, я, конечно, тоже задавался этим вопросом, но у меня нет на него прямого ответа. Могу только предположить, что торки, берендеи или черные клобуки рассматривались русскими князьями с определенной „имперской перспективы” как полудивилизованные малообразованные народы, а половцы, видимо, в этой иерархии все же стояли выше. Об этом может свидетельствовать факт, что русские летописцы называли половецкую правящую элиту князьями и совершенно не применяли этот термин к берендеям, черным клобукам или торкам. Без сомнения, русские летописцы, которые не разбрасывались

титулами, четко понимали всю политическую картину. Таким образом, половецкие князья имели для них высший статус, чем другие кочевники, и были почти равными с русскими князьями. Соответственно, родниться с другими кочевниками, которые находились в прямой зависимости от русских князей, было видимо не престижно.

• **Vitaliy Nagirnyy:** Еще один вопрос к проф. Ф. Успенскому. Можно ли как-то определить, когда половцы участвовали в военных кампаниях русских князей в качестве союзников, а когда как простые наемники?

• **Fedor Uspenskiy:** Мне кажется, Вы немножко модернизируете ситуацию. Ведь половцы всегда были для русских князей и союзниками, и наемниками одновременно. То есть половцы приходили на помощь тому или иному князю как союзники, но всегда получали за это некий „гонорар”. Яркий пример – это половецкая помощь для Рюрика Ростиславовича, жена которого была половчанкой. С одной стороны, половецкие правители поддерживали Рюрика исходя из родственных связей, но с другой – в качестве награды за помощь они получили согласие русского князя на разграбление Киева. Поэтому я бы рассматривал этот вопрос в единстве.

• **Vitaliy Nagirnyy:** Тем не менее, после Калки мы видим иную ситуацию.

• **Fedor Uspenskiy:** Вот, собственно, после Калки ситуация изменилась кардинально, ведь после уничтожения большей части половецких князей представители их знати пошли на службу к русским князьям. Яркий пример – половцы на службе в Даниила Романовича.

• **Vitaliy Nagirnyy:** Уважаемые друзья, на этом я вынужден закрыть наш круглый стол. Благодарю проф. Федора Успенского, др. Анету Голембовскую-Тобиаш и всех участников обсуждения за интересную дискуссию.

ebate I

The image of the Mongols and Tatars in the Rus' chronicles of the 13th–15th centuries

The round table discussion with
Igor Danilevskiy and
Roman Hautala

*

Stenographic record of the discussion

Moderator: Aleksey Martyniuk

• **Aleksey Martyniuk:** Уважаемые коллеги, мы начинаем научную дискуссию, посвященную взгляду русских летописцев на монголов и татар в XIII–XVI веках. Участниками нынешнего круглого стола будут проф. Игорь Данилевский и др. Роман Хаутала. Сразу же первый вопрос, который я адресую нашим диспутантам: как Вы оцениваете состояние научных исследований отношений Руси с монголами и татарами и какие Вы видите перспективы дальнейшего изучения этой проблематики?

• **Igor Danilevskiy:** У меня вообще-то оптимистический взгляд на перспективы исследований, ведь за последнее время вышло очень большое количество работ и опубликовано довольно много источников, которые позволяют по-новому взглянуть на эту проблематику. С другой стороны, скажу, что в российских школьных учебниках, с недавнего времени перестали употреблять термины „татаро-монгольское иго” и „ордынское иго”. Поэтому у меня вполне позитивные ожидания от дальнейшего изучения отношений Руси с Ордой.

• **Roman Hautala:** В отличие от восточноевропейских стран, на Западе эта тема очень плохо изучена. На недавней конференции, которая состоялась в 2014 г.

в Иерусалиме, где присутствовали самые известные исследователи Монгольской империи, собственно Золотая Орда была представлена всего четырьмя докладами, причем один был по нумизматике, два доклада были сделаны российскими исследователями, и только один – западным историком. Это еще раз подчеркивает, что Золотая Орда на Западе почти не изучается. Что касается татарской историографии, то тенденция здесь намного лучшая. Поэтому, в целом, некая динамика в лучшую сторону существует, но все же еще есть над чем работать.

• **Aleksey Martyniuk:** Продолжая затронутую Вами проблему: назовите, пожалуйста, свои „любимые” работы по истории отношений Руси и Орды, которые максимально концептуально продвинули изучение данного направления.

• **Igor Danilevskiy:** Я могу назвать несколько таких работ, потому что одной любимой нет. В первую очередь, это работы Вадима Трепавлова, Татьяны Скрынниковой и Владимира Рудакова. Собственно, на мой взгляд, именно они наиболее продвинули затронутую проблематику в последнее время.

• **Roman Hautala:** Что касается отношений Руси и Орды, то, мне кажется, что самую лучшую книгу написал Антон Горский. По истории самой Золотой Орды, на мой взгляд, это книга Девина ДеВиза по исламизации ордынцев.

• **Aleksey Martyniuk:** Следующий вопрос: в чем сущностное отличие русского и латинского взгляда на Орду и на монголов вообще? Можно ли говорить, что в некоторой степени русские и западноевропейские источники в этом направлении дополняют друг друга, или же они находятся в совершенно „параллельных мирах”?

• **Igor Danilevskiy:** Конечно, это разные взгляды и это надо учитывать. Ведь у нас традиционно в качестве основного источника по изучению монгольского нашествия и жизни русских земель под властью Орды рассматривались летописи. Это односторонний, специфический взгляд. Только в недавнее время начали появляться работы, в которых, с одной, стороны учитывается „западный” взгляд на монголов и на монгольское нашествие, на русские земли в составе Золотой Орды, а с другой, – акцентируется внимание на использование восточных источников, которые существенно дополняют и русские, и латинские сведения.

• **Aleksey Martyniuk:** По Вашему мнению, это единственный взгляд на протяжении всего рассматриваемого периода или он как-то менялся?

• **Igor Danilevskiy:** Нет, конечно, он менялся, причем он менялся иногда просто по десятилетиям. Тем не менее, у нас на протяжении всего периода изучения со-

храняется представление о том, что русские земли занимали особый статус в составе Улуса Джучи. У меня по этому поводу были дискуссии с Антоном Горским. Общепринятое мнение заключается в том, что хотя русские земли и можно в некой степени считать частью Улуса Джучи, но на самом деле они туда не вошли.

• **Roman Nautala:** Что касается латинских источников, то здесь очень интересная картина. Например, ранние источники довольно-таки положительно представляют монголов. Помещенные в них сведения попадали в Европу двумя путями: или из Ближнего Востока, или через Венгрию. Впервые монголы упоминаются в связи с Пятым крестовым походом, когда Чингиз-хан разбил государство Хорезмшахов, вследствие чего в латинских источниках сложилось впечатление о монголах, как и о христианах, участниках крестового похода. Потом постепенно эти сведения менялись, и здесь собственно появляется отличие между западными и русскими источниками – в летописях они сразу представлены как враги, а в западных источниках они сначала считаются союзниками, и уже потом латинские хронисты узнают, что монголы не собираются освобождать Иерусалим, как казалось сперва. Дальше появились сведения о битве на Калке. О ней сохранилось пять западных источников. Среди них – Риккардо да Сан Джермано в Италии (возможно, он был из Венгрии); Генрих Латвийский (именно он первым из латинских авторов упоминает имя татар, которое узнал от русских); Цезарий из Гайстербаха (ему не знакомы ни венгерские источники, ни *Хроника* Генриха Латвийского, но он упоминает о битве на Калке). Позже венгерский доминиканец Юлиан ссылаясь в своем послании на русского клирика у которого он взял эсхатологическую интерпретацию прихода монголов (здесь находим очень конкретные сведения о монголах). Также интересно описание пребывания русского архиепископа Петра на Первом Лионском соборе в 1245 г. Только с появлением двух последних отчетов в латинском мире стали циркулировать сведения, базировавшиеся на свидетельствах непосредственных очевидцев с более детальными и значимыми описаниями, чем во всех более ранних источниках, вместе взятых.

• **Igor Danilevskiy:** Развивая тему источников обращусь к изменениям описаний в них битвы на Калке. У нас всегда представлялся обобщенный взгляд на это событие, введенный Сергеем Соловьевым. Но на самом деле, С. Соловьев фактически слово в слово воспроизвел *Воскресенскую летопись*, а *Воскресенская летопись* в свою очередь опиралась на три разных источника: на сообщения *Лаврентьевской*, *Ипатьевской* и *Новгородской первой* летописей. Это три разных повествования, которые летописец совместил по своему усмотрению, и таким образом мы получили некий контаминированный рассказ и, соответственно, какое-то „общее” представление о битве на Калке. На самом деле, важно попытаться разделить эти рассказы и разобраться в специфике каждого из них. Опять сошлюсь на работы В. Рудакова – согласно его исследованиям это три совершенно разных об-

раза события, причем два из них (*Лаврентьевская* и *Новгородская первая летопись*) сформировались до монгольского нашествия, а один (*Ипатьевская летопись*) – после прихода монголов. Но, что интересно, во всех трех вариантах монголы представлены как положительный персонаж. Например, автор *Лаврентьевской летописи*, как написал один историк, „с особым цинизмом” радуется, что князь Василько не успел на Калку. Но такая радость для летописца вполне логична: выступать против монголов, в его понимании, было делом богопротивным. Вот тут и появляется масса вопросов: перемена взгляда существенно корректирует наше представление о том, как это события воспринимались современниками на самом деле.

• **Roman Hautala:** В латинских источниках картина восприятия монголов также меняется. Например, у Матвея Парижского кочевники изображены как „ненавистный плебс Сатаны”. Такие же оценки встречаем в других произведениях. С другой стороны, в этих образах слуг Антихриста, которые готовят его приход, авторы видят и позитивную роль. *Flagellum Dei*, то есть Бич Божий, воспринимался ими как заслуженное наказание для христиан, которые давно нуждались в таком наказании за свои грехи. После исполнения этого наказания оставшиеся в живых христиане должны изменить свой образ жизни к лучшему. Но эта картина изменилась после появления реальных сведений Иоанна де Плано Карпини и Гийома де Рубрук. Таким образом, в среде латинских источников появились две ветви. Первая – эсхатологическая, которая существовала до конца XVIII века, и вторая – реальная, с прагматическим подходом.

• **Igor Danilevskiy:** Насчет смены точки зрения в источниках. Например, в *Задонщине* есть очень интересное упоминание, связанное с убийством Мамаю. Убийцы, посланные Тохтамышем, спрашивают его: „Ты зачем ходил в землю Русскую? То тебя била Орда Залеская”. То есть, Сафоний-Рязанец идентифицирует себя с Ордой Залеской. Для него Русская земля, Залеская земля и Залеская Орда – синонимы. Вот, собственно, совсем другая точка зрения.

• **Aleksey Martyniuk:** В свое время Дмитрий Лихачев отметил, что при сравнении отношения западноевропейских и русских источников видно, что последние как-бы испытывали некую „резистентность”, закрытость к восточным реалиям. Кам вам видится эта проблематика?

• **Igor Danilevskiy:** Если говорить о летописцах, то у них просто была другая задача, и они, судя по всему, не обращали на это внимания. Но здесь всплывает другой вопрос: понимали ли они в какой мир попали? Речь не идет о традициях или обрядах, а о принципиальных взглядах на политическое устройство и на законодательную систему. Потому что многие вещи, которые кажутся нам странными,

на самом деле находят очень простые объяснения. Приведу пример с восстанием против переписи в Новгороде в 1257 г. Как мы знаем, восстание продолжалось полтора года и в конечном итоге было подавлено силами Александра Ярославича. Конечно, речь идет о налогах. Но на эти события нужно смотреть в контексте налоговой системы монголов. Разве до этого дани не было? Поэтому уместно задать вопрос – зачем вообще проводилась эта перепись? Рашид ад-Дин довольно подробно описал этот момент. Он привел указ хана Менгу. В нем говорилось следующее: „Поскольку насилие и вымогательство все увеличивались и земледельцы, особенно страдавшие от множества причитавшихся сборов, повинностей и поборов, дошли до того, что урожая хлебов у них не хватало на удовлетворение половины причитавшихся сборов, – Менгу приказал, чтобы простые люди из купцов, владельцев промыслов и ремесленников своим подручным оказывали снисхождение и уделяли им из своих благ, и чтобы всякий безотлагательно уплачивал причитающийся с него с суммы сделки денежный сбор, пропорционально количеству и достатку”. Исключения делались для лиц, освобожденных от обязанностей и повинностей по ярлыкам Чингиз-хана и каана Угедея. Далее идет подробный перечень представителей всех конфессий и сословий, которые входят в состав Великой монгольской империи, и категорий населения, не способных к труду и занятиям. В указе требовалось, чтобы не брали взяток, чтобы писцы были объективными, чтобы действовал прогрессивный налог: в китайских областях и в Мавераннахре богатый должен был давать десять динаров, а бедный – один динар, в Хорасане богатый – семь динаров, а бедный – один динар; у кого будет сто голов скота, должен дать одну голову, а те, у кого было меньше ста голов, – ничего не должны давать. В конце концов говорилось о недоимках, уплаты которых хан велел не требовать от населения. Можно, казалось бы, только позавидовать прогрессивности указа. Но почему тогда восстали новгородцы? Я думаю, что их волновало в первую очередь то, что к ним приедут переписчики, а это как раз тот самый эсхатологический контекст. Александра Ярославовича (Невского) несколько раз сравнивали с царем Давидом. Известно, что царь Давид в свое время решил провести перепись населения. Ему в свою очередь от Господа было передано, что не надо этого делать, но он все равно провел эту перепись, которую современники и потомки считали богопротивным делом. За это ему Господь предложил выбрать одно из трех наказаний: нашествие иноплеменников, мор или неурожай и голод. В свою очередь, новгородский летописец написал о проведении переписи – и тут же поместил информацию о том, что ударили ранние морозы, которые он считал расплатой за перепись. Далее в летописи говорится, что Господь сжалился, и морозы отступили. Но сама перепись все равно была делом богопротивным. Таким образом, новгородцы выступали не против новой системы налогообложения, а против самой переписи как таковой. Еще один пример. Черниговский князь Михаил Всеволодович, которого в Орде не заставляли принимать чужую веру, а просто предложили пройти обряд очищения (который, кстати, без проблем

совершили и Иоанн де Плано Карпини, и Даниил Романович – который даже выпил кумыс и был наречен монголами своим, – и которые и дальше оставались христианами). Так что, если мы посмотрим на проблемы под этим углом, это даст некий поворот в наших представлениях о изучаемых событиях.

• **Roman Hautala:** Комментарий по Рашид ад-Дину. Его информация о налоговых делах, без сомнения, достоверна, но она касается более Персии, чем Новгорода, так что мы не знаем так ли было на самом деле в Новгороде.

• **Igor Danilevskiy:** Судя по всему, да. Но, согласно *Первой новгородской летописи*, монголы не переписывали игуменов, монахов, попов, клирошан, что вполне соответствует данным Рашид ад-Дина. Это можно считать косвенным подтверждением моего предположения.

• **Aleksey Martyniuk:** Каждый историк имеет свой „любимый” источник, книгу, цитату и т. д. Вот что, по Вашему мнению, наиболее ярко освещает специфику русско-татарских отношений?

• **Roman Hautala:** Собственно, об этом я уже говорил. Меня всегда интересовали вопросы конфессионального характера, в частности их отображение в латинских источниках. Например, в отчетах Иоанна де Плано Карпини и Ц. де Бридиа о поездке к монголам уже четко обозначены границы Европы (на основании границ распространения христианства, главным образом, католичества); и подчеркивается, что далее на восток лежат земли под властью монголов. То есть с появлением монголов появляется четкое обозначение границ Европы. Так же Гийом де Рубрук спустя 8 лет пережил культурный шок в связи с попаданием в незнакомый ему монгольский мир. Но после путешествий Карпини и Рубрука этот мир стал знакомым. Изучая латинские источники, созданные клириками, понимаешь, что главным их недостатком является почти полное отсутствие нерелигиозной информации. Поэтому известия о повседневной жизни, которые попали в эти источники, очень ценны. В качестве примера приведу послание францисканца Пасхалия из Виттории, который описал свое путешествие через Авиньон, Ассизи, Венецию и Тану в Сарай. Известно, что Пасхалий остался в Сарае на полтора года, чтобы выучить кипчацкий язык. Тем не менее, в своем произведении он ничего не говорит о самом Сарае и его повседневной жизни, или о своих братьях. Он говорит только о себе и о том, как он стремится к мученичеству. После Сарая путь Пасхалия лежал далее на Восток, где он проповедовал сарацинам: он попал, скорее всего, в Ургенч, где выступал в мечети и говорил всякие гадости о Мухаммеде, доказывая правоту Св. Троицы. Пасхалий пишет, что ему пытались вырвать бороду, пробовали подкупить, предлагая девиц и лошадей, но он не поддавался искушениям. В то же время он ни слова не пишет о самом городе. В свою очередь

купцы, такие как Марко Поло, в отличие от клириков, сообщали очень интересную информацию о повседневной жизни на Востоке, но проблема в том, что не все из них описали свои путешествия.

• **Igor Danilevskiy:** По поводу Марко Поло. В современной науке существует мнение, что он вообще никуда не ездил, а информацию получил от своего сокамерника. И в продолжение вопроса о резне, которую устроил Узбек в улусе Джучи в контексте исламизации. Так вот, здесь появляется интересная проблема: что было главной причиной этой резни – политика или религия? Существует любопытное и уникальное произведение *Чингиз Наме* – сложная рукопись, сохранившаяся в едином списке, причем позднем. В нем находим единственное упоминание о том, что Узбек провел реформу, в ходе которой он отстранил всех Чингизидов от управления и физически уничтожил их (указано от 20 до 120 казненных представителей рода), передав управление местной аристократии. При этом произошли изменения и в самой структуре государства – оно делилось не на 23 улуса, как было ранее, а на 70 туменов, каждый из которых возглавлял эмир-темник. Эти темники, в свою очередь, подчинялись четырем улус-бекам или карачи-бекам, причем эти карачи-беки были свояками Узбека. В этом контексте вспомним, что гурганом, то есть зятем Узбека (а это вторая ступенька после Чингизидов) был московский князь Юрий. Таким образом, он тоже вписывался в эту новую систему. Тогда несколько по-иному выглядит то, что происходит в первой половине XIV века на Руси. Тогда яснее становится то противостояние, которое проявилось в Куликовской битве между Дмитрием Ивановичем и Мамаем. Мамай был эмиром-темником, а Дмитрий Иванович, если принять такую гипотезу, – в статусе улус-бека. То есть, он стоял на порядок выше Мамае: на второй ступеньке социальной иерархии после Чингизидов. Поэтому реплика летописца, что *князь* Мамай „разгордѣвся, мнѣвъ себе аки царя“, и выступил против *великого князя* Дмитрия Ивановича, приобретает новую окраску. Великокняжеский статус Дмитрия Ивановича хорошо вписывалась в монгольскую систему. Это достаточно любопытный разворот, а на него как-то до сих пор не обращали внимания. Конечно, приведенный источник сложный, спорный и поздний, но его информацию нельзя сбрасывать со счетов. И если поискать в нужном направлении то, вполне вероятно, можно найти еще какие-то новые источники по этой тематике.

• **Aleksey Martyniuk:** Вы затронули тему слабо исследованных источников. В связи с этим вопрос: каковы перспективы находки, изучения и ввода в научный оборот новых, еще не известных, документов?

• **Roman Nautala:** Ответу с точки зрения монгольских и татарских источников. Труд Утемиша-хаджи существует в двух вариантах. Второй список был найден только недавно и будет издан в ближайшее время. При Институте Мар-

джани в Казани работает Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. Усманова, который как раз занимается изданием новой литературы, введением в научный оборот новых источников. Конечно, большой акцент делается на синхронные источники. Сейчас, например, переводится *Каландар-наме* – это уникальное теологическое произведение, включающее более 800 страниц, написанное в Солхате во времена ханов Узбека и Джанибека. Там есть важные исторические сведения, которые постепенно вводятся в научный оборот. В прямом переводе с персидского нуждаются произведения Джувейни и Кашани. В свою очередь переводы ориентальных источников Владимира Тизенгаузена уже давно устарели, и их нужно пересмотреть, потому что там есть масса ошибок. Такая же проблема с латинскими источниками. Но самое важное – не хватает кадров, чтобы заниматься этими проблемами. Вероятно, нужно заново издать отчет Карпини, ведь в издании Александра Малеева также много ошибок. Отдельно стоит упомянуть перспективы изучения торговой документации, которая на первый взгляд выглядит нудной, но, тем не менее, дает очень интересные сведения о повседневной жизни.

• **Igor Danilevskiy:** По поводу летописей. Здесь ведется работа Алексеем Кошелевым по переизданию и дополнению серии *ПСРА*. Вступительные статьи Бориса Клосса существенно уточняют наши представления о генеалогии списков летописей. Что касается Рашид ад-Дина, то он был переведен еще в 40–60-х гг. XX века и, безусловно, требует нового издания. С другой стороны, появился новый перевод *Сокровенного сказания*, опубликован ряд работ, которые позволяют по-новому посмотреть на этот источник (в частности, исследователей, которые по несколько лет жили в Монголии и изучали традиции и культуру монголов, что позволяет комментировать массу непонятных для нас моментов из *Сокровенного сказания*). Очень хорошо, что за последнее время мы вырвались из „летописного плена“, то есть перестали смотреть на прошлое только с летописной точки зрения. Ведь летопись – не всегда единственно верный источник. Ярким примером является описание разорения Рязани монголами в *Лаврентьевской летописи*. Оно слово в слово повторяет *Повесть временных лет*, описывающую поход Игоря на Константинополь – текст, который, в свою очередь, является контаминацией фрагментов *Жития Василия Великого* и *Хроники Георгия Амартола*. Конечно, определенный прорыв в этом направлении есть. Уже появляются работы, в которых авторы начинают сводить все доступные и известные источники, как восточные, так и западные. Из последних таких работ можно выделить книгу Алексея Карпова *Батый* в серии *Жизнь замечательных людей*. Эта работа, кстати, рассчитана на широкий круг читателей. Она является хорошей попыткой увести нас от так называемого „пушкинского эпиграфа“, будто монголы побоялись идти дальше на Запад и оставить у себя в тылу такой могучий народ как русские. У нас как-то не принято писать о битве на р. Шайо, о битве под Легницей, о том, что монголы не дошли до Вены всего 8 км. А это уже совершенно другой взгляд на ордынское нашествие. Мы должны писать также о причинах возвращения монголов назад,

противостоянии правящей монгольской элиты между собой, политических играх в Каракоруме, конфликте Батыя с Гуюком, интригах Мунке, ярлыках русским князьям и т.п. Еще один пример – теперь уже из художественной литературы – повесть Бориса Акунина *Звездуха*, в центре которой представлено ордынское завоевание глазами монгольского темника. Согласитесь, очень интересный поворот сюжета и совершенно новый взгляд на тему.

• **Borys Cherkas:** Вопросы к Игорю Данилевскому. Разве до монголов на Руси не существовало собственных переписей или какой-то статистики для обложения данью? Вы считаете, что сопротивление на Руси монгольской переписи было главным образом из-за религиозных убеждений?

• **Igor Danilevskiy:** Судя по всему, да. Что касается переписей, то ничего кроме глухих упоминаний, о том, что Ольга установила „уроки и погосты“, а также о том, что поляне платили дань хазарам „от дыма“, у нас нет. Поэтому, судя по всему, никакие переписи на Руси не проводились. Видимо, дань была фиксированной, и ее надо было просто присылать. Таким образом, перепись как таковая, скорее всего, действительно проводилась впервые.

• **Roman Hautala:** Еще по поводу налогообложения в контексте монгольских источников. Еще при жизни Бату-хана из Каракорума прибыл Аргун-ака с мандатом провести перепись населения Закавказья и Персии. Но сначала он прибыл к Бату за разрешением проведения таковой акции. В описании его поездки отмечается, что по дороге на Кавказ его агенты переписывали все имущество, скот и т. д. Мы можем сопоставить эти сведения с информацией о переписи в Новгороде и прийти к выводу, что речь шла не о подушной переписи, а о введении налога на имущество, оценивавшегося в этой переписи.

• **Igor Danilevskiy:** Да, в первую очередь собирались данные о возможностях налогоплательщиков, где четко указывалось, сколько налогов нужно платить со стада скота или другого имущества и т. д.

• **Borys Cherkas:** Вопрос к Роману Хаутале. Какие перспективы открывает перед нами сопоставление уже известных и новооткрытых источников?

• **Roman Hautala:** Что касается перспективы сопоставления источников. Например, францисканские источники от 1323 г. упоминают о крещении какого-то *Rex* – короля, царя, но не императора. Долгое время существовала проблема идентификации этого *Rex*. Как раз, используя сопоставление разных францисканских и персидских источников, я пришел к выводу, что речь идет, скорее всего, о младшем брате Тохты, Кутукане.

• **Vladyslav Gulevych:** Еще раз хочу возвратиться к источникам. Надо откровенно сказать, что проблема современной историографии не только в том, что новые источники не вводятся в научный оборот, но и в том, что некоторые исследователи не знают даже старых источников. Например, еще в XIX веке были изданы громадные архивы Генуи и Венеции, в которых находится огромное количество документов по истории Крыма. Но современные исследователи на них обращают очень мало внимания. Так что перспективы изучения русско-монгольских и русско-татарских отношений на самом деле огромные.

• **Igor Danilevskiy:** Есть еще одна группа источников, о которой мы вообще, кроме рассказов и пересказов, не знаем ничего – это китайские хроники.

• **Oleksii Komar:** Вопрос к Игорю Данилевскому. Как Вы относитесь к употреблению терминов „Орда”, „ордынцы” и т. д.?

• **Igor Danilevskiy:** Термины „монголо-татары”, „монголы”, „татары” на мой взгляд хуже термина „Орда” и „ордынцы”. Первые два из указанных терминов рожают ненужные рассуждения о том, где собственно монголы, а где немонголы. Название „татары” мы встречаем в источниках, но оно тоже не отражает объективных реалий. По моему мнению, термин „Орда” более нейтральный и включает большой кочевой конгломерат, куда, кстати, позже входят и русские земли, – но это уже улус Джучи и совсем другая тема.

• **Oleksii Komar:** Вопрос к Роману Хаутале. Археологи находят половецкие языческие погребения с монетами ханов Узбека и Джанибека, но в источниках половцы перестают упоминаться уже в начале XIV века. Как можно понять их полное исчезновение из письменных источников?

• **Roman Hautala:** Единственный источник, который может пролить свет на эту проблему, это *Codex Cumanicus*, который состоит из двух частей. Первая, так называемая *Книга переводчика*, была составлена, около 1295 г. в Кафе. В ней язык местных кочевников называется *lingua cumanica*, что свидетельствует о том, что половцы в конце XIII века еще существовали. Вторая часть создана примерно в середине XIV века, и там уже присутствует обозначение *tatar til* (татарский язык). Таким образом, первая половина XIV века – это переломный момент, может быть, связанный с эпидемией чумы, когда в письменных источниках половцы исчезли и остались только татары. Конечно, это сложный вопрос, и конкретного ответа на него пока нет.

• **Aleksey Martyniuk:** Благодарю всех участников за очень интересную дискуссию.

CHAPTER III
LITERATURE
REVISED

Jarosław Dudek, *Chazarowie. Polityka, kultura religia. VII–XI w.*, Warszawa: PWN, 2016, 504 s.

Autor omawianej rozprawy, Jarosław Dudek, jest profesorem nadzwyczajnym w Instytucie Historii Uniwersytetu Zielonogórskiego. Do sfery jego zainteresowań należą przede wszystkim Cesarstwo Bizantyjskie oraz jego kontakty z ludami Europy Środkowo-Wschodniej i Azji, a także historia Półwyspu Bałkańskiego pod panowaniem bizantyjskim. Oprócz omawianej książki, J. Dudek jest autorem publikacji *Pęknięte zwierciadło: kryzys i odbudowa wizerunku władcy bizantyjskiego od 1056 roku do ok. 1095 roku* (Zielona Góra, 2009) a także redaktorem szeregu prac zbiorowych.

Po wstępie, poświęconym przedstawieniu aktualnego stanu badań na temat Chazarów, autor przechodzi do pierwszego rozdziału, gdzie opisuje warunki geograficzne, specyfikę klimatu ziem opisywanych jako Chazaria oraz historię tego regionu wraz z zamieszkującymi ją ludami do VII wieku. W rozdziale tym omówione zostaje także wyodrębnienie się etnosu chazarskiego z grupy ludów tureckich. Rozdział drugi przedstawia powstanie państwa chazarskiego i kluczowe dla niego walki z Bułgarami (Protobułgarami) oraz przebieg pierwszych kontaktów chazarsko-bizantyjskich na przełomie VII i VIII wieku. Następny, trzeci, rozdział zawiera omówienie trwających wiele stuleci walk Chazarów ze światem muzułmańskim: najpierw z Umajjadami a następnie z Abbasydami. Autor przedstawia rolę państwa chazarskiego, która w pewnych okresach była zbliżona do roli państwa Franków, stanowiącego zaporę dla islamu na zachodzie. Rozdział czwarty jest analizą życia handlowego państwa chazarskiego oraz przebiegających przez nie ważnych szlaków handlowych: Jedwabnego i Srebrnego. Oprócz tego autor stara się na podstawie skąpych przekazów źródłowych i archeologicznych przedstawić obraz stolicy Chazarów, miasta Itil, którego wciąż nie udało się zlokalizować. W rozdziale piątym rozpatrywane są kwestie związane z organizacją państwa chazarskiego ze szczególnym uwzględnieniem tytułu *kagana*. Opisane zostają także możliwe drogi przejścia tego tytułu przez Rusów i inne ludy. Szósty rozdział pracy jest poświęcony mozaice religijnej w państwie chazarskim. Omówione tu zostają rodzime wierzenia szamanistyczne Chazarów, okoliczności przyjęcia przez elity państwa judaizmu, przenikanie chrześcijaństwa i rosnące wpływy islamu w państwie kagana. W ostatnim, siódmym, rozdziale publikacji autor przedstawia dzieje kaganatu chazarskiego w X wieku i jego stopniowe osłabienie, spowodowane w dużej mierze napływem nowych ludów stepowych: Węgrów, Pieczyngów i Oguzów. Ta część pracy informuje także, w jaki sposób walczyli do upadku państwa chazarskiego przyczynili się Rusowie i książę Światosław Igorewicz oraz pokrótce przedstawia dzieje Chazarów w następnych stuleciach. Książkę zamykają listy władców Hunów, Bułgarów i Chazarów

Aleksander Paroń, *Pieczynowie. Koczownicy w krajobrazie politycznym i kulturowym średniowiecznej Europy*, Wrocław: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2015, 520 s. [Олександр Паронь, *Печеніги. Кочівники на політичному і культурному фоні середньовічної Європи*, Вроцлав: Інститут археології і етнології Польської Академії Наук, 2015, 520 с.]

Книга вроцлавського історика Олександра Пароня присвячена історії печенігів, одного з євразійських кочових народів, які заселяли степи Північного Причорномор'я в ранньому середньовіччі. Автор слушно відзначає, що хоча печеніги, на відміну від гунів, хазарів чи монголів, не створили великої імперії, однак залишили важливий слід в історії Русі, Угорщини і Балкан в X–XI століттях. Виходячи з цього, дослідник поставив собі за завдання максимально повно відтворити історію печенігів від моменту їх появи в степах Поволжя до повного занепаду на рубежі XI і XII століть.

У вступній частині праці О. Паронь охарактеризував письмові й археологічні джерела, а також стан наукового дослідження проблеми. В першому розділі автор описав природні та кліматичні умови причорноморських і прикаспійських степів, тобто основний ареал проживання печенігів. У другому розділі подано нарис етнічних і політичних відносин у причорноморських і прикаспійських степах до кінця IX століття з концентрацією основної уваги на номадах іранського походження, готах і турецьких кочівниках. Наступні частини книги присвячені конкретно печенігам. У третьому розділі автор дослідив початки печенігів, їх етногенез, перебування в степах Поволжя, війни з кочовими утрами та переселення в північнопричорноморські степи. У четвертому розділі охарактеризовано соціальну і політичну структуру печенізького суспільства, його господарський і військовий розвиток, етнічну самоідентифікацію. П'ятий розділ присвячений політичній історії печенігів у період їх найбільшої могутності. В ньому описано кордони і внутрішній устрій „нової Печенігії”, політичні контакти з сусідами до 945 р., союз із Візантією в 945–972 рр. У шостому розділі автор поставив собі за мету відтворити період занепаду впливу печенігів у північнопричорноморських степах. Окрему увагу він звернув на відносини печенігів з Руссю в 972–1036 рр., стосунки з Візантією та переселення кочівників на Балкани. У сьомому розділі описано останній період в історії печенігів і їх перебування на території сусідніх зі степом держав: у Візантії (1047–1091 рр.), в монархії Арпадів та на Русі. Окремо актуалізовано проблему можливого перебування печенігів на території держави П'ястів.

Монографія включає в себе також висновки, бібліографію, карти, резюме, іменний і географічний покажчики.

Віталій Нагірний

Федор Успенский, Анна Литвина, *Русские имена половцев. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики*, отв. ред. Ю. В. Каргалицкий, Москва: Полимеда, 2013, 280 с. [Федір Успенський, Анна Літвіна, *Руські імена половців. Міждинастичні контакти через призму антропоніміки*, відп. ред. Ю. В. Каргицький, Москва: Полімедіа, 2013, 280 с.]

У сучасній історичній науці спеціальні праці, присвячені кочівникам північночорноморських степів у середні віки, а також їх контактам з Руссю, з'являються надзвичайно зрідка. З огляду на таку ситуацію, поява нової монографії московських істориків Федіра Успенського та Анни Літвіної стала важливою подією в науковому житті. Вона присвячена такій маловивченій проблемі, як антропологічний аспект у русько-половецьких відносинах, у першу чергу проникненню „руських” імен у половецьке середовище і історії їх функціонування в половецької еліти.

Монографія поділена на два основні розділи. Перший має назву *Загальний погляд на культурну ситуацію русько-половецьких контактів* (с. 9–90). У ньому автори сконцентрувалися на таких проблемах: шлюбні контакти половців з Рюриковичами; відображення „половецького фактора” на сторінках *Повісті Минулх Літ* та літописів XII–XIII століть; характеристика неписьмових джерел до історії відносин половців з Руссю; склад і специфіка християнського іменослова в половців; династичні функції християнських імен у Рюриковичів; визначення кола половецької еліти яка користувалася „руськими” іменами; русько-половецька родова двоіменність.

Основну частину праці становить її другий розділ під назвою *Імена та їх власники* (с. 91–247), в якому авторам вдалося виділити й охарактеризувати приклади використання половцями низки „руських” імен: Георгій (Юрій), Данило, Роман, Гліб, Ярополок, Василій, Давид.

Завершальну частину монографії складають підсумки дослідження, представлені у формі короткого розділу під назвою *Ритм і характер русько-половецьких контактів за матримоніальними та ономастичними даними (замість закінчення)* (с. 248–268), список використаних джерел і літератури (с. 267–277) та резюме англійською мовою (с. 278 – 279).

Віталій Нагірний

Степан Темушев, *Налого и дань в Древней Руси*, Минск: Белорусский государственный университет, 2015, 278 с., [Stiepan Temuszew, *Podatki i danina w średniowiecznej Rusi*, Mińsk: Białoruski Państwowy Uniwersytet, 2015, 278 s.]

W 2015 r. w Mińsku, nakładem wydawnictwa Białoruskiego Uniwersytetu Państwowego ukazała się praca Stiepana Temuszewa poświęcona systemowi danin na Rusi. Autor skupił się, zgodnie z własnymi zainteresowaniami naukowymi, na okresie powstawania państwowości ruskiej, usiłując ukazać rolę systemu fiskalnego dla tego procesu politycznego począwszy od czasów plemiennych.

W pierwszej części S. Temuszew opracował stan badań tematu, na co w sporej mierze składają się klasyczne opracowania takich historyków jak Borys Griekow czy Borys Rybakow. Dalej omówił dostępne źródła, wśród których szczególnie ciekawy jest podrozdział poświęcony ikonografii – miniaturom z *Latopisu Radziwiłłowskiego*, przedstawiającym akt składania danin.

Kolejna część pracy dotyczy czasów przed powstaniem państwa Rurykowiczów. Białoruski uczoney omówił w niej dane mówiące o zakresie władzy ówczesnych wodzów oraz związane z tym początki systemu danin, co wiąże się z rozwojem społeczeństwa klasowego. Model ruski porównał też z tym, który wykształcił się u Słowian Zachodnich.

Dalsze fragmenty książki dotyczą początków państwa kijowskiego. S. Temuszew skupił się na zależności lokalnych organizmów plemiennych od Kijowa oraz ich roli w systemie fiskalnym. Obszerny fragment dotyczy szczególnego rodzaju podatku, jakim było „poludie” (*полюдье*). Autor wskazał na różnicę pomiędzy nim i „danią” (*дань*), a także porównał je z norweską „wiejclą” zwracając uwagę na liczne podobieństwa łączące w tym okresie oba państwa.

Książka zawiera także informacje na temat grup obciążonych podatkami oraz tych, które były z nich finansowane. Jeden z podrozdziałów dotyczy roli systemu dziesiętnego w systemie świadczeń. Miński historyk spróbował także wyjaśnić, w kontekście tematyki pracy, przyczyny rozbitcia dzielnicowego Rusi.

Nieco miejsca autor przeznaczył na omówienie wątków związanych z Mongołami. Opisał początek systemu „danin-kontrybucji”, pobieranych przez Złotą Ordę, zwróciwszy uwagę na konieczność wprowadzenia pewnych zmian związanych z podporządkowaniem Mongołom ziem stale zasiedlonych. Autor korzystał ze źródeł ruskich, relacji zachodnich podróżników oraz jarłyków chanów. Jako główne cele polityki Ordy wskazał właśnie pobór danin oraz ułatwienie marszu w kierunku zachodnim. Według niego początkowo urzędnicy mongolscy, zajmujący się ich realizacją, byli nie tyle przedstawicielami chana Złotej Ordy, co wielkiego chana. Sytuacja ta uległa zmianie w miarę uniezależniania się poszczególnych państw mongolskich.

Ostatnie rozdziały publikacji dotyczą peryferii Rusi: kontaktów i konfrontacji z Litwą oraz danin jaćwieskich dla władców halicko-wołyńskich. Wątek mongolski jest kontynuowany na łamach zakończenia, w którym S. Temuszew opisał rozwój polityczny księstw północno-wschodnich, Litwy oraz Nowogrodu.

Arkadiusz Siwko

Богдан Томенчук, *Галич і Мала Галицька земля XII–XIII ст.: Історична топографія городищ*, Івано-Франківськ: Симфонія форте, 2016, 596 с. [Bogdan Tomenczuk, *Halicz i Mała Ziemia Halicka XII–XIII w. Topografia historyczna grodzisk*, Iwano-Frankiwnsk: Symfonia forte, 2016, 596 s.]

W 2016 r. w Iwano-Frankiwsku na Ukrainie okazała się drukiem monografia miejscowego archeologa, Bogdana Tomenczuka, poświęcona topografii historycznej grodów i grodzisk ziemi halickiej w XII–XIII wieku. Praca ta jest wynikiem ponad czterdziestoletnich badań terenowych B. Tomenczuka na obszarze byłej ziemi halickiej. Autor zbudował swoją rozprawę zarówno na danych archeologicznych jak i źródłach pisanych. Głównym celem pracy było pokazanie procesu powstawania miast i grodów w ziemi halickiej, a szczególnie na terenie halicko-bukowińskiego Podkarpacia, zwanego Małą Ziemią Halicką.

Monografia podzielona na dwie części, z których każda obejmuje dwa rozdziały. Część pierwsza dotyczy stolicy księstwa halickiego i jej najbliższej okolicy. W pierwszym z rozdziałów, zatytułowanym *Dawny Halicz w dziejach latopisarskich* (s. 21–76), autor podał krótki zarys dziejów Halicza od VIII wieku do roku 1785. Drugi rozdział natomiast jest bardziej rozbudowany i nosi nazwę *Topografia historyczna książęcego Halicza* (s. 77–190). Przeanalizowano w nim w bardzo szczegółowy sposób topografię historyczną stolicy księstwa halickiego, zarówno jej centralnej części (dzieciniec), jak i części rzemieślniczej (posad) oraz przedmieść.

Druga część pracy omawia topografię historyczną Małej Ziemi Halickiej. W rozdziale trzecim – *Dawne państwowotwórcze i miastotwórcze procesy na terenie halicko-bukowińskiego Podkarpacia* (s. 191–234) – podana została ogólna charakterystyka rozwoju historycznego tego regionu w okresie od początku naszej ery do połowy XIV wieku. W ostatnim, czwartym rozdziale pt. *Topografia historyczna i fortyfikacje grodzisk Małej Ziemi Halickiej* (s. 235–338) autor zamieścił opis grodzisk z terenu halicko-bukowińskiego Podkarpacia oraz zaproponował własną klasyfikację omawianych obiektów.

Pracę zamykają *Podsumowanie* (s. 339–356), *Wykaz źródeł i literatury* (s. 357–405), *Aneksy* (s. 407–594, 190 rysunków i map).

Vitaliy Nagirnyy

Dariusz Dąbrowski, *Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w.*, Kraków: Avalon, 2016, 412 s. [Даріуш Домбровський, *Король Русі Данило Романович. Про руську князівську родину, суспільство та культуру в XIII ст.*, Краків: Авалон, 2016, 412 с.]

Результатом кількалітньої наполегливої дослідницької роботи професора з м. Торунь Даріуша Домбровського стала поява другого тому комплексного біографічного нарису, присвяченого першому королю Русі Данилові Романовичу. У цьому виданні історик вирішив оминати політичні сюжети з життя володаря, відображені в першій частині серії, натомість зосередитися на окресленні родинного середовища, впливу оточення „близьких”, „чужих”, вихованні, релігійності, фізичного стану руського князя. Попри популярність особи Данила Романовича в наукових колах від XIX століття, частину питань Д. Домбровський розглянув уперше.

Монографія автора складається з трьох частин. У першій з них під назвою *Вступ* (с. 9–18) вчений характеризував структуру книги, пояснив у чому унікальність *Галицько-Волинської хроніки*, як базового в даному випадку джерела, відзначив, що з різних причин до твору не потрапили окремі важливі сюжети: двір володаря, культурне середовище і місця проживання князя, внутрішні поділи держави Романовичів, функціонування органів управління (дружина, урядники, віче тощо), механізми здійснення політики, армія, війна, церковна організація держави Романовичів, фундаційна та господарська діяльність князя тощо.

Друга частина монографії під назвою *Данило і суспільство* складається з шести підрозділів. У першому з них – *Вступні уваги* вчений пояснив Читачеві важливість вивчення еліт, що оточували того чи іншого володаря, впливали на нього і специфічність їхньої індивідуалізації на прикладі *Галицько-Волинської хроніки*. В другому підрозділі *Перше коло: родина* (с. 28–203) науковець змалював родинну належність Данила Романовича „за мечем” і „кужелем” не тільки в середовищі Рюриковичів, а й на тлі зв’язків із сусідніми близькими і дещо віддаленими в географічному сенсі династіями – П’ястами (с. 31), Арпадами (с. 33), володарями скандинавського світу, німецьких земель (с. 34–35) тощо. Особлива роль у цій частині книги відведена особі батька – князя Романа Мстиславовича та матері – представниці, за словами історика, „візантійсько-балканських політично-культурних кіл” (с. 58).

Підкреслюючи, що Данило Романович був не першою дитиною свого батька (с. 70–71), Д. Домбровський наводить розлогий огляд (с. 71–84) проблеми кількості дітей, народжених у попередньому шлюбі Романа Мстиславовича. Час приходу на світ молодого князя вчений, слідом за російським колегою

Олександром Майоровим, схильний датувати *terminus ante quem* 11 грудня 1201 р. (с. 92–93). Поза всяким сумнівом Данило був старшим братом Василька – останнього з народжених від Романа Мстиславовича дітей. Кількість заручин і шлюбів князя Данила Д. Домбровський справедливо вивів зі знаменитого наміру короля Андрія II видати за старшого Романовича свою доньку Марію (с. 109–111). Втім законних шлюбів князя історик навів лише два – з донькою князя Мстислава Мстиславовича Анною (с. 115–132) та не відомою за іменем донькою литовського князя Довспрунка, брата Міндовга (с. 134–137). Абсолютна більшість дітей народилися від першого шлюбу (щонайменше 10 осіб), хоча значна частина з них, мабуть, померла ще у віці немовлят. Порівняно з іншими руськими володарями XI–XIII ст. – це одні з найбільших показників (с. 212–213). Дорослі ж сини активно долучалися як до військових, так і дипломатичних справ батька.

Серед родичів Данила Романовича, пам'ять про яких тривалий час зберігалася при дворі князів, автор назвав угорських королів Андрія II та Белу IV (с. 173–175), цілий ряд малопольських, мазовецьких, сілезьких Пястів (с. 176, 178, 182), німецьких маркграфів Шварцбург-Бланкенбург (с. 177), волинських володарів (с. 185–186, 189) та інших. Дуже тісний „родинний світ”, створений до певної міри старшим Романовичем, продовжував активно функціонувати й після його смерті, що добре видно наприкінці XIII століття при поминанні та вшануванні душ померлих князів цієї родини. На думку вченого, відбулася своєрідна сакралізація пам'яті про предків.

Наступна частина праці названа *Данило як особистість* (с. 204–291). У ній відтворено особисті риси князя, стан його здоров'я, виховання, ерудицію, релігійні почуття тощо. Постійна участь князя у війнах, походах сформувала його міцним та позбавленим будь-яких фізичних вад, як зауважив сучасник Данила Романовича. Його ім'я вперше появилось в середовищі Рюриковичів, що було впливом матері грецького походження. Цим впливом пояснюється і поява інших грецьких імен дітей короля Русі – Іраклій та Лев. Виховання та процес становлення Данила мав проходити під пильним контролем і впливом найвірнішої знаті, часто – іноземного походження. Автор справедливо підкреслив виразний вплив на молодого князя угорського двору із його етнічною різноманітністю та поліконфесійністю (с. 236–249). Історик наголосив на ознайомленні князя не тільки з біблійними текстами, а й деякими пам'ятками античної літератури, що у вигляді парафраз потрапили в сюжет *Галицько-Волинської хроніки*.

Володіння князем Данилом кількома мовами неодноразово читається „між рядками” й прямим текстом під час перемовин з різними іноземцями. Так, він мусів послуговуватися угорською, адже виростав при дворі Арпадів (с. 260), з мазовецьким князем Конрадом спілкувався польською, так само як і з іншими Пястами влітку 1253 р. під час походу під Опаву (с. 259). Таких випадків чимало. Як відмічає Д. Домбровський, Данило Романович був грамотним і володів письмом,

але вчений не схильний вважати короля Русі особливо релігійною людиною (с. 279–291).

У підрозділі *Еліти* (с. 292–327) історик змодельював картину впливу на Данила Романовича представників світської і церковної знаті, серед іншого – боярства Галицької й Волинської земель, митрополита Кирила, єпископів тощо. Натомість у частині *Коло третє: люди, з якими ситуативно контактував Данило* (с. 328–346) відображено цілу групу осіб різного походження (від римських пап до представників нижчих верств населення), часто не занотованих поіменно, котрі, втім знали про руського володаря, листувалися з ним, мали приватні зустрічі або ж стикалися на полі бою. Перелік таких – значний, а тому тематично не випадково завершився заключною частиною другого розділу *Підсумки (оточення і вороги)* (с. 347–348).

Останній, третій розділ *Смерть Данила* (с. 349–358) пропонує Читачеві доволі чітку, за висновками автора, дату смерті короля Русі – весна 1264 р. (с. 355). Розлогіий список джерел і літератури, вказівник імен та чорно-білі ілюстрації в тексті книги додатково підкреслюють „щастя Данила Романовича”¹, пам’ять про якого за останні роки ушанували черговим виданням спеціальної монографії, сподіваємося – не останньої.

Мирослав Волощук

¹ В. Александрович, „Щастя” короля Данила Романовича. *Dąbrowski Dariusz. Daniel Romanowicz król Rus (ok. 1205–1264). Biografia polityczna (Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy. – T. 1).* – Kraków: Avalon, 2012. – 538 s., „Княжа доба”, 9, 2015, с. 311–353.

Роман Хаутала, *От „Давида, царя Индии” до „ненавистного плебса Сатаны”*. *Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах*, Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015, 496 с. (Серия: *Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage*, вып. 2) [Roman Hautala, *Od „Dawida, cesarza Indii” do „nienawisnego plebsu szatana”. Antologia wczesnych łacińskojęzycznych wiadomości o Tataro-Mongolach*, Kazań: Instytut Historii im. Sz. Mardżani AN RT, 2015, 496 s. (Seria: *Jazma Miras. Piśmiennicze dziedzictwo. Textual Heritage*, t. 2)]

Autor publikacji, Roman Hautala, jest pracownikiem naukowym Instytutu Historii im. Szigabutdina Mardżani Akademii Nauk Tatarstanu w Kazaniu (Rosja), a także czynnym badaczem związanym z Instytutem Historii Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu w Oulu (Finlandia). W polu jego zainteresowań naukowych znajdują się średniowieczne kontakty świata kultury zachodniej z Mongołami (Tatarami). Świadczy o tym kilkadziesiąt publikacji tego autora, głównie w języku rosyjskim i angielskim. Wśród nich ważne miejsce zajmują edycje źródłowe dokumentów odnoszących się do problematyki mongolskiej (tatarskiej). Przykładem może być praca na temat jarłyku chana Uzbeka dla franciszkanów z 1314 r. wraz z łacińskim tekstem, jego przekładem na język rosyjski i komentarzem, która ukazała się drukiem w 2014 r., a więc równo 700 lat po wystawieniu owego interesującego dokumentu przez wspomnianego tu władcę Złotej Ordy. Warte uwagi są również inne publikacje tegoż autora.

Prezentowana w tytule książka została wdana w ramach projektu pod nazwą *Jazma Miras. Pisemne Dziedzictwo. Textual Heritage* (*Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage*), którego celem jest publikowanie oryginalnych tekstów źródłowych i ich przekładów na język rosyjski, odnoszących się do historii Złotej Ordy.

Pracę poprzedza krótkie słowo wstępne redaktora naukowego projektu – Ilnura Mirgalieiewa. Dalej, już w zasadniczej części pracy, autorstwa Romana Hautali, znaleźć można dwa obszernie rozdziały, z których pierwszy daje czytelnikowi możliwość zapoznania się z prezentowaną w publikacji problematyką, gdy chodzi o źródła i literaturę przedmiotu, zawiera ponadto wprowadzenie, odnoszące się do ekspansji mongolskiej na Bliski Wschód, stosunków Węgier z Kumanami (Połowcami) i inwazji Mongołów na kraje europejskie. W rozdziale drugim swojej antologii, rosyjski badacz zamieścił aż 91 fragmentów różnego rodzaju źródeł: kronik, roczników, relacji, dokumentów. Zdecydował się przy tym na ich wydanie zarówno w języku łacińskim, jak i w rosyjskim przekładzie. Każdy z przytoczonych przekazów poprzedzony został krótkim regestem w języku ojczystym autora, a także informacją o edycjach źródłowych, odnoszących się do publikowanego niżej tekstu, jak również przypisami, znajdującymi się pod każdym z tłumaczeń. Końcowa część książki zawiera wykaz literatury, osobno – rosyjskiej i ukraińskiej, a osobno – europejskiej i amerykańskiej, jak również dwa indeksy nazw

osobowych i geograficznych: cyryliczny i łaciński. Całość dopełnia twarda oprawa i sztywne kartki, pozwalające czytelnikowi otwierać książkę bez specjalnych obaw, że może ją uszkodzić.

Wartym odnotowania, choć nie zawsze zrozumiałym dla czytelnika, jest układ, w jakim Roman Hautala zaprezentował zgromadzony przez siebie materiał źródłowy, obejmujący czasową od 1216–1223/1224 do 1286–1291 r. Najwcześniejsza wzmianka, zaczerpnięta z kroniki Jakuba z Vitry, a dotycząca stepowego plemienia Kumanów (Połowców), w odróżnieniu od pozostałych, została przypisana do podrozdziału pierwszego, noszącego tytuł *Wspomnienia o mongolskiej ekspansji w komunikatach z Bliskiego Wschodu*, jednak bez odniesienia do konkretnego nagłówka. Kolejne zapiski we wspomnianym tu pierwszym podrozdziale są już zgrupowane pod nagłówkami, noszącymi kolejno nazwy: *Wiadomości o podbojach „cesarza Dawida”, Świadcstwa o pierwszych kontaktach Mongołów z Gruzinami, Świadcstwa o bitwie nad Kałką, otrzymane z królestwa Węgier i Rusi, Świadcstwa o ponownym najeździe mongolskim na Zakaukazie*. W podrozdziale drugim, noszącym tytuł *Świadcstwa o wzajemnych stosunkach królestwa Węgier i Kumanów*, znaleźć można dwa nagłówki, otwierające poszczególne zapiski źródłowe: *Przed pojawieniem się teutońskich rycerzy w Siedmiogrodzie (1211–1225), Świadcstwa obejmujące kręgi bliższej i dalszej działalności eparchii kumańskiej*. Co ciekawe, podrozdział trzeci, noszący tytuł *Świadcstwa o wyprawie Mongołów na Zachód*, nie został zaopatrzony w żaden nagłówek, choć ewidentnie owe świadcstwa są różnej proveniencji i wydawać by się mogło, że ich prezentacja powinna być bardziej dokładna. Należy przy tym zauważyć, iż treść nagłówków niekoniecznie jest adekwatna do faktycznego stanu rzeczy. Przykładem tutaj mogą być zapiski kronikarskie i rocznikarskie zamieszczone pod nagłówkiem *Świadcstwa o bitwie nad Kałką, otrzymane z królestwa Węgier i Rusi*. Skądinąd wiadomo, że wspomniane tu świadcstwa o wydarzeniach z 1223 r. zostały zredagowane wyłącznie przez osoby pochodzące z terenu dzisiejszych Włoch, Austrii, Niemiec, Francji i Łotwy, bynajmniej nie z krajów położonych bardziej na wschód. Oczywiście wiadomości, jakie otrzymywali zachodnioeuropejscy kronikarze i annaliści mogły pochodzić od informatorów z terenów ówczesnych Węgier lub Rusi, jednak nie ma na to bezpośrednich dowodów. Niewykluczone zresztą, że osobami, które przekazywały do Włoch, Austrii, Niemiec, Francji i na Łotwę wiadomości o bitwie nad rzeką Kałką i jej skutkach, byli zachodnioeuropejscy kupcy, podróżnicy i szpiedzy, docierający w swoich wояażach daleko w głąb szeroko rozumianego Orientu.

Używając w tytule słowo „antologia”, autor skutecznie uwolnił się od obowiązku przedstawienia wszystkich wzmianek źródłowych, odnoszących się do wspomnianej tematyki, których jest oczywiście znacznie więcej. Można tu chociażby wspomnieć trzynastowieczne przekazy proveniencji polskiej czy czeskiej, a więc pochodzące z krajów, które w 1241 r. bezpośrednio dotknął niszczący najazd Mongołów pod wodzą Ordu, starszego brata Batu.

Przedstawione powyżej uwagi bynajmniej nie dyskredytują ogromu pracy, jaki włożył autor, przekazując w ręce czytelnika solidną i jakże potrzebną książkę, pozwalającą zgłębić treść średniowiecznych i pisanych w języku łacińskim źródeł, osobom, które łaciny nie znają, a operują jedynie językiem rosyjskim. Należy przy tym zauważyć, że zaproponowane przekłady łacińskich kronik, roczników, relacji i dokumentów na język ojczysty autora, nie zawsze są dosłownymi tłumaczeniami i przybierają niekiedy postać przekładów adekwatnych lub ekwiwalentnych, a nawet parafraz, co naturalnie nie umniejsza walorów poznawczych czytanych fragmentów, za to z całą pewnością pozwala lepiej zrozumieć ich treść. Poza tym czytelnik ma do dyspozycji także teksty łacińskie i – o ile tylko zna ten język – w każdej chwili może porównać obydwie wersje. Nie do przecenienia mocną stroną omawianej tu publikacji jest dostępność tak wielkiej ilości oryginalnych trzynastowiecznych przekazów historycznych w jednej pozycji książkowej. Z pewnością ułatwia to badaczom, zajmującym się tematyką mongolską (tatarską), szybkie dotarcie do interesujących zapisów źródłowych, zacerpniętych z różnych rękopisów. Te ostatnie zostały dość starannie skolacjonowane, o czym świadczy kilkaset przypisów pod tekstami łacińskimi. Na uwagę zasługują ponadto fachowe komentarze autora, zamieszczone w sąsiedztwie rosyjskich tłumaczeń, odwołujące się jednak głównie do wyników badań autorów wschodnioeuropejskich, a także zachodnioeuropejskich i amerykańskich, rzadziej historyków z terenu Europy Środkowej (Austrii, Czech i Polski). Uznanie budzą wyniki kwerendy bibliotecznej, w trakcie której autor dotarł do wielkiej ilości publikacji, które ukazały się po 1990 r., prezentujących najnowszy stan badań, gdy chodzi o problematykę ekspansji ludów stepowych na tereny Europy w XIII wieku.

Mając na uwadze powyższy stan rzeczy pozostaje wyrazić nadzieję, że omawiana tu publikacja zainteresuje nie tylko badaczy rosyjskich, ale również historyków znających tamtejszy język, a mieszkających poza granicami Rosji.

Norbert Mika

Александар Узелац, *Под сенком пса: Татари и јужнословенске земље у другој половини XIII века*, Београд: Утопија, 2015, 324 с. [Aleksandar Uzelac, *W cieniu psa. Tatarzy i ziemie południowosłowiańskie w drugiej połowie XIII wieku*, Belgrad: Utopia, 2015, 324 s.]

Autor publikacji jest absolwentem Wydziału Filozoficznego Uniwersytetu w Belgradzie, gdzie obronił pracę magisterską, a w 2013 r. uzyskał tytuł doktora. Ponadto był stypendystą Ministerstwa Edukacji Republiki Bułgarii na *Uniwersytecie* imienia św. Klemensa z Ochrydy w Sofii. Aktualnie jest pracownikiem Instytutu Historii na Uniwersytecie w Belgradzie, jak również Instytutu Historii im. Szibagutdina Mardżani Akademii Nauk Tatarstanu w Kazaniu.

Książka Aleksandara Uzelaca, nosząca dość prowokacyjny tytuł: *W cieniu psa. Tatarzy i ziemie południowosłowiańskie w drugiej połowie XIII wieku*, zawiera wszystkie elementy charakteryzujące klasyczną pracę naukową, w tym przedmowę, wstęp, siedem rozdziałów, podsumowanie, wykaz literatury, streszczenie w języku angielskim oraz indeks nazw osobowych i geograficznych, nie licząc trzydziestu jeden kolorowych ilustracji. Całość dopełnia krótka notka o autorze, a na tylnej stronie okładki – fragment recenzji naukowej nieznanego autorstwa. W tym miejscu należy wspomnieć, że recenzentami pracy było aż trzech zasłużonych naukowców, reprezentujących różne ośrodki uniwersyteckie: Sinisza Miszić, Aleksandar Nikolow i Milosz Antonowić.

We wstępie autor zamieścił krótką analizę źródeł, z których korzystał; zaprezentował także geografie historyczną opisywanego obszaru oraz stosowaną na kartach swojego dzieła terminologię i metodologię. Rozdział pierwszy to próba przedstawienia kolejnych etapów inwazji mongolskiej na kraje Europy wschodniej i południowo-wschodniej, poczynawszy od zwycięskiej bitwy koczowników z koalicją książąt ruskich nad rzeką Kałką w 1223 r., poprzez podbój poszczególnych władztw terytorialnych między rzekami Wołgą a Bugiem i Sanem, aż do najazdu wojsk Batu-chana i jego dowódców na Polskę i Węgry w 1241 r. Z tego ostatniego kraju napastnicy wycofali się dopiero w 1242 r., niszcząc również ziemie południowosłowiańskie, w tym Serbię i Bułgarię. W rozdziale drugim autor skupił uwagę na rozległym organizmie państwowym, utworzonym przez stepowych najeźdźców, jakim była Złota Orda, która oddziałując politycznie na Bizancjum, włoskie miasta kupieckie na Krymie, a nawet egipskich Mameluków, rozciągnęła także swoje wpływy na Bułgarię. Ważnym wydarzeniem była tutaj wyprawa zbrojna Mongołów na Trację, podjęta na przełomie lat 1264/1265, która dotkliwie zniszczyła ziemie na południe od ujścia Dunaju. Zarówno w rozdziale drugim, jak i trzecim, odnoszącym się do węgierskiej polityki na Bałkanach, serbski historyk ukazał złożony charakter podnoszonej przez siebie tematyki. Starał się przy tym

udowodnić tezę o osłabieniu wpływów łacińskich w tej części Europy, wynikającym z mongolskiej presji militarnej i politycznej.

W kolejnych rozdziałach, od czwartego do siódmego, autor w sposób szczegółowy zaprezentował postać wodza mongolskiego Nogaja, który – uwalniając się stopniowo spod władzy chanów Złotej Ordy: Monge Timura, Tode Monge i Telebogi – faktycznie doprowadził do pojawienia się odrębnego ulusu. Innymi słowy stworzył własne państwo w państwie. Dostrzegłszy rosnącą pozycję Nogaja na stepach czarnomorskich, kręgi dworskie w księstwach ruskich, a także w Bizancjum i na Węgrzech starały się uzyskać zbrojne wsparcie koczowników. Opisuując kolejne wydarzenia, wspomniany historyk nie pominął żadnej ważniejszej inicjatywy politycznej, jaka pojawiła wówczas na tym obszarze. W swoich rozważaniach odniósł się między innymi do sojuszu Nogaja z Michałem III Paleologiem w 1273 r., na mocy którego nieślubna córka cesarza bizantyjskiego, Eufrozyna, została żoną niepokornego wodza mongolskiego, a ten udzielił pomocy swojemu teściowi w zmaganiach z samozwańczym carem Bułgarii, wcześniej świniopasem – Iwajłą, noszącym przezwisko Ziele (bułg. *Бзрдоква*, serb. *Kopдокyba*). Epilogiem tych wydarzeń były zmagania militarne i dyplomatyczne pod Tyrnowem w latach 1279–1280, zakończone śmiercią bułgarskiego władcy z rozkazu Nogaja, która nastąpiła w czasie uczty. Zgodnie z przyjętą przez część europejskiej historiografii nomenklaturą, autor określa najazd koczowników na Węgry z przełomu lat 1285/1286, choć nie bez zastrzeżeń, mianem „drugiej inwazji tatarskiej”. Opisuując militarną aktywność Złotej Ordy w południowo-wschodniej i środkowej Europie, serbski badacz nie uchyła się również od prezentacji wydarzeń związanych z napadem mongolskich koczowników oraz Rusinów pod wodzą Lwa Daniłowicza, w okolicie Sandomierza i Goźlic, który – jego zdaniem – doszedł do skutku zimą 1280/1281 r. Wzmiankuje również najazd chana Telebogi na tereny Małopolski, pod Sandomierz i klasztor na Łysej Górze, a także wspomnianego już Nogaja w okolicie Sącza, Krakowa i Sieradza, co nastąpiło w okresie od grudnia 1287 r. do lutego 1288 r. Sporo miejsca, czemu zresztą trudno się dziwić, serbski historyk poświęca wzajemnym stosunkom państw południowosłowiańskich. Akcentuje zwłaszcza, zawarty w 1284 r., sojusz serbsko-bułgarski. Nie był on jednak trwały. Powodem zerwania sojuszu była militarna presja ze strony Mongołów. Zmusiła ona także króla Serbii, Stefana Urosza II Milutina, do związania się na poły wasalnym układem z wodzem mongolskim Nogajem w 1294 r. Sporo miejsca w swojej pracy autor poświęca politycznemu zamieszaniu, jakie miało miejsce w Bułgarii w latach osiemdziesiątych XIII wieku. Zachęciło ono stepowych najeźdźców do podejmowania niszczących najazdów na ten kraj, a nowy car w Tyrnowie, Jerzy I Terter, najpewniej bojar kumańskiego pochodzenia, zmuszony był uznać w 1285 r. zwierzchnictwo Nogaja. Słabość władzy centralnej w Bułgarii doprowadziła do rozpadu tego państwa na kilka niezależnych organizmów politycznych. Władca jednego z nich o imieniu Szyszman, despota z Widynia, najechał nawet zbrojnie na Raszkę, stanowiącą północno-wschodnie rubieże Serbii. Należy zauważyć, iż Szyszman, podobnie jak Jerzy I Terter i Milutin, uznawał zwierzchnictwo Mongołów. Zdaniem autora

publikacji, koniec mongolskiej hegemonii na Bałkanach przyniósł dopiero nowy polityczny układ sił, jaki wyłonił się w końcu XIII wieku w wyniku militarnego porozumienia serbsko-bizantyjskiego. W tym też czasie doszło do wielkiej wojny na czarnomorskich stepach, zakończonej śmiercią Nogaja, którą wspomniany badacz datuje na 1299 r., inaczej aniżeli w literaturze przedmiotu, według której „татаринъ песь”, jak go określały źródła bułgarskie, miał zginąć w 1300 r. Cytowane tu pejoratywne określenie mongolskiego wodza posłużyło autorowi książki do sformułowania pierwszej części tytułu pracy – *Под сенком пса*. Warto dodać, iż imię Nogaj, po mongolsku *ياغون*, znaczy „pies”.

Prezentując wydarzenia historyczne, związane z kwestią mongolskiej hegemonii na Bałkanach w drugiej połowie XIII wieku, serbski historyk sięgnął po bogaty wachlarz źródeł, jak również opracowań i publikacji naukowych różnej proveniencji. Bezdyskusyjnie należy to uznać za mocną stronę jego pracy. Podobnie jak chronologiczny sposób przedstawiania faktów, pozwalający czytelnikowi lepiej zrozumieć zachodzące zjawiska. Imponujący jest przy tym geograficzny zakres podejmowanych zagadnień, wymagający od autora nie tylko znajomości wydarzeń, jakie miały miejsce w krajach południowej Słowiańszczyzny, ale również na terenie Egiptu, Bizancjum, Gruzji, Krymu, Węgier, Rusi, Litwy, Rzeszy i Polski. Rekonstruując skomplikowaną sytuację polityczną na tym obszarze, historyk stara się rozprawiać z błędnymi, w jego ocenie, poglądami wcześniejszych autorów. Przykładem tutaj może być kwestia przybycia saskich górników do Serbii. Dokonując rzetelnej analizy informacji zawartych w dostępnych przekazach, wbrew obiegowym opiniom, skłania się ku tezie, że niemiecką kolonizację w tej części Bałkanów można datować na okres poprzedzający inwazję mongolską, a więc na czasy sprzed 1241 r. Gdy chodzi o główną przyczynę rozpadu drugiego państwa bułgarskiego na mniejsze organizmy polityczne, serbski badacz zdaje się podzielać myśl części historyków południowosłowiańskich o istotnej roli elementu kumańskiego w zaistniałym kryzysie, kiedy to po bezpotomnej śmierci synów cara Iwana Asena II, na skutek walk o władzę, pozycja Bułgarii na arenie międzynarodowej została poważnie osłabiona, zaś tron w Tyrnowie ostatecznie przejął w 1280 r. Jerzy I Terter, wywodzący się najpewniej z koczowniczego plemienia Kumanów (Połowców), które w obawie przed Mongołami, jeszcze przed 1241 r. pojawiło się w tej części Europy, gdzie znalazło swoje nowe siedziby. Należy dodać, że w otoczeniu nowego cara znajdowali się ludzie z kumańskim rodowodem, a jeden z najbardziej wpływowych bojarów określany był nawet mianem Kuman. Warto również przypomnieć, iż to właśnie na początkowe lata panowania dynastii Terterowiczów przypada okres mongolskiej dominacji nad Bułgarią, wyrażającej się w niszczących najazdach wojowników Nogaja, nieustannymi ingerencjami w sprawy wewnętrzne państwa i upadkiem autorytetu władzy centralnej. Ostatnim epizodem tej dominacji było krótkotrwałe panowanie na tronie bułgarskim syna Nogaja o imieniu Czaka (1299–1300), ożenionego z nieznaną córką Jerzego I Tertera.

Można jednak zauważyć, iż opisując w miarę dokładnie zdarzenia rozgrywające się w południowo-wschodniej Europie, serbski historyk, gdy chodzi o prezentację wypadków zachodzących we wschodniej i środkowej części kontynentu, nie ustrzegł się drobnych błędów i nieścisłości. Nie zamierzając bynajmniej celowo skupiać uwagi na niedociągnięciach, należy przytoczyć jedynie kilka z nich. Dla przykładu – wspominając szczegóły inwazji mongolskiej na ziemie środkowej Europy w 1241 r., badacz ani słowem nie wspomina o niszczącym wypadzie koczowników na ziemie króla czeskiego Wacława I (północne Czechy, Morawy i Górne Łużyce), a także tereny znajdujące się pod władzą księcia austriackiego Fryderyka II Bitnego (Dolna Austria). Podaje również nieprawidłową datę najazdu Mongołów i Rusinów na wschodnie rubieże Małopolski: 1280/1281, zamiast lutego 1280 r. Stąd też – jego zdaniem – zwycięska bitwa księcia krakowskiego Leszka II Czarnego ze stepowymi koczownikami i ich sojusznikami pod Goźlicami miała miejsce dopiero 23 lutego 1281 r., nie zaś – zgodnie z prawdą – 23 lutego 1280 r. Pomija przy tym udział w tych wydarzeniach książąt ruskich, którzy wspierali najeźdźców: Jerzego Lwowicza, Włodzimierza Wołyńskiego i Mściława Łuckiego z synem Danielem. Nie precyzuje ponadto, gdy chodzi o wyprawę wojenną Mongołów na ziemie Leszka Czarnego w okresie od grudnia 1287 r. do lutego 1288 r., że również w tym przypadku stepowi napastnicy, czyli wojownicy chana Telebogi i Nogaja, byli wspomagani przez Rusinów. Dyskusyjna natomiast pozostaje sprawa daty śmierci Nogaja, którą autor – powołując się na przekazy perskiego historyka Raszida ad Dina, zmarłego w 1318 r. oraz włoskiego podróżnika Marco Polo, zmarłego w 1324 r. – określa na jesień 1299 r. Dla przypomnienia: literatura przedmiotu wspomina tutaj o 1300 r., natomiast współczesny temu wydarzeniu włoski kronikarz Ptolomeusz z Lukki (Tolomeo da Lucca), znany też jako Bartolomeo Fiadóni, który swoje dzieło *Annales* ukończył najpóźniej w 1307 r., wyraźnie pisze, że wojna między chanem Toktą a Nogajem, w czasie której zginął ten ostatni, miała miejsce w 1301 r. Autorowi omawianej tu książki znany jest przekaz Ptolomeusza z Lukki, któremu jednak z niewiadomych powodów całkowicie odmówił wiarygodności, gdy chodzi o chronologię wydarzeń.

Błędy i nieścisłości serbskiego badacza wynikają po części z faktu, że rzadko albo w ogóle nie korzystał on z literatury przedmiotu wydanej we Włoszech, Austrii, Polsce, Czechach i na Słowacji, zwłaszcza nowszej, ograniczając się do przypadkowo zebranych publikacji, bynajmniej nie najważniejszych. Problemem dla autora mogły tutaj być – co wydaje się logicznym wyjaśnieniem – obiektywne trudności w dotarciu do drukowanych tekstów we wspomnianych krajach, jak również bariera językowa. Gdy chodzi o problematykę najazdów mongolskich w XIII wieku na ziemie środkowej Europy warto wspomnieć między innymi prace takich autorów jak: Luciano Petech, Johannes Gießauf, Ulrich Schmilewski, Stanisław Kałużyński, Jerzy Maroń, Przemysław Wiszewski, Zdzisław Szambelan, Oldřich Králík, Vratislav Vaníček i Richard Marsina.

Oczywiście przytoczone wyżej drobne uwagi nie mają na celu zdyskredytować ogromny wysiłek badawczy wspomnianego tu historyka, jaki zaprezentował, dając czytelnikowi do ręki, jakże potrzebne i nowatorskie w swej tematyce oraz treści opra-

cowanie. Poruszane w jego dziele zagadnienia znane były dotąd tylko wybiórczo i fragmentarycznie. Nie zawsze też podejmujący je autorzy podawali prawdziwe informacje na ten temat. Fakt taki powodował zamęt w rzeczywistej ocenie sytuacji, jaka miała miejsce na Bałkanach na skutek hegemonii mongolskiej w drugiej połowie XIII wieku. Należy więc mieć nadzieję, że książka zostanie zauważona i doceniona w środowiskach naukowych, zajmujących się tematyką mongolską i nie tylko.

Norbert Mika

Владимир Рудаков, *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV в.*, Москва: Квадрига, 2014, 272 с. [Władimir Rudakow, *Mongoło-Tatarzy oczami staroruskich pisarzy połowy XIII – XV wieku*, Moskwa: Kwadryga, 2014, 272 s.]

Wydana w 2014 r. książka rosyjskiego badawcza Władimira Rudakowa (ur. 1972), jest wznowieniem publikacji z 2009 r., wydanej w tym samym wydawnictwie „Kwadryga”. W. Rudakow jest badaczem średniowiecznych dziejów Rusi, jego zainteresowania badawcze ogniskują wokół latopisów staroruskich i ich wizji świata.

Władimir Rudakow w swej pracy zajął się aspektem postrzegania Mongoło-Tatarów przez ówczesnych twórców staroruskiej literatury. Poprzez analizę zabytków literackich wydobyl i określił najważniejsze punkty postrzegania najeźdźców. Przeanalizował ewolucję poglądów na to zjawisko, jak również pokazał najbardziej typowe sposoby opisywania Mongoło-Tatarów. Oprócz najazdu koczowników na Ruś w połowie XIII wieku, skupił się również na tym, jak postrzegano okres zależności książąt ruskich od chanów Złotej Ordy. Osobne miejsce autor poświęcił późniejszemu okresowi wyzwania się Rusi spod panowania tatarskiego. W swej analizie zwrócił uwagę także na to, jakie cytaty z Pisma Świętego i Ojców Kościoła, jak również ze źródeł historiograficznych, były wykorzystywane przez latopisarzy do opisów omawianych zdarzeń, i jak wówczas były one rozumiane. Dzięki temu, W. Rudakow pokazał wizję ówczesnego świadka tych zdarzeń.

Książka składa się ze wstępu, dwóch głównych części, podzielonych na kilka podrozdziałów, zakończenia oraz dodatków. Dodatkami są cztery wcześniej opublikowane artykuły W. Rudakowa, krążące właśnie wokół problemów wizji Mongoło-Tatarów w ówczesnym latopisarstwie ruskim. Dodatkowo w pracy zamieszczono indeks nazwisk oraz bibliografię. Monografia wydana została w oprawie twardej i liczy 272 stron. Jest to ciekawa publikacja, pozwalająca nam prześledzić rosyjską metodologię badań źródłowych, jak również zapoznać się z wynikami najnowszych badań.

Marcin Klemenski

Борис Черкас, *Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XV ст.)*, Київ: Інститут історії України НАН України, 2014, 386 с. [Борис Черкас, *Западные владения Улуса Джучи: политическая история, территориально-административное устройство, экономика, города (XIII–XV ст.)*, Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2014, 386 с.]

Новейшая монография молодого киевского историка Бориса Черкаса посвящена истории западной части Улуса Джучи XIII–XIV веков. Работа включает вступительную часть (с. 4–7), очерк историографии проблемы (с. 8–35), критику источников (с. 35–44), а также два основных раздела – *История существования* (с. 45–236) с шестью параграфами (1.1. *Монгольские тумены в Европе 1222–1242 гг.*; 1.2. *Завоевания в Европе Джучидами 1245–1265 гг.*; 1.3. *Ногаевая война*, 1.4. *Золотой период*, 1.5. „*Великая Замятня*”, 1.6. *Токтамиш*) и *Держава* (с. 237–326) с четырьмя параграфами (2.1. *Территория* (с. 237–275); 2.2. *Власть* (с. 275–292); 2.3. *Экономика* (с. 292–312); 2.4. *Города Золотой Орды* (с. 312–326)). Венчают книгу Б. Черкаса выводы (с. 327–332), список источников и литературы в количестве 426 позиций (с. 333–362), а также именной указатель (с. 363–386).

Основная часть работы украинского автора раскрывает становление владений династии Чингизидов на востоке Европы, начиная с разведывательной кампании 1222 г., завершившейся разгромом объединенного русско-половецкого войска в битве на р. Калке в 1223 г., опустошением приграничных владений Рюриковичей и попыткой покорения Волжской Булгарии. Дальнейший масштабный за количеством участников поход формально во главе с внуком Чингисхана Бату, а фактически – с Субедеем-багатуром, по мнению Б. Черкаса, завершился включением в состав монгольских владений земель до р. Дон на западе (с. 45–89). Основная же часть земель Рюриковичей оставалась под контролем монголов, но не в составе их государства.

Монгольское влияние на политические процессы в странах Восточной Европы (Венгрия, Польша, Болгария, Сербия, Литва и др.), и в частности на Руси, поддерживалось периодическими военными кампаниями на запад. Наиболее активным в военном отношении во второй половине XIII века, по мнению Б. Черкаса, был темник Ногай (с. 113–156). Именно он при поддержке „мирников” Романовичей организовал несколько масштабных походов, усложнивших взаимоотношения Королевства Руси с западными соседями.

Проблемы внутреннего развития Улуса Джучи в XIV столетии и конфликтные ситуации между представителями рода Чингисхана спровоцировали серию придворных мятежей, повлекших за собой чехарду на ханском троне, известную

в историографии как „*Великая Замятня*” (с. 181–203). Результатом постоянного напряжения и междоусобиц стала победа литовско-русского войска в битве на Синих Водах в 1362 г. и расширение власти великого литовского князя Ольгерда до причерноморского побережья (с. 192–196). Следующим этапом кризисного для Орды периода стала война великого московского князя Дмитрия Ивановича с татарским военачальником Мамаем, завершившаяся поражением последнего в битве на Куликовом поле в 1380 г. (с. 203), и попытка подчинения западных владений Чингизидов эмиром Самарканда – Тимуром (с. 212–225).

Вторая часть работы Б. Черкаса посвящена внутреннему обустройству Улуса Джучи или, как его называет историк, Крыла Мувала. После административной реформы Чингисхана 1224 г. и успешных завоеваний середины XIII века владения его старшего сына превзошли все остальные (с. 237–238). С одной стороны это способствовало усилению независимости отдаленных от Каракорума земель, с другой – усложняло внутривластную ситуацию. „*Власть*”, о которой пишет Б. Черкас в очередном сюжете книги, переходила в наследство от одного представителя династии к другому, но и не раз была предметом жестокого противостояния. Подчиненные правители, если не уничтожались по родовому принципу (примеры см. на с. 276), считались в иерархии государства на нижней ступени власти.

Экономика величайшей за всю историю человечества страны функционировала по принципу взаимовлияния кочевого и оседлого миров, где второй должен был обеспечить всем необходимым первый. В то же время Чингизидами было решено важнейшую задачу – взятие под контроль Великого Шелкового пути, соединяющего Запад и Восток, предоставляющего возможность контроля над всеми путями и товарами в границах одной страны (с. 310–311). Важной составляющей хозяйственного развития западных владений Монгольского государства было развитие городов. Б. Черкас, опираясь на новейший археологический материал, считает, что немало городских центров в землях Рюриковичей после монгольского нашествия на Русь в середине XIII века очень быстро возродились (с. 312–313). Кроме того, в Степи начали строиться новые города – своеобразная опора ордынского влияния на данной территории.

В целом, считаем работу Бориса Черкаса своевременной и важной для исторической науки.

Мирослав Волощук

Русь „після Русі”. Між короною і булавою. Українські землі від королівства Русі до війська запорозького, авт. кол. В. М. Горобець, М. М. Волощук, А. Г. Плахонін, Б. В. Черкас, К. Б. Галушко, Харків 2016, 352 с.

В 2016 р. в рамках громадського просвітницького проекту „ЛІКБЕЗ. Історичний фронт” світ побачила колективна праця *Русь „після Русі”. Між короною і булавою. Українські землі від королівства Русі до війська запорозького*. Авторами окремих розділів стали Володимир Горобець, Мирослав Волощук, Андрій Плахонін, Борис Черкас і Кирило Галушко. Періоду раннього і класичного середньовіччя в ній відповідають перші три розділи: *Русь: від zenіту до заходу (друга половина XI – перша половина XIII ст.)* (А. Плахонін); *Децентралізація Русі* (М. Волощук); *Поширення влади Великого князівства Литовського на українські землі* (Б. Черкас). В даних розділах автори поставили перед собою мету дати відповіді на такі актуальні питання, котрі традиційна історіографія зазвичай оминає увагою, а саме: 1) коли закінчилася „Київська Русь”?; 2) коли закінчилася „Русь” і почался Україна?; 3) чи існувала „Галицько-Волинська держава”?; 4) чи „литовсько-руська доба” була періодом бездержавності?; 5) чи Річ Посполита була „польским завоюванням”? На всі ці питання автори спробували відповісти в своїх розділах.

Варто відмітити ряд найважливіших концептуальних моментів в згаданих вище текстах. Так, А. Плахонін висловив думку, що „класична Київська Русь” почала занепадати ще в першій половині XII століття, а князівські уділи до середини цього століття „дозріли” до статусу незалежних чи напівзалежних князівств із власними династіями, розгалуженою системою міст і своїм політико-адміністративним устроєм. Таким чином, автор дискутує з російською історіографією і пересуває період занепаду єдиної держави із часів монгольського нашествя на 30–50-ті рр. XII століття. Основні причини цього занепаду він вбачає у внутрішніх причинах, а не в зовнішньому завоюванні. Другим концептуальним моментом є новий підхід до оцінки „боярської республіки” в Новгороді. А. Плахонін вважає, що немає підстав надавати державному устроєві в Новгороді характеру „республіканської демократії” в сучасному розумінні цього терміну. Насправді, новгородці фактично законсервували економічний устрій Русі з перших століть її існування, коли еліта експлуатувала місцеве населення шляхом збору полюддя. Автор відстоює думку, що характер державного устрою Новгороду це не боярська республіка, а торгівельно-військова корпорація, така ж як і ті, що існували в інших частинах Русі в IX – першій половині X століття.

На увагу заслуговують і висновки М. Волощука. Зокрема, він підкреслює, що Галич належить до тих рідкісних прикладів, коли місто дало назву цілому регіону і його населенню. Автор значну увагу присвятив проблемі етнічної самоідентифі-

кації колишніх східнослов'янських племен і висловив припущення, що мешканці Галицької землі не ідентифікували себе із „Руссю”, а часто навіть протистояли їй. Згідно іншої оригінальної тези М. Волощука, утвердження володимирського князя Романа Мстиславовича в Галичі, попри те, що він вважався галичанами узурпатором, було досягнуте завдяки династичному союзу із візантійським правлячим домом та демонстрації міщанам священних реліквій, в тому числі фрагменту дерев'яного хреста, на якому був розп'ятий Ісус Христос. Ці реліквії, на думку історика, потрапили до Романа в якості посагу його другої дружини, представниці візантійської правлячої династії. Саме тому, галичани не наважилися „піддати сумніву сакральне наповнення влади князя і його легітимні права”.

Не менш цікавою є третя частина колективної праці, авторства Б. Черкаса. Дослідник звернув увагу на такі слабодосліджені проблеми як „реформи” хана Тохтамиша у 1380–1384 рр. і вплив внутрішніх процесів у татарських ханствах на руські землі.

Без сумніву, колективна книга українських істориків буде цікавою не тільки професійним історикам, але й пересічному Читачеві.

Юрій Довган

***Bitwa pod Orszą*, red. M. Nagielski, Warszawa: Neriton, 2016, 242 s.**

Bitwa pod Orszą to zbiór studiów pod redakcją Mirosława Nagielskiego, zawierający 12 artykułów polskich, ukraińskich i białoruskich historyków. W centrum uwagi wszystkich autorów znalazła się bitwa pod Orszą z 8 września 1514 r.

Struktura książki została podzielona na wstęp M. Nagielskiego i 12 artykułów naukowych autorstwa Tomasza Bohuna, Jana Tyszkiewicza, Dariusza Milewskiego, Przemysława Gawrona, Marka A. Janickiego, Hieronima Grali, Aleksandra Bołdyrewa, Aleksieja Łobina, Aliaksandra Kazakova, Wołodymyra Hucula, Olega Łatyszonka i Mirosława Nagielskiego. Czytelnik może więc mieć pewność, że materiał zebrany w tomie prezentuje wysoki poziom naukowy. Poza tym szeroki zasięg geograficzny autorów pozwala na konfrontacje różnych punktów widzenia.

Tomasz Bohun w swoim artykule omawia kwestię przyczyn, które doprowadziły do bitwy. Kładzie nacisk na tło wydarzeń, które stały się przyczyną wybuchu wojny między Moskwą a Litwą. Oleg Łatyszonek porusza ważny problem przemian etnicznych w Europie Wschodniej w czasie wojen moskiewsko-litewskich na początku XVI wieku. Stara się odnaleźć odpowiedź na pytanie: kto konkretnie walczył po obu stronach? Przemysław Gawron swój tekst poświęcił badaniom nad wojskowością europejską w dobie bitwy pod Orszą. Na przykładzie omawianej bitwy pokazuje, w jaki sposób zachodnia sztuka wojskowa wpływała na rozwój militarny państw wschodnioeuropejskich. Pod podobnym kątem bitwę orszańską bada Wołodymyr Hucul, który zwraca uwagę na wpływy zachodnie w kształtowaniu się husarii orszańskiej. Mirosław Nagielski opisuje sam przebieg bitwy pod Orszą. Przedstawienia wizerunku księcia Konstantego Ostrońskiego podjął się Dariusz Milewski. Jan Tyszkiewicz omówił pole bitwy z geograficznego punktu widzenia. Dzięki jego ustaleniom wiemy np., że walki odbywały się na wzgórzach a liczebność obu stron w bitwie nie przekraczała 20–30 tys. żołnierzy. Z artykułem J. Tyszkiewicza koresponduje rozprawa Aliaksandra Kazakova na temat lokalizacji miejsca bitwy pod Orszą. Autor wchodzi w polemikę z Aleksiejem Łobinem i wysuwa własne hipotezy na temat miejsca, gdzie odbywało się starcie wojsk litewskich i moskiewskich. Z kolei Aleksiej Łobin dokonał analizy składu i uzbrojenia wojsk moskiewskich na podstawie obrazu *Bitwa pod Orszą* nieznanego autora. Natomiast uzbrojeniem i formacjami wojskowymi Litwinów i Polaków zajął się Aleksander Bołdyrew. Przeprowadził dokładną analizę sił polsko-litewskich, zauważył pewne podobieństwa i różnice między obiema stronami konfliktu i doszedł do ważnego wniosku, że na przebieg bitwy ogromny wpływ miała artyleria. Marek A. Janicki w swojej rozprawie skupił się na ikonograficznym charakterze bitwy pod Orszą. Serię artykułów naukowych zamyka tekst Hieronima Grali, w którym opisano reakcje moskiewskiej dyplomacji na zwycięstwo Polaków i Litwinów pod Orszą.

Kamil Kaczor

Анвар Аксанов, *Казанское ханство и Московская Русь: межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования*, Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016, 288 с.

Данная монография посвящена историческому анализу межгосударственных отношений Московской Руси и Казанского ханства в период XV–XVI веков. Обращение к данной проблематике в исторической науке происходит не впервые, но автору, строго следуя в русле заявленного им герменевтического подхода, удалось в значительной степени расширить наши представления по данной теме, заполнить существовавшие лакуны в области научного знания, предложить свое видение и решение дискуссионных вопросов в сфере московско-казанского взаимодействия в обозначенный период.

Монография содержит предисловие, написанное ответственным редактором издания, кандидатом исторических наук Ильнуром Миргалиевым, а также состоит (помимо введения, заключения, списка источников и литературы) из пяти глав, охватывающих весь период межгосударственных взаимоотношений Москвы и Казани в 1440–1550-е гг., начиная с момента становления ханства и заканчивая его падением в 1552 г.

В первой главе Анвар Аксанов подробно остановился на историографии изучаемого вопроса, на его источниковой базе. Отдельно обозначены теоретические и методологические основы научной работы. Во второй главе автор освещает проблему становления московско-казанских отношений, подробно останавливаясь на таких вопросах, как образование Казанского ханства, причины, ход, последствия военных столкновений двух государств на протяжении XV века. Автор коррелирует сведения о первых ханах независимой от Орды Казани, отмечает рост влияния Казанского ханства в первые десятилетия существования, распространение его на Вятку и Пермь. Согласно данным А. Аксанова, только в 1487 г., пользуясь внутренними смутами в ханстве, Москве (в союзнничестве с Крымом) удалось утвердить на казанском престоле своего ставленника Мухаммад-Амина и, тем самым, не только укрепить свои позиции в соседнем государстве, но и подчинить вятские и другие прилегающие земли. Третья глава монографии посвящена эволюции казанско-московских отношений в период 1487–1521 гг. В это время московские государи последовательно усиливали свое влияние на Казань. Все правившие в этот период потомки основателя казанской династии Улу-Мухаммада серьезно зависели от Москвы и возводились на престол с подачи великого князя. Военный конфликт 1505–1506 гг. не привел к какому-либо изменению сложившегося *status quo*. Тем не менее, в последующие годы ситуация кардинальным образом изменилась, что и отражено автором в четвертой главе исследования, где в центре внимания оказываются вопросы, связанные с проблемами межгосударственных отношений в период правления (с короткими перерывами) ханов крымской династии в Казани (1521–1549). В 1521 г. московский ставленник Шах-Али

был свергнут, а ханский престол занял представитель крымской династии Сахиб-Гирей (позднее Сафа-Гирей). Это событие в значительной степени является поворотной точкой в московско-казанских отношениях. Оно ознаменовало собой переход к новому этапу затяжного военно-политического противостояния, проходившего в начале с переменным успехом, но закончившегося аннексией территории Казанского ханства Московским государством в 1552 г. Собственно, пятая глава книги А. Аксанова и посвящена непосредственно теме походов войск Ивана Грозного против татар и падению Казанского ханства.

Подводя итог обозрения монографии, следует отметить, что, на наш взгляд, Анвару Аксанову удалось проделать большую, скрупулезную работу в избранном направлении. С помощью методов герменевтики автору действительно удалось уточнить смысловое содержание различных источников по изучаемой проблематике, указать на их разногласие и противоречивость данных, раскрыть особенности эволюции московско-казанских отношений, факторы формирования книжных представлений о них. В книге аргументировано изложены новые подходы к данной проблеме, скорректированы малоизвестные и противоречивые исторические сюжеты. К несомненным достоинствам работы следует также отнести то, что автор после каждой главы делает краткое резюме, подытоживая изложенный в ней материал. Таким образом, исследование, предпринятое А. Аксановым, вносит новый, существенный вклад не только в исследование заявленной темы, но и является серьезной вехой в деле изучения всего позднесредневекового периода Восточной Европы.

Рустам Беγεулов

Юрый Бохан, Сцяпан Цемушаў, *Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да канца XV ст.*, Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2016, 168 с. [Jurij Bochan, Stiepan Temuszew, *Historia Białorusi od czasów najdawniejszych do końca XV w.*, Mińsk: Centrum Wydawnicze BPU, 2016, 168 s.]

W 2017 r. uczniowie białoruskich szkół podstawowych otrzymali do rąk nowy podręcznik do historii. Przeznaczone dla klas szóstych opracowanie autorstwa Jurija Bochana i Stiepana Temuszewa obejmuje dzieje ziem dzisiejszej Białorusi od czasów prehistorycznych do najazdu mongolskiego. Jego zaletą jest nie tylko zawartość merytoryczna, ale też atrakcyjna forma graficzna, w tym autorskie mapy, i interaktywność.

Podręcznik rozpoczyna krótki wstęp metodologiczny, po czym następuje część poświęcona głównie najstarszym znaleziskom archeologicznym, czasem prehistorycznym oraz starożytnym, aż do pojawienia się Słowian. Na kolejnych stronach autorzy wyjaśniają zarówno proces formowania się władzy, jak i opowiadają o zajęciach i kulturze ludności słowiańskiej.

Druga część książki obejmuje czasy od IX do połowy XIII wieku. Rozpoczyna się od omówienia procesu upadku księstw plemiennych na rzecz jednego organizmu państwowego. Jest rzeczą charakterystyczną, że autorzy skupiają się na ziemiach białoruskich i piszą o ich roli w ramach Rusi, wspominając między innymi o staraniach Włodzimierza o rękę Rognedy i zdobyciu Połocka, a także o księstwach: turowskim, smoleńskim i czernichowskim. Połockowi oraz Turowowi, a także białoruskim ziemiom w składzie innych księstw, poświęcono kilkunastonicowe podrozdziały zawierające informacje na temat grodu stołecznego, ważniejszych wydarzeń z historii politycznej oraz władców, a także systemu sprawowania władzy. Kolejny rozdział dotyczy zagrożenia zewnętrznego dla ziem białoruskich: krzyżowców oraz, w mniejszym stopniu, Mongołów. Autorzy podręcznika piszą również o grodach, gospodarce i handlu na średniowiecznej Białorusi. Sporo miejsca poświęcają rozwojowi chrześcijaństwa i związanemu z tym rozwojowi kultury. Szczególną zaletą jest duża ilość informacji na temat poszczególnych zabytków.

Każda z dwóch części podręcznika kończy się skrótowym podsumowaniem. Uzupełnienie stanowi zestaw zadań wymagających od ucznia nie tylko wykorzystania wiedzy z książki, ale też pracy z atlasem historycznym. Podręcznik zawiera też dosyć obszerny słownik najważniejszych pojęć oraz kalendarium.

Arkadiusz Siwko

Lukáš Rybár, *Širván a jeho postavenie v európskom obchode (16.–17. storočie)*, Bratislava: Katedra všeobecných dejín, 2014, 132 s. (Seria: *Acta historica Posoniensia*, vol. 26) [Лукаш Рибар, *Ширван и его статус в европейской торговле (XVI–XVII века)*, Братислава: Кафедра всемирной истории, 2014, 132 с. (Серия: *Acta historica Posoniensia*, т. 26)]

Настоящий обзор посвящен монографии Лукаша Рибара, ассистента Кафедры всемирной истории Философского факультета Университета Коменского в Братиславе, написанной на словацком языке и изданной в серии *Acta historica Posoniensia*. В центре своего исследования автор поместил Ширван, который в XVI–XVII веках был важным пунктом на азиатско-европейских торговых путях, а также его место в европейской торговле того времени.

Благодаря работе Л. Рибара, словацкий читатель имеет возможность ознакомиться с западной, российской, азербайджанской, дагестанской и другой научной литературой. Таким образом, он получает готовую подборку научных работ, найти которые самостоятельно было бы очень не просто. Исследование такой экзотической, на наш взгляд, проблематики, важно еще и потому, что даже в российской историографии роль Ширвана в международной торговле исследована очень слабо.

Обзору состояния исследования проблемы посвящен первый раздел книги. Автор, используя хронологический принцип, проанализировал всю доступную ему историографию, начиная от античных географов и этнографов, которые свои зоркие взгляды обращали и на „Кавказскую Албанию“. Далее следует описание старейших восточных источников (известные также интересной информацией о славянах), русских летописей, позднесредневековых европейских описаний путешествий, различных дипломатических источников, записок купцов, и до самых современных научных исследований. При характеристике состояния исследования проблемы автор не мог обойти вниманием и работы общего характера, поскольку они также дают интересные интерпретации и представляют историографическую ценность. Однако исследователю можно сделать небольшой упрек касательно способа их представления в сносках. Речь идет о том, что братиславский историк указал общее число страниц этих работ (что вполне обосновано для концевой библиографии), хотя, по нашему мнению, следовало бы указать конкретные страницы, на которых размещена информация об исследуемой теме.

При перечислении отдельных авторов описаний путешествий, а также составителей дипломатических отчетов появляется одна не совсем положительная черта, которая прослеживается во всей работе. Ставя средневековых авторов в один ряд с современными историками, логично было бы ожидать единого для

всех способа написания имен и фамилий. Но автор книги использует два разных подхода. В случае со средневековыми авторами он указывает их полное имя (имена), а в случае с современными – только инициал имени (отчества) и фамилию. Более логичным было бы использовать единую для всех случаев форму.

Что касается вступительной части работы, то хотим обратить внимание на еще одну деталь. В ней не хватает объяснения значения терминов, использованных в работе. В первую очередь речь идет о термине „Rusko”. В словацком языке он может обозначать как „Русь”, так и „Россию”. Поэтому считаем, что термин „Rusko” лучше было бы заменить (иногда автор его действительно заменяет) другими терминами (например „Великое княжество Московское”, „Московское государство” или „Московское царство”). Что же касается названия „Rusko”, то оно, в первую очередь, ассоциируется с названием „Россия”, и его использование для конца XIV, XV и XVI веков может вызвать определенные проблемы для понимания исторических реалий того времени. В свою очередь надо отметить, что употребление термина „Ширван” нашло в работе свое объяснение.

В противовес указанным недоработкам хотим отметить, что первый и второй разделы монографии по своим размерам и, что главное, по глубине анализа рассматриваемых проблем (торговые пути, геополитический контекст) и своей обширности, могли бы стать предметом отдельного научного исследования.

Третий раздел работы посвящен в первую очередь намерениям, планам и реализации торговых планов Английского королевства в отношении Азии. В нем представлены геополитический контекст, техника и методы навязывания контактов, подан анализ исторических документов на предмет структуры торговли, а также представлена собственная оценка результатов функционирования отдельных торговых путей.

В четвертом разделе (наиболее обширная часть) книги автор отмечает, что вопрос контроля над торговыми путями был напрямую связан с политическим и военным противостоянием основных политических субъектов в этом регионе. Основное внимание здесь уделено месту Ширвана в русско-персидской торговле в XV и XVII веках. Братиславский исследователь в хронологическом порядке подробно описал влияние объективных факторов (существование старых торговых путей), внутренних и внешнеполитических причин (экспансия Московского государства на юг, османско-персидские конфликты) и конкретных политических механизмов (дипломатические посольства и договоры) на развитие торговли Ширвана с европейскими странами. Детально показаны торговые переговоры и посольства, функции чиновников и т. д.

Интересное содержание четвертого раздела. В нем проанализированы конкретные предметы торговли (товары с Западной Европы, Руси и с Азии), описано отдельные торговые города Ширвана (Шемаха, Дербент, Ниязабад, Баку), а также ряд дипломатических и торговых миссий. Автор уделяет значительное внимание изучению характера русско-персидской торговли в Ширване, которую

считает „монопольной”. На основании анализа источников и изучения научной литературы он приходит к выводу, что торговля русских купцов находилась под полным контролем царской администрации. Этот тезис повторяется и в *Заключении*. Там же отмечено, что международную торговлю ширванских бейлербеев контролировали персидский шах и английские купцы.

Отдельные недостатки работы не влияют на высокую оценку монографии, которая представляет уникальную библиографическую позицию в словацкой историографии.

Адам Месяркин

Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы, Вып. 9, ред. А. В. Мартынюк и Г. Я. Голенченко, Минск: Издательство РИВШ, 2016, 252 с. [*Studia Historica Europae Orientalis: Studia nad dziejami Europy Wschodniej*, red. A. W. Martyniuk i G. Ja. Golenchenko, Mińsk: Wydawnictwo RIWSH, 2016, 252 s.]

Seria *Studia Historica Europae Orientalis*, wydawana przez Katedrę Historyczno-Kulturowego Dziedzictwa Białorusi Białoruskiego Uniwersytetu Państwowego w Mińsku doczekała się już dziewiątego tomu. Wydany w 2016 r. pod redakcją Aleksieja Martyniuka i Georgija Golenchenko zbiór studiów zawiera 13 artykułów naukowych i jedno sprawozdanie konferencyjne. Autorzy artykułów są związani z ośrodkami naukowymi Mińska, Lwowa, Kijowa, Krzemieńczuka, Lipska, Moskwy, Sankt-Petersburga oraz Orła. Tematy artykułów są szeroko związane z dziejami Europy Wschodniej w okresie od VIII do XVIII wieku.

Zbiór artykułów zaczyna się rozważaniami Rościśława Vatsewa na temat obcych wpływów na terenie VIII i IX-wiecznej Połabii, dalej Leontij Wojtowicz dorzucił kolejną cegielkę do rozważań nad lokalizacją plemion opisanych w *Geografie Bawarskim*. Maria Lavrenchenko napisała o metaforze ojcostwa na podstawie staroruskich latopisów.

Kolejna część artykułów związana jest już z późnym średniowieczem. Filip Padbiarozkin zastanowił się nad kwestią kontaktów książąt litewskich z Państwem Zakonu Krzyżackiego w latach 70. i 80-tych XIV wieku. Mikołaj Naumow zajął się fenomenem miejskiego obywatelstwa na przykładzie Królestwa Węgier, a szczególnie Preszburga i Ofen (dzisiejszych Bratysławy i Budapesztu) w okresie XIV i XV wieku.

Spora część artykułów powiązana jest tematycznie z Wielkim Księstwem Litewskim i potomkami Giedyminowiczów. Stanisław Kelembet skupił się na pochodzeniu książąt Kroszyńskich. Wasilij Varonin zastanowił się nad prawami do tronu wielkoksiążęcego książąt Olelkowiczów. Rodion Popel opisał system monetarny Wielkiego Księstwa, próbując odpowiedzieć na pytanie, czy ten system wpływał na polityczną autonomię części Wielkiego Księstwa. Andrej Karach przygotował tekst o systemie monetarnym Wielkiego Księstwa za rządów Aleksandra Jagiellończyka.

Ostatnia część zbioru studiów poświęcona została nowożytności. Aleksiej Lobin poświęcił uwagę wizerunkowi żołnierzy moskiewskich na słynnym renesansowym obrazie *Bitwa pod Orszą*, który znajduje się obecnie w Muzeum Narodowym w Warszawie. Aleksandr Osipian opisał spór sądowy z 1578 r. między katolickimi a ormiańskimi patrycjuszami ze Lwowa, którzy odwoływali się do swej tożsamości i przywilejów Daniela, księcia halickiego, zadając przy tym ciekawe metodologiczne pytanie o tym, jak przeszłość była wykorzystywana do bieżących spraw w XVI wieku. Oleg Nozdrin

skupił się na biografii Jana Danckaerta, holenderskiego dyplomaty, który w 1615 r. opisał Państwo Moskiewskie, i swe wrażenia z podróży do Nowogrodu i Cholmogorów. Ostatni artykuł, autorstwa Aleksandra Prudnikowa, poświęcony jest stanowi handlu zagranicznego jak i krajowego w katolickich miastach Białorusi od połowy XVII do połowy XVIII wieku.

Publikacja jest dostępna w formie druku, jak również w formie pliku PDF w Internecie.

Marcin Klemenski

Галич: Збірник наукових праць, вип. 1, ред. М. Волощук, Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2016, 208 с. [Halič: Zborník odborných prác, t. 1, red. M. Vološčuk, Ivano-Frankivsk: Lileya-NV, 2016, 208 s.]

Halič: Zborník odborných prác vzišiel z prostredia Centra medievalistických štúdií na Priкарпатській національній університеті Василя Стефаника в Івано-Франківську (Україна). Bol zostavený z iniciatívy tamajšieho popredného historika Myroslava Vološčuka a vedúceho vydavateľstva Lileya-NV, Василя Іваноючка. Jeho prvé číslo vyšlo v roku 2016 a ako už aj názov naznačuje, jedná sa o regionálne zameraný zborník. Nevenuje sa len histórii Haliča, ale má oveľa širší záber. V pravom zmysle slova sa dá považovať za interdisciplinárny so záujmom o históriu, archeológiu, umenie, architektúru, religionistiku, filológiu etc. *Halič* sa podobne neobmedzuje ani časovo, ale dáva prierezovo priestor príspevkom zo všetkých historických období. Ambíciou tvorcov zborníka je zbierať a vydávať odborné práce týkajúce sa Haliča a jeho okolia, a pritom sa neobmedzovať len na príspevky z oblasti histórie, ale poskytnúť širší priestor rôznym odborníkom, a to nielen ukrajinským. Ich cieľom je aj vydávať pramene týkajúce sa Haliča, či vôbec západnej Ukrajiny, a to najmä také, ktoré pochádzajú zo zahraničných archívov a knižníc, a teda nie sú ukrajinským čitateľom veľmi známe. Osobitnú pozornosť chcú venovať predmetom archeologickej povahy, nájdeným na území niekdajšieho Haličského kniežatstva, ktoré sa však, toho času, nachádzajú v zahraničných múzeách. Taktiež by radi priblížili čitateľom priebeh archeologického výskumu, prebiehajúceho na tomto území už od polovice 19. storočia, ako aj iné fenomény regionálnej povahy.

Recenzované prvé číslo zborníka sa vnútorne člení na štyri tematicky vymedzené časti. Prvá z nich sa venuje sakrálnym pamiatkam a stredovekým dejinám, druhá novšej a najnovšej histórii mesta, tretia prameňom a štvrtá prácam zahraničných autorov. Každá z častí sa začína vlastným vstupom, v ktorom redakcia uvádza čitateľov do problematiky. Po nich nasledujú jednotlivé príspevky. Zámer tvorcov, aby bol zborník medzinárodným, sa podaril. Okrem ukrajinských autorov sa v prvom čísle nachádza aj viacero príspevkov od zahraničných odborníkov a to z Poľska, Slovenska, Maďarska a Ruska. Zostavovatelia, aby vytvorili priestor zahraničným autorom, ale súčasne aj v čo najväčšej miere vyšli v ústrety domácim čitateľom, cudzojazyčné príspevky uverejnili v ukrajinskom preklade.

Pokiaľ ide o obdobie stredoveku, zborník obsahuje nasledovné príspevky: Bohdan Tomenčuk písal o starom Haliči v najnovších bádaniach Haličskej archeologickej expedície (s. 11–34). Myroslav Vološčuk sa zamerával na Životodarný kríž Pána Ježiša Krista v dejinách stredovekého Haliča, vychádzajúc z prác Elžbiety Dąbrowskej a Alexandra Majorova (s. 35–67). Andrii Stasiuk skúmal problematiku jedného z názvov Haliča v 14. storočí (s. 68–74). Vjačeslav Kornijenko písal o epigrafických pamiatkach

v Uspenskom chráme v Krylose a dobe ich zhotovenia (s. 75–84). Olena Vorobijova sa venovala reliéfu draka z Haliča (s. 181–195). Príspevky Leszka Bednarczuka o historických a lingvistických záhadách Haliča (s. 196–200) a Márty Font na tému Halič v dynastickej politike Arpádovcov (s. 201–207) boli výňatkami z ich starších prác, podobne, ako aj text Nataše Prochádzkovej o titulatúre haličského kráľa Kolomana (s. 208–212), ktorý bol súčasťou jej dizertačnej práce.

Prvé číslo zborníka *Halič* je, bez ohľadu na svoje úzke regionálne zameranie, hodnotnou publikáciou, ako v rámci Ukrajiny tak, aj v rámci strednej a východnej Európy. Nastavilo vysokú úroveň pre svoje ďalšie ročníky a pokračovania. Je dobrým príkladom nielen medzinárodnej, ale aj interdisciplinárnej spolupráce vedeckých pracovníkov.

Viktor Adamovič

Societas Historicorum, nr 64: *Wydanie specjalne Colloquia Russica*, Kraków 2015, 46 s.; *Societas Historicorum*, nr 69: *Wydanie specjalne Colloquia Russica*, Kraków 2016, 56 s.

Уже второй год подряд редакция студенческого квартальника *Societas Historicorum* издает специальный номер журнала, посвященный истории Восточной Европы в Средние века и Новое время. Эти выпуски появились в серии *Colloquia Russica* и включают в себя работы молодых исследователей.

Первый из этих номеров (64) вышел в 2015 г. и был представлен на VI конференции из серии *Colloquia Russica* (Краков, 26–28 ноября 2015 г.). В него вошли как отдельные студенческие тексты с V конференции CR (Словакия, Спишская капитула, 16–18 октября 2014 г.), так и работы студентов Института истории Ягеллонского университета в Кракове. Редакции удалось собрать очень интересные статьи. Большинство из них посвящено обычаям, традициям и повседневной жизни средневековой Руси. Например, Анна Мадсей-Вуйцик подняла проблему значения алкоголя во время локальных праздников и религиозных обрядов на Руси. Камиль Качор описал употребление алкогольных напитков в Московском государстве в начале XVII века в представлении Станислава Немоевского. В свою очередь Ольга Скибинская, на основании этого же произведения, характеризовала московскую кухню. Тематику употребления алкоголя продолжил Себастьян Байорек, который в своей статье представил наиболее интересные фрагменты из описания Мацеем с Мехова русских, литовских и польских обычаев, в первую очередь застолий. Своего рода дополнением этой тематики является статья Патрика Гуйды, в которой описано свадебные обычаи украинских казаков на основании сведений Гильюма ле Вассера де Боплана, французского инженера на польской службе.

Второй из указанных выпусков (69) *Societas Historicorum* включает отдельные выступления студентов и аспирантов на VI конференции CR (Польша, Краков, 26–28 ноября 2015 г.), статьи студентов и аспирантов Института истории Ягеллонского университета в Кракове и Прикарпатского университета имени Василия Стефаника в Ивано-Франковске. Среди наиболее интересных работ следует отметить тексты: Сергея Дубчака – о концепции вандалского происхождения поляков; Андрея Павлюка – о традиции создания кубков из людских черепов; Бартоша Кеца – об описании Яном Длугошем христианизации Руси; Кшиштофа Пенячака – о вооружении на Руси в IX–X веке. Отдельно следует отметить оригинальную работу Михала Бээка о „людях для мокрой работы”, то есть о наемниках на Руси на рубеже X и XI веков, а также интересный анализ *Русской Правды* на предмет наказаний за совершенные убийства, проведенный Доминикой Губ-

чик. Дополнительно выпуск включает комментарий проф. Ярослава Столицкого к статье Камиля Качора об участии украинских казаков в битве под Хотинском и интервью с проф. Мацеєм Саламоном.

Магдалена Фрончек

nformation about authores

Adamovič Viktor – PhD, Faculty of Philosophy, Comenius University (Bratislava, Slovakia). Field of interests: relations between Central and Eastern Europe in the High Middle Ages; Bohemian-Rus' relations; Central European chronicles. Important publications: *Obraz Rusi v ideológii českých kronik v ranoluxemburskom období*, [in:] *Rus' and Central Europe from the 11th to the 14th century*, ed. V. Nagirnyy and A. Meziarkin, Krakow–Bratislava 2015, s. 283–291 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 5]; *The Accursed Princes: Boleslaus I the Cruel of Bohemia and Sviatopolk the Accursed of Kiev: the Attempt of Comparison*, [in:] *Rus' and countries of the latin culture (10th–16th century). Publication from the 6th International Scientific Conference, Krakow, 26th–28th November, 2015*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2016, p. 57–63 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 6]; *Královstvo české v politike Apoštolskej stolice voči Rusi počas pontifikátov Inocenta IV. a Alexandra IV.*, [in:] *Данило Романович і його часи*, за ред. В. Нагірного і М. Волощука, Івано-Франківськ–Краків 2017, s. 159–166 [*Colloquia Russica. Series II*, vol. 3].

Beczek Michał – Institute of History, Jagiellonian University (Krakow, Poland). Field of interests: Medieval Rus' army; mercenaries in Rus'-Polish conflicts in Middle Ages. Important publications: *Polacy na Rusi w XI–XII w.: sojusznicy czy najemnicy?*, „Societas Histororum”, 64, 2015, s. 7–10; *Ludzie od „mokrej roboty”: najemnicy walecznicy na Rusi w końcu X – na początku XI wieku*, „Societas Histororum”, 69, 2016, s. 21–24; *Польсько-руські конфлікти XII ст.: тактика і методи ведення бойових дій*, „Студентські Історичні Зошити”, 7, 2016, с. 5–15.

Begeulov Rustam (Бегеулов Рустам) – PhD, Faculty of History, Karacay-Circassian State university named after U. D. Aliev (Karachaevesk, Russian Federation). Field of interests: ethno-political processes in the Caucasus in the 16th–19th centuries. Important publications: *Карачай в Кавказской войне XIX века*, Черкесск 2002; *Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории*, Карачаевск 2009.

Bürger Martin – Faculty of Philosophy, Charles University (Prague, Czech Republic). Field of interests: History of Medieval Rus' and Byzantine Empire; History of the Šumava Mountains. Important publications: edited of series *Šumava v proměnách času*.

Cherkas Borys (Черкас Борис) – Professor, Faculty of History, National Pedagogical Dragomanov University; Institute of History of Ukraine National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine). Field of interests: political and military history of Ukraine in the 14th–16th centuries. Important publications: *Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540)*, Київ 2006; *Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів XIV–XVI ст.*, Київ 2011; *Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.)*, Київ 2014.

Dąbrowski Dariusz – Professor, Institute of History and International Relations, Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland). Field of interests: Rurikids genealogy; history of Galician-Volhynian Rus'. Important publications: *Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV w.)*, Kraków 2008; *Daniel Romanowicz, król Rusi, ok. 1201–1264. Biografia polityczna*, Kraków 2013; *Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w.*, Kraków 2016.

Danilevskiy Igor (Данилевский Игорь) – Professor, Faculty of History, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russian Federation). Field of interests: Everyday life in Medieval Rus'; Medieval Rus' chronicle writing history. Important publications: *Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.)*, Москва 1998; *Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)*, Москва 2001; *Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов*, Москва 2004.

Dovgan Yurii (Довган Юрій) – PhD, Institute of History and Politology, Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ivano-Frankivsk, Ukraine). Field of interests: Ukrainian military history. Important publications: *Озброєння галицьких воїнів у XII ст.: загальна характеристика*, [in:] *Principalities in Lands of Galicia and Volhynia in International Relations in the 11th–14th Centuries, Publication after 2nd International Conference, Ivano-Frankivsk, 20th–22th October, 2011*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2012, с. 71–79; *Основи зброєзнавства і уніфікації країн світу*, Івано-Франківськ 2013.

Druga Marek – M.A. in History, Slovak Academy of Sciences (Bratislava, Slovakia). Field of interests: relations between the Hungarian kingdom and the principalities of the Galician land in the 13th century; state and monastic orders in the 11th–13th centuries; Benedictine monasteries in the 11th–13th centuries.

Fedoruk Andrii (Федорук Андрій) – PhD, Faculty of History, Political Science and International Relations, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Cher-

nivtsi, Ukraine). Field of interests: military history in Middle Ages. Important publications: *Хотинська битва 1621 року*, Чернівці 2010; *Ярославська битва 1245 року: реконструкція вирішального зіткнення у боротьбі за „галицьку спадщину”*, [in:] *Przemysł i ziemia przemyska w strefie wpływów ruskich X – połowa XIV w.*, pod red. V. Nagirnogo i T. Pudłockiego, Kraków 2013, с. 125–143 [*Colloquia Russica, Series II*, vol. 1]; „*Danielem regem Russiae et filios eius*”: військова діяльність у великих битвах періоду війни за „австрійську спадщину” 1246–1278 рр., [in:] *Данило Романович і його часи*, за ред. В. Нагірного і М. Волощука, Івано-Франківськ–Краків 2017, с. 223–248 [*Colloquia Russica. Series II*, vol. 3].

Frączek Magdalena – M.A. in Philology and Russian Culture Studies, PhD candidate in the Institute of Russian and Eastern Europe, Jagiellonian University (Krakow, Poland). Field of interests: Adam Honory Kirkor’s live and work, ethnography and the folklore of the area of the Polish-Belarusian borderland in the 19th century. Important publications: *Adam Honory Kirkor – przyczynek do stanu badań*, „Acta Albaruthenica”, 2012, 12, s. 183–197; *У истоков белорусской фольклористики: Ян Чечот*, „Славянский альманах”, 2013, с. 343–351; *Petersburskie czasopisma Adama Honornego Kirkora*, „Europa Orientalis. Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich”, 4, 2013, s. 103–120.

Glebova Daria – Viking and Medieval Norse Studies, University of Iceland (Reykjavik, Island). Field of interests: narratives between written and oral cultures; riddles; apocryphal literature; medieval texts in comparative perspective; medieval historiography; Old Norse and Old Rus’ book culture. Important publications: „*Бездна как риза*”: символическая космография в „*Беседе трех святителей*”, [in:] *Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов*, т. 25, Тарту, 2014, с. 13–22; „*Црѣковь ледана, а олтарь огнень*”: к вопросу об источниках „*Сказания Анфилога царя о святой литургии*”, [in:] *Rus’ and Central Europe from the 11th to the 14th century*, ed. V. Nagirnyy and A. Mesiarkin, Krakow–Bratislava 2015, с. 79–88 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 5].

Gołębiowska-Tobiasz Aneta – M.A. in Archeology, Faculty of Philosophy, University of West Bohemia (Plzeň, Czech Republic). Field of interests: archaeology of Turkic tribes; the Polovtsians art of stelae; the art rock and stone monuments in the North Caucasus. Important publications: *Monumental Polovtsian statues in the Eastern Europe: the archeology, conservation and protection*, London 2014; *Kontakty połowieckiej arystokracji rodowej z Rurykowiczami w świetle źródeł archeologicznych*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, s. 116–135 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 4]; *The Hungarians in the era of formation of south – western borders of the Rurik state. Notes on ethnogenesis of old Hungarians*, [in:] *Rus’ and Central Europe from the 11th to the 14th Century. Publica-*

tion from the 5th International Conference, *Spišská kapitula, 16–18th October, 2014*, eds. V. Nagirnyy and A. Mesiarkin, Krakow–Bratislava 2015, p. 37–54 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 5].

Gospodarenko Oksana (Господаренко Оксана) – PhD, Institute of History, Political Science and Law, Mykolaiv National University named after Vasyl Suchomlinsky (Mykolaiv, Ukraine). Field of interests: archaeology of the south of Ukraine; international relations in the Black Sea region in the 13th–15th centuries; Italian colonies of the Black Sea region; the history of the Golden Horde. Important publications: *Кафа і Тана в системі італійської міжнародної торгівлі XIII–XV ст.*, „Історичний архів. Наукові студії”, 2014, 13, с. 111–116; *Литовсько-ординські стосунки у 50–70-х рр. XIV ст. в контексті італійської політики Мамаєв*, [in:] *Ukraina Lithuania: студії з історії Великого князівства Литовського*, т. 3, Київ 2015, с. 21–30; *Про генезу з'ясування присутності на території Миколаївської області: історико-географічні та археологічні зауваження*, „Емінак: науковий щоквартальник”, 2015, 3(11): липень–вересень, с. 54–59.

Gulevych Vladyslav (Гулевич Владислав) – M.A. in History, PhD candidate in Ukrainian Institute of Archaeography and Source studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, (Kyiv, Ukraine). Field of interests: the history of the Crimean Khanate; the Rus' lands of the Grand Duchy of Lithuania. Important publications: *Казимир Ягайлович і Менглі Гірей: від „друзів” до ворогів*, „Український історичний журнал”, 2013, 1, с. 40–66; *Крым и „императоры Солхата” в 1400–1430 гг.: хронология правления и статус правителей*, „Золотоордынское обозрение”, 4 (6), 2014, с. 166–197; *Кримське ханство й Північне Причорномор'я в період правління Хаджи Гірея (1442–1466)*, „Український історичний журнал”, 2014, 6, с. 6–28.

Gurevich Karolina – Medieval Studies, Central European University (Budapest, Hungary). Field of interests: The Rus' chronicle 11th–13th centuries; Rus' and the Cumans contacts; genealogy of Cumans princes.

Haley-Halinski Kathryn Ania – B.A. in English Language and Literature, Viking and Medieval Norse Studies, University of Iceland; University of Oslo (Reykjavik, Iceland; Oslo, Norway). Fields of interest: the history of mentalities in Old Norse culture; contact between Scandinavian peoples and other cultures from the Bronze Age to the late Middle Ages; human/animal studies regarding the medieval period.

Hardi Đura (Гарди Дюра) – Professor, Faculty of Philosophy, University of Novi Sad (Novi Sad, Serbia). Field of interests: history of Galician-Volhynian Rus' in 12th–13th centuries; history of Drugeth family. Important publications: *Чувство за час*, Нови Сад 1991; *Наследници Кијева између краљевске круне и татарског јарма*,

студија о државно-правном положају Галичке и Галичко-Волинске кнежевине до 1264. године, Нови Сад 2002; *Drugeti, povest o usponu i padu porodice pratilaca anžujskih kraljeva*, Novi Sad 2012.

Hautala Roman (Хаутала Роман) – PhD, Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); Shigabutdin Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation). Fields of interest: Relations between medieval Europe and the Mongol Empire (13th–15th centuries). Important publications: *От „Давида, царя Индий” до „ненавистного плебса Сатаны”. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах*, Казань 2015 [Язма Мурас. Письменное Наследие. Textual Heritage, Вып. 2]; *Crusaders, Missionaries and Eurasian Nomads in the 13th–14th Centuries: A Century of Interactions*, București–Brăilei 2017 [Florilegium Magistrorum Historiae Archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi, vol. 21].

Jaros Sven – M.A. in History, Historical Institute, Leipzig University (Leipzig, Germany). Fields of interest: History of Central and Eastern Europe in the Middle Ages; Pilgrimage in the late Middle Ages. Important publications: „...sicut in libro de passione martiris potest propensius inveniri”. *Die vermeintliche Quelle und der politische Kontext der Darstellung des „Aktes von Gnesen” bei Gallus Anonymus*, „Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung”, 62, 2013, 4, s. 555–580; *Marvels and Allies in the East. India as Heterotopia of Latin Europe in the 12th Century*, „Carnival. Journal of the International Students of History Association”, 13, 2011, p. 63–73.

Kaczor Kamil – Institute of History, Jagiellonian University (Krakow, Poland). Fields of interest: Ukrainian-Polish relations at the end of 16th – in the first half of the 17th century; military history of the Ukrainian Cossacks; biography of Hetman Petro Konashevych-Sahaidachny. Important publications: *Udział Kozaków w kampanii chocimskiej w opisie Jakuba Sobieskiego*, „Societas Historicorum”, 69, 2016, s. 44–46; *Участь козаків у Хотинській кампанії 1621 року на сторінках польських щоденників (мемуарів)*, „Студентські Історичні Зошити”, 7, 2016, с. 44–56; *Військове мистецтво козаків в описі Гійома Левасера де Боплана*, „Студентські Історичні Зошити”, 9, 2017, с. 5–11.

Kamińska Monika – M.A. in Archaeology, PhD candidate, Institute of Archaeology, Jagiellonian University (Krakow, Poland). Field of interests: development of medieval cities in the Eastern Europe; early urban development of cities in Rus'; history of Old Rus' stone architecture. Important publications: *Первый этап влияния романской архитектуры в Галицкой Руси*, [in:] *Principalities in lands of Galicia and Volhynia in international relations in 11th–14th century. Publication after 2nd International Conference, Ivano-Frankivsk, 20th–22th October, 2011*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2012, с. 39–

48 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 2]; *Archeologiczne świadectwa najazdów mongolskich na miasta ruskie w XIII–XIV w.: rzeczywistość a stereotypy historiograficzne*, [in:] *Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15th–17th November 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, s. 29–37 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 3]. Монголы? Литовцы? Русские? Находки оружия монгольского типа на польских землях и их историко-культурный контекст [in:] *Rus' and Central Europe from the 11th to the 14th Century. Publication from the 5th International Conference, Spišská kapitula, 16–18th October, 2014*, eds. V. Nagirnyy and A. Mesiarkin, Krakow–Bratislava 2015, c. 225–248 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 5].

Khamaiko Natalia (Хамайко Наталя) – M.A. in Archaeology, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine). Field of interests: Old Rus' archaeology and history. Important publications: *Древнерусское „двоеверие”: происхождение, содержание и адекватность термина*, „Ruthenica”, 6, 2007, c. 86–114; *The Rus' lunula pendant from 11th–13th century: pagan amulet or Christian ornament?* [in:] *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence*, vol. 2, eds. M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin, P. Špehar, Kraków–Leipzig–Rzeszów–Warszawa 2012, p. 503–525; *Кам'яні гральні фігурки з Шестовицького городища*, „Археологія і давня історія України”, 2016, 1(18), c. 51–57.

Klemenski Marcin A. – M.A. in History, PhD candidate in the Institute of History, Jagiellonian University (Krakow, Poland). Field of interests: History of Middle Ages Silesia; the Order of Hermits of St. Augustine. Important publications: *Klasztor augustianów-eremitów w Sierakowie nad Wartą (XIV–XVI w.)*, „Nasza Przyszłość”, 122, 2014, s. 5–13; *Konwenty augustianów-eremitów na ziemiach ruskich w XIV–XV wieku*, [in:] *Rus' and countries of the latin culture (10th–16th century). Publication from the 6th International Scientific Conference, Krakow, 26th–28th November, 2015*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2016, s. 167–172 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 6]; *Albert Książę strzelecki (ok. 1300–1370/71)*, Kraków 2017.

Komar Oleksii (Комар Олексій) – PhD, Institute of Archaeology, National Academy of Science of Ukraine (Kyiv, Ukraine). Field of interests: The early medieval nomads' archaeology and history of the Eastern Europe in the 5th–10th centuries; archeology of Ancient Russia 9th–10th centuries. Important publications: *Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований*, [in:] *Археологія і давня історія України*, Вип. 7: *Мадьяри в Середньому Подніпров'ї*, Київ 2011, c. 21–78; *Киев и Правобережное Поднепровье. Чернигов и Нижнее Подесенье*, [in:] *Русь в IX–Xвеках: археологическая панорама*, Москва–Вологда 2012, c. 300–365; *Поляне и северяне*, [in:] *Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год*, Москва 2012, c. 128–191.

Königsmarková Andrea – PhD, Department of Germanic and Slavic Studies, University of West Bohemia (Plzeň, Czech Republic). Field of interests: german philology. Important publications: *Zu deutsch-tschechischen Sprachkontakten in Texten vom Mittelalter bis zur Barockzeit aus der sprachdidaktischen Sicht*, [in:] Теоретична і дидактична філологія, Переяслав-Хмельницький 2015, s. 221–236; *Grenz-Motive in der Legende der Madonna von Neukirchen und Loučim*, [in:] *Hussitismus und Grenze. Jan Hus, seine Zeit und Bezüge aus interdisziplinärer Perspektive. Zum 600. Todestag von Jan Hus*, Hamburg 2016, s. 185–204.

Kuz Anatolii (Кузь Анатолій) – PhD, Faculty of History, Political Science and International Relations, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine). Field of interests: history of the Genoese colonies of Northern Black Sea Coast in the Middle Ages; war and a society in Genoese Gazaria; history of medieval Crimea. Important publications: *Огнестрельная артиллерия в Северном Причерноморье во второй половине XIV–XV вв. (по данным письменных и археологических источников)*, „Древности–2010: Харьковский историко-археологический ежегодник”, 9, 2010, с. 69–84; *Корсиканські кондотьєри на службі в Кафі (50-ті рр. XV ст.)*, „Науковий вісник Чернівецького університету: зб. наук. праць: Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини”, 583–584, 2011, с. 91–95; *„Inventarium rerum armorum et munitioum...” (Опис військового озброєння Кафи 1474 р.)*, „Питання історії України: збірник наукових праць”, 14, 2011, с. 204–212.

Lavrenchenko Maria (Лавренченко Марія) – Shchusev Museum of Architecture; Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). Field of interests: Family history, Power and Authority in the Middle Ages, Kievan Rus', Medieval Rus', Kinship terms, Constructed kinship, Old Rus' Literature, Old Rus' chronicles. Important publications: *„Бѣти вѣтъм за один брат”. Прагматика терминів родства в діалогах Київської літописи (1146–1154)*, „Древняя Русь. Вопросы медиевистики”, 2014, 1(55); *„Приятели” русских князей (По текстам летописей за XII век)*, „Славяноведение”, 2015, 2; *Ономастические данные о двух семействах тысяцких в Великом Новгороде XIII–XIV вв.*, „Rossica Olomucensia”, 55, 2016, 2.

Liwoch Radosław – PhD, Archaeological Museum (Krakow, Poland). Field of interests: Medieval Rus' archaeology; Medieval Rus' weaponry. Important publications: *Skarby zachodnioruskie doby przedmongolskiej*, [in:] *Materiały Archeologiczne*, t. 39, Kraków 2013, s. 7–31; *Plomby typu drohiczyńskiego z Drohiczyzna nad Bugiem w krakowskim Muzeum Archeologicznym*, [in:] *Materiały Archeologiczne*, t. 40, Kraków 2015, s. 237–244; *Militaria jako ślady kontaktów między Wschodem a Zachodem Europy w średniowieczu*, [in:] *Rus' and countries of the latin culture (10th–16th century)*. Publica-

tion from the 6th International Scientific Conference, Krakow, 26th–28th November, 2015, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2016, s. 95–110 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 6].

Martyniuk Aleksey (Мартынюк Алексей) – PhD., Faculty of History, Belarusian State University (Minsk, Belarus). Field of interests: History of Eastern Europe in Middle Ages; Iconographic sources; Historical geography. Important publications: *Die Mongolen im Bild*, Hamburg 2002; *Средневековая Русь в текстах и документах*, Минск 2005; „Австрийский стол” князя Романа Даниловича, [in:] *Данило Романович і його часи*, за ред. В. Нагірного і М. Волощука, Івано-Франківськ–Краків 2017, с. 133–144 [*Colloquia Russica. Series II*, vol. 3].

Mesiarkin Adam – PhD, Faculty of Philosophy, Comenius University (Bratislava, Slovakia). Field of interests: political, cultural and social history of Early Middle Ages; origins of Slavs; early Slavonic states. Important publications: *Najazd mongolski na Ruś oczyma polskich, czeskich i węgierskich kronikarzy*, [in:] *Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15th–17th November 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, s. 38–43 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 3]; *Od kiedy Lech, Czech i Rus są braćmi?*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, s. 33–38 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 4]; *Archetyp zgromadzeń wiecowych jako łącznik wschodnich i zachodnich Słowian. Kilka uwag na marginesie przedmiotu historiografii prawa*, [in:] *Rus' and countries of the latin culture (10th–16th century). Publication from the 6th International Scientific Conference, Krakow, 26th–28th November, 2015*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2016, s. 47–56 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 6].

Mika Norbert – PhD, Center of Historical Studies (Warsaw, Poland). Field of interests: history of Middle Ages in Silesia, Poland, Bohemia, Austria, Rus'; Racibórz and Opava history; Mongols and Tatars in Silesia in Middle Ages and Early Modern period. Important publications: *Walka o spadek po Babenbergach 1246–1278*, Racibórz 2008; *Dzieje ziemi raciborskiej*, Kraków 2010, 2012; *Mieszko. Książę raciborski i pan Krakowa – dzielnicowy władca Polski (ok. 1142–1211)*, Kraków 2006, 2010, 2013.

Nagirnyy Vitaliy – PhD, Institute of History, Jagiellonian University (Krakow, Poland). Field of interests: history of medieval Rus'; international policy of Rus' duchies in 12th–13th century; daily life in medieval Rus'. Important publications: *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264*, Kraków 2011 [*Rozprawy Polskiej Akademii Umiejętności*, t. 12]; *Русско-венгерская встреча в Саноке 1205 года*, [in:] *Przemysł i ziemia przemyska w strefie wpływów ruskich X – połowa XIV w.*, pod red. V. Nagirnego i T. Pudłockiego, Kraków 2013, c. 79–86 [*Colloquia Russica. Series II*, vol. 1]; *Lietuva Haličo–Voluinės kunigaikštystės užsienio politikoje paskutiniaisiai Danieliaus Romanovičiaus valdymo metais*, [in:] *Vidurio Rytų Europa*

mūšio prie Mėlynųjų vandenų, metumokslinė redakcija V. Jankauskas ir V. Nagirnyy, Kaunas–Kraków 2013, p. 59–64 [*Colloquia Russica. Series II*, vol. 2]. Editor of *Colloquia Russica* series.

Parakhin Alexander (Парахин Александр) – Faculty of History, Belarusian State University (Minsk, Belarus). Field of interests: history of Rus', military history of the world. Important publications: *Вооружение и тактика ушкунников*, [in:] *Сборник научных работ студентов, магистрантов, аспирантов*, Вып. 16, ред. В. Шадурский, Минск 2016, с. 32–34.

Pleschyvenko Alevtyna (Плешивенко Алевтина) – PhD, Zaporizhzhya Regional Center of Cultural Heritage (Zaporizhzhya, Ukraine). Field of interests: the nomads' archaeology and history of the Northern Black Sea steppes in the 9th–10th centuries. Important publications: *Курганный могильник у с. Конские Ряздоры*, [in:] *Древности степного Причерноморья и Крыма*, Вып. 5, Запорожье 1995, с. 143–159; *Курганы села Малокатериновка*, Запорожье 1996; *Средневековые памятники у Белозерского Лимана*, [in:] *Музейний Вісник. Науково-теоретичний щорічник*, Вып. 7, Запоріжжя, 2007, с. 29–38.

Popel Radzivon (Попель Радзівон) – M.A. in History, PhD candidate in the National Institute for Higher Education (Minsk, Belarus). Field of interests: the history of Ukrainian lands in the Grand Duchy of Lithuania; the history of Eastern Europe 14th–16th centuries; the history of Christianity; numismatics. Important publications: *Привілей Жыгімонта Аўгуста Кіеву 1558 г. ў кантэксце агульнапалітычнай сітуацыі ў паўднёвых валоданнях Вялікага Княства Літоўскага*, [in:] *Соціально-гуманітарныя знанні: матэрыялы XI Респ. науч. конф.*, Минск 2014, с. 72–77; *Князь Михайлушка Жигимонтович: политическая биография*, [in:] *Alba Russia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.)*, Москва 2015, с. 102–121; *Рэгіянальная манетная чаканка Вялікага Княства Літоўскага ў сувязі з пытаннем палітычнай аўтаноміі яго земляў*, [in:] *Studia Historica Europae Orientalis*, Минск 2016, с. 129–143.

Rudyka Nataliia (Рудика Наталія) – PhD, National Center for Monument Studies under National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Association for Protection of Historical and Cultural Monuments (Kyiv, Ukraine). Field of interests: jewellery of Rus', art and the protection of heritage. Important publications: *Українське законодавство з охорони пам'яток археології (становлення і розвиток)*, Київ 2013, с. 135–142; *До уточнення атрибуції персня зі старих колекцій МІКУ „Музейні читання. Матеріали наукової конференції Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки”*, Київ 2013; *Ювелірні вироби зі скарбу 1955 р. (м. Київ) в колекції МІКУ*, [in:]

Технічний музей: історія, досвід, перспективи. Матеріали 9-ї науково-практичної конференції, Київ 2013, с. 214–221.

Rybár Lukáš – PhD, Faculty of Philosophy, Comenius University (Bratislava, Slovakia). Field of interests: The history of Transcaucasia; Iran and the Caspian region in the context of international politics. Important publications: *Dejiny Azerbajdžanu*, Bratislava 2014; *Širván a jeho postavenie v európskom obchode (16.–17. storočie)*, Bratislava 2014.

Siwko Arkadiusz – Institute of History, Jagiellonian University (Krakow, Poland). Field of interests: History of Medieval Rus; Turov Principality in 10th–14th century; Pinsk Principality in 10th–14th century. Important publications: *Władza dzielnicowa na Rusi od X do XII wieku na przykładzie księstwa turowskiego*, „Societas Historicorum”, 69, 2016, s. 25–27.

Smrž Pavel – M.A. in History, Technical University of Liberec (Liberec, Czech Republic). Field of interests: History of the Livonian Brothers of the Sword; Rus'-Livonian relations; Rus'-Hanseatic League relations; history of Novgorod and Pskov. Important publications: „Короли” и „королевства” Древней Руси, [in:] *Etnicita slovanského areálu. Historické proměny a současný stav*, edd. K. Kedron, M. Přihoda, Červený Kostelec–Praha 2011, s. 143–150; Военные конфликты Ордена меченосцев с русскими войсками в описании Хроники Ливонии Генриха Латвийского, [in:] *Rus' and Central Europe from the 11th to the 14th Century. Publication from the 5th International Conference, Spišská kapitula, 16–18th October, 2014*, eds. V. Nagirnyy and A. Mesiarkin, Krakow–Bratislava 2015, с. 173–182 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 5]; Ганзейские купцы и запрет ввоза пива в Великий Новгород и Псков во второй половине XV века, [in:] *Rus' and countries of the latin culture (10th–16th century). Publication from the 6th International Scientific Conference, Krakow, 26th–28th November, 2015*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2016, s. 215–228 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 6].

Součková Tatána – M.A. in History, Faculty of Philosophy, University of ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovakia). Field of interests: the history of the Moscow State in the late 16th – early 17th centuries. Important publications: *Konec časů smuty na Rusi*, [in:] *Sborník z Mezinárodní vědecké konference student doktorských studijních programů*, red. T. Hubálek, Olomouc 2012, s. 170–182; *Nástup dynastie Romanovců na Rusi*, [in:] *Sborník z II. mezinárodní vědecké konference student doktorských studijních programů v oblasti společenských věd*, red. T. Hubálek, Olomouc 2013, s. 289–297; *Lžidimitrij I.*, „Studia historica Brunensia”, 61, 2014, 1, s. 51–70.

Stasyuk Andriy (Стасюк Андрій) – PhD, National reserve „Davniy Halych” (Halych); Centrum Studiorum Mediaevalium of Vasył Stefanyk Precarpathian Natio-

nal University, (Ivano-Frankivsk, Ukraine). Field of interests: lands of Galicia-Volhynia in the Middle Ages; Catholic Church in Rus'; missionary activity of Catholic orders in Rus' in 13th–15th century. Important publications: *Доминиканцы и францисканцы на страницах Галицко-Волынской летописи*, [in:] *Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion 10th–16th century*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2014, с. 193–198 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 4]; *Король Юрий Львович и францисканские миссионеры в начале XIV в.* [in:] *Rus' and Central Europe from the 11th to the 14th Century. Publication from the 5th International Conference, Spišská kapitula, 16–18th October, 2014*, eds. V. Nagirnyy and A. Mesiarkin, Krakow–Bratislava 2015, с. 257–265 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 5]; *Францисканці і коронація Данила Романовича 1253 року*, [in:] *Данило Романович і його часи*, за ред. В. Нагірного і М. Волощука, Івано-Франківськ–Краків 2017, с. 167–170 [*Colloquia Russica. Series II*, vol. 3].

Sviatniuk Kostiantyn (Святнюк Костянтин) – Faculty of History, National Pedagogical Dragomanov University (Kyiv, Ukraine). Field of interests: diplomatic and trade relations of the Central-Eastern Europe countries in the 16th century.

Tsemushau Stsiapan (Цемушаў Сцяпан) – PhD, Faculty of History, Belarusian State University (Minsk, Belarus). Field of interests: political history of early Slavonic states; development of political institutions (authority, administration, tax system) among East Slavs. Important publications: *Начало Руси: генезис государственности в источниках и исторической традиции*, Минск 2008; *Образование Древнерусского государства*, Москва 2014); *Налог и дань в Древней Руси*, Минск 2015.

Uspenskiy Fedor (Успенский Фёдор) – Professor, Institute of Slavonic Studies, Russian Academy of Sciences; Higher School of Economics National Research University, Moscow (Russian Federation). Field of interests: Rurikids' names; Cumans' names; history of Scandinavian countries in the Middle Ages. Important publications: *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва 2006 (jointly with A. Litvina); *Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века*, Москва 2010 (jointly with A. Litvina); *Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики*, Москва 2013 (jointly with A. Litvina).

Valiulina Svetlana (Валиулина Светлана) – Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation. Field of interests: The medieval archeology; the history of glass; medieval craft and trade. Important publications: *Стекло Волжской Булгарии (По материалам Билярского городища)*, Казань 2005; *Средневековое исламское стекло в Восточной Европе*, [in:] *Стекло Восточной Европы с древности до начала XX в.*, отв. ред. П. Гайдуков, Москва–Санкт-Петербург 2015, с. 236–261; *Medieval Workshop of an Alchemist, Jeweller and*

Glassmaker in Bilyar (Middle Volga Region, Russian Federation), „Pamatky archeologicke“, 107, 2016, p. 237–278.

Vařeka Pavel – Professor, Faculty of Philosophy and Arts, University of West Bohemia (Plzeň, Czech Republic). Field of interests: Archeology of the Slavic dwelling in the Middle Ages and the new time. Important publications: *Archeologie zaniklých středověkých vesnic na Rokycansku II*, Plzeň 2008 (jointly with P. Rožmberský and others); *Středověká krajina na střední Úslavě I*, Plzeň 2009 (jointly with P. Rožmberský and others); *Zaniklá středověká a časně novověká vesnice Bukov na Zbirožsku (okr. Rokycany)*, „Archeologie západních Čech“, 10, 2016, č. Neuveden, s. 156–167.

Voloshchuk Myroslav (Волощук Мирослав) – Professor, Centrum Studiorum Mediaevalium, Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ivano-Frankivsk, Ukraine). Field of interests: Rus'-Hungarian, Rus'-Polish and Rus'-Czech relations in 9th–14th century; migration processes in medieval Centre-Eastern Europe. Important publications: *До питання східнослов'янського походження Петра Петуні*, „Український історичний журнал“, 2011, 3, с. 21–35; *Влияние монгольского нашествия 1239–1243 гг. на переселение жителей Руси в Венгрию: хронология, динамика, демография проблемы*, [in:] *Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15th–17th November 2012*, ed. V. Nagirnyy, Krakow 2013, с. 62–69 [*Colloquia Russica. Series I*, vol. 3]; „Русь в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції, відп. ред. Л. В. Войтович, Івано-Франківськ 2014.

Colloquia Russica. Series I, vol. 7: Rus' and the World of the Nomads
(the second half of the 9th – 16th c.). Publication from the 7th International
Scientific Conference, Plzeň, 23th–26th November, 2016,
ed. Vitaliy Nagirnyy, Krakow 2017, 521 p.

Publication co-funded by:
Rada Kół Naukowych Uniwersytetu Jagiellońskiego
Fundacja Studentów i Absolwentów Uniwersytetu Jagiellońskiego „Bratniak”
Instytut Historii Uniwersytetu Jagiellońskiego

**Instytut Historii
Uniwersytetu Jagiellońskiego
w Krakowie**

Współpraca wydawnicza:
Wydawnictwo Nowa Strona
Marcin Lubecki
www.wydawnictwonowastrona.pl

